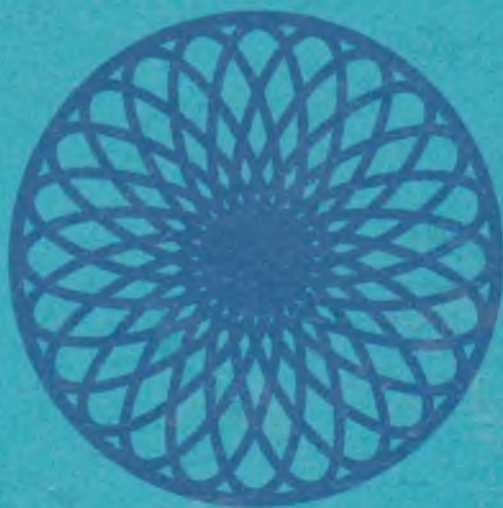

Хайдаршо Пирумшоев

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

Сборник избранных статей

*Составитель и редактор
доктор исторических наук,
профессор Саидали Мухидинов*

Душанбе
«Ирфон»
2014

ББК 63.3 (2 таджик)+74.263.1

П-49

Составитель и редактор
доктор исторических наук,
профессор Саидали Мухидинов

П-49 **Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа.** (Сборник статей)
Часть 1. – Душанбе, 2014. – 528 с.

В сборнике собраны научные статьи, доктора исторических наук, профессора Х. Пирумшоева, опубликованные в разные годы. В них освещаются различные проблемы отечественной и региональной истории и историографии. Особое место занимают работы, посвященные проблемам истории и историографии российско-среднеазиатских отношений. В статьях прослеживается предельная объективность позиции ученого к проблемам, вовлеченным в орбиту его исследования. Сборник, посвященный 70-летию ученого, предназначен специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами отечественной, и региональной истории и историографии.

ISBN 978-99947-2-562-9

© Х.Пирумшоев, 2014

ВКЛАД ПРОФЕССОРА ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Научное освещение проблем истории таджикского народа фактически началось после установления советской власти. Это и способствовало становлению отечественной историографии, которая получила особое развитие в 60-70-е годы XX века. Это прослеживается, прежде всего, в анализе состояния исторической науки Таджикистана советского периода в специальных исследованиях академика Р. Масова: «Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917-1967 гг.)»¹, «Историография Советского Таджикистана (1917-1975 гг.)»², «История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане»³ и обобщающей работе академика З.Ш. Раджабова «Наука Советского Таджикистана»⁴.

Что касается отдельных вопросов дореволюционной отечественной и региональной историографии, то следует отметить роль академика Б.А. Искандарова⁵, профессора Н.М. Акрамова⁶ и О.Б. Бокиева⁷, которые в той или иной степени освещали заслуги русских дореволюционных исследователей в изучении истории и культуры таджикского народа.

В этом плане следует отметить особое место профессора Х. Пирумшоева. В историографию Таджикистана он вошёл в 70-х гг.

¹ Масов Р. Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917-1967гг).— Душанбе: Дониш, 1974.— 125 с

² Масов Р. Историография советского Таджикистана (1917-1975гг.). — Душанбе: Дониш, 1978. — 201 с.

³ Масов Р. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.— Душанбе: Дониш, 1988.—318 с

⁴ Раджабов З.Ш. Наука Советского Таджикистана. - Душанбе, 1968; Та же работа на тадж. яз. - Душанбе, 1970.

⁵ Искандаров Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана (Отв. ред. С.А.Раджабов). — Душанбе: Дониш, 1974.

⁶ Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. — Душанбе, 1974; Он же: Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX- начало XX в.) / Отв. ред. акад. АН Тадж. Б. Искандаров. — Душанбе: Дониш, 1990. — 304 с. (В соавторстве).

⁷ Бокиев О. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей. -- Душанбе: Дониш, 1991. — 166 с.

XXв. Хотя в орбиту его научных интересов вовлечено немало проблем, охватывающих различные аспекты исторической науки, тем не менее, на наш взгляд, приоритетное направление занимают работы историографического характера. Их условно можно разделить на следующие направления: а) теоретические аспекты отдельных исторических проблем; б) историография истории российско-среднеазиатских отношений; в) выявление вклада учёных в изучении региональной и отечественной истории.

Одним из ключевых вопросов исследования автора является изучение истории российско-среднеазиатских отношений. Еще в 1974 г., будучи аспирантом кафедры истории КПСС Душанбинского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко (ныне ТГПУ им. С. Айни), в «Учёных записках» института им была опубликована статья «Историко-географические сведения о городе Бальджуане в работах русских дореволюционных авторов»¹. Опираясь на сведения русских дореволюционных авторов, как Н.А. Маев, Л.Ф. Костенко, Г.А. Арандаренко, В. И. Липский, А. Е. Снезарев, В.В. Бартольд и др.², молодой исследователь приходит к заключению о том, что, разделяя судьбу Куляба на протяжении всей средневековой истории, вплоть до конца XIX - начала XX вв., город Бальджуан, как административный центр, имел определяющее значение в политической, социально-экономической жизни Бальджуанского и Кулябского бекств.

Смелым шагом исследователя в изучении данной проблемы стала тема «Дореволюционные русские исследователи о социальной и административной жизни городов Восточной Бухары конца XIX - нач. XX вв.», которая в будущем стала основой его кандидатской диссертации. По ходу подготовки диссертационной работы им опубликован ряд важных статей, впервые освещающих заслуги русских исследователей в изучении городов края³. Ему удалось за-

¹ Пирумшоев Х. Историко-географические сведения о городе Бальджуане в работах русских дореволюционных авторов // Учёные записки каф. истории СССР ДГПИ им. Т.Г. Шевченко. – Душанбе, 1974. – Т.25. – С.72-81.

² См. подробно: Пирумшоев Х. Историко-географические сведения о городе Бальджуане в работах русских дореволюционных авторов // Учёные записки каф. истории СССР ДГПИ им. Т.Г. Шевченко. – Душанбе, 1974. – Т.25. – С.72-81.

³ Пирумшоев Х. Дореволюционные русские исследователи о социальной и административной жизни городов Восточной Бухары // Тез. докл. Тадж. респ. конф. молодых учёных и специалистов, посвящ. 60-летию Вел. Окт. Соц. Рев. – Душанбе, 1977. – С.39-50; он же: Торговля в городах Восточной Бухары конца XIX- нач. XX вв. в освещении русских дореволюционных исследователей. Там же: С.51-60.

щитить кандидатскую диссертацию в 1979 году в диссертационном Совете Института востоковедения имени Абурайхана Беруни Академии наук Узб.ССР. Уверенно вступив в ряды официально остепененных ученых, Х. Пирумшоев в 80-е годы опубликовал ряд важных работ, касающихся данной проблематики.

В 1990 году в издательстве «Дониш» Академии наук Таджикистана вышла работа под названием: «Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей»¹. В ней перу Х. Пирумшоева принадлежит третья глава «Социально-экономическая и общественно-политическая и культурная жизнь Восточной Бухары», где рассматриваются вопросы: «Население (численность и этнический состав)», «Земельные отношения», «Налоговая система», «Ремесленное производство» и «Торговля»². Изучая историю вопроса, Х. Пирумшоев отмечает, что точное определение численности населения Восточной Бухары по сей день остается одной из нерешенных проблем истории края. Вся трудность заключается в том, что до Октябрьской революции в эмирате перепись населения не проводилась. Поэтому когда речь идет об определении и численности населения Восточной Бухары, мы вынуждены довольствоваться только теми сведениями, которые оставили русские дореволюционные исследователи. Исследуя проблему Х. Пирумшоев непосредственно обращает внимание на методы и способы, которыми русские дореволюционные исследователи определили количество населения. Определение этнического состава населения Восточной Бухары, пожалуй, является задачей не менее трудной, чем определение его численности. По мнению Х. Пирумшоева, в отличие от других авторов, которые довольствовались только перечислением некоторых этнических групп или краткими и незначительными сведениями, Д.Н. Логофет давал более подробное описание жизни, обычаев почти всех вышеуказанных народностей (имеются в виду таджики, узбеки, киргизы, туркмены, тюрки, хазарейцы, иранцы, индусы и др. – С.М).

Отмечая важность и значение работ русских ученых в изучении форм феодальной земельной собственности, вместе с тем он указывает и на недостатки, имеющиеся в их исследованиях. Судя по сведениям русских авторов, особенно широкое распространение во всех бекствах Восточной Бухары получило садоводство. Касаясь вопросов налоговой системы, исследователь отмечает, что в работах русских дореволюционных исследователей имеются довольно

¹ Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX - начало XX в.) / Отв. ред. акад. АН Тадж. Б. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1990. – 304 с.

² Там же. – С.124-171.

многочисленные сведения о налоговых обложениях и взимании податей. Эти факты свидетельствуют о том, что размеры хараджа, закота и других налогов не соответствовали нормам шарията, и целиком зависели от аппетита должностных лиц. Отсутствие налогового законодательства в эмирате способствовало тому, что в каждом бекстве в зависимости от его специфических особенностей и уровня развития, кроме официальных (предусмотренных шариятом), налоги определялись и утверждались беками в зависимости от их «изворотливости»¹.

Автор также в этой работе освещает вопросы ремесленного производства и торговли в трудах русских дореволюционных исследователей и путешественников. Что касается торговли, то из имеющихся сведений в трудах русских исследователей явствует, что заметные сдвиги и развитие торговли в Восточной Бухаре начали происходить в конце 70-х гг. XIX в., после утверждения протектората России над Бухарой и ликвидации экономической и политической раздробленности края.

В 90-е годы прошлого века экономическая и социально-политическая обстановка в республике была тяжелая. Экономический хаос затронул и столицу Душанбе. Однако, несмотря на это, в 1992 году вышла монография автора «Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв.»². Монография была посвящена историографическому анализу научного наследия русских дореволюционных учёных и путешественников, где рассматривалась история и жизнь городов Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Основываясь на многочисленных сведениях, содержащихся как в опубликованных, так и в неопубликованных (путевые заметки, служебные представления, дневники, отчёты) работах, автор убедительно показывает научные заслуги первооткрывателей края Н.А. Маева, В.Ф. Ошанина, А.Э. Регеля, Б.Л. Громбчевского, В.И. Липского, А.Н. Снесарева и многих других, благодаря которым не только Россия, но и вся Европа получили сведения об этом отдалённом и труднодоступном районе Средней Азии. Согласно мнению Х. Пирумшоева, разработка данного вопроса способствовала бы не только выявлению вклада русских учёных и путешественников в этом направлении, но и полному освещению истории ряда городов Средней Азии. Это в большей

¹ Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX - начало XX в.) / Отв. ред. акад. АН Тадж. Б. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1990. – С.147.

² Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX- начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – 132 с.

степени касается городов Восточной Бухары, для изучения которых сведения русских исследователей является крайне важным¹.

Основываясь на работы русских исследователей в его работе конкретно рассматриваются города Восточной Бухары: Термез, Байсун, Денау, Кабадиан, Курган-тюбе, Гиссар, Душанбе, Калай-Хумб, Куляб, Бальджуан, Гарм. Даже некоторые учёные были склонны к тому, что эти административные объекты не были городами. Тем не менее автор в этой работе обосновывает их соответствие всем показателям позднесредневекового города – столицы независимых владений Средней Азии. Согласно сведениям русских авторов можно сделать вывод, что почти все города Восточной Бухары были похожи друг на друга, отличались только масштабами строений и местностью, на которой они располагались².

Таким образом, являясь незаменимыми источниками для изучения прошлой истории городов Восточной Бухары, сведения русских дореволюционных исследователей, позволяют увидеть, насколько феодальные отношения препятствовали развитию городов, способствовали их отсталости и одновременно ощутить те великие преобразования, которые произошли за сравнительно короткий срок после Октябрьской социалистической революции в жизни городов Средней Азии³.

В «Истории изучения восстания Восе»⁴ ученый рассматривает степень изученности социально-экономических предпосылок восстания, причины и ход восстания Восе. Особый интерес представляют проблемы датировки восстания в таджикской историографии. Востребованность данной работы заключалось в том, что в 1998 году автор, с существенным дополнением новых материалов, опубликовал данную работу на русском языке⁵.

Автором данных строк в 2003 году была опубликована статья под названием: «Вклад профессора Хайдаршо Пирумшоева в изучении истории «Восстания Восе»⁶, где всесторонне даётся оценка данной работы.

¹ Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX - начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – С.4.

² Там же. – С.99-100.

³ Там же. – С.97.

⁴ Пирумшоев Х. Таърих омузиши шуриши Восеъ – (История изучения Восстания Восе). – Душанбе: Ирфон, 1992.– 80 с. (на тадж. яз.).

⁵ Пирумшоев Х. История изучения Восе. – Душанбе: Маориф, 1998.– 140 с.

⁶ Мухиддинов С. Нақши. профессор Хайдаршо Пирумшоев дар омузиши таърихи «Шуриши Восеъ» // Таърихнигор: Мачмуабахшида ба 60-солагии д.и.т. профессор Х. Пирумшоев / Муратт. вamuхар. масъулд.и.т.проф. С.Мухиддинов. – Душанбе, 2004. – С.20-27.

В середине 90-х годов, не смотря на трудности политической, да и экономической обстановки в республике, которые не могли обходить строной и науку, Х.Пирумшоев упорно продолжал продуктивную научную деятельность. Только в 1995 году он публикует несколько статей, связанных с вопросами российско-среднеазиатских отношений. К их числу можно отнести: «К вопросу о русско-среднеазиатских связях в IX-XVII вв.»¹, «Освещение истории посольских связей между Русью и Среднеазиатскими ханствами в IX-XVII вв. в русской дореволюционной историографии»², «Русско-среднеазиатские взаимоотношения в первой четверти XIX в.»³.

В 1996 году вышла его работа «Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в.»⁴. Она посвящена историографическому анализу политики России в Средней Азии в данный период. Автор охватывает широкий круг вопросов, касающихся политических и торгово-экономических контактов с Россией, интересы среднеазиатских ханств в установлении тесных торгово-дипломатических контактов с Россией. Рассматривая историю проблемы в историографическом контексте, он отмечает, что работы дореволюционных и советских исследователей дополняют друг друга по времени и по конкретным фактам, дают сравнительно цельную картину этих взаимоотношений.

Но, к сожалению, отсутствие специального фундаментального исследования, охватывающего все периоды становления и развития этих взаимоотношений, не может остаться не замеченным. В этом отношении особо остро ощущается и отсутствие историографической работы по данной проблеме. Между тем, анализ имеющихся исследований способствовал бы не только определению степени изученности вопроса, но и выявлению недостатков в его освещении.

Как отмечает ученый, активизация внешнеполитического курса русского государства в период правления Петра I, его причины,

¹ Пирумшоев Х. К вопросу о русско-среднеазиатских связях в IX-XVII вв. // Вопросы истории Центральной Азии.: Сб. статей.- Душанбе, 1995.- С.67-85.

² Пирумшоев Х. Освещение истории посольских связей между Русью и Среднеазиатскими ханствами в IX-XVII вв. в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории Центральной Азии: Сб. статей.- Душанбе, 1995.- С.86-107.

³ Пирумшоев Х. Русско-среднеазиатские взаимоотношения в первой четверти XIX в. // Вопросы истории Центральной Азии: Сб. статей.- Душанбе, 1995.- С.156-158.

⁴ Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в. - Душанбе, 1996.- 111 с.

главные направления и основные проблемы стали объектами пристального внимания как дореволюционных, так и советских исследователей. Не случайно по степени исторической освещённости период Петра I далеко превосходит предыдущие страницы истории России. Согласно мнению автора, Пётр I с самого начала своего самостоятельного управления государством проявлял интерес к Средней Азии. Этот регион, начиная с Петра I, во внешней политике России занимает доминирующее положение и в связи с перспективной установления торгово-экономических связей с Индией и Китаем.

История русско-среднеазиатских отношений, прошедших различные испытания, в большей части положительна и поучительна. Это побудило ученого заняться комплексным историографическим изучением работ русских дореволюционных исследователей в освещении истории российско-среднеазиатских отношений XVI-середины XIX веков.

Его многолетний труд принес свои плоды. 17 октября 1996 года Х. Пирумшоев достойно защитил докторскую диссертацию в Диссертационном Совете Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан на тему: «Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX вв. в русской историографии»¹. Даная защита была знаменательна тем, что в исторической науке Таджикистана и других центрально-азиатских государств впервые проблема была комплексно изучена и введён в научный оборот огромный материал дореволюционных русских исследователей и путешественников. В диссертационной работе дана соответствующая оценка вклада и заслуг каждого из них в изучении вопроса.

В 2000 году вышла его монография под тем же названием «Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии»². Монография являлась первым фундаментальным исследованием, посвящённым комплексному историографическому изучению работ русских дореволюционных исследователей в освещении истории российско-среднеазиатских отношений XVI – середины XIX веков.

¹ Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX вв. в русской историографии: Автореф... дис. д-ра ист. наук. – Душанбе, 1996. – 51 с.; Он же: Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX вв., в русской историографии: Дис... д-ра ист. наук. – Душанбе, 1996. – 441 с.

² Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI-середины XIX веков в русской историографии. / Отв. ред. акад. АН РТ, д.и.н., проф. Б.А. Литвинский. – Душанбе: Маориф. – 338 с.

Согласно обоснованному мнению исследователя, история российско-среднеазиатских взаимоотношений берёт начало задолго до образования древнерусского государства. Эти отношения складывались, развивались и изменялись соответственно с теми переменами, которые происходили в жизни государства и народов, проживавших на бескрайних просторах России и Центральной Азии.

Комплексное изучение наследия русских исследователей не только способствует освещению картины взаимосвязей на том или ином этапе исторического развития России и Средней Азии, но и даёт возможность ощутить те перемены, которые происходили в характере этих отношений. Ярким свидетельством тому является описание перемен, происходивших в истории этих взаимоотношений. Всесторонний анализ трудов русских исследователей, сопоставление приводимых ими фактов, суждений и выводов по основным вопросам в сопоставлении с многочисленными источниками позволили Х. Пирумшоеву не только по достоинству выявить вклад и оценить их заслуги, но и существенно углубить и расширить рамки научного освещения истории российско-среднеазиатских взаимоотношений.

Таким образом, в исторической науке республики он утверждается как историограф данной проблематики. Продолжая исследование по изучению вклада русских дореволюционных авторов в изучении Средней Азии, он публикует ряд статей, касающихся различных вопросов русско-среднеазиатских взаимоотношений.

В 1998 году вышел сборник статей под названием «Россия в исторических судьбах таджикского народа»¹. В данный тематический сборник вошли проблемные статьи, в которых их авторы рассматривают многие пока малоизученные или забытые страницы истории взаимоотношений таджиков и русских с древнейших времён до наших дней. В этот сборник вошли четыре статьи профессора Х. Пирумшоева: «К истории русско-среднеазиатских отношений в средние века», «Российско-бухарские отношения в XVIII веке», «Горный Бадахшан и русский Памирский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков», «Дарвазское шахство до присоединения к Бухарскому эмирату (в русской историографии)». Они посвящены вопросам взаимоотношений этих государственных образований, исторической преемственности отношений между Россией и среднеазиатскими государствами, экономической и культурно-просветительной роли русского Памирского пограничного отряда и социально-экономическому положению Дарвазского шахства.

Таким образом, его работы по содержанию охвата важнейших

¹ Россия в исторических судьбах таджикского народа: Сб. статей /Отв. ред. акад. Р. Масов. – Душанбе, 1998. – 156 с.

материалов и их обобщению на основе трудов русских дореволюционных исследователей занимают особое место в историографии Таджикистана.

Немаловажное значение в работах историографа занимает анализ и выявление вклада учёных в изучении региональной и отечественной истории. Выявить, проанализировать, понять, оценить вклад учёных – дело не каждого исследователя. В этом плане Х.Пирумшоеву принадлежит заслуга посвятить книги, научные и научно-популярные статьи известным советским и современным учёным, имеющим определённый вклад в изучении Центральной Азии, особенно истории таджикского народа. Его книги и статьи посвященные академикам В.В. Бартольд, А.А. Семёнову, Б.Г. Гафурову, Б.И. Искандарову, Б.А. Литвинскому, З.Р. Раджабову, Н.Н. Негматову, А.М. Мухтарову, Р.М. Масову, профессорам М.Э. Эркаеву, М.Н. Назаршоеву, О.М. Маджлисову, М.Р. Шукурову, М.М. Лунину, Н.М. Акрамову, Г.Х. Хайдарову, Ш.М. Султанову, М.Б. Бабаханову, М.Х. Маликову и др. известны широкому кругу читателей.

В данном случае мы остановимся лишь на некоторых статьях Х. Пирумшоева, посвященных учёным, причастным к изучению истории таджикского народа.

Среди представителей, которые стояли у истоков русской ориенталистики, особняком в этой череде русских ученых выделяется имя В.В. Бартольда, посвятившего свою жизнь служению востоковедению. По мнению Х. Пирумшоева «В.В. Бартольд без преувеличения был и остается самой величественной фигурой в мировой ориенталистике. Хотя чрезвычайно широк диапазон его интересов и охватывает почти весь Восток, но по его же признанию он оставался «преимущественно историком Средней Азии».

Академику В.В. Бартольд Х. Пирумшоев посвятил три статьи: «Академик Бартольд – историограф истории таджикского народа»¹, «Академик В.В. Бартольд – историограф истории народов Средней Азии»², «Вклад В.В. Бартольда в научном изучении истории таджикского народа»³.

¹ Пирумшоев Х. Академик Бартольд В.В.– историограф истории таджикского народа // Очерки истории, теории культуры таджикского народа.– Душанбе, 2010.– С.59-70.

² Пирумшоев Х. Академик В.В. Бартольд– историограф истории народов Средней Азии // Научное наследие В.В. Бартольда и современная историческая наука. Матер.респ. науч. конф.– Душанбе, 2009 г. – Душанбе: РТСУ. 2010.– С.12-24.

³ Пирумшоев Х. Вклад В.В. Бартольда в научном изучении истории таджикского народа // Нақши В.В.Бартольд дар омӯзиши таърихи халқи тоҷик.– Душанбе: ДДОТ им.С.Айни, 2010.– С.7-20.

В статье «Вклад академика В.В. Бартольда в изучении научной истории таджикского народа»¹ Х. Пирумшоев, обращая особое внимание на такие работы В.В. Бартольда, как «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Очерки истории Семиречья», «История Туркестана», «История культурной жизни Туркестана», «Хлопководство в Средней Азии», «Отчет о командировках в Туркестан с 1920 гг.», выявляет вопросы, касающиеся этнонима «таджик», «сарт», вклада оседлого и культурного народа таджиков в государственное управление монголов и развитие тюркоязычных государств. его работы по выявлению источников, о вкладе Саманидов в развитие цивилизации, развитие городов, культуры, торговли и т.д. Во всех этих работах В.В. Бартольда затрагиваются важнейшие вопросы истории и культуры таджикского народа, периода древности и средневековья.

После академика В.В.Бартольда видное место среди русских учёных, исследователей истории таджикского народа по праву принадлежит ученику и его последователю – А.А.Семёнову.

В статье «А.А.Семёнов – историограф»², ученый попытался, насколько можно лаконично, высказать свои соображения о А.А. Семенове как историографе. Это прослеживается в таких его сугубо исторических исследованиях, как «Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885)», «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов», «Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства», «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии» и т.д. По его мнению, настоящий талант, глубокий профессионализм А.А. Семенова в сугубо историографическом плане проявились при написании им серии статей для первых трех томов пятитомного фундаментального коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», вышедшего в 50-60-х годах прошлого столетия. Эту серию открывает статья «Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X)», размещенная в первом томе «Очерков».

Относя А.А. Семёнова, по сути, к одному из основателей важного и определяющего направления в исторической науке – историографии, Х. Пирумшоев отмечает, что он создал надежную школу,

¹ Пирумшоев Х. Накши академик В.В. Бартольд дар омузиши илми таърихи халки тоҷик // Накши В.В. Бартолд дар омузиши таърихи халки тоҷик. (Маҷмуаи илмӣ). – Душанбе: ДДОТ, 2010. – С.7-20.

² Пирумшоев Х. Роль академика А.А. Семенова в изучении истории таджикского народа // Материалы научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения академика А.А. Семенова (Душанбе, 28 ноября 2003 г.). – Душанбе, 2004. – С.38-48.

через которую прошли и в последствии получили широкую известность в республике и далеко за ее пределами такие ученые, как Б.И. Искандаров, З.Ш. Раджабов, Б.А. Литвинский, А.М. Мухтаров, В.А. Ранов и ряд других.

Особое место среди публикаций Х. Пирумшоева занимают работы, посвящённые выдающемуся таджикскому советскому историку, бессменному Директору Института востоковедения АН СССР, академику Б.Г.Гафурову. Среди них особое место занимают статьи и доклады: «Б.Г.Гафуров – исследователь новейшей истории стран Востока»¹, «Академик Б.Г.Гафуров – историограф истории отечества»², «Б.Г. Гафуров – путеводная звезда отечественной исторической науки»³, «Б.Г.Гафуров – историограф истории Центральной Азии»⁴, «Бободжон Гафуров: от журналистики к исторической науке»⁵, и др.

Х. Пирумшоев во всех этих статьях показал Б.Г. Гафурова, как гордого, достойного сына таджикского народа, вдохновленного духами своих великих предков, воссоздавшего многовековую широкую панораму истории таджиков.

В статье «Б. Г. Гафуров – путеводная звезда отечественной исторической науки»⁶ он описывает сложение исторического мировоззрения Б.Г. Гафурова, его вклад в становление академической исторической науки в Таджикистане. Анализ имеющихся фактов недвусмысленно показывает, что в этом направлении таджикская историческая наука благодаря Б.Гафурову прочно занимала и ныне занимает лидирующее положение в центрально-азиатском регионе.

Особенную значимость имеет его статья «Б.Г. Гафуров – историограф истории Центральной Азии». В ней, в частности ученый

¹ Пирумшоев Х. Академик Б.Г. Гафуров – исследователь новейшей истории Востока // Академик Бободжон Гафуров: изучение истории и цивилизации народов Центральной Азии (история и современность: Тез. Докл. и сообщ. – Душанбе, 1998. – С.80-81; 66-68.

² Пирумшоев Х.П. Академик Б.Г. Гафуров – таърихнигори таърихи Ватан // Академик Бобочон Гафуров муҳаққиқи таърих ва тамаддуни Осийи Марказӣ. – Душанбе, 1999. – С.261-276.

³ Пирумшоев Х. Б.Г. Гафуров – путеводная звезда отечественной исторической науки // Фарханг. – 2006. – №5. – С.13-15.

⁴ Пирумшоев Х. Б.Г. Гафуров - историограф истории Центральной Азии // Фарханг. – 2007. – №1. – С.12-16.

⁵ Пирумшоев Х. Бободжон Гафуров: от журналистики к исторической науке // Выдающиеся исследователи истории Центральной Азии: Матер. междунар. конф. (24 дек. 2008г.). – Душанбе, 2009. – С.49-64; Социализм: теория и практика. – 2009. – №1-2 (37-38). – С.52-65.

⁶ Пирумшоев Х. Б.Г. Гафуров – путеводная звезда отечественной исторической науки // Фарханг. – 2006. – №5. – С.13-15.

отмечает, что при бесспорном сохранении за собой пальмы лидерства среди советских исследователей дореволюционной истории Центральной Азии академик Б.Г. Гафуров оставался также непревзойденным историографом данного региона. В этом плане блестящий талант и необыкновенная эрудиция Б.Г. Гафурова, заметны в первых академических работах: «Падение Бухарского эмирата» и «История секты исмаилитов» (ставшей основой его кандидатской диссертации в 1941 г.), «Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков и поработителей», «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины», и более ярко проявляются во всех изданиях его фундаментального труда «История таджикского народа в кратком изложении». Эта работа как бы завершает формирование Б.Г.Гафурова как крупного ученого со своим заметным почерком, характером его подхода к освещению многосложных проблем истории таджикского и других народов Центральной Азии. Историографический анализ поднятых вопросов позволили автору определить приоритетные направления в изучении истории региона.

К числу историографических работ академика Б.Г. Гафурова следует отнести такие, как «Глубже изучать богатое историческое прошлое таджикского народа», «Состояние и задачи советского востоковедения», «Актуальные задачи советского исследования», «50-лет советского востоковедения», «150 лет отечественного востоковедения» и др.

Заметный вклад в изучении истории и культуры таджикского народа принадлежит академику Зарифу Шарифовичу Раджабову. Он относится к той плеяде ученых, которые стояли у истоков становления и развития исторической науки, подлинно академического направления в отечественной историографии. Х. Пирумшоев написал следующие статьи о нем: «З. Раджабов – историограф истории таджикского народа»¹, «Академик З.Ш. Раджабов – исследователь российско-таджикских отношений»². Описывая некоторые факты из жизни и научной деятельности академика, он делает историографический анализ его работ.

В первой статье Х. Пирумшоев отмечает, что с 1959 г. до конца своей жизни, научная и организаторская деятельность академика З. Раджабова протекала в стенах главного и определяющего центра

¹ Пирумшоев Х. Раджабов – историограф истории таджикского народа// Материал Ҳаиконфронси илмӣ бахшидаба 85-солагии зодрузи акад. З.Рачабов.– Душанбе, 1991.– С.36-38.

² Пирумшоев Х. Академик З.Ш. Раджабов – исследователь российско-таджикских отношений// Ахтари илму ирфон. Маҷмуъаи мақолаҳо бахшидаба 100-солагии акад. З.Ш.Рачабов.– Душанбе, 2006.– С.43-48.

отечественной науки – Академии наук Таджикской ССР. Он работал на ответственных должностях в Институте истории, археологии и этнографии им А.Дониша (1959-1962 гг.). В огромном научном наследии ученого центральное место занимают проблемы истории, историографии и истории культуры таджикского народа позднесредневекового, нового и новейшего периодов. Его фундаментальные исследования: «Передовые люди Средней Азии о России и русской культуре» (1951г.), «Садриддин Айни – историк таджикского народа» (1951г.), «К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом» (1954г.), «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв.» (1957, 1959 гг.; на тадж. и русск. языках), «Выдающийся просветитель таджикского народа – Ахмад Дониш» (1961,1964; на тадж. и русск. языках), «Навеки вместе с великим русским народом» (1968г.), «Наука Советского Таджикистана» (Душанбе, 1968, 1970; на тадж. и русск. языках), «Туркестан на страницах большевистских газет периода Первой русской революции (1905-1907 гг.)» (1970г.), «О «Политическом трактате» Ахмада Дониша» (1976г.), «Очерки истории культурного строительства в Таджикистане» (1976г.) и десятки других.

Среди известных таджикских учёных-историков особое место занимал и академик Баходур Искандаров. Этому учёному Х. Пирумшоев посвятил ряд статей. Среди них статьи: «Известный историк»¹ и «Незаурядный исследователь истории Восточной Бухары и Памира»².

Среди многочисленных работ, опубликованных ученым в конце 50 – начале 80-х годов, особо выделяются такие фундаментальные исследования, как «Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России», «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.», «Гиндукуш во второй половине XIX в.», «Бухара (1918-1920 гг.)», «Из истории дореволюционного Таджикистана», «Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана», «Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств (X в. - первая половина XIX в.)» и др. Особенно он остано-

¹ Пирумшоев Х. Муаррихиномдор - известный историк): посвящ. 70-летию акад. Б. Искандарова // Газ.муал.- 1992.- 1 май (в соавторстве)

² Пирумшоев Х. Кашшофи таърихи Бухорон Шарқи ва Помир - Незаурядный исследователь истории Восточной Бухары и Памира // Баходур Искандаров – олим, омӯзгор, ҷанговар; маҷмӯаи мақолаҳои конфр. илмӣ бахшида ба 100-солагии Б.И. Искандаров.– Душанбе: Дониш, 2013; Социализм: Теория и практика.– 2012.– №1-2 (41-42).– С.185-207.

ливается на монографии «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.», считая её серьёзной работой в историографии Таджикистана.

Х. Пирумшоев не обошел вниманием и труд академика Б.И. Искандарова «История Памира», вышедший в 1995 г., и считал его итоговым исследованием в историческом памироведении. Он, давая серьёзную оценку данной монографии, отмечает, что работа охватывает почти всю историю Бадахшана и Памира с древности, вплоть до новейшего периода. Этот труд последовательно и поэтапно раскрывает неизвестные и малоизвестные страницы во многом трагической, но в целом богатой и самобытной истории горных таджиков.

Профессор Х.Пирумшоев посвятил немало статей выявлению вклада других известных исследователей истории таджикского народа, таких как М.Назаршоев, М.Р.Шукуров, Ш.М.Султонов, И.К.Каландаров и ряд др., но ввиду ограниченности объема они не были включены в данный сборник. Но в намерение автора входит подготовка и издание второй части сборника, куда войдут и множество ранее неопубликованных его статей.

Подводя итоги данной вступительной статьи, можно подчеркнуть, что доктор исторических наук, профессор Х. Пирумшоев занимает достойное место в отечественной историографии. Изучение трудов ученого показывает, что его научным кредо в данной области исторической науки являются именно российско-среднеазиатские отношения. Именно ему принадлежит заслуга основательного и комплексного изучения российско-среднеазиатских взаимоотношений с древности до начала XX века.

В данном сборнике кроме историографических работ автора, вошли и его статьи, написанные в разные годы по различным проблемам теории, истории и историографии Средней Азии, таджикского народа в особенности.

Ознокомившись с содержанием данного сборника, эрудированный читатель ясно может представить заметный вклад профессора Х.Пирумшоева в развитие отечественной историографии.

Сайдали Мухидинов
доктор исторических наук,
профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД Б.Г.ГАФУРОВА НА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ

В конце 30-х начале 40-х годов прошлого столетия на небосклоне отечественной востоковедческой науки появилась фигура Б.Г.Гафурова, первые шаги которого предвещали ему большое будущее. Пройдя необходимую школу, получая навыки ведения исследовательской работы у известных российских востоковедов, он от журналистской профессии, переходит к настоящей науке. Первые серьезные его работы: «Падение Бухарского эмирата» (Сталинабад, 1941 г.), «История секты исмаилитов» (ставшая основной его кандидатской диссертацией, 1941 г.), «Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков» (в соавторстве с С.Прохоровым, 1942 г.), – стали предвестниками его фундаментальных открытий в истории Центральной Азии.

Изданный в 1947 году его фундаментальный труд Бободжана Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» оказалась, по сути, его визитной карточкой в большой науке. Эта работа отличалась от его предыдущих. Отличие заключалась, на наш взгляд, в следующем:

а) По сути, он являлся первым фундаментальным исследованием, охватившим почти всю дореволюционную историю народов Центральной Азии; б) Впервые в этой работе выпукло прослеживается сугубо гражданский, материалистический подход к анализу исторических периодов и событий, выявляется их закономерность; в) впервые центральным объектом исследования стали таджики древнейшие аборигены края.

Хотя первые аргументированные предположения о доминирующей роли таджикского народа в регионе высказаны русскими востоковедами: Е.М.Мейендорфом, Н.В.Ханыковым, В.В.Бартольдом и многими другими, – тем не менее, древнейшая, древняя и средневековая история таджиков исключительно обстоятельно (на уровне доступной источниковой базе того времени) и убедительно была изложена Б.Г.Гафуровым. Этому способствовали не только его об-

ширное знание и талант, но и умение анализировать результаты новых открытий археологов. Не случайно первое издание книги на таджикском языке начинается словами: «Археологические исследования показали, что в Средней Азии, в частности, где проживали таджики в недавнем прошлом, люди (имеются в виду наши предки — Х.П.) жили десятки тысяч лет тому назад»¹. Причем он впервые среди исследователей региона более четко сформулировал древнейшие периоды истории наших предков и корневые признаки их расово-этнических сложений.

Б.Г.Гафурову принадлежит, таким образом, заслуга в четком определении происхождения таджиков. Выступая против мнений пантюркистского толка о якобы происхождение таджиков от персов, он ясно обосновал предполагаемые мнения, прежде всего, в русском востоковедении, о переселении в древности из Средней Азии на иранскую территорию иранских племен: «Обособление восточных иранцев Средней Азии (предков таджиков), — пишет ученый, — от западных иранцев (предков персов) произошло главным образом в глубокой древности, задолго до нашей эры. Конечно, наряду с обособлением западных восточных иранцев имел место и процесс их культурного взаимовлияния, тем более значительного, что таджики и западные иранцы этнически и по языку родственны друг к другу. Однако все это не дает никаких оснований среднеазиатских иранцев — таджиков смешивать в историческом и культурном отношении с западными иранцами, как это делают буржуазные ориенталисты. Таджикский народ имеет свою собственную самобытную и независимую от персов культуру, свои культурные традиции, свою историю»². Точнее и определеннее трудно сказать.

Над этим выводом видного ученого должны задуматься, так называемые исследователи, которые в порыве своих амбициозных устремлений, выдаваемых под видом «новых взглядов в истории», желающих историю и историческое происхождение таджиков полностью подчинить толкованием истории Персии, тем самым направляют все в явное течение паниранистского толка. Причем также «новоявленные специалисты» уже все более нагло и открыто заявляют об исторически неправомочном существовании таджикского языка как национального языка и в целом ставят под сомнение са-

¹ Гафуров Б.Г. Таърихи мухтасари халки тоҷик. — Сталинабад, Госполитиздат, 1947. — С.3.

² Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. — М.: Госполитиздат, 1949. — С.27.

мич таджиков как вполне сложившуюся нацию со своими признаками, характерными особенностями. Парадоксально, что это мнение исходит не из уст иранцев, а из письменных утверждений тех таджиков, которые наивно мечтают считаться великой иранской нацией, между тем иранцы меньше всего заняты идеей таких ученых онъюктуристиков, создавших в конце 80-х – начало 90 – годов прошлого столетия такие общества и течения, как «Куруши Кабир» («Великий Кир»), «Ориено» (по смыслу – Объединение арийцев) и т.п. Благо, что у них имеются лишь единичные последователи. Критериями сложения нации не могут быть только языковая, культурная близость, и схожесть народов. Если исходить из такого принципа, то все славяне должны считаться единой нацией, хотя история распорядилась так, что даже народы, сложившиеся на одной территории, в одном государстве, относятся к отдельным нациям. Пример русских, белорусов и украинцев – наглядный тому.

Как ученый, Б. Гафуров скрупулезно основываясь на материалах источников, выявил корни образования таджикского народа и этим нанес сокрушительный удар по пантюркизму, однако он не мог предвидеть, что в будущем найдутся те, кто, используя его заключения, о культурно-языковой общности персов и таджиков, придет в исключительно опасную крайность – абсолютной идентичности персов и таджиков как народа и нации.

Таким апологетам нужно внимательно проследить за логикой мышления нашего знаменитого соотечественника Б.Г.Гафурова, изложенной во всех изданиях его «Истории таджикского народа» и замечательном труде «Таджики». При этом следует отметить, что ученый никогда не разделяет понятия «таджик» и «иранец» но относит таджиков к восточной ветви иранцев. По логике его изложения нетрудно понять, что он ставит разницу между понятиями «перс» и «иранец», исторические корни сложения которых требуют особо тонкого и научно продуманного подхода.

Уже в первом издании (на русском языке) своего труда «История таджикского народа» (М., 1949 г.) Б.Гафуров недвусмысленно подчеркивает: «Персы – древнее население области Фарс, а также и население других местностей на территории современного Ирана – принадлежали по своему этническому составу к числу западных иранских племен и народностей в отличие от восточной группы иранских народностей – предков таджиков, которые издревле обитали в Средней Азии»¹. Идеи ученого по этому поводу более точно

¹ Гафуров Б.Г. «История таджикского народа в кратком изложении». – М., 1949. – С. 37.

и аргументировано, сформулированы в труде «Таджики» следующим образом: «Во всяком случае, — пишет он, — следует исключить как явно неверное мнение о том, что иранские племена появились в Средней Азии, придя с территории Ирана. Аргументы сторонников этого мнения определенно несостоятельны. Реальные данные свидетельствуют о том, что иранские племена широко распространились на Западном Иране в первых веках I тысячелетия до н.э., а появились здесь не ранее самого конца II или рубежа II-I тысячелетий до н.э. А в Средней Азии иранские племена, как об этом свидетельствуют и историко-лингвистические, и археологические данные, находились во всяком случае уже во второй половине II — начале I тысячелетия до н.э.»¹

Говоря об иранских племенах вообще, Б.Г.Гафуров указывает на широкое распространение ареала их обитания. «В древности, — пишет он, — область распространения иранских языков и племен была намного обширнее, чем в средние века и в новое время. Она простиралась от юго-восточной Европы до Восточного Туркестана и от Приуралья и Южной Сибири до юга Ирана»².

Далее, давая описание довольно обширного и интенсивное продвижение иранских племен, ученый обращает внимание и на тот факт, что с III-II вв. до н.э. начинается экспансия Туркестана, где к этому времени проживали иранские племена с северо-восточной части этой территории.³ В это же время автор еще раз подчеркивает, что «территория самой Средней Азии к VII-VI вв. до н.э. целиком занимали иранские народности — бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, племена сакской группы и др. На основе этих народностей и прежде всего бактрийцев и согдийцев в раннем средневековье и сформировался таджикский народ».⁴

Изучая работы Б.Г.Гафурова по истории, главным образом его «Таджиков», нельзя не поражаться настойчивости ученого в выделении предков таджиков из общей массы иранских племен, и этому посвящено немало мест.⁵

Он неоднократно повторяет одну и ту же мысль: — таджики произошли от восточных иранских племен в своем родном историческом местонахождении — Средней Азии или в несколько обширном понятии Центральная Азия, которую и считает прародиной

¹ Гафуров Б.Г. Таджики, Древнейшая, древняя и средневековая история. — С. 36.

² Там же. — С. 36-37.

³ Гафуров Б.Г. «Таджики». — С. 37.

⁴ Гафуров Б.Г. «Таджики». — С. 37.

⁵ См.: там же. — С. 27-43.

всех других иранских племен. В этой связи трудно удержаться от еще одной цитаты, так как точнее и лаконичнее самого Б.Г. Гафурова невозможно изложить его выводы и заключения по такому архисложному вопросу, каким является определение расово-этнического происхождения таджиков.

«Итак, — пишет автор, — мы видели, что и археологические материалы, и историко-лингвистические данные указывают на расселение различных арийских групп (в более ранний период преимущественно индоарийских, затем — иранских) из Средней Азии на юг в Индию, Афганистану и, в сторону Ирана. Все это еще раз подтверждает, что Средняя Азия с примыкающими районами была основным центром распространения индоиранских племен и древней областью их обитания. Те из иранских племен, которые остались в Средней Азии, являлись предками ее основного населения сначала исторической эпохи до раннего средневековья.

Впоследствии на базе восточно-иранских народностей Средней Азии, прежде всего бактрийцев, согдийцев и в меньшей степени иных этнических компонентов, сложился таджикский народ»¹. Ученый, анализируя состояние раннеклассового общества Средней Азии, постоянно использует для понятия непосредственных предков таджиков определение «восточно-иранские племена».

Такой подход в определении сложения отдельных народов от их расово-этнических групп встречается в исторических исследованиях. Например, в истории славянских народов происходило почти то же самое, но по времени намного позже. Древнеславянские племена подразделялись на западных, южных и восточных. Последние и стали главными компонентами сложения русской, украинской и белорусской народностей, впоследствии перераставших в отдельные нации, хотя их общая история, культура и в определенной степени язык сохраняются и поныне. Однако эти общности не дают основания считать их единой славянской нацией, включая в это понятие и другие национальности, происходившие от славян. Впрочем история знает и примеры свидетельствующие об амбициозном устремлении отдельных представителей этих народов, вступающих за создание единого славянского государства, т.е. поборников идеи паниславянизма. Чем закончились подобные пресловутые идеи и движения панисламизма, пантюркизма и т.п. — общеизвестно. То же самое ожидает и господ из «стана паниранизма». Парадокс в том, что это исходит не от Ирана и иранцев, а от

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. — С. 43.

самих таджиков, эта тенденция особенно усилилась в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия.

Совершенно другое дело то что созданные веками усилиями наших предков культурные ценности, являются общим достоянием. И их нужно сохранять, преумножать, и каждая сторона должна вносит свою своеобразную лепту. В то же время народ, как нация, должен сохранять все его нравственно-культурно-языковые особенности или отличия, которые складывались веками. Вот что хотел сказать и за что ратовал крупный ученый, наш соотечественник Б.Г.Гафуров!

Другой, так же сложной проблемой, за решением которой взялся Б.Г.Гафуров, был всесторонний и глубокий анализ процесса завершения образования таджикского народа и его государственности. Этот вопрос, считается краеугольным камнем в его исследовании истории таджиков. Обращаясь к «Историю таджикского народа» и, главным образом, «Таджиком», невольно задаешь себе вопрос: почему же ученый взялся за такой трудную ранее по-настоящему почти неисследованную проблему? Те отдельные высказывания, приведенные русскими о происхождении таджиков, о принадлежности их к арийцам, о создании ими культурной ценности, об их месте в мировой цивилизации послужили Б.Гафурову стимулом для знакомства с богатой историей своего народа и побудившим его по-настоящему заняться этой проблемой.

Другой не менее серьезной причиной, подвигнувшей ученого на столь важный и смелый шаг, явилась активизация пантюркистских течений, упорно проводивших несостоятельные, беспочвенные и абсурдные утверждения, в основу которых было положено ничем не обоснованное, даже провокационное мнение, согласно которому таджикам в истории Средней Азии отводилось место лишь на правах пришельцев из Персии или арабов, принявших персидский язык. В тоже время пантюркисты себя и им подобных тюркомонгольских кочевников объявляли исконно древними жителями края и тем самым прямыми наследниками всех культурных ценностей, которые были созданы многими поколениями таджиков, древнейших аборигенов края.

В этом плане Б.Г.Гафурову было намного труднее, чем его изысканиях по древнейшим корням таджикского народа. Как известный ученый и крупный политик, он находился как бы между двух огней: с одной стороны, должен был вести настоящую войну с апологетами истории, поборниками пантюркизма, с другой – не задевать даже малейшим образом утвердившиеся в жестких идеологических рамках принципы социалистического интернационализ-

ми, национальные чувства соседней республики, хотя в то же время со стороны ее официальных кругов вовсе не проявлялось стремления придерживаться этих принципов, и насильственная физическая и документальная узбекизация таджикского населения на его же исконной территории продолжалось.¹

Тем не менее, ученый с присущим его характеру упорством, стремился высказать правду, не задевая чьих-либо «национальных интересов», какими бы амбициозными они не были, ради сохранения сложившихся межнациональных отношений в рамках общесоюзного масштаба. И он решил эту многосложную с научной точки зрения проблему. Аргументированность мнения ученого не могла и не может быть оспоренной при всем желании и при всех заказных поручениях лицами, взявшимися за ревизию его исследований.

В сложном историческом процессе Б.Гафуров смог искусно проследить формирование таджикского языка и его государственности. Согласно его мнению, основанному на конкретных объективных аргументах, современный таджикский язык относится к числу западно-иранских языков, в основу его лег юго-западный диалект фарса, который по мере распространения на север и северо-восток впитал в себя многие элементы языков северо-западной группы, в частности парфянского, в результате чего в нем переплелись признаки разных западно-иранских диалектов.² После этого процесса сложения языка ученый называет его «фарси (таджикский)».³

В VII-VIII вв. этот язык «занимал уже прочное положение в Северо-восточном Иране, Северном Афганистане и на юге Средней Азии, в том числе в Таджикистане». В VIII-X вв. таджикский язык называли персидско-дарийский (забони форсӣ- дарӣ) или персидский (забони форсӣ). Распространившись сначала в Мерве и Балхе и других районах Северного Хорасана, этот язык постепенно охватил и территорию Мавераннахра, вытесняя местные восточно-иранские языки, согдийские и бактрийские диалекты.⁴ Прослеживая истоки распространения и утверждения таджикского языка в Средней Азии, ученый полагает, что этот процесс начался еще до

¹ Подробно об этом см.: Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, Ирфон, 1991. – 1992.; Он же. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». – Душанбе. – Центр издания культурного наследия. – 1995, – С. 200; Он же. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе, 2003.

² Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 372.

³ См.: Там же. – С. 372-373.

⁴ Там же.

нашествия арабов. Он проник в Среднюю Азию вместе с манихейством. Об этом в частности свидетельствует тот факт, что еще в VI-VII вв. в Самарканде существовали манихейские общины, которые говорили на языке фарси. То же самое происходило и в Восточном Туркестане.¹

Более интенсивное распространение фарси в Средней Азии получил во время нашествия арабов. Б.Г.Гафуров говорит, что в составе войск арабских наместников Хорасана, руководивших завоеванием Мавераннахра, имелось значительное число лиц из покоренных арабами народов неарабского происхождения, — так называемые мавали. «Привлекаемые жадной богатой добычи, — пишет ученый, — эти фарсиязычные, принявшие ислам мавали, были активными участниками завоевания Мавераннахра и насаждения в завоеванных областях мусульманства». Здесь Б.Гафуров верно и удачно приводит аналогию: распространение латинского языка в Западной Европе. По его твердому убеждению, язык фарси был мощным орудием в руках арабов для распространения ислама в Средней Азии.²

Не вдаваясь во все подробности изложения Б.Гафуровым данного процесса, его замечательного труда «Таджики» (эта проблема анализируется на с. 370-383), отметим, что распространения персидского языка в Средней Азии было сложным и долгим. Вместе с тем, «переходя на язык фарси, согдоязычное население приносило в него некоторые элементы согдийского языка». Ученый также указывает на сложение множества специфических диалектов этого языка. (Самаркандский, Гератский, Нишапурский, Мервский, Балхский и др.), которые существенно отличались от западно-иранских диалектов. Исходя из этого Б.Гафуров указывает, что «диалекты Востока именовались «фарси», «диалекты Запада — «аджами», и лишь позже название «фарси» стало прилагаться к западным диалектом». Далее, ссылаясь на мнения авторитетных лингвистов, ученый считает, что «уже в X-XI вв. намечаются некоторые существенные особенности, характерные для таджикского языка и отличавшие его от современного персидского языка. Однако полностью эти отличия сформировались примерно на полтысячелетие позже».³

Как истинный ученый Б.Г.Гафуров не исключает до конца решенность и спорность моментов в сложении таджикского языка.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. — С. 372-373.

² Там же.

³ Там же. — С. 375.

В частности он полагает, что дискуссионными до сих пор остаются место и время сложения этого языка, на котором созданы шедевры таджикско-персидской литературы, и в основу которого легли хорасанско-среднеазиатские говоры. Суммируя все сказанное, Б.Г. Гафуров приходит к заключению, что «к эпохе IX-X вв. в среднеазиатском междуречье (Мавераннахре и Хорасане) складывается большая этнокультурная общность, почти целиком входившая в состав государств Тахиридов, Саффаридов и особенно Саманидов... Итак, в первой половине XI в. термин «таджик» стал «самоназванием» сформировавшегося в Средней Азии и Хорасане народа. При Саманидах таджикский язык того времени, называвшийся в письменных произведениях дари или фарси дари, был принят в основном как государственный язык».

Как видно, во всех вариантах и терминах, под которыми ученый приводит названия сложившегося в Хорасане и Средней Азии языка, ставшего родным литературным языком для всего оседлого населения региона, главный акцент делается на специфических особенностях сложившегося народа. Завершение длительного процесса сложения языка связано с формированием народности, уже твердо именуемой в эпоху Саманидов таджиками. Культурные достижения эпохи Саманидов наглядно свидетельствуют о том, что таджики, как народ, имеют свое собственное место, свой почерк, свое лицо, свой язык, свою культуру в истории мировой цивилизации. Многократные скрещивание его путей таджиков с соседями, близкими и чужими, по своим расово-этническим компонентам, хотя и оказывали на их сложение какое-то влияния, однако не могли стать определяющими в формировании как народности, так и перерастании в нацию. Это и есть та историческая истина, которая лежит в основе исследования выдающегося ученого, истинного патриота, академика Б.Г.Гафурова.

Если в отношении истории сложения таджикского народа и его государственности у Б.Г.Гафурова наблюдается четкая позиция, то оставаться таким же последовательным в освещении роли этого народа в создании материальных и духовных ценностей ему было намного труднее. Несмотря на свой бесспорный авторитет, он, как советские историки, должен был соблюдать допустимые идеологические нормы, доведенные до уровня официальной политики, не позволяющие высказать открыто всю историческую правду.

Уместно отметить, что материалистическая методология по сути своей призвана открывать широкий простор для выявления истины, но стремление использовать историю в угоду политики, опасение отойти от «подлинного интернационализма», не позволяли объек-

тивно взглянуть на события, происходившие в истории Центральноазиатского региона, истинно по-научному осветить проблемы, связанные с этногенетическим процессом, расовыми особенностями, выявить пути сложения народов, их государственности, самобытности культуры, степени их взаимовлияния и т.п. Поэтому почти все региональные историки (да и союзные), вынуждены были избирать одну из двух крайностей: а) все народы региона считать одинаково причастными ко всем событиям без выявления их особенностей, т.е. придерживались принципа «все равны и всем поровну», б) во всех положительных моментах создания материальных и духовных ценностей видеть заслуги лишь того народа, представителями которого они сами являлись.

Нередко можно было наблюдать, что во всех республиках Средней Азии ученые-историки, практически повторяли одно и то же, заимствуя факты и определения друг у друга, причем каждый старался присвоить наиболее решающие моменты достижениям своего народа. При таком положении таджикским исследователям было трудно сказать свое слово, изложить свои позиции. Даже самые авторитетные из них, кто занимался вопросами сложения таджикского народа, его этногенеза под давлением обстоятельств вынуждены были расплывчато освещать историю этого процесса, чтобы как то не обидеть другие братские народы, главным образом, узбеков. Этот подход не только не позволял четко и ясно определить ведущую роль таджикского народа среднеазиатской цивилизации, но и давал возможность исследователям соседних республик рассматривать вопрос не по принципу реальной причастности того или иного народа к историческим событиям, а освещать их по территориально-географическому принципу, причем исходя из современного территориально-административного деления.

Разумеется, в тогдашней обстановке Б.Г.Гафуров, хотя и понимал, что такой подход не соответствовал общим принципам историзма, был вынужден подчиниться обстоятельствам.

О этом, в частности свидетельствует следующее заключение ученого: «Исследования истории таджикского народа помогают понять истоки традиционных связей среднеазиатских народов. Особенно тесно связаны таджики и узбеки – народы, сложившиеся на общей этнической основе. Культурные сокровища таджикского народа, равно как и достижения узбекской культуры, широко усваивались таджиками, характер, материальная культура, обычаи, народное искусство – все это родственно, порой неразлично. Древнейшая, древняя, а во многом и средневековая история этих народов очень близка, а нередко и идентична, причем развивалась

она на одной и той же территории. Тем не менее сложились два народа, ставшие теперь таджикской и узбекской социалистическими нациями».¹

Б.Г.Гафуров, проследивая процесс образования таджикского народа, приходит к выводу, что он завершился в период правления Саманидов. А начался еще задолго до прихода арабов, соединения или слияния «некоторых, преимущественно оседлых, среднеазиатских народностей в один народ». Касаясь причастности тюрков к этому процессу, он пишет: «С последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры, наряду с притоком ираноязычных групп, начинается вторжение иноязычных групп, в частности тюркоязычных, крупные массивы последних переселяются в Среднюю Азию лишь во времена Тюркского каганата; с VI-VIII вв. тюрки начинают играть существенно важную роль в среднеазиатской этнической истории».²

Все это свидетельствует о скрупулезном и мучительном поиске Б.Гафурова истинного пути сложения таджикской народности.³ Подвергнуть сомнению выводы ученого по меньшей мере нелепо. Важно лишь одно: исследуя этот сложный процесс, Б.Г.Гафуров как политик, не желал, чтобы появились хотя бы малейшие сомнения и недомолвки (явно пантюркистского толка) о единстве отечественной истории (главным образом в рассуждениях об этногенезе) и неделимости общих научных и культурных ценностей (хотя в самом Узбекистане, не считались с этой трактовкой. Результаты проведения национально-территориального размежевания, да и последующие акции свидетельствуют об этом. Таджикиком явно не хотели оставить место в этой «нашей общей» истории).

Этногенезу узбекского народа, Б.Гафуров посвятил немало места в своем главном труде «Таджики».⁴ Концептуальные выводы автора в общем таковы: «Узбеки, наряду с таджиками и другими народами Средней Азии,— наследники всей древней истории и культуры Средней Азии... Узбекский народ является равноправным участником не только последних четырех столетий среднеазиатской истории, но и без конечно более длительного периода времени».⁵ Развивая этот тезис, он пишет далее, что «хотя таджикские и узбекские народы оформились в разное время, причем языки этих

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. — С. 3.

² Там же. — С. 370-371.

³ Там же. — С. 332-386.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. — С. 542-549.

⁵ См. там же. — С. 542-544.

народов принадлежат к различным лингвистическим группам, основной этноантропологический субстрат обоих народов общий... Некоторые этнические различия отнюдь не являются основанием для противопоставления одних народов другим».¹

Как видим, хотя Б.Гафуров и выделяет роль и место таджиков в этногенезе узбеков, тем не менее, он упорно подчеркивает равную степень причастности обоих народов к политическому, социально-экономическому и культурному прогрессу Средней Азии.

Но в то время как этот видный ученый с щедрой таджикской душой пытался считать общим достоянием, достигнута усилиями таджиков и узбеков, представители последних стремились оставаться верными своему принципу, у истоков которого стояли пантюркисты. Они старались как можно реже упоминать о таджиках и об их месте в истории Средней Азии. А на территории Узбекистана, таджикам отводилось место в графе «прочих представителей национальных меньшинств, которые согласно официальной статистике» переживают процесс постепенного исчезновения. Эти неблагоприятные действия официальных властей Узбекистана и их приспешников не были осуждены партийно-правительственной номенклатурной бывшего Союза ССР и не было сделано чего либо серьезного, чтобы остановить процесс искусственной насильственной ассимиляции таджиков, проживающих на территории Узбекистана.

Разумеется, Б.Г.Гафуров глубоко переживал этот процесс. Не менее тяжелым для него было и присвоение культурного наследия таджикского народа теми, кто никакого отношения к нему не имели. Поэтому свой протест он отразил в самом названии «Таджики». Ученый по мере возможности объективно изложил всю многовековую, в большинстве случаев трагическую историю своего народа с целью не только показать его место в общечеловеческой цивилизации, но и с надеждой на нового возрождения, после тысячелетнего унижения, рабского существования под властью различных, часто меняющихся представителей чуждых династических правителей из тюрко-монгольских кочевых племен.

Как истинный патриот и ученый, Б.Г.Гафуров смог ярко и точно показать ведущую роль таджикского народа во всем средневековом и новом периодах истории региона. Со всей присущей ему скрупулезностью он раскрывает главные события, происходившие в Средней Азии после падения Государства Саманидов. Тот огромный след, который оно оставило в политической и культурной жизни всего региона, независимо от династических перемен.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 549.

Освещая среднеазиатские ханства в разные периоды истории, ученый во главу угла неизменно ставил судьбу таджикского народа, всегда последовательно занимавшего ведущее место в создании здесь материальной и духовной культуры всеми государственными образованиями.

Историческая наука в отличие от других наук крайне чувствительна к тем переменам, которые происходят в обществе. Она не только реагирует на события, но и заставляет искать их причины, пробуждает интерес к поиску аналогов подобных явлений в истории и тем самым предостерегает от повторения тех ошибок, которые становились и наверняка станут причинами бед и нежелательных катаклизмов. Труды академика Б.Г.Гафурова полны подобных примеров. И события последних десятилетий призывает внимательно оглянуться в прошлое, чтобы найти верный и нужный путь для национального прогресса и процветания.

Разумеется, историческая наука, как и общество, не стоит на месте. По мере развития появляется необходимость нового концептуального подхода, нового мышления, ведущего к новым поворотам или же открытиям по тем или иным историческим проблемам. В этом не могут стать исключением и труды такого выдающегося ученого, каким был и каким является Б.Г.Гафуров. К примеру, его идеи относительно движения джадидизма, присоединения Средней Азии к России требуют нового переосмысления, исходящего из требований и принципов подлинного историзма, в котором таджикские ученые, – последователи Б.Г.Гафурова, в последнем десятилетии добились замечательных результатов и занимают ведущее место в регионе. Восстание Восе, дата которого указана ученым 1885 г., но в связи с новыми фактами она окончательно определена 1888 годом и т.п.

Но все эти, вероятно и другие, возможные в будущем поправки и уточнения, не могут преградить путь того могучего корабля исторической науки, у руля которого стоял крупный ученый Б.Г.Гафуров. При всех переменам, во всех случаях он служил и будет служить в качестве маяка в безбрежном океане, именуемым историческая наука, не только для своих соотечественников, но и для соседних народов центральноазиатского региона.

*Наследие предков.
– Душанбе, 2008. – № 11. – С. 40-54.*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В наше время значение исторической науки в жизни общества достигло невиданных высот. Сегодня, несмотря на определяющую роль естественно-технических наук, составлявших основу научно-технического прогресса, историческая наука, вышедшая за рамки «полезной», прочно и достойно стала занимать позицию жизненно важной науки.

Следует отметить, что ощущение этой реалии охватило массы не осознанно и стихийно еще в начале 80-х годов минувшего столетия. Оно проявлялось в усилении желания получить большую самостоятельность в рамках единого существующего Союза. Это явление набирало темп во время так называемой «Горбачевской перестройки». Но тогда оно оценивалось как «парад независимости».

Разумеется, можно перечислять десятки факторов, ставших причинами распада Советского Союза (да и всей системы), но среди них один из доминирующих был именно пробудившийся интерес каждого из народов к своей истории, хотя в этом отношении порою и были ярко заметны предвзятости и необъективности подхода к интерпретации исторических явлений и фактов.

С особым энтузиазмом стали обращаться к своей истории народы теперь независимых стран на всем постсоветском пространстве. В этом отношении почти лидирующее место стали занимать Центральноазиатские государства, где повышенный интерес к истории занимает умы от простого труженика до высочайшего ранга политического и государственного деятеля. Все это и многое другое свидетельствует о том, что интерес к прошлому стал доминирующим в общественном сознании людей.

Наблюдения за этим процессом наталкивает к мысли о том, что прежде чем профессиональные историки осознали новое предназначение исторической науки, массы, стихийно ощущая ее силу, по-своему стали истолковывать ее уроки, порою абсолютизируя достижения предков в том или ином историческом этапе. Это привело, к большому сожалению, отдельных далеких от науки «горе-историков» впоследствии в стан лидеров различных националистических, да и религиозных течений. В ряде случаев им удалось втянуть народ в свои «демократические» игры. К чему это привело в отдельных государствах постсоциалистических, в том числе и в нашем регионе, не требует пространного разъяснения.

Ставшие пассивными наблюдателям этого в корне нежелательного процесса, профессиональные историки не могли выделиться

из этого многоголосного хора и направить силу истории, ее уроки в мирное, консолидирующее и созидательное русло. К сожалению, и сегодня мы, историки, плетемся сзади толпы, не решаемся взять на себя в полной мере ответственность осветить нашу далекую и близкую историю с позиции настоящего профессионализма, опираясь на принципы подлинного историзма, занимая безразличную позицию, охотно уступаем место тем, кто путем искажения исторической действительности, играет на руку политикам, получает дивиденды, да и на этой почве делает политическо-административные карьеры.

А многие историки пока или ждут указаний сверху, или порою ограничиваются повторением, вернее «научным» оправданием так называемых «трудов» новых высокопоставленных чиновников, «теоретиков» от истории. Не секрет, что ряд даже утвердившихся ученых в погоне за славой и должностями в административных аппаратах заняты созданием заказных «трудов» в угоду своим патронам. Поэтому многие появившиеся в последнее десятилетие так называемые исторические работы больше способствуют отчуждению народов региона, нежели их сближению.

Никогда историческая наука так не была переплетена с политикой, как в нынешнее время. Недаром вопросы истории находятся в центре внимания почти всех президентов Центральноазиатского региона, они сами вплотную стали заниматься написанием истории своих народов и государств. Это объясняется тем, что президенты с присущим им политическим чутьем ясно осознали место истории и исторической науки в целом как мощный, даже смело можно сказать, определяющий фактор в формировании национального самосознания. А это очень важно не только для достижения национального согласия стабильности в государстве в наше сложное, беспокойное время, но и упрочение позиции его главы. Это еще одно доказательство, что государственные лидеры, затаив дыхание, не могут (да и не в праве) ждать, когда историки преподнесут им труды, отвечающие духу времени.

Обращаясь к историческому прошлому, они, как правило, подчиняют его прежде всего в угоду нужным им политическим целям, что вполне допустимо с позиции глав государств. Но вся беда в том, что, учитывая интересы лидеров, новоявленные специалисты доводят дело до абсурда. Вместо конкретных исторических источников, они пользуются мифологическими измышлениями, составляющими основу ряда старинных поэм, эпосов или бытующих преданий. Копаясь в них, они стараются доводить свои корни и истоки образования государственности на обитаемом им ныне простран-

стве намного ранее, чем своих соседей. Теперь, трехтысячелетний возраст от появления первых государственных образований в регионе их не устраивает. Это уже для них не тот возраст, который должен показать их историческое лицо. Поэтому нижняя возрастная планка опущена до пяти тысяч лет, а количество государств своих «законных» предков в этом временном пространстве доведено до 6-7 крупных державных (а то и имперских) образований, при этом не оставляя места в этом историческом пространстве для древнейших аборигенов края. Подобные идеи уже прошли апробации не только среди ученых мужей, но даже заняли прочное место в программах истории Отечества для средних общеобразовательных школ и вузов. К чему это приведет, легко можно догадаться. По сравнению с этим историческим экстремизмом такие в прошлом (да и в настоящем) реакционные националистические течения, как панславянизм, пантюркизм, паниранизм, являются довольно простым проявлением националистического высокомерия.

Наивно считать происходящее простой реанимацией упомянутых паннационалистических течений. Оно намного опаснее, чем кажется на первый взгляд. Затуманивая этим сознание подрастающего поколения, создаем реальную почву для будущей конфронтации на межнациональном уровне.

Иногда дело доходит до абсурда. Каждый хочет без разбора считать те крупные государственные образования, которые существовали в древности и средневековье, своими, не желая делать уступки соседям. При этом чем эти образования мощнее, тем упорнее пытаются утверждать себя в качестве наследника, что идет в ущерб реалиям сложения этих народностей в нацию.

Известно, что каждая из нас на сегодня вполне сложившаяся (во всяком случае мы сами так считаем) нация, и это чувство должно объединить нас. Гонимая за доказательствами нашей прямой причастности к древнеиранским или тюркским империям, несмотря на то, что объективно переплетались наши истории и трудно отмежеваться от общих духовных и материальных культурных традиций, тем не менее, каждый из нас стремится находить нишу в этом обширном пространстве исторической общности. В противном случае все идет в ущерб нашим национальным интересам, а еще хуже, этим мы создаем почву для всяких сомнений по поводу сложения нас как нации. И все это накладывает на историков региона особую ответственность.

Не для кого не секрет, что когда Ахемениды завоевали Среднюю Азию (VI-V вв. до н.э.), здесь существовали довольно крупные государственные образования (Согдиана, Бактрия, Хорезм,

Парфия). Действие Ахеменидов было ни чем иным, как прямая агрессия в отношении к этим государственным образованиям. Да и борьба между Ираном и Тураном, нашедшей своей отражение в «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, нельзя давать одностороннюю оценку в оправдании иранцев и в осуждении туранцев, считать первых источниками добра, а вторых гнездом зла. Пора взяться за реальное научное освещение вопроса. Тем более, что выявлено немало источников и серьезных исследований, достаточных для существенно научных заключений. То же самое можно сказать и о тюрко-монгольских государствах, начиная от Тюркского каганата (VI в. н.э.) и позже.

На наш взгляд давно назрела необходимость скоординировать усилия для выявления места и роли наших предков в этих крупных державных конгломератах, следует не только определить то влияние, которое они имели в этих державных управлениях, но и показать их заслуги в региональной и мировой цивилизации.

Следует исходить из той реалии, что есть множество проблем, которые исследованы слабо или если исследованы, то авторы, идя за буквами источников, мало проявляли усилий в определении духа их содержания, не могли показать свои собственные самостоятельные научные суждения. Ведь история без не предвзятого комплексного анализа событий – не наука, а простой примитивный пересказ содержания источников, а то и преданий.

Немало проблем, требующих объективного анализа имеется по всем периодам нашей истории. Казалось бы по количеству и общему объему исследований, посвященные истории народов Центральной Азии конца XIX – нач. XX вв., намного превышают исследования других периодов региональной истории. Тем не менее парадоксален тот факт, что этот период по количеству нерешенных проблем, а также и требующих осмысления вопросов занимает лидирующее место.

Ограниченность возможности во времени освобождает нас от более полного анализа всех проблем, требующих неотлагательного решения, и мы довольствуемся лишь перечислением некоторых из них с намерением обратить внимание специалистов.

Как в русской дореволюционной, так и в советской историографии, история присоединения или завоевания Средней Азии получила поверхностное, противоречивое суждение. Если многие русские дореволюционные исследователи стремились показать этот процесс как «благородно, гуманистическое действие» передовой цивилизованной страны по отношению к «отсталым и диким» народам, с намерением втянуть их в русло мировой цивили-

заций (этим прикрывали колониальное стремление и великодержавные амбиции официальных властей), то советские исследователи, указывали на эти действия как на реакционную политику царизма, в то же время во главу угла ставили прогрессивные последствия этого акта, а остальные вопросы были подчинены главному: втягиванию региона в революционный процесс преобразований и строительство советского общества во всей бывшей Российской империи.

Как видно в соответствии с восприятиями авторов, их приверженностью к тем или иным методологическим направлениям ощущается контраст противоречий как в содержание, действия России в отношении к Средней Азии. так и в определение названия терминологии этих действий. Не случайно в исторической науке касательно этой проблемы утвердилось следующее употребление понятия: завоевание Средней Азии Россией; присоединение Средней Азии к России; добровольное присоединение; экспансия Средней Азии, колониальный захват Туркестана или Средней Азии; колонизация края и прочее.

Настало время окончательно определиться и назвать события теми именами, которые они заслуживают или вытекают из общей логики и объективности происходящих событий.

Одной из проблем, требующей иного подхода в исторической науке данного периода, является уничтожительная критика капиталистического способа производства и в целом капитализма, считавшегося великим злом. Хотя для подобного мышления есть и достаточные основания (открывшаяся при нем широкая возможность для эксплуатации трудящихся масс). Тем не менее, однозначный подход к изучению капиталистических отношений или капиталистического общества вообще -- уже устаревший подход в историческом исследовании.

Идентичный подход к анализу всех социальных противоречий, проявившихся в различных районах дореволюционной Средней Азии и Казахстана, без разбора характера, целей и особенностей считать их революционным движением, якобы происходившим исключительно под воздействием или прямым влиянием российских революционных событий, не может дать реальную научную картину происходивших событий.

Другой вопрос, требующий решения, есть прослеживание процесса проявления или пробуждения чувства национального самосознания. Конечно, этот вопрос может выглядеть несколько спорным, но сам факт, что на кануне революции и после, несмотря на все препятствия, было немало представителей интеллигенции, которые

выступали за самостоятельность, за национально-административное образование.

Несмотря на обилие литературы, немало вопросов, требовавших реального ответа, имеется и в отношении общественно-политических движений. Это наблюдается прежде всего в отношении джадидизма и младобухарцев. Хотя в последние годы в этом направлении сделано немало, но комплексное изучение вопроса и дать соответствующей их характеру научной оценки в целом и каждому из представителей этих движений в отдельности считается велением времени.

То же самое можно сказать о предпосылках социалистической и народной революции в Туркестане, Бухаре и Хиве. Немало разногласий имеется в этом направлении. Одни считают победу революции исключительно при помощи русских штыков, другие ищут о серьезных предпосылках как в Туркестане, так в Бухаре и Хиве. Особое внимание в разработке вопроса требует определение степени или уровня участия местного населения в подготовке и проведении этих судьбоносных поворотов истории.

Разве мало вопросов, требующих реального освещения, по истории Советского периода, включая и события, происходящие на постсоветском пространстве? Вместо того, чтобы сообща и всерьез взяться за изучение истоков появления и сложения исламского фундаментализма в регионе, что поможет находить верное решение в борьбе против терроризма, мы довольствуемся лишь политическими анализами наших руководителей, которые в основном делают упор на силовое решение вопроса, что вызывает адекватную реакцию. В этом плане нельзя забывать, что научно-историческая осведомленность, может оказать огромное воспитательное воздействие на приверженцев экстремистских и даже террористических течений из числа молодежи.

Время настоятельно диктует, чтобы ученые взялись за рассмотрение тех актуальных вопросов, которые требуют неотложного решения. К ним, прежде всего, относится изучение тех судьбоносных событий, к которым одинаково причастны все народы региона. Разве мало было тех моментов, когда рука об руку наши предки защищали свою родную землю от иноземных захватчиков, совместно выступали против феодального гнета, совместно приложили усилия к достижению материальной и духовной культуры, а в более позднем периоде, разделив судьбу трудящихся России, активно боролись за социальную справедливость и по воле судьбы получили возможность на создание своих национальных государственных образований, что в конечном итоге привело к созданию

независимых государств. Как бы ни оценивали, какие бы мерки ни применяли в анализе национально-территориального размежевания в регионе, несмотря на все недостатки и упущения, этот акт являлся судьбоносным и величайшим историческим достижением наших народов. Словом по воле судьбы наши народы на протяжении всего средневекового и нового периодов истории вместе были втянуты в водоворот событий, делили радостные и горестные моменты истории. Народы региона каждый по-своему вносили вклад в региональную и мировую цивилизацию. Другое дело: одни, может быть, больше, другие – меньше, одни – раньше, другие в более поздний период.

Поэтому уроки истории, дух наших предков, интересы современников и будущих потомков требуют от нас, историков, во всех случаях в изучении нашей славной совместной истории быть предельно объективными, всегда и во всех случаях исходить из священного принципа историзма. Тогда не останется места для мелких, частных, необоснованных делений, захватнических методов в определении исторических достижений.

Переселений и миграционных процессов в истории было немало. Эти явления имеют место и ныне. По воле обстоятельств и истории менялась география обитания отдельных народов. Из этого ныне нельзя делать трагедию. История знает немало скрещиваний языка, культуры и быта. Всегда предпочтение отдавалось в таких случаях исторически устоявшимся на более высоком уровне традициям. Миграционные волны не могли поколебать этих традиций. Порою стимулировали их развитие и постепенно становились общими достояниями. Эти процессы должны быть освещены, как они проходили или происходили на самом деле, объективно, без взаимных упреков.

Вместе с тем, надо учесть, что мононациональных государств в мире не существует. Почти все государства в той или иной степени многонациональны. Современный опыт цивилизованных стран показывает, что одним из важнейших критериев достижения всеобщего прогресса является ведение разумной национальной политики. История знает немало примеров, когда любые националистические высокомерия, любые проявления ущемления прав национальных меньшинств, приводили к тяжелым, порою трагическим последствиям.

Что касается межгосударственных региональных интересов, лучше и разумнее было бы если возникшие спорные вопросы решали бы историки на сугубо научной и реальной основе на конференциях, форумах и семинарах. Тогда отпадает необходимость

их решения грубыми политическими, а еще хуже силовыми методами.

Вышесказанное приводит к убеждению о том, что на современном этапе политикам следует на объективной и разумной основе использовать огромный созидательный потенциал исторической науки для консолидации в своих странах и в жизненно необходимом общерегиональном интеграционном процессе, от которого во многом (если в неполной мере) зависит судьба нынешних и будущих поколений народов Центральноазиатского региона.

В создавшейся сложной ситуации одна из важнейших задач каждого ученого-историка – не теряться как среди множества мнений, порой основанных на выдергивании отдельных фактов и их интерпретации в соответствии с требованиями сложившихся в прошлом методологических мышлений, с одной стороны, так и в появившимся течениями и суждениями под видом «деидеологизации истории», с другой. В этом общем хаосе стремление находить «историческую правду» причем сиюминутную, выгодную и удобную, тем более с соблазняющим авантюристическим прицелом на личную политическую карьеру, не только трудно, но и опасно крепко держать линию, соответствующую канонам подлинного историзма. Но другого пути у нас просто нет. Мы стоим перед дилеммой: или будем бороться и выстоим правду истории, внесем достойную, без преувеличения судьбоносную лепту в обеспечение межнационального, межгосударственного согласия, братского взаимоотношения и тем заложим прочную основу для наращивания всеохватывающего регионального интеграционного процесса, без чего немислимо наше счастливое будущее, или, занимая ожидательную позицию, всецело доверяясь инициативе политиков, сохраним это кризисное, а то и депрессивное, состояние народного хозяйства, угрозу внешнеэкономической экспансии и прозябания на многие десятилетия. Тогда эти проблемы будут решать наши внуки и правнуки, но, может быть, на еще более трудных условиях, что для нас было бы непростительным упущением.

*Новая история Центральной Азии.
Переоценка истории, современные проблемы и подходы
(Материалы международной научной региональной
конференции 13-14 сентября 2004 г.).
– Ташкент, 2004. – С. 119-126.*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, И НОВОГО ВРЕМЕНИ

В настоящее время, когда вопрос стоит об интеграции региональной исторической науки и создании совместными усилиями учёных труда «История Центральной Азии», нельзя не восхищаться той смелости и ответственности, которую брала на себя инициативная группа по координации усилия учёных в этом направлении.

Приветствуя этот благородный шаг, вместе с тем нельзя скрывать чувства обеспокоенности в связи с чрезмерной политизацией нашей исторической науки после распада Союза и приобретения полной независимости наших республик. Именно она может стать главным препятствием в создании общей для всех единой концепции, так необходимой в подготовке этого давно желаемого труда. Ведь длительный марафон по пересмотру своих исторических корней и степени участия в региональной цивилизации, берущих своё начало с периода так называемой горбачёвской перестройки, набирала невиданный размах в 90-е годы прошлого века, является одним из главных показателей внедрения амбициозно-политических групп, рвущихся к власти. Стремление к «углублению» истории происхождения своих предков, сложения их в народности и по расширению пространства их обитания за счёт вытеснения других, в том числе и древнейших аборигенов края, вот что пока достигла региональная официальная историография. Причём всё это налагается не с учётом академических требований, а на официальном политико-административном уровне.

Разумеется, можно понять интересы лидеров государств региона-эффективнее использовать уроки исторического прошлого для воспитания, укрепления национального самопознания своего народа, главным образом подрастающего поколения, в полной мере при этом осознавая созидательную силу истории и исторического восприятия.

Неспроста все президенты региона свои исторические видения в виде объемистых исследований представители широкой аудитории отечественных и зарубежных читателей. В этом плане они как зрелые политики, чувствуя ритм времени, не могли ждать, когда профессиональные историки определят в соответствии с происходящими бурными переменами в обществе и разработают приемлемые

концепции с учётом требований современной историографии. В этом плане надо отдать им должное.

Что же касается наших профессиональных историков, то откровенно отметить, что в последние годы они всё больше и активнее втягиваются в нормальное русло настоящего исследовательского процесса. В этом плане очевидны воздействия тех встреч (конференций, симпозиумов), в ходе которых происходит не только решение дискуссионных вопросов, но и попросту налаживаются личные контакты между учёными, знакомятся с перспективами исследовательских работ коллег из соседних республик. Настоящая конференция является как бы логическим продолжением и в какой-то мере итогом предыдущих встреч и начало нашего непосредственного сотрудничества и создания общерегиональной истории, необходимость которой давно назрела. В этом плане откровенно отметить, что нас здесь в Алма-Ате объединяет одна цель: соответственно новым стандартам развития общественных наук, обсудить и определить основные проблемы нашего будущего серьёзного коллективного труда «История Центральной Азии». Это налагает на нас неизмеримо огромную ответственность. При ещё наслужившихся новых принципов и единого взгляда, при ныне существующем множестве взаимоисключающих интересов и направлений придерживаться, вернее руководствоваться единственно верным принципом – историзмом не так уж легко.

Вдохновляет тот факт, что идёт процесс постепенного преодоления разобщенности взглядов. Всё больше, на нас вселяется уверенность, что опираясь на реальные возможности и на верность критериям научно-академической требовательности, мы всё же сможем создать этот намеченный совместный труд, которого даже в советский период, несмотря на наличие единой общей методологии, не смогли создать, хотя в этом, направлении были серьезные намерения: обсуждались неоднократно планы, перспективы, и даже выделялись соответствующие средства. Поэтому та целенаправленность в создании такого труда, наличие которой ощущается ныне, вселяет уверенность, что мы обязательно преодолеем те имеющиеся разногласия и в перспективе представим на суд специалистов из широкой аудитории отечественных и зарубежных читателей намеченный труд.

Конечно, первый шаг во всех отношениях в этом направлении не может быть абсолютно свободным от недостатков. Но в одном можно быть уверенным, что созданная на первых порах в одном

томе «Краткая история региона», будет определяющим действием в консолидациях здоровых профессиональных историков в создании многотомного академического труда «История Центральной Азии».

Что же касается проблем, на которые следует обратить внимание, то их множество по всем периодам. Учесть все их и решить с учётом приемлемого для всех единого взгляда практически невозможно. Споры между учёными всегда были и будут. Это естественный процесс в любой науке. Важно, чтобы мы всегда стремились исходить из принципа взаимного уважения, аргументированности выводов, избегание предвзятости, абсолютизации своих исторических достижений в ущерб другим. Пока симптомы таких недугов в нашей историографии более чем заметны. Они проявляются, прежде всего, при решении таких проблем, как:

1. Определение пространства обитания наших предков в глубокой древности, выявление этнографических корней и компонентов, формирование народности и создание государственно-административных институтов;

2. Решение спорных вопросов, относящихся к определению степени участия наших предков в региональной и мировой цивилизации.

3. Выявление степени причастности каждого из наших народов тех или иных судьбоносных для региона событиях.

4. Определение ареала распространения представителей тех или иных народностей при том или ином династическом управлении.

5. Изучение степени причастности народов в общерегиональном культурном процессе.

Эти и другие вопросы, которые деликатно обходило советская историография ради сохранения незыблемости устоев интернациональной дружбы, уважения к принципам общности культуры, после распада Союза и приобретения независимости стали центральными проблемами всех республик региона. В этом бесспорно сказывалось и полутора десятилетней ограниченности в рамках того пространства, в котором размещаются наши республики. Исходя из позиции вседозволенности, появилось немало псевдоисториков которые ради приобретения ложного авторитета и административной карьеры, пытались и пытаются возвеличивать, абсолютизировать причастность своих предков в общерегиональных исторических процессах и культурных достижениях. Это приводило как не парадоксально к необузданным историческим достижениям дру-

гих народов. Этими нечистоплотными приёмами они с каждым годом всё больше увеличивали пространство отчуждения наших народов не только отчуждению и на уровне межгосударственных, политических, экономических и культурных отношений в регионе.

Видимо, нам было суждено переболеть этой исторической болезнью, исторической манией величия, отчуждения, ощутить потерю разобщенности во всех сферах жизни, главным образом в историческом восприятии, и в очередной раз убедиться о том, что мы просто обязаны быть вместе, ибо и история, и то пространство, в котором жили наши предки, живём мы и должны жить наши дети. Да, нам остаётся придерживаться не только высокого уровня добрососедских отношений, но и бережного чувства к тем представителям национальных меньшинств, которые живут в наших республиках и по праву гордятся ими, считая себя полноправными их гражданами, тем более что в регионе нет такой республики, в которой не проживали бы представители всех соседних республик, имеется в виду их титульные нации. Да и в мире не существует мононациональных государств.

Кроме того, при написании истории государства следует исходить из такого принципа, что она так или иначе соприкасается с историей соседних государств. Это в большей мере относится к истории центральноазиатских республик: их отделить друг от друга при всём желании невозможно. Это налагает на нас, историков, большую ответственность. От правдивого беспристрастного и предвзятого изложения нашей истории в целом и каждого из народов в отдельности, напрямую зависят наши взаимоотношения, симпатии не только в рамках своих республик, но и во всём Центрально-азиатском пространстве. От этого во многом зависит как обеспечение политической стабильности, так и достижение прогресса в экономической, социальной и культурной жизни государств и народов региона.

Теперь хочется высказать свои соображения по поводу некоторых, на наш взгляд проблем, требующих объективного изучения. Среди них следует особо выделить:

а) Очевидна необходимость тщательно изучения миграционного процесса во всём Центральноазиатском пространстве. При объективном подходе в этом направлении удаётся определить древние корни и территории обитания наших предков, появление племенных общин и союзов, их передвижение. Только этим можно объяснить объективно историю этногенеза каждого из народов региона.

решение которого ставят во главу угла, как политики, так и многие учёные, представители титульных наций Центральноазиатских республик. Разумеется, исследование проблем, связанных со сложением этногенеза является крайне щепетильной трудоёмкой работой, но вполне разрешимой с учётом уровня современных научных достижений, как в области археологии, так и новых методов определения антропологических особенностей.

б) Много проблем остаётся нерешёнными и по истории формирования государственных образований и сложения народностей. Аргументированный подход может снять множество разногласий и взаимоисключающих мнений.

в) Немало разногласий, как отмечено, имеется по определению степени причастности к региональному и мировому цивилизационному процессу. Здесь также мешают возрастные планки. Не обязательно их искать глубокой древности и раннем средневековье. Их можно обнаружить и более поздние периоды. Главное, аргументировано доказать особенности, присущие тем или иным народом.

г) Недостаточно изучена история взаимоотношения народов региона в позднесредневековом периоде (XVI – первая половина XIX вв). Ведь кроме феодальной раздробленности с присущей ей междоусобицей хаоса и разорения, были и нормальные торгово-экономические и культурные взаимоотношения.

д) Крайне поверхностно изучена история нашей совместной борьбы против иноземных захватчиков. Их было немало как в древности, так и в средневековье и в последующие периоды.

е) Множество противоречий наблюдается в изучении истории завоевания и присоединения Средней Азии к России. Односторонность подхода к этой проблеме прослеживается как в трудах дореволюционных русских, так и советских исследователей. Совершенно другая крайность наблюдается в современной региональной историографии. При этом совершенно упускается из виду тот круговорот внутренних событий, которые охватывали все ханства и другие мелкие и более крупные государственные образования. Само ревнивое отношение и постоянная вражда между придворными группировками, постоянные военные действия между крупными ханствами, сепаратизм феодалов, прочно утвердившиеся традиции мелких самостоятельных и полусамостоятельных владений, главным образом, горных, не давало никаких шансов на мирное развитие. К тому же незыблемость устоев феодальных отношений, а в горных отдалённых владениях и патриархально-родовых отноше-

ний, хронический застой и прозябание в то время, когда все более активизировались колонизаторское стремление капиталистических держав, когда конкретно регион, стал объектом колониальной политики Англии и России, которые лишили малейших надежд на перспективы консолидации и создания централизованных государственных образований. Нельзя однозначно утверждать о том, что если бы не завоевание России, у России, у ханства Средней Азия и других государственных образований, был бы иной, более благополучный шанс политического, социально-экономического и культурного развития в перспективе.

ж) Как в региональной историографии, так и в отечественной недостаточно изучены (имеется в виду в общеисторическом контексте) самостоятельные горные владения Восточной Бухары, Памира и Бадахшана, а без них история региона была бы неполной.

з) Недостаточно чёткая и аргументированная позиция прослеживается в отношении проблемам касающихся истории общественно-политической мысли. Нет чёткой классификации и объективной оценки различных течений. Без этого трудно выявлять роль передовой части интеллигенции в целом и каждого представителя общественно-политических течений в отдельности.

и) При написании истории региона следует максимум избежать её политизации, шарахания из стороны в сторону. Как бы не звали её: дореволюционной, советской или постсоветской во всех случаях она наша история. Она должна найти своё отражение в наших исследованиях такой, какой она протекала на самом деле. Историческая правда рано или поздно пробивает себе путь. Исходя из этого, мы должны приложить максимум усилий, чтобы не было нам стыдно перед нашими грядущими поколениями. Ведь историю мы пишем ради них, ради их сближения и всеобъемлющего процветания региона в целом и каждой республике в отдельности. Единственный путь в этом направлении предельная объективность, непредвзятость и ясность изложения нашей совместной истории.

Социализм: Теория и практика.
— Душанбе, 2006. — № 1-2. — С. 49-55.

ВРЕМЯ, ПОРОДИВШЕЕ ГЕНИЯ

Годы жизни выдающегося таджикского ученого-энциклопедиста эпохи средневековья, получившего мировую известность – Абуали ибн Сино, совпадают с периодом усиления нестабильности (политической, экономической, социальной), который охватил могущественное государство Саманидов и приведший к его падению, на обломках которого образовались отдельные государства – Караханидов и Газневидов. Следует отметить, однако, что формирование личности Абуали ибн Сино, его общественно-политическое и научное мировоззрение как выдающегося энциклопедиста сложилось на том твердом, цивилизованном фундаменте, который заложили Саманиды. Исходя из этих реалий, следует рассмотреть жизнь и деятельность его в контексте сложившегося исторического процесса, как продукт той эпохи.

Саманидское государство как типичное феодальное государство во второй половине X в., несмотря на усиления кризиса и начавшиеся симптомы предстоящего распада, все же занимало обширное пространство, охватившее почти всю Среднюю Азию и часть территории нынешнего Ирана – Хорасан.

Период Саманидов по единодушному мнению всех специалистов, в той или иной мере причастных к исследованию истории Центральной Азии IX-X вв., является вершиной достижения во всех направлениях политической, социально-экономической и культурной жизни феодального общества. Не случайно, учитывая цивилизованное его воздействие регионального и мирового масштаба, этот период однозначно в исторической науке получил название «эпохи Саманидов».

Абуали ибн Сино, как и всякое другое гениальное явление или яркая личность, являлся продуктом своего времени. «По происхождению таджик, – писал известный советский ученый А.Ю. Якубовский, – Авиценна и как ученый сложился на таджикской культурной почве в самом центре Средней Азии – Саманидской столице Бухаре».¹ Он не только впитал в себя все достижения общественно-политической и научной мысли эпохи, но и сумел их поднять на доселе невиданные высоты. О научных достижениях этого, поистине энциклопедического гиганта написано немало, и будут писать, так как многие грани его гения могут раскрываться

¹ Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. (К 1000-летию со дня рождения (по хиджри – мусульманской лунной зре) // Вопросы истории. М.: Изд-во «Правда», 1959. – №9 (сентябрь) – С.87.

по мере новых и грядущих научных открытий. Его слава, как и имя вечны, также вечны стремление постижения глубин его научного мышления в целом, отраслевых открытий, в частности. Мы же ограничимся лишь кратким освещением той эпохи, которая породила Абуали ибн Сино и целую плеяду выдающихся энциклопедистов, принесших своему народу мировую славу.

Политическое устройство государства Саманидов соответствовал потребностям развитого феодализма, и имело следующие характерные особенности:

- в государстве Саманидов прослеживаются все атрибуты средневекового мусульманского государства;

- благодаря усилиям Исмаила Саманида государство было освобождено от политического влияния Халифата;

- основные традиции государственного управления эпохи Саманидов не только были сохранены, но и были усовершенствованы в организации аппарата управления;

- оно основывалось не на конгломерате различных народностей и деспотических государственных образований, а на выработанной в длительном историческом процессе оптимальной структуре управления таджикским народом, приобретшей свою государственную независимость, и создавшей гибкую централизованную власть;

- эти традиции были заложены в основу управлений всех государственных и династических перемен после падения государства Саманидов, и не только в среднеазиатском регионе, но и далеко за его пределами.

Саманиды создали стройную систему государственного управления,¹ при котором эмир или шах, сосредотачивая всю полноту власти правления страной своих руках, осуществлял через военно-гражданские управленческие учреждения – диваны, которые существовали всегда при Сасанидском Иране. Видимо, заведомо зная об эффективности системы диванов, при установлении власти Аббасидов и привлечении к государственным делам местной аристократии, они использовали её в создании своей государственной структуры.²

Согласно сведениям Наршахи, в Регистане, где еще в древности при джахилия (до утверждения ислама – Х.П.), имелись дворцы

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч., т.1. М., 1963. – С.285.

² См.: Мец А. Мусульманский ренессанс. Перев. с нем. Д.Е.Бертельса. М., 1966. – С.70-73.

государей, «при правлении эмира Сеида Наср бин Ахмад бин Исмоил поступавший благородно, тративший много, велел построить дворец по красоте и великолепии, не знавшим доселе равных себе. Он также велел, чтобы рядом строили дворцы для ведавших высоких государственных служб. В каждом из них были размещены диваны в следующем порядке: диван визир, государственное казначейство, диван муставфи, диван сохибшурат, диван сохибмуайяд, диван шараф, диван маликаи хос, диван мухтасиб, диван авкоф, диван казо».

В обязанности диванов соответственно входили выполнения следующих функций:

– диван визир считался главным, в подчинении которого находились все другие диваны. Он, выполнял роль контролирующего органа над всеми военно-политическими, административными и хозяйственными учреждениями;

– диван муставфи выполнял функции государственного казначейства;

– диван амид ал-мульк – главная государственная канцелярия, ведавшая всеми важными государственными документациями, в том числе договорами и прочими бумагами, относящимися к отношениям с другими государствами;

– диван сохиб аш-шурат – ведавший эмирской гвардией и контролирующий за продовольственным обеспечением армии и выплаты жалованья войскам;

– диван сохиб ал-барид – возглавлял почтовые службы с многочисленным штатом гонцов;

– диван мухтасиб – контролировал торговлю, следил за рыночными ценами, качеством товаров и торговых сделок. Этот диван имел своих представителей – (мухтасибов) во всех городах и крупных торговых центрах;

– диван мушрифов – выполнял функции государственного контроля, в том числе за доходами и расходами казначейства;

– диван авкоф (диван вакуфный) – ведал государственными землями и осуществлял общественный контроль за другими землями, принадлежащими религиозным учреждениям;

– диван казо (судейский) – возглавлялся главным казием (судей).

Следует заметить, что Наршахи не упоминает о десятом диване,

¹ Наршахи. Таърихи Бухоро. (Подготовил к изданию, автор предисл. и примеч. Н.Касимов, ответ. редактор А. Мухторов). – Душанбе: Дониш, 1979. – С.25

недавнего военными делами (лашкар). Видимо, он, указывая на те диваны, разместивших в соответствующих вышеназванных дворцов-диванов, которые находились у Главного эмирского дивана, а военный диван согласно мнению специалистов не имея постоянного местопребывания, зависело от перемещения главных сил саманидской армии.¹

Функции этих диванов, по сути заложивших начало гибкой классической структуре государственного управления, и поныне прослеживаются в передовых странах мира. Подобная структура государственного управления способствовала созданию мощного политического и экономического воздействия, которое прочно утвердило его влияние почти на всем Центральноазиатском пространстве и далеко за его пределами. Именно создание такого мощного экономического организма стало главным условием, обеспечивающим его политическую независимость от арабского халифата, что благоприятно воздействовало на создание мощной системы ирригационных сетей, охватившей все богатые оазисы обширной территории. Высокая культура земледелия традиционно присущая оседлому населению, главным образом, таджикам и обеспечила процветание государству Саманидов, насколько позволяло возможности феодального общества с присущим ему наличием постоянных центробежных стремлений отдельных областей.

Несмотря на развитость ремесленного производства, как и в другом любом развитом феодальном государстве, в экономике государства Саманидов определяющее значение имело земледелие, развитие которого обеспечила самая передовая во всем среднеазиатском средневековье система орошения, созданная в той эпохе. Свидетельством того являются такие крупные высокоэффективные ирригационные сооружения, как Варагсарское (в Самаркандском Согде), Рудизарское (в Бухарском Согде), Бунджикатское (в Уструшане), Мургабское (в Мервском Хорасане), Нижнеамударьинское (в Хорезме)² и др. К этому следует добавить и действующие тогда сложные системы подземных корризов в Пенджикенте, Уструшане и Копетдаге, ряд из которых (Токсанкориз в Пенджи-

¹ О функциональных деятельности диванов. См.: Гафуров Б.Г. Таджики, древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. – С.341-342.

² Искандаров Б.М., Негматов Н.Н. Эпоха Абуали ибн Сино // Торжество разума (материалы Международной сессии посвященное 1000-летию со дня рождения Абуали ибн Сино (Авиценны). – Душанбе: Дониш, 1988. – С.19.

кентском районе, Даргомский канал в Самаркандской области Республики Узбекистан) действуют и поныне.

Судя по сведениям среднеазиатских биографов, хронистов Мавераннахр эпохи Саманидов считается цветущим краем. Это можно подтвердить словами везира Саманидского эмира Наср ибн Ахмада (914-943) Джайхони (ум.942). В своем сочинении «Ашкол-ул-олам» он пишет: «Мавераннахр принадлежит к числу самых богатых областей, его жители по природе своей являются здоровыми, смелыми и мужественными. Из всех краев, которые упомянули, только Мавераннахр не знает частых повторений голода. Если даже бывают ненастные годы и падение урожая, то всегда их выращенного хлеба хватает на пропитание жителей. В Мавераннахре нет пустующих полей. В ряде сел и городов возделывают богарные сельскохозяйственные культуры, много лугов. В Мавераннахре готовят специфическую пищу, которую не встретишь в других странах. По своему вкусу и легкости, вода не имеет себе равной в других краях. Во всех горах текут реки, она (т.е. вода – Х.П) достаточна и на долинах... Развитое животноводство. Избыточно количество таких животных как бараны, коровы, ослы, лошади, верблюды. Оно не только удовлетворяет потребности населения, но вполне хватает и для удобрения полей. Выращиваемый им хлопок, не только их одевает, но и остатки вывозят за рубеж. Много производят ткани. То же самое можно говорить об обилии золотых, серебряных, бронзовых копий и ртути. Качество изделий, изготавливаемых мастерами Мавераннахра, не имеет себе равных. Лучше их наштабля и бумага нельзя найти вне Мавераннахра.

Фруктовые плоды, имеющиеся в Согде, Уструшане, Фергане и Шоше, дают такое обилие урожая, что излишки идут на корм скота. Все, то что не идет в потребление местных жителей вывозят за пределы страны для продажи».¹

Почти то же самое повторяется в сочинении другого известного географа средневековья Абуисхака Ибрагима Истахри (Ал-Истахри) (род. 849): «В Фергане, Шоше, Уструшане, – пишет он, – как и на всей территории Мавераннахра, так много садов с разнообразными фруктовых деревьев, что между ветвями нет почти

¹ Абулкосим ибни Ахмади Чайхони. Ашкол-ул-олам. Тарчумаи Али ибни Абдуссалом Котиб (асри XIII) // Сомониён дар оинаи таърих (чилди дувум. Мутои арабиасл). Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил. Т.2, 1998. – С.51-52. Матн аз руи нашри Эрон. Бо мукаддима ва таълимоти Фирузи Мансури. Интишороти Кудси Разави 1368/1989 таъия гардидааст.

свободного пространства. Множество лужаек и лугов прибавляют к природе такую красоту, которую невозможно наблюдать в других частях света».¹

Известный арабский путешественник и географ Ибн Хавкал (вторая половина X в.) в своем сочинении «Сурат-ул арз» пишет: «Мавераннахр известен всему миру своим продовольственным богатством и изобилием, что делает голод и неурожайности невозможным, сели, даже засуха или другие природные бедствия коснутся части этого края, то другая часть (почти без ощутимого ущерба для себя – Х.П.) обеспечивает ее продуктами питания».² Далее Ибн Хавкал, опираясь на услышанные им сведения, пишет: «В Чаче и Фергане обилие корма придавало животноводству такое развитие, которое не наблюдается нигде: здесь один подданный может иметь от ста, пятисот – до двух тысяч голов скота, не являясь чиновником или приближенным к султанскому двору».

Жители Мавераннахра несмотря на такую даль с необходимыми богатствами, на своих верблюдах ездят на паломничество в Мекку. Их куда больше по сравнению с паломниками из других мусульманских стран».³

Такие же лестные информации о природном богатстве и развитости сельского хозяйства находим и в другом важном историческом сочинении арабского писателя и ученого XII в. Якуби Хомави «Муъджам-ул-булдон». Опираясь на доступные ему факты, он пишет: «Мавераннахр является самым богатым краем... Его жители даже в годы засухи и неурожайности не знают голода, так как даже то количество зерна, которое дают районы, избежавшие природного бедствия, вполне могли обеспечить районам, оказавшимся в зоне бедствия, и не вызывать необходимости ввозить зерно из других государств».

Все, что необходимо для жизни подданных производится в избытке. Во всем пространстве почти нет пустующих полей, они все заняты под пашнями, садами, пастбищами. Все, что необходимо человеку производят в количестве выше потребности населения... Развито животноводство. В изобилии мясная продукция. Из западных районов Туркмении пригоняют в большом количестве бара-

¹ Абуисхок Иброхим Истахри. Мамолик ва масолик. В перев. с арабского на персидский язык Мухаммад Тустари в 1296 г. с текста изд. в Тегеране 1994 г. // Сомониён дар оинаи таърих. – Т.2. – Хучанд 1998. – С.89.

² Ибн Хавкал. Сурат-ул-арз // Сомониён дар оинаи таърих. Т.2. – Хучанд, 1998. – С.139.

³ Там же. – С.141.

нов. Производят много хлопковых материй, которых не только полностью хватает на одежду жителей, но и являются важным предметом вывоза. То же самое можно говорить о шерстяных, шелковых тканях. Особо ценится ходжентский шелк. В этой стране, как ни в одной другой имеется множество залежей ртути, меди и других, из которых изготовляют необходимые для нужд населения продукции».¹

Несмотря на удивительные совпадения сведений вышеуказанных авторов о развитии культуры земледелия и высоких производительных показателей или изобилия сельхозпродуктов, все же нельзя упустить из виду, что Саманидское государство находилось на том уровне развития производительных сил и производственных отношений, когда господствующие отношения стали феодальными.²

Следует отметить, что средневековые авторы, будучи выразителями интересов крупного феодала, с присущей им манерай при изложении материала, несколько сгущали краски, что исходило из панегирического характера их изложения. Склонность абсолютизации социально-политических реалий того периода и излишнее их восхваление требует критического подхода к их наследиям. Неслучайно сравнивая их сведения с выводами советских исследователей, основанные не только на письменных источниках, но и на археологическом материале, нельзя не заметить существенную контрастность во мнениях авторов, которых друг от друга отделяет более чем тысячелетнее временное пространство. Но это никак не может приводить к взаимоисключающим взглядам, ибо средневековые авторы, будучи выразителями интересов господствующего феодального класса, как правило, преднамеренно обходили проблемы, связанные с освещением положения настоящего производителя сельхозпродукции – крестьянство. А они как раз и занимали незавидное положение. В этом плане нельзя сомневаться в выводах А.Ю.Якубовского о том, что крестьянство при Саманидах продолжало жить сельскими общинами и в условиях земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении, Саманидское государство отличалось малоземельем. «Сельским общинам, – пишет он, – не хватало земли, рядовой земледелец, как общинник, не мог прокормить себя и свою семью; выход из этого тяжелого по-

¹ Ёкути Хамави. Муъчам-ул-булдон // Сомониён дар оинаи таърих. – Т.2. – Худжанд, 1998. – С.289-290.

² Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время // Вопросы истории. М.: Правда, 1952. – №9. (С.87-100). – С 89.

живания он искал на стороне и находил ее на земле крупного землевладельца-дехканина, (как тогда их называли – Х.П.). Последний не был крупного хозяйства: оно ему было не выгодно, а сдавал землю мелкими участками на основе издольных аренд, которые носили кабальный характер. Крестьянин, как издольник, работал чаще всего из четверти, то есть четверть урожая оставлял себе, а три четверти отдавал землевладельцу». ¹ Он выплачивал в казну государства харадж (земельный налог), который составлял от 1/3 до 2/5 часть получаемого им урожая. На крестьянине лежали тяжелые повинности в виде работы по постройке и ремонту дорог, мостов, проведению и очистке арыков, постройке городских стен, дворцов и т.д. Они страдали и от чиновников, особенно финансово-податных, в руках которых был сбор хараджа и других налогов. ²

Дехкане, представляющие класс крупных феодалов, сосредотачивали в своих руках основной земельный фонд. Фактически себя считали потомственными землевладельцами и даже независимыми. Поэтому порою не желали платить налоги, и этим демонстрировали свою враждебную позицию в отношении властей и централизации управления, к которой, как известно однозначно ревниво относились Саманидские правители. При Саманидах появилось служилое землевладение – Икта. Она давалась за усердие в военной и гражданской службе. Если первоначально владельцы икта получали ту часть налога, которая предназначалась казне в ходе службы, то постепенно получали наследственное право на икта. С конца XI в. они превращаются в феодалов, а крестьяне – в личную зависимость от иктадора. Немало случаев, когда в крупных иктадоров пробирались военачальники тюркской полунаемной, полурабской гвардии, которая впоследствии и составляла ядро войска Саманидских эмиров. ³ В крупных землевладельцев при Саманидах превращались и высшее мусульманское духовенство. Особенно это было заметным в годы правления Нуха ибн Насра (943-954) и в последующие годы правления Саманидов это явление больше усилилось. ⁴

Следует отметить, что в эпоху Саманидов процесс формирования средневекового среднеазиатского города шел к своему логическому завершению. «Уже к концу X в., – пишет А.Ю. Якубовский,

¹ Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время // Вопросы истории. М.: Правда, 1952. – №9. (С.87-100). – С.90.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

– в наиболее передовых городах как Мерв, Бухара, Самарканд, Нишапур и других, а в XI в. и в городах второстепенных, если не закончился, то, во всяком случае, в основных местностях определился процесс сложения и оформления типичного феодального города Средней Азии».¹

Обстоятельное знакомство с имеющимися письменными и материальными (археологическими) источниками приводят к убеждению, что в это время происходили коренные перемены во всех сферах городской жизни, как территориального роста, топографического усовершенствования, архитектуры, так и в социально-экономической и сословно-классовой структуре. Именно к этому времени почти полностью сложилась и стала классически определяющей топографической структуры среднеазиатского города, состоявшего из кухандиза, шахристана, рабада.²

Определяющее значение городов в политической, социально-экономической и культурной жизни Мавераннахра и Хорасана в эпоху Абуали ибн Сино является очевидным фактом.

Города Мавераннахра и Хорасана в ту эпоху были довольно благоустроены, имели много садов и оросительных каналов, ансамбли дворцов, усадеб и культурных сооружений, базаров, караван-сараяев, развитую систему водоснабжения.³

Об этом свидетельствуют содержания письменных источников, оставленные современниками, которые не понаслышке знали состояния городов и городской жизни той эпохи, в которой жил, держал и творил великий Абуали ибн Сино.

Бухара при Абуали ибн Сино не только продолжала старые сложившиеся веками традиции (более чем за 500 лет до утверждения Саманидов) градостроения, но вступила в новый этап своего развития, качественно отличавшаяся от прежнего во всех отношениях, что способствовало ей приобрести мировую известность.

Автор книги «История Бухары» Наршахи в красочной форме дает подробное описание главного города государства Саманидов

¹ Якубовский А.Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Тр. Таджикского филиала АН СССР. – Т.29. – Сталинабад, 1951. – С.15.

² О сложении среднеазиатского города и состоянии городской жизни эпохи Саманидов подр. см.: Негматов Н.Н. Давлати Сомониён. Тоҷикон дар асрҳои IX-X. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С.118-133.

³ Искандаров Б.М., Негматов Н.Н. Эпоха Абуали ибн Сино // Торжество разума (материалы Международной сессии посвященное 1000-летию со дня рождения Абуали ибн Сино (Авиценны). – Душанбе: Дониш, 1988. – С.20.

– Бухаре. Он приложил усилия, как можно более подробно осветить панораму города, его величественность, важнейшие архитектурные сооружения и прочие достопримечательности. При этом довольно ясно и лаконично изложил историю сооружения отдельных городских объектов, в частности, указывая, что «от запада города Бухары до Мубадских ворот, называется Регистаном. В Регистане находились с древностей и в период джахилия (до исламский – Х.П.) царские дворцы».¹ Затем приводит сведения о построенных эмиром Насром II дворца и государственно-административных зданий для размещения диванов. Он указывает на радующий глаз мечети построенной при Нухе (943-954) и других отличающихся своей красотой и великолепием государственных, культовых и гражданских дворцов и сооружений, тенистых садов, водоемов. В частности, он подробно изложил неповторимые в своей красоте архитектурно-садовый комплекс Джуи Мулиён и дворец, построенный при эмире Мансуре ибн Нухе в 966-967 гг., а также другие сооружения Кораки Алавиён, расположенные на севере от цитадели и Регистана.² Приведены сведения и о других уникальных в архитектурном плане строениях – мечети, медресе, которыми славилась Бухара X в.

Ценные сведения о городе Бухаре имеются и в географическом сочинении неизвестного автора «Худуд-ул-олам», написанном в 982-983 гг., т.е. в то время, когда будущему ученому-энциклопедисту Абуали ибн Сино было всего 3-4 года. «Бухара, – пишется в этом сочинении, – является самым большим и благоустроенным городом в Мавераннахре и царь-городом (т.е. главенствующим – Х.П.) на всем Востоке».³

В своем труде «Ашкол-ул-олам» Джайхони, указывая на величие города Бухары, пишет: «Бухара находится на ровном месте и строения его деревянные. Город окружают дворцы и сады, местности и селения, соединенные между собой, общий размер которых составляет двенадцать на двенадцать фарсангов (фарсанг или фарсах равен 12 тысяч газам или 6 км – Х.П.). Вокруг этих селений возведена стена. Там нет ни пустых, ни возделанных полей. Вокруг административного центра тоже имеется стена, размер которого равен фарсангу на фарсанг. Там находится крепость (кухандиз), являющаяся местом пребывания шахов (царей) Хорасана из Саманидов. Стена кухандиза крепкая... Во всем Хорасане и Маверан-

¹ Наршахи. Таърихи Бухоро. – С.25.

² См.: Там же. – С.26-27.

³ Худуд-ул-олам. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.68.

нахре нет города более многолюдного и с таким количеством строений как Бухара».¹

Истахри не без основания писал, что «во всем Мавераннахре и Хорасане нет лучшего города, как по достатком питаний, так и по количеству и качеству строений, чем Бухара».² Такую оценку дает и другой арабский автор Якуб Хомави, указывая на Бухару, как крупнейший город Мавераннахра.³

Б.Гафуров, говоря о влиянии расширения торговых отношений между Ближним Востоком и Мавераннахром на развитие в Средней Азии базаров феодального типа, отмечает, что это приводило иногда к изменению внутренней структуры шахристанов, в других случаях измененный шахристан терял свое значение, а вне его развивался новый центр ремесла, торговли и т.д. Это видно на примере города Бухары, где экономическая и политическая жизнь все больше концентрировалась внутри шахристана. Там появился базар и кварталы ремесленников, были построены каравансарай.⁴ К середине IX в. город значительно расширился, его заново обнесли стеной, имевшей 11 ворот.⁵

Имеются соответствующие сведения о других городах Мавераннахра и Хорасана, авторы которых в большинстве своем опираются на свои наблюдения, то есть они передают описания тех городских панорам, каким их видел великий Абуали ибн Сино. Джайхони, давая описание города Самарканда с его крепкой цитаделью, указывает, что он является одним из крупных центров сосредоточения региональной торговли. Интересно и его мнение о том, что до того, как Исмаил Самани избрал Бухару в качестве столицы, Самарканд считался главным городом.⁶ Этот же автор даёт ценные сведения о Кеше, Нашхабе, Лутхакате (Бунджикат), Зомине (в Уструшане), Худсере (по В.В. Бартольд у Худайсар), Шаше, Ходжанде, Оше и других городах.⁷ Такие же сведения встречаются

¹ Чайхони. Ашкол-ул-олам // Сомониён дар оинаи таърих. – Худжанд, 1998. – С.58.

² Истахри. Мамолик ва масолик // Сомониён дар оинаи таърих. – Худжанд, 1998. – С.88.

³ Ёкути Хамави. Муъчам-ул-булдон // Сомониён дар оинаи таърих. – С.283.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. – С.363.

⁵ Сухарева О.А. К вопросу об исторической топографии Бухары X-XII вв. // Тр. АН Тадж.ССР. Т.27. – 1954. – С.28.

⁶ См.: Чайхони. Ашкол-ул-олам // Сомониён дар оинаи таърих. – С.61-63.

⁷ См.: Там же. – С.64-72.

в сочинении Ибн Хавкаля «Сурат-ул-арз». В частности, он указывает на Нишапур, Мерв, Балх, Герат, как крупнейшие города Хорасана. Наряду с этими он упоминает о множестве других городов Мавераннахра и Хорасана.¹

Словом, во многих источниках, так или иначе имеющих отношение к эпохе Саманидов, отмечаются место и значение таких крупных городов как Бухара, Самарканд, Кят, Ургенч, Кеш, Насаф, Бинкет (Ташкент), Мерв, Нишапур, Балх, Герат и многих других, которые были средоточиями торговли, ремесла и культурной жизни обширного Саманидского государства.

В источниках приводится немало фактов, свидетельствующих о достижениях того или иного города в совершенствовании отдельных видов ремесла. В частности, автор «Худуд-ул-олам», давая сведения о географическом расположении городов Мавераннахра и Хорасана IX-X вв., указывает и на их достижения в производстве того или иного вида ремесла. Согласно его данным, Самарканд славился производством бумаги, откуда вывозили ее по всему миру, здесь же производили льняные пряжи.² Кеш поставлял миру Тарангубин (особый растительный сок с душистым специфическим запахом применяемый в парфюмерии и изготовления особо вкусных блюд) и красную соль, Термез – славился мыловаренным, зелеными циновками.³ В небольшом городке Дорзанли (в Чаганиане) производили много пайтоба (портянки из изящной ткани), ковровые и шерстяные изделия.⁴

В целом, Средняя Азия и Хорасан славились изделиями своей ремесленной промышленности: хлопчатобумажными, шелковыми и шерстяными тканями, бронзовыми сосудами (кувшины, чаши), украшенными орнаментами и надписями, холодным оружием, предметами из кожи (обувь, седла, конские сбруи, колчаны).

Согласно данным очевидцев, в Саманидском государстве несравнимо бурно развивалась торговля. Хотя многие из вышеперечисленных городов были и крупными торговыми центрами, но Бухара все же занимала ведущую роль. Наршахи, указывая о довольно высоком уровне торговли в доисламской Бухаре, пишет не

¹ См.: Ибн Хавкаль. Сурат-ул-арз // Сомониён дар оинаи таърих. Ҷилди дуввум, 1999. – С.138-147

² Худуд-ул-олам // Сомониён дар оинаи таърих. – С.54-55.

³ Там же. – С.55.

⁴ Там же. – С.56.

⁵ Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. – Вопросы истории. – С.88-89.

только о сохранении данной традиции, но и её развитии на качественно новом уровне. Согласно его сведениям, ежегодно пребывая для сбора налогов представителей халифата в Бухару на всю взимаемую им сумму, требовали высококачественную ткань для халатов высших сановников – занданаджи (самой высококачественной шелковой алачи). Таких искусных мастеров не было в других городах. Специально приезжающие из Шома и Египта, купцы вывозили этот товар, которому не было подобных в городах Рума (Византии) и во всем Хорасане. Было время, когда мастера этого дела переселялись в Хорасан, но там при всех их стараниях не могли производить равного бухарским качествам. «Ни один шах, – пишет Наршахи. – эмир, другой владетель, или вельможа не обходился без халата из такого материала. Он красился в красный, белый и зеленый цвета. И сегодня (период правления Саманидов – Х.П.) на халат из занданаджи во всех областях (Мавераннахра и Хорасана – Х.П.) самый высокий спрос».¹ Она пользовалась широкой популярностью далеко за пределами Мавераннахра. Материю эту вывозили во все области Ирана, Форса, Хиндустана и другие.²

При довольно широком ассортименте товаров, вывозимые из Бухары, особо выделялись овечья шерсть, масло для смазывания волос, мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для застилки полов, конские седла и другие изделия. Из Самарканда вывозились ткани симгин (серебристый), парча, которую отправляли к тюркам, красные ткани, называемые мамарадшиль, ткани синизи, разные шелковые ткани, кроме того – палатки, стремяна, удила, ремни, большие медные котлы, орехи и т.д. Этот перечень можно продолжить и в отношении широкого ассортимента товаров, которые вывозились из других крупных и средних городов Мавераннахра и Хорасана при правлении Саманидов.³

Почти все исследователи единодушны в том, что города Средней Азии были не только средоточием товаров, но и служили основной базой, обеспечивающей необходимыми товарами для внешней – или как тогда называли «дальней» караванной торговли.

В отдельных крупных торговых центрах функционировали яр-

¹ Наршахи. Таърихи Бухоро. – Душанбе: Дониш, 1979. – С.21.

² История Узбекской ССР. – Т.1. – Книга первая. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1955. – С.196.

³ Подробнее см.: История Узбекской ССР. – Т.1. Книга вторая. – С.196-198; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. – С.360-363; Ньматов Н.Н. Давлати Сомониён. – С.91-96.

марки. Одна из них была в городе Марсманде (Истаравшан). На эту ярмарку, которая считалась одной из основных центров добычи и поставки железа, приезжали купцы из далеких стран. Ее общая реализация товара была равна свыше 100 тысячам динаров. Оружия, изготавливаемые здесь местными мастерами, имели большой спрос в Хорасане, Иране и Багдаде.¹

В период правления Саманидов особое развитие получила караванная торговля с Китаем, Ираном, Кавказом, государствами передней Азии. Опираясь на сведения средневековых авторов, Б.Г. Гафуров указывает, что караванный путь между Ближним Востоком и Китаем пролегал по Мавераннахру. Он начинался в прибрежных средиземноморских странах, проходил через Багдад, Хамадон, Нишапур, Мерв, Амударью на Бухару, а оттуда через Самарканд, Шаш, Тараз, Баласагун, Суяб и южный берег Иссык-куля вел в Монголию и Китай.² Судя по сохранившимся источникам, караваны порою доходили до внушительных размеров.

Согласно данным Истахри, Ибн Хавкал, Мукаддаси и др. средневековых географов и хронистов, слишком разнообразен и широк был ассортимент товаров, поступающих в Мавераннахр и Хорасан. Соответственно большие партии товаров вывозились из обширных владений Саманидов. Причем часто их сопровождали внушительное число людей и караван, состоящий из тысяч верблюдов и коней. Например Ибн Фазлон, участвовавший в качестве секретаря при посольстве Халифа Муктадира в Царство волжских булгар в 921-922 годах, пишет, что караван, при котором он находился, состоял из 5 тыс. человек и 3 тыс. коней, не считая верблюдов.³

В этом плане следует отметить и мнение действительного члена Русского географического общества И.Срезневского, опиравшегося также на сведения арабских средневековых путешественников. Согласно его заключению, в IX в. существовал тесный контакт между Русью и Средней Азией, иначе, как он указывает, «в Кратком очерке торговых путей» (по всей видимости, имеется ввиду труд ибн Хордадбега «Книга путей и государств» – Х.П.) того времени имя русское не занимало бы такого видного места.⁴ Комментируя

¹ Неъматов Н.Н. Давлати Сомониён: Тоҷикон дар асрҳои IX-X. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С.92.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. – С.362.

³ Там же. – С.363.

⁴ Срезневский И. Следы давнего знакомства с Южной Азией. Девятый век // Вестник Императорского Русского географического общества за 1839 год. – Книжка I. – СПб., 1854. – С.52.

письменные источники, автор далее для подтверждения их достоверности ссылается на найденные в начале XIX в. монетных кладов в России. По его словам академику Х.М. (Х.Д.) Френу¹ попался целый мешок старинных арабских серебряных монет, привезенных туда из Могилевской губернии, состоящих из 1300 цельных монет Омейядского и Аббасидского периодов (относящихся соответственно к 699-749 гг. и 749-815 гг.). В 1821-1823 гг. в 40-50 верстах от Витебска выкопано 100 фунтов арабских монет того же периода (734-735 гг.). Другой клад был обнаружен в 1823 г. в Крапивенском уезде Тульской губернии периода 710-817 гг.²

Опираясь на сведения Ибн Хордадбега А. Шепелев также подтверждает древность этих связей. Согласно его словам, «когда на Руси зарождались еще первые зачатки государственного устройства, русские люди успели развить свои торговые отношения с Востоком, что они уже играли немаловажную роль в балансе торговли Азии с Европой, иначе арабский писатель не упомянул бы так обстоятельно о путях, которыми следовали русские торговцы».³ Ссылаясь на «Книгу путей и государств» того же Ибн-Хордадбега, М.Д.Тебеньков сообщает о постоянных торговых отношениях в середине IX века. Согласно его мнению, «русские купцы ходили на кораблях по реке Славянской (Волге), проходили по заливу до хазарской столицы, где владелец брал с них десятину (пошлину). Затем они ходили к морю Джурджана (южная часть Каспийского моря) и выходили на любой его берег. Иногда они возили свои товары на верблюдах до Багдада».⁴ Относительно существования древних торговых связей высказывался также и А.Макшеев. «Отношения нашего Отечества с Туркестанским краем, — пишет он, — очень древние, предшествуют даже образованию Русского государства.

¹ Христиан Мартин Френ (1782-1851), ученик выдающегося немецкого ориенталиста О.Г.Тихсена, был приглашен в 1807 г. из Ростка (Германия) в Россию в качестве профессор и руководителя кафедры восточных языков Казанского университета, а затем с 1817 г. в Санкт-Петербург в Академии наук, где работал до конца жизни. Известен под инициалом Христиан Давидович. Более подробно о нем см.: Савельев П.С. О жизни и трудах Френа. — СПб., 1855.

² Срезневский И. Следы давнего знакомства с Южной Азией. — С.55.

³ Шепелев А. Очерки дипломатических и военных сношений России с Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1873 г. — Ташкент, 1879. — С.1.

⁴ См.: Тебеньков М.Д. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. — Тифлис, 1895. — С.13.

Многочисленные клады с азиатскими монетами, относящиеся ко времени с VIII до начала XI века (не позднее 1012 года), найденные в Северной России на пространстве от Казанской губернии, где жили волжские булгары до Балтийского моря и по Прибалтийским побережьям, свидетельствуют, что в это время производилась деятельная торговля между Средней Азией и северной Европой через нынешнюю Россию.¹

В изучение истории торговых связей России со Средней Азией внес определенный вклад Ф.И. Лобысевич. В своей работе «Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях», автор развернуто излагает вопросы, связанные с историей торгово-дипломатических отношений России с среднеазиатскими ханствами, не скрывая своих убеждений о том, что истоки этих отношений видны далеко до нашествия монголо-татар. Указывает на стремление русских найти выход в Азию. «Из приведенных сведений мусульманских источников, — пишет он, — ясно, что отношения русских с Азией начались еще до образования на Руси правильных форм государственного устройства. Если по показаниям Ибн-Хордадбеха русские купцы достигали до Багдада, то ничего мудреного, что те же славянские торговцы, а за ними, быть может, и партия удальцов-разбойников проникали еще далее на юг и в области Хорасана и Хорезма. Да иначе едва бы и могло быть. Откуда же наши предки могли уже в IX столетии настолько обогатиться, чтобы уплачивать деньгами дань варягам и хазарам и даже наполнять ими богатые склады, если бы не внешняя торговля с отдельными странами Востока».²

Дальнейший рост торговли России со Средней Азией А.Шепелев и Ф.И.Лобысевич связывают с падением Хазарского царства с начала XI в., после того, как сын Владимира Святого Мстислав получил в удел Тмутараканскую область прежней Хазарии. «Тем самым, — пишут они, — открывался русским уже беспрепятственный доступ к реке Дон, откуда они уже прежним путем

¹ Макшеев А.И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. Отт. из записки ИРГО по отделению этнографии. Т.6. — СПб., 1879. — С.3-4; Его же. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. — СПб., 1890. — С.49-50.

² Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношениях. — СПб., 1900. — С.6-7; См. так же. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X в. по Р.Х.). — СПб., 1870. — С.44-58.

через Волгу и Каспийское море могли еще более развивать свою торговлю со среднеазиатскими странами».¹

Мнение о древности русско-среднеазиатских торговых связей находит подтверждение и у советских исследователей. «Торговля Средней Азии с Восточной Европой, — писал А.Якубовский, — началась очень давно. До появления арабской географической литературы IX-X вв. О ней можно судить только на основании археологических данных».²

В X веке столица Хазарского царства — Итиль (у нынешней Астрахани) и Булгарского — Булгар (устье Камы) были наиболее крупными торговыми центрами Восточной Европы. «Если булгар был складочным местом на северо-востоке, то Итиль — столица Хазарского царства — был складом товаров для юго-восточной Европы, поскольку последняя вела торговлю с Кавказом, Персией и особенно с Средней Азией».³ Как утверждает академик Толстов С.П., в X веке торговля Средней Азии с Русью имела более оживленный характер.⁴

Разумеется, сохранившиеся археологические источники и сведения арабо-персидских путешественников, географов и историков не достаточны для определения хотя бы приблизительного объема взаимной торговли, но вполне могут дать общее представление об основных торговых путях и ассортименте товаров, подлежащих товарному или денежному обмену. Судя по тому перечню товаров, которые исследователи заимствовали у древних авторов из Средней Азии и Хорасана на Русь через Булгар вывозились ремесленные изделия: хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, бронзовые, украшенные орнаментами сосуды, холодное оружие, предметы из кожи (обувь, седла, конская сбруя, колчаны). Оттуда в Мавреннахр и Хорасан поступали кожи, различные меха (куница, соболь, бобр), рыбий клей и рыбы зубы, славянские рабы, русские и варяжские мечи и прочие товары.⁵ Но самые желаемые товары

¹ Лобысевич Ф.И. Указ. работа. — С.7; См. так же. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. — С.49-50.

² Якубовский А. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Туркменской, Таджикской ССР. — Вып. 3. — Ч.1. Л., 1932. — С.12. Следует заметить, что в обложке данной книги почему то год издания в отличие от титульного листа обозначено 1933 г.

³ Там же. — С.11.

⁴ Толстов С.П. Бируни и его время // Бируни (сборник). — М., 1950. — С.15.

⁵ См.: Якубовский А. Указ.соч. — С.13; он же. Абу Али ибн Сина и его время // Вопросы истории. — М.: Правда, 1952. — С.89.

для восточноевропейцев, главным образом, славян и русских, являлись мусульманские монеты (в большей части среднеазиатские), что является не только показателем торговых отношений, но и определителем экономической стабильности и мощи держав, производителей монетных знаков (кстати, обратный процесс этого прослеживается на примере утечки русских денежных знаков в XVIII-XIX вв. в Среднюю Азию). Поэтому неудивительно, что на болгарском базаре в большом количестве обращались мусульманские, главным образом саманидские дирхемы. Эти дирхемы и приобретались русскими за свой товар.¹ Хотя чеканились и золотые дирхемы, но они скорее играли функции сокровища и почти не использовались при торговых сделках, так как, согласно мнению специалистов, при уровне цен и объеме торговли того времени даже крупные сделки вполне обеспечивали серебряные дирхемы.²

В этой связи следует так же заметить, что наличие таких постоянных торговых контактов между древней Русью и Средней Азией, главным образом, периода Саманидов, свидетельствуют материалы, обнаруженные советскими учеными в результате археологических раскопок. «Археологические источники, – пишет Н.Негматов, – свидетельствуют о том, что в эпоху Саманидов из Средней Азии в Восточную Европу вывозилось большое количество серебра. Из государств Руси, болгарских владений и Хазарского государства в Среднюю Азию привозились пушнина, кожа, скот, рабы. Обнаружены в большом количестве Саманидские монеты не только в разных регионах России (до Москвы и Новгорода), но и на побережья Балтики (Финляндия, Дания), что свидетельствует о значительном развитии торговых связей между этими государствами».³ Большое количество серебряных дирхемов, привозимых мусульманскими купцами из разных мест Саманидского государства, главным образом из Средней Азии, обращалось на болгарских базарах.⁴

Тщательно изучая географию распространения и значимости Саманидских серебряных дирхемов, Б.Г.Гафуров пишет: «В X веке эти монеты получили название «Исмоили» – по имени Исмаила Саманида. Любопытно, что на территории Средней Азии дирхемы

¹ Якубовский А. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Востоком в X-XV вв. – С.12.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. – С.361.

³ Негматов Н. Давлати Сомониён. Тоҷикон дар асрҳои IX-X. – Душанбе, 1989. – С.95.

⁴ История Узбекской ССР. – Т.1. Кн. первая. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1955. – С.203.

исмаили встречаются не часто, тогда как в Восточной Европе и в Прибалтике найдены уже сотни кладов дирхемов исмаили. Следовательно, они в первую очередь, выполняли функцию мировых денег, хотя во внутригосударственной экономической жизни тоже играли определенную роль».¹

Тесные торговые связи государство Саманидов имело и с Китаем. В Китай торговцы из Мавераннахра и Хорасана поставляли большое количество стекла, кожи, а из Китая ввозили различные шелковые ткани.

Говоря о сравнительных экономических успехах, нашедших свое отражение в вышеприведенных показателях, все же нельзя упускать из виду, что Саманидскому государству, которое являлось типичным средневековым государством, не чужды все пороки, присущие этому обществу. Они прослеживаются на определяющей роли феодальной собственности на землю, – категории земельных собственников. Согласно определению специалистов, в то время сложились три категории земельной собственности: 1. «милки султони» или «мамлаке-и султони» – (земли, принадлежавшие султану), т.е. земли государственные или же как после их стали называть «милки дивани» (земли, принадлежавшие государственному диванам); 2. «милки» – т.е. частные, дехканские и 3. вакуфные земли – принадлежавшие мечетям, мазарам, медресе, ханаках и т.п., учебным, культовым учреждениям. Основными собственниками земли и воды являлись государство и крупные феодалы. Существовало и условное землевладение феодалов, основанное на пожалованиях за службу. Степень развития института феодальных пожалований за службу и условного землевладения является одним из важнейших показателей уровня феодализации общества «сверху».²

Крестьянству, как уже отмечено, приходилось тащить на себе тяжелое бремя налогов, повинностей и содержание множества чиновников, которые жили за их счет.³

Имевшиеся сведения о размерах, взимаемых налогов, в источниках свидетельствуют об их поистине гигантских размерах.

Сведения Ибн Хордадбега о взимании налогов относятся не на прямую к периоду правления Саманидов, а ближе к концу периода зависимости Мавераннахра и Хорасана от Халифата и размерах, взимаемых налогов, из этих областей, тем не менее в годы правления Саманидов они, судя по содержанию сохранившихся источников, не

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. – С.361.

² Там же. – С.364.

³ См.: Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. – С.90.

претерпели существенных изменений. Поэтому, на наш взгляд, приведенные им статистические данные, довольно четко освещают существовавшего в ту пору общего объема налогообложения.

Итак, согласно данным Ибн Хурдодбега, в казну Халифата от Хорасана и его соседних областей поступило в 826-827 гг. харадж в следующем размере: Хутталон, Балх, Садхурра и подчиненные им горные владения внесли в казну 193.300 дирхам, Хуль – 12.300, Тирмиз – 2000, Руб и Саманган – 12.600, Ревшорон 10.000, Бамиян – 500.000, Бармахон, Джумарин, Банджор – 206.500, Тирмиз – 47.100, Байнакон – 2500, Карран (Дарваз) – 4000, Шикинан (Шугнан) – 40.000, Ваххан – 20.000, Мандаджан – 2000, Ахарун – 32.000, Каст – 10.000, Нахом – 20.000, Чаганиан – 48.500, Босара – 7300, Вошджирд (Вашгирд) – 1000, Андамин и Замсон – 12.000 дирхам и 13 голов скота, Кабул – 2.000.500, а также тысячи рабов гузских, с общей стоимостью 600.000 дирхамов, Насаф 90.000, Кис – 111.500, Буттам – 5000, Бабакин – 6200, Джаванский рустак – 7000, Руянский рустак – 2020, Афна – 48.000, Хarezм и Курдар – 489.000 хорезмский дирхем, Омул 293.400 дирхем.

За рекой находится Бухара, которая имеет кухандиз (крепость – Х.П.), харадж которой составляет 1.189.200 дирхем гитрифи.¹ Согд и другие районы, находившиеся под властью Нуха ибн Асада (842-964), вносят в казну 326.400 дирхемов мухаммади из Ферганы, 46.400 дирхем хорезми и мусайаби,² из городов Туркестана. Кроме того взимали грубую хлопчатобумажную ткань – кундаджи, равняющуюся 1189 платьевых отрезков (кусков) и 1300 двойных железных пластинок на сумму 2.172.500 дирхем мухаммади, из которых 1.089.000 дирхем мухаммади поступает из Согда. Руда (железная) добывается в Буттаме, соль в Кисе. Харадж Киса, Несефа, Буттама и других районов Согда – составляет 1.089.000 дирхем мухаммади. Харадж Уструшаны – 50.000 дирхем, из которых 48.000

¹ Дирхем-гитрифи – монеты, чеканившие по велению Хорасанского владетеля – Гитриф ибн Ато (792-793) и получившие широкое распространение в Бухаре, как и на всей территории Мавераннахра.

² Дирхемы мухаммади Хорезми и мусайаби – также наряду с гитрифи считались основными достойными чеканами Бухары и Мавераннахра. Все это свидетельствует, что чеканка монет в то время, да и почти в период Санидов не было строго централизованно – отсюда и их разнообразность. Согласно бытующему мнению монеты получившие названия мухаммади, мусайаби и гитрифи чеканились наместниками Багдадского халифа в Хорасане Гитриф ибн Ато, Мусайаб ибн Зухаир и Мухаммад ибн Дехдом, поэтому брали их имена. (См.: Сомониён дар оинаи таърих. Ч.2. – Таъликот (примеч.). – С.487).

дирхем мухаммади и 2000 дирхем мусайяби. Шош (Чоч – Х.П.), где добывается и серебряная руда – 607.100 дирхем мусайяби, Ходжент – 100.000 дирхем мусайяби вносят в казну.

Согласно данным Наршахи (900-961), объем хараджа Бухары и Кармины составлял 1.168.566.5 дирхемов.² Макдиси (Мукаддаси) (947-986 или 990) определил объем взимаемого налога в следующем порядке: Фергана – 180.000 мусайяби, Худжанд – 100.000 мусайяби, Согд, Кеш, Насаф и Уструшана – 1.039.031 дирхемов мусайяби, Бухара 1.166.897 дирхемов гитрифи.³ По данным соответствующих 844 годам общий налог (харадж), взимаемый со всех областей государства Тахиридов, равнялся 48 млн. дирхемам. Примерно такую же сумму составлял и доход казны при Саманидах.⁴

Разумеется, вся тяжесть налогового бремени и безудержная алчность местных феодалов (дежканов) и госчиновников лежала на плечах трудящихся масс, о чем свидетельствуют частые волнения.

В первом десятилетии IX в. известны два крупных восстания против халифата, охватившие основные земледельческие районы Мавераннахра и южные районы Хорасана.⁵ Восстание, вспыхнувшее в 806 г., охватила Чач, Фергану, Ходжент, Истравшан, Согд, Бухару, Хорезм, Насаф, Чаганиан и Хуталон. По сути, инициаторами этого восстания были крестьяне и ремесленники, эпицентром являлся Самарканд, где прослеживалось еще влияние последователь Муканны. Причем в качестве руководителя выступал предводитель арабских мятежников Рафе ибн Лайс. Восставшими был убит наместник халифа и занят город. На подавление восстания были направлены войска под началом будущего халифа Мамуна, назначенного тогда наместником халифа в Мавераннахре и Хорасане. И после того, когда Рафе ибн Лайс в 810 г. перешел на сторону властей, восстание было подавлено. В его подавлении непосредственное участие принимали основоположник династии Тахиридов – Тахир и братья Нух, Ахмад, Яхя и Ильяс Саманиды.⁶ То же

¹ Ибн Хурдодбех. Ал-масолик ва-л-мамолик // Сомониён дар оинаи таърих. Худжанд, 1998. – С.15-16.

² Наршахи. Таърихи Бухоро. – Душанбе: Дониш, 1979. – С.30.

³ Мукаддаси. Ахсант-ут-такосим фи маърифат-ил-аколим // Сомониён дар оинаи таърих. Т.2. – Худжанд, 1998. – С.158.

⁴ Нейматов Н.Н. Давлати Сомониён. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С.134.

⁵ См.: Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX вв. – Ташкент, 1965.

⁶ Более подробно см.: Кадырова Т. Восстание крестьян и городской бедноты Мавераннахра в 806-810 гг. // Изв. АН УзССР. – Ташкент, 1954. – С.37-44.

самое можно говорить о крупном и продолжительном восстании под руководством Хамза ал Хариджи,¹ восстание под предводительством Бавф (Абуавф ибн Абдурахмон в Сиистане), которому удалось победить войска Тахиридов в местности Харадкан в 831 г. и Ильяс ибн Асада Самани в 832 г.² Волна восстания, особенно усилившаяся в 70-х годах IX в., охватила все области Бухары. Она стала результатом захвата города Хусейном ибн Тахиром в 874 г. и учиненное зверство по отношению к горожанам его хорезмским военным отрядом. Восставшим удалось ночью занять крепость. Именно после этой победы восставших и в качестве владетеля был приглашен Исмоил Самани. Так как большинство населения продолжало с недоверием относиться к новому наместнику, еще год не утихло восстание. Поэтому Исмоил Самани при помощи местных феодалов приложил немало усилия для подавления восстания.³

В.В. Бартольд, ссылаясь на источники, предполагал, что во время путешествия Насра II в Нишапур в 930 г. (причем, выразил неуверенность в точности этой даты), произошло новое восстание. «В Бухарской цитадели, — пишет он, — находились в заключении три брата эмира: Яхья, Ибрахим и Мансур. Через хлебопека Абу Бакра они вступили в сношение с мятежными элементами бухарского народа и войска, были освобождены из крепости и овладели Бухарой, эмиром был провозглашен Яхья. Мятежные элементы, по словам Ибн ал-Асира, состояли из дейлемитов, шиитов и «разбойников» (т.е. газиев)... После некоторой борьбы с Яхьей порядок был восстановлен; хорасанское наместничество было отдано саганианскому эмиру Абу бакру Мухаммаду б. ал-Музаффару и после него сыну, знаменитому Абу Али Ахмаду б. Мухаммаду».⁴

Далее В.В. Бартольд пишет о крупном восстании, произошедшем в последнем году (942-943 гг.) царствования Насра. Многие волнения в это время происходили не без все более усиливавшейся шиитской пропаганды.⁵ Широкое распространение получило карматское движение. Карматия как радикальное учение, распространяемое тайными агентами египетских фатимидов (по имени Фатимы — дочери пророка Мухаммада от которой они вели свой род) сторон-

¹ См.: Кадырова Т. Восстание крестьян во главе с Хамзой ал-Харидин на грани VIII-IX вв. // Изв. АН УзССР. — Ташкент, 1953. — №6.

² Нейматов Н. Сомониён. — Душанбе: Ирфон, 1989. — С.136-137.

³ Там же. — С.137-138.

⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.1. — М.: изд-во Рослит., 1963. — С.302.

⁵ См.: Бартольд В.В. Указ.соч. — С.302-303.

ников религиозно-идеологического течения исмоилия, какими являлись сторонники Али и его потомков от Фатимы. Используя недовольство народных масс, Карматское движение получило быстрое распространение в пределах государства Саманидов. Оно находило немало сторонников и в лице правящих кругов. Тот факт, что даже сам Наср II (914-943) принял карматское учение, говорит о его прочных социально-политических корнях в Мавераннахре и Хорасане. Последователи этого течения были наиболее образованной частью общества, так как они выступали против ортодоксального ислама и закрепощения земледельцев. Карматы боролись за восстановление прав сельской общины. Это и способствовало быстрому росту его влияния. Неслучайно к карматскому движению имели причастность Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сино и другие выдающиеся личности. «В Средней Азии, — указывает Б.Г.Гафуров, — многие народные движения X-XI вв. примыкали к карматской секте. Многие передовые люди того времени воспринимали карматство как оппозицию против господствующего гнета, как призыв к общественному равенству. Карматское движение было глубоко противоречиво с самого момента зарождения. С одной стороны, движение народных масс против новых феодальных порядков, с другой — движение знати против центральной власти».¹

Следует заметить, что народное недовольство не только использовали руководители религиозных течений, но и феодальные сепаратисты и прочие сторонники междоусобицы. Особенно они активизировались после смерти Исмаила Самани (907 г.). При царствовании Ахмада ибн Исмаила (907-914) правители Самарканда и Рея, Сийстана подняли восстание против центральной власти.² Хотя они были и подавлены, но нанесли государству большой экономический ущерб. А в начале правления его сына Насра II (914-943) в Самарканде против него восстал его родственник Исхак ибн Ахмад. Это продолжалось и при правлении его сына Нуха ибн Насра (943-954), которому в конце своего правления пришлось постоянно

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. — С.370; О Карматском движении более подробно см.: История Узбекской ССР. — Т.1. Кн. первая. — Ташкент: изд-во АН УзССР, 1955. — С.193-194, 221, 236-237; Захарев Б.Н. Мухаммад Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в. // уч. зап. МГУ. — Вып.4. История (т.1). — М., 1940. — С.95-112; Бертельс А.Е. Рудаки и Карматы // Рудаки и его эпоха. — Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. — С.63-78; Нёзматов Н.Н. Давлати Сомониён. — С.139-141 и др.

² Ибни Асир. ал Комил фи-т-таърих // Сомониён дар оинаи таърих. Ч.2. — Худжанд. — С.323.

бороться против своего дяди Ибрахим ибн Ахмада. Последний, опираясь на помощь крупного Чаганианского феодала Абу Али Чагани чувствуя свое бессилие в этой борьбе Нух был вынужден назначить Абу Али сначала правителем Чаганиана, а с 952 г. правителем Хорасана.

В годы правления Исмаила Самани (892-907 гг.) границы государства твердо охранялись от нападения тюрков. Согласно сведениям Ибн ал-Асира в 903-904 гг. многочисленные тюркские вооруженные отряды вторгались в Мавераннахр, но потерпели сокрушительное поражение,¹ а в 907-908 гг. Исмаил в отместку занял принадлежавшим тюркам область Дайламон.² В годы правления Абд ал-Малика I (954-961 гг.) тюркские военачальники уже бесцеремонно вмешивались и в правление государством. Примером может послужить положение «Великого Хаджиба» – начальника тюркской гвардии Алп Тегин. А в первый год правления Нуха ибн Мансура (976-997) бывший раб Абуисхак ибн Алп-тегина Сабуктегин, стоявший во главе войск Саманидов в Газне, захватил Газну и окрестные области, объявив себя владельцем этой части государства Саманидов.³

Все попытки Нуха II мобилизовать силы и удержать страну от нападения не увенчались успехом. После его смерти, его сын эмир Мансур ибн Нух, занявший престол (997-999 гг.), фактически стал заложником Махмуда Газневида. Последний хотел использовать его для более легкого завоевания престола. Но правители Нишапура, боясь дальнейшего их сближения и усиления влияния Махмуда Газневида, ослепили Мансура (который вскоре умер). На престол возводили его брата Абдал-Малика II ибн Нуха, используя этот случай как повод. Махмуд под видом мести за жизнь Мансура занял сначала всю северную часть нынешнего Афганистана, а затем и весь Хорасан.

Территория государства Саманидов в пределах только Мавераннахра с его столицей Бухарой, в том же (999) году ею овладели Караханиды.⁴

Усилия последнего представителя Саманидов Абу Ибрахим ибн Нуха каким-то образом при помощи близких бежавшего из темницы и еще долго боровшегося за возвращение потерявшего престола под псевдонимом Мунтасир, не увенчался успехом.

¹ Ибни Асир. ал Комил фи-т-таърих // Сомониён дар оинаи таърих. Ч.2. – Худжанд. – С.318-319.

² Там же.

³ Там же. – С.385.

⁴ Там же. – С.409-410.

Таким образом, некогда мощное государство Саманидов, сыгравшее исключительно определяющую роль в центрально-азиатской цивилизации, не выдержав все более усиливающихся междоусобиц, давления тюркских военачальников, сумевших захватить всю полноту власти, окончательно распалось. Находившиеся под тяжелым налоговым бременем и феодальных притеснений народные массы не встали на его защиту.

О причинах падения государства Саманидов в исторической литературе говорилось предостаточно. Они в известной степени суммированы в исследованиях В.В.Бартольда, А.А.Семенова, А.Ю.Якубовского, Б.Г.Гафурова, Н.Н.Негматова, Ю.Н.Завадовского, Б.Я.Шидфара и многих других ученых.¹ Все они, если не считать отдельные колебания в пользу тех или иных причин, в своей совокупности сводятся к следующим:

1. Усиление противоречия между господствующим классом и трудящимися массами, в основном из-за чрезмерного увеличения налогов и сборов, привело к равнодушному отношению эксплуатируемых при этой династической перемене.

2. Ожесточенная сепаратистская борьба между феодалами и центральным правительством.

3. Преобладание на высоких административных постах иноземных — тюркских элементов. Населявшие безбрежные просторы северо-восточных границ, кочевые тюркские племена в период расцвета государства Саманидов наладили тесные торговые отношения с ним. В частности, на городские рынки поставляли немалое количество рабов. Благодаря храбрости и выносливости, присущие всем кочевникам, для которых набеги и разбои были определяющими факторами повседневной жизни и деятельности, владельцы государства Саманидов весьма охотно формировали из этих рабов

¹ См.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч., Т.1. — М.: Изд-во Вост.Лит., 1963. — С.315-329; Семенов А.А. Абу-Али ибн-Сина (Авиценна). — Сталинабад: Госиздат, 1953. — С.25-31; Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время // Вопросы истории. М.: Изд-во «Правда», 1959. — №9 (сентябрь). — С.99-101; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М.: Наука, 1972. — С.343-347; Негматов Н. Давлати Сомониён. Тойикон дар асрҳои IX-X. — Душанбе: Ирфон, 1989. — С. 141-150; Завадовский Ю.Н. Абу Али ибн Сина: жизнь и творчество. — Душанбе: Ирфон, 1980. — С.96-100; Шидфар Б.Я. Ибн Сина. — М.: Наука, 1981. — С.48; Массон В.М., Романин В.А. История Афганистана. — Т.1. — М.: Наука, 1964. — С.228-229; История Узбекской ССР. — Т.1. Кн.первая. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. — С.243-246 и др.

свою гвардию. Некоторые из них впоследствии достигали больших высот в военно-чиновничьем аппарате. За верную службу им давались в «кормление» земли и селения – так называемые «икта». Со временем этих владельцев икта (иктадоры), иначе – тюрок-помещиков становилось больше. Пропорционально этому возрастало их влияние на административно-управленческом аппарате. Порою эти бывшие рабы, ставшие военачальниками и наместниками отдельных обширных областей, организовывали свои личные гвардии. Этим они стали обладателями реальной военной силы, сыграли определяющую роль в ослаблении центральной власти, и впоследствии, непосредственно приложили руку в окончательном распаде государства Саманидов, на обломках которого установили свои династические управления.

Ярким примером может служить действие одного из военачальников Саманидского войска при эмире Абд ал-Малике (954-961) бывшего раба Алп-тегина, получившего назначение командовать всеми войсками Хорасана. После смерти Абд ал-Малика он поднял мятеж против центральной власти, но получив отпор, отступил с войском в Газну. Его преемник Сабук-тегин был провозглашен эмиром Газны (апрель 977). В свою очередь сын этого Газневидского эмира, владения которого Саманиды по-прежнему считали частью своих территорий, – Махмуд, когда под ударами тюрок-караханидов пало Саманидское государство, воспользовавшись благоприятным для него обстоятельством, захватил области к югу и юго-западу от Аму-Дарьи. В составе государства Газневидов вскоре оказались Хорасан, Табаристан, Систан и нынешняя территория Афганистана. В 1017 г. Махмудом был завоеван Хорезм, в 1029 г. отнял у Буидов Рей, Казвин и Исфахан. В состав его обширного государства вошли западная часть Северной Индии (Кашмир и Пенджаб). Им в первой четверти XI в. предприняты 17 разорительных походов в Индию.

4. Немалую роль в падении государства Саманидов сыграло ортодоксальное духовенство. «Спасая свое положение, свои материальные интересы, – пишет А.А.Семенов, – духовенство, вскоре предпочло тюркскую саблю своим таджикским правителям, порою склонявшимся к ересям, порою достаточно индифферентным к ортодоксальному исламу, но всегда покровительствовавшим философам, ученым и поэтам».¹ Его мнение целиком поддерживает и А.Ю.Якубовский. «Высшее мусульманское духовенство, – указы-

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. -- С.357.

вает он, — было ближе к тюркской гвардии, к его военачальникам, чем к самим Саманидским эмирам».¹

5. К падению государства Саманидов непосредственное отношение имели и крупнейшие политические события, которые происходили за его пределами. В частности, со стороны Семиречья и Кашгара начались завоевательные движения тюркских племен, находившихся на стадии разложения патриархально-общинного строя и появления кочевой военно-феодальной знати, принявшее мусульманство. Они обладали огромными табунами коней, стадами овец и коз, постоянно стремились захватить удобные пастбища. Они стали создавать различные объединения тюркских племен. Таким образом, началось завоевание Средней Азии. В этом плане во второй половине X века преуспевали Караханиды, создавшие свое государственное образование. Воспользовавшись предательской позицией Саманидских военачальников (Абу Али Симджури, Аяч и Фаик, а также открытые захватнические действия Махмуда Газневида), Караханиды во главе Илек-хана Насра захватили Бухару и ликвидировали Саманидское государство.

Трагический конец этого некогда мощного государства, не мог поколебать его яркий след, и определяющего влияния на все последующие века в политической, экономической и литературной жизни региона, несмотря на все последующие династические перемены, совершаемых представителями тюрко-монгольских завоевателей вплоть до начала XX столетия. В этом отношении любые последующие показатели, если они даже и имелись, не могут идти в каком-либо сравнении с достижениями той эпохи.

Свидетельством тому являются поистине гигантские материальные, духовные и культурные достижения таджикского народа периода Саманидов. Несмотря на то, что мало сохранились постройки, относящиеся к IX-X вв., сведения, имеющиеся в письменных источниках и уцелевших до наших дней архитектурных памятников, а также результаты археологических раскопок свидетельствуют о выдающихся достижениях в этом направлении. В это время появляются монументальные постройки из жженого кирпича.² Произведения архитектуры IX-X вв. безусловно характеризуют эпоху расцвета творчества таджикских зодчих.³ Вместе с тем, несмотря на перемены, происходившие в этом направлении, в связи с утвердившейся идеологией ислама, оно ярко прослеживается в постройке мечетей, минаретов, мавзолеев и хонака, которые показы-

¹ Семенов А.А. Абу-Али ибн-Сина. — С.30.

² Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. — С.99.

³ См.: Нейматов Н. Давлати Сомониён. — С.161-177.

явно безусловную преемственность традиционного достижения домусульманской эпохи в этом направлении.

Наиболее яркими примерами разнообразной категории монументальных сооружений являются Мавзолей Саманидов в Бухаре, Араб Ата в Тиме, Мир-Саид Бахром в Кармине и Ак Астана Баба близ Узуна.² Своеобразное архитектурное исполнение Мавзолея Саманидов по мнению специалистов считается эталоном архитектурного мастерства. В нем прослеживаются «слияние богатого художественного опыта всех предыдущих поколений с итогом нового осмысления и понимания архитектурного построения форм и их декора».³ Эти же принципы декора наблюдаются в мавзолеях Араб-Ата и Мир-Саид-Бахрома.

Такая же своеобразность и высокие достижения в архитектуре видны на примере мавзолеев Кызбиби в Мерве,⁴ Саияд в Шаартузе⁵ и др. Уникальными построениями, согласно имеющимся письменным сведениям и археологическим материалам, являются мечети Аттори и Мох в Бухаре, Варахшинская димна и Чилдухтарон в Шахристане (Истаравшан), мечеть Бонуи Мохон, Абумуслим в Мерве, такие же мечети в Нишапуре, Герате, Балхе, Хулбаке, Бунджикате, Ходженте, Пайканде и др.,⁶ а также минареты и множество гражданских построек.⁷

¹ Подробно см.: Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Вопросы преемственности традиции в зодчестве Мавераннахра IX-XI вв. // Абуали ибн Сино и его эпоха. (К 1000-летию со дня рождения). – Душанбе: Дониш, 1980. – С.82-90.

² Более подробно о своеобразности этих и других архитектурных шедевров см.: Гафуров Б.Г. Таджики. – С.357-360; Неъматов Н.Н. Давлати Сомониён. – С.161-169; Абдуллоев Д. К вопросу о согдийском наследии в материальной культуре IX-XI вв. – Указ. сб. – С.71-81.

³ Дадабаев Р.М. Архитектурный декор Средней Азии X в. и истоки его формирования // Абу Али ибн Сина и его эпоха. – С.99.

⁴ Жуковский В.А. Развалины старого Мерва. СПб., 1899; Пилявский В.И. Сырцовые сооружения древнего Мерва // Сообщ. Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. – Вып.8. – М., 1947; Неъматов Н.Н. Давлати Сомониён. – С.164.

⁵ Подр. см.: Беленицкий А.М. Мавзолей у селения Саят // Согдийско-таджикская археологическая экспедиция. – Т.1. – Материалы и исследования по археологии СССР. – №15. – М.-Л., 1950. – С.207-209; Хмельницкий С.Г. От конструкции к орнаменту (эволюция развития корпичной «ёлочной» складки в среднеазиатской архитектуре) // Искусство таджикского народа. – Вып.3. – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 52-77.

⁶ См.: Неъматов Н.Н. Сомониён. – С.165-167.

⁷ Там же. – С.167-177.

Хотя формирование научного мировоззрения общепризнанного энциклопедиста Абуали ибн Сино, как ярчайшего явление в мировой науке, приходится в последние годы существования государства Саманидов, свидетелем усиления кризиса и распада которого он являлся, тем не менее, тот мощный импульс, заложенный в основу развития не только материальной, но и духовной культуры, сыграло определяющую роль и в последующие века, несмотря на постепенное его ослабление в условиях все усиливающегося влияния феодально-духовенского мракобесия в позднем средневековье. Но все же тот невиданный размах развития науки и культуры, присущий эпохе Саманидов, нашедший в совокупности сравнительно полное освещение в русской и советской литературе ярко демонстрирует ее благотворное влияние на средневековую историю Центральной Азии.

Говоря о развитии науки и культуры нельзя рассматривать их отдельно из общего контекста завершения процесса оформления государственности, образования таджикского народа и сложения его литературного языка в целом, а также высокий образовательный уровень той эпохи.

Период правления Тахиридов следует считать первым шагом к освобождению от власти халифата. Хотя в начале их представители пренебрежительно относились к литературе на родном языке, но это не могло противостоять все более усиливающейся тяге к народному языку. Это обязывало местную аристократию постепенно не только считаться с этим явлением, но и, демонстрируя свое предпочтение к языку, этим подчеркивали свою независимость от власти Арабского халифата. Об усилении этого жеста в дальнейшем свидетельствует, что Якуб ибн Лайс, представитель династии Саффаридов, пришедший к власти после Тахиридов, вообще отказался слушать посвященные ему стихи на арабском языке.¹

Этот процесс естественно являлся сложным и долгим. Таджикскому языку или дари, приходилось пробиваться через сопротивление всех диалектов, прежде чем достичь совершенства. Об этом можно даже судить по содержанию сведения Ибн Хавкала. «Языком бухарцев, – писал он, – является язык согдийский, но в некоторой измененной форме. Они также разговаривают на языке дари».² Но таджикский язык лишь при Саманидах формировался и достиг того уровня прочности, который не могли поколебать ни стремле-

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. – С.376-377.

² Ибн Хавкал. Сурат-ул-арз // Сомониён дар оинаи таърих. Т.2. – Худжанд, 1998. – С.145.

ния духовенства внедрить арабский язык, ни происходившие поочередно после распада государства Саманидов династические перемены, насаждаемых представителями тюрко-монгольских племен, для которых он продолжал служить официальным государственным языком.

Хотя до нас не дошел в деталях эволюционный процесс сложения таджикского языка, тем не менее, ученые сходны во мнении о том, что исходные этнические компоненты его составляли согдийские, бактрийские, тохарские диалекты. Непосредственное влияние оказывали ферганцы, хорезмийцы и сакские племена, не исключается также причастность хионитов-эфталитов. Другими словами в формировании и становлении таджикского языка (в то время называвшийся дари) определенную роль играли восточноиранские – таджикские говоры.¹ Сама формировавшаяся культурная среда, в которой прослеживаются содействия высших представителей власти (эмиры и везиры), достигшие сами высот знания и науки, и привела к окончательному сложению классического таджикского языка. Этот язык не только стал языком поэзии – одним из главных показателей его сложения, но и языком математики, астрологии, химии, истории, географии, философии и других отраслей науки, которые получили невиданный размах в эпохе Саманидов.

Хотя в той или иной степени создавались школы по различным направлениям знаний во всех крупных городах, как Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур, Герат, Худжанд, Тирмиз и др. одновременно являвшихся и культурными центрами, но все же Бухара стала главным средоточием и маяком по всем научным и культурным направлениям почти на всем Востоке.

Это подтверждается и наличием богатейшей библиотеки «Синкан ал-хикма» («Хранилище мудрости»), в которой удалось работать в то время еще 18-летнему, но уже ставшему известным врачом, лечившим самого эмира Нуха ибн Мансура Абу Али ал-Хусейн ибн Абдуллах ибн ал-Хасан ибн Али ибн Сино, впоследствии получившего широкую известность на Востоке несколько сокращенно – Абу Али ибн Сино, а в Европе – Авиценна. Спустя много лет в своей автобиографии ученый приводил свои впечатления от той пользы, которую ему удалось извлечь из этого огромного книгохранилища. «Однажды, – пишет Абуали ибн Сино, – я спросил у Нуха ибн Мансура разрешения пройти в его книгохранилище с тем, чтобы читать и изучать имеющиеся там книги по ме-

¹ Нельмагов Н.Н. Таджикский феномен: теория и история. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – С.155.

дицине. Он разрешил мне, и я вошел в (книго) хранилище, состоявшее из многих помещений, а в каждом помещении (находились) сундуки с книгами, положенными одна на другую. В одном помещении находились арабские книги и стихи, в другом – книги по законоведению, и так в каждом помещении – книги по какой-нибудь отрасли науки. И я прочел список книг предшественников (моих в науке), и попросил те, что были мне нужны. А видел я там такие книги, названия которых никогда не слышали многие, да и я (сам) не встречал их раньше, (а также) и после этого.

И я прочел те книги и усвоил то полезное, что содержалось в них, и познал степень (учености) каждого автора в его (отрасли) знания».¹

То, что всегда на базаре бойко шла торговля книг, среди которых можно было обнаружить крайне редкие,² говорит о степени востребованности их среди населения.

Какие бы отрасли знания или науки, эпохи Саманидов мы ни коснулись, налицо достижения, причем не ниже уровня мировых показателей, потому что ученые эпохи Саманидов не могли оставаться на уровне предыдущих античных, раннефеодальных научных достижений. Это выпукло прослеживается в научных открытиях выдающихся математиков, астрономов и географов и в целом энциклопедистов ал-Хоразми (780 – ок. 850 гг.), Марвази (ум. ок. 870 г.), Балхи (ум. 886 г.), ал-Фергани (IX в.), Фороби (874-951 гг.), Худжанди (X в.), Бузджани (940-998), Бируни (973-1048) и др.

Особо выдающиеся достижения медицинской науки, связанные с именем Абуали ибн Сино в определенной степени мы обязаны и Закариёи Рози (865-925), Абубакр Раби Ахавайни Бухори (X в.) и Хаким Майсари (X в.). Абумансур Муваффах ибн Али Хирави (X в.), Абумансури Бухори (ум. 991) снискали выдающиеся достижения в области гуманитарных наук. Историки Ахмад ибн Абутохир Тайфур (ум.893), Абуабдуллох Мухаммад ибн Ахмад ибн Сулаймони Бухори (ум.924), Абуали Хусейн ибн Ахмади Саллоли (X в.), Абубакр Мухаммад ибн Джафар Наршахи (ум. 959), Мухаммад Идриси (ум. 1015), Абуали ибн Мухаммад Балъами (ум. 974), Абу-мухаммад Абдуллах ибн Ахмад (Мухаммад) Фергани (X в.), Ахмад ибн Абдуллох Фергани (ум. 1007), Абубакр Мухаммад Хоразми

¹ Жизнеописание Абу Али Хусейна ибн Абдуллаха ибн Сины, рассказанное им самим и записанное его учеником Абу-Убейдом ал-Джуджани // Литературный Таджикистан. – Альманах. №5. – Сталинабад, 1953. – С.134.

² См.: там же.

(ум. 933), педагог Ибн Кутейба (828 – примерно 899), и др. оставляли бесценные труды, мимо которых не могли (и не могут) пройти исследователи последующих им поколений.

Если говорить о формировании литературного языка, как главного показателя полного сложения народности, то невольно на передний план выходят фигуры гениальных представителей таджикско-персидской классической литературы считавшиеся эталоном чистоты этого языка, такие как Абуабдулло Рудаки (ум. в 941 г.), Абулхасан Шахид Балхи (IX-X вв.), Абумансур Дакики (ум. 977), Абушукур Балхи (род. 915), Абулкосим Фирдоуси (ум. ок. 1020) и др.¹

Таким образом, формирование Абуали ибн Сино как исторической личности, как выдающегося ученого-энциклопедиста эпохи средневековья, оставившего поистине гигантский след в мировой науке, всецело связано с той реальной почвой, которая была заложена в годы правления Саманидов. Ему было суждено не только стать очевидцем периода углубления кризиса и распада этой державы, но и свидетелем того влияния, которое оказали представители науки и культуры этой эпохи на младшие и старшие поколения его современников. Благотворное влияние тех достижений, именуемых цивилизацией эпохи Саманидов, также ярко ощущалось во все периоды после его распада, вплоть до возрождения таджикской государственности, спустя почти десять веков.

Говоря об определяющей роли эпохи Саманидов в формировании личности Абу Али ибн Сино, нельзя все же обойти стороной той исторической реалии, тех социально-политических и культурных воздействий, которые в той или иной степени оказали воздействие на жизнь и профессиональную деятельность ученого после падения государства Саманидов.

Молодому, только сложившемуся ученому, ставшим свидетелем крушения в полном смысле слова могущественной державы Саманидов пришлось по воле сложившихся обстоятельств, изложить почти все свои гениальные творения в самых неблагоприятных, порою опасных для жизни условиях. Междоусобицы, произвол, разрушения все более усилившегося религиозного мракобесия, фанатизм, гонения и другие пороки, присущие периоду феодальной раздробленности, влияние которых постоянно ощущал этот поистине титан науки, начиная с 20-летнего возраста, с первых дней

¹ О представителях науки и литературы более подробно см.: Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972. – С.374-386; Нейматов Н. Давлати Сомониён. Душанбе: Дониш, 1977. – С.185-219); он же. Таджикский феномен: теория и история. – Душанбе: изд-во Оли Сомон, 1997. – С.156-161.

нового тысячелетия (по христианскому летоисчислению) до самых последних дней жизни (умер 18 июня 1037 г.), оставили яркий след в его бессмертных творениях.

Вопреки трудностям, которых немало было в его пути, он всегда с высоким оптимизмом смотрел на жизнь. Это его вдохновляло. Он всегда был в лихорадочном научном поиске. В его жизни было и немало благоприятных моментов, (общения с учеными различных направлений и школ, многочисленными последователями, поддержки со стороны высокопоставленных чиновников, вплоть до покровительства отдельных владельцев, ценивших его труд), которые он использовал с полной мере.

Неверно было бы считать тот исторический период, в котором приходилось жить и творить Абу Али ибн Сино сплошной черной полосой в истории. Хотя для таджикского народа это время и считается периодом трагического заката и потери государственности, но зарождавшиеся им традиции в том или ином регионе Центральной Азии (чаще в столицах развитых феодальных государств), традиции покровительства науке и тенденции создания различных научных направлений и школ, порою благоприятствовали развитию науки. Данное явление прослеживается в тех государственных (независимых и полузависимых) образованиях, в которых временно или постоянно приходилось жить и вести научные изыскания Абу Али ибн Сино.

Следуя такой логике, попытаемся кратко остановиться на освещении политической и социально-экономической обстановке тех государств и владений, в которых суждено было продолжить свои научные изыскания Абу Али ибн Сино после падения государства Саманидов.

Разумеется, он мог бы служить в качестве придворного врача у Караханидов и наверняка был бы в почете. Хотя и нет прямых документальных доказательств причин нежелания остаться у них на службе, тем не менее, не трудно догадаться, что, во-первых, ученый-патриот никак не мог примириться с тем, что Караханиды являлись явными врагами его народа; во-вторых, он знал, что эти завоеватели-кочевники совершенно далеки от мировосприятия, не говоря о науке, не в состоянии были понять его творений; в-третьих, их уровень восприятия создавал благоприятную почву для религиозного фанатизма, что абсолютно несовместима с той научной средой, которая сложилась при Саманидах. И наконец, в-четвертых, смерть отца Абдаллаха (примерно 999 г.), считавшегося его единственно надежной опорой, стала определяющей причиной покинуть Бухару, города, считавшегося главным научным центром

Ностока, города, прославившего его еще в пору юности, города, который воплотил все его надежды на будущее.

Сам Абу Али ибн Сино так охарактеризовал свою поездку в Ургенч: «Потом умер мой отец и мне многое пришлось испытать. Я занимал одну из должностей при султানে, а затем был вынужден уехать из Бухары и перебраться в Гургендж, где визирем был тогда Абу-ль-Хусейн ас Сухейли, покровитель наук. Я явился к эмиру Гургенджа, Али ибн Мамуну, в одежде факиха, которую я носил в то время, мне назначили жалованье, достойное моих способностей и знаний».¹

Как отмечено выше, из Бухары Абу Али ибн Сино уехал (примерно в начале 1000 г.) в столицу Хорезма – Ургенч. И выбор был не случайным. В годы правления Саманидов Хорезм хотя и входил в состав их государства, но его зависимость была фактически номинальной и оставалось полусамостоятельным владением. Благодаря своему географическому расположению (находился на окраине государства Саманидов) и, видимо, обладая значительной военной мощью, ему удалось избежать подчинению как со стороны Караханидов, так и Газневидов. Хотя в развитие Хорезма в целом, с одной стороны, следует видеть созидательный труд земледельческого населения, то с другой, этому способствовали торговые отношения. Находясь на перекрестке торговых путей из Поволжья через Среднюю Азию в Монголию и Китай, с одной стороны, и в Иран, с другой, а также кочевых Гузов, которые поставляли на Хорезмские рынки в достаточном количестве скот, мясо, шерсть, это феодальное государство имело весьма благоприятные условия для интенсивного развития экономики, особенно это ощущалось в росте городов.²

Такие города как Кият, Хива, Ургенч и другие получили широкую известность как центры ремесленного производства, торговли и культуры. «В Хорезме, также как и в долине Зеравшана – в Самарканде и Бухаре, – пишет А.Ю.Якубовский, – было много образованных людей, а среди них и ученые в области математики, астрономии, филологии, медицины и философии. В Хорезмских городах не умерли традиции древней, средневековой науки, так что не случайно именно отсюда вышли такие замечательные ученые, прославившие науку Востока как математик Мухаммад Муса Хорезми и великий Бируни».³

¹ Ссылка дается по: Шидфар Б.Я. Ибн Сина. М.: Наука, 1981. – С.47.

² См.: История Узбекской ССР. – Т.1, Кн.первая. – С.249-250.

³ Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. – С.101.

Если в годы правления Саманидов Хорезм преднамеренно был разделен на две части, что препятствовало его росту, то теперь накануне распада государства Саманидов (996 г.) правитель Северного Хорезма Мамун ибн Мухаммад, подчинив Южную часть, объявил конец правлению Хорезмшахов из династии Афригидов, объявил себя полновластным правителем Хорезма – Хорезмшахом. Столицей избрал Ургенч (прошлой столицей Южного Хорезма был древний город Кят). В годы правления его сына Али ибн Мамун (997-999) независимость Хорезма была упрочена. После смерти Али ибн Мамуна престол занял его брат Мамун ибн Мамун. В годы его правления (999-1017) Хорезм на зависть Махмуду Газнеvidу достиг высокого уровня развития во всех отношениях. Его столица Ургенч превратилась в один из крупнейших культурных центров Востока. На придворных маджлисах собирались самые заметные представители науки XI в. Кроме Абу Али ибн Сино и вышеупомянутых Бируни, Хорезми, в Ургенче жили философ Абусахл Масихи, выдающийся медик Абулхайр Хаммар, математик Абунаsr Фаррак и другие ученые. Недаром Махмуд Газнеvid любым путем хотел не только ликвидировать самостоятельность хорезмшаха, но и заполнить в свою столицу этих ученых.¹ Он даже с угрозой требовал от хорезмшаха отправить их в Газну.

Когда Хорезмшах оказавшись в безвыходном положении доводил до сведения ученых эти намерения Махмуда Газнеvida, то, в отличие от Абу Насра, Абу-л-Хайра и Абу Райхана Бируни выразивших желание ехать в Газну, Абу Али и Абу Сахл наотрез отказались и они при помощи Хорезмшаха в 1012 г. тайно и спешно вступили в путь по направлению к Нисе (18 км от Ашхабада). Абу Сахл Масихи, не выдержав трудность пути, скончался по дороге.²

Следует заметить, что, несмотря на более благоприятные обстоятельства созданные представителями науки и культуры, Хорезмское государство, также являлось типичным феодальным государством со всеми присущими пороками феодальной раздробленности и междоусобиц, лишь в более умеренной форме. Так или иначе оно окончательно было поглощено Газнеvidским государством в июне 1017 г. Хотя Махмуд сохранил титул Хорезмшаха и назначил на эту должность Турка Алтунташа, своего главного хаджиба, тем не менее его независимость была сведена к нулю.

Покинув Ургенч, Абу Али ибн Сино, согласно его автобиогра-

¹ См.: История Узбекской ССР. Т.1. Кн.первая. – С.249-251.

² См.: Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. – С.102; Завадовский Ю.Н. Абу Али ибн Сина. – С.97-98.

фическим данным, пришлось долго скитаться в поисках удобного для исследовательской деятельности места. «Потом, — пишет он, — я вынужден был уехать в город Наса (Ниса — Х.П.), оттуда в Бовард (Абивард — Х.П.), затем в Тус, потом в Шиккан (Шаккан). Из этого места я переехал в Саманкан, потом в Джаджерум, откуда начинается граница с Хорасаном. Потом я перебрался в Гурган. Заветным моим желанием было добраться до эмира Кабуса, но случилось так, что как раз в это время Кабуса схватили его (противники — Х.П.) и заключили в одну из крепостей, где он и умер.

Затем я отправился в Дихистан, но тяжело заболел и вернулся в Гурган, где мы встречались с Абу Убейдом аль-Джуджани. Тогда же я сложил о себе и своем тогдашнем положении стихи, в которых были такие строки:

*Когда я стал великим, ни один город, не дает мне пристанища,
Когда цена мне стала высока, я не нахожу покупателя».¹*

Как видно, ученый после долгих безнадежных скитаний надеялся, что в Нишапуре может остановиться. Но вскоре с разочарованием отправился в Гурген — главный город одноименного владения в юго-восточном побережье Каспийского моря. Хотя правитель Гургена Кабус ибн Вашмгир (976-1012) из династии Зиаридов был известен, как один из поборников деспотического режима в феодальных владениях Ирана, тем не менее одно его качество утешало Ибн Сино и вселяло уверенность в получении его поддержки — Кабус был ярым противником ортодоксального ислама и покровителем наук.

Хотя Гурген, объявленный Махмудом своим вассальным, владением, и продолжал сохранять свою независимость, в то время, как и соседнее владение Дейлем, переживал острый политический и экономический кризис, что привело к аресту, а затем убийству Кабуса. Разочарованный ученый уехал в соседний Дихистан (небольшой городок), где перенес тяжелую болезнь. Позже опять вернулся в Гурген. Здесь и познакомился со своим в будущем верным учеником ал Джуджани, который до конца его жизни (в течение 25 лет) был его неотлучным спутником и секретарем. В Гургене Ибн Сино благодаря помощи состоятельного человека, большого любителя науки Абу Мухаммад аш-Ширази, который создавал все условия для его работы, главным образом, по теории и практики врачевания, продолжал свои исследования.

¹ Цит. перевод по: Шидфар Б.Я. Ибн Сина. — С.47.

Пять лет пребывания Ибн Сино в Гургене были самыми плодотворными в его научной деятельности. Примерно в 1016 или 1017 г., по почти неизвестной для Авиценноведов причине, он перебрался в Рей. Хотя и был встречен ласково со стороны правительницы Рея Сейиде, но чувствуя политическую нестабильность, (несмотря на вассальную зависимость Рея от Государства Газневидов, опасность прямого вторжения Махмуда все же существовала) Ибн Сино был вынужден уехать в Казвин, а оттуда в Хамадон, где согласился взять на себя должность везира по просьбе владетеля из династии Бувейхидов Шамс ат-давла Абу Тахир (997-1021). В Хамадане он провел свыше 6 лет. В последствии чувствуя некоторое неудобство и притеснения, тайно перебрался в Исфahan, где был встречен Эмиром ад-даула с большим почетом. В Исфahане Шейх-ар-раис (первый среди ученых) в сравнительно спокойной обстановке жил и работал свыше 14 лет, то есть до конца своей жизни.

Годы жизни и научной деятельности Ибн Сино в Иране совпали со сложным политическим обстоятельством, связанным с феодальной раздробленностью, которую переживал в то время Иран. Причину пассивного стремления к созданию централизованного государства Ирана А.Ю.Якубовский видит в сдерживании натиска кочевников в этот край Саманидами.¹ Теперь после падения государства Саманидов непосредственная угроза завоевания Ирана кочевниками возростала.

В Персии к середине X в. сложилось несколько феодальных владений под властью династии Бувейхидов, или Буидов. Среди них наиболее могущественным являлось Ширазское владение. Во всяком случае, при правлении Адуд ад-даула (949-983) оно соперничало с государством Саманидов и считалось одним из крупных государственных образований на Ближнем Востоке. Но он не предпринимал никаких серьезных шагов по объединению Западного и Южного Ирана. Среди других мелких и средних владений несколько выделялись Рейское и Хамадонское. Словом, если процесс феодализации в Мавераннахре и Хорасане привел к созданию централизованного государства, каким являлось государство Саманидов, то в Персии по всей вероятности из-за отсутствия сильной внешней угрозы серьезно не вставала необходимость создания единого централизованного государства. Теперь при сложении могущественных держав Газневидов и Сельджукидов, которые постоянно держали эти разрозненные феодальные владения в страхе, речь не могла идти об обеспечении политической стабильности. К тому же

¹Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сина и его время. – С.105.

постоянные междоусобицы не сулили в перспективе решения каких-либо социально-экономических проблем.

Впоследствии соперничество между Газневидами и Сельджукидами все более разрасталась и пропорционально возрастала опасность этих владений быть поглощенными со стороны этих могущественных держав. Сельджукиды в свою очередь всерьез взялись за захват владений Газневидов. В 1038 г. Сельджукиды без боя заняли крупные города Восточного Хорасана, в 1040 году войска Масуда (сына Махмуда Газневидов) в битве под Мервом были разгромлены. В 1043 Сельджукиды захватили Хорезм. В 40-50-х годах XI в. Сельджукиды утвердили свою власть в большей части Ирана, завоевав Рей, Исфахан, Хамадан, провинции Керман и Фарс.

Все это свидетельствует о сложности той эпохи, в которой приходилось жить и творить Абуали ибн Сино. Этот выдающийся ученый не мог не испытать те невзгоды, которые порождали трудности, во многом трагические, реалии средневековья, именуемые периодом феодализма. Тем не менее, он сумел использовать каждую возможность, чтобы оставить потомкам поистине великое научное наследие. Оно продолжает быть востребованным и поныне, когда народ независимого Таджикистана, вдохновленный цивилизационной ролью своих великих предков, встал на путь созидания поистине демократического общества и всеобъемлющего прогресса.

Ибн Сина и культура его эпохи.
— Душанбе: Донгш, 2005. — С.18-68.

О ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ ВОССТАНИЯ ВОСЕ В ТАДЖИКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К 110-летию восстания

Одной из нужных проблем для исследователей, причастных к изучению восстания Восе, является научно-обоснованное определение даты восстания. Вокруг этого шел спор до юбилейного 1988 года. Опираясь на мнение специалистов, правительством республики в начале 1988 года был создан Оргкомитет по проведению мероприятий в честь 100-летия восстания Восе. Тем самым вопрос получил официальное и окончательное решение, но это не снимает необходимости подробного освещения разногласий по данному вопросу. Только путём тщательного историографического анализа можно выявить причины, породившие разногласия по поводу датировки восстания Восе. Ведь в официальной литературе, в учебниках для вузов и средней общеобразовательной школы датой восстания был назван 1885 год. В «Календарях знаменательных и памятных дат республики» на 1975 и 1985 годы (в отличие от календаря 1988 года, где вообще не упоминается о восстании Восе), указаны юбилейные даты соответственно 90-100-летия восстания Восе.

В те же годы в печати появились юбилейные публикации, посвящённые этому событию. В «Таджикской Советской Энциклопедии» год восстания указан как 1886-й. В настоящее время, когда эта проблема считается решённой, справедливо возникает вопрос — почему долго продолжались разногласия? Что мешало учёным прийти к единому мнению в решении вопроса датировки восстания? Исчерпывающий ответ можно дать лишь при тщательном анализе мнения исследователей и факторов, повлиявших на него. Словом, следует выявить закономерность появления этих мнений.

Главной причиной того, что в течение довольно длительного периода сохранились разногласия о дате восстания, является крайняя скудность документальных источников. Как известно, в «Песнях о Восе» дата восстания вовсе не упоминается. Не сохранилась чётко она и в памяти очевидцев, деливших свои воспоминаниями. Поэтому первые исследователи основывали свои выводы на тех фактах, которые казались для них более вероятными (некоторые определяли дату восстания с учётом возраста своих информаторов), но чаще всего опирались на то, что 1885 год был первым урожайным годом после засухи и налёта саранчи, которые повторялись несколько лет. В связи с этим поводом к восстанию считали насильное взимание в тот год недоимок представителям местной и

центральной властей. В этом нетрудно убедиться, проследив за мнениями исследователей в хронологической последовательности.

Судя по имеющимся данным, С. Рахими мерным первым из исследователей высказал предположение о том, что восстание произошло в 1885 году (1303 хиджры). К сожалению, он не указал, на какие факты опирался, придя к такому выводу. По-видимому, основанием для него послужили результаты устного расспроса местного населения.

Интересно заметить, что авторитетный исследователь, один из замечательных знатоков устного народного творчества таджикского народа А. Н. Болдырев, которого также следует отнести к числу учёных, стоящих у истоков изучения восстания Восе, в 30-е годы определял дату восстания Восе 1887 годом. На чём это было основано, также неизвестно. К тому же, как он пишет, поиски каких-либо документов о восстании в архивах Узбекистана (главным образом, в Бухаре) не увенчались успехом. Остаётся одна причина, приведшая учёного к такому мнению – аналитическая способность исследователя, сопоставившего имеющиеся к тому времени сведения. Так или иначе, к решению вопроса в тот период А. Болдырев стоял ближе, чем другие исследователи вплоть до 60-х годов, а подавляющее большинство – до второй половины 80-х годов.

А. Шаханшоев определил дату восстания 1886 годом. Интересно заметить, что почти в одной работе (как было сказано выше, статья А. Болдырева предназначалась в качестве введения к работе А. Шаханшоева), мнения двух авторов различны. Случайность ли это? Отсутствие убедительных фактов оставляет каждого при своём мнении, хотя общая идея о необходимости изучения восстания Восе сблизила этих исследователей и сделала их в этом плане единомышленниками.

В дальнейшем, вплоть до 60-х годов, в научной литературе и периодической прессе, бесспорно, утвердилась следующая дата восстания Восе: 1885 год⁸. Важно отметить, что первая попытка обосновать это научно была сделана Д. Фаньяном и А. Прохоровым в статье «Документы о восстании Восе», в основу которой они положили документы, обнаруженные ими в ЦГА УзССР (фонд Российского политического агентства в Бухаре). Авторы основывались на слухах, дошедших до представителей агентства. В одном из документов речь идёт о народном волнении в Кулябе в 1885 году. Авторы относили это к восстанию Восе, хотя в этом документе нет не только прямого, но и косвенного намёка на Восе. Другой документ – рапорт начальника Самаркандского охранного отдела от 4 декабря 1886 года. В нём, основываясь на донесения разведчика, сообщается, что «в Бухарском ханстве повсюду спокойно, только в конце октября

в бекстве Бальджуанском было волнение между горцами района Яхсу, недовольными заотяготительность податных налогов, но беспорядки эти были подавлены беком сожжением нескольких селений и отправлением в Бухару к эмиру коневодов. Вообще же население Кулябского и Бальджуанского бекств терпит большие притеснения от беков и амлякдаров от поборов и податей и особенности по взысканию зяката». Авторы склонны утверждать, что это восстание было крупным и произошло уже после восстания Восе.

Другими исследователями приводится рапорт Ферганского военного губернатора от 4 октября 1888 года вышестоящему начальству, в котором свидетельствует о народных волнениях 1887-1888 годов. Ввиду того, что именно этот документ, вопреки мнению авторов, имеет отношение к восстанию Восе, приведём для убедительности его главную часть. «Только что,- говорится в нём,- прибывшие из Каратегина торговцы рассказывают о случае убийства в Бальджуане сборщика зяката следующее: каратегинский бек по приказанию эмира послал одного из почётных лиц для сбора зяката с горных кочевников местности, подведомственной Кулябскому беку. Зякетчи, приехав в кишлак Ховалинг и собрав старейших людей, потребовал взноса зяката, но старейшины ответили, что народ не имеет денег и поэтому просит принять зякет скотом, но зякетчи ввиду полученного им приказа не согласился на это предложение и настаивал на взнос зяката деньгами. Тогда собравшиеся жители начали угрожать зякетчи, вместе с тем будто бы отправили от себя несколько человек в Кабул, прося заступничества у Убдурахманхана. Зякетчи, видя, что народное волнение принимает опасный характер, дал знать об этом в Бальджуан тамошнему саркарду, прося его о помощи, куда вслед затем бежал и сам. Бальджуанский саркард, получив эти известия, немедленно двинулся с имеющимися при нём сарбазами в Ховалинг, где имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района горячую схватку, причём с обеих сторон были раненные и убитые, а в числе последних и зякетчи». Далее приводятся и другие сведения. Нетрудно заметить в этом документе спорные моменты. В частности, Ховалинг составитель относит, к Кулябскому бекству, а убийство зякотчи, которое произошло там же, к Бальджуанскому бекству. Но не будем придирчивы по отношению к составителю. Важно, что в документе отмечено, что бальджуанский саркарда в Ховалинге имел с вооружёнными жителями всего Кулябского района жестокую схватку, что свидетельствует о масштабе восстания и широком участии в нём масс народа. Согласно такому описанию события и даты восстания, (нетрудно сделать вывод, что в документе речь идёт о восстании Восе.

Но авторы считают это восстание лишь третьим после восстания Восе и, согласно их мнению, «восстание Восе не было в 1885 году сломлено окончательно, хотя вождь восстания погиб, будучи захвачен эмирскими войсками и предан жестокой казни. Потерпев поражение в 1885 году, трудящиеся Бальджуанского и Кулябского бекств делают новые и новые попытки разбить свои оковы». Как видно, авторы правы в одном: с 1885 по 1888 годы в Кулябском и Бальджуанском бекствах произошли восстания, но не могли определить, что самым мощным из них восстание Восе именно в 1888 году. Неверным является вывод авторов о продолжительности восстания с 1885 по 1888 годы, причём, без руководителя, что никак не могло происходить в условиях того политико-административного режима и социально-экономического положения трудящихся. Крестьяне не были в состоянии воевать непрерывно в течение трёх-четырёх лет. Тем не менее, эти авторы отстаивали свою точку зрения, неверно интерпретируя документы, что послужило для других исследователей основанием придерживаться мнения о том, что восстание Восе произошло именно в 1885 году. Но такое суждение не могло стать окончательным выводом в исторической науке.

На долгое время оно стало бесспорным после выхода столь серьёзного исследования, каким является труд Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины», где, как было отмечено выше, наряду с другими событиями кратко охарактеризовано восстание Восе, а его датой назван 1885 год. Такая же датировка содержится в фундаментальном труде В. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении», переизданном за сравнительно короткий срок – с дополнениями – три раза (1949, 1952, 1955 гг.) на русском языке в Москве, и послужившем основой для главного труда академика Б. Г. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (М., Наука, 1972 г.).

Как известно, фундаментальные труды создаются на базе всего накопленного в той или иной области науки, и их авторы опираются на общеизвестные в науке факты. Очевидно, что его соавтор по работе «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины» И. Прохоров, имевший несколько публикаций о восстании Восе, смог убедить Б. Г. Гафурова в том, что восстание произошло в 1885 году.

Впоследствии Б. Г. Гафуров не занимался специально этим вопросом, иначе при его широкой эрудиции и аналитической способности, он наверняка внёс бы поправку в датировку восстания.

Но факт остается фактом. Долгое время исследователи дальше ссылки на вышеупомянутые работы этого общепризнанного ученого не шли. Правда, некоторые колебания появилась у Б.А. Искандарова, о чем свидетельствуют его несколько противоречивые выводы. Указывая на документ, переданный ему известным ученым-востоковедом А.А. Семеновым, где речь идет об отправлении гиссарским беком Астанакулом кушбеги пленного Восе вместе с несколькими пленниками к эмиру. Д.И. Искандаров отмечает, что на трубочке, в которую вкладывалось донесение, имеется дата «1305 хиджры», соответствующей 1887-1888 годам. Автор, однако, выражает сомнения, что восстание произошло в 1888 г. Более того, он уверен, что восстание произошло на три года раньше этой даты, т. е. в 1885 г. «Следовательно, — пишет он, — мы должны допустить одно из двух: или восстание Абдул-Восе было не в 1885 г. как свидетельствуют все показания, а позже года на три, по крайней мере, или же это восстание длилось не год, и не два, а гораздо больше, закончившись при амире Абдул-ахаде (1885-1910 гг.).

Причем это не единственный документ, приводимый автором. Для подкрепления своей мысли о том, что именно в 1888 т. произошло крупное восстание в Бальджуане и Кулябе, доказано Фаньяном и Н. Прохоровым. Восстание 1888 г. они считали третьим по счету после восстания Восе. Такое же сомнение, наблюдается и в более поздней работе Б.И. Искандарова «Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана» (1976 г.), где автор утверждает о том, что восстание Восе произошло в 1885 г. Но вместе с тем, ссылаясь на тот же документ, представленный ему профессором Д.А. Семеновым, — пишет, что вероятно «выступления крестьянских масс в эмирате под лозунгом Восе продолжались еще несколько лет после 1885 г.»

Указанный документ, на который ссылаются Б.И. Искандаров и ряд других авторов, представляет собой небольшое донесение Гиссарского кушбеги Астанакула эмиру Абдулахаду. В нем бек, обращаясь к эмиру, пишет, что соблюдая осторожность, «отправил в высочайшую резиденцию (Вашему Абдул-Восе — бальджуанца»... Сверточек письма (в трубочку) запечатан бумагой с оттиском печати «Остонакулбий» кули Кушбеги 1305 (1887-1888).

Интересно и примечание А.А. Семенова к этому документу:

«Документ этот из моего собрания и является своего рода финалом известного восстания Восе (упоминаемый в этом письме Абдул-Восе бальджуанец) в Бальджуанском бекстве. Вопреки утверждению автора «Истории таджикского народа» (т. 1, М., 1949, с. 428-430) Б. Г. Гафурова, что эмир Музаффар (умер в 1885 г.)

приказал повесить Восе в Шахрисябзе, Восе по этому документу был захвачен при преемнике амира Музаффира Абдулахаде»...

Все это наталкивает на мысль о том, что у А.А. Семенова было свое мнение касательно даты восстания, не совпадавшее с утвердившимся.

Мнение о том, что основные действия восстания Восе развернулись в 1885 г. и продолжались до 1888 г., высказал и Б. Шарифзаде в 1956 г. он пишет, что Восе продолжал борьбу до 1887 г. «После поражения согласно его мнению, Восе направился в Ях-су (севоро-восточная часть Ховалинга) и там начал создавать новые повстанческие отряды из числа местных крестьян, В 1887 г. здесь между сарбазами эмира и повстанцами произошло сражение, в результате предводитель восстания Восе был схвачен сарбазами». Восстание 1888 года он считает лишь отголоском восстания Восе.

Первая попытка скорректировать сложившиеся мнения относительно датировки восстания Восе принадлежит И. Стеценко. В своей статье «Разгадка исторической даты» (1958г.) он приводит Данные трех документов, подтверждающие дату восстания. Первый документ, на который он опирался, является тем же документом из коллекции А.А. Семенова, о котором речь шла выше. Два других, на которые ссылался автор, обнаружены им в ЦГА УзССР (Ф. 3. — Российское политическое агентство в Бухаре, оп. 2). Это рапорт Самаркандского уездного начальника военному губернатору Самаркандской области, составленный в августе 1888 г. В нем говорится: «Кулябцы, живущие в местности Шураб-дарья, недовольные действием бека — сборщика налога, возмутились. При этом шураб-дарьянцы высказали прежнему сборщику подати полное неповиновение и вместо него назначили некоего Мулла-Васича. Астанакулу Диванбеги гиссарскому беку, явившемуся с отрядом для подавления, местные жители сначала даже отважились оказать сопротивление..., но бунтовщики, не выдержав натиска отряда диванбеги, обратились в бегство. Главный зачинщик Мулла Васич, говорят, бежал. Участники этого беспорядка пойманы. По мнению автора, «во всем чертам с восстанием Восе совпадает и третий документ, датированный июлем 1888 г.».

Мысль о том, что восстание Восе произошло в 1888 т., И.А. Стеценко развил в монографии «Из истории народных движений в Таджикистане» (1963 г.). Указывая на ошибочное мнение предыдущих авторов о датировке восстания, он справедливо указал на тот факт, что при датировке все указанные авторы не дают ссылки на тот или иной материал, который подтвердил бы их мысль о том, что восстание произошло именно в 1885 г. Для подтверждения сво-

ей точки зрения по этому вопросу автор приводит довольно убедительные аргументы. Кроме архивных документов, он анализировал и имеющиеся опросные данные. Сопоставление фактов привело его к категорическому утверждению о том, что «восстание под руководством Восе произошло не в 1885 или 1886 гг., как это утверждалось раньше, а в 1888 г.».

Таким образом, И. А. Стеценко хотя и не добавил в целом ничего существенного в имеющиеся в литературе сведения, но он смело опровергал утвердившиеся мнения о том, что восстание произошло в 1885 году. Основываясь на довольно убедительные аргументы, он пришел к заключению, что восстание произошло на три года позже, т.е. в 1888 г. Это и является главной заслугой исследователя. Но его доводы для подавляющего большинства специалистов казались неубедительными. В печати даже появились упреки в адрес автора о том, что якобы для научного спора он источниками не располагает, и те источники, на которые ссылается, не дают основания для таких выводов. В своих суждениях по поводу датировки восстания Восе И.А. Стеценко не был одиноким. В начале 60-х годов исследователь из Узбекистана К.З. Хакимова (она же Мухсинова), Работая над диссертацией «Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в.» изучала документы архива из фонда кушбеги эмира Бухарского (ЦГА УзССР), обнаружила документы, где имелись сведения о восстании Восе. Знакомство с ним привело автора к заключению, что данное восстание действительно началось в июле 1888 г., но согласно ее мнению, протекало несколько иначе, чем описывает И.А. Стеценко. Что касается восстания 1885 г., К.З. Мухсинова пишет, что оно вспыхнуло в Муминабаде и является самостоятельным восстанием, о котором не упоминается в исторической литературе. Несмотря на выводы этих двух вышеуказанных авторов, все же доминирующее положение в научной литературе еще долго продолжало занимать мнение о том, что восстание Восе произошло в 1885 г.

Спустя почти два десятилетия, мнение И.А. Стеценко и К.З. Мухсиновой нашло подтверждение в статье Ш.Юсупова, написанной для юбилейного энциклопедического однотомника «Таджикская Советская Социалистическая Республика» (первой и второе издания, 1974, 1984). К сожалению, и она не была замечена исследователями, иначе как объяснить тот факт, что в юбилейном 1988 г. в изданном учебнике «История таджикской ССР» для 7-8 классов дата, восстания по-прежнему оставалась 1885 г.

Все вышесказанное, естественно, вызывает сомнения у читателя, и относительно определения даты восстания возникает закон-

ный вопрос какому выводу верить? Какая дата все-таки является более достоверной? Чтобы рассеять колебания и помочь читателю, все же следует вернуться к имеющимся в настоящее время в нашем распоряжении архивным документам.

Работая в архиве внешней политики России (АВПР) Архивного управления МИД СССР в 1982 г., автору этих строк удалось обнаружить копии ряда документов, свидетельствующие о том, что восстание Восе произошло в 1888 г. Причем часть этих документов, судя по их содержанию, являются экземплярами или копиями тех, которые обнаружили предыдущие исследователи (Д. Фаньян, Н. Прохоров, И.А. Стеценко, К.З. Мужсинова) в ЦГА УзССР.

Несмотря на имеющиеся разногласия в этих документах по вопросам о масштабе восстания, действиях восставших, подробностях о его предводителе и т.п., они, бесспорно, подводят черту под спорами о датировке восстания. Отрывки из них приводятся ниже в хронологической последовательности.

В копии с рапорта Самаркандского уездного начальника от 4 июня 1887 г., за №3779 военному губернатору Самаркандской области пишется: «Повсюду на Амударье полный неурожай и чрезвычайная дороговизна всех продуктов. В Бухарских бекствах все спокойно. Каратегинский бек Рахмонкул парваначи отозван и заменен Батыркулом парваначи. Согласно документу, год, предшествовавший восстанию Восе, был неурожайным, но, несмотря на все трудности, народ все же терпел и не наблюдались заметные волнения, хотя согласно данным в предыдущий 1886 г. в Бальджуанском и Кулябском бекствах произошел ряд открытых выступлений дехкан. Как явствует из приведенных исследователями сведений очевидцев, 1888 г. выдался урожайным. Все основные события относящиеся к восстанию Восе, разворачивались именно в этом году. О том, что эпицентром народного волнения стал Бальджуан, свидетельствует копия сведений, полученных из Бухары 18 июля 1888 г. (из донесения Политического агентства в Бухарском ханстве Н. Чарикова начальнику Азиатского департамента МИД России И.О. Розенбаху), где пишется: «Отправившийся в Бальджуан Акрам-бек находится теперь у Байсунского тюрадждана (сын эмира, являвшийся беком Байсуна, — Х.П.), дальше в Бальджуан не идет, так как там население, говорят, отложилось». До этого события, судя по другому документу, Акрам-бек «прибыл в Бухару из Дарваза с тысячью сарбазов»...

Другой документ, составленный 9 июля 1888 г., более проясняет обстановку: «Сарбазы и артиллерия выступили. Сам лично его высокопостепенство (т.е. амир — Х.П.) находится в Карши и прежде вы-

ступления войска Акрам-бек саркарда с одной тысячьо сарбазов и двенадцатьо амалдарами (т.е. чиновниками –Х.П.) над сарбазами отправлен в Бальджуан, где племя льякай, населяющее Бальджуан, отложилось. Садык-бек застрелен, вместе с ним убито четыре человека сарбазов в Бальджуане. Абдул-Алим-бек с одной тысячьо сарбазов стоит в Дарвазе. Двести человек сарбазов в Кулябе и сто человек в Бальджуане». В этом документе обратите внимание на слова «племя льякай, населяющее Бальджуан», свидетельствующие о недостаточном знании или вернее полном незнании информатора об этническом составе населения Бальджуана. Тем не менее К.З. Мухсинова в своей статье «Новое о восстании Восе» (Общественные науки в Узбекистане.— 1963, №10— с. 52-55) и в кандидатской диссертации «Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в.» (Ташкент, 1966), ссылаясь на этот документ и письмо военного губернатора Ферганской области Н.И. Королькова правителью канцелярии Туркестанского генерал-губернатора К.А. Нестеровскому от 4 декабря 1888 г. (в котором он ссылался на информации каратегинских торговцев), несколько раз подчеркнуто, указывает на то, что инициаторами восстания и его ведущей силой были узбеки из племени лакай. Причем, следуя ее логике изложения, и предводителя восстания Восе также следует считать представителем этого племени. Единственная уступка автора в этом плане состоит в том, что она признает и участие таджиков в этом восстание, но при этом пытается показать их роль в качестве попутчиков, примкнувших к лакайцам. Это и есть ни что иное, как пренебрежительное, вернее предвзятое отношение к исторической действительности и преднамеренное искажение логики случившегося путем передегеривания «фактов», приведенных из сообщения не прямого свидетеля или очевидца событий, а услышанных из третьих и четвертых уст. В данном случае торговец (ила торговцы) из Каратегина, сообщивший о выступлении локайцев Н.И. Королькову, ссылаясь на слухи, поступившие к нему откуда-то. Кстати, в этом плане более надежными являются сообщения Самаркандского уездного начальника Г.Д. Арандаренко, 1888г., на имя и.о. военного губернатора Самаркандской области, полковника Пукалова, где указывается на «возмущения кулябцев», а не о выступлениях локайцев. Почему-то автор, приведя его сообщения, довольствуется лишь поверхностным и даже случайным упоминанием (хотя Г.А. Арандаренко является одним из лучших исследователей, знатоков истории, культуры, быта и нравов населения края того времени), написавших немало серьезных работ, но упорно крутится вокруг сообщения, указывающего на выступлении локайцев.

Разумеется, видеть или пытаться обнаружить разницу в степени эксплуатации трудового народа соответственно их национально-этнической принадлежности было бы, по меньшей мере, несерьезным для настоящего исследователя даже среднего уровня. В данном случае труженник – налогоплательщик, будь он таджик, узбек или представитель другой национальности (народности), одинаково эксплуатировался. Им всем жилось одинаково трудно. Это и породило вероятности совместного выступления против общих ненавистников, феодалов, алчных чиновников.

Тем не менее, историческая правда состоит в том, чтобы объективно определить место события, его причины, конкретных инициаторов, их личности, а также число участников, их социальный и национально-этнический состав.

Если следовать такой логике, то нетрудно определить инициативу и ведущую силу таджикского населения в восстании Восе. Во всяком случае, следующие аргументы однозначно и недвусмысленно свидетельствуют об этом:

а) от нашествия саранчи и засухи, прежде всего, страдали земледельцы, которые должны были платить в первый урожайный год не только все налоги, но и недоимки за предыдущие неурожайные годы. Земледелием, как известно, занимались оседлые таджики, а не кочевые племена;

б) согласно сведениям, которыми мы располагаем, не только Восе, но и его самые близкие соратники по борьбе были таджиками;

в) по имеющимся данным, дед Восе Белак был родом из селения Хулос (горная местность, севернее Ховалинга, где проживали только таджики – земледельцы). Безземелье и нужда его и его сына Шакара (отца Восе) заставили переселиться в Дараи Мухтор, где была возможность приобрести более плодородный участок земли;

г) Бальджуанский бек и другие представители местного чиновничества использовали уголовные элементы и других неустойчивых лиц из племени локая во главе с Тугаем, а также его соплеменника, начальника бекского отряда Аллаяра, для подавления восстания (этот факт сам по себе говорит о том, что восставшие были таджики);

д) и, наконец, все «Песни о восстании Восе» сложены на таджикском языке, причем и в них указывается на то, что в подавление восстания властями были вовлечены уголовники из местных локайцев.

Там не менее, даже эти убедительные аргументы, в отличие от указанных автором, не дают нам право для категоричного утверждения о том, что все локайцы выступили против восстания. Не

исключено, что среди восставших были и бедняки локайцы, но они никак не могли стать заметной силой в данном событии.

Документ, поступивший из Бухары, датированный 28 июля 1888 г., гласит: «В Бальджуане и Хисаре, говорят, воцарилось полное спокойствие, виновники, говорят, бежали в Бадахшан, Акрамбек в Бальджуане занял место убитого Садык-бека». Следует отметить, что сам путь из Бухары в Бальджуан в летнее время был легким и по данным, поступившим из Бухары, из тысячи сарбазов, отправленных в Куляб и Бальджуан, 80, измученных переходами, умерли по дороге. Все это подтверждается другим документом, копией из поступившего донесения от 3 августа 1888 г., который гласит: Астанакул бек кушбеги хиссарский «выступил с войсками в Дарваз и Бальджуан, отложившихся покорил». Здесь же упоминается предыдущий факт. «Из тысячи человек сарбазов, которые его высокостепенством были отправлены в Хиссар, 80 человек, измученные переходами по жаре во время следования, умерли».

Хотя в этих документах нет сведений о главных сражениях и масштабах восстания, тем не менее по ним можно сделать вывод о довольно крупном событии, 6 августа 1888 г. сообщено, что «эмир назначил Абдукадыр-бека начальником в Бальджуане». Далее говорится, что «Астанакул бек кушбеги хиссарский из отложившихся бальджуанцев захватил 130 человек, представителей, арестовал их и отправил в Шахрисябз, его высокостепенству (т. е. эмиру), покорив все отложившееся население».

Как явствует из документов, восстание происходило в июле – августе 1888 г. Но в них нет имени предводителя, что очень важно в определении восстания. На этот вопрос дает ответ копия из рапорта Самаркандского уездного начальника от 19 августа 1888 года за №5083 военному губернатору Самаркандской области следующего содержания: «Пенджикекский участковый пристав рапортом за №714 данные мне о слухах из Хиссара следующее: Кулябцы, живущие в местности Шураб-дара, недовольные действиями бека, сборщика закота, говорят, действительно было возмутились. При этом шурабдарьинцы, высказав прежнему сборщику полное неповиновение, вместо его назначили некоего Мулла Восича».

О том, что Мулла Восич есть тот же Восе, не вызывает сомнения, и к тому же свидетельствует о всенародном уважении народа своего предводителя. В простонародье «мулло», помимо прямого смысла богослужителя, имеет и понятие мудрого, знающего и умевшего руководить. Что касается «Восеъ». Ошибка, вероятно, происходила из-за того, что переводчики татары произношение «Восеъ» (с твердым знаком в конце) переводили как Восич. В этом

отношении вполне могло иметь место и другое: настоящее имя Восе могло быть как Абдулвоси, Восид, Воси или Восича (Восидча), что вполне соответствует традиционным именам с ласкательными причастиями «ча» (часто встречаются имена: Бозича, Исоча, Мулоча, Амонча и т.п.).

Последний документ от 27 августа 1888 г. как бы является заключительным в этой серии донесений и рапортов о восстании. В нем говорится; «Из числа бальджуанских злоумышленников 40 человек по приказанию его высококостепенства преданы смертной казни в Бальджуане, двое старших были преданы смертной казни в Китабе. Из этих двух один, по всей вероятности, был Восе, но здесь допущена одна неточность. Восе был казнен не в Китабе, а в Шахрисабзе.

Таким образом, судя по этим документам, первый на которых датируется 9 июля, а последний 27 августа, восстание не утихло весь июль месяц. Если учесть соотношения старого и нового стилей (разница равна 12 дням), то восстание продолжалось до середины августа, а сам Восе был пойман не ранее, чем в конце августа — начале сентября по новому стилю.

Слухи о восстании поступали до конца 1888 г. Например, в выписке из копии донесения Политического агентства Чарыкова начальнику азиатского департамента Министерства иностранных дел от 31 декабря 1888 г. №1173 говорится: «...Минувшим летом было волнение, которое только прекращено энергичными мерами Гиссарского бека Астанакул — кушбегия». Сведения, из подобных документов можно продолжить, но, на наш взгляд, приведенные факты достаточны для твердого убеждения в том, что восстание Восе все же произошло в июле — августе 1888 г.

ЛИЧНОСТЬ ВОСЕ

Несмотря на крайнюю скудость источников, свидетельствующих о личности Восе, по имеющимся отдельным, порою вскользь упоминаемым фактам в «Песнях о Восе» и воспоминаниям очевидцев можно установить если неполную картину его жизнеописания, то воссоздать главные черты его характера и внешности, определить влияние той среды, в которой он вырос, на формирование его как лидера, народного героя, поднявшего угнетенных крестьян и представителей других бедных слоев на справедливую, но, к сожалению, обреченную на поражение борьбу.

Судя по содержанию имеющихся в «Песнях» строк, Восе к моменту восстания был молодым, с богатырским телосложением мужчиной:

*Как смугл Восе, как высок,
Как плеч его разлет широк.*

Сопоставляя имеющиеся факты и те сведения, в которых приводится предположительное мнение исследователей о возрасте Восе, возраст следует определяя между 35 и 40 годами (хотя есть и предположения, что год в восстания ему было 25-27 лет). Во всяком случае, А.Мухтаров с присущей скрупулезностью, собирая и сопоставляя факты, вытекающие из полученной им информации, в том числе от народного поэта Ислома Хола, определявшего возраст Восе 35-37 лет, и автора романа «Восе» С. Улуг-заде, считавшего, что в год восстания тому едва ли исполнилось 40 лет, хотя и не высказывает, свою однозначную точку зрения, но, как видно, склонен согласиться с мнением С.Улуг-заде. Впрочем, имеются и мнения других авторов утверждавших, что в год восстания Восе было 45-46 лет.

Причем данное суждение исходит из двух довольно серьезных источников: а) рассказ участника восстания, 97-летнего Бобо Давлата (Давлат Собирова) исследователю Ю.Якубову; б) сообщения 76-летнего внука Восе Хасана в беседе с научными сотрудниками А. Саидовым и Д. Бердыевым в 1986 году. К тому же, в год восстания, согласно рассказу внука Восе, его отцу Хасану (старшему сыну Восе) было примерно 13-16 лет. Почти взрослой в тот момент уже была дочь Восе Гулизор. Совокупность имеющихся сведений наводит на мнение о том, что Восе было 38-45 лет. Этот возраст для руководителя восстания такого сравнительно широкого масштаба является более всего приемлемым даже по тому соображению, что Восе был вполне зрелым и авторитетным среди всех бальджуанских жителей, иначе он не смог бы собрать вокруг себя столь многочисленных последователей. Свой авторитет он мог завоевать по какому – нибудь известному поступку, скорее всего своему участию в боевых действиях последнего правителя Куляба Сарабекка против своих внутренних и внешних врагов или против войска эмира бухарского в 1860 – 1870 годах, стремившегося силой присоединить независимые владения Восточной Бухары, в том числе Куляб и Бальджуан к эмирату. Исключается, что авторитет Восе мог завоевать своей ученостью или знанием Корана и шариата. Он не закончил никаких медресе или хотя бы средних духовных учебных заведений. Он мог знать только простую начальную грамоту, достаточную, чтобы свободно читать молитву. Вероятно и предположение о том, что свою известность он получил благодаря храбрости, бесстрашию, организаторским способностям. Всего этого люди достигают, как правило, после 30-35 лет.

По роду занятий Восе был простым крестьянином – землепашцем. После уборки урожая, чаще осенью и зимой, он работал на своей небольшой маслобойне (джуваз), в этом помогая и соседям. Оставшиеся излишки масло продавал на ховалингском базаре.

В том, что Восе руководителем, восстания по всей вероятности, немаловажную роль сыграли его богатырская сила, привлекательная внешность, смелость, уравновешенность и доброта души. Судя по информации современников, он во всех состязаниях по национальной борьбе – поднятию тяжестей, козлодранию легко добивался победы над друзьями-соперниками.

Мирзо Пираков, сын одного из сподвижников Восе, ссылаясь на свидетельство своего отца, известного силача Пирака-пахлавона (в буквальном смысле – Пирака-богатыря), рассказывал, что по пятницам каждый раз по возвращении с ховалингского базара в доме Восе собирались его близкие друзья, такие как Пахлавон Пирак из селения Тегучак, Сайяд из селения Бари Джарак, Карими човандоз (мастер по козлодранию) из Сангдары, Рустами-фалахмони (меткий стрелок) из Гаутама и десятки других. Они устраивали состязания, в которых Восе всегда удивлял своей силой и ловкостью. К примеру, он легко поднимал и переносил на другое место огромную маслобойную колоду, которую не могли поднять вместе семеро его друзей.

Или другой эпизод. В дни празднования Нзвруза организовывались большие состязания по таджикской национальной борьбе (гуштингири), для участия в которых собирались силачи ил соседних бекств. В одном из таких состязаний участвовал знаменитый борец из Афганистана Давлатшохи Кобули. После того, что он с легкостью положил одного за другим на лопатки известных борцов, вышел Восе. Уже после первых минут схватки гость, почувствовав силу и превосходство Восе, хотя тот не был профессиональным борцом, шепнул ему на ухо: «Не позорь меня». Чувство гостеприимства взяло верх. Поединок закончился вничью.

Сохранилось много рассказов о характере Восе. Они порою разноречивы, но всегда сходятся в одном: он был предельно справедливым, уравновешенным, добрым и веселым. Несмотря на свое бедственное положение, делился с друзьями последним куском хлеба. Его обычная, ничем не отличающаяся от других подобных бедняцких домов жилище было местом сбора друзей.

Восе были присущи те черты характера, которыми обладали обычно таджики-горцы живущие в трудных природных условиях, т.е. неприхотливостью, простота, граничившая порой с наивностью, добродушие, чрезмерное, трудолюбие, предельная честность

и вместе с тем бесстрашие, готовность прийти на помощь соседу. Все эти качества были наложены генетически. Иначе не мог бы сложиться его характер как лидера и борца за справедливость.

Селение Дарии Мухтор, где жил Восе находится в горной местности, сюда переселились его дед и отец. Их настоящим родовым местом является Хулос (брошенное селение севернее Ховалинга). Из-за сурового местного климата, малоземелья и дикой урожайности дед Восе Белак и его сын Шакар (отец Восе) вынуждены были перебраться в Дарай Мухтор, где появилась возможность приобрести немного больший участок земли, да и климат здесь более благоприятный, и почва более плодородная. Поэтому в характере Восе не могли не сказаться черты, которые, присущи обычному горному таджику – земледельцу.

Его характер в наиболее концентрированном виде проявился во время восстания. Даже сам факт, что по первому призыву Восе вскоре собралось свыше тысячи дехкан, готовых к борьбе, а в ходе восстания к нему присоединились сотни, по некоторым данным и тысячи крестьян из самых далеких амлякдарств Бальджуанского и Кулябского бекств, свидетельствует о его высоком авторитете и влиянии среди соотечественников.

Накануне и в ходе восстания проявилось одно важное качество Восе – его организаторский талант, умение не только удерживать и направлять неорганизованную необученную крестьянскую массу, но и организовывать питание и вооружать ее.

Люди выделяли муку из своих запасов, из которой хлеб в лагере (на горе Баландсар) на нагретых жаром костра плоских, удобных для выпечки камнях. Это картина в «Песнях о Восе» передается так:

*Хамбидан Сурхоакова.
Аврато буровардан ова
Курсалим мезад това*

В переводе:

*Спустились они и вот Сурхсакова.
Доставлять им воду женищинам не нова,
Салим-Касой неустанно печет това,*

Об избрании Восе руководителем восстания говорится и следующих строках:

*Восеъ хамбид аз Баландсар,
Факиро омадан яксар.
Восера бардоиштан сар.*

И переводе:

*Восе спустился из Баландсар.
Пришли бедняки и млад и стар.
Избрали Восе свой сардар.*

Толпы людей к Восе стекались и днем и ночью:

*Восеъ дар Сухсакова.
Задак сесаd алова,
Чукри-пасти метова.*

В переводе:

*Восе у Сурхсакова.
Триста костров снова
Освещают, не слышишь ли зова?*

Эти вышеприведенные и многие другие куплеты из «Песен», хотя и непоследовательны, но достаточно ярко передают отдельные детали восстания, характер его предводителя и любовь народа к своему герою:

*И вновь Восе вступает в бой,
Как лев неустршим герой.*

Или:

*О вождь, народа молодой,
Коварен, злобен недруг твой.*

Об уверенности Восе в успехе:

*Собирайтесь, о друзья, в поход.
Наш враг никуда не уйдет.*

Или:

*Эмир мне ненавистен, злой,
Эмир низвергнут будет мной.*

Все это и многое другое подтверждает предположение о том, что выбор народа в избрании своего руководителя был не случайным. Это был испытанный герой, надежда трудового народа.

*Минбари халк (Народная трибуна).
— 1998. — 25 июнь; 30 июль; 8 сент.*

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Прежде чем переходить к главной цели нашего доклада, хочется в качестве вступительного слова напомнить присутствующих о том неоспоримом факте, что исторические знания у таджикского народа имеют глубокие корни. Начиная от «Авесты» в древности и на протяжении всего средневековья эти знания непрерывно дополнялись новой информацией о происходивших и происходящих событиях. Таджикский народ дал миру такие выдающиеся историков, как Табари (839-923), создателя бессмертного сочинения «Таърих-ар-русул ва ал-мулук» («История пророков и царей»), Наршахи (ум.959), автора «Таърихи Бухоро» (История Бухары), Гардизи ((XI в.) сочинителя «Зейн-ул-ахбор» («Украшение известий»), Бейхаки (XI в.) – «Таърихи Масъуди» («История Масъуда») и других авторов сочинений, как Джувайни (XIII в.) – «Таърихи джахонкушой» («История завоевателя мира»), Раидуддин (XIII в.) – Джомеъ-ут-таворих» (Сборник летописей), Хафизи Абру (нач. XV в) – «Джомеъ-ут-таврих»), Хамдулло Казвини (XIII-XIV вв) – «Таърихи гузида» («Избранная летопись»), Мирхонда (XV вв.) – «Раузат-ус-сафо» («Сад чистых»), Хондемир (конец XV нач. XVI вв.) – «Хабиб-ус-сияр» («Друг путешественников»), Камолиддини Бинои (XVI в.) – «Футухоти хони» («Ханские победы»), или «Шейбанинаме», Хофизи Таниш (XVI в.) – «Абдулла-наме», Мухаммад Юсуфи Мунши (конец XVII – нач. XVIII вв.), Абдуррахман Тали (XVIII в.) – «Тухфаи хони» («Ханский подарок»), Мухаммад Якуб (XVIII в.) – «Гульшан-ул-мулук» («Цветник царей»), Мухаммад Наки (нач XVIII в.) – «Тадж-ат-таварих» («Венец летописей»), Муини (первая половина XIX в.) – «Таърихи авоил ва авохир» («История начал и концов») или «Таърихи Бухоро» («История Бухары»), Имом Алии Кундузи или Коми (XIX в.) – Таворихи манзума» («История в стихах») или «Стихотворные хронограммы») и многие др.

Но, несмотря на богатейшую традицию написания исторических сочинений вплоть до конца XIX в. таджикское летописание не могло перешагнуть рамки религиозного мироощущения или объяснения событий получившее известность в мировой историографии как «провиденциализм» (от латинского слова «providео», заранее предвижу, предусматриваю), согласно которому весь ход истории определяется богом.

Хотя известно, что в Европе, да и в России еще в XV-XVI вв. в исторических сочинениях ясно стали наблюдаться элементы рационализма, т.е. переход к разумному взгляду к истории, событиям.

Хотя религиозная идеология продолжала оставаться господствующей, но все же с середины XVIII в. все чаще делаются попытки прагматического понимания или объяснения истории (прагматизм от греческого слова «действие» – понимание истории, в основе которого лежит представление о причинной связи событий как следствия деяний людей). К XVII в. уже полностью завершается переход к исторической науке, т.е. историки теперь стали искать причины тех или иных событий не в небесах, якобы происходящих по воле божьей, а на земле.

В таджикской историографии, как и во всем исламском мире, хотя и были слабые попытки рационалистического и прагматического подходов к разъяснению исторических событий, тем не менее, вплоть до конца XIX в. не могли выходить за рамки providentialизма.

Заслуга впервые нарушить этого традиционного исторического мышления принадлежит Ахмаду Донишу (1827-1897) – выдающемуся таджикскому просветителю, историку, поэту, да и вообще энциклопедисту. В его сочинениях «Рисола ё мухтасаре аз таърихи шайтанати хонадони мангития» («Трактат или краткая история происхождения мангитской династии»), «Наводир-ул-вақоъеъ» («Редкостные происшествия»), «Рисолаи сиёси» («Политический трактат»), «Путешествие из Бухары в Петербург», легко наблюдается стремление автора находить причины тех событий, которые привлекали его внимание или стали объектом его суждения.

Не вдаваясь в подробный анализ исторических суждений Ахмада Дониша, следует особо заметить, что он стоял у истоков перерастания исторических знаний в науку.

Сложение исторической науки в нашей национальной историографии приходится на 20-е годы прошлого века. Этому способствовало образование Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в составе Узбекской ССР, по результатам национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г. Особая заслуга в этом принадлежит Садриддину Айни. Его работы «Таърихи амирони мангитияи Бухоро» («История мангитских эмиров бухары»), «Таърихи инсилоби Бухоро» («История бухарской революции») и «Намунаи адабиёти тоҷик» («образцы таджикской литературы» вышедшие до образования Таджикской ССР (1929 г.), наряду с историческими работами русских востоковедов В.В. Бартольда, А.А.Семенова, М.С.Андреева и др., являлись первыми образцами исторических исследований, ясно свидетельствующих о переходе к исторической науке.

Таким образом Ахмади Дониш и Садриддин Айни как бы являлись опорными фигурами, обеспечившими переход от исторических знаний в науку в нашей национальной историографии. Вот

именно этот переходный момент и заслуги упомянутых личностей в формировании нашей исторической науки и поныне изучены крайне слабо.

Намеренно упуская изложения того интересного и поучительного сложения нашей исторической науки в 30-х – 50-х годов прошлого столетия, заслуги первой плеяды историков академического склада, хочется упомянуть лишь об огромном и неповторимом вкладе, который внес академик Бободжан Гафуров в представление истории таджикского народа в общесоюзном масштабе. Выход в свет его труд «История таджикского народа в кратком изложении» на таджикском языке в 1947 году, являлась убедительным знаком высокого достижения отечественной исторической науки. Сам факт, что за короткое время этот труд трижды переиздавался (1949, 1952 и 1955 гг.) в Москве на русском языке говорит о его научной ценности. Разумеется, в 50-60-е годы республика превратилась в один из образцовых центров исторической науки в Общесоюзном масштабе. Развивалась как историческая фундаментальная наука, так и вспомогательные исторические научные направления (археология, этнография, нумизматика, эпиграфика и др.). Этому способствовало образования Таджикского госуниверситета (ныне Таджикский национальный университет), Академии наук в 1951 г. и при ней важнейшего штаба исторической науки – Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша с соответствующими секторами.

Результатом научного достижения таджикских ученых стал фундаментальный труд «История таджикского народа» в трех томах, 5-ти книгах, изданный в Москве в 1963-1965 гг. Об особой ценности этого исследования свидетельствует факт выдвижения на Государственную премию. Хотя по ряду субъективных причин премия не была присуждена, но факт всеобщего признания было налицо.

В 60-70-х годов было издано множество серьезные монографические исследования нашими историками, но в этом отношении особняком стоит общеизвестный труд академика Бободжана Гафуров «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» вышедшая в Москве в 1972 г.

Последующие годы действительно были годами в масштабе нашей республики грандиозными достижениями в отечественной историографии, только перечисление авторов и изданных им трудов заняло бы десятки страниц.

Нам остается лишь констатировать тот факт, что именно за годы Советской власти не только сложилась наша историческая наука в полном смысле слова, но и достигла высот стоящих намного выше наших воображений.

Эти достижения и стали тем мощным фундаментом, на котором развивается отечественная историческая наука периода независимости.

Распад Союза наряду со всеми негативными явлениями привнес в усиление тенденции пересмотра советской методологии исторического исследования. Все отчетливее слышался призыв «История вне политики». Призывы к появлению различных течений в области исторического исследования. На этой волне издавались исторические сочинения, запрещенные советской цензурой. Внедрение принципа плюрализма или свободного действия в изучении исторических событий, способствовало тому, что историческая наука оказалась на службе политиков и орудия политиканов.

Отсутствие четкой концепции в исторических исследованиях, дилетантские поиски «абсолютной истины» в изучении истории, стремление к выходу из кризисной ситуации в исторической науке не могли не ослабить той роли, которая играла историческая наука в национальной консолидации и территориальной целостности России. Эти события не могли не повлиять на состояние исторической науки и в других союзных республиках. В этом отношении Таджикистан не мог быть исключением.

Усиление тенденции исследовать «белые пятна» в истории таджикского народа, наблюдались в последние годы горбачевской перестройки (в конце 80-х годов). В периодической печати начала 90-х годов все больше появлялись призывы пересмотреть нашу историю в особенности издержки национально-территориального размежевания и несправедливости его итогов для нашей республики. Это больше исходило от журналистов. Но надо отдать должное, что профессиональные историки всегда трезво и уравновешенно реагировали и придерживались линию исходящей из принципа подлинного историзму. Таджикские историки в большинстве своем исходили из той реалии, что уроки истории всегда являются важнейшим фактором в национальном самосознании и консолидации нации в условиях гражданской войны в Таджикистане. Но это не освобождало их от ответственности дистанцироваться от принципов историзма и в этом плане освободится от излишней идеологической опеки советской методологии исторического исследования.

Новый подход к исследованию исторических событий 20-30-х годов наблюдался в статьях авторов, помещенных в сборниках «Правда истории», «Черные пятна в истории Таджикистана», «Уроки самопознания» (в двух частях), вышедшие в 1991 г.

Несмотря на трудности связанные с гражданской войной таджикские историки, хорошо осознавая своё место в консолидации общества, выступали со статьями, освещающими тех или иных событий, имеющие судьбоносные значения в истории таджикского наро-

да. Используя сравнительно свободный доступ к материалам архива, находившиеся до этого времени под грифом «совершенно секретно», ученые стремились объективно охарактеризовать события.

В этом плане исследования академика Р.М.Масова «История топорного разделения» и «Таджики под грифом «Совершенно секретно» – следует считать выдающееся достижение таджикской историографии.

Хотя таджикские историки продолжали исследования по соответствующим своим тематическим направлениям в условиях гражданской войны, тем не менее, особый размах историческая наука получила после окончания гражданской войны, когда она стала важнейшей частью государственной политики.

Политические противостояния переросшее в гражданскую войну показала низкий уровень исторической осведомленности большей части населения, особенно молодёжи, что привело к проявлению с одной стороны ярого национализма с другой местнической близорукости. Это и стало той причиной, что Президент республики по собственной инициативе стал определять основные параметры и перспективы исторической науки, для этой цели организовывая проведение различных юбилейных мероприятий, касающихся тех исторических дат, которые оставили глубокий след в нашей истории.

В 90-е годы таджикские историки могли издать ряд ценных исследований. В частности Б.И. Искандаровым опубликован труд «История Памира: в связи с изучением сопредельных стран» (Хорог, 1996) А.М.Мухтаровым были опубликованы работы «Гиссар. Исторический очерк (конца XV – начала XX вв)» в двух книгах (Душанбе, 1995, 1999), «Бободжан Гафуров (воспоминание)» (Душанбе, 1992), Н.Н.Негматовым «Таджикский феномен: история и теория» (Душанбе, 1997), Х.Н.Назаровым «Восхождение и падение Саманидов» (Душанбе, 1999), Ю.Якубовым «Таджики (к вопросу этногенеза)» (Душанбе, 1995), «Религия древнего Согда» (Душанбе, 1996), М.Б.Бобохоновым «История таджиков мира (Душанбе, 1999), А.И.Исаковым «Саразм» (Душанбе, 1991), С.Абдуллоевым «Эмир Исмаил Сомони» (Душанбе, 1999), О.Бокиевым «Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей» (Душанбе, 1991), «Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Бадахшана к России» (Душанбе, 1994), Х.Пирумшоевым «Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв.» (Душанбе, 1992), Русские дореволюционные авторы о политике России в Средней Азии в XVIII в.» (Душанбе, 1996), «История изучения восстания Восе» (Душанбе, 1998), Н.Б. Хотамовым «Свержение эмирского режима в Бухаре» (Душанбе, 1997). Этот список

ученых, внесших свою лепту в развитии исторической науки Таджикистана 90-х годов, можно продолжить. Немало исследования было посвящено 90-летию академика Б.Г.Гафурова и 1100-летию Государства Саманидов.

Важным было то, что именно в 90-х годов Президент республики Э.Ш.Рахмонов в своих выступлениях сосредоточил свое внимание на задачах стоящих перед отечественной историографии, в целом определил основные направления исторической науки и ее консолидирующая роль в обществе. Его работа «Таджики в зеркале истории. Книга первая. От арийцев до Саманидов» (Лондон, 1999) является ярким доказательством тому.

Выход в свет два тома из шести томной фундаментальной работы «История таджикского народа» (Душанбе, 1998-1999) справедливо считается выдающимся событием. Оно, по сути, открыло новый этап в отечественной историографии.

Все эти достижения послужили надежной основой для более динамичного развития исторической науки в первом десятилетии нового XXI века.

За это десятилетие довольно объективное научное освещение проблем древней, средневековой и новой истории таджикского народа даётся в трудах Б.А.Литвинского, А.Мухторова, Н.Негматова, В.А.Ранова, Ю.Якубова, М.А.Бубновой, Х. Назарова, А.Раджабова, О.Турсунова, А.Саидова, Х.Камола, Г.Гоибова, Д.Довуди, Н.Амиршохи, М.Исоматова и др.

Исследованию исторических проблем новейшего периода истории Таджикистана посвящены труды Р.Масова «Таджики: вытеснение и ассимиляция» (Душанбе, 2003), Таджики: история национальной трагедии. (Душанбе. 2008), Г.Хайдарова (История таджикского народа. XX в.» (Худжанд, 2001), «Начальная подступь суверенного Таджикистана» (Худжанд, 2004), Р.Абулхаева, серия работ по переселенческим и миграционным вопросам. Н.Хотамова «История таджикского народа (от 60-х годов XIX в. до 1924 г.», (Душанбе 2007), Социально-экономические преобразования Республики Таджикистан в период суверенитета (1991-2006); (Душанбе, 2008) и др. В этом плане нельзя не упомянуть о ценности работ И.К.Усмонова и ряда других исследователей современной отечественной истории.

Проблемы историографического характера находят свои решения в работах Р.Масова, Х.Пирумшоева, С.Мухиддинова, В.В.Дубовицкого, С.Бобомуллоева, Н.Амиршохи и ряд других авторов.

Отдельным аспектам истории культуры посвящены исследования Н.Нурджанова, А.Раджабова, Г.Майтдиновой, Р.Мукимова, Б.Кабиловой и др.

Особое развитие получила мемуарная литература. В этом плане образцовым следует считать серии книг Г.Х.Хайдарова «Альма-матер» (Мои воспоминания)», – Худжанд,2002, «Былое и думы (из воспоминаний)». – Худжанд, 2004, «Годы громовые (1941-1945 гг.)». – Худжанд,2005.

Итоговым достижением в отечественной историографии второго десятилетия периода независимости является выход из печати еще трех томов из шеститомного фундаментального исследования «История таджикского народа»

Разумеется, в объеме одного доклада, охватить многочисленные исследования историков республики практически невозможно, только их перечень может охватить десятки страниц. Но даже упомянутые нами исследования показывает неуклонный рост отечественной исторической науки.

Уместно отметить, что, несмотря на различные нападки некоторых так называемых «историков» из числа неудавшихся защитител диссертации соискателей и ряд журналистов о якобы не объективном подходе профессиональных историков в освещении исторических событий советского периода, главным образом они подчеркивают под сомнения закономерности победы социалистической революции и того судьбоносного преобразовательного процесса, с которым связано с возрождение таджикской государственности и те грандиозные достижения, которые были достигнуты в республике в годы Советской власти. В пылу своей исторической неосведомленности, в своих статьях, опубликованных в частной прессе, стремятся возвести босмаческое движение в ранг национально-освободительное, а из босмачей, совершенно далеких от национального самосознания создать образ освободителей, героев-мучеников. Эти измышления, разумеется, ничего не имеют общего, с исторической реальностью и исторической наукой.

В целом, научные достижения профессиональных ученых-историков убедительно свидетельствует о неизменном движении этой науки по пути утверждения принципа историзма в отечественной историографии периода независимости.

Республика Таджикистан в годы независимости (1991-2011 гг.).

Сборник докладов Республиканской научной конференции (Душанбе, 28октября 2011 г.). – Душанбе: РТСУ, 2013.– С.8-15.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТАДЖИКИСТАНА С МИРОВЫМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Нельзя рассматривать перемены, происходящие в политической, да и экономической жизни любого государства в том или ином историческом периоде, как явление случайное, изолированное от тех заметных политических процессов, которые происходят в мировом или региональном масштабе. События 90-х годов в Таджикистане в очередной раз продемонстрировали взаимосвязь и взаимовлияние политических процессов.

Перемены, начавшие в середине 80-х годов в Советском Союзе, получавшие известность как «горбачевская перестройка», и по сути нарушившие ход кажущегося сравнительно стабильного, размеренного развития государств социалистического содружества не были случайным явлением. Они являлись закономерным итогом или логическим завершением все усиливавшегося несоответствия между той политическо-административной системой управления и экономической основой общества, оказавшегося полностью в цепях всеобъемлющего господства госмонополии на средства производства, оказавшегося изолированным от элементарных требований рыночного производства при полном отсутствии производственной конкуренции. К тому же созданная мощная партийная номенклатура или вернее аристократия усердно и ревниво (да и не без корысти) охраняющая «основы социалистического способа производства», стало главной причиной того застоя, о котором часто не меняют (иногда с оттенком преувеличения) сведущие специалисты.

Причем все это происходило на фоне обострившегося идеологической и экономической конкуренции, вернее противоборства двух систем (капиталистической и социалистической).

Таджикистан как неотъемная часть могущественного Союза ССР был соответственно втянут в общий водоворот событий, происходивших не только в масштабе Советского Союза, но и почти во всем пространстве социалистического содружества. Причем последствия этих событий приведших к распаду системы и Союза для Таджикистана являвшихся, может быть одним из слабых звеньев системы, стали трагическим. Все это еще раз убедительно показало, что Таджикистан не мог остаться в стороне от происходивших событий, приведших его, с одной стороны, в почину гражданской войны, с другой – открывших путь к подлинной независимости.

На фоне всего происходящего следует отметить, что получения реальной независимости для Таджикистана также не происходило вне общего контакта с теми политическими событиями, которые происходили как в региональном, так и в неизмеримо более широком масштабе.

Выход из гражданской войны и достижение национального согласия в Таджикистане нельзя считать явлением самостоятельным, и изолированным и сугубо национальным, хотя определяющим является стремление нашего народа к этому знаменателю, но и отбрасывание внешних факторов идет только во вред выявлению исторической истины. Разумеется, путь к подлинно научному изучению данного процесса мирного урегулирования военной и политической конфронтации является долгим и изнурительным. Его можно изучать в контексте всех событий, которые прямо или косвенно имели отношение, как причинами озникновения гражданской войны, так и процессу мирного. Этот вопрос может, получить реальную научную оценку лишь при его комплексном изучении и выявлении степени взаимосвязи с региональным и глобальным политическим процессом.

В этом плане заслуга политического лидера республики – Президента Эмомали Рахмонова и государственного аппарата, работавшего под его руководством, является определяющей. Достижение намеченных целей зависело от точного им анализа происходивших и происходящих событий глобальных и региональных или же геополитических интересов великих держав со всеми вытекающими из них последствиями. Исходя из этой реалии (с учетом политических противоречий) выработана конкретная программа действий по выходу республики из создавшейся ситуации. Вот и в этом плане опыт урегулирования конфликта в Таджикистане должен стать достоянием мировой общественности.

Изучение минувших событий является далеко не достаточным для решения проблем всестороннего развития Таджикистана в перспективе. Для этого нужна новая программа созидательной стратегии, в разработке которой следует также исходить из тех же политических процессов, происходящих в мире.

Учитывая реальное влияние или воздействие мировых и региональных политических процессов на общественно-политическую, социально-экономическую да и культурную жизнь республики, Президент Э.Ш. Рахмонов в своей аналитической статье «Республика Таджикистан на пороге XXI века» предельно лаконично и

четко сформулировал данный процесс следующими словами: «Таджикистан представляет собой относительно небольшое государство и в силу этого во многом зависит от процессов, происходящих за его пределами. Поэтому характер и особенности континентальной жизни определенно влияют на страну, находящуюся в центре Евразии, находит оптимальные решения для своей устойчивой жизни на перекрестке, где сталкиваются интересы больших мировых образований, – задача, которую следует постоянно решать нашей республике».¹

Президент достижения национального согласия напрямую увязывает с общемировым политическим процессом. «Несомненно, – пишет он, – что компромисс этих интересов в Таджикистане и по поводу Таджикистана, достигнутый в результате миротворческих усилий, прежде всего самих таджикистанцев и привели их к миру».²

Очерчивая контуры перспективного развития республики, глава государства особо подчеркивает успешное его решение только в тесном содружестве с мировым сообществом и прежде всего с Россией и ближними соседями. «Процесс глобализации, – указывает Э. Ш. Рахмонов, – требует установления тесных отношений со многими странами, то есть, республике необходимо диверсифицировать свои межгосударственные отношения. Без этого она окажется в стороне от важнейших политических, экономических, научных и культурных процессов».³

Следует особо отметить, что при сохранении теснейших контактов с международным сообществом, с обязательным учетом важнейших политических процессов, все же нам необходимо учесть свои специфические особенности, национальный менталитет и свое лицо в этом общем процессе многосторонности и многополярности взаимоотношении с другими государствами. Копирование, слепое подражание под видом модернизации по типу «развитых и цивилизованных стран» может пагубно влиять на перспективу нашего развития.

Призывая к решению множества глобальных региональных и внутренних проблем экологического, политического, социально – экономического и культурного характера, Э.Ш. Рахмонов указывает на существенно верный ориентир, исходя из мировых и регио-

¹ Независимая газета. – 8 декабря 2000 года, № 239. – С.1.

² Там же.

³ Там же.

нальных общеполитических процессов. Причем в огромном клубке проблем он четко выделяет вопросы «отношения к Востоку, и исламскому миру и европейской цивилизации, как основе для дальнейшего развития» нашей республики в XXI веке. По его научно-обоснованному убеждению идеи модернизации глубоко вошла в сознание людей, но требует предельно осторожного и ответственного подхода. Модернизация должна проявиться прежде всего в принятии людьми «новых ценностей, связанных с развитием в отраве бесплатного образования и медицины, естественных и гуманитарных наук, светской культуры и искусства, разделением государства и религии, индустриальным развитием и внедрением относительно новых для того времени технологий».¹

Всё оказанное и многое другое в совокупности приводит к твердому убеждению, что без учета общемирового регионального политического процесса нельзя выработать или определить разумный путь перспективного политического, социально-экономического и культурного развития.

*Вестник Педагогического университета
(Серия филологических и гуманитарных наук).
– Душанбе. – 2000. – №7. – С.29-32.*

¹ Независимая газета. – 8 декабря 2000 года, № 239. – С.1.

ТАДЖИКИСТАН – ИСТОЧНИК ЗЛА: КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Ознакомившись со статьей М.Калишевского, помещенной на сайте ЦентрАзия «Рахмон плюс «ариизация» всей страны. Опасные химеры таджикского «арийства», в очередной раз убеждаешься в целеустремленно преднамеренном, точнее провокационном выпаде из соседней страны так называемых «специалистов – лоборников истории», выдаваемых свои измышления за абсолютную истину. При этом не только не скрывают желаний вопреки выводам нескольких поколений корифеев востоковедения, преимущественно русских и западноевропейских, в целом открывших истории народов Центральной Азии не только для них самих, но и для всего мира, выдвигать свои ничем необоснованные псевдонаучные выводы, согласно которым для таджиков отводится лишь роль подспудного кочевого племени, соучастника в создание региональной цивилизации. Здесь во избежание повторения выводов многочисленных ученых так или иначе причастные к истории народов Центральной Азии, в трудах которых в той или иной степени освещено участие каждой из народностей края в развитие духовной и материальной культуры, мы воздерживаемся от пространного экскурса в древней и средневековой истории народов региона. В этом плане даже мало-малому знакомому с историей известно о той роли, которую играли самые древние аборигены края – таджики в региональной и мировой цивилизации.

Удивительно и то, что на этот раз в качестве эксперта определяющего степень «региональной опасности исходившей из Таджикистана», выступает некий русский или просто выдающий себя за русского, новый ясновидец Михаил Калишевский. Нас уже, привыкших к беспрерывным яростным нападкам со стороны «истинных знатоков» истории региона из соседнего государства, удивляет, что их ряд пополнился еще одним из плеяды игнорирующих общепризнанных в мировом масштабе, как дореволюционных, так и советских русских востоковедов, которые указывали на прямую связь таджиков (да и не только таджиков) к арийцам. В этом плане беспочвенное игнорирование их мнения, является нечто иное, как о недостаточной исторической информированности автора. Здесь уместно отметить, что таджикские ученые в этом плане никакой Америки не открыли. Опираясь на выводы и заключения общеизвестных исследователей, они только несколько подкрепили их новыми аргументами, обнаруженными в материальных и письменных источниках. Поэтому считаем излишним, снова детализированно доказывать простую истину, о глубоких исторических корнях предков таджиков в регионе и их причастности к древним арийцам.

Наших оппонентов почему-то раздражает активизация обраще-

ния руководства и ученых нашей республики к истории после распада Советского Союза и приобретения независимости. Стоит им хотя бы поверхностно взглянуть на степень нашей активности, то не могут не обнаружить факт, что мы в этом направлении намного отстали от них (имеется ввиду в бесконечном утверждении ими о своей определяющей причастности ко всем культурным достижениям, происходившим на современной их государственной территории).

Что касается проявления активности наших ученых в изучении своих исторических корней, то побудительными мотивами такой активности являлись желания последовать за убедительными выводами дореволюционных русских, да и советских востоковедов, которые считали предков таджиков самими древними обитателями просторов Средней Азии. Как известно, дабы не нарушить принципы подлинного интернационализма, в советской историографии все исторические и культурные достижения народов, проживающих в республиках региона, либо полностью объявлялись собственностью «титальной нации» этих республик, либо считались достоянием всех народов региона. При этом зачастую придавали забвению миграционные или переселенческие, да и частые захватнические процессы.

Распад СССР и в какой-то степени, ревниво охраняемые устои материалистической методологии (хотя на наш взгляд, только она даёт ключ к подлинно научному анализу исторических событий, верности принципам историзма), привело к безудержной гонке за стремление утверждения своего приоритетного права на региональной цивилизации во всех теперь независимых республиках. В этом плане Таджикистан не был исключением, но и далеко не первым. Позже при прямом вмешательстве наших недругов, усиления политического противостояния переросло в гражданскую войну (1992-1997 гг.). В этой сложной и драматической ситуации, если не считать появление отдельных серьезных книг на злобу дня, то таких активных исторических изысканий не наблюдалось. А в соседних республиках, на оборот, было немало случаев, когда при спонсорской поддержке различных научных и ненаучных зарубежных фондов, организовывались в зависимости от интересов (порою политических), их организаторов, симпозиумы и конференции.

Разумеется, если в начале драматические события и несколько замедлили темп исторических исследований, запланированных еще в последние годы Советской власти, впоследствии сама реальность диктовала необходимость встать нам на защиту своих исторических ценностей. Это необходимо было для консолидации народа, для формирования национального самосознания, без которого нельзя была придти к согласию и национальному примирению в Таджикистане.

Помимо естественного желания глубже познать историю наро-

да, другим катализатором занять активную позицию в этом направлении стала необходимость использовать силу исторической науки для консолидации народа, нормализации обстановки, для воспитания национального самосознания. Но во всех случаях мы не перешагнули тот исторический рубеж, который по праву принадлежит нам, зная о том, что абсолютизации собственной истории может причинить не меньшего вреда, как и недооценка исторических достижений своего народа. Наши научные поиски не идут в разрез историческим интересам соседних народов. Мы всегда с чувством признания, относились и относимся к истории и культурным достижениям соседних народов, с которыми мы жили бок о бок и делили все достижения, и невзгоды жизни.

Вызывает недоумение, почему автор огульно, утверждая о том, что «арийство» стало в Таджикистане важной частью государственной идеологии», указывает на опасность создания «союза ираноязычных (персоязычных) стран», в который должны входить Иран, Таджикистан и Афганистан. Он недвусмысленно предостерегает, что этот «арийский» альянс направлен против «неарийских» соседей.

Разумеется, те, которые имеют знакомства с историей этих трех стран, хорошо осознают общие историко-культурные традиции их народов. Между собой они испытывают те же чувства взаимного уважения, как славянские, тюркские и другие близкие в расово-языковом отношении народов мира. Тем более, что в связи с нарастанием противоречий между государствами и в условиях продолжения общемирового экономического кризиса, почти все страны, как малые, так и великие ищут оптимальные и приемлемые для их интересы, варианты сближения с другими государствами, создания обоюдно выгодных двухсторонних и многосторонних союзов. Современная история стала свидетелем частых переориентационными внешнеполитических связей государств, многие из которых впрочем, зависят зачастую от воли и интересов главных определителей политики, ведущих мировых держав. В контексте неустойчивой политики ведущих держав в отношении менее развитых или развивающихся стран, такие стремления к поиску приемлемого партнера в лице стран традиционно близкого по языку культуре и менталитету вполне закономерно. В таких случаях прежде чем сделать скоропалительные выводы, нужно глубже вникнуть в положение тех стран, которые хотят каким то образом смягчить как политические, так экономические давления из вне, ищут надежную опору в тех странах и народах, которые близки по традициям и готовы чем-то помочь друг друга, в связи с возникшей необходимостью. В данном случае сближение Таджикистана с Исламской Республики Иран и Исламской Республикой Афганистан, несмотря на наличия у каждого некоторых политических и религиозных особенностей,

все же следует считать естественным процессом, исходящим из сложившейся в данном случае реальности.

Автор статьи, пытаясь найти корни историко-этнических разногласий в регионе, связывает их с решением «сталинской политики» национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г. Разумеется, с нынешней позиции можно найти множество уязвимых мест в решении этого для всех народов Средней Азии судьбоносного акта. Но если исходить из реалии того времени, когда для Государства Советов, от решения национального вопроса зависело их прочное удержание власти, других альтернатив его решения не было. Нельзя было оставить без изменения, административное управление существовавшее при царском колониальном режиме. На том уровне национального самосознания, началом которого было положено в России в капиталистическом периоде его развития, при новой власти нельзя было удержать все народы бывшей империи в прежних рамках административного управления. В Средней Азии рано или поздно усиливались бы разногласия на национальной почве. Во всяком случае, поборники пантюркизма могли дать о себе знать, да и примеров такого характера в первые годы Советской власти в Туркестанской Автономной Республике и Бухарской Народной Республике предостаточно. Они ярко прослеживались в Узбекистане в отношении к таджикам и после национально-территориального размежевания, когда Таджикистан в качестве автономной республики находился в составе Узбекской ССР. В любом случае сохранения прежних административных порядков привело бы к трагическим последствиям.

Другое дело, в ходе национально-территориального размежевания порою по недостаточной исторической информированности, чаще преднамеренно допускались просчеты. Но это не должно стать поводом для нашего сегодняшнего разногласия. Территориальные проблемы всегда были и будут впредь. В мире нет такого государства, у которого все территориальные вопросы решены на уровне желания руководства и многих граждан страны. Это не может быть исключением даже для самых крупных мировых держав. По воле судьбы и истории границы часто менялись в средневековье и новое время. Они стали более стабильными после Второй Мировой Войны и распада колониальной системы. На современном этапе имеются множество международно-правовых актов, указывающих на незыблемость государственных границ, хотя и имеются отдельные, но редкие примеры изменений границ. Исходя из этого предъявления территориальных претензий к любому государству выглядят абсурдными. На примере Израиля и Палестины мир знает цену этих нарушений. Тем не менее, не редко для практического осуществления своих амбициозных стремлений отдельные политики высшего

ранга используют эту удочку для устрашения непокладистых соседей, желающих лишь признания равноправных отношений. Таким непокладистым и гордым соседом оказался Таджикистан, которого, обвиняя во всех земных и небесных грехах чрезмерно длительное время держали в экономической блокаде. При этом, каждое стремление руководства Таджикистана, найти выход из создавшейся ситуации, выдаётся служителями истории и политики руководством соседней республики, как угроза безопасности их страны.

В данном случае автор рецензируемой статьи М.Калишевский, рассматривает проходившие встречи между главами государств Ирана, Таджикистана и Афганистана (в июле 2006, марте 2010 гг. в Душанбе и в августе текущего года в Тегеране), как оформление «альянса арийцев» угрожающей безопасности Узбекистана. Он как и предыдущие «историки – специалисты», написавшие немало постулатов в обвинения таджикских историков и политологов, за якобы «необоснованное описание» обширности рамок ареала распространения древних предков таджиков, пытается доказать степень опасности этих заключений для безопасности своей страны. Выходит, что мы должны не только согласовывать нашу внешнюю политику с учетом прихоти грозного соседа, ибо любое несогласованное действия считается ущербным для безопасности его страны, но и всю нашу историю втиснуть в рамки современной территории Таджикистана.

История знает немало имперских образований, занявших чрезмерно обширные территории, но по воле судьбы и истории от них остались сравнительно небольшие государства или города, носящие их имена: Египет, Персия, Греция, Рим или более поздние колониальные державы. Выходит они свою древнюю, средневековую и новую историю должны изучать только в пределах границ нынешних государств. То же самое, история знает немало миграционных процессов и соответственно изменения местообиталища многих народов как кочевых, так и оседлых, примером тому, может послужит и современная Турция. Задача настоящего историка заключается в реальном, непредвзятом освещении исторической реальности тех эпох и народов, которые охватываются рамками его исследований. Не надо бояться нежеланного ощущения исторической правды. Всегда следует исходить из той истины, что события и перемены происходят не случайно, а в силу исторической закономерности.

Автор пытается показать Бободжана Гафурова, как основателя так называемого «арийского идеолога» и тезиса о таджиков, как исконно коренным населением Центрально-азиатского региона, а тюркоязычные народы являются пришлыми. Во-первых, сама «арийская идеология» является крайне неудачной и несколько предвзято злобным всплеском из терминологических запасов автора, во вторых арийцы, как народ или как конгломерат племен, сто-

ящих у истоков древней центрально-азиатской цивилизации, с которыми связывают свои корни многие народы, не выдумка общеизвестного таджикского ученого и государственного деятеля Б.Гафурова, а историческая реальность, которую признавали и признают все специалисты, так или иначе причастные к истории древней, раннесредневековой и мировой цивилизации. Б. Гафуров никогда не допускал огульных скороспелых выводов. Он всегда опирался на мнения компетентных и авторитетных ученых.

Указывая на сложность точного определения времени и пути расселения предков иранских и индоарийских племен, Б.Гафуров пишет: «В науке существуют различные мнения по этим вопросам. Но наиболее распространенным является положение, по которому предки различных индоевропейских племен жили до своего расселения в Средней Азии и соседних с ней районах, и с этих территорий одна группа индоариев пришла в Индию, другая проникла в Переднюю Азию, где около середины II тысячелетия до н.э. отмечены следы их речи и культуры, а затем иранские племена, предки мидян, персов и др., продвинулись в западный Иран. Такой точки зрения придерживалось и придерживается большинство историков и иранистов – лингвистов». При этом он перечисляет таких корифеев востоковедения как В.Гейер, Эд.Мейер, В.В.Бартольд, Э.Херцфельд, А.Кристинсен, Э.Бенвенист, Дж.Камерон, И.М.Дьяконов, Г.А.Меликишвили, И.М.Оранский. Р.Фрай и др, приверженцев данного вывода. При этом он никогда пренебрежительно не относился к мнению их оппонентов (См.: Гафуров Б.Г. Таджики Древнейшая, древняя, и средневековая история. – М.: «Наука», 1972. – С.33.). Далее, обобщая мнения самых компетентных исследователей, присовокупив к ним и данные из археологических источников, указывает: «Территория самой Средней Азии к VII–VI вв. до н. э., целиком занимали иранские народности – бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, племена сакской группы и др. На основе этих народностей, прежде всего бактрийцев и согдийцев, в раннем средневековье и сформировался таджикский народ» (Более подробно см. там же. – С.37-43). Как видите все это невыдумка или политический пассаж, а реальная историческая истина, которая независимо от желания или нежелания кого-то будет существовать. Если у кого-то иное мнение, пусть обоснует свое видение, на реальных, неоспоримых фактах, как истинный ученый, а не на политическо-конъюнктурных желаниях..

То же самое и переселенческий процесс кочевых племен на просторах Центральной Азии также является исторической реальностью, нашедшая своего подтверждения в исторической науке. Если вы не желаете брать во внимание работы таджикских ученых, то можете найти подтверждения в многочисленных трудах других исследователей.

Разумеется, можно, вырывая из общего контекста содержания работ Р.Масова, Н.Негматова, да и других на которых Вы указываете в своей статье, отдельные предложения и истолковывать их в желаемом русле нетрудно. Этим можно ввести в заблуждения и издавшего вида читателя, а еще хуже – политика. Но я знакомый не понаслышке с их работами и даже писавший на них отзывы, не могу выделить в них нюансы «расистского» подхода к пониманию культуры, ее деления ирониязычных на «высшую», а тюркоязычных на «низшую» расу.

Воздерживаясь от своего личного вывода к высказываниям Р.Масова, Вы видимо в силу своего незнания с его работами ссылаетесь на мнения его оппонентов из Узбекистана. Это похвально, во всяком случае, Вы, несколько остерегаясь открыто поддержать их обвинительный вердикт в его адрес, пишете, что Р.Масов говорит об узбеках, как о «конгломерате тюркомонгольских племен и коренного населения земледельческих оазисов». Однако узбекские историки сразу обвинили Масова, в частности в том, что он исходит из антропологической разницы между арийцами (европеоидами) и тюрками (частично монголоидами), указывая на «более низкую» культуру тюрков по сравнению с арийцами, то есть приходит к расистскому пониманию культуры и ее разделению на «высшую» и «низшую». Нужно отметить, что если и были применены какие-то определительные термины об уровне культуры и ее своеобразности для представителей кочевых и оседлых народов, это ни в коей мере не означает расистский подход к культуре монголоидной расы. Охаивать высокую, своеобразную, неповторимую культуру китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев, да и других представителей монголоидной расе может только абсолютно не имеющий представления об истории. Тем более, никто из таджикских ученых никогда не выделяет наших соседей узбеков, как совершенно чуждых для таджиков в культурном отношении. Если есть какие-то эмоциональные эпитеты, то в этом повинна несдержанность оппонентов с обеих сторон.

Кстати верно заметив это, автор статьи пишет: «Впрочем, таджикские историки находят достаточно «симметричные» ответы на все эти обвинения. Они в свою очередь, обвиняют узбекских «пантюркистов» в наделении таджиков оскорбительными эпитетами – «отсталые», «невежественные», «дикари», в отрицании самого существования таджикского народа (некоторые узбекские авторы определяют таджиков как «иранизированную тюркскую дробь» и «фиктивную нацию»). Как видно, наши оппоненты в пылу свой ярости не могут различить истину от лжи, вернее, упорно не хотят признать таджиков, как основных и древнейших из коренных жителей края. Что касается степени культурного влияния таджиков,

то для них высокохудожественные творения представителей классической литературы, получивших мировое признание, даже основоположника таджикско-персидской литературы Абуабдулло Рудаки, которого признают как Адама поэтов, не в счет. Да и многие сотни ученых различного направления науки, в том числе и авторы исторических сочинений, наследия которых написаны исключительно на таджикском языке, не могут стать помехой для тех, которые поклялись упорно стоять на пути непризнания таджиков.

Касательно издержки национально-территориального размежевания, позиции пантюркистов, создавших немало трудностей в возрождении таджикской государственности, можно говорить много. Причем даже те секретные документы, которые держались в тайне, определители этого, я бы сказал судьбоносного для всех народов Средней Азии процесса, в том числе таджиков и узбеков, стали достоянием ученых. Таджикские ученые, если даже пишут о фактах вопиющего нарушения общего принципа решения национального вопроса, больше указывают на проявления беспринципности в действиях таджикских представителей, которые, имея возможность положительно для таджиков повлиять на ход решения вопроса, не использовали ее. Имеются множества убедительных аргументов умышленного статистического уменьшения количества таджикского населения и в Туркестане и Бухарской Республике и позже, когда образовалась Таджикская АССР в составе Узбекской ССР. Об этом можете подробно получить информацию, ознакомившись с официальными статистическими данными, приведенными в обобщающей работе Р.Масова «Таджики: история национальной трагедии» (Душанбе: «Ирфон», 2008). В ней приведены копии с оригинала официальных документов.

Словом для взаимных упреков можно найти тысячи примеров, но мы не должны идти этим опасным путем, а находить оптимальные варианты добрососедства, взаимного уважения. Для тех, которые сомневаются в искренности наших ученых, уместно привести цитату того же Р.Масова, к которому я бы сказал, не обосновано испытывают недоверия наши оппоненты.

«Таджики, являясь древнейшим, коренным народом Средней Азии, должны, в свою очередь, примириться с тем, что в отдельные периоды своей прошлой и новой истории они оказывались в численном меньшинстве, теряли былую нашу славу, во многом, прежде всего экономически, отставали от соседей, которые значительно позже сформировались в единый народ и нацию. С этим положением следует согласиться и признать его. Особенно в нынешнее, сложнейшее время совместной истории не следует омрачать отношения с тюркскими соседями. Нужно неукоснительно соблюдать закон мира и согласия между народами и государствами. Тем бо-

лее, что таджики в своей истории никогда не начинали агрессивных действий ради захвата чужих территории и порабощения других народов» (Таджики: история национальной трагедии.— С.329-330). Указывая на многонациональность всех республик Средней Азии, призывает, создать равные права для всех народов, проживающих на их территории. Как видно, ни о каких территориальных претензиях, о которых неустанно твердят коллеги из соседней республики, речи не может быть. Другое дело, под этими выдуманнными шумихами, легче и удобнее продемонстрировать свои великодержавные амбиции по отношению соседу, который и так оказался по их милости в состоянии экономической блокады.

Проявления научных разногласий и споров, разумеется, без предвзятости, во всем мире воспринимается как нормальное явление. Но, когда они разгораются на почве злого умысла, когда используются как средства политического нажима, как показывает история дипломатических отношений между странами, приводят к печальным последствиям.

Что касается мнения автора статьи о якобы переходе процесса научного изучения истории арийцев из чисто академической в политическую плоскость и превращения «арийства», по его выражению в «национальную идею», не имеет под собой никакой почвы. Автор хотя и пишет, о проявлении «весьма сочувственного отношения со стороны тех кругов России, которые сами очень любят порассуждать об арийском прошлом, скажем славянах, а также об «исконных врагах арийства», тем не менее, он предостерегает о более серьезной опасности со стороны Ирана. В этом плане бросается в глаза противоречивость суждения автора. Он пытается найти оптимальные причины более серьезного крена внешнеполитического курса Таджикистана к сближению с Ираном и Афганистаном. В целом, вникая в общую атмосферу безвыходного положения Таджикистана в создавшейся для него крайне сложной политической и экономической ситуации он пишет: «Необходимость преодоления тяжелейших последствий гражданской войны, явная недостаточность экономического потенциала даже по сравнению с некоторыми соседними постсоветскими странами, весьма относительная политика стабильности, наконец, угрозы, исходящие из Афганистана, предопределили активную заинтересованность Таджикистана в развитии разного рода интеграционных проектов, прежде всего на постсоветском пространстве. Таджикистан вступил в ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС».

Судя по смыслу суждения автора статьи, выражает согласие с мнением таджикского политолога Рашида Гани Абдулло о том, что Таджикистан разочарованных в действиях этих организаций и еще больше в неэффективности интеграционных механизмов СНГ, с одной стороны, оказавшись по воле соседней республики в энергетиче-

ской и транспортной изоляции, с другой, республика пробила дорогу в Китай, сейчас ищет пути в Иран. Вместе с тем, автор не скрывает свое скептическое отношение в эффективности такого поиска пути. Присутствие Ирана в Таджикистане, по мнению автора не сулит серьезных экономических выгод и выражает опасение, что главная задача Ирана в Таджикистане состоит в усилении религиозного, идеологического и политического влияния в стране. «Иранская заинтересованность в развитии военно-политического сотрудничества с Таджикистаном,— пишет автор, — многие аналитики склонны расценивать, как стремление создать там собственный военно-политический плацдарм. Сближение Таджикистана с Ираном может сильно затруднить действия международных сил в Афганистане и поставить под свой контроль обширнейшие районы этой страны, населенные таджиками» (С.6). Далее автор дает неутешительные прогнозы для Таджикистана в этом сближении с Ираном и Афганистаном.

Разумеется, их степень эффективности покажет будущее, но автора беспокоит другое: сближение с Китаем, Ираном и Афганистаном, в конечном итоге может способствовать выходу от той жесткой и непримиримой блокадной осады, в котором оказался Таджикистан.

Вместо подбрасывания таких устрашающих прогнозов, о «катастрофическом последствии «арийского альянса», не лучше было бы господин политолог, предложить пути более эффективного выхода из создавшейся ситуации в среднеазиатском регионе. Огульное обвинение в адрес соседней страны всегда безопаснее. Указать приемлемость развития другого государства с точки зрения интересов определителей политики своей страны, куда легче. Но набрать мужества, высказать правду, видимо не каждому по плечу. Иначе как Вы господин политолог, можете не заметить, что Таджикистан по «милости» соседней страны на протяжении длительного периода не только находится в энергетической, транспортной, но и в прямом смысле слова, крайне жесткой экономической блокаде.

В условиях, когда Таджикистан лихорадочно ищет пути выхода из создавшейся ситуации в строительстве Рогунской ГЭС, давление многократно возрастает. Парадокс в том, что еще 40 лет назад проект строительства Рогунской ГЭС был составлен при непосредственном участии специалистов Ташкентского проектного института. Тогда с восторгом говорили о значимости данного энергетического гиганта для всех отраслей народного хозяйства республик региона. С большим воодушевлением началось строительство ГЭС. Построен прекрасный город энергетиков Рогун. К большому сожалению после распада СССР строительство объекта прекратилось.

После появления необходимых условий для возобновления строительства, появилась надежда с помощью России создать этот энергигант. Но из-за политической и финансовой неопределенности

России, возобновление строительных работ откладывалось. Таджикистан, оказавшись в безвыходном положении, решил своими силами начать строительство. Руководство Узбекистана, будто явно ждало этого момента. В 2007 г. Таджикистан официально объявил о своем намерении достраивать Рогунскую ГЭС своими силами и за счет собственных средств. Когда народ Таджикистана с большим энтузиазмом и решительностью покупал акции, предназначенные для ее строительства, в соседнем государстве по инициативе его руководства, начались массовые демонстрации по запрещению строительства якобы ненадежности плотины при данной сейсмически опасной зоне, и вероятности затопления района Узбекистана, находящиеся в низовьях Аму-Дарьи с одной стороны, усиления процесса высыхания Аральского моря с другой. Хотя выдавшие виды эксперты гарантировали полную безопасность данного сооружения.

Чтобы полностью заблокировать работу, вопреки всем международным правовым нормам, узбекская сторона на своей территории задерживает, вернее, накладывает арест на неопределенный срок на вагоны с грузами, следовавшими в Таджикистан. Не пропускают не только вагоны с грузами для Рогуна, но продовольственные товары, горюче – смазочный материал для сельхозработ и другие важные грузы для народного хозяйства. По имеющимся данным свыше 2 000 вагонов с грузами для Таджикистана простаивают несколько месяцев, ущерб от этого неблагоприятного акта исчисляется сотнями миллионов долларов.

Начались акции протеста и против Турсунзадевского алюминиевого завода, якобы наносивший экологический вред приграничным районам Узбекистана. Можно продолжить такие примеры. Но даже это несколько поверхностное упоминание действий, которые направлены против Таджикистана, открывает истинное злорадствующее лицо соседа, неустанно «призывающего» к добрососедскому отношению. В тоже время, подручные историки и политологи преподносят своему руководству стремление Таджикистана наладить нормальные этнокультурные отношения с Ираном и Афганистаном, как нечто из ряда вон выходящую опасность, «который грозит не только региону, но и даже самой России».

Спрашивается, что же вы предлагаете наши «добрые и заботливые соседи» взамен?

Может, по-прежнему продолжаете не расставаться с вашим излюбленным политическим лозунгом в отношении к нашей республике: «Близко не подходи, далеко не уходи!». Но эти средневековые ханские замашки давно устарели и на фоне современной межгосударственной дипломатической культуры, кажутся крайне смешными.

<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1284702780> - 17.09.2010

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

КАЛАИ-ХУМБ – СТОЛИЦА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДАРВАЗА

Калаи-Хумб – административный центр Дарвазского бекства, в период независимости края – резиденция дарвазских шахов, являлся самым крайним и отдаленным городом восточных владений Бухарского эмирата. На протяжении нескольких столетий он был средоточием политических интриг, которое беспрерывно разворачивались между правителями из рода ша. Здесь происходили все основные события, оставившие заметный след в истории края. Как культурой и экономический центр, он сыграл немаловажную роль не только в истории Дарваза, но и таджикского народа.

Труднодоступность Калаи-Хумба, и всего Дарваза, способствовала тому, что вплоть до второй половины XIX века, не говоря о более отдаленных, европейских странах и России, даже в близлежащих ханствах Центральной Азии не имели полного представления об этом крупном населенном пункте, который по всем показателям соответствовал критериям или характеристикам столичного города. В этом статусе, признанных всеми соседними государствами в период независимости Дарвазского государства, а позже, будучи столицей бекства, он и сохранял за собой признание как административного центра. Однако свое достойное и широкое научное освещение в историко-географическом плане Калаи-Хумб смог получить лишь благодаря русским исследователям.

Первые сведения о Калаи-Хумбе, основанные на расспросных данных, естественно, не были лишены неточностей и серьезных просчетов, что способствовало противоречивым суждениям о нем. Об этом свидетельствует тот факт, что члену дипломатической миссии А.Ф. Негри в Бухаре (1820-1821 гг.), капитану Генерального штаба российской армии Е.К. Мейендорфу говорили о «страшных кафирах, (неверных – Х. П.) которые живут в Калаи-Хумбе, городе, также называемом Дарваз и лежащем на реке того же наименования». Такое представление о Дарвазе и его столице не претерпело изменения до конца 70-х годов XIX века. По словам известного русского востоковеда – индолога И. Минаева: «Кила-Кхумб (т.е. Калаи-Хумб – Х.П.) лежит к северу от Вамура. Можно добраться до Кила-Кхумба в три дня; дорога эта идет по течению

небольшой реки, впадающей у Вамура в Пяндж». Г.А. Арендаренко, побывавший в Бухаре в начале 80-х годов прошлого столетия, основываясь на расспросных сведениях, ошибочно называет столицей Дарваза Калаи-Вамар и относит Дарваз к Тянь-Шаню.

Первым из русских путешественников, посетивших Дарваз, был в 1879 году ботаник С.М. Смирнов (еще раз он побывал здесь в 1881 году). Он не оставил никаких записей о своем пребывании в этом бекстве (во всяком случае, кроме мимоходного упоминания о нем, до сих пор не обнаружено никаких материалов. Кстати, о его пребывании в крае нет упоминаний и в работах других исследователей). После С. М. Смирнова, в начале 80-х годов, на Дарвазе побывали А.Е. Регель (1881 год), П.Е. Косяков (1882 год), Г.А. Арендаренко. Они и явились первыми, кто оставил нам наиболее достоверные сведения о Дарвазе и его столице.

В конце XIX – начале XX веков выдвигается ряд отважных русских путешественников и исследователей, которые внесли заметный вклад в научное изучение Дарваза. Они довольно точно определили географическое расположение Калаи-Хумба. Прежде всего, следует отметить заслуги капитана П.А. Кузнецова, посетившего Дарваз в 1892 году и приведшего важные историко-географические и социально-экономические сведения. Ценный материал о Калаи-Хумбе содержится и в работах последующих исследователей – В.И. Липского, Б.Н. Литвинова, А.А. Семенова и В.В. Бартольда. Важные сведения имеются также в работах Д.Н. Логофета, А. Шишова, В.И. Масальского и других.

Говоря об истории возникновения Калаи-Хумба, следует отметить, что некоторые авторы считают его основателем Шо-Киргиза, другие (например, Б.Н. Литвинов) бухарского хана Абдулу (1557-1598 гг.). Капитан П.А. Кузнецов, попытавшийся дать более обстоятельные сведения по истории возникновения города, указывает, что до Шо-Киргиза столица Дарваза находилась в другом месте, в 6 верстах (1 верста = 1,06 км). Тот перенес столицу шахства в устье реки Хумбов, то есть на место нынешнего Калаи-Хумба, где в то время была небольшая территория зеленых насаждений, разросшихся позже в большой, роскошный сад. Показывая Кузнецову необыкновенной величины чинары, местные жители уверяли его, что они были посажены самим Шо-Киргизом. До Кузнецова о старой столице Дарваза упоминали А.Э. Регель и П.Е. Косяков.

Мнения о существовании предшествующей столицы Дарваза придерживались и советские исследователи. Академик Б. Г. Гафуров, указывая на политическую раздробленность Мавераннахра в VII веке, говорит о столице Дарваза Карране, располагающейся выше нынешнего. Калаи-Хумба. Можно предположить, что развалины старой крепости, о которых писали русские исследователи,

являются ни чем иным, как остатками древней столицы Дарваза. К тому же, развалины старой крепости (Калаи Хума) находятся неподалеку от селения Кеврона. «Калаи Кума – перевальчик на Пяндже, между кишлаками Рузвай и Кеврон, – писал Д.Д. Наливкин, – в переводе значит «Старая крепость». На нем сохранились развалины крепости, по преданию, построенной Искандаром – Александром». Не наводит ли это на мысль о близости названий «Кеврона» и «Каррана» (или, может быть, «Горон» или «Хорон»)?!

Опираясь на сведения русских ученых можно с полным основанием говорить о Калаи-Хумбе как о городе сравнительно позднего происхождения. Это подтверждается и содержанием следующего четверостишия неизвестного местного автора.

*Шах сохт бинои қалъаро дар боге,
Офат нарасад ба мевааш аз зоге.
Таърихи бинои Қалъаи Хумб кардам,
Дар синаи душманон ниҳодам «доге».*

В дословном переводе:

*Шах крепость построил в саду.
Ворона пусть не принесет плодам его беду.
Когда передаю историю Калай-Хумба.
Тем опаляю (ставлю «доге») сердце врагу.*

В последней строчке стиха буквы слова «доге» (в переводе «спалить», «опалять», «спалить») по абджаду соответствуют 1015 хиджри (1606-1607), то есть дате возникновения новой столицы Дарваза.

Калаи-Хумб производил хорошее впечатление на большинство из тех, кто посетил его. Член Туркестанского отдела Русского географического общества М.А. Кирхгоф в своем докладе о поездке летом 1889 года на Памир сообщал о Калаи-Хумбе следующее: «Городок этот по внешнему виду не подходит к обычному типу среднеазиатских селений: улицы в нем прямые, широкие, обсаженные деревьями; попадаются даже окна, выходящие на улицу» (что для среди азиатских городов было редкостью. – Х.П.).

Положительное; впечатление от Калаи-Хумба есть в работе А.А. Семенова «Этнографические очерки, Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза» (М., 1903), где автор, в частности, писал: «Столица всего Дарваза и вместе с тем его единственный город – Калаи-Хумб... производит весьма приятное впечатление (разнообразною зеленью своих садов с мелькающими из-за них белыми домиками и прелестным видом на дальние кишлаки, разбросанные ниже его по реке и выше по горным склонам». Этот же исследователь с восхищением говорил об образцовой чистоте в городе, поражающей

каждого приезжего. По наблюдениям А.А. Семёнова, улицы в течение дня подметались и поливались несколько раз, деревья были заметно ухоженными. То же подтверждается и другими. Б. Н. Литвинов отметил, что Калаи-Хумб более других центров бекства подходил на город. «Главная базарная улица, — сообщал он, — широка, чиста и пряма; домики, хотя также убогие, как и везде, выглядят чрезвычайно опрятно. Большинство их, равно как и базарные постройки и казармы двух рот седьмого Бухарского батальона, отштукатурены белым алебастром и раскрашены серой краской по графарту, вероятно, единственному в городе, судя по рисунку».

Но достопримечательностей в Калаи-Хумбе было мало. Приезжие обращали внимание на сад дарвазских шахов, каменную чашу (т.е. хум-кувшин), от которой, по мнению большинства исследователей, и получил свое название город, и каменный трон. Гости отзывались об упомянутом саде как о громадном для сравнительно небольшого города, говорили об изобилии виноградников, исполненных чинар и всевозможных фруктовых деревьев. А по свидетельству Б. Н. Литвинова, весь город состоял из садов.

Русские путешественники оставили немало интересных сведений и о каменной чаше. Нужно отметить, что первые сведения о ней стали распространяться еще до того, как город посетили русские. Так, В.И. Ошанин, будучи знаком с Калаи-Хумбом на основе устных сообщений, выразил мнение о том, что название города — «Калаи-Хумб» — происходило от этой каменной чаши, т.е. хума. То же самое можно отнести к происхождению названия речки «Хумбов», такого же мнения придерживались Г.А. Арендаренко и Б.Н. Литвинов.

По сообщению Б. Л. Громбчевского на одной из улиц Калаи-Хумба находилась старинная, громадных размеров «каменная урна или ваза (хум), уже тогда разбитая и используемая как место для несущего вахту караульного солдата. Кусок от этой вазы был вставлен в забор. О происхождении и назначении вазы никто ничего не знал. На ней не было никаких надписей или рисунков. Б.Л. Громбчевский высказал догадку, что название Калаи-Хумб произошло от этого гигантского сосуда. А о появлении того здесь он писал следующее: «Очень может быть, что в местности эти до завоевания их арабами, распространителями мусульманства, проник буддизм или брахманизм, и что урна эта служила для сжигания тел».

А.А. Семенов же свидетельствует о двух чашах, находившихся в конце улицы, где стояли казармы, на берегу речки Хумбов, впадавшей в Пяндж. Они были изготовлены из цельного камня, каждая имела в диаметре полтора-два аршина (один аршин = 71,12 см) и пол аршина в глубину. Одна чаша с отколотым краем находилась на улице, а другая — в нескольких сажнях (одна сажень = 2,13 м) от первой — была заделана в угол каменной ограды чьего-то сада.

От местных жителей А.А. Семенов услышал легенду, гласившую о том, что эти чаши были сделаны по повелению Александра Македонского руками дэвов (демонов). Но в простонародье бытовало иное предание, согласно которому чаши были выполнены из камня приезжим кошгарцем примерно за 200 лет до того и применялись для растворения различных красок и окрашивания хлопчатобумажных тканей. А.А. Семенов считал это более близким к истине.

Другим своеобразным памятником старины, судя по имеющимся сведениям, считался каменный трон бывших независимых правителей Дарваза, находившийся в саду и разбитый бухарцами при завоевании шахства.

Согласно данным очевидцев, Калаихумбская крепость была расположена на правом берегу Пяжджа, у впадения в нее реки Хумбов. Она имела 40 сажень в длину и 30 – в ширину. Была сложена из камня и оштукатурена глиной. Высота стен доходила до 6 аршин, толщина – до 2,5. К стенам примыкало 6 башен. Внутри крепости находились соответствующие постройки для бека. В Калаи-Хумбе проживали свыше тысячи человек, кроме того, здесь располагался постоянный контингент гарнизона, насчитывающий примерно 500 сарбазов.

Калаи-Хумб являлся главным торговым центром Дарвазского бекства. Но если в начале 80-х годов он и имел свой базар, торговля была еще незначительной. Положение существенно изменилось в 90-х годах – начале нынешнего столетия, когда объем торговли вырос в несколько раз. Кроме сельскохозяйственных продуктов, на базаре сбывались товары местного производства, главным образом, различные железные изделия, изготавливаемые руками искусных мастеров, которые были известны далеко за пределами Восточной Бухары, все больше появляется русских промышленных товаров. Если еще Б.Н. Литвинов (в 1884 году) и А.А. Семенов (в 1898 году) могли наблюдать в Калаи-Хумбе большое количество товаров с английской маркой, которые попадали сюда из Индии и Афганистана, то затем постепенно товары из России полностью вытеснили отсюда, как впрочем, и со всех рынков Восточной Бухары, «англичан».

Подводя итоги краткого экскурса по истории Калаи-Хумба, нужно сказать о том, что он порой, играя ведущую роль в крае, оказывал существенное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь независимых и полузависимых сопредельных владений.

Полагаем, что читателям небезынтересно будет ознакомиться с фотографиями из архива с общим видом Калаи-Хумба и его крепости, запечатленными русскими исследователями в конце XIX века (перед крепостью выстроенные сарбазы Бухарского батальона, расквартированного в Калаи-Хумбе).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. – Душанбе, 1974.
2. Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин // Военный сборник. – Т.154. – СПб., 1883. – №11. – С.140-159; №12 – С.303-319.
3. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1888). – СПб, 1889.
4. Арандаренко Г. А. Журналы командировок (Центральная Азия в источниках и материалах XIX – начала XX веков) // Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в., М., 1974.
5. Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Соч. – Т. 2. – Ч.1.– М., 1963.
6. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972.
7. Кирхгоф М. А. Из поездки ка Памир // Известия Туркестанского отд. РГО. – Т.2. – Ташкент, 1900. – Вып. 1. – С.167.
8. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского округа. Материалы для географии и статистики России. – Т.2. – СПб., 1880.
9. Косяков П.Е. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. // Изв. РГО, 1864. – Т. 29. – Вып. 6. – С.589-613.
10. Липский В.И. Горная Бухара (Результаты трехлетних путешествий в Средней Азии в 1896, 1897 и 1899 гг.).– Ч. I. – СПб., 1902.
11. Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. Т. 98.– СПб, 1903.– С.698-729.
12. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). – СПб, 1913.
13. Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.– Т. 19. – СПб, 1913.
14. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи. – СПб, 1879.
15. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарназ // Изв. РГО. – 1881. – Т.17. – Вып. 1. – С.1-58.
16. Пирумшоев Х. П. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. – Душанбе, 1992.
17. Регель А.Э. Поездка в Каратегин и Дарваз // Изв. РГО – Т.18. – Вып. 2.–1882. – С.140-141.
18. Семенов А.А. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903.
- 19.

*Мероси ниёгон (Наследие предков).
– 1999. – №4. – С. 55-61*

ГОРОД КУЛЯБ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Куляб – один из наиболее известных городов Восточной Бухары, сыграл немаловажную роль в истории края более позднего периода. Сведения о географическом расположении Куляба и его столицы в русской и современной научной литературе стали появляться в начале 70-х годов XIX в. Они опирались в основном на опросные материалы и лишены, как правило, научного основания.¹

Первым автором научных историко-географических сведений является Н.А. Маев. Затем сведения пополняются последующими путешественниками и исследователями Восточной Бухары.

По описаниям русских дореволюционных авторов город Куляб был расположен на левом берегу (в 5-ти верстах от берега² реки Ях-су (по П.Е. Косякову, Ак-су³). Он раскинулся полукругом у подошвы невысоких холмов, или, по Р. Ю. Рожевицу, на плоской возвышенности,⁴ т.е. на месте нынешнего города Куляба.

История Кулябской долины берет свое начало в глубокой древности. Плодородная почва и выгодное географическое положение сделали край обиталищем древнего человека. Куляб находится на территории древнего Хутталя.

Хутталь⁵ был свидетелем наиболее крупных событий, происходивших в Средней Азии в древности и средние века. Он неоднократно подвергался нападениям со стороны чужеземных захватчиков и своих соседей,⁶ но, если не считать временной потери самостоятельности, им до присоединения к Бухаре его почти всегда управляли местные правители, считавшие себя потомками полководцев Александра Македонского или Тимура, хотя это, по мне-

¹ См.: Юсупов Ш. Очерки истории Куляба в конце XIX и начале XX вв. – Душанбе, 1964. – С.12

² Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874-1889 гг. – СПб., 1889. – С. 429

³ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 Г. – С.602.

⁴ Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару. – С. 619

⁵ По определению Гулямовой Э., территория средневекового Хутталя соответствует нынешней территории Куляба, Пархара, Муминобада, Ховалинга, Восе, Нурека, Файзабада и всей Вахшской долине в нижнем течении реки. См. Гулямова. Хульбук – столица Хутталя. – Душанбе, 1969. – С. 5

⁶ Подробно об истории Хутталя см.: Бартольд В.В. Хутталь. Статьи из «Энциклопедии ислама» // Соч. – Т.3. – М., 1965. – С. 555-557; Беленицкий К.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. – Т. 15. – М., Л., 1950. – С.109-112; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства. – С. 17-26.

нию М.А. Варыгина, далеко от действительности и «не более как восточная фантазия».¹

Столица Хутталя – Хульбук, локализация которого долгое время оставалась предметом спора ученых как дореволюционных, так и советских, и впервые была точно определена советскими археологами Е. Давидович и Б. Литвинским. Согласно их исследованиям Хульбуку соответствует городище Хишт-тепе вблизи современного селения Курбаншеид Восейского района Хатлонской области.²

На вопрос, когда и кем был создан город Куляб, дать определенный ответ весьма трудно. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что название «Куляб» появилось значительно позже. «Под властью узбеков, – писал В. В. Бартольд, – название Хутталя для области было вытеснено названием Куляб, еще в «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вели (начато в сентябре – октябре 1634 г.) область называется Хутталем. Название Куляб упоминается уже в истории хана Убейдуллы (1702-1711).³

По-видимому, после падения Хульбука последующие события (варварство монголов, частые походы Тимура и тимуридов, узбекских ханов) препятствовали в течение долгого времени появлению такого мощного политического центра, каким являлся в свое время Хульбук. Во всяком случае в имеющихся источниках и в археологических материалах нет сведений о существовании более известного крупного города в Кулябской долине в XIV-XVI вв.

Это не говорит о том, что Куляб был лишен всякого центра и всякой самостоятельности. Несмотря на то, что он был включен в состав государств Тимуридов, Шейбанидов, а затем и Джанидов (Аштарханидов), фактически он управлялся самостоятельно, то есть его зависимость была лишь номинальной. Это продолжалось в XVIII в. «Хотя Куляб в XVIII в., – пишет Б. Г. Гафуров – формально входил в состав Бухарского эмирата, тем не менее, современни династии Аштарханидов, он оставался фактически полусамостоятельным и управлялся местными владельцами».⁴

Нынешний город Куляб, по мнению некоторых дореволюционных авторов, является городам недавнего происхождения. «Прежде, – писал Н.А. Маев, – Куляб был расположен на местности еще более низменной (к сожалению, место не указывается – Х.П.). На теперешнее место его перенес бывший владелец его

¹ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства // ИРГО. – Т. 7(52). – Вып. 10. – 1916. – С. 738

² Подробно см.: Гулямова Э. Хульбук – столица Хутталя.

³ Бартольд В. В. 9 Хутталъ. – С.556-557.

⁴ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т.1. М., 1955. – 403 с

Сары-хан».¹ М.А. Варыгин уверен в том, что город Куляб возродился недавно. В качестве аргумента он приводит сохранившиеся в то время название кишлака Кухна-шаар Куляб (старый город Куляб), находившегося рядом с новым Кулябом.²

О том, что нынешний Куляб являлся городом позднего происхождения, говорит и тот факт, что дореволюционные авторы не обнаружили признаков старины в городе. Кроме Д. Н. Логофета, утверждавшего, что «в самом Кулябе встречается большое количество бактрийских и русских монет великокняжеского периода, различных вещей, относящихся к самым древним эпохам»³ другие почти не писали о предметах, свидетельствующих о древности города. И, наконец, А. П. Колпаков, исследовавший кварталы дореволюционного Куляба, указывает только на старинные строения на северной окраине города (мавзолей Амир Саиди Хамадани, по преданию относящийся к началу XV в.).⁴ Но это еще не говорит о том, что город являлся ровесником мавзолея. К тому же, по утверждениям Колпакова, названия многих кварталов Куляба имеют недавнее происхождение.⁵ В число недавних сооружений входит и крепость. «В квартале Чармгари поён, – пишет А.П. Колпаков, – находятся развалины крепости (Кальаи Сары-бек), построенной во второй половине XIX в. независимым правителем Куляба Сары-беком (Сарабеком – Х.П.).»⁶

В первой половине XIX в. Куляб стал объектом экспансии Кокандского ханства и Кундузского владения. В годы правления Кокандских ханов – Алим-хана (1800-1809) и Умар-хана (1809-1822) горные области – Каратегин, Дарваз и Куляб были присоединены к Кокандским владениям.

Правитель Кундуза Мурад-бек в начале 30-х годов XIX завоевал Куляб и отдал его в управление своему брату. Вспыхнувшее там восстание вынудило последнего возвратиться обратно. Восстание было жестоко подавлено.

¹ РГВИА. (Российский Государственный военно-географический архив). – ф.1438, Оп. 1. Д. 5. Л.21.

² Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства // Изв. РГО. Т.52. Вып. 10. – 1916. – 738 с.

³ Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х кн. – Кн. 3 «Бухарско-афганская граница». – СПб., 1909. – 190 с.

⁴ Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба // Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР. – Вып. 5. – 1954. – 81 с.

⁵ Колпаков А.П. Указ. соч. – 81 с.

⁶ Там же. – 79 с.

⁷ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. – СПб., 1879. – 94 с.

Мурадбек разрушил город до основания, а часть жителей выселил в Хан-абад».

Наивысшего своего развития город Куляб достиг в годы правления Сара-хана (Сарабека), превратившись в политический и экономический центр всего края.² Ему не только удалось добиться самостоятельного управления, но и значительно расширить свою территорию за счёт соседних земель. Кулябу были подчинены Гиссар и Денау.³ После присоединения Куляба к Бухарскому ханству (1870). Сара-хан бежал в Афганистан. Но его еще долгое время не покидала мысль вернуть себе город и прежнее владение.⁴ После окончательной потери самостоятельности Куляб был включен в состав Бухарского эмирата в качестве отдельного бекства. Он управлялся беками, присланными из Бухары.

Несмотря на некоторую противоречивость, присущую сведениям русских дореволюционных авторов о городе, ими даются интересные сообщения. Н. Маев писал: «Город Куляб занимает весьма небольшое пространство... Кругом города, на огромном пространстве, разбросаны сады. Куляб гораздо многолюднее Бальджуана, который более разбросан по долине, а потому, на первый взгляд, и кажется обширнее».⁵ Это сообщение подтверждается и Л. Ф. Костенко.⁶ Мнения этих двух авторов совпадают и в описаниях улиц города. «Улицы Куляба, – писали они, – широки и сравнительно чисты».⁷ Город, по Г. А. Арандаренко, «весь разбросан в садах, прорезан широкими улицами и арыками».⁸ Куляб показался А. В. Печаеву «городком значительно большим, чем Кабадиан и Курган-Тюбе»,⁹ а В.И. Масальский сообщает, что «Куляб представляет довольно большой (до 10 тыс. жителей) центр...».¹⁰ Куляб произвел хорошее впечатление на Д. Ю. Рожевица. Он писал: «Из всех бухарских городов (за исключением Старой Бухары, где во всем вид-

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.– 54 с.

² До него главной резиденцией кулябских правителей считался Бальджуан.

³ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX – начале XX вв.– 31 с.

⁴ История таджикского народа.– Т. 2.– М., 1964.– 175 с.

⁵ Масв Н.А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.– 218 с.

⁶ См.: Костенко Л. Ф. Туркестанский край.– 151 с.

⁷ Указ. соч.– 161 с.

⁸ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане.– 429 с.; см. также: Липский В.И. Горная Бухара.– Ч.3.– СПб., 1905.– 558 с.; Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. Путевые очерки 1898 года // Исторический вестник.– 1902.– Т. 87.– 965 с.

⁹ Печаев А. В. По горной Бухаре (путевые очерки).– С.7.

¹⁰ Масальский В. И. Туркестанский край.– 739 с.

неется европейская цивилизация) Куляб, пожалуй, единственный пункт, могущий называться городом. Хотя и тут весь город находится в садах, и на улицу выходят только голые глиняные стены, но все же местами виднеются и деревянные постройки, нередко довольно крупных размеров и с крышами, как у нас» (т.е. не плоскими).¹ Далее он пишет, что «по одной стороне главных улиц сделано что-то вроде панели из гальки и прутьев».²

Русскими авторами дается немало сведений о крепости города. Например, П. Е. Косяков сообщал: «Крепость лежит в южной части города и имеет около 60 сажень в длину и 40 сажень в ширину. Стены ее сделаны из глины, имеют аршина 4 вышины и не более аршина толщины. Внутри крепости находятся никем не занятые постройки, а сама она, как видно, даже не-ремонтируется».³ Если ко времени посещения Куляба

Н.Маевым в цитадели жили беки и все служащие люди,⁴ то уже при П.Е. Косякове бек жил в городе.⁵ Это подтверждается и Р. Ю. Рожевицем. Он писал: «Из всех беков, нами посещенных, Кулябский бек был единственный, не живший в своей крепости, а имевший помешений с садом почти в центре города».⁶ Он же указывает, что в городе была «довольно значительная каменная мечеть».⁷

Дореволюционные авторы не дали сведений о планировке города, тем не менее, в их работах содержится значительный материал для исследователя.

О планировке города и его кварталах, о городской жизни довольно подробно пишет советский исследователь А.П.Колпаков в своей работе «Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба». По его определению, город разделяла на 17 кварталов, носивших следующие названия: Дарвозаи Тебаляи, Кавола. Солибой, Кокчанор, Мулло Низом, Бозорбой, усто Юнус, Бобо якум, Сангов, Бозори Алибай, Ходжи Раджаб-бой, Сари бозор, Чармгариболо, Чамгари поён, Нонвои боло, Нонвои поён, Исориён.⁸

Точное определение численности населения дореволюционной Восточной Бухары вообще и количество населения городов в част-

¹ Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г.— С.260.

² Там же.

³ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— С.602.

⁴ РГВИА. — Ф. 1438 — Оп. 1.— Д. 5.— Л.25.

⁵ Косяков П.Е. Указ. соч.— С.602.

⁶ Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару.— С.620.

⁷ Там же.

⁸ Колпаков А.П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба // Изв. отдел. общ. наук АН Тадж. ССР.— Вып. 5.— 1954.— С.73-82.

ности по сей день остается одной из нерешенных проблем истории края. Вся трудность заключается в том, что до революции в эмирате переписи населения не проводились. «Они, — пишет Д.Н. Логофет, — по разъяснению мусульманских ученых и духовенства противны мусульманской религии, а потому ни центральное бухарское правительство, ни высшая администрация не знает количество населения, не имея в то же время никаких сведений ни о рождаемости, ни о смертности среди него».¹ Поэтому, когда речь идет об определении численности населения (в том числе и городского) Восточной Бухары, мы вынуждены довольствоваться только теми сведениями, которые оставили русские дореволюционные авторы. Им приходилось определять количество населения бекств и городов путем применения различных методов и способов исчисления. К числу наиболее распространенных можно отнести следующие: 1) определение размеров площадей; 2) количество на них дворов и кибиток; 3) количество воды, расходуемой на орошение земель; 4) среднее число дворов в городских кварталах; 5) среднее число душ во дворе и кибитке; 6) сравнение этих данных с результатами переписи в русских областях.²

К вышеуказанным способам можно добавить и определение по объему взимаемых налогов. «Благодаря таким способам, — писал Д. Н. Логофет, — разумеется, получают лишь приблизительные и, вероятно, в общем во многих случаях не отвечающие действительности данные...».³

У каждого исследователя были свои методы и свой индивидуальный подход к указанным способам, что рождало противоречивость в их сведениях. Д. Н. Логофет указывал, что все исследователи определяли среднее количество жителей на двор в 6 человек.⁴ На самом деле эта цифра, которая хотя и удовлетворяла некоторых авторов (Г.А. Арандаренко, Кузнецова и др.), считалась неприемлемой для многих. Капитан Стеткевич по этому поводу писал: «Жителей принято считать по 5 душ на двор и кибитку, а в городах несколько более».⁵ Средний показатель по 5 человек на семью для

¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т.1.— СПб., 1911.— С.151.

² См.: Ситняковский Н.Ф. Попытка к исчислению народонаселения в гор. Бухаре // Изв. ТОРГО.— Т. 1.— Вып. 1.— 1898.— С. 78-79; Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 1.— С.152.

³ Логофет Д.Н. Указ. Соч.— С.153.

⁴ Логофет Д.Н. Указ. Соч.— С.152.

⁵ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг — дарьи // Сб. материалов по Азии.— Вып. 57.— СПб.— С.268.

П. Гаевского является реальным.¹ А. Е. Снесарев полагал, что на двор в Каратегине в среднем приводится по 7-10, человек.² Таких примеров можно привести немало. Несколько иначе смотрит на это хороший знаток экономики и статистики Туркестана С. И. Гулишамбаров. Отмечая приблизительность учета населения, он указывает, что «при учете населения дети, особенно девочки, почти никогда не учитываются, редко учитываются и женщины». Поэтому, по его словам, при учете, который иногда производится для отдельных пунктов в фиксальных целях, нередко оказывается население вдвое больше, чем принималось раньше. Исходя из этого, С.И. Гулишамбаров предлагает согласиться с тем, что «в Бухаре население гораздо больше, чем официально принимается».³

Несмотря на эту противоречивость, сведения русских дореволюционных исследователей о численности населения городов Восточной Бухары являются крайне ценными источниками; Их историческое изучение приводит к более достоверным выводам.

Количество дворов города, города Куляба Н. А. Маев определил (в 70-х годах XIX в.) в пределах городской стены цифрой 400.⁴ Это же количество указывает топограф Л. Ф. Костенко.⁵ По Г. А. Арандаренко, количество дворов – 460.⁶ Количество населения, по Д. Н. Логофету (начало XX в.), определяется в 10.000, что не соответствует количеству дворов (выходит на каждый двор свыше 20 человек). Эта же цифра подтверждается В. И. Масальским⁷ и Н. Г. Малицким.⁸ Максимальная цифра по отношению населения Куляба принадлежит С. Н. Гулишамбарову – 24.000 чел. По А. Панкову, дореволюционный Куляб имел свыше 5.000 населения.⁹ Такое разногласие, по-видимому, получилось от того, что первые авторы определяли количество проживающих в каждом дворе только в пределах городской стены, как об этом указал Н. А. Маев¹⁰, вторые

¹ Архив Российского географического общества (ГО). – Оп. 83. – Д.9. – Л. 18.

² Снесарев А.Е. Восточная Бухара // Сборник материалов по Азии. – Вып. 79. – СПб., 1906. – С.73.

³ Гулишамбаров С.И. Указ. Работа. – С.199-200. В дальнейшем все данные Гулишамбарова приводятся по этой работе.

⁴ РГВИА, ф. 1439, оп. 1, д. 5, лл. 21-25; См. также: Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. – С.218.

⁵ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – СПб., 1880. – Т.2. – С.151.

⁶ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. – СПб., 1889. – С.429.

⁷ Масальский В.И. Туркестанский край. – С.739.

⁸ Малицкий Н.Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. – С.140.

⁹ Панков А. Население Таджикистана. – С. 85-86.

¹⁰ Тот же Маев писал, что «Куляб гораздо многолюднее Бальджуана»: Маев Н.А. Указ. соч. – С.219.

же, видимо, включали в число жителей города и проживающих вне городской стены. Так или иначе, число в 10.000, как более реальное, можно принять при приблизительном определении количества населения города Куляба. К тому же, по мнению большинства авторов, город занимал довольно большое пространство. Описание дореволюционных кварталов Куляба А. П. Колпаковым¹ подтверждает, что 10.000 человек соответствует такому городу, как Куляб. Административная власть и бекства² находилась в руках крупных феодалов: беков и представителей духовенства.

В работах русских исследователей даются многочисленные сведения о формах, методах и, о деятельности управленческого аппарата, структура которого в Бухарском ханстве была приспособлена в основном для угнетения и ограбления трудящихся.³ «Административное устройство Бухарского ханства, – писал Д.Н. Логофет, – является крайне сложным, далеко не удовлетворяет потребности страны, являясь во многом пережитком далекого прошлого, отходящего в область преданий даже в Персии».⁴ П.П. Гейер, хорошо знавший ханство, называет образ правления в Бухаре деспотическим.⁵

Самой крупной фигурой на административной лестнице бекства Восточной Бухары являлся бек – представитель крупных феодалов. Беки сосредоточили в своих руках всю полноту административной власти. Об этом говорят многочисленные свидетельства русских исследователей.⁶ «Права и обязанности беков, – писал Н. А. Бендерский, – никакими вообще законами в Бухаре не определены». По его словам, зависимость бека от Бухары выражается в посылке податей и подарков, а в остальном бек полный властелин своего края.⁷ Это подтверждается и капитаном генштаба Снесаревым. «По существу, – пишет он, – бекства отдаются эмиром беку в полное и бесконтрольное хозяйничанье, при условии, что бек ежегодно бу-

¹ Колпаков А.П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба // Изв. Отд. Общ. Наук АН Тадж. ССР. – Вып. 5. – 1954. – С. 73-82.

² В административном делении часто происходили изменения. Например, Маев Н. указывает, что «деление на бекства очень непрочно. Часто происходят изменения в административном делении Бухары». (Архив ГО, ф. 89, Оп. 1. – Д. 8. – Л. 50).

³ РГВИА, ф. ВУА, 445, Д. 118, Л. 120.

⁴ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т.1. – С. 262.

⁵ Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901. – С. 108.

⁶ Архив ГО, Ф. 45. Оп. 1. – Д. 6. – Л. 120.

⁷ Бендерский Н.А. Доклад о Гиссарском крае. (Протокол № 1 общего годичного собрания отд. РГО от 14 марта 1905) // Изв. Турк. Отд. РГО. – Т.7. – 1907. – С.155.

дет выплачивать своему повелителю более или менее определенное количество денег и известных предметов».¹ Полковник А. Галкин сравнивает беков с русскими воеводами допетровского времени, получавших города и целые области на кормление.² «По существу, – пишет А. Маджлисов, – беки выполняли те же функции, которые в свое время выполняли губернаторы (вали) арабского халифата».³

Исследования русских авторов содержат многочисленные факты, свидетельствующие о независимости беков. Степень самостоятельности бека зависела от удаленности бекства от Бухары, причем беки Восточной Бухары пользуются несравненно большей властью, чем беки западной.⁴ О самостоятельности бека свидетельствует и тот факт, что в его распоряжении имелся многочисленный штат чиновников, которых он сам назначал на все административные должности доверенного ему края из числа угодных ему людей. Тем самым он имел возможность совершать самые вопиющие злоупотребления.⁵

По этому поводу А. А. Семенов писал: «В каждом городе, куда придет новый губернатор (т.е. бек, – Х.П.), к его услугам многочисленный штат покорных приближенных и великое множество безответных слуг».⁶ Д. Н. Логофет составил своего рода таблицу (перечень) чиновников, находившихся при беке и их должности, начиная от есаул-башы – помощника бека (вторым лицом после бека, как правило, считался диван-беги) и кончая навкарром. Только в шогирд-пиша (чиновники свиты для поручений) насчитывалось от 50 до 200 человек в чинах до мирахура. Навкары (для возки почты и охраны) – от 200 до 300 человек в чинах до караул-беги, не говоря уже о других чиновниках и их прислуге.⁷ Кроме того, по

¹ Капитан Снесарев. Восточная Бухара (Военно-географический очерк) // Сб. материалов по Азии. – Вып. 129. – СПб., 1909. – С. 72.

² См. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сборник. – 1890. – № 12. – С. 413-414; См. также: Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. – СПб., 1882. – С. 37.

³ Маджлисов А. Аграрные отношения... – С. 450.

⁴ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – 240 с.: См. также: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. – Т. 2, Ч. 1. – М., 1963. – С. 431.

⁵ Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства. – С. 414.

⁶ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки) // Исторический вестник. – Т. 87. – 1902. – С. 974

⁷ См. подробнее; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т. 1. – С. 242; Точные данные о должностных лицах, которые имелись при беке, даются Маджлисовым А. Р. См. и ср. Маджлисов А. Р. Аграрные отношения. – С. 49-51.

сведениям того же автора, из местных родовитых людей при беках состояли особые аксакалы, числом от 5 до 15 человек в чинах от караул-беги до бия, которые назначались эмиром. В отношениях всех своих чиновников, кроме местных (т. е. которые назначались эмиром), бек пользовался правом смены их во всякое время.¹ При назначении на какой-нибудь важный административный пост образование и служба не принимались во внимание, «Не только какое-либо образование, но даже простая грамотность, — писал А.А. Семенов, — не обязательны для претендента на губернаторское (бекское — Х. П.) место».² Неудивительно было встретить безусых юношей в чине «датхо» (генерала), а также 14-15 летнего мальчика (сына бека) в должности миражура.³ В Бальджуане Д. Н. Логофет имел встречи с беком, которому было всего 22 года.⁴

О положении, которое занимал казий в жизни бекства и города, нетрудно судить по следующим словам А. В. Нечаева, «в бекствах, — пишет он, — бек не единственный хозяин. В каждом бекстве имеется еще казий, который беку не подчинен. Казий выполняет функции юридических учреждений; он судья и нечто вроде нотариуса, в то же время он являлся в роли жандарма-охранника, обязанного доносить о деятельности бека и всех административных лиц».⁵ Почти такое же определение функций казия мы находим и у ряда других русских исследователей и путешественников.⁶ Казий имел определенный штат должностных лиц, которые работали при нем. Это — муллазумы и секретарь. Казий при разборе дел должен был руководствоваться только шариатом. В Бухаре отсутствовали апелляционные и кассационные инстанции, поэтому приговор кази-каляна, а в исключительных случаях — эмира, считался окончательным, что лишало стороны самых элементарных гарантий».⁷ В работах русских исследователей мы находим многочисленные сведения о фактах злоупотребления чиновниками⁸ своим положением при разборе судебных дел, несправедливости их решений. «Вопросы о праве и правосудии, —

¹ Логофет Д.Н. Указ. Соч.— С.243; См. также А.П. Административное устройство Гиссарского бекства // Туркест. Ведомости.— 1908.— №112.

² Семенов А.А. Указ. Соч.— С.974

³ См. Варыгин Н.А. Опыт описания Кулябского бекства.— С.796.

⁴ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— С.305.

⁵ Нечаев А.В. По горной Бухаре.— СПб., 1914.— С.74-75.

⁶ См.: напр., Снесарев А.Н. Восточная Бухара.— С.72; Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т.1.— С.245 и др

⁷ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир. — Ч.2.— С.24.

⁸ Архив ГО, р. 65, Оп.1. Д. 46. Л. 59.

писал Д.Н. Логофет, – всех подданных страны являются лишь – ничего незначащими пустыми звуками».¹

Судебные разбирательства не обходились без взяток.² И, как правило, выигрывал судебное дело тот, у кого больше денег. О том, как разбирались дела, рассказывает А.А. Семенов «Ни суда, ни управы на беззакония властей ни у кого нельзя найти. У мелкого чиновничьего мира всегда найдутся сильные родственники или хорошие знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить перед губернатором (беком – Х.П.) всякое обвинение против их клиентов, у губернаторов же добрые друзья при дворе и хорошие взятки кушбеги и другим влиятельным сановником тоже сделают свое дело и виновный всегда окажется правым».³

Описывая способы судебного разбирательства, М. А. Варыгин приводит картину, свидетелем которой он являлся. «В базарные дни, – писал он, – бухарский «помпадур» принимает просителей и творит суд. Уже с раннего утра, еще до первого намаза (молитвы), все, кто имеет дело к беку, сидят с подарками, без чего немислима церемония приема, и смиренно ждут зова. После молитвы бек, казий и приближенные напилься чаю в беседке посреди кургана и начался прием.

Эсаул-баши с длинной палкой знак его достоинства, вводил просителей: в то время пронесли связку толстых, но гибких и сыроватых прутьев.

Посетители клали подарки и робко излагали суть дела. Резким голосом, бросая отрывистые слова, бек решил дело, легкий кивок со стороны казия и приговор вступил в силу. Посетители проходили один за другим; одни, подняв голову, гордо шли, зная, что богатый прав, другие, плюнув с ожесточением в сторону суда, мрачно ехали домой».⁴ Далее автор подробно описывает с каким пристрастием допрашивались трое заключенных, подозреваемые в краже. Обвиняемые отрицали свою виновность, и бек приказал их бить. Эсаул-баши заставил одного обхватить связанными руками колени, просунул между теми и другими палку и толчком в голову повалил беспомощного человека. Толстый прут, со свистом рассекая воздух, стал впиваться в тело и отскакивать, как резина, от сухой спины. Эсаул-баши, как истый палач, вошел в азарт и бил не считая; несчастная жертва без стоны переносила пытку.

¹ Логофет Д.Н. Страна бесправия.– СПб., 1909.– С.58.

² ЦГА УзР, Ф.2. Оп. 1. Д. 251, Л.101.

³ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана // Истор. Вестник.– Т.87.– 1902.– С.977-978.

⁴ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства.– С.797-798.

Два его товарища, сидя рядом, ждали той же участи... После повторения этой процедуры, принялись за дальнейшие пытки, битье палками по кистям рук, после удара оставался темно-багровый идувшийся след, и из руки получился какой – то бесформенный мешок.¹ Если бы не вмешательство указанного автора, неизвестно, сколько продолжалась бы эта сцена.

Свидетельства о применении указанных методов судебного разбирательства мы находим в работах и других авторов. Например, Д.Н. Логофет писал; что допрос, как обвиняемого, так и свидетелей производится с пристрастием, с помощью палок, розог и всевозможных способов, могущих при помощи сильной физической боли принудить признаться обвиняемого или дать правильное показание свидетелей.²

Несмотря, на то, что бек по закону имел право присудить осужденному 25 ударов палкой (эмир 75), обвиняемые получали только время допроса ударов во много раз больше. По сведениям капитана Кузнецова, за небольшие преступления наказывали нагайками (от 20 до 100 ударов) и брали с виновного 2 тилли (золотая монета ценностью в 3 руб.- 80 коп. по курсу того времени): одну в пользу казны, другую бека.³

За незначительные преступления сажали в тюрьму. Причем в большинстве случаев срок заключения не определялся, и заключенного освобождали лишь тогда, когда он заплатил денежную компенсацию за преступление.

А.А. Семенов, посетивший в Кулябе тюрьму, на вопрос заключенному, обвиняемого в краже лошади и сидевшего уже две недели, когда он освободится, получил ответ: «После того как по приговору суда мне отрубят руку». Другой за неуплату долгов сидел уже два месяца. На вопрос, долго еще продлится его пребывание в тюрьме, он мрачно ответил: «До тех пор, пока не уплачу долгов, а где я возьму деньги?»⁴

Тюремное заключение являлось одним из самых тяжелых наказаний. Путешественники свидетельствуют о тяжелом положении осужденных, о невыносимых условиях, в которых они находились. Тюрьмы или темницы, как правило, находились в городах на территории крепости. «Местом заключения, – писал М. А. Варыгин о Кулябской тюрьме, – служит темная комната под воротами в кур-

¹ Варыгин М.А. Указ. Соч.– С.977.

² Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.– Т.71.– С.333.

³ Капитан Кузнецов. Дарваз.– С.71.

⁴ Семенов А.А. Указ. Соч.– С.980-981.

гане, кишашая всякими насекомыми, так как уборка не производится, а о дезинфекции здесь не имеют понятия...».

Содержание многочисленного штата чиновников и должностных лиц являлось тяжелым бременем для трудового населения городов и деревень.² Вся армия чиновников от государства никакого содержания не получала и жила доходами, полученными нечестными путями от населения,³ то есть «кормилась от своего дела».⁴ По мнению Д.Н. Логофета, воспитанная «на системе кормления» бухарская администрация прилагает все свои способности к возможно скорейшему обогащению.⁵ «Начиная от губернатора (бека – Х.П.), писал Л. А. Семенов, и кончая последним чинушей – халатником, грабят все, отчего бедное, истощенное непосильными налогами население встречается в каждой провинции».⁶

Городское население платило налог с недвижимого имущества, сборы за право торговли и занятия промыслами. Платили налоги ремесленники и мелкие торговцы. Д.Ю. Рожевиц, беседовавший с одним кавказским торговцем в г. Бальджуане, сообщает, что бухарские торговцы, в отличие от русских, платят пошлины и подати.⁷ По сведениям И.И. Гейера, взимаемый зякет (аминана) равнялся 2,5 процента стоимости товаров.⁸ Бендерский указывает, что общая сумма, взимаемая с населения в Гиссарском бекстве, составляла 335 тыс. руб. в год, из них 15 тыс. руб. – налог получаемый с лавок.⁹ Пречисляя многочисленные сборы, взимаемые с населения, Логофет писал, что «лишь воздух в Бухаре не обложен пошлинами».¹⁰ примерно также пишет и Варыгин. «Все, что нам дает земля, труд человека, все, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором, помимо этого, незаконные штрафы, грабительские конфискации имущества применяются в «благородной Бухаре».¹¹

Присоединение Восточной Бухары к Бухарскому ханству еще

¹ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. – С.797.

² Архив ГО, р.74. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

³ ЦГВИА, ф. 400. Д. 136. Л. 3; архив ГО, р. 65. Оп.1. Д. 46. Л.59.

⁴ Нечаев А.В. По горной Бухаре. – С.74.

⁵ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т.2. – СПб., 1911. – С.61.

⁶ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. – С.977.

⁷ рожевиц Р.Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906г. // Изв. ТГО. – Т.44. – Вып.9. – С.524-625.

⁸ Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901. – С.109.

⁹ Бендерский Н.А. Гиссарское бекство // Туркестанские ведомости. – 1905. – №42.

¹⁰ Логофет Д.Н. Страна бесправия. (Бухарское ханство и его современное состояние). – СПб., 1909. – С.48.

¹¹ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. – С.793.

более разорило и без того бедное население. Многочисленные налоги и подати, алчность и произвол многочисленных чиновников шлились поводами для различных выступлений трудящихся. Эти выступления, в каком бы уголке бекства они не происходили, имели прямое отношение к городу как к центру, где в основном концентрировались представители того класса, против которого они были направлены. Разумеется, крайняя отсталость городов, отсутствие промышленных предприятий, а в связи с этим рабочего класса и его гегемонии в руководстве восстаниями, лишили города Восточной Бухары той роли, которую они играли в развитых капиталистических странах. Города Восточной Бухары не выделялись как центры и организаторы народных волнений и восстаний. Трудовые слои городского населения почти всегда были их активными участниками. Поэтому, говоря о классовой борьбе, нельзя ее разделять на две части – на городскую и сельскую. Она едина по своему характеру и значению.

Еще с первых дней насильственного присоединения Восточной Бухары бухарские власти почувствовали ненависть трудового населения к их режиму и способу управления, хотя были сохранены все порядки предыдущих управлений края. Таким образом, присоединение Восточной Бухары к ханству только усиливало классовую борьбу. К числу первых крупных выступлений, направленных против бухарского режима, относится восстание 1870 г., которое происходило в Бальджуанском бекстве. Поводом к восстанию была чрезмерная сумма контрибуции произвольное увеличение податей беком Абдукаримом. Восстание началось в июле 1870 г. В нем приняли участие около 2000 бедняков. Абдукариму удалось только при помощи сильных воинских отрядов, присланных гиссарским беком, подавить восстание.¹ О нем доносил туркестанскому генерал – губернатору начальник Зеравшанского военного округа в рапорте от 17 июня 1870 г. Он отмечал, что восстание имело место также и в Кулябе,² Волнения в Кулябе и Бальджуане не прекращались и в середине 70-х годов. Сведения первого русского путешественника, Н. Маева, посетившего этот край, довольно ясно свидетельствуют об этом. Указывая на причины недовольства населения Куляба и Бальджуана, он писал: «Оно (т.е. население

¹ Более подробно об этом восстании см. Стеценко И.А. Из истории народных движений. – С.95-96.

² РГИА, Ф. 1396. Оп. 1. Д. 1571. Л. 51; более подробный текст донесения см. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир. – Ч.2. – С.107. См. также. История таджикского народа. – Т.2. Кн.2. – М., 1964. – С.175. Вести об этом восстании были опубликованы и в газете «Туркестанские ведомости». – 1870. – С.7.

ние, — Х. П.) недовольно бухарским правительством за то, между прочим, что все должностные места в бекстве замещены теперь людьми, чуждыми краю, приехавшими из Бухары и, конечно, не упускающими удобного случая набить карман, чтобы вознаградить себя этим способом за скучную жизнь в далекой и нездоровой стране». ¹ Положение в этих районах до такой степени было серьезным, что Н.Маев, выражая уверенность в неизбежности народных волнений, сомневался в силе бальджуанского бека. «...Так что рано или поздно, — писал он, — здесь возникнут серьезные беспорядки, и тогда Сары — хан (бывший независимый владетель Х.П), конечно, не замедлит снова явиться среди своего народа. Противопоставить же народному волнению значительную силу бухарское правительство не может.

В Кулябе и Бальджуане расположено только по одной сотне сарбазов. Чтобы усмирить Куляб, эмиру придется снова предпринимать поход из Бухары». ² Насколько были реальны опасения Н. Маева показал дальнейший подъем народных волнений в этом районе, особенно в 80-х годах. Эти выступления против бухарских завоевателей проходили в Дарвазе и в других бекствах Восточной Бухары. Говоря о настроении более отдаленных населенных пунктов, капитан Кузнецов в одном из своих писем отмечал, что «здешнее население почти не признает власти бухарского эмира». ³ Член экспедиции генерала Столетова врач И. Яворский, возвращаясь из Афганистана (в конце 1878 — начале 1879 гг.) через Бухару, заметил, что обстановка в эмирате, особенно в Восточной Бухаре, неспокойная, что население всюду проявляет недовольство существующими порядками. ⁴

Следует отметить, что, как в завоевании Восточной Бухары, так и в подавлении народных волнений бухарский эмир широко использовал поддержку русских властей. Это видно на примере подавления с помощью русских войск в 1878 г. восстания населения Дарваза против Музаффара. ⁵ Об этом писал, например, М. А. Варыгин: «Народ не любит эмира... Эмир знает, какое чувство питают к нему, но он знает также, что за его спиной русские штыки...». ⁶ Указывая на продолжающиеся народные волнения и действия рус-

¹ Маев Н. Очерки Бухарского ханства.— С.217.

² Там же.— С.217-218.

³ РГВИА, Ф. 1438. Оп.1.Д. 18. Л. 565.

⁴ Яворский И. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878 — 1879гг., 1883.— С.370

⁵ Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т.1.— М., 1955.— С.431-432.

⁶ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства.— С.802.

ских властей, Д.Н. Логофет писал: «Целый ряд народных восстаний с 1875 по 1890 годы в Гиссарском крае и в других вновь присоединенных бекствах доставили много хлопот бухарскому правительству, железными тисками сжавшему население, а обложение его чрезмерными податями вызвало и позднее новые взрывы, оканчивавшиеся усмирениями и казнями восставших и примкнувших к мятежу.

Злоупотребления административных властей – беков, зякетчи и пмякдаров не знали ни предела, ни меры, благодаря чему почти постоянно повторялись эти возмущения, подавлявшиеся при содействии русских властей, оказывавших в некоторых случаях помощь бухарской администрации в усмирении неповинующихся».¹

Народные волнения особенно усилились в Кулябской долине. В 80-е годы в Кулябском и Бальджуанском бекствах произошел ряд восстаний. К числу наиболее значительных из них относится восстание 1886 г.² в Бальджуанском бекстве и восстание, которое охватило территории Муминабада Кулябского бекства в конце 1885 – начале 1886 гг.³ Самым крупным выступлением в Восточной Бухаре против феодального и колониального режима эмирата было крестьянское восстание в Бальджуане под предводительством Восе. Почва для него была подготовлена всем строем Бухарского ханства и его внутренней политической обстановкой.⁴

Советские исследователи посвятили ряд работ этому восстанию,⁵ в которых осветили основные его вопросы. Однако по поводу точной датировки восстания Восе до недавнего времени имелись разногласия. В отличие от большинства ученых, которые датируют восстание – 1885 годом, И. А. Стеценко указывает 1888

¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханства под русским протекторатом.– Т.2.– С.263.

² Подробно см. Стеценко И.А. Указ соч.– С.103-104.

³ Подробно см. Мухсинова К.З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах 19 в. // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). – Ташкент, 1955.– С.18-23.

⁴ Искандаров Б.И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе // Изв. Отд. Общ. Наук АН Тадж. ССР.– Вып. 4.– 1953.– С.85.

⁵ См.: Шоаншоев А. Материалхо оид ба шуриши Восеъ // Барои Адабиёти социалисти.– 1936.– №№1,2,3; Б.Г.Гафуров и Прохоров Н.И. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины.– Душанбе, 1944.– С.154-156; Искандаров Б.И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе // Изв. отд. общества наук АН Тадж. ССР.– Вып. 4.– 1043.– С.93-121; Стеценко И.А. Из истории народных движений.– С.105-111.

год.¹ Правда, он признает, что для научного спора источниками не располагает, и, по мнению А. Р. Маджлисова, источники на которые ссылается автор, не дают основания для таких выводов.² К сожалению, кроме незначительных служебных доносов и рапортов должностных лиц, сохранившихся в архивах, мы не имеем сведений об этом восстании. Но и эти скудные сведения дают понять, что оно произошло в 1888 г.

Волнения крестьян и других слоев трудящихся Восточной Бухары продолжались и после подавления восстания Восе. «Под влиянием этого восстания, — пишет М. Хамраев, — в Каратаге происходило крупное волнение наемных ремесленников, ткачей, так называемых халифа. В нем участвовало около тысячи ткачей города и его окрестностей».³ Эти волнения невольно заставили власти задуматься об опасности которая грозила им. «Эти страшные кровопролитные мятежи, — отметил Д. Н. Логофет, — потрясая всю страну, — заставляли невольно административных лиц быть осторожнее и не слишком угнетать и обирать свои районы».⁴

Учитывая недовольство народа, эмир часто менял беков. Например, по сведениям М.А. Варыгина, до 1905 г. в продолжение 28 лет в Кулябском бекстве перебывало 19 беков, редко кто из них пробыл в Кулябе 2 года».⁵ В.И. Липский писал о том, что в Бальджуане «Авлиакул-бека убрали по жалобам жителей, которых он обижал».⁶

Города Восточной Бухары были важными центрами ремесленного производства. Ткачество являлось наиболее массовым и широко распространенным видом производства во всех городах Восточной Бухары.

Немаловажными центрами текстильного производства являлись города Кабадиан, Куляб, Гарм и Калаи — Хумб. «Кулябский шелк, выработанный кустарным способом, — писал М.А. Варыгин, — для халатов считается первым по доброте... Кустарным же спосо-

¹ См.: Стеценко И.А. Указ. Соч.— С.106-111. Мнение Стеценко И.А. относительно даты восстание Восе (1888г.) поддерживается Хакимовой К.З. См. Хакимова К.З. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети 19 века (по материалам архива Кушбеги эмира бухарского): Автореф. Дисс. канд ист.наук.— Ташкент, 1966.— С.5.

² Маджлисов А.Р. Аграрные отношения...— С.289.; См. также: С. 291.; см.также: Искандаров Б.И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана.— Душанбе, 1976.— С.44-46.

³ Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства. — С 81.

⁴ Логофет Д.Н. Страна бесправия.— СПб., 1909.— С.50.

⁵ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского Бекства.— С.800.

⁶ Липский В.И. Горная Бухара. — Ч.3.— СПб., 1905.— С.584.

бом ткнут мастера хлопчатобумажные материи и шерстяное грубое сукно и катают кошмы».¹ Следует отметить, что изготовление шелковых материй, хотя не в таких размерах, как это было в Гиссаре и Кулябе, было налажено в Каратегине, шелковые материи которого, по словам А.А. Семенова, пользовались большой популярностью не только среди горцев, но и на равнине.²

Изделия гончарного производства были необходимыми предметами, широко используемыми как городским, так и сельским населением в быту. Специальные мастера гончарного дела производили множество предметов домашнего обихода. Гончарный промысел был широко распространен по всему ханству, но наибольшее развитие он получил в Каратегине, Гиссаре, Дарвазе, Куляба и Бальджуане.³

Обработкой железа в той или иной степени занимались во всех городах и селениях Восточной Бухары. «Железное производство, — пишет И.Минаев, — весьма развито во всех странах по бассейну верховьев Аму».⁴

Кузнечному делу, как необходимо важному, в городах Восточной Бухары придавалось большое значение. Кузнецы для усовершенствования своего отправлялись в различные города и обучались у самых опытных мастеров. Обучение обычно проходило в доме учителя и продолжалось 3-4 года.⁵

В работах русских исследователей отдельные упоминания дают повод полагать, что города являлись важными центрами деревообделочного ремесла. Это, в частности, дает понять Д.Н. Логофет, хотя он и говорит о спаде этого вида ремесла. «Сравнительно еще недавно, — пишет он, — значительное распространение имела резьба по дереву для украшения дверей и мечетях и жилищах столбов, столов, решеток и т.п. Резьба производилась главным образом по ореху, но также по другим древесным твердым и мягким породам. Искусство это год от года уменьшается и в настоящее время лишь в больших городах встречаются мастера-резчики, а в остальных же местах, ввиду убыточности этого занятия, требующего много труда и времени, мастера перешли к плотничьему ремеслу, изготавливая плуги (омач), вилы (пяндж-шаха), ложки, лопаты и т.п.».⁶ О выде-

¹ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор.— С.56.

³ Логофет Д.Н. Бухарское ханства под русским протекторатом.— Т.1.— СПб., 1911.— С.274.

⁴ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— С.197.

⁵ Подробнее см. Ершов Н.Н. Ремесла таджиков Каратегина и Дарваза // Изв. Отд. Общ. наук АН Тадж. ССР.— 1964.— №1(36).— С.34-35.

⁶ Логофет Д.Н. Бухарское ханства под русским протекторатом.— Т.1.— С.274.

львании деревянной посуды в городах Куляба и Бальджуана говорит А.А.Бобринской.¹

Изготовление кожаных изделий имело заметный успех в г. Кулябе, где было «множество мелких кожевенных заводов».² По словам М.А. Варыгина, на Кулябском базаре «3 лавки конской сбруи и шитья попон, да 1 лавка находится у кургана, где живет бек... Тут же из выделанной кожи, бараньей или козлиной, шьют желтые узбекские шаровары, расшитые разноцветными шелками, затейливым рисунком».³ По сведениям Р.Ю.Рожевица, изготовлением изделий из тисненной кожи (главным образом, кожаной части к седлам) славится город Бальджуан.⁴

Несмотря на все притеснения, изделия, изготовленные городскими и сельскими ремесленниками в некоторых местах Восточной Бухары, вплоть до победы Советской власти были почти основными предметами, удовлетворявшими жизненные потребности местного населения.

Превратился в крупный торговый центр и город Куляб, где торговля, по мнению очевидцев, была «более оживленной, чем в Кабадиане и Курган-Тюбе».⁵ А.А. Семенов указывает на многочисленные длинные ряды лавок, разбросанные по всем направлениям.⁶ Более подробно о торговле в г. Кулябе пишет М. А. Варыгин. По его сведениям, на кулябском базаре исключительно сосредоточен как оптовая, так и розничная продажа 2 раза в неделю по базарным дням.⁷ Кроме мастерских, которые изготовляли товары и тут же их продавали, он указывает на 50 лавок с красным товаром (т. е. мануфактурными изделиями), 5 лавок с зеленым чаем, 4 чайханы, где в будние дни продавали клевер и ячмень, 5 лавок с деревянными изделиями, 8-9 лавок с обувью, 2-3 с изделиями гончарного производства, 5-6 лавок, в которых продавали масло, фруктовый ряд, навес для продажи зернового хлеба, ячменя, риса и пр.⁸ Отмечая бурный рост торговли в городе, Варыгин

¹ Бобринский А.А. Орнамент горных таджиков Дарваза.— С.6.

² Бронников П. Поездка в горную Бухару // Туркестанские ведомости.— 1896.— №29.

³ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства.— С.775-776.

⁴ Рожевиц Ю.Р. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. // Изв. РГО.— Т.44.— Вып.9.—1908.— С.624.

⁵ Архив ГО. Р.65. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.

⁶ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1888г.) // Исторический вестник.— Т.87.— 1902.— С. 969-970.

⁷ По обычным дням работали только несколько постоянных лавок.

⁸ Варыгин М.А. Указ. Соч.— С.776.

указывает на перспективы города Куляба в торговом отношении в будущем.¹

Продукты сельского хозяйства на «кулябском базаре, по сведениям Снесарева, продавались по следующим ценам: «пшеница – 90 тенег за батман,² т.е. 85 коп. за пуд, ячмень – 40-50 коп. за пуд. Баран очень крупных размеров (1-1/2 пуда мяса и пуд сала) стоит 18 рублей, средний (около пуда мяса и 15 фунтов сала) стоит 7 руб. 50 коп., бык от 30 руб. и менее, корова от 18-19 руб. и менее..., хорошая лошадь до 150 руб., средняя – 75 руб., плохая, но еще пригодная для вьюка – 40 руб., ишак – 9-15 руб., верблюд стоит, как лошадь...³ Кроме того, добыча соли являлась одним из главнейших промыслов Куляба, занимала важное место в торговле этого района.⁴

Оживленная торговля наблюдалась и в городе Бальджуане,⁵ где базарные цены, кроме цен на хлеб, который здесь был дешевле, почти совпадали с кулябскими. Отставала торговля лишь в г. Курган-Тюбе. Здешний базар, по словам Д. Н. Логофета, был небольшим и имел всего два-три десятка лавок, что наглядно указывает на сравнительно небольшую торговлю для местного употребления.⁶

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что г. Куляба в конце XIX-начале XX вв. являла значительным центром торговли.

*Из истории древнего Куляба
-- Душанбе, 2006. – С.128-154.*

¹ См. Варыгин М.А. Указ. Соч. – С.777.

² По словам Снесарева в Кулябском бекстве батман равнялся 16 пудам, а в Бальджуанском-12,4/5 пудам; См. Снесарев. Восточная Бухара (Военно-геогр. очерк) // Сб. материалов по Азии. – Вып. 79. – СПб., 1906. – С.65.

³ Снесарев А.Е. Восточная Бухара. – С.68-69.

⁴ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

⁵ Архив ГО. Ф. 83. Оп. 1. Д.36. Л 7 84; См. также. Снесарев. Указ. Соч. – С.84.

⁶ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). – СПб., 1913. – 276 с.; также: Гаевский П. Курган-Тюбинское бекства. – С.55-58.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГОРОДЕ БАЛЬДЖУАНЕ В РАБОТАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РУССКИХ АВТОРОВ

В дореволюционной русской научной литературе сведения о городе Бальджуане стали появляться в последней четверти XIX и в начале XX вв.

Материалы по интересующему нас городу даются в работах таких русских дореволюционных авторов как Н. А. Маев,¹ Л. Ф. Костенко,² Г. А. Арандаренко,³ В. И. Липский,⁴ А. Е. Снесарев⁵ и др.⁶

Однако эти сведения далеко не достаточны для всестороннего освещения истории города Бальджуана, а являются лишь в известной мере географическим описанием с незначительными сообщениями фактов о социально-экономической жизни города, которые пока еще никем не собраны и не проанализированы.

По-видимому, из-за отсутствия нужных источников и скудности литературы никто из дореволюционных авторов (за исключением академика В.В. Бартольда) не пытался коснуться средневековой истории Бальджуана.

В настоящее время, когда советская историческая наука далеко продвинулась вперед, естественно, пополнилась новыми сведениями и история Бальджуана. В этом большая заслуга принадлежит А. М. Беленицкому, археологические исследования которого дали ценные данные для современных исследователей истории Кулябской группы районов.⁷ Материалы о более поздней истории Бальд-

¹ Маев А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. V, СПб., 1879.

² Костенко Л.Ф. Туркестанский край. (Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа). Материалы для геогр. и статист. России, СПб., 1880, т. II.

³ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874 – 1889 г. г. СПб., 1889.

⁴ Липский В.И. Горная Бухара, ч. I, СПб., 1902, ч. III, СПб., 1905.

⁵ Снесарев Л.Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, выпуск, XXX, СПб., 1906.

⁶ Логофет Д.И. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии), СПб., 1913; Р. Ю. Рожевин. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. ИРГО, т. XIV., выпуск IX, 1908 и др.

⁷ См. Беленицкий А.М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г., Труды соед. таджикской археологич. экспед., т. I, Материалы исследования по археологии СССР, № 15., М–Л., 1950.

жуана имеются в трудах Б. И. Искандарова¹ и Ш. Юсупова.² Несмотря на это, в настоящее время по интересующему нас вопросу мы пока располагаем недостаточными сведениями, что затрудняет более полное описание истории дореволюционного города Бальджуана. Автор данных строк ставит своей целью по мере возможности, показать насколько город Бальджуан нашел свое отражение в работах русских дореволюционных авторов.

По их сведениям, город Бальджуан, как административный центр отдельного бекства, был расположен в 46 верстах к северо-западу от Куляба,³ от правой стороны реки Кызыл-Су, при впадении в нее небольшой горной реки Тахлок⁴ (или Талхак).

Почти все русские авторы, кроме А. В. Нечаева, дают одинаковые сведения о географическом расположении города. По описаниям А.В. Нечаева «Бальджуан расположен на левом берегу реки Кызыл-Су»,⁵ а по Р. Ю. Рожевицу: «Город расположен у слияния рек Кызыл-Су, Шурак (т. е. Талхак – Х.П.) и еще какой-то третьей небольшой речки, находящейся вправо от города».⁶ (По-видимому, он имел ввиду Оби Ховалинг, Талхак или Оби-Тира).

Опираясь на сведения арабских средневековых авторов, академик В. В. Бартольд утверждал, что самый большой город Хутталя-Мунк «соответствует нынешнему Бальджуану»,⁷ что самый большой город Курган-Тюбинского оазиса Халаверд по величине уступал Мунку,⁸ и от Мунка до Хульбука (столица Хутталя) считали 2 дня пути. От Пулисангина до Мунка тоже 2 дня пути.⁹

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Таджикгиз 1960; его же Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. (в двух частях). Труды ист. Истории АН, Таджикской ССР, т. XXXII, 1962, и т. XXXIX, 1963.

² Юсупов Ш. Очерки Кулябского бекства в конце XIX и начале XX. века. – Душанбе, 1964.

³ Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное, географическое описание нашего отечества – Т. XIX, СПб., 1913. – С.739.

⁴ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.296.

⁵ Нечаев А.В. По горной Бухаре (путевые очерки). – СПб., 1914. – С.93.

⁶ Рожевиц Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906. Изв. РГО. т. XLIV, вып. IX, 1908. С.624.

⁷ Бартольд В.В. Хутталъ. Статья из «Энциклопедии Ислама». Соч., т. III.– М., 1965. – С.555; его же: Географический очерк Мавераннахра, соч., т. 1, М., 1963. – С.119; его же: Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964. – С.37.

⁸ Бартольд В.В. Географический очерк Мавераннахра. Соч., т.1, М., 1963. – С.119.

⁹ Там же.

Такое отождествление поддерживает и Б.И. Кастальский, только с той разницей, что Мунк, по его мнению, является столицей Хутталя. Он писал: «Столицей Хутталя был город Мунк, на месте нынешнего Бальджуана, и столицей Хульбук на Кызыл-Су, у нынешнего Гульбага».¹ Отсюда ясно, что Б.И. Кастальский не был знаком с историей Хутталя и, видимо, хотел присвоить слова В.В. Бартольда, искажив их смысл.²

Если это отождествление верно и Мунк действительно находился на месте Бальджуана, то мы вправе считать Бальджуан древним городом. Но это категорически опровергается археологическими материалами А. М. Беленицкого. «В специальной литературе, — пишет А. М. Беленицкий, — прочно установилось мнение, что древний Мунк находится на месте нынешнего Бальджуана... Однако в действительности мнение это неверно».³ Так, на основании личного знакомства с районами Кулябской долины научные сотрудники Института истории, литературы и языка Таджикского филиала Академии Наук СССР установили, что в Бальджуане нет следов древнего крупного города, что городище, которое можно считать остатками Мунка, находится вблизи Ховалинга⁴ (центр совхоза того же названия).

Нетрудно сделать вывод о том, что Бальджуан не соответствовал размерам древнего Мунка, если изучить сведения революционных авторов, которые сами побывали и видели Бальджуан своими глазами, хотя они противоречивы. Например, Г.А. Арандаренко писал: «Самый Бальджуан — резиденция бека — представляет собой горный поселок в 300 дворов, с небольшой цитаделью»,⁵ а Н. А. Маев утверждал: «Куляб гораздо многолюднее Бальджуана, который более разбросан по долине, а потому, на первый взгляд, и кажется обширнее».⁶ По данному вопросу А. Е. Снесарев отмечал: «В Бальджуане нужно считать не менее 400 дворов», а В.И. Липский утверждал: «Бальджуан представляет из себя довольно большой город, обладающий лавками, базаром».⁷ Может

¹ Кастальский Б.И. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долины. «Вестник Иригации», Ташкент, 1930, — №2. — С.76.

² Подробнее о Хульбуке см.: Э. Гулямова. Хульбук — столица Хутталя. — Душанбе, 1969.

³ Беленицкий А.М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. Материалы и исследования по археологии СССР. — №15 — С. 128.

⁴ Там же.

⁵ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. — С.430.

⁶ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. С.219.

⁷ Липский В.И. Горная Бухара. — Ч.1, СПб., 1902. — С.302.

быть, В.И. Липскому город показался большим потому, что он был разбросан, как об этом говорил Н. А. Маев. Разница в количестве дворов между Г. А. Арандаренко и А. Е. Снесаревым могла происходить вследствие того, что второй посетил Бальджуан несколько лет позже чем первый. Это, однако, не меняет суть вопроса, так как город Бальджуан по всем данным не подходил к «самоу большому» городу Хуттала-Мунку.

Если Бальджуан не соответствовал древнему Мунку, то являлся ли он древним городом? Как определить его возраст? Кто был его основателем? На эти вопросы точные ответы дать весьма трудно.

Академик В. В. Бартольд писал, что Бальджуан упоминается и Зафар-Наме¹ (Шараф-ад-дин Йезди). Если эти его сведения соответствуют действительности, то тогда Бальджуан в эпоху Тимура существовал, но судя по некоторым данным (о которых речь будет идти ниже), упомянутый Бальджуан был другим Бальджуаном.

Летом 1925 года, во время своей работы в библиотеках и музеях Туркестана, академик В.В. Бартольд в Бухаре обнаружил очень интересную и ценную запись по истории города Бальджуана XIX века.²

В этой рукописи, в частности, говорится: «В 1243 (1827–1828) Акта-Хан стал правителем вместо своего отца Тавул-Хана. В то время крепость Бальджуан находилась напротив новой крепости на старом Бальджуане. Потом он добился согласия местных жителей на то место, где стоит сейчас крепость и построил эту крепость, которая ныне существует». ³ (Чои Кургони хозираро аз фукароён рози карда гирифта, Кургони хозираро бино карда).

Это дает основание к предположению, что город и крепость были созданы сравнительно позже, в конце 20-х и в начале 30-х годов XIX века, а основателем города, по-видимому, был Акта-Хан (или Катта-Хан). Вероятно, упомянутый в «Зафар-Наме» Бальджуан соответствует Старому Бальджуану. Об этом свидетельствует и этот факт, что Старый Бальджуан (кухна Бальджуан) находится на левой стороне Кызыл-Су, в данное время маленькое селение с несколькими жителями.⁴

¹ Бартольд В.В. Хуттал. Соч., т. III. – С. 555.

² Бартольд В.В. Занятия в Туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г., Соч., т. VIII., М., 1973. – С. 454.

³ Бартольд В.В. Указ. соч. – С. 454.

⁴ недавно, во время сооружения пионерского лагеря в Старом Бальджуане рабочие Бозорак Холов, Хайдар Холов и другие обнаружили кузиин, внутри которого было много старинных монет, и они распределили их в

В чем же причина опустения Старого и создание Нового Бальджуана? Этот вопрос требует тщательного исследования. Но все же некоторые факты дают основание полагать, что причиной этому служило изменение русла реки Кызыл-Су, или по местному Сурхоб, которая раньше проходила по территории Нового Бальджуана. В результате, видимо, какая-то часть старого города осталась под водой и на том месте, где проходило старое русло реки был создан новый город (т.е. Новый Бальджуан).

Об этом в рукописи говорится так: «То место (в Новом Бальджуане – Х.П.), где находится четвертичная мечеть (Масчиди джомеъ), в то время было местом водоворота (гирдоб) Сурхаба».¹ Об этом слышали и старожилы Бальджуана.

Сам факт, что русские путешественники, посетившие город Бальджуан, не заметили там признаков старины, что говорит о городе недавнего происхождения. Например, во время пребывания Д. Н. Логофета в Бальджуане на его вопрос, где старинные здания в городе, один из местных собеседников ответил: «Старинных нет, тюра. Вот бекская кала старинная, а больше ничего в городе нет».²

Тот же Д.Н. Логофет далее отмечал: «Мы занялись осмотром калы (т.е. крепости– Х.П.), которая была выстроена из глины и камня, но следов большой старины не имела». Эти слова еще раз подтверждают, что Бальджуан сравнительно молодой город.

В рукописи последовательно даются сведения о правителях Бальджуана XIX в., там говорится: «Акта-Хан в течение 14 лет был правителем. В 1257 (1841–1842) он умер. Правителем стал его сын Мизраб-Хан... Он правил 13 лет. В 1270 (1853–1854) умер и престол занял его брат Кам-Чин-Хан. Он всего правил 3 года и в 1273 (1856–1857 г.) умер. После его смерти правителем стал Сара-Хан, который управлял в течение 11 лет. Потом уехал в благородную Бухару и остался там на один год. В это время вместо него правил его брат Хамрах-Хан, который чеканил от своего имени монеты. Сара-Хан вернулся из Бухары аталыком (высший чин бухарского эмирата– Х.П.), и правил еще 2 года. После занятия эмиром благородной Бухары в 1287 (1870–1871) Сара-Хан убежал в Афганистан. Вместо него стал правителем один из приближенных Эмира Ал-

качестве сувенира между собой. К сожалению, эти монеты не попали в руки специалистов и до сих пор остаются неизученными (об этом дает показания житель Бальджуана А. Хайдаров).

¹ Бартольд В.В. Указ. соч. – С.455.

² Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.299.

мас-дадхо, после него Худайкул-парваначи, а затем Абдул-Карим-дустархончи стал правителем».¹

Говоря о государстве Бальджуан, следует отметить, что оно в 30-х – 40-х гг. ХГХ в. являлось более могущественным, самостоятельным государством, чем его соседи. Об этом свидетельствуют следующие факты, которые отмечены в указанной рукописи: «В то время был (здесь имеется в виду Акта-Хан – Х.П.) в хороших отношениях с эмиром благородной Бухары». Далее говорится: «В то время (т.е. в годы правления Мизроб-Хана – Х.П.) Куляб находился в состоянии зависимости от Бальджуана, и его правителем был Шах Сулайман-Хан сын Тавул-Хана».²

Правитель Кундуза Мурад-бек в 30-х годах XIX века завоевал Куляб и отдал его в управление своему брату, затем вспыхнувшее восстание вынудило его возвратиться обратно. Восстание было жестоко подавлено, и город Куляб был разрушен до основания.³ В это время Бальджуан сохранял свою независимость. Намерение Мурад-бека подчинить себе Бальджуан неизменно оканчивалось неудачно.⁴ Это свидетельствует о могуществе Бальджуана.

Все изложенные факты дают основание полагать, что в XIX в. до правления Сара-бека (Сары-Хана)⁵ резиденцией Кулябских правителей являлся город Бальджуан.

По сообщениям дореволюционных русских авторов, крепость Бальджуан находилась отдельно от города,⁶ на высоком берегу реки, приблизительно на высоте 20 саж.⁷, и имела вид «вороньего гнезда».⁸ Крепостная стена стояла над крутым, почти отвесным, обрывом, стены и башни ее прилепились к горному склону. Крепостные ворота были поставлены со стороны города.

В стратегическом смысле крепость была построена на удачном месте. Благодаря вертикальному обрыву с берега реки Кызыл-Су, крепость была недоступной. Почти недоступной была крепость и с

¹ Бартольд В. В. Указ. соч. – С.455; См.: Ш. Юсупов. Очерки истории Кулябского бекства..., – С.29.

² Бартольд В.В.. Указ. соч. С.455.

³ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства. – С.28.

⁴ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – С.54.

⁵ О деятельности Сары-Хана подробнее см. Б.И. Искандаров. Указ. соч. – С.56 и след.

⁶ Нечаев А.В. По Горной Бухаре. С.93.

⁷ Рожевиц Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару. – С.624.

⁸ Дипский В.И. Горная Бухара – Ч.1. – С.302.

⁹ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары – С.296

левобережной части, так как дорога шла по узким улицам и довольно круто поднималась к крепости и, наконец, крепость была ограждена толстой стеной и имела прочные ворота.¹

Если крепость в стратегическом смысле находилась на удобном месте, то в житейском смысле это место было подобрано весьма неудачно. Об этом Д. Н. Логофет пишет так: «Отсутствие воды и растительности делали жизнь на этой скале совершенно невозможной в жаркую пору, когда эта масса глины и камня накалялась, изображала из себя духовую печь».² Несмотря на это, крепость являлась резиденцией бека и последний «томился, как в клетке»,³ находясь в крепости.

Крепость Бальджуан не производила хорошего впечатления на очевидцев. Она состояла из плохих построек,⁴ и, видимо, в последнее время только «слегка»⁵ ремонтировалась.

К югу от крепости на пониженном склоне речной долины располагался город, а у самого основания крепостной горы был разведен бекский сад.⁶ Все городские постройки и базар находились, по сообщениям Р.Ю. Рожевица, — «частью на берегу рек, частью же поднимаются довольно круто по долинам высокого берега».⁷

Мечети города были глинобитными постройками и не имели никаких признаков старины, и «узкие улицы»⁸ мало отличались от большого селения.

Базар, по сведениям А. Е. Снесарева, «был богатым».⁹ Как обычно, на базаре велась оживленная торговля два раза в неделю, «в среду большой и в субботу небольшой. В дни базара город был многолюдным и оживленным. Люди из разных концов бекства продавали товары и покупали необходимые для них вещи Д.Н. Логофет, сообщая о базарном дне, писал: «Из под тенистого навеса караван-сарая виднелся ряд лавок, перед которыми сновали по улицам толпы народа, приехавшего издалека».¹⁰ Далее он отмечал: «Груды урюка, гранат, персиков, дынь и арбузов, пригретых солнечными лучами, распространяют аромат. Целый ряд менял распо-

¹ Снесарев А.Е. Восточная Бухара. — С.102.

² Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. — С.306.

³ Липский В.И. Горная Бухара, Ч. I., — С.302.

⁴ Там же.

⁵ Логофет Д.И. Указ. соч. — С.306.

⁶ Нечаев А.В. По горной Бухаре. — С.94.

⁷ Рожевиц Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару. — С.624.

⁸ Логофет Д.Н. Указ. соч. — С.296.

⁹ Снесарев А.Е. Восточная Бухара.

¹⁰ Логофет Д.Н. Указ. соч. — С.300.

пожился прямо на земле». У меняльщиков можно было найти монеты разных государств и разных времен. Среди них попадались и русские монеты, датированные с.1735 по 1846 г. г. Как они попали сюда, неизвестно. По мнению Варыгина, причиной распространения русских монет в этих краях были первые неудачные походы и торговые сношения России с Хивой и Бухарой.¹

Итак, основными продуктами базара были фрукты и другие продовольственные товары. Кроме того, на базар пригоняли и скот. По словам А. Е. Снесарева, по средам, т. е. в дни «большого базара», в город привозили не менее 200 пудов хлеба и пригоняли 30–40 лошадей.²

По сведениям Р.Ю. Рожевица, бальджуанский базар также «славились своими изделиями из теснёной кожи (главным образом, кожаные части к седлам) и серебрением железа (серебрят преимущественно пряжки, стремяна, уздечки и др. части сбруи)».³

Все вышеуказанное свидетельствует о том, что город Бальджуан играл крупную роль в экономической жизни всего бекства и всей Кулябской долины.

В Бальджуане был размещен эмирский батальон. Сарбазы жили в небольших лачугах и действовали по «образцу» царской армии. О состоянии этого батальона, о его функции и «пользе» довольно подробно пишет В.И. Липский. Наблюдая образ жизни солдат, смешные и неумелые учения, которые проводились в Бальджуане, он отмечал: «В общем, от таких войск пользы никакой, а вреда много, так как солдаты мародерствуют, грабят народ, занимаются гешефтами, на наш взгляд, не подходящими званию солдата, и вообще представляют собой язву и деморализующий элемент, не только развращающий население нравственно, но и служащий источником болезней. Известно, что сифилис, получивший право гражданства и в Бухаре, занесен сюда солдатами». Они в «грязных и оборванных мундирах»⁴ без всякого дела бродили по узким улицам города.

В Бальджуане, как и в других городах Бухарского эмирата, легко можно было отметить влияние царизма. Об этом свидетельствует тот факт, что с русских торговцев, которые вели торговлю на территории Бухарского эмирата, не брали пошлины. По этому поводу Р.Ю. Рожевиц, беседовавший с одним кавказским торговцем,

¹ Варыгин М.Л. Опыт описания Кулябского бекства (Краткий исторический очерк). Изб. РГО, том LII. (52), вып. 10, – 1916. – С.729.

² Снесарев А.Е. Восточная Бухара. – С.102.

³ Рожевиц Р.Ю. Указ. соч. – С.624.

⁴ Логофет Д.И. Указ. соч. – С.296.

который имел русскую лавку, отмечал: «Пошлины и подати с русских не взимают никаких (бухарские торговцы платят и то и другое)». ¹ Об этом пишут и другие авторы. ² Русских принимали с почетом, в Бальджуане для них было выделено отдельное помещение. Об этом, в частности, пишет Р.Ю. Рожевиц: «В Бальджуане нас поместили в саду бека, в новом помещении для гостей, устроенном как в Кулябе, на европейский лад». ³

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что город Бальджуан – центр отдельного бекства, находился на правом берегу Казыл-Су (или Сурхоб). Отождествление Мунка с Бальджуаном ошибочно. Город, о котором писали дореволюционные русские авторы, не был древним городом. Существовал древний город Бальджуан. Он находился напротив Нового Бальджуана на левом берегу Кызыл-Су и, видимо, этот город разделял судьбу Куляба на протяжении всей средневековой истории.

В конце XIX – начале XX вв., город Бальджуан, как административный центр, играл большую роль в социально – политической и экономической жизни Бальджуанского бекства и всей Кулябской долины.

*Ученые записки каф. Истории СССР ДГПИ
им. Т.Г. Шевченко. – Душанбе, 1974. – Т. 25 – С.72-81*

¹ Рожевиц Р.Ю. Указ. соч. – С.624-625.

² См.: В.И. Липский. Указ. соч. – С.303.

³ Рожевиц Р.Ю. Указ. соч. – С.624.

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ДУШАНБЕ

Судя по остаткам культурных слоев, обнаруженных археологами начиная с греко-бактрийского периода и кончая поздним средневековьем, можно утверждать, что на территории современного Душанбе с определенными перерывами люди жили почти во все времена.

Душанбе как город берет начало своего существования, по всей вероятности, на стыке династийских перемен Тимуридов и Шейбанидов (XV – XVI вв.).¹

Знаток и исследователь истории Гиссара А.Мухтаров не без основания полагает, что этот населенный пункт, хотя и имеет богатую древнюю историю, но как столица крупного владения сформировался в XIII в. Ученый поддерживает мнение В.В.Бартольда о том, что после завоевания и разрушения Балха монголами его роль как одного из самых влиятельных городов Бухарского государства перешла в XIII в. к Гиссару.² Это владение и его столица в XV-XVI вв. по своему статусу находились на одном уровне с другими государствами Мавераннахра. В XII – XVI вв. Гиссар со своими мощными оборонительными сооружениями представлял главное препятствие на пути со стороны крупных завоевателей. Этим Гиссар имел особую значимость в крае, впоследствии именуемом Восточной Бухарой. И в этом свою определенную роль, очевидно, играл Душанбе.³

Наиболее ранние сохранившиеся письменные источники содержат лишь фрагментальные упоминания о Душанбе. Первым из дошедших до нас является сочинение Махмуда ибн Амир Вали «Бахру-л-асрор» («Море тайн»), составленное в 30-е годы XVII в. Судя по нему, в начале XVII в. на месте нынешнего Душанбе были расположены большие селения или, возможно, небольшие города – Сешанбеи Тотор (Татарский вторник), Душанбе Карамиршикор и Халгату, где похоронен Мавлоно Якуби Чархи. В середине XVI в.

¹ Давидович Е.А. Древний ли город Душанбе? // Коммунист Таджикистана. – 1969. – 9 июля.

² Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. // Сочинения, – Т. III. – М., 1963. – С. 159.

³ Мухтаров А. Хисор. Очерки таърихи / Охири асри XV – аввали асри XX. Душанбе, 1995. – С.32; Там же. – С.56-62.; Там же – С.65-78.; Там же. – С.78-79.; Там же – С.98-99.

Душанбе был известен и под названием Чоршанбе¹ (в буквальном переводе – Среда). Таким образом, в сравнительно коротком промежутке исторического периода XVI – XVII вв. Душанбе именовался поразному, то есть собственно Душанбе (Понедельник), а также Сешанбе (Вторник) и Чоршанбе (Среда). Видимо, есть здесь над чем поразмыслить.

Следующим важным письменным сообщением о Душанбе считается составленный в декабре 1676 года ярлык балхского хана Субхонкула Бахадура на имя московского царя Федора Алексеевича, направленный в Россию через своего представителя Алимуроода (Элчи). В этом документе правитель, указывая на обширность размеров своего ханства, хотя и говорит, что такие владения, как Каратегин, Гиссар, Душанбе, Сешанбе, Дехнав, Байсун, Чарджуй, Келиф, Керки, не входят в состав его владения, тем не менее, они находятся в полном его подчинении.² Таким образом, Душанбе и Сешанбе названы как отдельные владения, хотя вполне возможно, что это разные наименования одного и того же места.

В этом документе явно заметно желание Субхонкула продемонстрировать русскому царю свою самостоятельность и державную мощь, что в реальности могло и не соответствовать тому.

Третьим по счету письменным упоминанием является сочинение Мирмухаммеда Амини Бухори «Убайдулла-наме». Описывая положение Бухарского ханства, переживавшего во второй половине XVI – начале XVIII вв. феодальную раздробленность, автор говорит о проявляющемся стремлении бухарских ханов к усилению центральной власти, расширению своей территории за счет самостоятельных и полусамостоятельных владений. В этом труде имеется описание похода бухарских феодалов против Гиссарского владения в 1703 г., которому было оказано организованное сопротивление местного населения. Здесь говорится о сильно укрепленной крепости Душанбе. Причем сам город назван как Душанбеи Тотор (т.е. Татарский Душанбе).³

Почему же Душанбе имел такое название? Возможно под термином «Татарский» подразумевались представители тюркских эт-

¹ Гоибов Г., Таърихи Хисори Шодмон, Чағониён ва Душанбе. – Душанбе. – 1999. – С. 165.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып.3, ч.1 // Труды Историко-археологического института и Института востоковедения АН СССР. В.3.– Л., 1932. – С.230.

³ Мирмухаммед Амин-и Бухары. Убайдулла-наме /перевод с тадж. С примеч. Д.А. Семенова. – Ташкент, 1957. – С.67.

ических групп, которые тогда проживали в так называемом пространстве Малая Бухара, или Восточный Туркестан. Местные торговцы отсюда везли товары в другие крупные центры региона.

Впрочем, можно дать и другое толкование. На западе и в России весь обширный регион к востоку от Бухары также называли Страной Татарией. Против такого названия впервые выдвинул возражение Е.К. Мейендорф, член российского посольства, направленного под руководством А.Ф.Негри в Бухару в 1820-1821 гг. Poleмизируя с учеными, которые придерживались мнения называть этот обширный регион «Татарией»,¹ Е.К.Мейендорф предложил заменить название «Татария» на более правильное с географической точки зрения – «Средняя Азия». Именно он ввел в научный обиход такие термины, как «Средняя Азия» и «Китайский Туркестан».²

Можно предположить, что автор «Убайдулла-наме», прослышав о Душанбе, находившемся якобы в пределах или поблизости к Татарии, и назвал Душанбе «Татарским». Для нас важно то, что Душанбе с сильной своей крепостью стал серьезной преградой против набегов бухарских феодалов на владения, расположенные к югу и востоку от него.

Другим важным источником, содержащим сведения о Душанбе, является сочинение Мирмухаммадвафои Карминаги «Тухфату-л-хони» («Ханский подарок»). Душанбе со своей хорошо укрепленной крепостью занимал важную в стратегическом отношении местность и был как бы «яблоком раздора» между узбекскими военачальниками принадлежащими к разным родам, в частности, между Утканбием и его внуком Саримсокием, представителями стойбища из рода Марки, и представителем одной из ветвей племени Юз (Улуси Шоди) Мухаммадрахимбием. В эту междоусобицу были вовлечены и местные таджики.

После того как, не выдержав постоянных нападений и притеснений, официальный представитель Бухары, один из видных военачальников этого ханства Мухаммадрахимбий вынужден был в 1703 году покинуть, спасаясь бегством, Душанбинскую крепость, город занял Утканбий. Сам же факт избрания наместником Бухары Мухаммадрахимбием Душанбе местом своего пребывания наводит на мысль о том, что возможно в то время здесь располагалась летняя резиденция правителей Гиссара. Но из-за постоянной угрозы

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. – С.59-60.

² См. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе, 2000. – С. 159-160.

агрессии на Душанбе правители Гиссара вынуждены были на лето уезжать в более спокойный и удобный Каратаг.

После Утканбия крепость Душанбе стала местом пребывания его внука Саримсокбия. Последний для укрепления обороноспособности города и крепости создал сильный отряд. Между тем стремление Мухаммадрахимбия овладеть крепостью сохранилось. Он сумел даже привлечь на свою сторону отряд, охраняющий крепость. Все это привело к тому, что представители племени Марки были вытеснены из Душанбе. Но и Мухаммадрахимбию не удалось его удержать Душанбе.

После присоединения Гиссарской долины к Бухарскому ханству в 1757-1758 гг., согласно сведениям, приведенным Мухаммадвафою Карминаги, основатель мангытской династии Мухаммадрахимхон (1753 – 1758 гг.), взявший всю полноту власти в ханстве в свои руки, назначил своего сына Саримсака Галчабека предводителем племени Марки (Эл). Душанбе в качестве касаб (небольшого города, провинциального центра) переходит в ведение Галчабека.¹ Судя по тому, что город (или крепость) Душанбе постоянно находился в центре политических интриг крупных феодалов и военачальников из представителей правящих династий и считался не только важным в стратегическом плане местом или пунктом, главным для них была его экономическая значимость. Упоминание Душанбе, как о касаб, означало, что к тому времени его значение уже переросло в город-столицу средней административной единицы Бухарского ханства. Поэтому можно считать, что со второй половины XVIII века, вплоть до середины XIX века, Душанбе занимал важное (а может и ведущее) место среди владений Восточной Бухары в торговом отношении.

Гиссарским правителям в условиях феодальной раздробленности трудно было надолго сохранять независимость своей территории. Судя по сообщению, опубликованному в «Азиатском вестнике» за 1926 год, эмиру Хайдару (1800-1826 гг.), прежде чем занять престол, пришлось нести борьбу «против прежнего гиссарского владетеля», в результате чего «убив одного, возвел на его место Сайида-Аталык бея (главного претендента – Х.П.), на дочери коего женился».² Так как Душанбе являлся административным центром,

¹ См. Мухаммадвафою Карминаги. Тухфату-л-хони. Рукопись Института письменного наследия АН РТ – № 273. Лл.194а – 1946, 248а 248б; См. также: Гоибов Г. Таърихи Хисори Шодмон, Чағониён, Душанбе.– С.166-167.

² О нынешнем состоянии некоторых городов и областей Средней Азии. // Азиатский вестник. – 1926, – февраль, – С. 176.

находившимся в подчинении гиссарского правителя после принятия бухарского титула аталыка Сайидом-бий парваначи и тем самым признания зависимости Гиссара от Бухарского эмирата, это могло означать, что он был в зависимом положении. Но судя по тому, что Сайид-аталык, как предводитель гиссарских юзов (узбекского племени), активно участвовал в походах эмира для усмирения хивинцев,¹ а также в подавлении восстания китай – кипчаков в Мианкале, зависимость Гиссара была лишь номинальной.² Это подчеркнуто и тем же Е.К.Мейендорфом. Он отмечал, что гиссарский хан является союзником бухарского хана.³

Гиссарское владение, несмотря на внутренние раздоры, сохраняло свою целостность и централизованность благодаря авторитету Сайида-аталыка и его тесному сотрудничеству с Бухарой. После него правителем Гиссара стал его сын Суфибий-диванбеги, также, видимо, не без помощи эмира Насруллы (1826-1860 гг.), сын которого Хайдар состоял в браке с дочерью Сайида-аталыка.⁴

Почти полувековое правление Сайида-аталыка и его сына Суфибийя является периодом некоторого стабильного и самостоятельного развития Гиссара. Родственные отношения этих правителей с эмирами и послужили основанием в последующем для исследователей считать Гиссар вполне самостоятельным владением.⁵ Относительная стабильность Гиссарского владения в этот период положительно сказывалась на экономическом развитии Душанбе и превращении его в крупный торговый центр.

Однако в последующие годы правления Суфибийя Гиссар начал делиться на несколько мелких владений, хотя еще продолжавших находиться в его подчинении. Это было вызвано ослаблением покровительства эмира Насруллы в связи с усиливающимися разногласиями с Хивинским и Кокандским ханствами, приводившими к частым вооруженным столкновениям. В результате, хотя в конце 30-х и в 40-х годах XIX в. Гиссар не зависел ни от Бухары, ни от других крупных ханств, он оказался расчлененным на четыре самостоятельные владения под властью сыновей Суфибийя. Не смог

¹ См. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. М. – Л., 1937. – С. 66-67.

² Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства в конце XIX – начале XX веков. Сталинабад, 1952. – С.26.

³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С.77.

⁴ Мухторов А. Хисор. – С. 120-121.

⁵ См. Мухторов А. История Ура-Тюбе / конец XV-начало XX вв. В. доп. изд. – Душанбе, 1999. С.82-107.

существенно изменить положение и последний самостоятельный гиссарский правитель Абдулкаримхан, правивший с середины 40-х годов до конца 1867 г.¹

Лишение покровительства Бухары, внутренняя политическая нестабильность в 40-50-е годы XIX в. привели к активизации соседних владений, начавших совершать нападения на Гиссар. В этой ситуации Душанбе со своей стратегически выгодной и мощной крепостью и экономически заметным потенциалом не мог ни оказаться в центре интересов завоевательных, действий соседей.

Правитель Кальджуана Каттахан из племени Катаган предпринял в 1841 году поход с целью завоевания Гиссара. Вначале все складывалось удачно, но грабежи местного населения вызвали его сопротивление. Подоспевшее войско Абулкаримхана нанесло поражение Каттахану, который был взят в плен. Узнав об этом, сын Каттахана Мизробшо в спешном порядке послал письмо гиссарскому правителю, угрожая, что в случае предания отца смертной казни он подвергнет разорению владения Гиссара. По настоянию рамитских аксакалов (старшин) Каттахан все же был казнен.² Это послужило началом совместных военных действий бальджуанского правителя (хокима) Мизробшо и дарвазского ша (шаха) Исмаила, который сумел распространить свою власть на Шугнан и Каратегин.³

Очевидно, что главным действующим лицом в этом завоевательном походе был Исмаилшо. Ему удалось без особого труда занять Файзабад и стремительно продвинуться в сторону Душанбе.

¹ Насчет начала правления Абдукаримхана имеются разногласия. Так, исследователь Ш. Юсупов склонен определить годы его правления 1840 – 1869. Но академик А. Мухторов, ссылаясь на сведения, имеющиеся в «Мунтахаб-ат-таворих» / «Извлечение из летописей»/ Мухаммада Хакимхона, где отмечено участие Суфибия со своим войском в занятии Коканда бухарским эмиром в 1842 г., берет под сомнение эту дату. (См. и ср. Мухторов А. Хисор – С. 121; Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе. – Душанбе, 1988. – С. 13). Учитывая период правления сыновей Суфибия, следует начало правления Абдукаримхона определить серединой сороковых годов и концом 1867 г. См. также: Хотамов Н. Таърихи халки тоҷик. / Аз солҳои 60-уми асри XIV то соли 1924/. – Душанбе, 2001. – С.24-25.

² Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе. – С. 14.

³ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. /Исторический вестник. – Т.98, Спб.1894. – С.717; См. также Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина/ Сб. географ. – топограф, и статист, материалов по Азии. СПб., 1888, Вып.33, с.25-26.

Главный удар Исмаилшо был направлен именно против Душанбе. Не пытаясь организовать оборону города, Абулкаримхан покинул столицу своего владения. После непродолжительного штурма Душанбе был занят войском Исмаилшо, разграблен и разрушен. Итем Исмаилшо разграбил Гиссар, а пленников вместе с награбленным имуществом, главным образом скотом, отправил в Куляб, который решил сделать своей базой.¹

Основываясь на сообщении старожилы Душанбе Нура Хамраева, Ш Юсупов утверждает, что бальджуанский правитель Мизробшо также активно участвовал в боевых действиях. Он отобрал двести добровольцев для налета на Рамит. После разорения Рамита были разграблены и другие населенные пункты – Шомансур, Сари-Асия, а также Душанбе, превращенный в сплошные развалины.

После смерти Мизробшо (1860 г.) правителем Бальджуана и Куляба стал его младший брат Сарабек (Сарахан), впоследствии намеревавшийся взять на себя роль лидерства среди своих соседних правителей. Чувствуя, что лидирующее положение Исмаилшо и его отношение к Бальджуану и Кулябу, как к зависимым от него владениям, не устраивает Сарабек, Абулкаримхан предложил ему заключить союз против Исмаилшо. Сарабек согласился, и начались совместные действия против дарвазского шаха.

Объединенными силами они нанесли поражение войскам Исмаилшо в Оби – Гарме.² Сам Исмаилшо бежал в Тавильдару. Союзники, осадив Тавильдаринскую крепость, взяли ее и пленили Исмаилшо. Вместе с семьей он был изгнан в Афганистан. После двухлетних скитаний умер в Бадахшане.³

Благодаря усилиям жителей, Душанбе был восстановлен. Но городу пришлось пережить еще одну трагедию – насильственный захват при окончательном присоединении Гиссара к Бухарскому эмирату при содействии Туркестанского генерал-губернаторства, получившего большие полномочия после его создания (11 июля 1867 г.). С превращением Бухарского эмирата в послушного вассала России создавались благоприятные условия для присоединения Восточной Бухары к эмирату.

Военные действия эмира Музаффара против российских войск в ходе завоевания ими края в 1866 году обернулись для него по-

¹ Кисляков Н.А. Ишан-феодал Восточной Бухары. Труды Таджикской базы АН СССР. – т. IX. История-язык-литература., М. – Л. 1940. – С. 6.

² Хабибов А. Мароси адабии шоирони Хисор. Душанбе, J 974. – С. 117; см., также Мухторов А. Хисор. – С. 122-123.

³ Кисляков Н.А. Ишан-феодал Восточной Бухары. – С. 6.

ражением. Потеряв богатые области – Ходжент, Ура-Тюбе, Нам Джиззак, – он стремился присоединить себе владения Восточной Бухары.

Войска эмира одна за другой овладели крепостями Регара, Гиссара, Каратага, Файзабада и Душанбе.¹ Но военные действия эмира против русских закончились для него плачевно. Потерпев поражение при Чупонате и Зирабулаке, он потерял Самарканд и был вынужден подписать в 1868 году невыгодный для себя договор с Россией.² Однако он пользовался поддержкой Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана.

В 1870 г., после того, как русские войска нанесли поражение силам, выступающим против эмира и вернули ему Китаб и Шахрисабз, тот захватил Ширабад, Денау и приблизился к Гиссару. Жители долины в течение 15 дней оказывали ожесточенное сопротивление, но силы были слишком неравны. После поражения гиссарцев по приказу эмира пять тысяч человек были казнены.³ С насаждением власти эмира в 1877 г. и завоеванием Дарваза (1878 г.) завершилось присоединение владения Восточной Бухары к Бухарскому эмирату. Теперь вместо бывших правителей во вновь образованных владениях вся полнота власти перешла в руки представителей эмира – беков.

Хотя в целом роль Душанбе во всех этих событиях еще недостаточно исследована, в связи с крайней скудостью источников, тем не менее, участие его во всех упоминаемых событиях очевидно.

*Мероси ниёгон (Наследие предков)
– 2004. – №7. – С. 8-11*

¹ Об этих событиях более подробно см. Айни С. Куллиет. т. 10. – С. 12-14; Гафуров Б.Г. Точикон. Охирхон асри миёна ва дарваи нав. Китоби Душанбе, 1998. – С. 175.; Мухторов А. Хисор. С. 124-126; Хотимов И. Таърихи халки тоҷик. – С. 24-25.

² См. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960. – С. 176.

³ Стремоухов Н. Поездка в Бухару. Русский вестник, 1875, № 6. – С. 685.

БУХАРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Говоря о состоянии Бухарского эмирата в годы I мировой войны, следует выделить следующие аспекты данной проблемы:

- 1) общее состояние эмирата;
- 2) степень зависимости Бухары от России;
- 3) участие втягивания Бухары в орбиту первой мировой войны;
- 4) усиление эксплуатации трудового народа Бухарского эмирата в годы войны;
- 5) антиимпериалистическое настроение в Бухаре.

Бухара в начале первой мировой войны, если не считать те периоды, которые происходили в социально-экономической жизни эмирата в связи с присоединением Средней Азии к России и прекращением ее вассальной зависимости от царского правительства, по-прежнему оставалась типичным феодальным государством. Господство феодальных форм и родоплеменных отношений в сельском хозяйстве, как основы всей экономической жизни страны, поддерживало развитие производительных сил. Феодальная власть эмирата, стремясь законсервировать все остальные формы хозяйства и общественного устройства, всячески препятствовала прогрессивным преобразованиям и социально-экономическому росту страны.

В административном отношении эмират делился на – «28 бекств и 9 туманов». Главой государства являлся – «Эмир», обладавший неограниченной властью над своими подданными, Вторым лицом эмира лицом в государстве считался – «кушбеги», наделенный функцией премьер-министра. Следующим в этой феодальной иерархии шел – «диванбеги». Духовную иерархию возглавлял – «шарифалом», в официальных документах именовавшейся – «шарифханом», т.е. защитником правосудия. Он, как правило, занимался разбором особо тяжких преступлений и важных государственных дел, выходящих за рамки компетенции местных казиев. При нем находился – «диван муфтиев» (юрисконсульство) состоявший из – «ах-лама» (старшего муфтия) и 12 муфтиев. В их задачу входило при осложнении в разборе дел дать юридическое заключение, соответствующее Корану, хадисам, т.е. шариату, затем шли «кади» – «кади» (градоначальника), – «миршаб» (полицейский и начальник ночной стражи), – «мироб» (управляющего оружием), – во главе войска стоял – «лашкарбоши». Другим высшим в войсках должностями считался – «тупчибоши» (начальник

дворцовой стражи). Каждый из этих должностных лиц имел свой аппарат, состоящий из многочисленного штата чиновников.¹

Во главе каждого бекства (**бекигари**) стоял — «бек», который назначался лично эмиром и являлся почти бесконтрольным и самостоятельным правителем на отведенной ему территории (бекство). Бекства делились на амлякдарства (**амлокдори**) во главе с амлякдарами (**амлокдор**). Амлякдарства в свою очередь делились на более мелкие территориально-административные единицы, состоящие из нескольких селений (кишлаков), во главе которых стояли аксакалы (старейшины). Беки имели многочисленный штат должностей: диванбеги (закотчи), который занимался сбором налогов и податей, мирзои мунши (личный секретарь), миршаб, мираб (мироб), амин (староста), закотчи (сборщик закота), доргабоши (ответственный за сбор сведений, касающихся сборов податей и их отправки в Бухару), пайгирчи (сборщик закота с торговли). Кроме того, в системе местного управления важное место занимало духовенство, которое ведало судебно-политическими делами. К ним относились казии, муфтии и раисы.²

По имеющимся сведениям, в Бухарском эмирате к этому времени проживало около 3 млн. человек, из которых таджики составляли 31,1%.³ В эмирате жили и русские подданные, общее число которых (без учета военнотружущих) до Октябрьской революции достигало 50 тысяч человек.⁴

Социальный состав населения соответствовал тому социально-политическому строю. Крестьянство составляло основную массу

¹ О государственном управлении (административно-духовенственном и военном аппарате) более подробно см.: Семенов А.А. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. — Т. XXV. Вып. II. — Сталинабад, 1954; Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX начале XX вв. — Душанбе-Алма-Ата, 1967. — С.31-46; Хотамов Н. Свержение эмирского режима в Бухаре. — Душанбе, 1997. — С.25-31.

² Более подробно о местном административном управлении см.: Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре. — С.46-67; Хотамов Н. Свержение эмирского режима в Бухаре. — С.26-28.

³ См.: Истори Узбекиской ССР. — Т.1. — Кн.2. Ташкент, 1966. — С.101; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1967. — С.635.

⁴ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1967. — С.640; см. также: История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. — М., 1971. — С.13.

населения. Городские жители состояли из ремесленников, купцов и представителей служащего сословия. Особую социальную группу составляло духовенство (уламо), учащиеся богословных школ – медресе и многочисленные представители дервишских корпораций во главе с пирами, шейхами и ишанами.

Огромная армия государственных чиновников и духовенства не получала от казны жалования, в условиях, так называемая «система кормления» лежала тяжелым бременем на плечах трудящихся. В Бухарском эмирате более 85% обрабатываемых земель принадлежала феодалам, духовенству, эмирским чиновникам и баям.

Отсутствие налогового законодательства способствовало тому, что в каждом бекстве в зависимости от «изворотливости» беков определялись и утверждались незаконные налоги. По данным исследователей, число взимаемых налогов и поборов в бекствах колебалось от 40 до 59.¹

Общее количество сбора не поддавалось учету, потому что беки и их чиновники взимали налоги во много раз больше, чем-то количества, стоимость которого должна была поступать в казну эмира. Не менее сложным было и точное определение общего дохода от поступивших налогов из-за отсутствия статистических отчетов.

Русский военный чиновник Д.Н.Логофет, основываясь на своих личных наблюдениях и сопоставлениях фактов, утверждал, что сумма, взимаемая эмиром с населения, достигает 18 млн. рублей.² По приблизительным подсчетам знатока бухарской действительности С.Айни, годовой доход эмира (то есть та сумма, которая поступала в казну) в 1913 году составляла 30 млн. руб.³ Вся сумма фактически считалась собственностью эмира, который на нужды образования, медицины и культуры не тратил ни копейки (если не считать незначительной суммы, которую изредка выделял на борьбу против саранчи и эпидемических заболеваний). Огромные деньги бесконтрольной расходовались на содержание гарема и личные прихоти эмира.

После присоединения Средней Азии к России Бухарский эмират и Хивинское ханство (территории, которых были существенно урезаны и включены и состав Туркестанского генерал-губернаторства) стали её вассалами. В этом плане есть четкое определение

¹ См.: Пирумшоев Х. История изучения восстания Восе. – Душанбе, 1998. – С.30-31.

² Логофет Д.Н. Страна бесправия. – СПб., 1909. – С.54; Он же. Бухарские ханство под русским протекторатом. – Т.II. – СПб., 1911. – С.67.

³ Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – Душанбе, 1887. – С.19.

В.И.Ленина: «У России, — писал он, — есть Хива и Бухара — это тоже нечто вроде колоний».¹

Оформляя свои отношения к Бухарскому эмирату договорами 1868 и 1873 гг., а также соглашениями и другими дипломатическими актами, Россия практически и преднамеренно сводила «самостоятельность» Бухары до уровня сохранения отсталой средневековой феодально-патриархальной формы внутреннего управления (с сохранением армии и безраздельной власти эмира над подданными), полностью подчинив себе внешнеполитические функции ее государственной службы, о чем свидетельствует насаждение Россией своих колониальных порядков.

В 1886 году Указом царя в Бухаре было учреждено представительство России в эмирате — Российское политическое агентство во главе с политическим агентом. Оно началось министром иностранных дел и подчинялось МИД-у России, а с 1910 г. — подчинялось Туркестанскому генерал-губернаторству, а через него — военному министру России.

Россия принимала ряд мер по урегулированию денежной проблемы в Бухаре, разумеется, исходя, прежде всего из своей выгоды. В 1893 г. вышло распоряжение Министерства финансов России относительно прекращения чеканки серебряной монеты (теньга) бухарским правительством. Этот факт был еще одним ударом по самостоятельности эмира.

В 1894 годы была утверждена русско-бухарская таможенная линия, на основе чего Бухара была включена в русскую таможенную черту. Она вошла в сферу действия русской внутренней торговли.

Разумеется, все это, с одной стороны, способствовало развитию товарно-денежных отношений, расширению рынка, развитию промышленности (в основном по первичной обработке сырья для промышленности метрополии), учреждению отделения Государственного банка и ряда частных коммерческих банков, строительству железной дороги, ускорению процесса социального расслоения, то с другой стороны, наблюдается процесс полного политического и экономического подчинения Бухарского эмирата колониальным интересам России.

Свою полную подчиненность России Бухара продемонстрировала в годы первой мировой войны введением нового налога на военные нужды России, в результате была собрана сумма для нужд фронта. Отвечая на этот верноподданнический жест бухарского

¹ Ленин В.И. I Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. — Т.32. — С.274.

эмира, царь Николай II специальным рескриптом от 30 декабря 1915 г. пожаловал эмиру Алимхану чин генерал-лейтенанта и назначил его своим генерал-адъютантом. Воодушевленный этим «вниманием» в сентябре 1916 года эмир, помимо суммы, собранной согласно упомянутому налогу, пожертвовал еще 1 млн. руб. и за это получил от царя орден Александра Невского.

Нужно отметить, что в связи с войной у населения эмирата стали изымать золотые и серебряные деньги, участились случаи посылки в Россию всевозможных товаров и ценных вещей в виде «пожертвования в пользу войны».¹

Война нанесла большой удар и урон по торговле Бухары. Сократился ввоз товара из России в эмират. Если в 1911 г. импорт из России в Бухару составлял 4911 пудов, то к 1915 г. он понизился до 2747; в то же время вывоз главнейших видов сырья из Бухары в Россию увеличился примерно на 50%.²

Война все больше и больше усиливала политическое вмешательство властей в Бухаре. В этом плане особо активизировалась деятельность Политангста. Участились политические гонения в эмирате. Царских чиновников беспокоило налаживание контакта между младобухарцами и националистически настроенными представителями правительства Турции, придерживающихся идей пантюркизма. Это их волновало, прежде всего, потому, что Турция в первой мировой войне выступала в качестве союзника Германии. В этой связи с рекомендацией русских властей и непосредственным вмешательством Российского Политангста в Бухаре эмирские чиновники все больше усиливали репрессивные меры по отношению к подозреваемым лицам в участии в младобухарском движении.³

С.Айни наблюдая за усилением преследования либерально настроенных лиц Бухары не только со стороны эмирских агентов, но и царской тайной охраны, пишет: «В действиях административных представителей России в Бухаре можно наблюдать две цели:

- 1) любым путем исходить из потребности своих личных интересов;
- 2) правдами и неправдами постараться продемонстрировать мощь царской России и абсолютную зависимость Бухары от воли самодержавия. При всем этом, вместо того чтобы защитить престиж великой державы, роняют ее авторитет перед бухарским народом...

В последнее время возле бухарских ворот на привокзальной площади открыли русскую полицейскую контору. Ее сотрудники наделены большими полномочиями и имеют полную свободу дей-

¹ История таджикского народа. – Т. II. – Кн. 2. – М., 1964. – С. 243.

² Там же.

³ Айни С. Коротко о моей жизни. – Душанбе, 1958. – С. 76-77.

ствия. Бухарские административные лица и простонародье вынуждены будут находиться в их полном подчинении. Особенно, когда во главе этой конторы назначен некий Вильман, вседозволенность достигла высшей степени. Он под видом поиска оружия может обыскать любой дом. Вместе со своими агентами (из числа местных провокаторов – Х.П.) может бесчинствовать, грабить и насильствовать как ему заблагорассудится. Не проходило и дня, чтобы они не обыскивали несколько домов и не арестовывали нескольких человек. Имеющийся возле вокзала огромный дом, находится под его покровительством. Это дает ему большие доходы».¹

Кроме Бухары, новые полицейские участки были открыты в Карши и Сарае (Сарой). Все расходы на них были возложены на правительство эмира. Только в 1917 г. на их содержание было внесено эмиром 24 тыс. рублей.²

То же самое С.Айни пишет об открытой провокационной деятельности заместителя политического агента в Бухаре Шульги. Вмешиваясь в назначение высоких должностей в эмирате, он наживал себе большие доходы.³

Экономическое положение Бухарского эмирата в годы войны резко ухудшилось. Это было связано, прежде всего, с сокращением ввоза товаров из России, с одной стороны, и возрастанием вывоза сырья в Россию с другой. Так экспорт фруктов увеличился на 68%, сырья почти в пять раз. Слабый приток русских товаров, особенно зерновых продуктов, в условиях полного подчинения рынка привел к увеличению посева хлебных культур и сохранению хлопковых площадей. Но этого было явно недостаточно, чтобы обеспечить население хлебом. Война оказала пагубное влияние и на бухарскую транзитную торговлю. Она значительно сократилась. Например, если в 1911 г. из Китая на бухарский рынок было привезено 298 тыс. пудов чая, то в 1915 г. – только 108 тыс. пудов.⁴

Особо жестокая эксплуатация местного населения наблюдалась в ходе строительства железных дорог. В строительстве дороги большую роль сыграли бекства Восточной Бухары, которые в принудительном порядке, начиная от Байсуна, кончая Дарвазом, участвовали в строительстве дороги.

¹ Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – Душанбе. 1887. – С.124-127.

² Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская Республика. – Ташкент, 1969. – С.100.

³ Подробно о деятельности Шульги и в целом о деятельности Политагенства см.: Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С.124-136.

⁴ История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. – С.41-42.

Строительство дороги протяженностью в 489 км от Кагана до Термеза, а также линии от Карши до Гузара (48 км) была завершена к февралю 1916 г. Она способствовала ликвидации изолированности многих районов Бухарского эмирата, как от своих соседей, так и от Туркестана, что в целом имело большое стратегическое и экономическое значение для метрополии. Немаловажное значение оно, разумеется, имело и для перспективы развития Бухарского эмирата.

С другой стороны, репрессивные меры и жестокая эксплуатация при мизерной заработной плате, основная часть которой оседала в карманах бухарских чиновников, в ходе строительства не могли не вызывать недовольство не только рабочих, но и всего трудового населения эмирата.

Материальное положение народных масс в период войны стало крайне тяжелым. Население стало покидать города и переселяться в сельские районы.

Вспыхнувшее всеобщее восстание в 1916 г. не могли обойти стороной Бухарский эмират. Несмотря на то, что эмир, опасаясь распространения мощного пламени национально-освободительной борьбы, принимал жестокие репрессивные меры в Бухаре, тем не менее, оно находило оживленный отклик во всем эмирате, включая и Восточную Бухару. Свидетельством тому является восстание Каландаршо в Каратегине и наблюдались волнения и недовольство населения почти во всех бекствах Восточной Бухары.

Положение почти не менялось и после победы Февральской революции в России. Приветствуя после значительного колебания приход к власти Временного правительства, эмир в ответ на заявление министра иностранных дел Временного правительства Мелюкова от 10 марта, где отмечено о незыблемости «Союза» России с Бухарой, эмир писал: «Бухара по-прежнему находится под высоким покровительством России. Бухарское правительство торжественно подтверждает нерушимость заключенного с Россией договора» (имеется в виду договор 1868 г). И только после победы Октябрьской революции и выхода России из войны Бухарский эмират освободился от тех колониального характера обязанностей, который официально имел с царской Россией.

Россия и мир накануне, в ходе и после I мировой войны
— Душанбе: РТСУ, 2004. — С. 52-58.

ИСТАРАВШАН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Городов великое множество на свете. И у каждого своя судьба. Некоторых она удостаивает лишь блеснуть на небосклоне истории, чтобы исчезнуть навсегда, оставаясь лишь в памяти потомков. Другим суждено, словно птице Феникс, возрождаться из пепла, порою с новым названием, но с былой гордостью, олицетворяя драматический, вместе с тем славный путь истории своего народа.

При всем том разнообразии, что отличает города друг от друга, есть у них нечто общее, что их сближает. В любом случае каждый из них отражает историю того народа или государственного владения, центром которого он является. Не случайно иной раз, кажется, что история народов и есть история его городов, в которых сфокусированы основные, определяющие слагаемые политической, экономической и культурной жизнедеятельности населения на том или ином этапе его развития. И это находит яркое подтверждение в многовековой истории таджикского народа, заложившего, по сути дела, основу градостроения и городской культуры в среднеазиатском регионе.

Среди городов, принесших героическую славу таджикского народа на протяжении всего древнего, средневекового и нового периодов его истории, особое место занимает город Истаравшан (Уструшана).¹ Уже 25 веков он является свидетелем и непосредственным участником событий, которые пришлось испытать за эти столетия нашему народу. Он был основан согласно сведениям древних авторов, мнение которых поддерживается академиком А.Мухтаровым, Киром III (Великим) как форпост, защищавший северные границы его государства от нашествия кочевых племен. Этим, как считают многие специалисты, и объясняется первоначальное название города в древности. Но есть и отличное предположение, в частности, академика Н.Н.Негматова (хотя им и не исключается уже названный вариант), что город, по-видимому, был заложен местными аборигенами из племени куру.²

О величии и оборонительной мощи города свидетельствует тот факт, что он смог оказать сильнейшее сопротивление войскам Александра Македонского и великий полководец, прошедший не-

¹ В исторических текстах встречаются разночтения: Истаравшан, Уструшана, Усрушана. Поэтому мы пользуемся сложившейся исторической терминологией.

² См.: Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. — Сталинабад. АН Тадж.ССР, 1957; Он же. Курукада / Энциклопедияи советии тоҷик. — Т.3. — Душанбе, 1981. — С.551 — 552 (1941-1942).

мало крупных сражений, именно здесь в ходе боев был серьезно ранен. За это город Курушкада (Кирополь) был разрушен греческими войсками до основания.

Но он был возрожден трудолюбивыми предками. В дальнейшем город не раз подвергался нашествиям и неоднократно подвергался разрушениям. И вновь, и вновь он возрождался на руинах. Сохранившиеся много сведения о Кирополе, Уструшане и Уратюбе в трудах античных авторов (Квинт, Курций Руф, Арриан, Страбон, Птоломей, Юстин Аммиан Марцелин и др.), китайских хрониках эпохи династии Ван, Суй и Тан (IV-X вв.), описаниях арабо-персидских географов и историков (Ал-Истахри, Ибн Хавкал, Ибн-ал-Асир и др.), а также многие средневековых деятелей (Бабур, Мухаммад Солех, Хофиз Таныш Бухори, Насруллохи Балхи, Шарофиддини Самарканди, Мирмухаммад Салим, Ходжакулибеки Балхи, Ходжа Самандари Тирмизи, Мухаммадвафои Мухаммад Зохири Карминаги, Мухаммад Хакимхон, Дилшоди Барно, Оджиз, Муини и др.) свидетельствуют о том исключительно важном значении, которое играл этот город в разные периоды своей истории.

Обстоятельный историографический анализ трудов, посвященных истории этого города позволил бы пролить свет на те моменты, над которыми должны в будущем остановить свое внимание специалисты. Эта задача трудоемка и ответственна и решение ее предстоит в будущем, наша же цель более скромна; в лаконичной форме и ознакомить с процессом накопления информации и материалов по изучению прошлого Истаравшана исследователями советского и постсоветского периодов. Это позволит проследить за динамикой поэтапной исследовательской работы и выявить изученность проблемы ученых внесших свой вклад в исследование истории города.

Началом подлинно научного изучения прошлого Истаравшана (Уратюбе), как впрочем, и всех других важных проблем истории таджикского народа, было положено в годы Советской власти. До этого времени кроме разрозненных упоминаний, эпизодических сведений, почерпнутых из трудов древних и средневековых авторов, попыток со стороны русских востоковедов, главным образом В.В.Бартольда, использовать их при освещении тех или иных событий истории Центральной Азии,¹ не наблюдалось стремление проведения специального или системного анализа.

Лишь с созданием соответствующей основы для проведения исторических исследований (Обществом для изучения Таджикистана и

¹ См.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.Т.1. – М., 1963.; Он же. К истории орошения Туркестана // Соч. Т.3. – М., 1965. – С.97-236 и др.

иранских народностей за его пределами, организованное в Ташкенте в 1925 г. с филиалом в г. Сталинабаде (1931 г.) и Ленинабадской госпединституты с историко-филологическими факультетами и отделами аспирантуры, Таджикский филиал АН СССР (1940 г.), Таджикский национальный университет (1948 г.) и, наконец, Академия наук Таджикской ССР (1951 г.) с Институтом истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша) с активным участием специалистов из центральных союзных вузов и научных учреждений открылись широкие просторы для изучения прошлого таджикского народа. В этой обширной научно-исследовательской программе одним из важнейших направлений явилось изучение древней и средневековой истории таджикского народа и его места в региональной и мировой цивилизации.

Благодаря усилиям таких корифеев исторической науки, как С. Айни, А.А. Семенов, Б.Г. Гафуров, четко определились перспективные контуры исследовательской работы, в которой изучение древней и средневековой Уструшаны явилось одной из заметных проблем отечественной истории.

Серьезный задел в этом отношении был заложен Б. Гафуровым, который в первом выпуске своего труда «Таърихи мухтасари халқи тоҷик» («История таджикского народа в кратком изложении»), изданном в 1947 г., дал описание Кирополя как крупного города, жители которого поднялись на борьбу против греко-македонской полчищ. В этой работе и последующих ее выпусках (М., 1949; 1952; 1955) ученый на основе доступных в тот период времени источников проследил судьбу города вплоть до Октябрьской революции. Историческая судьба Истаравшана серьезное освещение получила в фундаментальных трудах Б. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (М., 1972) и «Александр Македонский и Восток» (М., 1980) (в соавторстве с Д.И. Цибукидисом).

Разумеется, академик Б. Гафуров не ставил целью специально исследовать историю Истаравшана в целом. Тем не менее, то, что им отмечено, явилось своего рода наставлением специалистам для серьезного и глубокого изучения проблемы.

Случилось так, что два выдающихся ученых А.А. Семенов и А.Ю. Якубовский – еще в начале 50-х годов дали своим ученикам аспирантам рекомендации взяться за исследование истории Истаравшана (Уструшаны, Уратюбе). Причем, если А.А. Семенов советовал Ахрору Мухтарову заняться изучением Уратюбинского владения конца XIX – начала XX вв., то несколько раньше по рекомендации А.Ю. Якубовского в качестве диссертационного исследования аспиранта Нумана Негматова была утверждена тема «Уструшана в VII-X вв.».

Таким образом, они уже полвека заняты работой по изучению истории Истаравишана. Разумеется, за это время появлялись публикации других исследователей, занимавшихся сводными и специальными работами, касающимися того или иного периода истории Истаравишанского народа, в которых освещались фрагменты истории Истаравишана. Но они не смогли составлять серьезную конкуренцию и каким-то коренным образом отразиться на поступательном ходе исследований А. Мухтарова и Н. Негматова. Поэтому центральным определяющим звеном нашей историографической статьи и являются по праву труды этих ученых, с которыми они вошли в большую науку, снискали уважение и признание коллег.

Абондиди Нуман Негматов, только что вышедший на стезю науки, сразу же обратился к событиям Истаравишана (Уструшаны) периода от завоевания арабами до распада Государства Саманидов, от точки схождения и развития таджикской народности и доминирования державной мощи, общепризнанной в мировом масштабе. Авторитетным ученом, написанная на основании источников античных авторов, арабо-персидских рукописей, а также материалов, добытых в ходе археологических раскопок (Фархадской археологической экспедиции в 1943-1944 гг. и Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции в 1949-1950 гг.), была посвящена событиям определенного отрезка истории. В отзыве А.Ю. Бабуровского, представленного на защиту кандидатской диссертации (1953 г.), лаконично, но емко дана оценка этого исследования: «Работа Н. Негматова «Уструшана в VII-X вв.» является монографией, посвященной одной из малоизученных древних среднеазиатских культурных областей. Избранная Н. Негматовым тема представляет большой интерес для истории народов Средней Азии в связи той значительной роли, которую сыграла Уструшана в рассматриваемый автором исторический период. Значение работы особенно повышается в связи с тем, что данная тема является совершенно неразработанной». Эта оценка подтверждала правильность выбора молодым ученым исследовательского направления.

Последний ход событий, публикации Н. Негматовым ряда серьезных работ¹ выполненных в духе лучших традиций русского и

¹ Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // Труды археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Государственный университет. М.-Л., 1953. — С.231 — 252; Он же. Уструшана в борьбе с арабским владычеством (конец VII первая половина IX вв.) // Изв. АН ТаджССР. Отделение общ. наук. — 1954. — №5. — С. 117-135; Он же. К вопросу об этнической принадлежности населения Уструшаны // Крат. сообщ. Института истории материальной культуры

советского востоковедения, стали свидетельством уверенного научного роста исследователя.

Главным трудом научных изысканий стала монография «Уструшана в древности и раннем средневековье», которая была издана под редакцией Б.А.Литвинского в 1957 г. Этот труд, получивший лестные отзывы специалистов, явился к тому времени первым важным исследованием, давшим сравнительно полное научное освещение древней и раннесредневековой истории Истаравшана. Проведение Н.Негматовым интенсивных археологических работ и позволило на этой основе провести углубленное изучение древней истории Истаравшана. Его публикации в конце 50-х годов не только представляли обстоятельный анализ итогов сезонных полевых работ Ходжентско-Уструшанского археологического отряда, но и освещали вопросы социально-политической и культурной жизни древнего Истаравшана.

Результатом кропотливых исследований Н.Негматова, сложившегося ученого со своим направлением и почерком в науке стали в 60-е годы десятки статей, сообщений и отчетов по результатам проведенных им раскопок, изучения материальных и письменных источников. Но самыми крупными его научными достижениями явились монография «Средневековый Шахристан» (в соавторстве) и докторская диссертация по теме «Ходжент и Уструшана в древности и средневековье».³ Каждая последующая публикация ученого открывала новые, неизведанные страницы истории древнего Истаравшана (Уструшаны).

70-е годы стали плодотворными для ученого не только в смысле новых научных открытий, но и качественного расширения масштабов

АН СССР. – 1956. – Вып. 61. – С. 29 – 38; См. также его краткие отчеты о результатах археологических раскопок, проведенных Ходжентско-Уструшанским отрядом, и ряд популярных очерков на страницах научной и общественной печати.

¹ См.: Археологические раскопки Шахристана // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября – 4 ноября 1956. – Сталинабад. – М.-Л., 1959. – С.205-216; Древняя и раннесредневековая Уструшана // Археологи рассказывают. – Сталинабад, 1959. – С. 114-134; Уструшанский замок в Шахристане (в соавторстве с Г.И. Замаль) // Советская археология. – 1959. – №2. – С.205-217 и ряд опубликованных отчетов.

² Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан (отв. ред. А.М. Мандельштам). – Душанбе, 1966. – С. 198.

³ Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (вторая половина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Дисс... докт.ист. наук (Московский госуниверситет им. М.В.Ломоносова. Кафедра археологии). – М., 1963. – 1023 с.

исследований, которые вполне могут стать темой отдельной историко-географической работы. Объем же данной статьи ограничивает только упоминанием ряда крупных последований по тем или иным вопросам истории Истаравшана. К их числу следует отнести «История Истаравшана»,¹ «Уртакурган и Тирмизактеппа»,² «Тайны Кушанского времени»³ и, разумеется «Государство Саманидов».⁴ В этих работах посвящены многие сферы жизнедеятельного города Истаравшана в древний и раннесредневековый периоды, его причастности к Центральноазиатской цивилизации. Если к тому добавить еще и другие научные статьи, как «О живописи дворца афшинов Уструшаны», «Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная историко-эстетическая традиция». «Открытие Уструшаны», «Материальная культура Кушанского времени в Уструшане и Западной Ферганы», «Живопись Шахристана», «Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны и «Шахнаме» Фирдоуси», «Античные веяния в культуре Уструшаны», «Резное панно дворца афшинов Уструшаны», «Анализ характера и уровень материальной культуры Уструшаны», «Связи торевтики Уструшаны» и множество других популярных статей, опубликованных в периодической печати, других изданиях, то станет понятным тот обширный круг проблем, привлекающий внимание ученого. Н.Негматов показал блестящую способность в области культурологии (по сути он является создателем этой науки) и знатоком истории отечественной архитектуры.

В жизни Н.Негматова, пишет известный этнограф-культуролог М.И.Алишова, связан ряд научных сенсаций всемирного значения: «открытие культуры Уструшаны, локализация Александрии Эсхаты-Таджикистана, Кирополя-Уратюбе, города Мамаценов – Нуртепы, открытие шедевров искусств и архитектуры Бунджиката – столицы Таджикистана... За всеми достижениями историков культуры Таджикистана стоит неутомимый труд и творческая энергия Н.И.Негматова – создателя таджикской школы культурологов».⁵

Одним из признаков причастности Н.Негматова к истории архитектуры достаточно привести мнение солидного специалиста в этой области. «Н.И.Негматов, пишет доктор архитектуры, профессор

1. Нефедов Н.И. Асрори Истаравшан. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 51 с.

2. Нефедов Н.И., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактеппа (отв. ред. А.М. Мандельштам). – Душанбе: Дониш, 1973. – 145 с.

3. Ганов И.А., Нефедов Н.И., Мухторов А. Асрори замони кушан. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 143 с.

4. Нефедов Н.И. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Под редакцией Б.И. Искандарова. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.

5. Алишова Г. Создатель таджикской школы культурологов // Нуман Мухомедович Нефедов. – Душанбе: Мерос, 1998. – 79-80, 88 с.

С.М.Мамаджанова, беззаветно предан истории зодчества Таджикистана, и эта любовь подтверждается его многочисленными историко-архитектурными статьями (большинство по Истаравшану – Х.П.), где очень трудно разграничить, где он выступает как историк-архитектор, или как археолог».¹

В 80-90-е годы, породившие, с одной стороны, необходимость новых концептуальных взглядов на историю, стремление высвободиться от утвердившихся жестких идеологических и методологических рамок, с другой – в связи с пресловутой горбачевской перестройкой и игрой (имитацией) в «подлинную демократию», были созданы условия для субъективного, порой предвзятого вольнодумства в отношении к истории, что в свою очередь привело к хаосу ее «изучения». Так называемые «специалисты», а на самом деле преуспевающие в политическом интриганстве лица, использовали историческую науку в своих корыстных политических и узконационалистических целях, что, естественно, нанесло ей огромный ущерб.

В этих условиях Н.Негматову пришлось приложить немало усилий для защиты основных общепринятых концептуальных принципов, у истоков обоснования которых стояли С.Айни и Б.Гафуров, и вместе с тем продолжать неустанно работать над малоизученными, а то и просто неизученными проблемами отечественной и религиозной истории, в том числе и связанные с Истаравшаном. Накопленный опыт, обилие собранного материала обусловили появление целого ряда научных и научно-популярных книг, брошюр, статей. К ним относятся «Курукада», «Путешествие в Согдиану» (в соавторстве). «К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа – Нуртеппа» (в соавторстве), «Культура Истаравшана», «Мугтепа», «Живопись Шахристана», «Открытия Уструшаны» (в соавторстве), «Проблемы начального этапа урбанизации Уструшаны» (в соавторстве), «Раннесредневековый этап урбанистической культуры Уструшаны», «Бунджикат средневековая столица Уструшаны» (в соавторстве), «Еще раз о храме идолов Бунджиката», «Куркатский узел связи со скотоводческой степью», «О природе возникновения и развития города Уратюбе» и многие работы, появившиеся в республике и за рубежом.

Огромный фактический материал, собранный ученым в результате проведения многолетних археологических раскопок в Уратюбе и других местах Северного Таджикистана, скрупулезный их анализ, заключения и выводы, представленные в более чем сотни больших и малых научных и научно-популярных работах, специ-

¹ Мамаджанова С.М. Историк архитектуры // Нуман Негматович Негматов.–Душанбе, 1998.– 21 с.

ально посвященных истории и культуре Истаравшана, в совокупности с множеством других публикаций (в общей сложности более 600 опубликованных работ) привели к мысли о целесообразности создания фундаментального концептуального аналитического труда, каковым и является «Таджикский феномен. Теория и история» (Душанбе: «Оли Сомон», 1997. – 406 с.).¹

Хотя основой для оригинального концептуально-теоретического размышления ученого послужили обширные в историко-географическом и временно-пространственном плане исследовательские работы, тем не менее, многие его сугубо национальные (генно-этнические, культурные и т.п.) выводы и заключения во многом зиждутся на собранном и проанализированном истаравшанском материале.

В итоге город Истаравшан представлен как олицетворение не только героического прошлого, но и регионально-культурного превосходства наших предков, оставивших свой след в истории цивилизации.

Нельзя объять необъятное в небольшой по объему статье, поэтому обратимся лишь к некоторым выводам труда Н.Негматова представляющим процесс формирования таджикского народа, героизм и стойкость жителей Истаравшана, пронесших свои исторические и культурные традиции через все промена до наших дней. «Формировавшийся народ, таджики Мавераннахра и Хорасана, – пишет Н.Негматов, – характеризуется антропологически следующим образом. В основе населения Мавераннахра, т.е. Северной Бактрии, Согда, Уструшаны, Чача, Ферганы и некоторых сопредельных областей была брахикренная европеоидная раса – так называемый тип памиро-ферганского или среднеазиатского между-речья еще в эпохе бронзы с примесью долихокранного европеоидного типа, проникавшего из-за Амударьи в эпоху бронзы в значительном количестве, а позже – все меньше».²

¹ О значении данной работы см.: Шукуров М. «Таджикский феномен» академика Н.Негматова и его значение. В кн.: Негматов Н. Таджикский феномен: История и теория. – Душанбе, 1997. – С.5-18; Зайченко В.М., Сайфидинов М.С. Таджики: феноменология национального духа // Чунбиш, 1999. – №3, фев. – 5с.; Хайдаров Г. Размышления об истории Отечества // Ленинадская правда. №23 от 13 марта и №25 от 24 марта 1999; Мукимов Р. Животворная нить между прошлым и будущим // Народная газета. – 1999, – №14, 8 апреля; Икромов Б. Шамъи дар нима-шаб фурузон гашта. – Худжанд: Вароруд, 2001. – 40 с.; Пирумшоев Х. «Таджикский феномен» академика Нумона Негматова. – Худжанд: Вароруд, 2001. – 24 с. и др.

² Негматов Н. Таджикский феномен: Теория и история. – 104 с. См. также таблицу по этногенезу таджиков. – С. 110-111.

Автор исследования выделяет упорное сопротивление истаравшанцев арабским захватчикам – миссионерам. По его словам, «Уструшана, благодаря своему свободолюбивому населению и хорошей фортификации своих городов и замков, почти полтора столетия успешно отражала набеги арабских отрядов, и хотя в 822 году была включена в Хорасанское наместничество Аббасидского халифа, однако эта зависимость была номинальной еще долго, до 893 года, когда ее правящая афшинская династия была окончательно ликвидирована, а Уструшана вошла в состав таджикского Государства Саманидов... В Уструшане исламизация шла очень медленно: там ислам получил признание к концу IX в. (в равнинной части) и к концу X-XI вв. (в горной части)». ¹ Все это способствовало тому, что «Уструшана, дольше всего сохранившая «существенные черты местной культуры, представляла науке важнейшие материалы». ² И таких, основанных на археологических источниках, конкретных выводов об особой роли Истаравшана в древней и средневековой истории таджикского народа и всей Средней Азии немало в этом труде. Они содержались и в недавно вышедшем II томе «Истории таджикского народа (из готовящегося к изданию шеститомника), который изобилует материалами по истории древнего и средневекового Истаравшана, накопленными основой его концептуально-аналитических выводов и заключении». ³

Все эти работы достаточно убедительно свидетельствуют о заслуге ученого в комплексном изучении древней и раннесредневековой истории Истаравшана. Изучение же другой части истории этого города – средневековой – связано с трудами академика Ахрора Мухтарова.

Прошло почти полвека с того времени как молодой специалист, только закончивший вуз, но имевший за плечами суровый и славный жизненный опыт участника Великой Отечественной войны, встретился с выдающимся востоковедом А.А.Семеновым, став его учеником. Первым серьезным научным испытанием для будущего видного ученого, а пока аспиранта, явилась его диссертационная работа «Очерки из истории Уратюбинского владения во второй половине XIX в.», которая была успешно защищена в 1956 году. Это первое исследование и определило одно из главных направлений в чрезвычайно обширном круге, научных интересов А.Мухтарова.

Публикация популярных статей в 50-е годы (в период учебы в

¹ Негматов Н. Таджикский феномен: Теория и история. – С.125.

² Там же. – С. 126.

³ См.: История таджикского народа. Т.2. Эпоха формирования таджикского народа. Под редакцией академика Н.Н. Негматова. – Душанбе, 1999. – 791 с.

аспирантуре и после), в которых, так или иначе, проливался свет на отдельные моменты истории Уратюбе,¹ свидетельствовали о серьезном намерении молодого ученого вплотную заняться историей своего родного города и всего обширного владения Истаравшана (Уратюбе). Это прослеживается в опубликованных им научных статьях: «Административное устройство и поземельно-податная система Уратюбинского владения в первой половине XIX в.»,² «Политическая история Уратюбинского владения в первой половине XIX в.»,³ «Город Уратюбе: История и памятники».⁴ Материалы по истории Уратюбе, вошли также в учебник «История таджикского народа» для 8 класса,⁵ выдержавший почти 10 изданий.

60-е годы для А. Мухтарова были годами интенсивного поиска источников и рукописных материалов по истории центральноазиатского региона, в том числе и касающихся Уратюбе (эти акты и другие документы хранятся в архиве Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН РТ). Особую ценность представляют собранные им в 60-е и последующие годы эпиграфические памятники, составляющие бесценную коллекцию академика А. Мухтарова. Параллельно ученый вел кропотливую работу по изучению собранного материала, составляющего источниковую основу его исследований. Помимо многочисленных статей, опубликованных в научных сборниках и периодической печати, им был подготовлен и издан ряд крупных и особо актуальных трудов, в числе которых «Сборник актов XVII-XIX вв.»,⁶ монографии

¹ Организация русских дореволюционных школ Уратюбинского района (на тадж. языке) // Газетаи муаллимон. — 1955, 15 сентября; Из прошлого города Уратюбе: К 90-летию присоединения города к России // Коммунист Таджикистана. — 1956, 14 октября.

² Мухтаров А.М. Административное устройство и поземельноподатная система Уратюбинского владения в первой половине XX в. // Очерки по истории Таджикистана (Сталинабадский госпединститут им. Т.Г. Шевченко). — Сталинабад, 1957. — Т.1. — С.3-25.

³ Мухтаров А.М. Политическая история Уратюбинского владения в первой половине XIX в. // Известия АН Тадж.ССР. Отд. обществ. наук, 1957. — № 5 — С.91-123.

⁴ Мухтаров А.М. Город Уратюбе: История и памятники // Археологи рассказывают. — Сталинабад, 1959. — С.86-98.

⁵ История таджикского народа (учебник для 8 класса). Составители: Б.А.Литвинский, А. Мухтаров, В.А. Козачковский, И.О. Обидов. — Сталинабад: Таджикучпедгиз, 1959. — С.201.

⁶ Материалы по истории Уратюбе // Сборник актов XVII-XIX вв. Под редакцией А.А. Семенова, О.Д. Чехович. Сост., перевод и предисл. А.М. Мухтаров. М.: Издательство восточной литературы», 1963. — С.137.

«Очерки истории Уратюбинского владения»,¹ «Дильшод и ее место в истории общественной мысли»,² явившимися заметными событиями в научной жизни республики. В этих работах, так же, как и в фундаментальном коллективном труде «История таджикского народа (в трех томах и пяти книгах), изданном в Москве (Изд. «Наука», 1963-1965), особенно во второй книге 3 тома редакторами которого были Б.И.Искандаров и А.М.Мухтаров, последним впервые был дан обстоятельный научный анализ политической, социально-экономической и культурной жизни Истаравшана в сложном историческом периоде позднесредневековья.

Немало ценных открытий по истории Уратюбинского владения и его столицы принадлежат ученому в 70-е годы XX столетия. Это, прежде всего докторская диссертация «Эпиграфические памятники XI-XIX вв. из Кухистана как источник по истории народов Средней Азии» (Институт востоковедения СССР – Душанбе, 1971. – 685с.), которая обобщила многолетние научные поиски. В диссертацию вошло немало ценных выводов и заключений автора, основанных на материалах Истаравшана (Уратюбе). Можно назвать и другие работы А.Мухтарова этого периода «Тайны былых времен» (в соавторстве),³ «Гузары города Уратюбе»,⁴ «Эпиграфические памятники Кухистана» XI-XIX вв.)⁵ и т.д.

Последнее двадцатилетие прошлого столетия для ученого, снискавшего широкую известность далеко за пределами центрально-азиатского региона, было особенно удачным. За это время им опубликовано около 300 работ (а всего у него более 500, в том числе книг – более 70) включая монографии и учебники; собрано сотни актовых и других документальных источников; представлено немало выступлений на международных симпозиумах и конференциях. При этом неизменным для ученого оставался повышенный интерес к истории Истаравшана.

Из работ, специально посвященных этой теме, следует назвать:

¹ Мухтаров А.М. Очерк истории Уратюбинского владения в XIX в. (Под ред. Б.И. Искандарова). – Душанбе, 1964. – 184 с.

² Мухтаров А.М. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа XIX – начала XX вв. (Отв. ред. И.С. Брагинский) – Душанбе: Дониш, 1969. – 372 с.

³ Ранов В. А., Негматов Н.Н., Мухтаров А. Асрори замони кухан. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 143 с.

⁴ Мухтаров А.М. Гузары города Уратюбе // Материалы по истории городов. – Душанбе: Дониш, 1976. – С.5-160.

⁵ Мухтаров А.М. Эпиграфические памятники Кухистана (XI-XIX вв.). Отв. ред. Б.И. Искандаров. – Кн.1. – Душанбе: Дониш, 1978. – 306 с.; Кн.2. – Душанбе: Дониш, 1979. – 150 с.

«И у камня есть сердце»,¹ «Каллиграф Мирхусайн Хусайни Истаравшани»,² «Гузары Уратюбе»,³ «История Уратюбе (XVI – начало XX вв.)»,⁴ «Правители Уратюбе»,⁵ «Шиблии Истаравшани»,⁶ «Кирополь, Уструшана, Уратюбе»⁷ и др.

Как настоящий ученый, пламенный патриот и неутомимый пропагандист истории и культуры своего народа в целом и родного края в частности, А.Мухтаров стремится аргументировано и объективно освещать историю Истаравшана. В сотнях статей и почти двух десятках книг, посвященных истории Истаравшана, он с присущей ему скрупулезностью дает широкую панораму во многом трагической истории города, а протяжении всего средневековья, подвергавшегося нашествиям со стороны чужеземных врагов, а также стремлениям соседних ханств, главным образом Бухарского и Кокандского, присоединить это независимое владение к своим уделам, что приводило к колоссальным потерям материальных и трудовых ресурсов, однако не могли сломить свободолюбивый дух уструшанцев.

В трудах А.Мухтарова имеется множество примеров, свидетельствующих о трагических моментах для населения Истаравшана, проявлениях жестокости и насилия по отношению к нему.⁸ «История Уратюбинского владения, пишет ученый, за 66 лет (от начала XIX в. до завоевания Уратюбе русскими войсками–Х.П.) свидетельствует о том, что этот вилайат был одним из самых разоренных междоусобицами районов Средней Азии. За этот период, по приблизительным подсчетам, эмиры совершили не менее 12 походов на Уратюбе. Кокандские ханы, начиная с Умархана (1809-1822 гг. – Х.П.) – 15. По словам автора «Шахруховой истории», только Кокандский хан Олим (1800-1809 гг. – Х.П.) предпринял 15 походов

¹ Мухторов А. Санг хам диле дорад. Душанбе: Ирфон, 1986. – 112 с.; Эта работа – второе издание с дополнениями. – Душанбе: Пажухишгохи фарханги форси-точики, 1999. – 155 с.

² Мухтаров А. Каллиграф Мирхусайн Хусайни Истаравшани (1861-1936). – Душанбе, 1994.-.34 с.

³ Мухтаров А. Гузары Уратюбе. – Ташкент: Чулпон, 1995. – 143 с.

⁴ Мухтаров А. История Уратюбе (XVI – начало XX вв.) – Душанбе: Дониш, 1996. – 284 с.; Этот же труд с дополнениями. – М., 1998. – 278 с.

⁵ Мухторов А. Хокимони Уротеппа: (асрҳои XV-XIX). – Душанбе: Дониш, 1996. – 176 с.

⁶ Мухторов А. Шиблии Истаравшани (859-946). – Душанбе: Амри илм. – 2000. – 36 с.

⁷ Мухторов А. Курушкада, Истаравшан, Уротеппа. – Душанбе: Амри илм. – 2000. – 100 с.

⁸ Более подробно см.: Мухторов А. История Уратюбе (конец XV – начало XX вв.). – М., 1998.

на Уратюбе... Всего за сравнительно короткий срок на г.Уратюбе было совершено более сорока походов, сопровождавшихся грабежами, пожарами, угоном населения др.»¹

Академиком А.Мухтаровым представлено аргументированное объяснение многих спорных моментов по истории возникновения и развития города, а также причин, приведших к изменениям его названия.² Сегодня мы обязаны именно ему в сравнительно полной осведомленности по средневековой истории Истаравшана. Даже поверхностное знакомство с его работами приводит к убеждению, что по объему материала и глубине анализа он является непревзойденным знатоком средневековой и новой истории Истаравшана, а работы ученого в совокупности в этом направлении являются своеобразной энциклопедией по истории важного древнего и средневекового очага центральноазиатской цивилизации.

Разумеется, за обилием богатого исторического материала, который принадлежит академиком А.Мухтарову и Н.Негматову, нельзя забывать заслуги целого ряда ученых, так или иначе причастных к разработке отдельных проблем истории древнего Истаравшана. В их числе такие исследователи, как И.О.Смирнова, Е.Д.Салтовская, Т.П.Кияткина, Э.В.Кильчевская, С.Г.Хмельницкий, В.Л.Воронина, У.П.Пулатов, А.Билолов, С.Ш.Мамаджанов, Р.С.Мукимов, А.К.Мирбабаев, Ю.Якубов, Р.З.Авзалов, И.Гусейнова, А.Белогорский, Д.Грицина которые либо вели в том же направлении работу,³ либо популяризовали достижения других ученых.¹

¹ См.: Мухтаров А. История Уратюбе (конец XV – начало XX вв.). – М., 1998. – С. 103.

² См.: Мухтаров А. Курушкада, Истаравшан, Уротеппа. – С.7-30.

³ См.: Смирнова И.О. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // Материалы исследования по археологии СССР. М.-Л., 1953. – №37. – С.189-230; Негматов Н., Салтовская Е.Д., Кияткина Т.П. Изучение погребальных памятников на территории Уструшаны // Археологические работы в Таджикистане в 1958 году. – Вып. 6. – Душанбе, 1961. С. 137-146; Негматов Н. Салтовская Е.Д. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда к 1960 году. – Вып. 8. – Душанбе, 1962. – С.69-89; Они же, На заре новой эры. – Кушаны. Уструшана. Западная Фергана // Коммунист Таджикистана. 1968. – 28 сентября; Они же. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Ферганы // Центральная Азия в кушанскую эпоху – М., 1975. – Т.2. С.258-266; Кильчевская Э.В., Негматов Н.Н. Находки ювелирных изделий из Шахристана // Советская археология. – 1964.: №3. – С.238-246; Они же. Шедевры торевтики Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – Л., 1979. – С.458-470; Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. – Душанбе, 1973. – С.145; Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны (Шахристан) // Совет-

Из многих особый интерес представляют работы У.П.Пулатова «Чильхуджра», А.Билолова «Из истории ирригации Уструшаны», Р.С.Мукимова и С.М.Мамаджановой «Кирополь – Истаравшан – Уратюбе». Двое последних, будучи специалистами архитектуры, профессионально проанализировали особенности градостроительства и те изменения, которые происходили в различные периоды истории Истаравшана, а также аргументировано оценили его роль и в культурной жизни всего региона. Р.Мукимов и С.Мамаджанова, по справедливой оценке А.Мухтарова, в своем исследовании определили значение архитектурного наследия Уратюбе в истории зодчества Средней Азии, отметили своеобразие вклада, который внесли уратюбинские архитекторы в строительное искусство Средней Азии, сохраняя и развивая традиции. По их мнению, Уратюбе – «явление уникальное для всей Средней Азии». ² Вместе с тем, нужно отметить тот полемический тон, который имеет статья

ская археология. – 1976. – №1. – С.241 – 246: Они же. Открытие Уструшаны // Сквозь века. К истории культуры народов СССР. – М., 1986. – Вып.2. – С.61-98; Вып.3. Душанбе, 1975; Пулатов У.П. Чильхуджра. – Душанбе, 1973. – С. 194; Он же. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докл. Всесоюзной научной конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. – Душанбе, 1977. – С.77-79; Билалов А. Из истории ирригации Уструшаны. – Душанбе, 1980; Мамаджанова С.М. Архитектурные памятники Уструшаны VI-X вв. (исследования и реконструкция). – Дисс. канд. архит. – М., 1983; Мукимов Р.С., Мамаджанова С.М. Кирополь-Истаравшан-Уратюбе. Душанбе, 1993; Негматов Н.Н., Мамаджанова С.М. Бунджикат – средневековая столица Уструшаны // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. – Ташкент, 1989. – С.91-100; Мирбабаев А.К. История Мадраса Таджикистана. – Душанбе: Мерос, 1994. – ч. 1. – С. 125; ч.2. – С.71; Екубшо Ю. Уротелпа чи маъни дорад? // Тоҷикистони Совети. – 1990. – 12 января; Негматов Н.Н., Авзалов Р. Т., Мамаджанова С.М. Храм и мечеть Бунджиката на Калаи Кахкаха I // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1987. – Вып.4. – С.177-210; Грицина А.А. Уструшанские были: – Ташкент, 2000. – 243 с.

¹ См.: Белогорский А. Асрори нигоришоти Истаравшан (Тайна живописи Истаравшана) // Маориф ва маданият. – 1974. – 29 октября; Он же. Загадки Уструшанских росписей // Коммунист Таджикистана. – 1975. – 21 июня; Он же. На земле древней Уструшаны // Ленинабадская правда. – 1975. – 1 августа; Он же. Тайна Шахристанского замка // Советская культура. – 1975. – 3 октября. – С.3; Он же. Сокровища Уструшаны // Вокруг света. – 1976. – №3, С.60-64; Он же. Уструшана раскрывает тайны // Ленинабадская правда. – 1976. – 27 июля и др.; Гусейнова И. Где же был Кирополь? // Вечерний Душанбе. – 1989. – 30 января; Она же. Кирополь дар кучост? // Адабиёт ва санъат. – 1989. – 8 марта и др.

² Мухторов А. История Уратюбе. – М., 1998. – С. 187.

Ю.Якубова «Уротеппа чи маъно дорад? (Что означает название Уратюбе?). В том же плане несколько выделяются и работы А.К.Мирбабаева.

Хотя материалы многих исследований не внесли заметную лепту в изучение проблемы, если не считать их выступлений в качестве соавтора, чаще всего с Н.Негматовым, это не в коем случае не должно стать поводом для недооценки их участия в исследовательском процессе. Более того, их научная продукция в данном направлении заслуживает, несомненно, более обстоятельного историографического анализа и определения соответствующего тому места.

В целом, прослеживая процесс изучения истории одного из важных таджикских культурных центров, оставившего заметный след в региональной и отчасти в мировой цивилизации – Истаравшана, невольно убеждаешься в том, что, несмотря на сохранившиеся отдельные сведения, оставленные древними и средневековыми авторами, по-настоящему и систематически его изучение началось в годы советской власти.

Таким образом, историю изучения этой проблемы можно разделить условно на следующие этапы:

1) до 30-х годов прошлого столетия. Этот период следует считать началом научного изучения истории Истаравшана. В качестве определяющего специалиста того этапа выступает академик В.В.Бартольд;

2) 30-е годы – начало 50-х годов. Центр изучения вопроса переместился в Таджикистан. С 40-х годов проблема изучения Истаравшана стала занимать достойное место в исследованиях Б.Г.Гафурова. Именно ему принадлежит заслуга разработки вопроса в общем контексте истории таджикского народа и на основе доступных к тому времени источников освещения не только исторической роли Истаравшана, но и пробуждения интереса к необходимости серьезных научных исследований в этом направлении, прежде всего, организации археологических поисков.

3) С начала 50-х до начала 90-х годов. Этот этап характеризуется интенсивным проведением археологических работ в Истаравшане, сбором письменных источников и их целенаправленным изучением. На этой основе сложились две школы, два мощных направления: а) древнего и раннесредневекового периода, ставшего главным объектом исследовательской деятельности Нугмана Негматова; б) средневекового периода, явившегося исследовательским, углубленным, научным изысканием Ахрора Мухтарова. Самое ценное в научном смысле, что было создано в это время в основном, принадлежит этим двум ученым;

4) С 90-х годов до сегодняшнего дня. Если в связи с известными событиями (политическое противостояние и гражданская война) в

первой половине 90-х годов работа над проблемой велась менее интенсивно, то с середины 90-х годов наблюдается существенный сдвиг в изучении истории и культуры Истаравшана. Это было вызвано развернувшейся активной подготовкой к встрече юбилея 2500-летия города Истаравшана.

В этой связи, немало работ, приуроченных к этой дате (по решению ЮНЕСКО она отмечается в начале сентября нынешнего года), смогло увидеть свет. Лидерство здесь принадлежит академику А.Мухтарову, выпустившего, в канун юбилея ряд серьезных научных и научно-популярных работ, освещающих разные стороны истории Истаравшана. Его исследования проливают свет на доселе неизвестные и малоизвестные события, тем самым внося вклад в изучение истории таджикского народа.

Тем не менее, нашим ученым предстоят новые открытия в этом направлении. И опыт свыше полувековой продуктивной научной работы говорит за необходимость издания итогового фундаментального труда, в котором более рельефно должен быть отражен роль и значение Истаравшана для отечественной, региональной и мировой цивилизации.

*Очерки по истории Истаравшана (Уратюбе). XX век.
— Душанбе: Ому, 2002. — С. 12-33.*

ИЗ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В РЕГИОНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В начале XIX в. немало дипломатических и военных усилий пришлось затратить России на ведение войны с Турцией (1804-1813 гг.), Ираном (1808-1809 гг.) и Швецией (1808-1809 гг.) результаты, которых были удачными. В 1801-1812 гг. в состав России были включены: Финляндия, Восточная и Западная Грузия, Азербайджан, Дагестан, Ингушетия и Молдавия. Наконец, грозная, но победоносная Отечественная война 1812 г., европейские походы и события, разворачивающиеся в Европе после окончательного поражения Наполеона, неблагоприятная роль жандарма Европы, «хотя и поглощали почти всецело внимание русского правительства, но все же Александр I не проявлял равнодушия к русско-среднеазиатским отношениям с самого начала своего царствования.

Согласно сведениям еще в 1801 г. занявший только что престол, он принял посла эмира Хайдара – Ишмухаммад Байкишиева, известившего его о смене владельца Бухары (эмир Хайдар занял трон после смерти своего отца Шахмурада в 1800 г.). А в «Дружественную Бухару» в 1803 г. отправлено посольство под начальством Я.П.Гавердовского.¹

Ему помимо посольских обязанностей, было поручено приложить максимум усилий для выявления слухов о наличии в Бухаре хождения фальшивых ассигнаций.² Но на Гавердовского напала банда разбойников в 70 верстах от Сыр-Дарьи в урочище Ходжа Барган, караван был ограблен со стороны казаков-чиклинцев. Я.П.Гавердовскому удалось спасти лишь дипломатические доку-

¹ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. – Т. XXII. – СПб., 1867. – № 11. – С. 43.

² Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – № 1974. – С. 70-75.

менты и торговцам некоторые ценные вещи. Общий ущерб составлял более чем в 300 тыс. рублей.¹

Разумеется данное событие не могло остаться незамеченным со стороны России. Тем не менее, обмен посольствами особую активность в котором проявляли среднеазиатские правители осуществлялся небезуспешно. В декабре 1803 г. в Петербурге были послы из Бухары: Диванбеги Мир Мухаммад Амин и Курчибаши Мирзамухаммад Юсуф Байкшиев. Они были приняты Александром I и канцлером А.Р.Воронцовым. Тот же Амин посетил Россию в 1805 г. Ему на этот раз разрешено увести 15 тыс. пудов стали, вывоз которой в то время из России был запрещен. Но в Астрахани по какой-то причине этот груз был конфискован.²

В 1809 г. в Бухару был командирован офицер башкирского войска Абдульнасыр Субханкулов, но судя по тому, что до города Бухары не мог доехать³, можно предположить о трудностях которые возникли на его пути.

В целом, положительно характеризуя русско-бухарские отношения в начале XIX в. Н.А.Халфин пишет: «Теплый приём оказанный всем приехавшим в начале XIX в., посланцам эмира Хайдара, удовлетворение почти всех их просьб и пожелания, правительства дружественные связи с Бухарой, изыскивало средства и возможности расширять торговлю, которая приносила доход обоим сторонам».⁴

Были случаи, когда некоторые представители официальных кругов предлагали иным способом, т.е. силовым путем добиться улучшения торговых и дипломатических отношений с Бухарой. В частности это прослеживается в проекте одного из членов Комитета по азиатским делам князя Г.С.Волконского, предложившего применение силового и административного нажима обеспечить нормальную торговлю.⁵ Но эти факты в общем осторожном действии большинства представителей внешнеполитического ведомства российского правительства не были ярко заметными.

Одним из наиболее важных событий в истории взаимоотношении России с Бухарой является отправка миссии А.Ф.Негри в эмират в 1820 г. Она была организована по велению императора Алек-

¹ Халфин Н.А. Там же. – С.72-73.

² Там же. – С.60.

³ Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой. За последнее трехсотлетие. Пг., 1915. – С.97.

⁴ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. – С.97.

⁵ См. там же. – С.85-103.

сандра I в ответ на просьбу эмира «видеть русское посольство Бухарии».¹ При анализе действия посольства А.Ф.Негри следует особое внимание уделить работе Е.К.Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» как на одно из первых обстоятельных исследований, отражающих различные стороны жизни Бухарского ханства конца XVIII – начала XIX вв. Книга Е.К.Мейендорфа по справедливой оценке Н.А.Халфина «едва ли не первое обстоятельное описание Бухары, принадлежащее перу европейского путешественника».

По данным Е.К.Мейендорфа пространство занимаемое эмиратом составляло 40.000 кв. верст.² Численность населения по его определению составляла приблизительно 2.478.000, из них узбеки 1.500.000, таджики – 650.000, остальные туркмены (200.000), арабы (50.000), персы (40.000), калмыки (20.000), киргизы (казахи) и каракалпаки (6.000), евреи (4.000), афганцы (4.000), лезгины (2.000), цыгане (2.000). А в самом городе Бухаре по его подсчетам проживало до 700.000 жителей, «три четверти которых таджики, в основном ремесленники».³ Согласно данным этого автора постоянную торгово-дипломатическую связь Бухарский эмир поддерживал только с Россией.⁴

Бухара занимала особое место в российско-среднеазиатской торговле. «Бухара, – писал Ф.И.Лобyseвич, – которая по своему географическому положению не прикасалась промышленным характером своего населения, особенно дорожила мирными торговыми сношениями с Россией и составляла важнейший среднеазиатский рынок для сбыта наших (т.е. русских – Х.П.) произведений».⁵ В 1824-1827 гг. из Средней Азии в Россию вывозили товар в объеме 5.758.252 руб., а привоз составлял 4.389.705 рублей, из которых большой перевес падал на долю Бухары.

По более обстоятельному анализу Е.К.Мейендорфа с 1775 по 1819 гг. один за другим в Россию приезжали 11 бухарских послов и каждый из них живя в России по несколько лет добивались различ-

¹ Просьба эмира Хайдара передана через посланцев во главе с Азимджан Миринджаном посетившем Санкт-Петербург в 1815-1816 г. и вторично в 1819-1820 гг.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – С.106.

³ Там же. – С.95.

⁴ Там же. С.141-142.

⁵ Лобyseвич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – С.63.

ных льгот для своей страны, собирали данные о запросах потребления в империи. С того времени торговля обеих стран значительно расширилась, особенно в результате быстрого сбыта хлопка и кашмирских шалей.¹

Представляет большой интерес проведенный Е.К.Мейендорфом перечень бухарских товаров и их объем, которые проходили через Оренбургскую таможню в 1819 г. Он перечисляет 35 разновидностей товаров.²

Следует заметить, что судя по наблюдениям автора бухарские торговцы привезя свои товары в русские таможни незначительную их часть продавали местным перекупщикам, главным образом, татарам и башкирам, основную часть они везли в Нижний Новгород и там продавали оптом фабрикантам и купцам.³

Касательно русских товаров вывозимых бухарскими купцами, то по подсчетам того же Е.К.Мейендорфа они равнялись «половине стоимости ввезенных» и состояли из сахара, олова, красного и синего сандалового дерева, сукна, красных кунгурских, казанских и арзамасских кож, воска, некоторого количества мёда, железа, меди, стали, золотых ниток, небольших зеркал, шкурок выдры, жемчуга, чугунных котлов, иглоков, кораллов, плюща, бумажных платков, парчи, мелкого стеклянного товара и др.⁴

Следует также заметить, что через Бухару в Россию в год примерно ввозились товары на 3.000 верблюдах с общей стоимостью до 8 млн.рублей ассигнациями. «Такая сумма, — пишет Е.К.Мейендорф, — чрезвычайно велика для страны с населением лишь в 2,5 млн. и доказывает, насколько эта торговля важна для бухарцев. Поэтому она остается значительной до тех пор, пока культура хлопка и разведение шелковичных червей не начнут развиваться в южных губерниях России и пока отсталая промышленность Бухары не научится ткать тонкие материи, дубить кожи и, наконец, добывать железо, которое вероятно имеется в туркестанских горах. Автор выражает уверенность в процветании русско-бухарской торговли в перспективе только в том условии, что на пути из Бухары в Россию прекратятся грабежи и разбои. Этот путь был бы совершенно безопасным, если бы хивинское ханство находилось под властью России».⁵

Следует заметить, что в Бухаре, Хиве и Коканде не существова-

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — М., 1975.— С.123.

² Там же. — С.125-126.

³ Там же. — С.126.

⁴ Там же. — С.127.

⁵ Там же. — С.128.

ли специализированные дипломатические учреждения и службы занимающиеся их внешней политикой не только в отношении к России, но и вообще, в отношении какой-то ни было страны. Это разумеется не могло не накладывать отпечаток на русско-среднеазиатские взаимоотношения.

Во второй четверти XIX в. число русских посетителей в Средней Азии по сравнению с предыдущими увеличилось. По подсчетам Д.Голосова за второй четверти XIX в. кроме экспедиций, а их было около десяти Среднюю Азию посетили свыше 60-ти русских посетителей.¹

Русско-бухарские отношения по сравнению с Хивой и Кокандом во второй четверти XIX в. по прежнему были более стабильными. Из официальных представителей России посетивших Бухару следует особо выделить поездки миссионера Иосифа Вольфа посетившего Бухару дважды (в начале 30-х и в 1843 г.), Демезона в 1834, прапорщика Виткевича в 1835, Лемана – в 1841 г.²

Летом 1836 г. эмиром бухарским было отправлено в Россию посольство во главе с Караул беги Курбанбеком Ашурбековым. Посольство любезно было принято царем, где ему была вручена Грамота эмира. Через два года (в августе 1838 г.) эмиром было отправлено в Россию новое посольство во главе с Балта Кулибеком Рахматбековым, уже побывавшем в России в качестве представителя Бухары в 1830 году. Кроме традиционных проблем на переговоры была внесена просьба эмира желавшего «прислать в Бухару горного чиновника для исследования руд и отыскания металлов и дорогих камней».³

Без внимания не была оставлена просьба эмира и в апреле 1839 г. направлена в Бухару особая экспедиция под начальством горного инженера – капитана Ковалевского. В состав экспедиции вошли горный инженер штабс-капитан Гернгросс, переводчик Штейгер, два мастеровых и четыре казака. Ковалевский получил различные задания от разных министерств. Но осуществлять эти поручения ему не было суждено. По дороге члены экспедиции натолкнулись на вооруженные банды разбойников. Ковалевский и Гернгросс в ночь 21 на 22 ноября бежали с плена к Чушка Кулю, где находилось русское укрепление. Вещи и приборы брошенные ими, каким-то образом дошли до Бухары в сохранности, но сама экспедиция не

¹ См. список: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск под начальством генерал-адъютанта Перовского // Военный сборник. – Т.ХХIX. – СПб., 1963. – С.15-16. – Пирмеч. 17.

² Завьялов В.В. Исторический обзор путешествий в Бухару. – Уфа. – С.24-26.

³ Залесов Н. Очерки дипломатических сношений России с Бухарой с 1836 по 1843 год // Военный сборник. – Т.ХХVII. – СПб., 1862. – №9. – С.8.

состоялась и «посылать горных чинов в Бухару была отложена до более благоприятного времени».¹

В октябре 1840 г. в Петербург прибыл посланник эмира Насрулла Мулло Мукимбек Саидов со свитой из 39 человек с поручением: 1) Ходатайствовать о защите Бухары от англичан, грозящих ей завоеванием. 2) Просить содействие для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны ведя сношения с англичанами, начинали явно враждовать против Бухары.² 3) Посол просил о покровительстве бухарским купцам и богомольцам проходить через Россию в Мекку.³ Этот посланник был принят царем, будучи заинтересованным в улучшении отношений с Бухарой. Но по возвращении Мукимбек внезапно умер в Нижнем Новгороде. Его имущество доставлено в Бухару Бутеневым. Дело в том, что воспользовавшись случаем, а также пожеланиями эмира о содействии России в поисках драгоценных металлов в Бухару была организована поездка во главе с К.Ф.Бутеневым. В состав миссии кроме натуралиста-кандидата Дерптского университета А.Лемана, горного офицера Богословского, топографов Яковлева, Шалпанова, Петрова и переводчика Костромитинова, по настоянию Оренбургского губернатора Перовского был введен в её состав чиновник МИД, титулярный советник, «знаток племен» и участник хивинского похода (1839 г.) Николай Ханыков.⁴

Согласно инструкции Бутенев должен был склонить эмира к принятию следующих решений:

«1. Ни явно, ни тайно не враждовать против России и её подданных.

2. Не держать в неволе и не приобретать ни каким образом пленных русских и ответственность за личную безопасность и сохранность имущества всякого российского подданного, могущего находиться в бухарском владении.

3. В случае смерти российского подданного в бухарских владения не отбирать в казну оставшееся после него имущество, а отпускать оное в целостности Российскому пограничному начальству для передачи его наследникам.

4. Не позволять бухарским подданным производить грабежи и

¹ См.: Залесов Н. Очерки дипломатических сношений России с Бухарой... – С.9-10.

² Архив внешней политики Российской империи СПб., Гл.архив 1-6. – Д.184-1842, – Л.21. В.А. Перовский, К.В.Нессельроде от 17 августа 1840 г.

³ Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой... – С.121-122.

⁴ Халфин Н.А. Рассадина Е.Ф. Н.В.Ханыков – востоковед и дипломат. – М., 1977. – С.19-20.

самовольные с русских поборы и в случае таковых грабежей и поборов, передавать виновных немедленному наказанию.

5. С привозимых в Бухарию русскими купцами товаров, взимать пошлину один только раз и не более 5% с настоящей цены оных.¹

6. Не делать вообще никаких притеснений российским торговым в бухарских владениях, а напротив того оказывать им тоже покровительство, каким пользуются в Российской империи бухарские купцы».²

При приемлемости этих условий эмиром, Бутенев имел уполномочие от имени российского правительства обещать эмиру в беспрекословности выполнения его следующих положений:

«1. Обеспечение безопасности лиц и имуществ бухарских подданных, могущих находиться в пределах империи.

2. Предоставление им всех преимуществ наравне с торговцами других азиатских владений.

3. Взыскание с подданных России киргизов и туркменов, в случае грабежа ими бухарских караванов.

4. Дозволение бухарским богомольцам, желающим идти в Мекку на поклон следовать по-прежнему через российские владения, с тем, чтобы они подчинялись установленному в России полицейским распределениям».³

Прибыв в Бухару 15 августа 1841 г. Бутенев был принят эмиром Насруллою. Эмир в дальнейшем относился к миссии с явной пренебрежительностью, готовясь к походу в Коканд оттягивал переговоры. Не выдержав, Бутенев через близкого чиновника эмира написал записку, в которой просил окончательного ответа. Но ответ был явно уклончивым, и не конструктивным с точки зрения членов посольства. Например, относительно заключения трактата эмир ответил, что сначала этот документ должен подписать царь и пошлет обратно в Бухару через бухарского посланца, и тогда он подпишет или утвердит его.

Члены экспедиции собирали «обширный и разнообразный материал для характеристики как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения», среди которых особое место принадлежит труду Н.В.Ханыкова «Описание Бухарского ханства и материалы, собранные А.Леманом по флоре и фауне ханства».⁴ Труд Н.В.Ханыкова не потерял своего значения и по сей день, бла-

¹ Перовский в своей инструкции предлагал Бутеневу настаивать на взимании не более 2,5% пошлины со стоимости товара. См.: Залесов Н. Очерк дипломатических сношений с Бухарой... – С.18-19.

² Залесов Н. Очерк дипломатических сношений с Бухарой... – С.14-15.

³ Там же. – С.15-16

⁴ См.: Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.

годаря общему содержанию материала, научной фундаментальности заключения и вывода автора по всем многообразным проблемам, вовлеченным в орбиту своего исследования.

Следует заметить, что не скрывая явную неудовлетворенность результатами посольства Бутенева и Данилевского в Бухару и Хиву российское правительство долго (до конца 1857 г.) демонстративно не предпринимало попытки организовать и отправить новые миссии в эти ханства (хотя Хивинские и Бухарские посланцы, согласно выражения Ф.И.Лобысевича – «не переставали надоедать своими посещениями» России).¹

Что касается торговли то объем бухарской торговли с Россией ежегодно возрастал. Бухарцы только через Оренбург отправляли в Россию товаров на 5-6 тысячах верблюдах груз, каждого из которых составляли от 18 до 20 пудов. «Следовательно, – пишет Н.В.Ханьков, – средним числом привоз может быть заключен между 3.500.000 и 4.000.000 руб».²

Российские купцы вывозили через своих приказчиков по 20 тыс. пуд марену ежегодно.³ Кроме того, приказчики этих же купцов во время их деятельного участия в торговле с Хивой ежегодно вывозили до 20 тыс. пудов хлопка и до 500 пудов сырого шелка (жюкон).⁴

После военного похода Перовского в Хиву Алла-кули чтобы несколько смягчить озлобленность наиболее агрессивно настроенных официальных лиц России, снимал все препятствия, мешавшие обеспечению взаимной торговли. Убедившись в этом российское правительство дало разрешение на возобновление торговли. В 1840 г. в Хиву отправилось несколько русских купцов с товарами. Они были приняты ханом радушно «и в взамен прежних 10% пошлины с привезенных ими товаров взыскано было в размере всей действительной стоимости».⁵

Судя по сведениям, приведенными П.Небольсиным широк был ассортимент привозимых из России в Среднюю Азию товаров, среди прочих особо выделялись: золото, серебро, медь, чугун, железо, разного рода металлические изделия, кожа, краски, сахар, сукна, разнообразные хлопчатобумажные и шелковые ткани и т.п. предметы первой необходимости.⁶

¹ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию. ... – С. 129.

² Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. – С. 170.

³ АВГР. – Ф. СПб., Гл. Архив 1-9. – Оп.8, – Д.6. – Ч.П. – Л.812.

⁴ Там же. – Л.817.

⁵ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию. – С. 95.

⁶ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Какандом (со стороны Оренбургской линии). – СПб., 1856. – С.22.

В обмен за это Россия из Средней Азии получила хлопок, шелк, сухофрукты и другие «предметы, получаемые от звероловства и скотоводства, мягкая рухлядь и мерлушка».¹

Наряду с другими фактами, свидетельствующими о торговом партнерстве России и Средней Азии П.Небольсин отмечает о большом значении Бухары для России как транзитном торговом пункте, через который в Россию поступали товары из восточных стран или наоборот.² Согласно его данным в Оренбург ежегодно проходили 2 каравана. Первый выступал из Бухары с середины февраля, достигал Оренбурга во второй половине мая или в первой половине июня. Второй караван отправлялся в Оренбург в начале или середине мая с товарами тех купцов, которые не успели окончательно распродать привезенные в предшествующую поездку русских изделий и запастись новыми отпускными статьями ко времени отхода первого каравана.³

Бухарские купцы действовали по обстоятельству. Если они имели возможность реализовать свой товар в самом Оренбурге или Троицке, тогда отпадала необходимость ездить на Новгородскую ярмарку. Из Бухары выходили и орские и троицкие караваны. Причем, троицкие караваны выходили по 2 или 3 раза в год. Таможенная цена со стороны бухарцев или кокандцев взималась с расчета 2,5 бухарских тилля с верблюда. По Небольсину караваны из России шли только осенью. «Главнейший пункт всех их закупок, продаж, заказов, расчетов, займов и уплату денег «Нижегородская ярмарка».⁴

Говоря об отпускных статьях ввоза и вывоза товаров П.Небольсин приводит достоверную статистику по таможенным документам. Согласно его данным с 1827 по 1837 гг. из Средней Азии в Россию увезли товаров на общую сумму 6.951.254 руб., а из России в Среднюю Азию привозили на сумму 4.575.120 руб. С 1837 по 1847 гг. соответственно вывоз составлял 8.944.355 руб.; а привоз 5.027.243 руб.⁵ В том числе в Бухару привезено товаров на общую сумму 5.225.287 руб. 67 коп. Из Бухары отправлено в Рос-

¹ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Какандом (со стороны Оренбургской линии). – СПб., 1856. – С.22-23.

² Там же. – С.24

³ Там же. – С.39.

⁴ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Какандом (со стороны Оренбургской линии). – СПб., 1856. – С.48.

⁵ Небольсин П. Общая сравнительная ведомость русской торговли со странами Средней Азии (за десятилетия 1840-1850 гг.) // Очерки торговли России со странами Средней Азии. – С.2.

сию в объеме 7.309.248 руб. 17 коп.¹ В Хиву соответственно: 1.334.198 руб. 03 коп. Из Хивы 1.396.189 руб. 60 коп.² В Коканде – 24.150 руб. 16 коп., а из Коканда 266.237 руб. 85 коп.³

Среднеазиатские купцы под большие проценты брали в России и наличные деньги. «Из России, – пишет Небольсин, – в течении 10 лет вывезено только с Оренбургской линии звонкой монеты на 1.530.360 руб. 35 коп. Из этого числа только в Бухару отправлено звонкой монеты на 1.426.464 руб. 04 коп.; причем бухарцы, ташкентцы и хивинцы скупали монету «платя за 1 руб. 354, а при поспешности 360 коп. на ассигнацию».⁴

Касательно текстильных изделий П.Небольсин указывает, что с 1840 по 1849 гг. отправлено в Среднюю Азию через Оренбургскую линию бумажных товаров на сумму 1.487.863 руб. 34 коп. серебр., в том числе в Бухару послано 1.044.714 руб. 85 коп.⁵ За это же время через Оренбургскую и Троицкую таможни был отправлен шелковый товар на сумму 100.805 руб. 15 коп. серебр. В том числе в Бухару на 70337 руб. 95 коп., кроме того, отправлено 624.519 аршин русского фабричного сукна с общей стоимостью до 750.000 руб. Таким образом общий объем вывоза товаров текстильного производства из России по Оренбургской и Сибирской линий составлял 750.000 руб. Кожевенного товара за это время отправлено в Бухару 473.662 руб.; в Коканд – 600.207 руб. и в Хиву – 342.913 руб. (всего 1.416.782 руб). Приводится также сведения по некоторым другим видам товаров.⁶

Что касается вывоза из Средней Азии в Россию то П.Небольсин приводит следующие данные: только из Бухары в течении 10 лет (1840-1850 гг.) доставлено хлопка в пределах 130.000 пудов, по общей цене 645.000 руб.,⁷ пряжи почти 140.000 пудов, на сумму 1.576.000 руб.⁸ За это же время в Россию из Средней Азии вывезено более 1.260.000 кусков зенделя; только из Бухары почти миллион штук этой синей бязи.⁹

¹ Небольсин П. Общая сравнительная ведомость русской торговли со странами Средней Азии (за десятилетия 1840-1850 гг.) // Очерки торговли России со странами Средней Азии. – С.3-4.

² Там же. – С.5.

³ Там же. – С.6-7.

⁴ Там же. – С.17-18.

⁵ Там же. – С.33.

⁶ См.: Небольсин П. Отпускные статьи. – С.46-47 и посл.

⁷ Небольсин П. Привозные статьи // Очерки торговли России со странами Средней Азии. – С.5-6.

⁸ Там же. – С.8.

⁹ Там же. – С.17.

По его общим подсчетам хлопка и хлопчатобумажных изделий на указанное десятилетие из Средней Азии в Россию доставлено на сумму 6.759.696 руб. 94 коп. серебр., т.е. почти ровно столько сколько за этот период были привезено товаров и ценностей, считая «звонкую монету и разные изделия» из России.¹ Автором также приведены сведения об объеме русско-среднеазиатской торговли, по другим видам товаров. Для большей убедительности следует привести примеры из его «Обще сравнительной ведомости», где указаны примеры об отпуске товаров из России по Оренбургской линии в Среднюю Азию в 40-е года на общую сумму 6.763.635 руб. 86 коп., а вывоз из Средней Азии в Россию составлял 8.971.675 руб. 62 коп.²

Таким образом, вышеприведенные факты убедительно свидетельствуют о развитии торгово-дипломатических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами по восходящей линии.

* * *

Историческое исследование российско-среднеазиатских взаимоотношений, без увязки с вопросами русско-английских противоречий в регионе, по меньшей мере, нарушило бы общую картину этих взаимоотношений, ибо реальная политика двух держав более рельефно прослеживается в их противоборстве, выражавшемся не только во взаимных обвинениях в неблагоприятных намерениях друг друга в отношении к народам Средней Азии, ради защиты своих интересов, в которой они открыто шли даже на прямые угрозы и военное противостояние. Какими бы словами они не прикрывали свои истинные намерения, логика действий показывала, что основная цель этих держав в конечном итоге замыкалась на колониальной экспансии региона. Другое дело, что сама сложившаяся обстановка более благоприятствовала действиям России и это было не случайно.

Географическое расположение, традиционные торгово-дипломатические (посольские) связи и, может, на этой почве проявление интереса к традициям, нравам, обрядам местных народов, которые почти всегда учитывались при любом действии русских властей в регионе, и, наконец, постоянное сближение с обжитыми местами аборигенов края, сложение мирных, тесных нравственно-бытовых контактов, постепенно приводивших в какой-то мере к

¹ Небольсин П. Привозные статьи // Очерки торговли России со странами Средней Азии. — С.27

² Небольсин П. Общая сравнительная ведомость русской торговли со странами Средней Азии (за десятилетия 1840-1850 гг.) // Очерки торговли России со странами Средней Азии. — С.1-2.

взаимному доверию, и, естественно, к существенному ослаблению чувства страха, во всяком случае, со стороны местного населения.

Все это способствовало выработке у местных властей чувства уверенности в предсказуемости действий русских официальных кругов. Поэтому общее предпочтение всегда была на стороне России. Кроме того, в стратегическом плане Россия занимала более выгодную позицию.

Изучая факты истории проникновения России и Англии в Азию, сравнивая их, М.Грулев заметил для каждой из этих сторон особые характерные черты. Говоря о России, он, в частности писал: «Благоприятные географические условия, в соединении с основным характером исторического роста России на ее окраинах и привело к созданию обширнейшего сплошного государства, в котором окраины и ядро связаны между собою также крепко и органически, как ветви и ствол одного дерева».¹ Что касается Англии то ее колонии появились в совершенно иных условиях. В качестве примера приводя Индию, М.Грулев убедительно доказывает, что, несмотря на имеющийся ряд успехов в экономическом отношении и гражданском устройстве, она все же осталась для своей метрополии «посторонним телом, не связанным с ней никакими жизненными артериями и чуждыми во всех отношениях».² Разумеется эта особенность, обеспечившая прочный тыл и вообще перевес³ России, не могла не воздействовать вдохновляюще на сторонников силового или дипломатического давления на Англию.

Русско-английское соперничество занимает важное место в работах русских дореволюционных исследователей. Некоторые из них посвятили данному вопросу специальные труды.⁴ Хотя нужно сказать, что в основном они ограничились анализом противоречий периода середины 60-х – конца 90-х гг. XIX века. Почти тоже самое можно сказать о соответствующих исследованиях советских ученых.⁵

Сложность вопроса, обилие литературы, в которой содержится

¹ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб, 1909. – С.2.

² Там же.

³ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии.-СПб., 1875; Он же, Россия и Англия в борьбе за рынки. – СПб, 1876; Мартене Ф.Ф, Россия и Англия в Средней Азии.-СПб, 1861; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии и др.

⁴ См.: напр. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в.(60-70 гг.).-Ташкент, 1969.

⁵ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч., Т.9. – М., 1977. – С.306.

огромный материал и чрезвычайно широкий разброс мнений, требуют общего специального исследования, причем, с привлечением источников-местных, российских и зарубежных. Но это в перспективе для специалистов, интересующихся данной проблемой, что касается степени причастности данной работы к освещению проблемы, то следует лишь исходить из логической целостности общей картины русско-среднеазиатских взаимоотношений в указанных временных рамках.

Русско-английское соперничество в Средней Азии имеет свою давнюю историю. По всей вероятности, началом повышенного интереса Англии к Средней Азии следует считать поездки Дженкинсона в 1558-1559 годах в Хиву и Бухару. «Дженкинсон, – писал В.В.Бартольд, – убедился в полном упадке экономического благосостояния областей Средней Азии и их торговли с Китаем».¹ Хотя после этого, до утверждения владычества Англии в Индии не наблюдается ее активных попыток проникнуть в Среднюю Азию,² но ревностное отношение к стремлению России усилить свое влияние в этом регионе, она все же проявляла.

В дальнейшем на первый план выходила «угроза захвата Индии» русскими. Началом проявления такой угрозы М.Грулев считает поручение Петра Бековичу-Черкасскому разведать в 1714 году водные пути из Каспия в Индию. «Этого поручения, – пишет он, – оказалось достаточным для того, чтобы впоследствии воображение англичан и других наших (т.е. русских – Х.П.) «доброжелателей» в Западной Европе создало себе целое пугало о завещании Петра Великого завоевать Индию».³

По мере вытеснения из Индии всех соперников голландцев, португальцев, испанцев, а также французов – в результате семилетней войны (1756-1763 годы) и насаждения своего политического и территориально-экономического господства, Англия не только ревниво следила за действиями России, но и стремилась закрыть все подступы к Индии, что, разумеется, не могло не затрагивать интересы всех великих держав. Словом, Индия во внешней политике Англии была самым уязвимым местом. Это убедительно про-

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч., Т.9. – М., 1977. – С.306.

² Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – С.6-7.

³ Замысел и действия по подготовке плана осуществления совместных походов подробно изложены в работе: Батарский. Проект экспедиции в Индию, предложенный Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру в 1800 и 1807-1808 гг.// Сборник географических, по то графических, статистических материалов по Азии. Выпуск XXIII. – СПб., 1886. – С. 170.

демонстрировала, в частности, Франция в своем соперничестве с Англией в конце XVIII – начале XIX веков. Причем, в свои действия Франция пыталась активно втянуть и Россию. Известны попытки Наполеона организовать совместно с Россией поход в Индию – при Екатерине II (1800 год), Павле (1800-1801 годы) смерть которого остановила это, а также, наконец, при Александре I. С последним Наполеон дважды обсуждал этот вопрос (в Тильзите – после заключения мира 1807 года и в Эрфурте – в 1808 году).¹

Следует сказать, что вопреки желанию официальной дипломатической службы, которая никогда не давала широкую огласку истинным намерениям российского правительства в отношении Индии, русские исследователи в зависимости от степени своей информированности не обходили стороной те факты, когда Россия занялась вплотную подготовкой похода на Индию. Причем, касаясь данного вопроса, они пытались определить степень готовности России к успешному проведению этой акции с одной стороны, а с другой – подготовленности Англии к ее отражению. И тут нельзя обойти довольно серьезный труд М.Грулева, посвященный изучению истории русско-английского соперничества в Средней Азии.²

В этой работе автор приводит мнения различного рода специалистов, прежде всего военных и крупных дипломатов, о вероятности нападения России на Британскую Индию, планы осуществления этого намерения, готовность России к ведению этой войны, а также степень готовности Англии к защите своей колонии и т.д. О походе в Индию, – отмечал М.Гулев, – немало писалось и говорилось, не говоря уже о походе, задуманном при императоре Павле I. Стремление перенести борьбу с Англией на среднеазиатский театр возникало у нас (т.е. у русских – Х.П.) каждый раз, как только обострялись наши отношения к «коварному Альбиону». Автор указывает, что во время Крымской войны (1853-1856 годы) генерал Хрулев настойчиво ходатайствовал об утверждении его проекта плана, похода в Индию, высказывая мнение о том, что «такая диверсия лучше всего подействует отрезвляюще на наших (русских – Х.П.) вековых соперников».⁴

О распространении слухов по поводу совместного решения России и Франции, на основе тайного договора после Тильзитского

¹ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – С.380.

² См.: Указ.соч. – С.22-76.

³ Там же. – С.22-23.

⁴ Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории хивинского похода 1873 года, – Ташкент, 1879; См. так же: Лобысевич Ф.М. Поступательное движение в Среднюю Азию. – С.84.

мира, предпринять совместный поход на Индию писали А.Шепелев и Ф.И.Лобысевич. Согласно их мнению, «с этого времени началось среди англичан развитие той «русофобии», которая, прикрываясь необходимостью ограждать британские интересы в Азии, привели английское правительство к действиям, следы которых долго и чувствительно отзывались именно на этих интересах».

Указывая на участвовавшее посещение Средней Азии английскими агентами А.Шепелев писал, что начиная с двадцатых годов XIX века, в среднеазиатских владениях по северную сторону Гиндукуша появляется ряд английских путешественников и торговцев, не ограничивающихся одними туристскими впечатлениями и коммерческими делами.² Ф.И.Лобысевич, почти дословно повторяя слова А.Шепелева, дополняет его только несколькими фактами. Так, он говорит о посещении Бухары в конце 1838 года полковником Стоддартом. Говорится также о вторжении индо-британской армии в Афганистан «с целью утверждения законного влияния британской нации в Средней Азии и противодействия иноземным интригам». Но этот роковой шаг стоил Англии более 18 тысяч человеческих жизней, 15 миллионов фунтов стерлингов, падения международного престижа, а также большого страха «вторжения России в Индию».³

Но до того было немало фактов, вызывавших беспокойство в российских дипломатических кругах. Хотя в России дальше попытки сбора к началу похода не пошли, тем не менее, это не могло не усилить подозрение и недоверие Англии к русской дипломатии, в противовес которой она активизировала действия по расширению своих границ за пределами Индии. Не случайно ее агенты из Ост-Индской компании с настойчивой активностью стали проникать в Афганистан и Среднюю Азию. Начало интенсивного посещения Средней Азии английскими миссионерами-разведчиками положила миссия Эльфинстона в Пешавар (1809 год).

В 20-30-х годах для сбора соответствующих материалов в Среднюю Азию и соседние государства были направлены ряд «профессиональных специалистов-исследователей». В 1821-1822 годах Фрейзер, посетил Хорасан, где ему удалось получить немало ценных сведений о положении среднеазиатских ханств. Пробиравшие-

¹ Шепелев А. Указ. соч. — С. 55.

² См. и ср. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал по истории Хивинского похода 1873 г. (из официальных источников). — СПб., 1900. — С.84-86.

³ См.: Бартольд В.Б. История изучения Востока в Европе и России.—С.335; Ист.Узб.ССР.—Т.1, кн.2. — Ташкен. 1956. — С.55.

ся в Бухару в 1825 году через Пенджаб, Кашмир и Афганистан, Муркрофт и Требек также преследовали цель изучить положение среднеазиатских ханств и намерения России. То же самое следует сказать и о поездке Стирлинга и Чарльза Мэссона, посетивших Афганистан, хотя они усердно скрывали свои намерения.¹

Из побывавших в Средней Азии представителей Англии в 30-х годах наиболее широкую известность получил дипломат-разведчик Александр Бернс, также прибывший в Бухару (1832, 1836-1838 годах) через Афганистан,² Вуд впервые посетивший верховья Амударьи.³ В 1836 году посланник эмира передал русскому царю сведения по поводу участвовавшего появления британских агентов в Бухаре.⁴

Британские эмиссары, помимо сбора разведанных стремились вытеснить Россию со среднеазиатского торгового рынка.

Не редки были случаи, когда британские разведчики проникали в Среднюю Азию в составе торгового каравана. К примеру, среди прибывших из Индии в Бухару в конце 1823 года – начале 1825 года 75 купцов с караванами семеро были англичанами, имевшими особые поручения, их сопровождала прислуга из индейцев и иранцев. Свой приезд они мотивировали закупкой чистопородных лошадей.⁵

Привозя с собой дешевые товары, реализация которых была явно в ущерб России, они стремились вытеснить ее из Средней Азии, при этом используя купцов из близлежащих стран. До конца 30-х годов, таким образом, англичанам удалось несколько укрепить свои позиции. Но события, разворачивающиеся в Афганистане, привели не только к военной неудаче Англии, но и показали ее истинные намерения среднеазиатским правителям. К тому же, активизация России в регионе способствовало оживление антибританских настроений властей, духовенства и других прослоек местного населения. Нетрудно было заметить явное предпочтение бухарского эмира в проведении пророссийской политики. Об этом свиде-

¹ См.: Бартольд В.В. Указ.соч. – С.335.

² О Вуде более подробно см.: Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орфографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. Изд.2, Пг., 1915. – С. 116-126; Зайцев В.Н. Памирская страна, центр Туркестана. Историко-географический очерк// Ежегодник Ферганской области. – Вып.2. – Новый Маргелан, 1903. – С.27-31.

³ Архив географического общества. – Р.89. – Оп.1. – №2. – Л.1; См. также: История таджикского народа. Т.2. – Кн.2. М., 1964. – С.77.

⁴ История таджикского народа.-Т.2.-Кн.2. – С.77.

⁵ Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. Составитель полковник А.Г.Серебrenников.-Т.3.-Ташкент, 1912. – С.31.

тельствует арест английского полковника Стоддарта, в 1838 году в Бухаре.

Неудачу в Бухаре английские дипломаты хотели компенсировать в Хиве, куда в 1840 году были направлены капитан Шекспир и А.Конолли. Последний на обратном пути из Коканда посетил Бухару, где был арестован. По велению эмира он в 1842 году с ранее задержанным Стоддартом был казнен. В этой связи следует отметить, что в секретной инструкции от 19 февраля 1841 года вице-канцлера Нессельроде капитану Никифорову говорится, что Хиву посетили два капитана Ост-Индской службы Аббот и Шекспир, и есть опасение, что появятся и другие агенты. Поводом для участия в посещении английских эмиссаров послужил поход Перовского в 1839 году в Хиву. Несмотря на неудачный его исход, существовало опасение повторной организации подобной акции, что вызвало беспокойство Англии.

Судя по содержанию документа, в России знали, что английские офицеры предлагали свои посреднические услуги для примирения Хивы и России. При таком исходе события послу Никифорову, как уже отмечено, было поручено не допускать вмешательства или посредничества в дела России, откуда бы оно не исходило.¹

Небезинтересен факт, приведенный в кратком отчете капитана Никифорова о его переговорах с хивинским ханом Аллакулом, состоявших в 1841 году, когда речь шла об отношении Хивы с Англией, хан несколько высокомерно говорил о своем противостоянии Англии. На предостережения русского представителя, «что с Англией лучше быть в мире», что эта большая европейская страна Хива не может добиться успеха выступая против нее, ответ хана был несколько неожиданным. Он четко заявлял: «Вы мне советуете быть в мире с ними (т.е. с англичанами – Х.П.), а друзья мои Аббот и Шекспир говорили мне не мириться с русскими». Далее хан с недоумением спрашивал, что ему делать в случае покушения Англии на его самостоятельность, ответ русского посла был таков: «Для этого довольно одного слова и в грамоте Его величества объявить, что вы союзник России и это оградит вас и народ ваш».² В этом документе явно ощущается дипломатическое противоборство России и Англии в Средней Азии. Но важно, что попытки Англии укрепиться в данном регионе потерпели провал.

Если суммировать мнения дореволюционных авторов, содержа-

¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т.3. – С.96-97.

² Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. – Т.2. 1849. – Ташкент, 1912.-С.202; См. также: Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию.-С.93-95.

ние сохранившихся соответствующих документов и суждения советских исследователей, то выясняется, что причины активизации английской дипломатии в Средней Азии кроются: а) в провале силовой политики Англии в Афганистане; б) в торгово-дипломатической активизации России в регионе. Не случайно в 1840 году эмир бухарский направил в Россию посольство с просьбой защитить Бухару от грозящего английского вторжения.¹ В ответ на это в 1841 году из России были направлены в Бухару горный инженер Бутенев, а в Хиву – капитан Никифоров, подробности об экспедиции которых изложены в данной работе.

Новая волна, активизации английской торгово-дипломатической службы в Средней Азии наблюдается в середине XIX века. К тому времени Англия «завершила подчинение Индии, – пишет Н.А. Халфин, – превратив ее в базу своей широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке». Более того, автор не без основания пришел к заключению о том, что «британская агентура вела, активную подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Туркмении, на Памире. Правящие круги Великобритании и английская печать прикрывали, маскируя эти действия, демагогической шумихой о «русской угрозе» Индии.

Небеспочвенность панического опасения Англии потерять Индию отмечена в той или иной форме многими дореволюционными авторами. В частности, Э.Штейнгель писал: «Боевой клич «в Индию» с давних времен мы читали и слышали в России, начиная с Петра I, до 1900 года не ради того, что бы Индия особенно привлекала нас – нет, а потому, что с потерей Индии Англия потеряет половину своего дохода и поступит в разряд второклассных держав».² Этот исследователь с некоторым презрением отзываясь об Англии, отмечает, что ей «более к лицу... быть в разряде второклассных держав, нежели первоклассных». Далее он с недоумением говорит, что самые сильные государства, какими является Россия, Франция и Германия, терпеливо относятся к этому и почему-то не укажут Англии подобающего ей места».³ И, наконец, он не скрывает своего желания увидеть военные действия России в Индии, которая может стать легкой добычей.⁴

¹ Штейнгель Э. Россия и Англия в вентральной Азии// Наблюдатель. – СПб., 1900.-№7.-С.49.

² См. там же, – С.60.

³ Там же. – С.52-53.

⁴ Оренбургский областной государственный архив, – Ф.6.-Оп.10.-Д.4095, – Л.7; См. также: Рожкова М.К Экономическая политика, царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. – М.-Л., 1949.-С.314-315.

Словом, соперничество Англии и России в Средней Азии в первой половине XIX века все больше обретало открытую враждебность, но несмотря на его явный политический характер наиболее видимой частью этого противоборства была борьба за рынок. В этом, естественно, самое ревностное участие принимали русские купцы.

Явным примером может послужить беспокойство ростовского купца Никулина по поводу возможного захвата Англией Бухары и Хивы. Поводом для того опасения был привоз «многих английских товаров в особенности ситцев, в эти ханства. О завозе большого количества английских товаров, главным образом, ситцев, через Мешхед в Бухарское ханство говорил Г. Небольсин.¹

Об активизации ввоза английских товаров через Индию, Иран и Афганистан в Среднюю Азию и о принятии противодействующих мер свидетельствовали и военные. По мнению генерала Хрулева, высказанного в середине 50-х годов, из-за английской конкуренции русская торговля в Средней Азии не могла развиваться.² Выход он видел только в изготовлении качественных товаров, тем более, что в этом Россия по его мнению еще имеет успех.³

Следует также отметить, что, наряду с другими причинами, побудившими оправить полковника Н.П.Игнатьева в Бухару с посольской миссией в 1858 г., было стремление к ограничению английской торговли в среднеазиатских ханствах.⁴

Опасение официальных лиц, купцов и военных не были беспочвенными. Сохранилось немало достоверных сведений об активизации английской агентуры в регионе. В 30-50-е годы английские разведчики особую активность проявляли среди туркменских племен. В этой связи нельзя не упомянуть о небезызвестном «путешественнике» А.Вернее. Переодетый в дервишскую одежду, он странствуя среди туркмен в 1830-1832 годах, приложил немало усилий, чтобы разжечь антирусское настроение у отдельных местных старейшин. В целом, его неблагоприятная деятельность прослеживается в написанной им книге «Путешествие в Бухару».⁵

¹ См.: Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. - 1850. Ч.2. С.372.

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). - СПб., Главный архив 1-9.-1859.-Д.12.-Л.87 об.

³ Проект устава товарищества для развития торговли во Средней Азии, - СПб., 1663. - С.25-27.

⁴ Там же.

⁵ Бернс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагара, с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию

Сохранился ряд документов свидетельствующих о том, что некий английский агент по имени Мухаммад бек, разъезжая в начале 50-х годов по туркменским селам и аулам подстрекал жителей выступить против России. В проникновении этого английского агента, в частности в кочевья туркмен говорится в рапорте от 17 июня 1854 года командующего эскадрой в Астрабадском заливе российскому послу в Иране Н.А.Аничкову. В письме Н.А.Аничкова, командиру отряда судов в Астрабадском заливе предписывается принять необходимые меры для пресечения враждебной деятельности английского агента среди туркмен (от 1 июля 1854 года). Об этом же говорится в письме товарищу министру иностранных дел, тайному советнику Л.Г.Синявину от 3 июля 1854 года.¹ В другом же письме на имя командующего эскадрой от 1 июля 1854 года последний указывает на попытки английского агента организовать нападение на русское крейсерство.² Активную подрывную работу среди туркмен вел английский консул в Иране Ч.Ф. Макензи.³ А во время своего пребывания в Гиляне, Мазандаране он пытался войти в контакт с туркменами с целью втягивания их в антирусские действия.⁴ Но все эти попытки не увенчались успехом.

Говоря о русско-английских противоречиях в Средней Азии, можно привести множество других фактов, свидетельствующих не только о наличии такого соперничества, но и степени его непримиримости, граничащей с прямым столкновением. В этом плане небезинтересен доклад руководителя штаба отдельного Оренбургского корпуса, статского советника Арцимовича от 4 декабря 1859 года и «Записка о будущих действиях России в Средней Азии» руководителя экспедиции капитана 1-го ранга Буткова к устью Аму-Дарьи в 1859 году. В этих документах речь идет о двух совершенно противоположных мнениях, что в целом отражает мнения, существовавшие тогда в официальных военных и общественных кругах.

Выводы статского советника Арцимовича основаны на сдерживании активизации России в Средней Азии и отказе от ее полного подчинения. Причину этого он видит в невыгодности региона для

Высшего Правительства Индии в 1831 г, 1832 и 1833 гг. лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Бернсом.-Ч.1-2. М., 1848.

¹ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов. – Ашхабад, 1963. – С. 433 и прим.

² Там же. – С.435-436.

³ См.: Там же. – С.472, 491, 494.

⁴ См.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений. – С.240.

российской экономики. Исходя из такого суждения, Арцимович открыто выступает против ревностного отношения России к Англии из-за Средней Азии. «Торговля в Средней Азии, – пишет он в своем докладе, – равным образом положительно убыточна для России. Достаточно обратить внимание на одно обстоятельство, что среднеазиатские купцы привозят нам (т.е. русским – Х.П.) товары, продают за наличные деньги, вывозимые, судя по ценности проданного ими в России товарищи рассчитывая на неверные сведения таможни в количестве 3-х, даже 4-х миллионов рублей».¹ Далее, указывая на то, что этот монетный капитал обеспечивает обращение до 20 миллионов в России кредитных билетов, подтверждает, что торговля в Средней Азии разоряет российские финансы.²

Говоря об английской конкуренции в Средней Азии, он отмечает, что она не должна стать причиной конфронтации между двумя державами. Он призывает вести дела в Средней Азии так, чтобы избегать всякого вооруженного столкновения с Англией.³

Совершенно противоположное мнение изложено в «Записке» Бутакова. Говоря о торговых интересах России в регионе, он указывает, что торговля в Средней Азии будет для России выгодна тогда, когда «в этих трех ханствах водворятся благосостояние, зажиточность, потребность в удобствах жизни и предметах сравнительной роскоши, – словом, чтобы в них проникала цивилизация».⁴ В этом он видел (во всяком случае хотел показать, что видит) миссию в России в регионе. Исходя из этих соображений, он считает, что цели русского водворения вверх по Сыру и на низовьях Аму должны быть преимущественно политические,⁵ что для России это означало владение всей Средней Азии и было настоящим ударом по Англии.⁶

Бутаков призывал к решительным действиям. Приняв в этом отношении полумеры, Россия уронит свой престиж окончательно перед азиатами. Это приведет к полному и дешевому торжеству Англии.⁷

Говоря о политике двух держав в Средней Азии, нельзя не заметить две ярко выраженные тенденции. Первая – это резкая непримиримая враждебность их интересов, когда речь шла об утверждении

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф.483. – Ед. хр.53. – Л.3-3 об.

² Там же. – Л.3. об.

³ РГВИА. – Ф.483.-Ед. хр.53. – Л.4-4 об.

⁴ Там же. – Л.7.

⁵ Там же. – Л.7 об. – 8.

⁶ Там же. – Л.11. – Л.12 об.

⁷ Там же. – Л.11 – 12 об.

нии колониального господства в регионе. Это отмечается в работах подавляющего большинства, исследователей, официальных документах и других письменных источниках. Вторая хотя и менее заметная тенденция, была несколько примиренческой и построенной на спекулятивно-унизительном тоне, выплескивавшимися из уст представителей более реакционных кругов при определении своих позиций в отношении к среднеазиатским ханствам и Восток в целом. Не случайно в их работах часто встречаются такие презрительные эпитеты применяемые к местным народам, как «варвары», «невежды», «дикие», «нецивилизованные» и т.п. При этом подчеркнуто говорилось о исторической миссии подчинения этих народов под своей властью намерением «их приобщения к цивилизации». Наиболее ярким сторонником второй тенденции был профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф.Мартенс. Свой праждебно настроенный отзыв о среднеазиатских народах он изложил в работе «Россия и Англия в Средней Азии» (СПб., 1880), которая получила вскоре достаточно широкий отклик среди наиболее агрессивно настроенных представителей официальных и военных кругов колониальных держав. Во всяком случае барон К.Траубе, переведя эту работу с французского на русский язык, в своем предисловии указывает на ее широкую популярность.¹

В книге красной нитью проходит мысль о том, что русское и английское правительства и общественность должны не придавать значения тем слухам, которые часто появляются в печати и распространяются неофициально. Несмотря на то, что и в Англии и в России есть немало приверженцев войны друг против друга, тем не менее, по мнению автора работы эти цивилизованные державы «должны управлять азиатскими народами, – таков лозунг приверженцев решительной английской политики в Азии».²

Остановившись на «значении международного права и европейской дипломатии в Средней Азии», Ф.Ф.Мартенс пытается оправдать завоевание местных ханств. Ставя их за черту правил международного права, он пытается доказать, что европейское международное право не может регулировать «сношение цивилизованных народов с народами дикими или полуварварами». Согласно его «твердого и справедливого» убеждения, «жизнь дикарей не знает ни торговли, ни земледелия, ни ремесел».³ Этим он преследует только одну цель: оправдать завоевание региона, т.е., по его логике, эти народы имели лишь одно право – быть зависимыми, но ни

¹ Траубе К. Предисловие к кн. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1880. – С.1.

² Траубе К. Предисловие. – С.3.

³ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1880. – С. 15.

от кого-либо, а именно от Англии или России. Ибо эти народы, согласно его суждению, не могут признавать каких-либо юридических правил, которым бы они должны были подчинять свою волю.

Поэтому явно «превосходящая сила только одна в состоянии заставить их отступить перед безусловной необходимостью».¹

Данная работа была написана в конце 70-х годов, когда в основном завоевание Средней Азии Россией являлось уже свершившимся фактом, но сам дух оправдания колониальных замыслов и действий остался без изменений. Более того, на фоне обострившихся разногласий между этими двумя заинтересованными колониальными державами появление такого рода примиренческого призыва, основывающегося на «законном праве» этих держав, что не только не разъединял, а наоборот, способствовало тесному объединению их во имя торжества той «благородной миссии», возложенной на них «богом и совестью», не могло оставаться незамеченным и не найти своих последователей. Именно на это и была направлена основная идея и цель Ф.Ф.Мартенса о чем сам он и заявлял: «Основная идея... – это идея глубокого и непоколебимого убеждения, что интересы России и Англии в Средней Азии в сущности солидарны».²

Уверенно излагая свои соображения о перспективе сближения Англии и России, он не замечал глобальную пропасть между интересами этих стран. Несмотря на все свои благие пожелания и идейные призывы ради установления тесных дружественных контактов с целью объединения усилий в покорении «диких и необразованных» народов Востока, этот профессор – «идеолог и правовед» не мог подняться до уровня инстинктивного понятия природы капиталистического производства и мышления, в котором экономические интересы и выгоды всегда стоят выше любых духовных, моральных и даже родственных чувств и пожеланий. Вот почему, несмотря на то, что у Ф.Ф.Мартенса было немало сторонников, его идея о сближении интересов России и Англии не могла, пойти дальше благих пожеланий.

Ознакомившись в целом с материалами отражающими различные эпизоды довольно сложного узла русско-английских противоречий в Средней Азии, невольно возникает законный вопрос: настолько же реальна, была, угроза завоевания Индии или же привело бы стремление Англии укрепиться в Средней Азии к экономической и политической оккупации региона? При всей противоречивости суждения все же можно выделить степень реальных

¹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1880. – С. 16.

² Там же. – С.90.

намерений двух держав. На наш взгляд, реальность была такова: обе державы вынашивали твердое желание не упустить благоприятного случая, чтобы осуществить свои давнишние мечты и тем самым сильнее ударить по сопернику. Об этом свидетельствуют не только торговые контрамеры, но и факты прямой, вернее, открытой попытки организации похода в Индию, как это было при Павле I, или Англия в случае успеха в Афганистане не прочь была предпринять военные действия и в Средней Азии. К тому же, переход этих двух держав к прямым военным действиям зависел во многом от состояния международных реалий, главным образом от тех противоречий, которые существовали между крупными капиталистическими державами и которые часто изменялись в отношениях друг к другу.

Исходя из такого соображения, сводить все действия этих держав к безобидной дипломатической игре является, по меньшей мере наивным представлением исследователей, придерживающихся такого мнения.

Социализм: теория и практика.
— 2007. — №1-2. (31-32). — С. 109-130.

РОЛЬ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОПОЗНАНИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА¹

Среди множества факторов, способствующих формированию национального сознания любого народа, едва ли не самое ведущее место занимает историческое самопознание. Не случайно в развитых странах мира, с гордостью пропагандируя свои достижения, как правило, увязывают их с собственной историей, стремятся продемонстрировать свои исторические достижения, роль или участие далеких и близких предков в развитии мировой цивилизации.

Объективный подход к изучению своей истории не только стимулирует национальную гордость, ведет к национальной консолидации, способствует научно-техническому, социально – экономическому и культурному прогрессу, но и сохраняет от возможности впадения в другую опасную крайность – ярый национализм. Можно смело утверждать, что национальное сознание развивается пропорционально уровню исторической осведомленности народа. Эту истину доказала история стран Европы нового и новейшего периодов. Эту истину доказали и события последних лет в крайне отсталых странах Азии, Африки и Латинской Америки. И, наконец, эту истину полностью продемонстрировали события 90-х годов в Таджикистане.

На наш взгляд, одной из главных причин возникновения местных, религиозных и даже крайне националистических проявлений, поднявших в Таджикистане политический накал до братоубийственной гражданской войны, кроется в недостаточной и в явно слабой собственной исторической осведомленности народа. Хотя казалось, что с таким богатым историческим прошлым и гуманистическими традициями, как у нашего народа, можно было бы предугадать исход тех трагических замыслов амбициозных властолюбивых личностей, выдававших себя за «защитников демократии, свободы и благополучия народа».

Не случайно своевременное обращение к своей истории, к своим историческим ценностям и явилось одной из главных причин сравнительно быстрого перехода в стране к всеобщему согласию и консолидации духовно здоровых сил. Отраднo заметить, что благодаря осознанному, целенаправленным действиям руководства республики и наиболее сознательной части населения, обращение к урокам истории теперь поставлено на уровень официальной поли-

¹ Статья была опубликована под названием «Роль русских исследователей в формировании национального самосознания таджикского народа».

тики и становится одним из важных атрибутов нашей национальной традиции.

По инициативе Президента нашей Республики Эмомали Шариповича Рахмонова осуществляется широкая программа действия по изучению своего прошлого. В этом плане примечательно присвоение высокого звания «Героя Таджикистана» выдающимся историком С.Айни и Б.Гафурову, подготовка и проведение юбилеев 90-летия академика Б.Г.Гафурова, 1100-летия Государства Саманидов, публикаций важных исторических исследований, среди которых следует особо выделить работы самого Президента страны, где красной нитью проводится призыв изучать уроки прошлого. Целенаправленные практические действия таджикских ученых в объективном изучении истории своего народа проявляются в их монографических исследованиях и, в особенности, в подготовке к выходу в свет такого эпохального труда, как «История таджикского народа» в шести томах: из них первые два уже увидели свет, а остальные находятся в работе. И при всем этом нельзя забывать, что у истоков научного изучения историй таджикского народа стояли русские исследователи. Они, по сути дела, и открыли нашу историю не только для европейского и российского читателя, но и для самих таджиков.

Историю таджикского народа они начали изучать в ту пору, когда сам народ еще был как бы отдален от осознания своего славного прошлого плотной многовековой стеной самозабвения, когда по воле судьбы и обстоятельств о былом державном могуществе бедно напоминали лишь язык, бытовые и нравственные традиции, причем и те выдавались за чуждые приобретения. Когда слово «таджик» оказалось не только синонимом нищеты, бесправия и унижительно насмешливого восприятия людей, гордившихся своим монгольско-тюркским происхождением, но и получило подчеркнуто унижительное определение родового происхождения типа «гальча», «сарты» и т.п.

По мере утверждения пантюркизма как крайне реакционного национально-шовинистического течения, таджиков перестали считать коренными жителями региона, преднамеренно доведя их этногенезологические корни к арабам, якобы переселившимся в Среднюю Азию и принявшим персидский язык. А по другим «домыслам» таджиками назывались персы, покинувшие когда-то просторы южной Персии (Ирана).

На фоне таких мрачных исторических определений беспросветного средневекового прозябания, а еще хуже, неудержно ползучей расовоязыковой ассимиляции, породившей реальную опасность исчезновения таджикского народа, активизация политики России в регионе и в связи с этим возникший интерес русских ученых к ис-

тории здешних народов «породило», в буквальном смысле слова, начало историческому самоутверждению таджиков. Но чтобы окончательно поднять к свету пласты забытой истории народа, некогда стоявшего у колыбели центрально-азиатской цивилизации, нужны были годы упорного труда для того, чтобы самим таджикам показать их место и роль в истории, чтобы пробудить их интерес к осознанному восприятию собственной истории, нужен был немалый отрезок времени. Только объективно проследивая этот процесс, мы сегодня должны и можем определить тот еще не оцененный по достоинству гигантский вклад, который внесли русские исследователи в формирование исторического самопознания таджикского народа.

Довольно нечетко, но все же первые сведения о том, что таджики по расово-этническим и языковым качествам существенно отличаются от остальных жителей региона, появились в российской печати в конце XVIII-начале XIX веков. Указывая на отличительные особенности части населения, именуемой как «гальча», «сартов» или «горные персияне», исследователи вели речь именно о таджиках, хотя из-за отсутствия достаточной информации они не могли еще четко обозначить их единым названием: таджики. К примеру, русский врач-майор Бланкеннагель, направленный в 1793 году в этот край Екатериной II по просьбе хивинского, высокопоставленного чиновника, для лечения его дяди от глазной болезни, указывал на незавидное социальное – политическое положение сартов (имея в виду таджиков), в то же время отмечал, что они являются древними жителями края, занимаются торговлей, другими промыслами и потому по сравнению с другими живут в достатке.¹ Переводчик Отдельного Сибирского корпуса Филипп Назаров, отправленный в Коканд в 1813-1814 годах, о своих впечатлениях, в частности о таджиках, писал, что между горами разбросаны кокандские селения «восточных персов», называемых гальчами, т.е. горскими народами, которые занимаются хлебопашеством и разведением фруктовых садов.² Характеризуя также занятость населения городов Коканда, Ташкента, Ура-Тюбе, Худжанда и других, в которых в основном жили таджикские торговцы и ремесленники, он ни разу не употребляет слово «таджик».³

Первым среди русских и европейских исследователей, кто уже четко выделяет таджиков от представителей других народов и пле-

¹ Замечания майора Бланкеннагеля по поездке его из Оренбурга в Хиву в 1793-94 годах. – СПб, 1858. – С. 1.

² Назаров Ф. Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. – М.: Наука, 1968. – С.35.

³ Там же. – С.49,50, 52-54, 56.

мен Центральной Азии, был член Российского посольства, отправленного в Бухару (в 1820-1821 годах) во главе с А.Ф.Негри, барон Е.К.Мейендорф. Пытаясь охарактеризовать расово-этнические особенности народностей Бухарского ханства, он писал: «Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна, победившая и господствующая, другая, побежденная и подчиненная. Первую составляют узбеки, вторую таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европеийскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы».¹

Склонно желая выделить и другие отличительные, традиционно сложившиеся черты таджиков Мейендорф с определенной симпатией подчеркивал: «Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они купцы, ремесленники и земледельцы. Кочевая жизнь не доставляет им никакой радости, большинство умеет читать и писать, и, кроме духовенства, составляет наиболее цивилизованную часть бухарского населения». По его сообщению, таджикский язык являлся в то время официальным государственным языком.

Отрадно отметить, что выдающийся русский писатель И.И.Гоголь первым в России привел довольно четкие аргументы, свидетельствующие об арийском происхождении иранских народов Средней Азии (то есть таджиков). Указывая на их совершенно противоположный и вовсе отличный мир от римского он отмечал, что «физическая и духовная их природа носила резкий отпечаток самобытности и особенности». Оценивая древность их ареала, распространение и степень влияния на другие народы, он писал следующее: «Состояние их во время первого знакомства с ними римляни уже показывало давнюю оседлость в Европе и что переселение их совершалось в глубокой древности. Но что оно истекало из Азии тому доказательством служит странное сходство некоторых древних слов языка германского с персидским... Как бы то ни было, но первоначальное происхождение германцев было из Азии, переселение их совершалось в отдаленные времена».²

Первоначальные сведения о таджиках вскоре существенно обогащаются, углубляются известным востоковедом и дипломатом П.И.Ханыковым. Посетив Бухарское ханство в составе Посольства В.Ф.Бутенева в 1841 году, Н.В.Ханыков занялся не только науч-

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975.

² Там же. – С.105.

³ Гоголь И.В. О движении народов в конце V в. // Собр. соч.-Т.6. – М., 1986. – С.117-118.

ным изучением данного ханства, но и всего края. Результаты своих наблюдений он обобщил в известной работе «Описание Бухарского ханства», изданной в 1843 году. Говоря о таджиках, как о коренных жителях Бухарского эмирата и соседних государств, он отмечал, что они здесь первые земледельцы, возделывали поля и сады, но нашествия арабов нарушили их размеренную жизнь. Затем исследователь в своем труде упоминал об их могущественном государстве Саманидов, которое было «окончательно низвергнуто узбеками», говорил о завоевательных войнах татаро-мангольцев, о господстве Тимура и Тимуридов, и вновь подчеркивал, что «узбеки опять – стали теснить наследников его в конце XV столетия, снова завладели Мауероняхром (Мавераннахром – Х.П.), в котором они доныне господствуют».¹ В результате этого, хотя в целом и сократилась численность таджиков, но, тем не менее «они составляют главное народонаселение города Бухары».²

Н.В. Ханьков и позже, когда занимался вопросами этнографии персов, не переставал интересоваться характерными особенностями таджиков. Нельзя не привести следующее его утверждение: «Тюркские народы, – писал он, – сами в значительной степени видоизменившиеся в результате благотворных контактов с иранскими народами, не смогли оказать сколько – нибудь заметного воздействия на тип местного населения, начало формирования которого восходит, как мы уже видели, к периоду более чем двадцативековой древности».

Завоевание и присоединение Средней Азии к России открыло специалистам широкие возможности заняться исследованием истории края. Несмотря на колониальные намерения официальных властей, история Средней Азии, в особенности таджикского народа, стала объектом серьезного научного исследования. Почти все исследователи древней, средневековой истории среднеазиатского региона в той или иной степени коснулись проблемы выяснения и обоснования цивилизационной роли таджикского народа. Они же не могли не отметить и наличие или степень того влияния, которое продолжали оказывать таджики в культурной да и экономической жизни позднесредневекового и нового периодов истории народов Средней Азии. Вот, например, мнение одного из исследователей края – А.Д.Гребенкина, «С занятием города Туркестана (1864 г.), – пишет он, – мы вступили в страну таджиков, и чем дальше с того времени продвигались на восток и юг, тем таджикское население встречалось чаще и чаще, наконец в западных строгах Тяньшана, из которых берут свое начало Чирчик, Ангренъ, Сыр, Аксу и За-

¹ Ханьков Н.В. Описание бухарского ханства. – СПб, 1843, – С.53-55.

² Там же. – С.55.

раньше, оно обратилось в перобладающее над тюркским, а местами в совершенно сплошное таджикское, без примеси другой народности»¹. Далее он неоднократно и объективно утверждает, что такие понятия, как таджик и город, таджик и торговля, таджик и ремесло, таджик и культура, образование неотделимы.² Подобные ценные оценки о таджиках как в историческом плане, так и в их роли в социально-экономической и культурной жизни региона, нередко встречаются в работах В. Буняковского, П. Кальдевина, Н. Стремоухова, А.П. Хорошхина, А. Куна, А.Ф. Миддендорфа, В.П. Ниливкина, И.Л. Яворского, П.П. Гейера, В.Л. Вяткина, П.С. Кузнецова и многих других.³

Особая роль среди исследователей в изучении истории таджикского народа принадлежит выдающимся востоковедам В.В. Бартольду и А.А. Семенову. В.В.Бартольд во всех своих купных исследованиях в той или иной мере говорит о ведущей роли таджикского народа в истории и культуре центральноазиатского региона. Но особенно предельно ясно он освещал ее в историческом очерке «Таджики».⁴ И несмотря на то, что за годы советской власти усилиями ученых, главным образом академика Б.Г. Гафурова, были изданы специальные фундаментальные труды по истории таджикского народа и в настоящее время продолжают выходить в свет полные и комплексные исследования, тем не менее, эти работы не могут затмить заслуги В.В.Бартольда, А.А. Семенова, М.С. Андре-

¹ Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. – М., 1872. – С.1.

См. там же. С.3, 21, 37, 49, 50 и далее.

² См.: Буняковский А.В. О пространстве и наследии Туркестанского края // Русский Туркестан. Вып. Л. – М., 1897. – С. 19-133; Кальдевин Н. Битва русских с бухарскими в 1868г. – СПб., 1873. – С.2; Стремоухов Н. Поездка в Бухару // Русский вестник. – 1875. – №6. – С.678; Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб, 1876. – С. 209, 217, 226; Кун А. Очерки Коканского ханства. – СПб, 1876. – С.4; Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб. – 1882. – С.399; Ниливкин В.В. Краткая история Коканского ханства. – Казань, 1886. – С.18; Яворский И.И. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненную летом 1894 года (Поездка в горную часть Бухарского ханства и Самаркандскую область). – Одесса, 1895. – С.41; Гайер И.И. Путеводитель по Туркестану, – Ташкент, 1901. – С.27, и др.

³ См.: Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. Т.Н. ч.1. – М., 1963. – С.449-470; Он же: К истории орошения Туркестана // Соч. Т.Л. – М., 1965. – С.97-209; Статьи из «Энциклопедия ислама»: Бадахшан // Соч. Т. III. – С.343-347; Бухара. – Там же. – С.378-393; Гиссар (Хисор). – Там же. – С.401 – 402; Каратегин. – С.445-447; Согд. – С.487-488; Сыр-Дарья. – С.491-493; Тохаристан. – С.514-515; Хуталь. – С.555-557; Чаганиян. – С.558-559 и др.

ева. Они же состоят в том, что эти ученые стали по сути дела создателями таджикской школы исторических исследований. И почти все известные исследователи истории Средней Азии, главным образом таджикского народа, прошли эту школу.

Следует отметить, что роль русских исследователей в изучении истории таджикского народа не ограничивается лишь дореволюционным, и первыми годами советского периода. Передовые традиции русского востоковедения, которое по праву занимало ведущее место в мире, передавались каждому новому поколению исследователей. Таджикские ученые, начиная от Б.Гафурова и кончая учеными-историками среднего возраста, в той или иной степени испытали на себе влияние российской школы исторических исследований.

Если к тому еще добавить и то, что русские ученые принимали активнейшее участие в создании научных и учебных центров в Таджикистане (Академия наук, различные вузы), да и серьезной научной разработкой различных периодов нашей истории, то становится ясным, насколько велик тот определяющий вклад, который они внесли в подлинно научное изучение истории таджикского народа и тем самым заложили прочную основу для его исторического самопознания. Разве мы вправе забывать заслуги С.Ф. Олтенбургга, Е.Н. Павловского, А.М. Беленицкого, М.М. Дьяконова, П.П. Иванова, Н.Н. Прохорова, И.С. Брагинского, В.А. Козачковского, А.В. Макашова, А. Я. Вишневского, Ю. Николаева, Т.К. Антоненко и ныне здравствующих русских ученых Б.А. Литвинского, А. Давидович, А.А. Ранова, Т.И. Зеймал, В.С. Соловьева, Л.Т. Пьянковой, А.П. Сечкиной, М.А. Бубновой, В.В. Дубовицкого и др., которые вложили огромный вклад в изучении различных периодов истории таджикского народа. Наша задача состоит в том, чтобы объективно выявлять и показывать все ценное, что было сделано российскими исследователями в этом направлении. Этим мы воздадим не только дань светлой памяти тех, которых нет сегодня среди нас, ценим заслуги ныне здравствующих, но и определим новые моменты в нашей истории и степень причастности таджикского народа к центрально-азиатской и мировой цивилизации. В этом один из главных стимулов дальнейшего развития национального самосознания и консолидации народов во имя мира и прогресса в республике.

Роль России в становлении таджикской государственности (1917-1929) // Матер. междунаrod. конф. – Душанбе, 2000. – С.64-71.

ВКЛАД РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТАДЖИКИСТАНА

Как известно, с последней четверти XIX в. в Средней Азии, и в том числе на территории современного Таджикистана, вели научные исследования не только отдельные ученые, но и начали создаваться различные научные общества. Они являлись либо местными организациями, либо отделами или филиалами всероссийских научных обществ.

К числу этих организаций относились: «Туркестанский отдел Русского Географического Общества», «Русское техническое общество», «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии», «Общество сельского хозяйства», «Туркестанский кружок любителей археологии и истории Востока», «Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края» и др. Всего в пределах Туркестана к началу XX в. функционировало почти 15 научных обществ.

Членами этих научных обществ, к числу которых относились известные естествоиспытатели, востоковеды, археологи, этнографы, языковеды, внесен неопределимый вклад в изучение истории и культуры народов Средней Азии в целом и таджикского народа в частности. Опираясь на первоисточники, личные наблюдения, расспросные сведения, они в той или иной мере воссоздали летопись жизни и культуры таджиков средневекового и нового периодов.

Немало ученых и путешественников, преодолевая невероятные трудности, по горным тропам и бездорожью с опасностью для жизни собирали разнообразный материал по истории, этнографии, археологии, фольклору, лингвистике, составляющий ныне золотой источниковедческий фонд, мимо которого не может пройти ни один ученый, так или иначе интересующийся дореволюционной историей таджикского народа.

В деле накопления необходимых источников, создании великодушных научных трудов по истории, этнографии и другим исследовательским направлениям, особая роль принадлежит членам Императорского Русского Географического Общества.

Хотя изучение Средней Азии в целом и территории Таджикистана в частности берет начало задолго до присоединения края к России и это выпукло прослеживается в работах: Е.К.Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (издана в 1826 г. на французском и немецком языках), Н.В.Ханыкова «Описание Бухарского ханства» (СПб, 1843 г.); в работах историка – востоковеда В.В.Григорьева и др. однако широкий простор для всестороннего изучения Средней Азии открылся лишь после ее присоединения к России. В этом плане

особая роль принадлежит членам Русского Географического Общества, неоценимый вклад в развитие которого внес выдающийся путешественник П.П.Семенов – Тяньшанский (1827-1914гг.), бесменно возглавлявший Общество свыше сорока лет (с 1873г.).

Заметная роль в географическом, историческом, археологическом и этнографическом изучении края принадлежит таким ученым, как Н.А.Северцов, А.П.Федченко, В.Ф.Ошанин И.В.Мушкетов, братья Г рум-Г ржимайло и др. К примеру, Н.А.Северцов, посетив Среднюю Азию в 1857г., положил начало изучению восточной части Памира; ему первому удалось также собрать обширный материал не только по географии, флоре и фауне края, но и по истории и этнографии народов его населяющих

Сведения о Памире приводятся Н.А.Северцовым в таких работах, как: «С Памира» («Туркестанские ведомости», 1878. – № 35), «Экспедиция на Алай и Памир» («Туркестанские ведомости», 1878. – №№ 8,9,14), «Краткий отчет о памирских исследованиях и общих научных результатах Ферганской ученой экспедиции» (Известия РГО, – Т.ХV. – Вып. 2., – СПб., 1879, – С.66-78) и др.

В семидесятые годы довольно ценные сведения по истории, экономике края были собраны полковником П.П.Матвеевым, который совместно с астрономом Ф.Ф.Шварцем и зоологом В.Ф.Руссовым совершил поездку в район левобережного Афганистана и Бадахшана. Автор в своей работе «Поездка по бухарским и афганским владениям в феврале 1887 г.» (Сборник материалов по Азии. – Вып.V. – 1988г.), указывая на политическую нестабильность края, приводит важные историко-этнографические сведения.

Немаловажная роль в освещении истории жизни и быта населения левобережной части Восточной Бухары и Памира принадлежит сотруднику российского Посольства И.Л.Яворскому. Материалы, содержащиеся в его двухтомной работе «Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг.» (т.1-2. – СПб., 1883) и поныне не потеряли своей источниковой ценности.

В этом плане нельзя не упомянуть о деятельности А.П. Федченко (1844-1873), чьи работы по изучению этнографии и материальной культуры населения Памира внесли весомый вклад в исследование территории Средней Азии. Возглавляемая им 1872 г. экспедиция в Кокандское ханство и Восточный Памир по сути открыла Памир научному миру. В опубликованных в «Туркестанских ведомостях» и, в качестве приложения, в «Известиях Русского Географического Общества» (за 1873г.) материалах А.П.Федченко приводит ценные сведения о родоплеменной принадлежности населения восточной части Памира, о его материальной культуре и верованиях.

В изучении истории и этнографии дореволюционного Таджикистана яркую роль играл и В.Ф.Ошанин. Будучи ближайшим сорат-

ником А.П.Федченко, он посвятил исследованию Средней Азии более тридцати лет жизни. Результаты его поездки в составе экспедиции 1876 г. на Алай пополнили сведения о Памире новыми данными. Впоследствии они были существенно дополнены Л.Ф.Костенко и А.Г.Серебrenниковым.

Работы полковника Л.Ф.Костенко о «Военно-научной экспедиции на Алай и Памир» (Военный сборник. — 1877. — №4, — Отд.1), опубликованные затем и в его трехтомном труде «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа» (СПб., 1880), содержат важный материал для определения родоплеменного состава киргизского населения восточной части Памира и других районов дореволюционного Таджикистана.

Нельзя не отметить также заметной лепты, которую внесли в исследование территории края, члены экспедиции 1883г. во главе с капитаном Путятю — горный инженер Д.Л.Иванов, топограф И.Бендерский и др, оставившие важный материал касательно социально-экономической и политической жизни населения западных районов Памира. В частности, Д.Л.Иванов в своих работах: «Путешествие на Памир» (Изв.РГО — т.ХХ. — 1884 — С.209 — 252), «Шугнан. Афганские очерки» (Вестник Европы, — 1885. №№6,7); и Путятя в «Очерке экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883г.» (Сборник материалов по Азии, — Вып.10. — СПб., 1884, — С. 1-88) приводят подробное описание политических событий, связанных с захватом западно-памирских районов войсками афганского эмира Абурахман-хана.

Тоже самое можно сказать и о результатах экспедиции доктора А.Э.Регеля и топографа П.Е.Косякова, которым удалось в результате своих поездок в 1881, 1882 и 1883гг. собрать огромное количество материала по территории Бадахшана, Рушана, Шугнана, а также по Каратегину и Дарвазу до верховьев Ванча.

Говоря о роли членов Русского Географического Общества в изучении территории края, необходимо отметить большое научное значение, которое имеют сведения, собранные Ш.Акимбетовым в результате его поездки по среднему течению Зеравшана. В его работе «Очерки Когистана» (Туркестанские ведомости. — 1881. — №№2,3) даны подробные характеристики жизни и быта населения Кухистана, и в особенности ягнобцев.

Ценными являются также материалы, собранные Г.Е.Грум — Гржимайло по результатам научных экспедиций 1886-1887 гг.в Ферганскую долину, Кашгар, Памир и западный ТяньШань, сохранившихся им по поручению Русского Географического Общества. Большую ценность имеют и материалы, собранные им в 1883-1891гг. по результатам длительных экспедиционных поездок по Памиру. Они являются неоценимым вкладом в изучение сложной

политической ситуации края, этнографии Памира, Припамирья и Восточной Бухары.

Из плеяды видных ученых – путешественников, внесших большой вклад в изучение различных районов дореволюционного Таджикистана в последние годы, следует особо выделить видного ботаника-географа С.А.Коржинского, посетившего Фергану и Алай в 1896г В 1897г., проведя свои исследования на Памире (в Шугнанае и Рушанае), он опубликовал ряд работ по истории и этнографии народов Памира.

По поручению Русского Географического Общества в течение 1896, 1897 и 1899 гг. проводил исследования на территории Бухары и на Памиро-Алайских горных системах профессор ботаники В.И.Липский. В своем трехтомном труде «Горная Бухара» он приводит ценные сообщения по истории и этнографии Гиссара, Кара-тегина, Дарваза и других бекств.

Важные сведения о жизни и быте таджиков как горных, так и равнинных территорий имеются в работах таких исследователей, как: К.А.Абрамов, А.Харошхин, Г.А.Арандаренко, В. Ф. Ошанин, Н.А.Маев, А.Кушакевич, А.Гребенкин, А.Бобринский, П.Е.Кузнецов, Н.А.Маллицкий, Д.А.Снесарев и др., так или иначе связанных с РГО. Опубликованные ими на страницах «Туркестанских ведомостей», «Среднеазиатского вестника», «Известий Туркестанского отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», «Военном сборнике», «Известиях ИРГО», «Известиях Туркестанского отдела РГО» и в других научных изданиях многочисленные статьи по различным региональным проблемам; а также отдельные монографические работы этих исследователей содержат огромное количество бесценного материала, как по истории, так и по этнографии таджикского народа.

Среди исследователей, которые приложили усилия в освещении истории отдельных районов современного Таджикистана следует упомянуть Н.А.Маева, капитана Кузнецова, Варыгина, Гавевского и др.

В конце хочется несколько остановиться на истории создания Туркестанского отдела РГО. Как известно, еще по инициативе генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана в 1869 г. для всестороннего изучения Средней Азии было основано «Среднеазиатское ученое общество». Но оно скоро закрылось « так как недостаток на месте деятелей и, главное, то обстоятельство, что требования чисто практического свойства по устройству только что завоеванных стран, временно заслонили собой научные вопросы и не дали возможности прочно осуществить задуманное». Во всяком случае, на такую причину ссылается составитель отчета о работе Туркестанского

отделения РГО за 1897 г. (Изв. Туркестанского отделения РГО. – т. 1. – Вып. 1-2. 1898-1899. – С.109-110).

Осознавая, однако, все отчетливей необходимость создания Отдела Географического Общества в Туркестане, в конце 1895г. Туркестанский генерал-губернатор – барон Александр Борисович Вревский – ходатайствует перед Императорским Русским Географическим Обществом об открытии Туркестанского отдела. При деятельной поддержке вице-председателя ИРГО П.П.Семенова 20 мая 1896г. «состоялось Высочайшее повеление согласно мнения Государственного Совета в Соединенных Департаментах законов и Государственной экономии от 18 апреля и общего собрания, от 29 апреля:

1. Разрешить Императорскому Русскому Географическому Обществу открыть в составе оною особый отдел в городе Ташкенте, под наименованием Туркестанского.

2. Представить министру Внутренних дел утвердить положение для сего отдела.

3. Туркестанскому отделу географического общества производить с 1-го января 1897 года пособие из Государственного казначейства в количестве двух тысяч рублей ежегодно, со внесением сего расхода в надлежащие подразделения расходных смет Министерства Внутренних дел». (Известия Туркестанского отделения РГО, – Т.1. – Вып.1-2. – 1898-99. – С. 110)

Первое заседание отдела состоялось 28 февраля 1897 г. под председательством А.Б.Вревского. Было избрано Правление отдела в составе: С.И.Жилинского (председатель Правления), В.Ф.Ошанина и А.П.Михайлова (члены Правления), П.А.Дьячкова (правитель дул), Н.А.Бендерского (казначей отдела).

Генерал-губернатор А.П.Вревский был избран почетным председателем Отдела. Такая традиция продолжалась при всех последующих генерал-губернаторах (в 1899г. при С.Т. Духовском; в 1901 – при Н.А.Иванове).

В конце первого года существования Отдела было действительных членов 78. Из них иногородних 11. За 1897 год научная деятельность Отдела выразилась в четырех экспедициях, предпринятых за счет средств Отдела.

Таким образом, начиная с 1897 г., т.е. после создания Туркестанского отдела РГО, географическое изучение края поднялось на качественно новый уровень. Географическим открытиям сопутствовало и историко-этнографическое изучение территории нынешнего Таджикистана.

Вклад Русского Географического общества в исследование Средней Азии (материалы научно-практической конфер.).
– Душанбе, 2006. – С. 36-43.

К ИСТОРИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

При всем том глубочайшем кризисе, охватившем различные стороны жизни народов бывшего Союза и приведшем к его распаду, самым болезненно ощутимым явлением считается нарушение тесно переплетенных взаимных интересов всех наций и народностей, проживавших в том государственном пространстве, именуемом СССР.

Этим история в очередной раз доказала, что крайне трудно, да и невозможно разрубить все традиционно устоявшиеся узы, из которых сложились отношения, вернее взаимоотношения двух или нескольких народов. Причем степень прочности этих взаимоотношений во многом зависит от их продолжительности во времени. Ибо со временем они становятся сначала доверительными, а затем и традиционно дружественными. Это убедительно можно продемонстрировать на примере России и среднеазиатских государств, взаимоотношения которых имеют почти полутора тысячелетнюю историю. Эти отношения сложились, развивались и изменялись соответственно с теми переменами, которые происходили в жизни государств и народов, обитавших на бескрайних просторах России и Центральной Азии.

Не умаляя степени взаимных тяготений русских с другими народами среднеазиатского региона, все же, на наш взгляд, русско-таджикские отношения становились и развивались на совершенно иной почве, придающей им особую обоюдную заинтересованность и значимость. Они зиждятся на следующих факторах:

- а) исходя из ареала обитания древних таджиков как главных аборигенов края, близости географического расположения;
- б) оседлости образа жизни;
- в) древности государственного образования;
- г) торгово-экономической заинтересованности;
- д) расово-языкового и культурного сродства.

Разумеется, кроме перечисленных факторов, которые, может быть, несколько интуитивно и стихийно сближали наши народы, были и другие мотивы, исходящие из стратегических интересов и выгод официальных правящих кругов на том или ином этапе исторического развития. Причем они зачастую менялись в зависимости от степени военно-экономического потенциала сторон. Но при всем этом прослеживается главное: Россия, постепенно превратившаяся в мощную державу, была, оставалась и остается важнейшим звеном, связующим Запад и Восток, а русские для тад-

каким нечто большим — судьбоносным партнером, своего рода инвестором и гарантом в их государственном, национально-культурном возрождении. Несмотря на крайнюю скудность и разбросанность источников по древнему периоду русско-среднеазиатских отношений, тем не менее, даже имеющиеся факты ярко демонстрируют их довольно тесные контакты. Следует заметить, что в древних письменных источниках название «Русь» упоминается еще в 644 г. и годом у историка Табари, жившего в начале X в.¹ В своем знаменитом эпосе «Шахнаме» великий ученый, поэт и мудрец Абулькасим Фирдоуси (934–1021), повествуя об огромном богатстве саманидского царя Хосрова II Парвиза, указывает на один из принадлежащих ему несметных кладов, попавший по воле судьбы в его руки, который состоял из драгоценностей, собранных в Китае, Индии, Хазирин и Руси.

*Нахустин, ки бинҳод ганчи Арус,
ки Чини ки Бартосу аз Хинду Рус.²*

В переводе:

*Из кладов, отложенных первый — Арус (в),
Чин с Хиндом котили с Буртасами Рус (в).³*

Известный русский ориенталист П.С. Савельев с восхищением поддерживал заключения видного немецкого ученого-нумизмата Фрица XVIII — начала XIX вв. О.Г. Тихсена, который тщательно изучив монетные находки в Европе, в том числе в европейской части России, пришел к убеждению о существовании тесной торговой связи древнерусского государства со Средней Азией и призывал к более полному изучению имеющихся кладов для бесспорного доказательства такой связи.⁴ Что касаясь своих личных предположений о древности русско-среднеазиатских торговых отношений, то П.С. Савельев полагал, что они восходили к началу появления мусульманской монеты, то есть к 699–700 гг. Опираясь на обилие монет соответственно VII–X вв., он считал, что период владычества Аббасидов в Западной и Саманидов в Средней Азии яв-

¹ Табари. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. — Тифлис, 1892. — С. 8.

² Фирдоуси Абулкасим, Шохнома. — Цидди 9. — Душанбе: Адиб, 1991. — С. 118.

³ Фирдоуси Шахнаме (в переводе И.Б. Бану — Лахути и В. Г. Берзнева). — Т. VI. — М.: Наука, 1989. — С. 489.

⁴ Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. — СПб., 1847. — С. XXXVIII.

лялся благоприятным периодом русских торговых сношений с Востоком.¹ П. С. Савельев, наряду с другими вопросами, касающимися русско-среднеазиатских торговых связей в начале средневековья, пытался и, на наш взгляд, удачно, определить основные пути перевоза товаров с обеих сторон по суше. Согласно его мнению, они вели к Волге, с берегов Джайхуна (Амударьи), мимо Хорезмского озера (Аральского моря), через Уст-Урт и нынешнюю киргизскую степь с первых годов VIII в.² Существование древних торговых связей не вызывало сомнения и у известного русского востоковеда Я.В. Ханькова.³ Он в качестве аргумента также ссылается на обнаруженные монеты Мавераннахра в европейской части России. По его мнению торговый путь в Россию с берегов Амударьи проложен был уже в VIII веке. Того же самого мнения (разумеется, также не без основания) относительно существования в древности тесных торговых связей между Русью и Средней Азией придерживаются И. Срезневский, А. Шепелев, А. И. Макшеев, Ф. И. Лобысевич⁴ и др.

В этой связи нельзя не заметить полное совпадение мнения советских исследователей с вышеупомянутыми русскими учеными-ориенталистами. Причем, в отличие от своих предшественников, опиравшихся на сведения арабских ученых и путешественников ибн Хордодбега (IX в.), ал Масуди (X в.) и др., а также обнаруженные монетные клады, советские исследователи, в том числе и таджикские, во многом расширили источниковедческую базу данного

¹ Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. — СПб, 1847. — С. XIV.

² Там же. — С. XVI.

³ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки Императорского русского географического общества (ЗИРГО) — кн. V. — 1851. — С. 282.

⁴ Срезневский И. Следы древнего знакомства с Южной Азией. Девятый век // Вестник Императорского русского географического общества (ВИРГО) на 1859 г. — Книжка 1. — СПб, 1854. С. 52-53.; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1879 г. — Ташкент, 1879. — С.1; Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. От. из ЗИРГО по отделению этнографии. Т.VI. — СПб, 1879 — С. 3-4; Он же. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. — СПб, 1890. — С. 49-50; Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 года. — СПб, 1900. — С. 6-7 и др.

вопроса археологического материала. Подтверждение тезиса о том, что русско-среднеазиатские торговые связи начались задолго до формирования русского государства, мы находим в работах А. Якубовского, Б. Г. Гафурова, Н. Н. Негматова, Б. И. Искандарова, Р. М. Масова и др. Они же считают периодом их расцвета эпоху Саманидов. Именно к этому времени Киевская Русь набирала мощь и получила известность среди существующих в то время крупных государств Востока и Запада. Об этом недвусмысленно свидетельствуют приведенные в известном географическом труде неизвестного автора X в. «Худуд-ул Олам» («Граница мирз») сведения. В частности, указывается, что обитаемое русскими пространство (государство) чрезмерно велико. Народ этот является воинственным и храбрым. Царя считают русь – хаканом. Он имеет несметное богатство. Край этот имеет все, что пожелаешь.¹

Подтверждая мнения о древности русско-среднеазиатских торговых связей, А. Якубовский пишет: «Торговля Средней Азии с Восточной Европой началась очень давно, до появления арабской географической литературы IX–X вв. О ней можно судить только на основании археологических данных».² На более оживленный характер торговли Средней Азии с Русью в X веке указывает академик С. П. Толстов.³

Разумеется, сохранившиеся сведения арабских и персидско – таджикских географов и историков, а также обнаруженные археологические источники недостаточны для хотя бы приблизительно определения объема взаимной торговли, но вполне могут дать общее представление об основных торговых путях и ассортименте товаров, подлежащих товарному или денежному обмену. Судя по тому перечню товаров, которые исследователи позаимствовали у древних авторов, из Хорезма вывозили меха, соболей, горностаев, хорьков, куниц, лисиц, бобров, зайцев, а также свечи, стрелы, шапки, рыбий клей, рыбы зубы, касторовое масло, амбру, выделанные

¹ Худуд-ул-олам. (Текст подготовлен к изданию Н. Касымовым, отв. ред. и автором предисловия А. М. Мухтаровым). – Душанбе: Дониш. 1983. – С. 107-110.

² А. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI – XVII вв.. Вып. 3. Ч. I – II: изд-во АН СССР. 1932 (на обложке почему-то обозначена дата 1933). – С. 12; см. также: Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI – XVII веках. В том же сборнике. – С. 61.

³ Толстов С. П. Бируни и его время // Бируни (сборник). – М., 1950. – С. 15.

лошадиные кожи, мед, орехи, соколов, мечи, панцири и т. п. товары, которые приобретались на болгарском базаре, куда поступали русские товары. Там же в большом количестве обращались мусульманские монеты, в особенности среднеазиатские, что является не только показателем торговых отношений, но и определителем экономической стабильности государств, производящих монетные знаки. Кстати, это прослеживается и на обратном примере – утечка русских денежных знаков в XVIII-XIX вв. в Среднюю Азию. Поэтому неудивительно, что на болгарском базаре русские приобретали мусульманские дирхемы за свой товар. Это находит подтверждение и у академика Б. Г. Гафурова. Ссылаясь на наличие большого количества самаркандских дирхемов «Исмаили», обнаруженных в различных местностях России, вплоть до Балтийского моря, он указывает на интенсивность торговых связей Средней Азии с Русью в эпоху Саманидов.² Согласно данным известного таджикского археолога, академика Н.Н. Негматова, в годы правления Саманидов из Средней Азии в Восточную Европу, главным образом в Россию, вывозилось большое количество серебра. Из государства Руси в Среднюю Азию привозились пушнина, кожи, скот и т. п. товары.³

Несколько ослабевшие русско-среднеазиатские отношения в период «княжеских усобиц» (XI в.) и начала феодальной раздробленности (XII – первая половина XIII вв.), по мнению ряда исследователей, получили оживление, как не парадоксально, после утверждения татаро-монгольского владычества на Руси. «Владычество татар в России, – пишет Я. Б. Ханыков, – еще ближе ознакомило хорезмцев с разными частями нашего отечества (т. е. Российского – Х.П.), ибо они в первую эпоху этого владычества являются главными и самыми страшными откупщиками татарской дани. Сверх того, появление в то же время венецианских и потом генуэзских колоний в Причерноморье возобновило торговый путь оттуда в долину Сыра и Аму. А потому неудивительно, что уже в 1364 году встречаются показания летописцев о присутствии в Нижнем Новгороде многочисленных хивинских и бухарских торговцев».⁴ Отно-

¹ См. Якубовский А. Указ. соч. – С. 13.

² См.: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: «Наука». 1972. – С.303; более подробно о кладах восточных монет в Восточной Европе, см.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. – М., 1956.

³ Негматов Н.Н. Давлати Сомониён. Точикон дар асрҳои IX–X. – Душанбе: «Ирфон». 1989. – С. 95.

⁴ Ханыков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. – С.282;

сительно изменений, которые претерпели в зависимости от обстоятельств в последующие годы, высказывал свои соображения и А. Макшеев. Согласно его мнению, с середины XIII в. к русско-среднеазиатским торговым отношениям присоединяются и политические интересы, сначала они выражались в действиях татар в их двухвековом владычестве, а после его свержения — в распространении пределов России и усилении ее влияния на Восток.¹ Как бы подкрепляя эти мысли, А. Якубовский указывает на невиданную интенсивность товарообмена Средней Азии с Восточной Европой во второй половине XIII и в особенности в XIV вв. Немаловажную роль в этом отношении играли крупные торгово-ремесленные центры чингизидов Сарай-Бату и Сарай-Берка.²

Несмотря на вышеуказанное, в целом положительные явления, наблюдаемые в русско-среднеазиатских отношениях, все же торгово-дипломатическое сотрудничество по-настоящему между ними развернулось после свержения татаро-монгольского ига.³

Приведенные аргументы убедительно свидетельствуют об объективности вывода авторов в том, что становление и развитие торговых отношений между Русью и среднеазиатскими ханствами имеют древние исторические корни. Бесспорно, правы в этом плане те из них, которые придерживались мнения о том, что их начало восходит задолго до образования древнерусского государства — Киевской Руси. Да иначе и быть не могло хотя бы потому, что Средняя Азия с древнейших времен была известна не только как промежуточный или транзитный район, через который проходил караванный путь, связывающий торговлю между Средней Азией и Европой или наоборот, но и как самостоятельный центр, поглощающий, быть может, большую часть товара, пользующегося в то время большим спросом в других регионах Азии и Европы. В этом водовороте торговых связей, который охватывал и тягивал все более или менее цивилизованные государства, древнерусское государство не могло стоять в стороне. Но, к сожалению, вопрос этот изучен довольно недостаточно и не по вине исследователей, а в силу крайней скудости материала, главным образом, первоисточников. Поэтому неудивительно, когда в дореволюционной

¹ См также: Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России с Средней Азией. — С. 3–5.

² Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого чертежа». — С. 3–4.

³ Якубовский А. Указ соч. — С. 45.

⁴ См.: Венюков М.И. Россия и Восток. Собр. геогр. и полит. статьи. — Спб, 1877. — С. 5–10.

исторической литературе высказывались и неверные мнения о якобы более позднем происхождении русско-среднеазиатских торгово-посольских связей. В частности, такой точки зрения придерживался Н. Запесов. Согласно его мнению, эти отношения «едва ли не восходили (лишь – Х.П.) до XIV столетия», но заметными стали с покорением Россией Казани и Астрахани, и то как средство «для поддержания дружеского расположения» (как к соседям – Х. П.), а еще больше для реализации определенной цели «проложить через Среднюю Азию торговый путь в Индию». По его же мнению, «более точные сведения об этих сношениях начинаются с конца XVII столетия».¹

Проследившая за ходом, роста русско-среднеазиатских торгово-посольских связей, нельзя не заметить особую скудость внимания авторов в отношении к эпохе Тимура и тимуридов (1370–1507 гг.). По всей вероятности, это объясняется тем, что шло слишком интенсивное социально-политическое и территориальное возрождение государства. Если в России этот процесс проявлялся в создании централизованного государства, то в Средней Азии он выражался в удачном стремлении и расширении государства Тимура. Это обстоятельство, разумеется, и не позволило установить и поддерживать размеренные мирные посольские и торговые взаимосвязи.

Правда, имеется факт о принятии владетелем Мавераннахра тимуридом Абусаидом (1451–1458, а с 1458–1469 – верховным правителем государства Тимуридов) в 1464 г. русского посла.² Но это является недостаточным, чтобы объективно судить о состоянии русско-среднеазиатских отношений того периода. Видимо, имея в виду отсутствие информационной достаточности, А. Якубовский еще в начале 30-х годов писал о совершенной не изученности вопроса. По его мнению, нет серьезной работы в буржуазной историографии, даже в плане освещения политической и социально-экономической жизни. Работы В. В. Бартольда «Улугбек», «Мир Али – Шир и политическая жизнь», согласно его мнению, не выходят за пределы простого описания внешних политических событий.³ Но все же отсутствие информации не дает основания к за-

¹ Запесов Н. Посольства в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. – Т. XXI. – 1861. – № 11. – С. 41-42.

² Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVIII вв. – С. 61.

³ Якубовский А. Указ. соч. – С. 52; указанные работы В. В. Бартольда см.: Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. II – Ч. 2 – М.: Наука. 1964. – С. 25-196; Он же: Мир Али-Шир и политическая жизнь. – Там же. – С. 197-260.

включению о совершенном упадке, тем более об отсутствии торговых и иных связей между Русью и государством Тимуридов.

Образование русского централизованного государства, или Московской Руси, открыло более широкие просторы и по сути явилось началом совершенно нового самостоятельного этапа в истории российско-среднеазиатских отношений, центральное место в которых занимают российско-бухарские отношения. Именно с этого периода сложились эти отношения и развивались на совершенно новой официальной основе. Это явление не получило должной и однозначной оценки в русской и советской литературе, тем не менее, проследившая за общим ходом освещения торгово-посольских мероприятий, нельзя не заметить его, как новый, серьезный этап в истории этих взаимоотношений.

В целом вышеприведенные факты, мнения русских и советских исследователей не оставляют сомнения о древности русско-среднеазиатских торговых связей, тем не менее следует признать, что они протекали в основном стихийно и по воле обстоятельств. Поэтому крайне трудно, да и невозможно определить, когда и кем было положено начало официальной посольской связи. Хотя по имеющимся данным еще в 986 г. киевский князь Владимир послал в Хорезм своих представителей для установления дипломатических отношений между Русью и государствами Средней Азии.¹ Известно и вышеупомянутое русское посольство, принятое тимуридом Абусаидом в 1464 г. В этом отношении нельзя не учесть и мнение, высказанное А. В. Панковым, о посещении русского двора правителями среднеазиатских ханств до поездки Дженкинсона.² Но в русской и советской историографии бытует мнение о том, что миссия англичанина Дженкинсона является первым официальным посольством России в Средней Азии.

Разумеется, трудно определить, кто из исследователей впервые категорически высказал мнение о том, что перечень официальных дипломатических представительств России в Средней Азии именно должен возглавить Дженкинсон, или же ему надлежит быть русским официальным дипломатом №1 в данном регионе. Но то, что в большинстве своем специалисты, причастные к изучению вопросов, касающихся истории русско-среднеазиатских отношений, разделяют это мнение, является очевидным фактом. К их числу при-

¹ Искандаров Б.И., Масов Р.М. Россия и Таджикистан. – Душанбе: Ирфон, 1984. – С. 4.

² Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией. XVI—XVII вв. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. – С. 31.

надлежат такие видные исследователи, как П. Савельев, В. В. Бартольд, А. Макшеев, В. В. Завьялов, Н. Веселовский и др.¹ При чем П. Савельев считает Дженкинсона первым из европейских путешественников, сообщивших известия о Бухаре и, согласно его словам, он нашел, что торговля Бухары с Россией «была довольно значительной».² Миссию Дженкинсона В. В. Бартольд считал почином в отношениях России со среднеазиатскими ханствами.³ На возникший законный вопрос, почему именно Дженкинсон? известный русский востоковед Н. Веселовский (1848–1918) дает следующий ответ: «Англия искала в то время новых рынков для своей торговли, она старалась завязать торговые отношения с Персией и другими государствами Азии. С этой целью и был отправлен в Россию в 1557 г. Лондонско-московской компанией Дженкинсон с тем, чтобы пробраться оттуда в Хиву и Бухару. В России Дженкинсон так умел расположить в свою пользу Ивана Грозного, что он позволил этому англичанину объездить Россию и отправиться затем в Азию».⁴

Дженкинсон направился Каспийским морем в Хиву и высадился на Мангышлакском полуострове в сентябре 1558 г. Через Хиву 23 декабря прибыл в Бухару.⁵ Дженкинсон и его спутники (Ричард и Роберт Джонсоны), побывав в Средней Азии свыше 1,5 года (ап-

¹ См.: Савельев П. Бухара в 1835 году с присоединением известных обо всех европейских путешественниках, посетивших этот город до 1835 года включительно. — СПб. 1936. — С. 19-21; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. Том IX. — М.: Наука, 1977. — С. 386; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. — СПб, 1890. — С.21; Завьялов В.В. Исторический обзор путешествия в Бухару. — Уфа, 1858. — С.1-2; Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. — СПб, 1877. — С. 111-122; См. также Жукковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг, 1915. — С. 4-14; Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв. — Ташкент, 1964 — С. 117-123.

² Савельев П. Бухара в 1835 году. — С.20-21.

³ Бартольд В. В. История изучения Востока. — С. 368.

⁴ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений. — С. 111.

⁵ О путешествии Дженкинсона в Среднюю Азию более подробно см.: Путешествие в Среднюю Азию. — 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю.В. Готье. — Л., 1937. — С.167-192; Ахмедов Б.А. Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона // Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (Письменные памятники). — Ташкент: ФАН, 1985.— С.194-200.

редь 1558 – сентябрь 1559), не могли достичь своей основной цели (открыть дорогу в Китай через Среднюю Азию), тем не менее, им удалось собрать немало полезных сведений о географическом, политическом и социально-экономическом положении Хорезма и Бухарского ханства. Этим они существенно расширили представления европейцев о Средней Азии. Это посещение совпало с обострением внутривосточного и экономического кризиса края, приведшего к упадку торговли, жестокой междоусобице и ослаблению международного престижа ханств.

Впрочем, поездка Дженкинсона интересна не тем, что она считается началом официальных отношений между Россией и среднеазиатскими государствами (хотя этот тезис не может не вызывать сомнения у сведущего в этом направлении специалиста) и даже не тем, что сам Дженкинсон являлся представителем торгово-дипломатических кругов чужой страны (хотя практика использования представителя другой страны в качестве посла выглядит несколько необычной и редко встречается в истории дипломатических отношений между самостоятельными государствами), а тем, что поездка этого дипломата способствовала активизации обеих сторон в отправке послов. Об этом свидетельствует оживление русско-среднеазиатских торгово-дипломатических связей, следовавшее после той поездки.

Согласно приведенным данным С. В. Жуковского, во второй половине XVI в. Москву посетили 6 бухарских и 5 хивинских послов.¹ Но по более поздним подсчетам исследователя М.Ф. Фехнера за это время в русском государстве побывали 13 бухарских и 7 хивинских посольств.² Только в период правления царя Ивана Грозного (1547–1584) Москву посетили 5 бухарских посольств.³ Согласно «Реестру по бухарским делам», составленному статским советником Малиновским, за последнюю четверть XVI – до начала 80-х годов XVII вв., то есть почти за одно столетие Москву посетили 8 официальных представителей бухарских ханов, а Бухару – 7 русских послов.⁴

В общем плане интерес представляет и такой факт: по имеющимся документально подтвержденным данным со второй поло-

¹ См. Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. – С.4-14.

² Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. – М., 1956. – С. 100.

³ Костылов В. И. Иван Грозный. Кн. I. – М., 1955. – С. 209-210.

⁴ Текст документов приведен из древних актов (отдел «Бухарские дела») в качестве приложения к кн.: Юлдашев М. К истории торговых и посольских связей. – С.117-123.

вины XVI до начала XVIII вв., то есть почти за полтора столетия, Россию посетили 60 официальных представителей (преимущественно с посольской миссией и редко гонцы) из среднеазиатских ханств, что в среднем приходится по одному посольству через каждые 2,5 года. Что касается русских представителей или послов, то за это же время они посетили Среднюю Азию 11 раз (не считая миссии Дженкинсона), что в среднем составляет одно посольство за 13 лет.¹

Эти цифры на общем фоне заинтересованности официальных властей и усилении торгово-дипломатической взаимосвязи выглядят несколько недостаточными и неутешительными, но если учесть, что, помимо этих поездок, было множество неофициальных посещений и почти непрерывающаяся взаимная торговля, то приходится не сомневаться если не в постоянном взаимобмене, то в сравнительно постоянных связях. В этом плане нельзя не согласиться с мнением М. Ю. Юлдашева о том, что «торговые и посольские связи Средней Азии с Россией в XV–XVIII вв. были более постоянными, чем это представлялось некоторым дореволюционными исследователям».² Причиной тому, на наш взгляд, является то, что многие из русских исследователей были лишены той информационной источниковедческой базы или возможностей, которые имеют современные исследователи. Это касается и сравнительной централизованности архивного материала, и обилия опубликованной литературы, и возможностей (несмотря на ту трещину, которую дал и продолжает давать этот научный потенциал в связи с происходящими событиями после распада Союза) нынешнего научного корпуса. Сомнения в том, что далеко не все посещавшие Россию ханства Средней Азии представители сторон попадали в официальные документы, сохранившиеся до наших дней, усиливаются при знакомстве с приведенным Д. Голосовым списком западноевропейских путешественников, которые посетили Среднюю Азию до и после Дженкинсона до конца XVII в. Согласно его данным с середины XIII в. до начала XVI в. (с 1247 по 1508 гг.) известны 89 а после Дженкинсона с 1564 до 1685 гг. – 22 одиночных и групповых поездок, причем некоторые поездки длились годами.³

Хотя в исторической литературе нет упоминания о многих из них, не говоря об их вкладе или же незначительной лепте в ис-

¹ См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – С. 400–417.

² Юлдашев М. К истории торговых и посольских связей. – С. 85.

³ См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. // Военный сборник – Т. 18. СПб, 1863, №1 – С. 4–5. Примеч. 3; Там же. – С. 6–7, примеч.

копление информации о крае, тем не менее, сам факт о почти непрерывном посещении края европейцами (кстати, многие или почти все из них в Среднюю Азию направлялись через Россию) наводит на мысль, что российские представители могли посещать Среднюю Азию во много раз чаще, чем западноевропейцы хотя бы потому, что, кроме обоюдной заинтересованности, у них возможности были куда больше.

Особое оживление в обмене посольствами между Россией и среднеазиатскими ханствами происходило после вступления на русский престол дома Романовых. В укреплении торговых связей особая роль принадлежит русским миссиям Ивана Хохлова в Бухару (1620 г.), Ивана Федотова и Матвея Муромца в Хиву (1669 г.), братьев Бориса и Семена Позухиных в Бухару (1675 г.).

Проследивая историю российско-среднеазиатских посольских отношений, нетрудно заметить, что по мере территориального роста, укрепления мощи и позиции России среди ведущих держав мира и ослабления среднеазиатских государств все больше наблюдается некоторая пренебрежительность российской официальной дипломатии в отношении к приему среднеазиатских посланников. Начало такого отношения заложено после распада мощной державы Тимура и тимуридов. В этом плане, как бы выражая мнение большинства сторонников, предвзято отрицающих взаимовыгодность отношений, Н. Веселовский указывает на «убыточность для России» этих частных посольств, якобы отправляемых среднеазиатскими владетелями только с целью получения подарков, что являлось обременительным для русской казны. Это и было, согласно его мнению, причиной порою пренебрежительного приема среднеазиатских послов.¹

Следует заметить, что данное заключение не соответствует действительности хотя бы по той простой причине, что подарки, как правило, посылались с обеих сторон. Настоящая же причина, согласно анализу имеющихся данных, кроется в державном высокомерии официальных кругов России и в зависимости от ситуации, чаще от тех происходящих событий, в которых каждая из сторон видела ущемление своих интересов.

Несмотря на множество вопросов и проблем, которые поднимались в ходе состоявшихся переговоров при приеме послов, с обеих сторон все жз доминирующим являлось: со стороны сред-

¹ См.: Веселовский Н. Прием и отпуск среднеазиатских послов в XVII – XVIII столетиях. – СПб, 1884. – С. 1-15.

неазиатских ханств и других государственных образований – кроме установления нормальных благоприятных условий для торговли и заручение поддержкой России в их борьбе против соседних государств (что порою приводило и, к желанию о принятии их в русское подданство); для России же, по мнению большинства авторов, в частности, В. В. Бартольда, главной целью посольств являлось освобождение русских невольников, находившихся в большом числе в городах Средней Азии». ¹ Тем не менее, нельзя недооценивать степень политической и экономической заинтересованности России в этом регионе, непрерывно присутствующей во всех переговорах. Знакомство с соответствующими источниками ярко свидетельствует о приоритетах в вопросах, касающихся расширения торговли, во всех официальных встречах.

Успех торговли в большей степени зависел от отношения официальных кругов. В частности, заинтересованность царя Ивана IV (Грозного) стала главной причиной или стимулом ее развития. По его инициативе были заключены договоры с шемахинским царем в 1563 г., а с бухарскими владельцами - в 1567 г. и в 1569 г., ² в которых торговля была доминирующим пунктом.

До завоевания Россией Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) торговля со Средней Азией была поставлена на непрерывную или постоянную основу. Среднеазиатские купцы в Астрахани имели специальное место, где они останавливались. Это место называлось «бухарским». Со своей стороны представители русских торговцев – татарские купцы ездили компаниями или артелями в Хиву и Бухару, несмотря на то, что эти путешествия не были безопасными. Были случаи, когда караваны в киргизской (казахской) степи подвергались ограблению, как это было, например, в 1646 г., когда банда разбойников ограбила татарских, точнее русских купцов, ездивших в Бухару. Разумеется, на это реагировали представители русской администрации, что приводило к наказанию купцов противоположной стороны, т. е. последовал ответ на действия грабителей наложением ареста на товары хивинцев и бухарцев в Астрахани. ³ Но такие случаи были сравнительно редкими. В целом, русские государи часто своими действиями демонстрировали заинтересованность в развитии торговли.

О благожелательности, проявленной русскими самодержцами в XVI-XVII вв. к бухарским и хивинским торговцам, свидетельствует

¹ Бартольд В. В. История изучения Востока. – С. 368-369.

² Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. – СПб, 1862. – С. 43.

³ Там же.

и тот факт, что царь Михаил Федорович (1613-1645), поощряя их действия, велел дать льготу — ездить свободно для торговли в Казань, Астрахань, Архангельск с правом не быть задержанным и «вообще быть безопасными от притеснений воевод».¹

Интересно отметить еще одну сферу для русских официальных заинтересованных кругов, способствующих развитию торговых связей и обеспечивающих их на постоянной основе, — судоходство на Каспийском море. Как известно, традиционные караванные пути, по которым возились товары на верблюдах, не могли удовлетворить потребность на товары с обеих сторон, не говоря об опасности (набеги и грабежи), грозящей со стороны степных племен. Последние нападали на караваны по пути их следования. Для обеспечения нормальной торговли и увеличения товарооборота русское правительство держало на Каспийском море удобные для морского плавания суда, так называемые бусы. Бусы ходили дважды в год (весной и осенью) между Астраханью и Караганской пристанью для торговли с Хивой и Бухарой. Для безопасности в распоряжение управляющего (обычно это поручалось какому-нибудь боярскому сыну или другому служилому лицу) выделялась военная охрана из числа Стрельцов, пушкарей и соответственно военные снаряжения. По прибытии в Караганское пристанище из местных представителей отправляли посланцев или глашатаев, как их называли, хабарщиков (таджикское слово, означающее: передатчики, оповещатели словесных поручений), чтобы известить о прибытии буса. Прибывшие к берегу купцы начинали торг, который продолжался около месяца. После торга купцы, по договоренности, подготовившие свой товар для отправки в Астрахань, погружали его в бус. Транспортировка товаров, разумеется, была выгодна для обеих сторон.²

Среднеазиатские купцы, как известно, не только торговали русскими товарами, но и товарами, приобретенными из других соседних азиатских стран, в частности, из Китая, Индии, Персии и др.

В реализации товаров своих и приобретении чужих Астрахань не была единственным главным торговым центром, где происходили основные операции по товарообмену и торговле вообще. «Бухарцы, — утверждает Н. И. Костомаров, — кроме Астрахани, вели торговлю в гостином дворе в Тобольске. Они снабжали Сибирь ручкадельными потребностями жизни, и торговля с ними была очень важна в Сибири, как видно, из челобитной сибиряков в 1595 году, в которой они просят, как милости, чтобы к ним приходили из Буха-

¹ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI — XVII столетиях. — СПб, 1862. — С.44.

² Там же. — С. 110.

ры торговые люди. Бухарцы, торгуя в Тобольске, составляли там некоторого рода компанию, почему в деловых бумагах употребительно выражение тобольские бухарцы».¹

Эти и многие другие факты свидетельствуют о глубокой заинтересованности русских официальных кругов в процветании российско-среднеазиатских торговых сношений. В частности, указывая на выгодность среднеазиатского рынка для российских товаропроизводителей, известный русский востоковед В. В. Григорьев заметил, что для России было бы намного дешевле, если бы нужные для нее товары приобретались на местах, а не через азиатских купцов на своей территории. Тем не менее, русские власти охотно содействовали организации торговых караванов, обеспечивая их безопасность. Эта заинтересованность и явилась главной причиной появления в XVII столетии посольств в среднеазиатским владениям.²

Как отмечено, отсутствие достоверных статистических источников не позволяет четко определить объем товарообмена, ассортимент перевозимых товаров с обеих сторон, тем не менее, даже несколько общих и разбросанных сведений дают основание для составления общей картины торговых интересов и взаимопоставки товаров. В частности, Россия поставляла в Бухару рыбы зубы для изготовления четок, рукоятки для ножей, сабель и другие предметы украшения для высшего сословия, меха, посуду, металл и различные металлические изделия, оружие (поступало тайком), сукна, зеркала и др. товары. Из Средней Азии, главным образом из Бухары, в Россию вывозились шелковые ткани, породистые лошади, скот, пряные коренья, мускус, серая амбра, ремень, хлопчатобумажные материалы, шелк (сырец), бязь, халаты, бирюза, шаля и др. Эти товары доставлялись в Россию бухарскими купцами и татарами, причем последние были комиссионерами русских купцов и фабрикантов.³

Говоря о русско-среднеазиатской торговле, следует отметить и тот факт, что с образованием Московского государства Россия ста-

¹ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. – СПб. 1862. – С.44.

² Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. – СПб, 1884. – С.7-8.

³ Архив внешней политики России (АВПР). Санкт-Петербургский главный архив. –1-9. – Д. 14. – Л. 10: См. там же: Панков А.В. К истории торговых отношений Средней Азии с Россией в 1675-1725 гг. Торговля с Бухарой // Известия Среднеазиатского географического общества. – Т. XIX. –Ташкент, 1924. –С. 27.

да не только главным и определяющим торговым партнером среднеазиатских ханств, но почти единственным поставщиком западноевропейских товаров на среднеазиатском рынке. Другими словами, все западноевропейские товары в Среднюю Азию попадали только через Московское государство. О большой заинтересованности последнего свидетельствует тот факт, что после поездки Дженкинсона ни одному западноевропейскому торговцу не было разрешено приезжать в Среднюю Азию со своим товаром (во всяком случае, по сей день не обнаружен ни один факт). Их товары попадали в регион исключительно через русских торговцев.¹

Таким образом, все вышеприведенные факты свидетельствуют о древности истории торгово-дипломатических отношений между Русью, а затем и Российским государством с ханствами Средней Азии. Эти отношения были взаимовыгодными не только с точки зрения дипломатии или торговли, но и с точки зрения установления доброжелательных отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами. Не менее важным является и то, что сравнительно частое направление посольства в Среднюю Азию способствовало не только расширению политических и торговых интересов России в регионе, но и оказывало неоценимую услугу в историко – географической науке, обогащая ее новыми сведениями и открытиями для того и последующего времени. В этом отношении российские ученые с честью несли пальму первенства в мировой ориенталистике.

Россия в исторических судьбах таджикского народа.
– Душанбе: Шарқи Озод, 1998. – С.10-25.

См.: История Узбекской ССР. – Т. I. – Кн. первая. – Ташкент, 1955. – С. 437-438.

РОССИЙСКО-БУХАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

Российско-бухарские отношения имеют глубокие корни. Судя по обилию монетных находок в европейской части России, еще до образования Киевской Руси между восточными славянами и народами Средней Азии имелись тесные торговые связи, но официальные дипломатические отношения между государствами, судя по сведениям сохранившихся источников, начались после образования Русского централизованного государства. Во всяком случае, почти все известные русские дореволюционные и советские исследователи придерживались мнения, что первым официальным русским послом в Бухаре являлся английский купец и дипломат Дженкинсон, посетивший Бухару в 1558 – 1559 гг., хотя, на наш взгляд, такие связи дипломатического характера могли иметь место и раньше. Об этом, в частности, мы высказали свое мнение в книге «Российско-среднеазиатские отношения в XVI – середине XIX вв.» увидевшей свет в 2000 г. Тем не менее, если даже считать миссию Дженкинсона началом дипломатических связей, то кроме него только в период правления царя Ивана Грозного (1547-1584) Москву посетили 5 бухарских посольств.¹ Согласно «Реестру по бухарским делам», составленному статским советником Малиновским, за последнюю четверть XVI до начала 80-х годов XVII вв., т.е. за одно столетие, Москву посетили 8 официальных представителей бухарских ханов, а Бухару 7 – русских послов.²

В общем плане интерес представляет и такой факт: по имеющимся документально подтвержденным данным со второй половины XVI до начала XVIII вв., т.е. за полтора столетия, Россию посетили 60 официальных представителей (преимущественно с посольской миссией и редко гонцы) из среднеазиатских ханств, что в среднем приходится на одно посольство через каждые 2,5 года. Что касается русских представителей или послов, то за это же время они посетили Среднюю Азию 11 раз (не считая миссию Дженкинсона), что в среднем составляет одно посольство за 13 лет.³

¹ Костылев В.И. Иван Грозный. Кн.1. – М.? 1955. – С.209-210.

² Приложение к кн.: Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв. – Ташкент, 1964. – С. 117-123.

³ См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч.1. Торговые отношения Московского государства с народами Средней Азии в XVI – XVII вв. // Труды Историко-археологического института и ИВ АН СССР. Вып. 3. – Л.: Изд. АН СССР. – 1932. – С. 400-417.

Особое оживление в обмене посольствами между Россией и среднеазиатскими ханствами происходило после вступления на русский престол дома Романовых. В укреплении торгово-посольских связей особая роль принадлежит русским миссиям Ивана Хохлова в Бухару (1620 г.), Ивана Муромца в Хиву (1669 г.), братьев Бориса и Семёна Позухиных в Бухару (1675 г.).

Проследившая историю российско-среднеазиатских посольских отношений, нетрудно заметить, что по мере территориального роста, укрепления мощи и позиции России среди ведущих держав мира и ослабления среднеазиатских государств все больше наблюдается некоторая пренебрежительность российской официальной дипломатии в отношении к приёму среднеазиатских посланников.

Не вдаваясь в подробное освещение русско-среднеазиатских взаимоотношений (они требуют более обширного и специального анализа), ограничимся лишь рамками российско-бухарских отношений. Исходя из этих соображений, мы должны учесть следующие реалии: а) в политике России к Средней Азии Бухара всегда занимала приоритетное место; б) Бухара всегда считалась главной базой и рынком, поглощающими товары, поступающие из России, и наоборот, считалась основной отправочной базой восточных товаров в Россию; в) отношения России с Бухарой в отличие от других ханств традиционно сложились стабильно и более дружественно; г) пример российско-бухарских отношений более наглядно отражает благоприятное отношение русского народа к таджикам.

Даже неудачные и в целом трагические исходы экспедиции Беконича-Черкасского (1717 г.) и военного похода Перовского (1839 г.) в Хиву не могли существенно омрачить эти дружеские отношения. Но положение несколько меняется по мере увеличения мощи России и превращения ее в могущественную империю, о чем убедительно свидетельствуют дальнейшие отношения России с ханствами Средней Азии в целом, бухарского эмирата в частности. В качестве примера можно привести такой факт, что после посольских миссии Данилевского в Хиву и Бухару в 1841–1842 годах Россия в течение полутора десятилетия (1842–1858 гг.) воздерживалась от активного ведения дипломатических переговоров, больше предпочитая военное и силовое давление по отношению к среднеазиатским ханствам. Хотя, согласно утверждениям С.В. Жуковского, «после 1842 г. Россия неоднократно пробовала войти с Хивой в дипломатические отношения, но результаты новых попыток в этом отношении были не особенно блестящими»¹. Правда, о каких «новых попытках» идёт речь, автор не уточняет. Данные, свидетель-

¹ Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Пг., 1916. — С. 14.

ствующие об искренности намерений русских властей в укреплении дипломатических связей со среднеазиатскими ханствами, отсутствуют. Этого не скажешь о последних, стремящихся установить такие связи с Россией. И в этом плане они проявляли достаточную активность.

По имеющимся данным, только за менее чем десятилетие (с 1849 по 1858 годы) в Россию были отправлены посольства из Хивы в 1849, 1850, 1852, 1857 годах, а из Бухары – в 1849, 1857, 1858 годах. Отношение российских официальных кругов к этим посольствам наглядно показывает стремление российских властей к ухудшению дружественного расположения среднеазиатских послов на происходящих встречах, и найти как можно больше поводов для выражения своей неприязни к выдвигаемым ими проектам, подлежащим рассмотрению и принятию. Словом, Россию к этому времени больше устраивало ухудшение отношений, чтобы найти повод для своих всё возрастающих претензий к среднеазиатским ханствам. Об этом говорит, в частности, содержание доклада государственного канцлера графа Нессельроде от 8 февраля 1849 года о бухарском посланнике. В нём речь идёт о прибытии бухарского посла и представленной им грамоте на имя русского царя и письме кушбеги, в котором было изъявлено желание об отправке ответного посла в Бухару. По содержанию документа нетрудно понять недоверие, которое официальная Россия испытывала к бухарской стороне. «Принимая в уважение, – говорится в докладе, что посылка в 1842 году подполковника Бутенева в Бухару не имела желаемого успеха, и требования наши остались тогда неудовлетворительными, надлежало бы теперь, прежде, нежели решиться на новую посылку от нас доверенного лица в Бухару, увериться в том, что требования наши будут приняты бухарским правительством во внимание».¹ Далее говорится о требованиях, выдвигаемых российской стороной к Бухаре. Они состояли главным образом в «сбавке» пошлины с товаров; в оказании русским торговцам защиты и покровительства; в «воспрещении держать русских пленных в Бухарии», а также в необходимости выдачи тех, кто там находился. В докладе подчеркивалось, что при отправке ответной грамоты и письма к кушбеги, следует выставить требование, что «если бухарское правительство хочет на деле доказать, что оно действительно желает заложить дружественные и торговые связи с Россией, т.е. принять во внимание наши (т.е. российские – Х.П.) справедливые требования, то в таком случае может быть отправлено от нас и доверенное

¹ Центральный госархив Республики Узбекистан (далее: ЦГА РУ). Ф.И. 715. оп. 1, ед. пр. 10. л.8.

лицо для окончательных условий».¹ Следует заметить, что доклад госканцлера получил полное одобрение царя, о чем свидетельствует наложенная им резолюция: «Быть по сему». Но судя по тому, что Россия до 1858 года так и не отправила своего представителя в Бухару, просьба посольства об ответном визите не была реализована российскими властями.

Тем не менее, 10 августа 1857 года в Санкт-Петербург прибыли хивинский посланник Фозил Ходжа Ислам и бухарское посольство во главе с Мулло Ашур-баем. Целью приезда было поздравление Александра Николаевича с благополучным восшествием на престол. Причем оба посланника просили «присылки к ним доверенного лица с ответными грамотами»,² прямо свидетельствуя о желании бухарского и хивинского правителей видеть у себя русских посланников.

Но не просьба ханов стала главной причиной, побудившей российские власти отправить в Среднюю Азию новую миссию.

Согласно мнению Ф.И. Лобысевича, русское правительство было убеждено «в малой пользе дипломатических сношений с азиатскими ханствами». Отсутствие объективной информации об этих ханствах в течение долгого времени и объясняла позицию Министерства иностранных дел России.³

Всё это побудило русское правительство «принять приглашение ханств и отправить к ним миссии. Руководителем миссии был назначен полковник Игнатъев (впоследствии русский посол в Константинополе, генерал-адъютант). Инструкции, данные ему для ведения переговоров с хивинским ханом и бухарским эмиром, «ничем почти не отличались от указаний миссиям в 1840 и 1841 гг.».⁴ Единственно новым было условие добиться от ханов разрешения на свободное плавание русских судов по Аму-Дарье с предоставлением хивинскому хану права взимать с привозимых в Бухару по реке товаров соответствующую пошлину.⁵

Посольство Игнатъева в составе 18 членов в сопровождении конвоя из 57 человек выступило в путь из Оренбурга летом 1858 г. Позже к посольству присоединился военный отряд из 75 человек во главе с генералом Катениным, находившийся в то время в степи.

¹ ЦГА РУ. Ф.И. 715. оп. 1, ед. хр. 10. л.9.

² Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории хивинского похода 1873 г. (из официальных источников). – СПб., 1900. – С.129.

³ Там же. – С. 120-130.

⁴ Там же. – С. 130.

⁵ Там же. – С. 131.

О довольно высоком интеллектуальном и профессиональном уровне состава посольства можно судить по тому, что кроме Игнатъева в него вошли капитан Генерального штаба Н.Залесов, капитан Николаев, капитан 1-го ранга, начальник флотилии А. И. Бутаков, лейтенанты А.Ф.Можайский и Недорезов, дипломатический чиновник М.И. Галкин, драгоман Батиршин, переводчик Банщиков, секретарь посольства Е.Килевейн, астроном К.В. Струве, ориенталист П.И.Лерх, топограф Зеленин, врач Пеларский, лекарь Батишин, 2-й казачий офицер Назаров. Каждый из них в той или иной мере имел навыки исследовательской работы. Поэтому они вложили свою лепту в отражение не только полной картины путешествия и проблем сугубо политического или дипломатического характера и немало усилий в комплексное изучение природы, истории и социально-экономического положения края.

Полезные сведения о деятельности посольства, положении хивинского и бухарского ханств приводятся его участниками. Особый интерес представляет исследование Н.П. Игнатъева и множество других материалов, которые хранятся в Архиве внешней политики России (путевые заметки, отчёты и прочие записи, касающиеся его поездки в Хиву и Бухару).¹ Главная задача миссии Игнатъева относительно Хивы заключалась в подписании договора о мирных и добрососедских отношениях, под которыми, прежде всего имелось в виду «прекращение враждебных действий против России», разрешение русским судам свободного плавания по Аму-Дарье, учреждение российского торгового агентства в Хиве, установление размера пошлины с российских товаров не выше 2,5 процентов от их стоимости. Нужно отметить, что вместе с миссией в Хиву были отправлены 2 парохода под командованием капитана 1-го ранга Бутакова с целью обследовать путь от Аральского моря в Аму-Дарью. Но дальше Кунгурата их продвижение было запрещено.

В целом переговоры Игнатъева с хивинским ханом не дали желаемого результата. Точнее, они закончились безрезультатно.

Мнение Игнатъева о положении этих ханств и результатах переговоров отражено в ответах, донесениях, заметках и других его официальных и неофициальных документах, составляющих основу его труда о данном посольстве «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году», увидевшего свет лишь в 1895 г. Большую ценность представляет и его отчёт о результатах деятельности посольства.²

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПР). – Ф. СПб., гл. архив 1-9, оп. 8, д.6.

² АВПР., Ф. СПб., гл. архив 1-9, оп. 8. 1867-1868. д.6, Ч.П, Л. 256-322.

Судя по общему содержанию отчёта Игнатьева о Хиве, он несколько преувеличивает степень пользы пребывания миссии в этом ханстве и подчёркивает, что «цель отправления экспедиции была вполне достигнута в исследовании реки Аму», но всё же указывает на то, что «заключение трактата было не сообразно с достоинством России».¹

Говоря о миссии Н. Игнатьева в Бухару, следует отметить, что по прибытии посольства на территорию эмирата (15 сентября 1858г.) его члены почувствовали несколько иную атмосферу, чем в Хиве. Они были встречены здесь более радушно, в их честь организовали конные скачки, затем, 18 сентября, при переходе от Каракуля, их встретили чиновники, которые сопровождали их до Бухары. По дороге, как пишет Н. Игнатьев, члены миссии старались внушить бухарцам мнение о недобром отношении хивинских властей к России и Бухаре, а также о враждебных намерениях Англии, надеясь, что этим им удастся «поссорить бухарцев с хивинцами».²

22 сентября по прибытии в Бухару члены миссии узнали, что их визит совпал с осадой бухарцами Ходжента и сам эмир участвовал в ней. Вернувшись, эмир тотчас же принял их «отменным образом».³ Н.Игнатьев записал с удовлетворением: «Приём, сделанный эмиром, поразил жителей Бухары и произведет, несомненно, впечатление на соседние государства». По поводу же англичан эмир велел передать миссии устно, что «он никогда не поддается коварным их замыслам».⁴

Глава посольства предложил эмиру текст договора, который состоял из следующих пунктов.

1. Об освобождении русских пленных.
2. Об уменьшении наполовину таможенных пошлин.
3. О необходимости введения правильной оценки товаров и ограждения русских торговцев от произвола бухарских чиновников.
4. О свободном пребывании в Бухаре временного торгового агента из чиновников, которые должны направляться в Бухару ежегодно на несколько месяцев для защиты интересов русских торговцев.⁵
5. О предоставлении русским торговцам особых караван – сараев (как хивинским и индийским, имеющим караван-сарай в Бухаре).

¹ АВГР., Ф. СПб., гл. архив 1-9, оп. 8. 1867-1868. д.6, Ч.П, л.293.

² Там же. – Л.295-297.

³ Там же. – Д.6. л.307. об.

⁴ Там же. – Л.315.

⁵ Как известно, на предыдущих переговорах речь шла о постоянном агенте.

6. О свободном плавании русских судов по Аму-Дарье для перевозки товаров из России в Бухару и обратно.¹

Согласно отчёту и содержанию секретного письма Н. Игнатьева на имя действительного статского советника Ханькова, находившегося в то время в Кабуле, эмир согласился на все требования России и «дозволил свободное плавание судов по р.Аму». Указывая на доброе намерение эмира Насруллы в отношении к России. Н. Игнатьев отмечает, что эмир бухарский «все еще имеет виды на владения, лежащие на левом берегу р.Аму и принадлежащие теперь Дост-Магамеду».² В заключение своего отчёта Н.Игнатьев даёт лаконичное описание своего видения общего положения и среднеазиатских ханствах.

Разумеется, до и после посольства Игнатьева были поездки Среднюю Азию, и хотя они не имели статуса посольства, тем не менее, выполняя те или иные задачи (военные и научные), они внесли свою лепту в изучение региона. Собранный ими материал в той или иной степени использовался для правильной ориентации во время завоевания края. Все поездки и экспедиции, организованные российским правительством, разумеется, в основном в угоду своим колониальным намерениям, существенно обогатили науку новыми открытиями. Эти, в полном смысле слова, труженики бескорыстным трудом увековечили свои имена в истории науки.

Таким образом, вышеприведённое свидетельствует, что поездка Н.Игнатьева для дипломатической связи между Россией и Средней Азией являлась центральным событием. Россия, будучи вполне уверена в своём успехе в военной оккупации Средней Азии, не проявляла заинтересованности во взаимовыгодных дипломатических контактах. Судя по общему содержанию материалов, в известной мере освещающих положение дел, нетрудно заметить, что российским официальным властям более выгодно было сохранять напряжённую обстановку на границе со Средней Азией, чтобы спровоцировать местные ханства и использовать их реакцию в качестве повода к насильственному продвижению вглубь региона.

Ход событий, происходивших в непосредственной близости к границам среднеазиатских ханств, создание военных укреплений, военный поход с занятием Ак-Мечети Перовским (1853), наконец, полное обеспечение своего военного присутствия на подступах к Средней Азии свидетельствуют о логическом завершении того длительного подготовительного периода, который должен был

¹ АВПР. Указ. фонд и оп. Л.299-301 об.

² АВПР. Ф. СПб., гл. архив 1-9, оп.8, д.6-4, л. 318-319.

привести к непосредственным военным действиям по её завоеванию. Поэтому даже та робкая надежда на создание нормальных партнёрских взаимоотношений, которую порой вынашивали среднеазиатские правители, постепенно улетучивалась.

По мере укрепления России на подступах к Средней Азии и усилению силового давления менялся и характер отношений. Хотя нарушение равноправных партнёрских отношений между Россией и ханствами данного региона заметно наблюдается с периода правления Петра I, на наш взгляд, оно получило ярко выраженный характер по мере окончательного присоединения казахских жузов и непосредственного приближения к Средней Азии. Исходя из этих реалий, понятие «взаимоотношения» применяемое исследователями (главным образом, советскими), потеряло свой логический смысл и уже не может объективно выражать создающуюся тогда ситуацию.

К тому времени больше подходит термин «отношения». Существовавший когда-то термин «взаимоотношения» потерял прежний смысл. Эти «взаимоотношения» строились, как правило, в угоду русской дипломатии. Исходя из таких соображений, справедливее, да и объективнее, на наш взгляд, было бы однозначно исходить из той позиции, которую заняла официальная Россия по отношению к среднеазиатским ханствам, т.е. с позиции силового давления и неприкрытого стремления к захвату этой обширной центральноазиатской территории. Теперь во главу угла в определении отношений следует ставить лишь политику России к Средней Азии, ибо для правителей последней они имели лишь смысл пустого звучания.

Что касается торговых связей, то после завоевания Россией Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) торговля со Средней Азии была поставлена на непрерывную или постоянную основу. Среднеазиатские купцы в Астрахани имели специальное место, где они останавливались. Это место называлось «бухарским». Торговые отношения получили более динамичное развитие с начала XIX столетия. Этому, прежде всего, способствовало не само желание царского правительства, а всё возрастающие капиталистические отношения в России. Не вдаваясь в подробности российско-бухарских торговых отношений в первой половине XIX в., ограничимся хронологическими рамками нашей темы: 50-е – первая половина 60-х годов XIX в., т.е. канун военных действий России в регионе.

В официальном письме от 3 ноября 1857 года №1745 оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин (1857-1860) указывает министру иностранных дел России по поводу состояния торговли между Россией и Средней Азией на необходимость настоящего

изменения положения торговли, которая якобы для России была «невыгодной и не обещала никакого развития в будущем». По его мнению, все купеческие барыши от этой торговли доставались лишь среднеазиатским купцам, и русские товары обходились им по самым дешёвым ценам.

Это происходило по той причине, что бухарские и хивинские торговцы закупали российские товары на месте производства, так как русские торговцы сами не ездили в Бухару и Хиву.² Поэтому, по суждению генерал-губернатора, необходимость учреждения постоянных аккредитованных от правительства России торговых консулов в Бухаре и Хиве стала очевидной.³

В письме также говорилось с необходимости создания речной торговой флотилии на Амударье и выполнении условий трактата, заключённого между Россией и Хивой в 1842 году о невмешательстве последней в дела подданных России – казахов.

К упомянутому письму была приложена «Записка» генерал – губернатора, определяющая положение взаимной торговли между Россией и Средней Азией и степень её полезности для России.⁴

Автор «Записки» стремился аргументировать «невыгодность» торговли для России и предлагал, во что бы ни стало изменить положение на уровне официальных правительственных решений. По его мнению, российское правительство должно: «1) Требовать и настоять, чтобы от среднеазиатских владений с русских торговцев христиан пошлина товарная взималась в таком же размере, как с магометан (мусульман – Х.П.), т.е. не по 5, а только 2,5 процента с товара...; 2) Привести в исполнение воспрещение среднеазиатцам торговать внутри России и ограничить действия их или меновыми дворами означенных линий (имелось ввиду Оренбургской и Сибирской – Х.П.) или такими городами в составе этих линий, как Гурьев, Уральск, Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Троицк, Петропавловск».

В случае возникновения недовольства со стороны среднеазиатских купцов генерал-губернатор предлагал вовсе прекратить торговлю. По его мнению, от этого Россия почти не проиграет, потому что главной статьёй привоза из Средней Азии являются хлопок, хлопчатобумажные изделия и мерлушка. Так как Средняя Азия по-

¹ АВПР Ф. СПб., гл. архив 1-9, оп.8, д.6, ч.II, л.660.

² Там же, л.660.

³ Там же. Л. С.660-661 об.

⁴ Там же. Л. С.664-669. (Краткая записка о невыгодности для России положения торговли её со Средней Азией).

⁵ АВПР. Ф.СПб., гл. архив 1-9, оп.8, д.6, ч.II, Л.666-666 об.

ставляла лишь 1/20 долю привозимого в Россию хлопка (остальное доставлялось из Америки и Индии), то она не могла ощутить острую нехватку этого сырья.¹ Что касается сухофруктов и марены, то первое было невысокого качества, а второе можно с успехом привозить из Закавказья.²

Призывая к таким действиям, генерал-губернатор уверял, что при таком положении дел Средняя Азия может почувствовать ощутимый удар, потому что среднеазиатцы из России получают такие товары, которые не могут приобрести в других государствах. К таковым он относил, прежде всего, металлы (железо, медь, чугун), металлические изделия, без которых якобы «среднеазиатцу не в чем будет сварить себе пищу, не во что ноги обуть».³ По его подсчётам, взамен своих товаров бухарцы брали в России только 5/7 часть товарами, а остальные 2/7 увозили наличными деньгами для покупки английских и иных товаров и тем самым создавали дефицит денежных знаков в Оренбургском крае.

Касаясь состояния торговли России со среднеазиатскими ханствами накануне завоевания края, Ф.И. Лобысевич замечал, что в ней «не было ни системы, ни правильных действий». Положение изменилось лишь благодаря деятельному участию московских торговцев братьев Хлудовых, в особенности Михаила, прибывшего в Среднюю Азию в 1863 году и чувствовавшего опасность перехода рынка в иностранные руки, прежде всего английские. Поставив это дело на более реальную почву, Михаил Александрович Хлудов в 1863-1865 годах первым из русских купцов посетил Бухару. Действуя открыто, он наладил сравнительно нормальные торговые отношения. Он же организовал в Коканде русскую контору и ценой огромного труда и затрат открыл в Ходженте европейскую шёлкоткальную фабрику. Хлудов упрочил и широко развил русское торговое дело в Средней Азии, поставив его на цивилизованную основу.⁴

Свой взгляд на перспективы торговли со Средней Азией имел известный востоковед В.В. Григорьев. По его мнению, торговля с Бухарой для России была выгодной, так как она являлась самым богатым рынком для сбыта русских мануфактурных изделий. Россия, считал он, должна была давно позаботиться об удержании этого рынка в своих руках.⁵

¹ АВГР. Ф.СПб., гл. архив 1-9, оп.8. д.6. ч.II. Л.658 об.

² Там же.

³ АВГР. Ф.СПб., гл. архив 1-9, оп.8. д.6. ч.II. Л.658 об.

⁴ Лобысевич Ф.И. Указ. раб. – С. 128.

⁵ Зайлецкий (Григорьев) В.В. Среднеазиатские дела. – М., 1865. – С. 11.

Хотя по своему общему объёму для России торговые обороты на среднеазиатском рынке, по сравнению с западноевропейским, были ничтожными, тем не менее, в 50-х – начале 60-х годов купцы всё чаще говорили о блестящей перспективе этого направления для российских товаров.¹

В.В. Григорьев, определяя годовой объём ввозимых из России в Среднюю Азию товаров в 5 млн. руб., выражал сожаление в том, что в отношении этого перспективного региона нет чёткой торговой политики и строго определённой системы.²

Несмотря на скудность анализа по данному периоду, русскими дореволюционными исследователями, всё же нельзя утверждать, что они обходили его стороной. Напротив, наблюдается стремление максимально использовать доступный им материал, чтобы осветить состояние русско-среднеазиатской торговли в 50-х – начале 60-х годов. Особый интерес в этом плане представляют данные, которые приведены М.А. Терентьевым. Несмотря на некоторые колебания или неустойчивость, в целом они свидетельствуют о прогрессирующем росте российско – среднеазиатской торговли.

М.А. Терентьев заостряет внимание на том факте, что из среднеазиатских ханств в качестве основного торгового партнёра России выступала Бухара, о чём убедительно говорят данные составленных таблиц товарооборота.

Итак, за три года до начала завоевания края из Бухары в Россию было вывезено (в руб.):³

Наименование товаров	1862 г.	1863 г.	1864 г.
Хлопок	1 801 697	2 908 212	6 105 241
Шелк	154 076	51 295	45 663
Кожа	16 618	39 697	87 908
Фрукты	68 891	73 351	7 281
Меха	244 044	235 543	250 834
Хлопчатобумажная пряжа	52 833	39 274	96 035
Хлопчатобумажные изделия	346 354	458 233	245 433
Шелковые изделия и пр.	16 224	37 455	12 763
Всего:	2 740 669	3 880 659	6 368 343

За этот период из России в Бухару вывезено (в руб.)⁴

¹ Заилецкий (Григорьев) В.В. Среднеазиатские дела. – М., 1865. – С. 11-12.

² Там же. – С.12-13.

³ Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. – СПб., 1876. – С.57.

⁴ Там же. – С.60.

Наименование товаров	1862 г.	1863 г.	1864 г.
Хлопчатобумажные изделия	1 683 531	1 401 066	2 386 753
Шелковые ткани	22 367	33 377	39 843
Шерстяные ткани	186 158	201 802	308 860
Металлические изделия	191 556	182 857	185 535
Кожа	171 854	187 633	330 796
Хлопчатобумажная пряжа	223 475	159 857	445 518
Сахар	78 156	171 064	268 243
Металлы	142 185	229 949	293 336
Меха	34 392	33 917	44 990
Сундуки	13 213	17 590	11 604
Краски	253 646	234 491	110 335
Кораллы и корольки и пр.	10 075	2 900	5 318
Всего:	3 126 681	2 983 595	4 654 988

Приведённые данные свидетельствуют о росте торговых отношений, несмотря на тенденции ухудшения политико-дипломатических отношений России со Средней Азией, явное преобладание во внешней политике силового давления и великодержавных притязаний к ханствам региона. Нельзя в этой связи не отметить и тот бесспорный факт, что к началу своего присоединения Средняя Азия уже была превращена в полном смысле слова, в сырьевой придаток и рынок сбыта Российской империи, вступившей фактически и официально на капиталистический путь развития.

В сб.: Россия – Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений. Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию подписания русско-бухарского договора 1868 г. 31 октября 2008 г. в г. Душанбе. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С.16-29.

ТАДЖИКИСТАН – РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА В 90-Е ГОДЫ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Распад Советского Союза привел к новой геополитической ситуации в мире. Начались лихорадочные поиски ставших теперь независимых республик, выгодного внешнеполитического ориентира. Не случайно, что одни считали выгодным становить тесные контакты и сотрудничество с западными странами и даже спешили быстрее оказаться в объятии военно-политического блока НАТО, другие – стремились найти опору в соседних, близких по вере и традициям странах, третьи, почувствовав уверенность в доставке внутренних природных ресурсов, предпочитали остаться «абсолютно» независимыми. Но эйфория приобретения «полной независимости» и желание «приравняться» к ряду высокоразвитых стран вскоре и спарились. Некоторые освободившиеся из «коков Советов» независимые государства, оказавшись втянутыми в кровавые драмы гражданских и этнических конфликтов (Кавказ, Средняя Азия), вынуждены были с надеждой смотреть на укрепления прошедшего на смену СССР нового союзного образования под несколько непривычным названием – Содружество независимых Государств (СНГ). В этом отношении прав нынешние Председатель Исполкома Содружества Юрий Яров, указавший на то, что «с образованием СНГ стали отчетливо проявляться черты мирной, цивилизованной формы политического и экономического размежевания бывших союзных республик».¹

Следует отметить, что после распада Союза перед наиболее драматической ситуацией оказался Таджикистан. Втянутый в пучину гражданской войны, он стал наиболее злободневной проблемой для всего мирного сообщества.

При всей очевидности той огромной работы, которая была проделана в целом наиболее активными членами мирового сообщества и солидными международными организациями, прежде всего ООН, пожалуй, самой судьбоносной для Таджикистана в этой сложнейшей ситуации, когда на повестке дня стоял вопрос о сохранении его государственности и территориальной целостности, было сохранение тесного сотрудничества с Россией.

Разумеется, главным стимулом в этом плане были и есть, прежде всего, геополитические интересы самой России. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и исторически сложившуюся дружбу между

¹ Яров Ю.А. Караван между тем идет... Содружеству независимых государств – девять лет // Независимая газета – 8 декабря 2000 г. – С.8.

русским и таджикским народами, история которой насчитывает более чем полутора тысячелетий.¹

Геополитические интересы России сложились и продолжают развиваться не вопреки интересам народа и государства Таджикистана, а совпадают с их желаниями. Даже военное присутствие России (ограниченный контингент пограничных войск и 201 мотострелковая дивизия), на которое так ревниво смотрят наши некоторые соседи – недоброжелатели, по обоснованному выводу академика Р.М. Масова, «само по себе спасло Таджикистан от возможного иностранного вторжения (вооруженных групп, неподконтрольных официальным властям сопредельных стран) и утраты им национальной независимости или развития таджикского внутреннего конфликта по афганскому варианту и потери территориальной целостности. Кроме того, военное присутствие России давало нынешнему таджикскому руководству так необходимое время для создания и укрепления национальных вооруженных сил».²

Независимо от реакции официальных лиц некоторых соседних стран совместный выбор России и Таджикистана о военном присутствии в республике был и остается единственно верным решением.

Военно-политическое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в сложившейся обстановке соответствует требованиям реалии данного периода и не имеет альтернативы. Оно имеет приоритетное направление в официальной политике двух государств.

Разумеется, объем небольшой статьи не позволяет остановиться на более подробном анализе всех параметров Российско-Таджикского сотрудничества. Для этого необходимо провести специальное комплексное исследование. Мы же ограничиваемся лишь некоторыми штрихами из этого во всех отношениях судьбоносного сотрудничества.

В сложившейся исторической обстановке одним из важнейших направлений Российско-Таджикостанского сотрудничества является военно-политическое сотрудничество.

Говоря о данном направлении сотрудничества, следует обратиться

¹ Об этом подробно см.: Пирумшоев Х. К истории русско-среднеазиатских отношений в средние века // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки озод, 1998 г. – С. 10-25; Он же: Российско-среднеазиатские отношения XXI в. и середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе: Маориф, 2000. – 338 с.

² Масов Р.М. Россия и Таджикистан // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки озод, 1998. – С. 138.

внимание на то, что Таджикистану в сложившейся ситуации почти ничего не досталось из раздела Вооруженных Сил Советского Союза. Пришлось начать в спешном порядке с нуля, только с решающей помощью Российской Федерации.

Критическая обстановка в начале 90-х, главным образом с весны 1993 года требовала принятия комплексных мер военно-политического характера, со стороны таджикских властей, руководства Российской Федерации и СНГ направленные для нормализации ситуации в республике. Это была и неотложная необходимость на пути к созданию условий для стабилизации обстановки на территории всех государств, членов СНГ. Правовая основа к всестороннему сотрудничеству заложена в подписание ряда договоров между Россией и Таджикистаном. В том числе договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 25 мая 1995 годам серии договоров о союзническом взаимодействии, ориентированных в XXI век, также о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 16 апреля 1999 года. На этот решающий шаг стороны были вынуждены пойти после вооруженного конфликта 1992-1996 годов, унесшего по некоторым данным 20 тысяч жителей и вынудивших 1,5 млн. жителей стать беженцами и ряд других последующих драматических событий. Боевые действия правительственными силами и оппозиционными формированиями велись на протяжении 1993-1996 годов, а отдельные вооруженные выступления имели место вплоть до конца 1998 года.¹

Следует особо подчеркнуть, что во всех заключенных двусторонних договорах между Россией Таджикистаном придерживались принципа равноправия и взаимного уважения, суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимопомощи и справедливости. Разумеется, все это проводится с учетом глобальных и региональных политических процессов, этой связи следует особо подчеркнуть и деятельность коллективных миротворческих сил (КМС) СНГ в республике, хотя в их действиях был и ряд перебоев.

Помимо огромной военно-технической помощи, с 1992 по 1998 год российскими пограничниками было задержано 1300 нарушителей государственной границы, предотвращено 850 переправ,

¹ Маконина С.В. Военно-политическое сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в 1993-1999 годы. Исторический опыт и уроки. Автореферат кандидатской диссертации. Душанбе, 1999. – С.8-11.

найдено 80 тайников вооружения и боеприпасов, у нарушителей границы изъято свыше 900 единиц оружия и около 3 тысяч боеприпасов, задержано более 7 тонн наркотических веществ. Пограничникам приходилось вступать в боестолкновения с вооруженными нарушителями более 300 раз.¹ По данным российского уполномоченного посла в Таджикистане Евгения Белова только в 1997 году российский пограничник зафиксировали около 250 нарушений таджикско-афганской границы, задержали 154 нарушителя, изъяли 2,3 тонны наркотических средств, они более 120 раз подвергались обстрелам и имели 92 боестолкновения с нарушителями границы.² Следует учесть, что за этой сухой статистикой кроются огромные экономические затраты и потери молодых парней, проходивших службу на таджикско-афганской границе.

Российские пограничники и по сей день остаются главной силой, обеспечивающей надежную охрану государственной границы Республики Таджикистан. Ко всему этому нужно добавить и тот факт, что основной контингент высококвалифицированных военных кадров для вооруженных сил Таджикистана проходил и проходит обучение и приобретение навыков практических действий в России. Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что достижение национального примирения и надежного обеспечения мирной созидательной жизни таджикистанцы во многом обязаны обстоятельствам военного присутствия России в республике.

Российская Федерация особо выделяется среди всех государств и международных организаций, принявших участие в оказании финансово-экономической помощи нашей республике. Несмотря на обилие фактов, привести которые не позволяет объем статьи, довольствуемся лишь теми данными, приведенными тем же официальным представителем России Е.В. Беловым. «По объему товарооборота, – пишет он, – РФ занимает одно из ведущих мест в экономике Таджикистана». Так, за 1997 год товарооборот вырос по сравнению с 1996 годом и оставил 187,5 млн. долларов США, экспорт России достиг 121,1 млн. долларов США, импорт – 66,4 млн. долларов США. Удельный вес РФ в общем внешнеторговом обороте РТ за 1997 год достиг 12 процентов против 10,6 процентов в 1996

¹ Маконина С.В. Военно-политическое сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в 1993-1999 годы. Исторический опыт и уроки. Автореферат кандидатской диссертации. Душанбе, 1999. – С.21-22.

² Белов Б.В. Россия и межтаджикское урегулирование // Россия в исторических судьбах таджикского народа.– Душанбе: Шарки озод, 1998. – С.152.

году. Основными статьями российского экспорта являются продукты питания, изделия из черных металлов, автомобили, сельхозтехника. Импорт представлен овощами, фруктами, соками, хлопково-локном, пряжей, алюминием и изделиями из него. Общая сумма государственных кредитов, представленных Россией Таджикистану, в 1993-1996 годах составляет около 290 млн. долларов США.¹ К тому если еще добавить то, что с Таджикистаном заключили соглашения об экономическом сотрудничестве многие города и области России и это представляет возможность многим специалистам да и не специалистам из числа молодежи работать там, что позволяет несколько сглаживать их семейные финансовые затруднения, в связи с этим степень такой помощи представляется намного большей, чем это отражается в официальной статистике.

Глубоко прав академик Р.М. Масов, подчеркнуто указывающий на истину о том, что альтернативы партнерства Российской Федерации и Таджикистана, – пишет он, – «как нам представляется, даже без гражданской войны, в силу ряда объективных причин, неизбежно был обречен на союз с Россией в ряд ли самостоятельно смог обеспечить себе достойный уровень существования без ее покровительства».²

Но при всем желании нельзя смотреть на это только с позиции односторонней помощи России. Ну, оно глубже вникать в истоки, предпосылки в причины обоюдных стремлений России и Таджикистана к равноправному партнерству, искренней дружбе, взаимному уважению и взаимосвязи.

При таком подходе выпукло прослеживаются следующие факторы, лежавшие в основе этой взаимозаинтересованности:

А) для России – традиционно сложившаяся дружба между русским и таджикским народами в силу своего расово-языкового и культурного сходства:

– Стратегические выгоды;

– Борьба с наркобизнесом, грозящему Западной Европе и России (Таджикистан в силу природных условий может стать воротами, через которые могут переправить в зарубежные страны наркodelьцы свой товар);

– Пресечение расползания исламского фундаментализма;

– Экономическая заинтересованность.

¹ Белов Б.В. Россия и межтаджикское урегулирование // Россия в исторических судьбах таджикского народа – Душанбе: Шарки озод, 1998. – С.153.

² Масов Р.М. Россия и Таджикистан // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе. – С.139.

(Таджикистан является уникальной страной по запасам природных богатств, в том числе военно-стратегического значения) и прочее.

Б) Для Таджикистана

- Традиционно сложившаяся историческая дружба;
- Все то, что достигло республика от возрождения таджикской государственности до ее внешней независимости;
- Перспективы социально-экономического и культурного развития.

Все это и многое другое, лежащее в основе нашего сотрудничества и неотъемлемой взаимной дружбы ставят наши отношения на уровне ключевых вопросов в официальной политике России и Таджикистана. Сам факт, что только за 1999 г. 22 раза состоялись официальные и неофициальные встречи Президента республики Таджикистан Э. Ш. Рахмонова с представителями высоких рангов руководства Российской Федерации, в том числе с ее президентом, в ходе которых решалось великое множество жизненно важных вопросов для нашей республики, свидетельствует о приоритете этой дружбы и партнерства во внешней политике нашего государства. Присутствие России и Таджикистана и всестороннее развитие сотрудничества с этой великой державой являются для нас объективной реальностью.

Таким образом, таджикистанско-российская дружба и сотрудничество, сложившейся веками и обретшие новый импульс в годы мучительных испытаний последнего десятилетия XX века, являются величайшими историческими достижениями наших народов. Их преумножение является одной из центральных задач нынешних и грядущих поколений.

*Вестник Педагогического университета
(Серия филологических и гуманитарных наук)
– Душанбе. – 2000. – №7. – С.8-14.*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПАМИРА И БАДАХШАНА

ПАМИР И БАДАХШАН В XVI – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ

Несмотря на крайне скудный материал, из сохранившихся прямых или косвенных источников, дающий возможность общего знакомства с древней и средневековой историей народов, проживавших в верховьях Пянджа и близлежащих к ним местностях, объединенных этногеографическим понятием «Памир» и «Бадахшан», он, тем не менее, приводит к убеждению, что независимо от природно-географической изолированности и труднодоступности, они все же не могли находиться в стороне от тех или иных событий в истории центральноазиатских стран и народов. Однако это не исключает специфичность исторического развития, которая была присуща государствам этого региона. Они проявлялись в силу той же географической изолированности и ограниченности жизненных ресурсов (сложность климатических условий, малоземелье и т.д.) в сохранении патриархально-родового уклада, способствующего многовековому застою социально-экономической и политико-административной жизни края. Тем не менее, даже беглое историческое знакомство показывает, что Памир и Бадахшан в той или иной степени на себе испытали влияние и прямое воздействие власти Ахеменидов, сменивших ее затем Греко-Македонской, Кушанской, Сасанидской держав, нашествия арабов, татаро-монголов и последующих поколений тюрко-монгольских династий, против которых непримиримо и постоянно боролись свободолюбивые народы «Крыши мира». При всем том бесспорен факт, что как коренные аборигены, так и по воле обстоятельств оказавшиеся на Памире и Бадахшане жители не могли не испытать благотворное влияние и свойственность таджикско-персидских достижений эпохи Саманидов, Гуридов, втягивающих их в орбиту процесса формирования таджикской народности, его языка, самобытной культуры и государственности.

В начале XIII века накануне нашествия татаро-монголов, Бадахшан, Вахан, Ишкашим и Шугнан находились в подчинении грозного хорезмийского владетеля Мухаммед Хорезм шаха, распространившего свою власть на основную территорию Средней

Азии.¹ Хотя и нет прямых источников, свидетельствующих о покорении этих народов монголам, но, по мнению большинства авторитетных исследователей, они находились в стороне от нашествия монгольской Орды.² Тем не менее, нельзя и стачать того, что в силу той ситуации эти владения не могли ни ощущать официальное политическое, да и экономическое давление монголов и не оказаться в их подданстве. Другое дело, что зависимость их могла быть лишь номинальной. Этому горному краю пришлось разделить судьбу тех людей, которые, спасая жизнь бегством, оказались в здешних местах. Как обычно бывает в таких случаях, местные жители, приняв своих собратьев, делились с ними своим скудным пропитанием и жильем.

Что касается их зависимости от власти Тимура и Тимуридов, то это факт уже доказанный. Бесспорным является и то, что этот свободолюбивый народ не примирился с чужой властью, постоянно боролся за ослабление или же ликвидацию Тимуридских притеснений. Были и радости побед, и горести поражений, и прямая и косвенная независимость, да и полная независимость.

Согласно преданию, на которое ссылаются почти все исследователи Памира, в 1581 году из Исфагана (Иран) в Шугнан в дервишском одеянии через Бадахшан прибыли четыре брата. Это предание в рукописи Курбан Мухаммед-заде и Мухаббат-Шах-заде «История Бадахшана» приводится в таком варианте: «Среди древних пожилых знатоков истории известно, что из владения Исфагана местности Кошон, находившейся в стране Ирана четыре странствующие дервиша (отшельника, каландара – Х.П.) в поисках удобной местности для постоянного жительство пожелали путешествовать по миру. Первого звали Сеид Мухаммед Исфахани, по прозвищу Шох Кошони, второй – Сеид Шо-Маланг, третий – Сеид Шо Хамуш, четвертый – Шо Бурхони Вали. Путешествуя по странам, они дошли до Шугнана. Местность и природа Шугнана им пришлись по душе». Далее речь идет о выборе каждым из них местности в этом крае. В частности, приводится факт избрания народом избрания Шо Хамуша владельцем страны и о его браке на дочери прежнего правителя из местной династии, но

¹ Исмаилов Б.И., Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в. – первая половина XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С.44.

² См. напр. Бартольд В.В. Бадахшан (статьи из цикла «Энциклопедии ислама») // Соч. Т. III. – М.: Наука, 1965. – С.345.

³ Курбан Мухаммад-зода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Саид Футур-шо). История Бадахшана (факсимильный текст на языке фарси). – М.: Наука, 1973. – С.2.

оказавшейся после смерти родителей сиротой. Родившийся от этого брака сын Шо-Худодод и положил начало новой династии местных владетелей – шахов Шугнана, продержавшейся у власти (золи не считать отдельные моменты потери самостоятельности) вплоть до 80-х годов XIX века.¹

Почти та же самая, но несколько в ином варианте история, связанная с прибытием братьев в Шугнан излагается автором «Истории Шугнана» Сеидом Хайдаршо.² Он рассказывает, что Сеид Шо-Маланг из Хорасана был прислан для распространения исмаилизма в Шугнани. В пользу этой версии не без основания высказался и ряд исследователей по мере их ознакомления со сведениями по истории Памира и Бадахшана. Например, в то, что Шо-Хамуш положил начало династии местных шахов после распространения исмаилизма в Шугнани и в течение десяти лет склонил всех жителей к переходу из огнепоклонства к принятию мусульманства исмаилитского течения, был убежден видный русский востоковед И. Минаев.³ Опираясь на имеющиеся версии бытовавшие среди местных людей в начале XX столетия, он считал, что род местных правителей происходил от четырех братьев, прибывших из Хорасана. «Один сделался, – пишет он, – хакимом (владетелем – Х.П.) в Канджугте, другой – в Вахане, третий на Шах-Даре, четвертый – в Дарвазе».

Как бы обобщая мнение исследователей, занимавшихся изучением данного периода истории западно-памирских владений, таджикский ученый Б.И.Искандаров высказал довольно обоснованное предположение, что эти братья являлись в припамирских княжествах ярыми пропагандистами религиозных воззрений исмаилитского толка господствующих тогда в Иране в годы правления Сефевидов (1502-1786гг.). При этом он сомневается в том, что в то время жители края были огнепоклонниками. Судя по некоторым данным, они приняли мусульманство еще в XI-XII веках, то есть в самом начале его распространения в этом регионе. Но при всех мнениях один факт наводит на мысль, что усиливавшаяся борьба против Шейбанидов могла вызывать симпатию местного населения к мусульманству, в данном случае-шиизму. Это могло бы быть

¹ Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. С.2-6 и далее.

² См. Сеид Хамдаршо. Муборак-шозода. История Шугнана (предисл. и примеч. А.А. Семенова), – Хорог: Памир, 1992. – 35 с.

³ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи. Санкт – Петербург (СПб): 1879. – С.51, 156-157.

⁴ Бобрынский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваканцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М.: 1908. – С. 119.

продиктованом тем обстоятельством, что бадахшанцы могли бы теперь опереться на помощь иранских шахов. «Приезд братьев-проповедников, — пишет Б.И. Искандаров, — укрепил господство исламской секты исмаилитов в высокогорных районах Средней Азии. По некоторым данным в этот период аналогичный процесс происходит в прииндукушских княжествах, где усиливается агитация в пользу этой секты».¹

В этой связи следует заметить, что до середины XIX века, почти вплоть до завоевания Средней Азии Россией, в Европе, в самой России, да и даже в Бухаре, не имели четкого конкретного представления о Памире и Бадахшане. Те скудные сведения, которые появлялись в печати, за редким исключением, основывались на расспросных материалах от жителей соседних владений. Об этом свидетельствует тот факт, что Е.К.Мейендорф, член российского посольства, возглавляемого дипломатом Н.Ф. Негри, посетившего Бухару с 1820-1821 годов, в своей книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (издана в 1826 году в Париже на французском языке; полный перевод на русском языке осуществлен в 1975 году), опираясь на расспросные данные, писал, что в независимых владениях, расположенных к востоку от Бухарского ханства, живут не мусульмане, а «страшные кяфиры» (т.е., неверные). «Продвигаясь далее на восток, — писал Е.К.Мейендорф, — можно попасть в горную страну, почти никому не известную. Говорят, что здесь живут какие-то кяфиры, или неверные, народ весьма свирепый. Начиная от Каратегина, мусульмане не встречаются».² Хотя в этих сообщениях и прослеживается традиционная неприязнь или даже вражда между мусульманами суннитского и шиитского толка (одни считали других за «страшных неверных» и наоборот), тем не менее налицо отсутствие четкого представления о соседних собратях — таджиках, проживающих в высокогорных владениях. Согласно утвердившемуся мнению, правление династии, происшедшей от Шо-Худоода, продолжалось более 300 лет (с 1581 по 1883 гг.) со столицей в Калаи-Барпандж, расположенной на левом берегу реки Пянджа.³ За всё это время, кроме отдельных моментов, Шугнан и Рушан, Вахан и Ишкашим составляли единое Феодальное владение. Рушаном управляли младшие братья или сыновья шугнанских владетелей. Но следует

¹ Более подробно см. Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. — С. 57-59.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — М.: Наука, 1975. — С. 78.

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. — С. 60.

заметить, что в силу закономерностей, присущих феодальной раздробленности и патриархальным отношениям, разногласия между этими владетелями, находящимися всегда в тесном родстве, порою обострялись до уровня военных столкновений и территориальных притязаний, завершавшихся созданием мощного централизованного государства. К примеру, один из сыновей шугнанского владетеля Абдурахман-хана, занявшего престол после своего отца Шо-Худодода, Шо-Ванджхон, мать которого происходила из рода дарвазских владетелей, почти без сопротивления завладел престолом отца. Последний довольствовался лишь выполнением обязанности духовного наставника Шо-Ванджхону удалось присоединить к Шугнану и Рушану Вахан, Зебак, Мунджан и Ишкашим. Но это объединение просуществовало недолго, и вскоре распалось.

Что касается самого Дарваза, то до присоединения его к Бухарскому эмирату (1378 г.), тот почти всегда сохранял свою независимость. Это подтверждается и русскими дореволюционными авторами. «Если обратиться к несложной истории Дарваза, — пишет Б.Н.Литвинов, — то к удивлению мы увидим, что это крошечное по количеству населения шахство весьма лишь недавно потеряло свою самостоятельность».¹ Капитан Кузнецов утверждал, что во время Тимура «Дарваз, точно также как и Бадахшан, входил в состав его обширных владений, но управлялся своим ша».²

Вопреки мнению ряда исследователей, считавших нахождение Дарваза под властью Абдуллы-хана, В.В. Бартольд, говоря о завоевании Бадахшана со стороны этого грозного бухарского хана в 1584 г., предполагал, что независимыми от узбеков оставались труднодоступные области — Дарваз и Каратегин.³ При этом ссылаясь «на сообщения историка XVII века Махмуда ибн Вели, он писал: «Только в 1047 (1637-1638 гг.) узбекам впервые подчинилась крепость в области Хутталян Калаи-Хум (главный город Дарваза), во главе узбеков был Баки-Аталык из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит и его голова отправлена в Бухару, вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе (в Балхе)».⁴

Следует заметить, что с именем Шо-Киргиза связывается нема-

¹ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторические вестник. — Т. 98. — СПб, 1904. — С. 716.

² Кузнецов П.А. Дарваз (рекочносцировка ген.штаба капитана Кузнецова в 1893 г.) — Новый Маргелан, 1893. — С.1.

³ Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. Т. II. — Ч. I. — М.: Наука, 1963. — С.464.

⁴ Там же.

по ярких страниц в истории Дарваза. Его, в частности, считают основателем новой столицы Дарваза Калай-Хума в начале XVII века (1606 – 1607 гг.). До этого времени она находилась в 6 верстах северо – восточнее Калай-Хумба. Если исходить из этого, то проследивается существенное несоответствие с датой, приведенной В.В. Бартольд, о восшествии Шо-Киргиза на престол. Тем не менее, согласно мнению большинства авторов, усиление Дарваза относится ко времени правления Шо-Киргиза. П.А.Кузнецов отмечает, что в первое время Шо-Киргизу принадлежали Каратегин, Вахш, Рушан, Шугнан и Вахан.

О состоянии Дарваза в годы правления преемников Шо-Киргиза очень мало. Согласно данным того же исследователя, после Шо-Киргиза страной в течение 60 лет правил его племянник Махмуд-Шо. «В это управление, – пишет он, – Бадахшан, Вахан и Шугнан отделились от Дарваза и управлялись своими ша. С этого времени Вахан и Шугнан платили дань Бадахшану или Дарвазу, смотря по тому, какое ханство в данное время было сильнее и, кроме того, ежегодно посылали подарки кокандскому хану». ² О годах правления других преемников почти ничего неизвестно. По-видимому, в XVIII веке Дарваз не мог достигнуть того могущества, как это было при Шо-Киргизе.

В начале XIX века Дарваз считался сравнительно сильным государством. В 20-30 годах владения Каратегина и Дарваза были объединены под властью дарвазского правителя. ³ По Б.Н.Литвинову, попытки правителя Балха Мурад-бека покорить Дарваз в 30-е годы не увенчались успехом и привели к ряду завоевательных походов уже со стороны Дарваза. ⁴ О могуществе Дарваза в эти годы говорит факт содержания его правителем значительной армии (по крайней мере, по сравнению с войсками его более слабых соседей). ⁵ Но частые феодальные войны, внезапные нападения не представляли возможности надежно защищаться.

Так, после завоевания Каратегина кокандским ханом Мадали (1822-1842 гг.) его войска во главе с Мухаммед-Шарифом двинулись в Дарваз (1839 г.). Правитель Дарваза Султан Махмуд признал себя побежденным. ⁶ Но вскоре Дарваз не только вернул себе свою независимость, но и стал сильным государством. Согласно источникам, в годы правления Исмаил-шо (1845-1863) Дарваз не только

¹ Кузнецов П.А. Дарвоз. – С. 2.

² Там же.

³ История таджикского народа. – Т. II. – Кн. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 62

⁴ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. – С. 716.

⁵ Бартольд В.В. Таджики. – С. 465.

⁶ Бартольд В.В. Таджики. – С. 465

обратил в наместничество Каратегин с Шугнаном, но и сделал своими данниками (хотя и ненадолго) Куляб и Гиссар.¹ Но Дарвазу не удалось сохранить свое могущество и славу. Уже вскоре при Исмаиле он снова сошел до уровня трезрядного ханства. В таком положении он находился вплоть до завоевания его зимой 1877-1878 годов бухарским эмиром «Последнему Дарвазскому владетелю Шо-Сираджиддину, — отметил П.А. Кузнецов, — принадлежали только Калаи-Хумб, Ванч, Язгулем все амлякдарства левого берега Пянджа с Хаганом включительно».²

Нередкими были завоевания Шугнана, Рушана и Вахана бадахшанскими правителями. Притязания на владения другими территориями у шахов Западного Памира, были постоянными. В этот спор, который не прекращался и в первой половине XIX века³, вмешивался и Бадахшан. Такая ситуация нередко приводила к подчинению их со стороны Бадахшана и Кундуза.

Повышенный интерес к горным самостоятельным и полусамостоятельным владениям проявляли, как явствует из имеющихся источников, и крупные среднеазиатские государства. Одной из причин заинтересованности к самому Бадахшану и княжествам Западного Памира было стремление овладеть таким богатством как драгоценные металлы и минералы. Именно в Дарвазе, Рушане, Шугнани и Бадахшане разрабатывались золотые и серебряные рудники, рубиновые и лазуритовые копи.⁴ О постоянном притязании Бухары на лазуритовые копи говорит такой факт, что Бухара в годы установления своего господства в Бадахшане в период Тимуридов, шейбанидов, и даже мангытов стали одним из главных поставщиков в другие страны, главным образом в Россию, этих материалов.⁵

История Бадахшана связана не только с историей княжеств За-

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк) // Военный сборник. — Т. 154. — №11. — 1883. — С. 146; См, также: Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. — С.717; Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб, 1888. — Вып. 33. — С. 25-26.

² Кузнецов П.А. Дарвоз. — С.5; более подробно о Дарвазе см.: Пирумшоев Х. Дарвазское шахство до присоединения к Бухарскому эмирату (в русской историографии) // Россия в исторических судьбах таджикского народа. — Душанбе: Шарки озод. — 1998. — С. 43-55.

³ Подробно см.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. — С. 57-111.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М.: Наука, 1972, — С.356.

⁵ См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. — С.92-98.

надного Памира или владений находившихся по правому притоку верховьев Пянджа но и настолько тесно приплетена в целом, но приставляется возможным изучать ее отдельно.

Известно, что Тимур после укрепления своей власти в Мавараннахре предпринял ряд походов на левобережье Амударьи, порой достигая и Бадахшана. Но фактически независимые владения Бадахшана покорены только его преемниками. Однако в основном верховная власть Тимуридов фактически оставалась номинальной. Свободолюбивые жители края не хотели находиться даже в состоянии полузависимости. Бадахшанский владетель Бахаутдин открыто, пытался совершенно освободиться от притеснений Тимуридов при внуке Тимура Шахрухе (1409-1447). Но его попытки не только не увенчались успехом, а лишь привели к активизации Тимуридов к полному подчинению края своей власти. Окончательно полузависимые владения Бадахшана были присоединены к Тимуридам при правлении правнука Тимура Абусаида (1458-1469). После безуспешной попытки бадахшанского правителя из местной династии (считавшей себя потомками Александра Македонского) Султан Мухаммеда, казненного в 1467 году, и усиления разногласий между Абусаидом и его братом, Султан Махмудом, правителем Гиссара, приведшим к военному столкновению и поражению Абусаида, Бадахшан, Куляб и Хиссар были объединены.¹

Установление династии Шейбанидов в Средней Азии и отчасти в Хорасане, совпало с утверждением в 1502 году династии Сефевидов в Иране. События, связанные с этими династическими переменами, не могли не сказаться на жизни владений Западного Памира и Бадахшана, ставших по сути дела яблоком раздора между претендующими на их правителями из династии Тимуридов, Шейбанидов и Сефевидов.²

Тимуридам удавалось время от времени укрепить свою власть или власть своих ставленников, опираясь на помощь местного населения, порою более благосклонно относящегося к ним, чем к представителям соперничавших с ними династий. По всей вероятности, причиной тому была возможность пользования этими владениями некоторой самостоятельностью в годы правления Тимуридов. В этом отношении небесспорно заключение Б.И. Искандарова о том, что «до прихода к власти в Средней Азии шейбани-

¹ См.: Бартольд В.В. Бадахшан. – С.345; Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. – С.45.

² См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. – С.46; Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. – М.: Наука. – 1977. – С. 34-35

дэв Бадахшан имел некоторую самостоятельность, номинально находясь в подчинении династии тимуридов».¹

После утверждения своей власти в Средней Азии Шейбаниды подчиняли и Бадахшан, но натолкнулись на сильное сопротивление местного населения. Так, известно о крупном восстании во главе с Захиром. Пытавшийся воспользоваться Бабур с помощью Исмаила (основоположник династии Сефевидов (1502-1736 гг.)), который также стремился распространить свою власть в крае, не смог добиться желаемого результата. В 1505 году Шейбаниды ценой сильных и жестоких разрушений вновь завладели Бадахшаном. Все это не могло ни вызывать гнев и волнений среди местного населения. Они охватили вскоре Бадахшан и сопредельные с ним независимые княжества.

Известно также крупное восстание во главе с Муборак-шахом и Зубейром. Одержав победу над Шейбанидами у Калаи-Зафар (Крепость Победы), расположенном на левом берегу реки Кокча, оставшие, чтобы окончательно закрепить свою победу, обратились за помощью к брату Бабура Носиру Мирзе. Последний был провозглашен правителем Бадахшана. Но из-за возникшего разногласия между ними и предводителями восстания он через два года был изгнан из Бадахшана. Лишь посла предательского убийства руководители восстания, когда уже народное волнение несколько утихло, Носир Мирза, разумеется, не без помощи Бабура, в 1507 году, несмотря на очередные попытки Шейбанидов подчинить край, вновь стал владетелем Бадахшана.

Используя нестабильность ситуации, глава секты исмаилитов Кухистана Шах Рази эд-дин (по Б.И. Искандарову – Риза эд-дин) завладел Бадахшаном. Однако весной 1509 года, в результате религиозных столкновений между суннитами и шиитами он был казнен. Его голова была доставлена в Калаи-Зафар Мирза-хану.²

После смерти в 1520 году Мирза-хана Бабур забрал к себе его несовершеннолетнего сына Сулеймана, вместо него назначил управлять своего сына Хумоюна. В 1529 году последний был отован в Индию и Сулейман занял его место. Он правил Бадахшаном до 1575 года и был вытеснен своим внуком Шохрухом.

В 1584 году Бадахшан был завоеван шейбанидом Абдуллояханом вторым (1583-1598).³ Бежавшие в Индию Сулейман и

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. – С. 46.

² Бартольд В.В. Бадахшан. – С.345; См. также: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. – С. 46-49.

³ Бартольд В.В. Бадахшан – С. 345-346; См. также: Шах-Махмуд ибн Мирза Фозил Чурас. Хроника. Критический текст. Перевод, коммента-

Шахрух предприняли несколько попыток овладеть властью, но, по видимому, безуспешно. В начале XVII века сын Шахруха поднял восстание местного населения. Бабуридам только в 1645 году удалось снова завладеть Балхом и Бадахшаном, и то ненадолго. Осенью 1647 года эти территории снова оказались под властью узбеков.

Таким образом, частые опустошительные походы, стремление утвердиться в горном крае представителей различных упомянутых династий не могли ни оказать пагубного влияния на экономическую и культурную жизнь Бадахшана. А это закономерно вызывало недовольство народных масс. Такое положение сохранилось и после падения власти Шейбанадов.

Усиливавшаяся феодальная раздробленность, с одной стороны, приводила к относительной самостоятельности и ослаблению центральной власти, как это было в период правления Аштарханидской (Джанидской) династии (1599-1753), та с другой - борьба между соседними самостоятельными и полусамостоятельными владениями практически не прекращалась, что и становилось причиной новых нашествий. К примеру, в середине XVII века правитель Балха Махмуд-бий при поддержке бухарского хана Субхан Кули (1680-1702) в своих завоевательных походах в Бадахшан и соседние владения использовал военную поддержку, предводителей племен Каттаган.

Некоторая стабилизация государственной власти в Бадахшане и ослабление внешнего вмешательства наблюдалось в период правления Миряр-бека. Будучи из рода Самаркандских сейидов, он занял престол в 1657 году согласно просьбе местной аристократии. Но вскоре из-за усилившихся разногласий с ней вынужден был покинуть Бадахшан и переселиться в Индию. Спустя некоторое время вспыхнувшая междоусобная борьба вынудила влиятельных лиц из местной знати вновь пригласить Миряр-бека занять престол. Тем временем, используя шаткое политическое положение Бадахшана, правитель Каттагана, фактически подчинявшийся бухарскому хану и опиравшийся на его поддержку, всячески старался извлечь в пользу Бухары доходы из рубиновых копей,¹ усиливая вмешательство и притеснения в Бадахшане. Он даже организовал военный поход, но взять столицу Бадахшана Джузгун (Файзабад) ему не

ри, исследования, указатели О.Ф.Акимовской. М.: Изд-во АН СССР. 1976. - С. 40, 213; Гафуров Б.Г. Таджики. - С. 532.

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. - С.55; История таджикского народа. - Т. II. М.: Наука. - 1964. - С.28; История народов Узбекистана. - Т. II. - Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. - С. 73.

удалось. Однако Яр-бек согласился выплатить Бухаре за перемирие двухгодичный доход с рубиновых копей и признать свою зависимость от бухарского хана.¹

Вскоре Яр-беку удалось заметно укрепить свою власть. Формально он считался вассалом Аштарханидов, но фактически сохранял свою независимость. Он искусно вел переговоры с местными феодалами, добивался их расположения и тем самым несколько наладил мирную и относительно спокойную жизнь в Бадахшане. Время правления Миря Яр-бека длилось в течение почти полувека. Скончался в 1706-1707 году.

После Мир Яр-бека страной управляли Сулайман-шох (7 лет) и его брат Зия-уддин. Оба стали жертвами организованного покушения, соответственно в 1713 и 1737 годах со стороны яфталцев. Согласно данным, приведенным Бурхан-уд-дином Кушкеки. Бадахшаном затем последовательно правили потомки Мр Яр-бека Сулейман-бек, его сын Мирзо Калон, Мир Бурхануддин, Мирзо Калон II, Мир Ахмад, Мирзо Калон- III и Шо- Заман.²

Когда в конце правления Шах-Замана каттаганцы возобновили нападения на Бадахшан и временно отстранили от власти всех его трех сыновей, братьям удалось бежать оттуда. Лишь через год каттаганцы, встретив сильные сопротивление народа, вынуждены были прекратить разбой и заключить мир. Братьям удалось стать правителями отдельных владений: Юсуф Али- Рустака, Насруллохан – Кишмы, а Мир-шах занял в Бадахшане. Положение такое почти не изменилось до середины XIX века.

Таким образом, Бадахшан в период средневековой, в особенности позднесредневековой истории нередко переживал трагические моменты вызванные феодальной раздробленностью, междоусобными войнами и притязаниями со стороны более могущественных соседних государств. Подобная ситуация сохранялась и во второй половине XVIII – первой половине XIX веков. Все это не могло ни отражаться на социально-экономической и культурной жизни края, владениях, расположенных на Западном Памире: в Вахане, в Шугнane, Рушане и Дарвазе.

Постоянные внутренние интриги, внешне агрессии, слабые связи с крупными культурными центрами все же не могли прервать процесс развития самобытной культурной жизни в этом горном регионе. Менее заметно это в отношении памятников материальной культуры. Преемственность традиций наглядно прослеживается в духовной культуре, в особенности в поэзии.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 562.

² См.: Бурхан-уддин Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского, под редакцией А.А. Семенова. – Ташкент, 1921. – С. 97-98

В XVI-XVIII веках в Бадрахшане и на Западном Памире было немало известных поэтов. Их произведения являются яркими примерами передовых традиций таджикско-персидской классической литературы.

По данным литературоведа А. Хабибова, в XVI веке при дворе бадахшанского владетеля Сулеймана ибн Хонмирзо (или Джонмирзо) функционировала школа с присущей ей направленностью бадахшанской поэзии. К этому кругу относились сам Сулейманшах, его сын Мирза Ибрагим Вафои, поэты Восили, Амони, Сабухи, Мавлоно Матлаи, Мадхи, Саиди Бадахшони и многие другие. 17 из 40 наиболее известных представителей этой школы, переселившись в Индию, влились в число популярных представителей персидско-таджикских поэтов. По данным того же исследователя, в XVIII веке были известны в крае 30 поэтов, 20 из которых имели тесную связь с поэтическими кругами Индии. Бадахшанские поэты Назми, Базми, Зиёи творили в Балхе, Мир-бакои Бадахши- в Иране, Раби и Хусейни- в Бухаре и Самарканде. До конца своих дней проивали в Бадахшане Хазрат, Абдуллох, Зоир и другие. Представителей поэзии Бадахшана можно было встретить и в других сопредельных государствах.

Десятки поэтов из Бадахшана и владений Западного Памира, оставили яркий след в истории таджикской поэзии. К их числу относятся Гияси, Мирзо Сангмухаммад, Мирзо Андалеб, Ханджари, Ошик, Собит, Хусейн, Ориф и многие другие.¹

Подводя итоги, можно кратко сказать следующее: горные таджики Бадахшана и Западного Памира в XVI – середине XIX веков в целом разделяли участь той трагической судьбы, которая выпала на долю всего многострадального таджикского народа. При всех обстоятельствах не были нарушены ни взаимосвязь, ни взаимопремственность культуры. Краткие благоприятные моменты способствовали ее развитию, причем его орбиту включались самые различные регионы.

*Мероси ниёгон (Наследие предков).
– 2001. – №5. – С. 47-57.*

¹ Более подробно см.: Хабибов А. Из истории литературных связей Бадахшана и Индии (XVI-XVIII вв.) (на тадж. языке). – Душанбе: Дониш, 1991, – 172 с

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ПАМИРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Памир и Бадахшан в конце XVIII – начале XIX вв. были раздроблены на небольшие феодальные владения. Если говорить о политической жизни этих самостоятельных и полусамостоятельных владений, то следует отметить, что в этот период она почти не претерпела никаких изменений. Княжества оставались типичными феодальными владениями, в которых сохранялись в ярко выраженной форме патриархальные и родовые отношения. Свою роль здесь играли и весьма сложные природные условия.

Мелкие государственные образования в регионе поддерживали тесные экономические и культурные связи и подчинялись законам, которые имели место в условиях феодальной раздробленности. Каждое из таких образований, ревниво охраняя свою самостоятельность, при любом удобном случае заявляло о территориальных притязаниях на соседнее владение. Это обуславливало тот факт, что границы владений (или княжеств, по словам Б.И. Искандарова) часто изменялись в зависимости от военной или же экономической мощи того или иного образования, а также от различных кризисных явлений природного или политического характера.

Порою враждебность и постоянные междоусобицы между владениями сменялись их совместными действиями в случае нападения более мощных соседних государств (ханств).

Политическая власть в шахствах была сосредоточена в руках ша или мира, которые чаще всего являлись родственниками. Почти все ша считали, что их род происходил от потомков Александра Македонского, которого они почему-то называли Искандаром Руми. Среди исследователей бытует предположение о том, что во время походов Александра Македонского на восток (334-323 гг. до н.э.) европейцы могли бывать на Памире, но у них нет однозначного ответа на вопрос о том, вторгалась ли армия великого полководца в этот горный, труднодоступный край. При всем том заслуживает внимания предположение, что армия Александра Македонского все же доходила до поселений, расположенных в верховьях Амударьи. Тем более, что в устном творчестве горцев упоминаются многие события тех лет.

Административная структура во всех шахствах была идентичной, приспособленной к феодально-патриархальному характеру политической власти и соответствующим производственным отношениям.

Власть передавалась по наследству. Из-за отсутствия достоверных источников трудно установить время правления того или иного ша, хотя последние старожилы края знали имена правителей в нескольких поколениях своих предков.

Например, Шугнаном, согласно устным свидетельствам, начиная от Абдурахман-хана и кончая Юсуфом-Али-ша, в течение более 300 лет (с 1581 по 1883 гг.) правили представители одной династии. Столицей шахства был Калаи Барпяндж¹ (Кальаи бари Панч – в буквальном смысле «Крепость рядом с Пянджем», имеется в виду река Пяндж).

Согласно преданию, на которое ссылаются почти все исследователи Памира, в 1581 г. из Исфохана (Иран) в Шугнан через Бадахшан в дервишском одеянии прибыли четыре брата. Это предание приводится в рукописи Курбана Мухаммад-заде и Мухаббата Шах-заде «История Бадахшана» («Таърихи Бадахшон») в таком варианте: «Среди прежних пожилых знатоков истории известно, что из владения Исфохана в местности Кошон, находившейся в стране Ирана, четыре странствующих дервиша (отшельника, каландара – Х.П.) в поисках удобной местности для постоянного жительства пожелали путешествовать по миру. Первого звали Сеид Мухаммад Исфохони, по прозвищу Шо-Кошони, второго – Сеид Шо-Маланг, третьего – Сеид Шо – Хамуш, четвертого – Шо – Бурхони Вали. Путешествуя по странам, они дошли до Шугнана. Местность и природа Шугнана им пришлась по душе».² Далее говорится о выборе каждого из них местности в этом крае, об избрании народом Шугнана Шо – Хамуша владетелем страны и о женитьбе его брата на дочери прежнего правителя из местной династии. Родившийся от этого брака сын Шо-Худодод и положил начало новой династии местных шахов Шугнана, продержавшихся у власти вплоть до 80-х годов XIX в.³

Несколько иной вариант этой истории излагается автором «Истории Шугнана» Сеидом Хайдаршо.⁴ Он сообщает, что Сеид Шо-Маланг из Хорасана был прислан в Шугнан для распространения исмаилизма. Этой версии придерживается и ряд исследователей истории Памира и Бадахшана. Видный русский востоковед И.Минаев считал, что Шо-Хамуш положил начало династии местных шахов, что здесь начал распространяться исмаилизм и что в течение десяти лет все жители Шугнана от огнепоклонничества перешли в мусульманство исмаилитского течения.

Опираясь на имеющиеся версии, бытовавшие среди местных

¹ См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств. – Душанбе, 1983. – С.60.

² Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шо-зода (Саид Фуртур-шо). История Бадахшана (факсимильный текст на языке фарси). – М., 1973. – С.2.

³ Там же. – С.2-6.

⁴ Сеид Хайдаршо. Муборак-шо-зода. История Шугнана (предисл. и примеч. А.А.Семенова) – Хорог: Памир, 1992. – 35 с.

жителей в течение столетий, в том числе и в XIX – нач. XX вв., известный русский этнограф, один из исследователей Памира начала XX в., граф А.А. Бобринский,¹ посетив Шахдару, писал, что из беседы с Азиз-ханом, назвавшимся представителем рода шахдаринских хокимов (дед и брат его были хокимами) он узнал, что Шахдара была самостоятельным владением. Но пятьдесят лет тому назад (примерно в середине 60-х годов XIX в.) при взятии Шахдары шугнанским шахом Абдурахманханом были со скалы сброшены вниз защитники крепости вместе с последним хокимом. Азиз-хан утверждал, что «их род двести лет владел Шахдарой, и происходит он из Хорасана, откуда вышли четыре брата. Один сделался хокимом в Канжуге, другой – в Вахане, третий – в Шахдаре, четвертый – в Дарвазе. Как видно, рассказчик не упоминает о том, что третий брат – Шо-Хамуш – стал правителем Шугнана. По видимому, учитывая характер взаимоотношений между владельцами Шугнана и Шахдары, он не хотел признать наличие их родственных связей.

Родственные отношения между правителями шахств нередко становились причиной раздора и притязаний на владения. Это хорошо прослеживается на примере Шугнана и Рушана, Вахана и Ишкашима, а также на стремлении бадахшанских правителей подчинить себе эти владения.

Так, шугнанский ша не только претендовал на Рушан, порою успешно воплощая свои «законные права» в жизнь, но и добивался полного подчинения себе правителя Рушана. А один из сыновей шугнанского ша Абдурахманхана по имени Шо-Ванджихан (его мать была родом из дарвазских шахов), будучи владельцем Рушана, с помощью дарвазского ша совершил поход на Шугнан с намерением силой завладеть им. Это вынудило отца уступить сыну свое место без кровопролития и довольствоваться миссией духовного наставника своего отпрыска в объединенном Шугнано – Рушанском владении.

В годы своего правления Шо-Ванджихану удалось создать мощное централизованное Шугнанское государство, в подчинении которого находились миры Вахана, Зебака, Мунджана, Ишкашима. Но вскоре это образование, в силу тех же обстоятельств, присущих феодальному обществу периода его раздробленности, распалось на прежние мелкие княжества. Подобные междоусобные распри продолжались вплоть до середины XIX в.

То же самое наблюдалось в Дарвазе. Согласно преданию, еще в XIV-XV вв. его правители, будучи выходцами из Бадахшана, сумели создать мощное государство в военно-политическом и экономическом отношении. Сам факт принуждения властей соседних вла-

¹ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 119

дений – Каратегина, Куляба и Рушана – платить ему дань, говорит о военном и экономическом превосходстве Дарваза над своими соседями.¹

Согласно мнению большинства русских исследователей, посетивших Дарваз, начиная с 80-х и в последующие годы XIX – начала XX вв., это небольшое горное владение почти всегда сохраняло свою независимость. «Если обратиться к несложной истории Дарваза, – писал Б.Н. Литвинов, – то, к удивлению, мы видим, что это крошечное по количеству населения шахство весьма лишь недавно потеряло свою самостоятельность» (имеется в виду его присоединение к Бухарскому эмирату в 1878 г.-Х.П.).²

В истории Дарваза немало ярких страниц связано с именем Шо-Киргиза. Его, в частности считают основателем новой столицы Дарваза – Калай-Хумба в начале XVII в. (1606-1607 гг.). До того времени столица находилась в 6 верстах северо-восточнее Калай – Хумба. Капитан Кузнецов отмечал, что поначалу Шо-Киргизу принадлежали Каратегин, Вахш, Рушан, Шугнан и Вахан.

О положении Дарваза в годы правления преемников Шо-Киргиза известно очень мало. Так, капитан П.А. Кузнецов и Г.А. Арандаренко попытались определить годы правления дарвазских шахов по сообщениям старожилов тех мест. Разумеется, эти сведения не лишены неточностей, но тем не менее это не умаляет их ценности.

Г.А.Арандаренко, перечисляя правителей Дарваза и датируя годы их правления, за период с 1812 по 1876 гг. насчитывает семь таких лиц: Музрабшо (1812-1822), Шо-Турк (1822-1830), Ибрагимшо (1830-1837), Султон-шо (1837 – 1845), Исмаил-шо (1845-1863), Шо-Дарваз (1863-1870) и Сироджиддин-шо (1870-1876).³

П.А.Кузнецов, в отличие от Г.А.Арандаренко, приводит количество лет правления каждого, ша, правда, при этом он не указывает годы их правления. Тем не менее, его сведения более подробны и интересны, так как он дает краткую характеристику отдельных ша (шахов).

По его подсчетам, в Дарвазе последовательно правили: Махмудшо, Танаи Фудзи-шо, Мухаммадхан-шо, Музраб-шо (вернее Мизроб-шо), Шо-Дарвоз, Мансур – хан, Шо-Турк, Мизроб-шо II, Шо – Сулаймон-хан, Ибрагим-хан, Султан-Махмуд-шо, Ахмад-шо, Исмаил-шо, Ибрагим-шо. Последний из них – Сироджиддин-шо

¹ См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств – С.61-62.

² Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // ИВ, 1904. – Т.98. – С.71.6.

³ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. – С. 146.

накануне был приглашен в Бухару и был арестован. Таким образом, бухарская армия во главе с Худойназар-атальком в 1878 году занял Дарваз.¹

Бадахшан, Вахан и Шугнан отделились от Дарваза и управлялись своими ша. С того времени Вахан и Шугнан платили дань Бадахшан у или Дарвазу, смотря по тому, какое ханство в данное время было сильнее, и, кроме того, ежегодно посылали подарки кокандскому хану.²

Судя по сведениям Кузнецова, Дарваз соперничал с Бадахшаном по взиманию дани с Вахана и Шугнана.

О годах правления преемников Шо-Киргиза почти ничего неизвестно. Тем не менее, можно считать, что в первой половине XIX века кокандский хан настойчиво стремился подчинить не только Дарваз, но и другие шахства. Поэтому следует предположить, что Дарваз в XVIII – начале XIX вв. не имел того могущества, которым он обладал в период правления Шо-Киргиза. Правда, эпизодически, время от времени, в первой половине XIX в. Дарваз демонстрировал, и порою небезуспешно, свою мощь по отношению к соседям. Например, в 20-х – 30-х годах XIX в. владения Каратегина и Дарваза были объединены под властью дарвазского правителя.³ Другим свидетельством сравнительной прочности позиций Дарваза являются неудачные попытки правителя Балха покорить в 30-е годы это шахство. Дарваз не только смог дать отпор завоевателям, но и предпринял ряд успешных походов в соседние владения.⁴ Сам факт содержания правителем Дарваза в эти годы значительной армии (по сравнению с его соседями) говорит о его политической, экономической стабильности и военной мощи.

В годы правления Исмаил-шо (1845-1863 гг.) Дарвазу в последний раз удалось достичь зенита своей славы.

Благодаря добровольному объединению Ванджского и Дарвазского шахств, военно-экономический потенциал их возрос вдвое. В итоге Исмаил-шо распространил свою власть на Шугнан и Каратегин. Своей резиденцией он избрал крепость в Тавилдаре. В Калай-Хумбе и Гарме были наместниками его сыновья. Согласно сообщению русского исследователя Б.Н. Литвинова, в годы правления шаха Исмаила Дарваз достиг апогея своего величия. К своим владени-

¹ См.: Кузнецов Г.А. Дарваз. – С.2-6.

² Там же. – С.2.

³ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). – М., 1958. – С.206; Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. Изд. 2-е. – Душанбе, 1954. – С.52.

⁴ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. – С.716.

им он присоединил в этот период сначала Гиссар и Каратегин, затем Шугнан и наконец Куляб.¹

Видимо, на военную мощь Дарваза и рассчитывал Бальджуанский правитель Мизробшо, стремясь отомстить за смерть своего отца правителю Гиссара Абдулкарим-беку.

Обстоятельства сложились таким образом, что правитель Бальджуана Каттахан из племени Катаган, будучи уверенным во внутренней нестабильности и слабости Гиссара, предпринял в 1841 г. поход с целью его завоевания. Вначале, со вступлением Каттахана в Нурек и Кафарниган, казалось, что все складывается удачно. Но после разграбления ряда сел и населенных пунктов, в частности Рамита, местное население стало оказывать Каттахану активное сопротивление. К тому времени сюда подоспело войско Абдулкарим-хана. В результате Каттахан, потерпев поражение, оказался в плену. Узнав о том, сын Каттахана Мизробшо в спешном порядке послал письмо Гиссарскому правителю, в котором в угрожающем тоне предупредил, что в случае предания отца смертной казни он непременно разорит половину Гиссара. Однако по настоянию рамитских аксакалов (старшин), Каттахан все же был казнен.² Это и послужило поводом к началу совместных военных действий балджуанского правителя (хокима) Мизроб-шо и Дарвазского ша Исмаила.

Определить степень участия самого Мизроб-шо в военных действиях против Гиссара, из-за отсутствия письменных источников трудно, но очевидным является то, что главным действующим лицом в этом завоевательном походе все же был Исмаил-шо. Ему удалось без особого труда занять Файзабад и двинуться в сторону Душанбе, который к тому времени был по своему значению вторым городом после Гиссара. Положению последнему способствовало стабильное состояние гиссарского владения в годы правления Сайида — аталыка, на дочери которого был женат эмир Хайдар (1800-1826 гг.), а позже его сына Суфибия.

Главный удар Исмаил-шо не случайно был направлен именно против Душанбе. Не пытаясь организовать оборону Душанбе, правитель Гиссара Абдулкарим — бек покинул столицу своего владения. Сопротивление самих жителей Душанбе не могло спасти его от неминуемого разрушения. После непродолжительного штурма город был занят войском Исмаил-шо, а затем разграблен, разрушен и сожжен. После этого Исмаил-шо разграбил Гиссар и отвел плен-

¹ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. — С.717; См. так же: Васильев кап. Ген.штаба. Краткое статистическое описание Каратегина // Сб. геогр., топогр. и стат. Матер. по Азии. — Вып.33. — С.25-26.

² Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе. — Душанбе, 1988. — С.14.

ников вместе с награбленным имуществом, главным образом скотом, в Куляб. Он решил сделать Куляб животноводческой базой для Дарваза.¹

Заслуживают внимания сведения, сохранившиеся в народной памяти. В частности, основываясь на сообщении старожилы Душанбе Нура Хамроева, Ш. Юсупов сообщает, что Бальджуанский правитель Мизробшо также активно участвовал в боевых действиях. Из большого числа своих воинов он отобрал двести добровольцев для нападения на Рамит. Этот отряд ночью устроил переполох в стане гиссарцев. А рано утром Мизробшо со своими воинами при поддержке семи орудий напал на войско Абдулкарим-хана и разгромил основные силы гиссарцев.

Таким образом, после разрушения Рамита были разграблены и окрестные населенные пункты – Шомансур, Сариясия, а также Душанбе, превращенный в сплошные развалины.²

Вполне очевидно, что при совместных действиях правителей Дарваза и Бальджуана против Гиссара ведущая роль принадлежала все же дарвазскому шаху.

Но Исмаил-шо не суждено было долго сохранять свою власть над Восточной Бухарой и Памиром. После смерти Мизробшо (1860 г.) правителем Бальджуана и Куляба стал его младший брат Сарабек (Сарахан), который попытался взять на себя роль лидера над соседями. В свою очередь, гиссарский правитель Абдулкарим-бек предложил ему забыть старые распри и заключить союз против Исмаил-шо. К тому же, Исмаил-шо и его отношении к Бальджуану и Кулябу, как к зависимым от него владениям, сильно раздражали Сарабека. В итоге Абдулкарим-бек и Сарабек объединились против дарвазского шаха.

Согласно сведениям Парии Хисори, приведенным в его стихотворном сочинении «Зафарнома» («Книга побед»), выступив в поход против Исмаил-шо, Абдулкаримбек и Сарабек нанесли поражение его войскам в селе Оби Гарм.³ Спасаясь, Исмаил-шо бежал в Тавильдару. После долгой осады этой крепости Исмаил-шо был вынужден сдаться на милость победителям. Он был доставлен в Гиссар вместе с женами, детьми и имуществом. Вскоре правитель Гиссара изгнал Исмаил-шо и его семью в Афганистан. После двухлетних скитаний тот умер в Бадахшане.⁴ Союзники не пытались

¹ Кисляков Н.А. Ишан-феодал Восточной Бухары. – С.6.

² Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе. – С. 16.

³ Хабибов А. Осори адабии тоҷикони Хисор. – Душанбе, 1974. – С Л 47; Мухторов А. Хисор. Исторический очерк (конец XV – начало XX вв.). – Душанбе, 1995. – С.122-123.

⁴ Кисляков Н.А. Ишан – феодал Восточной Бухары. – С.6.

занять столицу Дарваза – Калай-Хумб. Там по-прежнему продолжали править представители местной династии.

Междоусобицы, частые нападения друг на друга правителей владений Памира и Бадахшана не ограничивались только территориями других образований. В свою очередь, они часто становились объектами нападения со стороны более мощных соседних государств. Поэтому можно констатировать, что история Бадахшана связана не только с историей княжеств Западного Памира или владений, находившихся по правому притоку верховьев Пянджа, но и с событиями, происходившими во всей Средней Азии.

Известно, что Тимур после укрепления своей власти в Мавераннахре предпринял ряд походов на левобережье Амударьи, порой достигая Бадахшана. Но фактически независимые владения Бадахшана были покорены только его преемниками. Вместе с тем, власть Тимуридов здесь фактически оставалась номинальной. Свободолюбивые жители края не хотели находиться даже в состоянии полузависимости, а бадахшанский правитель Бахаутдин открыто пытался полностью освободиться от Тимуридов при внуке Тимура Шахрухе (1409-1447 гг.). Но эти попытки не только не увенчались успехом, а лишь привели к активизации Тимуридов и к полному подчинению края их власти. Окончательно полузависимые владения Бадахшана были покорены Тимуридами в период правления правнука Тимура Абусаида (1458-1469 гг.). Бадахшан, Куляб и Гиссар смогли объединиться после безуспешной борьбы бадахшанского правителя из местной династии Султана Мухаммада, попытавшегося освободиться от ига Тимуридов, но казненного в 1467 г., с усилением разногласий между Абусаидом и его братом Султаном Махмудом, правителем Гиссара, приведших к военному столкновению и поражению Абусаида.¹

Воцарение династии Шейбанидов в Средней Азии и отчасти в Хорасане совпало с приходом к власти в Иране в 1502 г. династии Сефевидов. События, связанные с этими династическими переменами, не могли ни сказаться на жизни владений Западного Памира и Бадахшана, ставших, по сути дела, яблоком раздора между претендующими на них правителями из династии Тимуридов, Шейбанидов и Сефевидов.² Тимуридам время от времени удавалось укрепить свою власть или власть своих ставленников, опираясь на помощь

¹ См.: Бартольд В.В. Бадахшан (Статьи из цикла «Энциклопедия ислама») // Соч. – Т.3. – М., 1965. – С.345; Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.45.

² См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.46; Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. – М., 1977. – С.34-35.

местного населения, порою более благосклонно относящихся к ним, чем к представителям соперничавших с ними династий. По всей вероятности, причиной тому была некоторая самостоятельность этих владений в годы правления Тимуридов. Вполне обоснованно заключение Б.И. Искандарова о том, что «до прихода к власти в Средней Азии Шейбанидов, Бадахшан имел некоторую самостоятельность, номинально находясь в подчинении династии Тимуридов».¹

После утверждения в Средней Азии своей власти Шейбаниды подчинили себе и Бадахшан, но при этом они столкнулись с сильным сопротивлением местного населения. Так, известно о крупном восстании во главе с пастухом Захиром. Происходящим пытался воспользоваться с помощью шаха Ирана Исмаила (основателя династии Сефевидов (1502-1736 гг.) Бабур, который также стремился распространить свою власть в крае. Но он не смог добиться желаемого результата. В 1505 г. Шейбаниды ценой жестоких разрушений вновь единолично завладели Бадахшаном, что не могло не вызвать недовольства у местного населения. Волнения охватили вскоре весь Бадахшан и сопредельные с ним независимые княжества.

Крупное восстание произошло во главе с Муборак-шахом и Зубейдом. Восставшие одержали верх над Шейбанидами у Калаи – Зафар (Крепость Победы), расположенном на левом берегу реки Кокча. Чтобы окончательно закрепить свой успех, повстанцы обратились за помощью к брату Бабура – Носиру Мирзе. Он был провозглашен правителем Бадахшана. Но из-за возникшего разногласия между Носиром Мирзой и руководителями восстания через два года он был изгнан из Бадахшана. Лишь после предательского убийства руководителей восстания, когда уже народное волнение несколько утихло, Носир Мирза – не без помощи Бабура, несмотря на очередные попытки Шейбанидов подчинить край, в 1507 г. вновь стал правителем Бадахшана.

Используя нестабильность ситуации, глава секты исмаилитов Кухистана Шах Рази-эд-дин (по Б.И.Искандарову Риза-эд-дин) завладел Бадахшаном. Однако весной 1509 г., в результате религиозных столкновений между суннитами и шиитами, он был казнен. Его голова была доставлена в Калаи-Зафар Мирза-хану.

После смерти в 1520 г. Мирзахана Бабур забрал к себе его несовершеннолетнего сына Сулеймана. Вместо него он назначил управлять Бадахшаном своего сына Хумаюна. В 1529 г. последний был отозван в Индию и Сулейман занял его место. Он правил Бадахшаном до 1575 г. и был вытеснен своим внуком Шахрухом.

В 1584 г. Бадахшан был завоеван шейбанидом Абдулла – ханом

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.46.

II (1583-1598).¹ Бежавшие в Индию Сулейман и Шахрух предприняли несколько попыток захватить власть, но безуспешно. В начале XVII в. сын Шахруха поднял восстание местного населения. Только в 1645 г. Бабуридам удалось вновь завладеть Балхом и Бадахшаном и то ненадолго. Осенью 1647 года эти территории снова оказались под властью узбеков.

Частые опустошительные походы, стремление представителей различных династий править в горном крае не могли ни оказать пагубного влияния на экономическую и культурную жизнь Бадахшана, а это закономерно вызывало недовольство народных масс. Такое положение сохранялось и после падения власти Шейбанидов.

Усилившаяся феодальная раздробленность, с одной стороны приводила к относительной самостоятельности и ослаблению центральной власти, как это было в период правления Аштарханидской (Джанидской) династии (1599-1753 гг.), с другой стороны — борьба между соседними самостоятельными и полусамостоятельными владениями практически не прекращалась, что и приводило к новым нашествиям. Правитель Балха Махмуд-бий при поддержке бухарского хана Субхана Кули (1680-1702 гг.) в своих завоевательных походах в Бадахшан и соседние владения использовал военную помощь и предводителей племен Каттагана.

Некоторая стабилизация государственной власти в Бадахшане и ослабление внешнего вмешательства наблюдались в период правления Мир Яр-бека. Будучи из рода самаркандских сейидов, он в 1657 г. занял престол по просьбе местной аристократии. Но вскоре из-за усилившихся разногласий с ней же вынужден был покинуть Бадахшан и переселиться в Индию. Спустя некоторое время, начавшаяся междоусобная борьба вынудила влиятельных лиц из местной знати вновь пригласить Мир Яр-бека стать правителем. Тем временем, используя шаткое политическое положение Бадахшана, правитель Каттагана, фактически подчинявшийся бухарскому хану и опиравшийся на его поддержку, всячески старался извлечь в пользу Бухары доходы от рубиновых копий,² еще более притесняя наследие горного края. Им был даже организован военный поход, но взять столицу Бадахшана Джузгун (Файзабад) не удалось. Однако Яр-бек согласился выплатить Бухаре за перемирие двухгодичный доход с рубиновых копий, признав свою зависимость от Бухарского хана.³

¹ Бартольд В.В. Бадахшан... — С.345-346; Шах Махмуд ибн Мирза Фозил Чурас. Хроника. Критический текст / Перевод, комментарии, исследования, указатели О.Ф.Акимовской. — М., 1976. — С.40,213; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М., 1972. — С.532.

² Гафуров Б.Г. Таджики. — С.562.

³ Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Балахшан. — С.97-98.

Вскоре Яр-беку удалось заметно укрепить свою власть. Формально он считался вассалом Аштарханидов, но фактически сохранял свою независимость, добываясь их расположения, и тем самым несколько наладил мирную и относительно спокойную жизнь в Бадахшане. Правление Мир Яр-бека длилось почти полвека, он скончался в 1706 (1707) г.

После Мир Яр-бека страной управляли Сулейман-шо (7 лет) и его брат Зия-уд-дин. Оба стали жертвами организованных покушений со стороны яфталцев – соответственно в 1713 г. и 1737 г. Согласно данным Бурхан-уд-дина Кушкеки, Бадахшаном затем правили потомки Мир Яр-бека – Сулейман-бек, его сын Мирзо Калон, Мир Бурхан-уд-дин, Мирзо Калон II, Мир Ахмед, Мирзо Калон III и Шо-Замон.

Когда в конце правления Шо-Замона катаганцы возобновили нападения на Бадахшан и временно отстранили от власти его трех сыновей, тем удалось бежать оттуда лишь через год. Но катаганцы, встретив сильное сопротивление народа, вынуждены были прекратить разбой и заключить мир. Братьям удалось стать правителями отдельных владений: Юсуфу Али – в Рустаке, Насрулло-хану – Кишме, а Мир-шах занял наследственный престол в Бадахшане. Такое положение сохранялось почти до середины XIX в.

Таким образом, Бадахшан в период средневековой и в особенности позднесредневековой истории нередко переживал трагические моменты, обусловленные феодальной раздробленностью, междоусобными войнами и притязаниями со стороны более могущественных соседних государств. Подобная ситуация отмечалась и во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Все это не могло не отражаться негативно на социально-экономической и культурной жизни во владениях, расположенных на Западном Памире – в Вахане, Шугиане, Рушане, Ванче и Дарвазе.

Постоянные внутренние интриги благоприятствовали внешней агрессии, усугублявшей и без того тяжелое положение жителей края. К тому же, сказывались сложнейшие горные природные условия.

Сохранилось немало сведений о попытках и прямых действиях соседних ханств подчинить себе горные владения. Так, Б.Н. Литвинов сообщал о безуспешных попытках правителя Балха Мурад – бека покорить Дарваз в 30-е годы XIX в. В истории этого шахства были и эпизоды поражений. После завоевания Каратегина кокандским ханом Мадали (1822-1842гг.) его войска во главе с Мухаммад-Шарифом-аталыком двинулись в Дарваз (1829 г.). Правитель

¹ Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. Т.2. – 4.1. – М., 1963.-С.465.

шахства Султан Махмуд потерпел поражение и признал себя побежденным.¹

Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX вв., со сложением мощного Кокандского ханства, его правители, находясь в хороших отношениях с элитой Западного Памира, в том числе и Дарваза, нередко нанимали к себе на службу местную молодежь, с активным участием которой организовывали безуспешно походы против соседних государств.

В конце XVIII – начале XIX вв. с целью покорения Ванча кокандские ханы предпринимали военные действия через труднодоступный перевал Старг, но благодаря мужественному сопротивлению местного населения всегда получали достойный отпор, неся большие потери.

Ведущее место в постоянных междоусобных раздорах в первой половине XIX в., принадлежало правителям Шугнана, стремившихся любой ценой удержать Рушан, Вахан, Шахдару, Ишкашим в своем подчинении, несмотря на то, что там они имели родственные связи. При этом на те же шахства претендовали и бадахшанские, кундузские правители, а также правители Кокандского ханства. Возможно, что и Китай пытался тоже «оторвать свой кусок».

Известный исследователь истории Памира и Бадахшана Б.И.Искандаров на основе сохранившихся сведений отмечал: «На протяжении всей истории Западного Памира здесь происходили бесконечные войны между феодальными княжествами. В первой половине XIX в. Мурад-бек, завладев кундузским престолом, сумел подчинить своему влиянию Бадахшан и отдельные районы Западного Памира. Когда Мухаммад Мурад-бек, кундузский правитель, в 1822 г. подчинил основную часть Бадахшана, другие более мелкие районы – Зебак, Ишкашим, Мунжан и Вахан вынуждены были признать власть Кундуза».²

С целью подчинения Шугнана и Рушана Мурад-бек организовал несколько разорительных походов. Из-за кровавых межфеодалных распрей и набегов внешних противников численность населения края сокращалась. Часть жителей продавалась в рабство. Сказывались нехватка продовольствия, невыносимая эксплуатация и притеснения местных феодалов. Многие семьи спасались бегством в более безопасные соседние и дальние владения. О бедственном положении свидетельствовали развалины домов, совершенно опустевшие насе-

¹ См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.55; История таджикского народа. – Т.2. Кн. вторая. – М., 1964. – С.28; История народов Узбекистана. – Ташкент, 1947. – Т.2. – С.73.

² См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.89.

ленные пункты. Такие крупные населенные пункты Ишкашима, как Бозор, считавшийся одним из крупных торговых центров, или Сангард – селение искусных кузнецов и ремесленников, вообще перестали существовать. Подобных примеров можно привести десятки.¹

Крайняя нестабильность политической ситуации в горном регионе в первой половине XIX в. проявлялась в непрекращающихся междоусобицах, дворцовых переворотах, внутренних хозяйственных неурядицах, постоянной вражде между правителями владений Западного Памира, даже находившихся между собой в родственных отношениях. Захватнические, разорительные нападения со стороны бадахшанских владений, которые сами часто подвергались угрозам со стороны Кундуза и порою (особенно в первой половине XIX в.) надолго попадали под их зависимость, весьма осложняли обстановку в крае.

Что касается Восточного Памира, то кочевники, обитавшие в этом регионе, в первой половине XIX в. по-прежнему не имели своего государственного образования. Здесь наличествовали все признаки социального неравенства (классы). Они разделялись на бедных («черная кость») и богатых – манапов, биев, старшин. Проживая долгое время в этих местах, киргизы приспособились к кочевой жизни и деятельности в условиях высокогорья. По наблюдению М. Венюкова, это во многом обособило их от узбеков, а также от других оседлых земледельцев. Киргизы делились на андижанских (пришельцев) и сарыкольских (местных). Первая группа состояла из племен найманцев и кипчаковцев, во вторую группу входили тейты и кесеки.²

По поводу административного управления в крае уместно привести свидетельство русского военного дипломата и путешественника, хорошо знавшего жизнь и быт памирских киргизов – Б.Л. Громбчевского. «Памирцы, – писал он, – всегда входили в состав бывшего Кокандского ханства (ныне Ферганская область – Х.П.) и управлялись ставленниками кокандских ханов. Местное киргизское кочевое население хорошо помнит это обстоятельство и никогда не отрицает, что оно принадлежало Кокандскому ханству до настоящего времени (1890г. – Х.П.). В этих местах до сих пор сохранились развалины укреплений, в которых жили ставленники кокандских ханов.»³ Вместе с тем, зависимость от кокандских ханов была номинальной.

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты... – С.89-91.

² Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1873. – С.304.

³ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – С.50.

А.Е.Снесарев, называя киргизов «чистым типом кочевника», отмечает такую особенность: «Чтобы выполнить цель пропитания скота, а значит и своего, киргиз ходит с места на место, кочует. Для рационального использования травы они выработали целую систему, чтобы это было экономически разумно. Кроме того, они научились готовиться по всем климатическим изменениям, чтобы к началу зимы и закрытию прилегающих перевалов своевременно принять меры для перегона скота».¹

Все исследователи края (как дореволюционные, так и советские), давая его описательную, поверхностную картину, перечисляя порою последовательно, но чаще хаотично, события, меньше всего пытались выявить их закономерности и взаимосвязанности. По нашему мнению, считать все происходящее только издержками феодализма, периода его раздробленности, по меньшей мере, не вполне правильно. С одной стороны, феодальный способ производства здесь еще не сложился полностью, а с другой, в этом регионе сохранялись сильные патриархально-родовые отношения. В то же время, феодальные центрально-азиатские государства находились на стадии позднефеодального развития. Последние стихийно, но все же начали приобщаться, вернее, соприкасаться с новыми производственными отношениями – капиталистическими, которые к середине XIX в. стали господствующими в крупных державах. Для расширения производства и увеличения прибыли они вступали на путь колонизации других стран. В итоге между капиталистическими государствами началась настоящая борьба за те отсталые образования, которые пока еще были независимы. И взоры многих обращались на азиатский континент. В этом плане особо выделялись капиталистическая Англия и полукапиталистическая Россия. Первая уже давно утвердила свою власть в Индии, намеревалась полностью подчинить себе Афганистан и распространить влияние на Среднюю Азию. Россия также уже давно вынашивала планы расширения своей территории за счет среднеазиатских государств.

Дело пока не доходило до прямой агрессии, но активизировавшийся процесс дипломатического и торгового проникновения в среднеазиатское пространство не мог ни повлиять на политическую атмосферу, царившую в то время на Памире, в Бадахшане и других близлежащих к ним самостоятельных и полусамостоятельных владениях. Проследить конкретное влияние всех факторов на политическую ситуацию, сложившуюся в ту пору в Бадахшане и на Западном Памире, предмет отдельного исследования.

Каковы же некоторые закономерности, присущие развитию этого края в первой половине XIX в.?

¹ Снесарев А.Е. Северо-индийский театр. – Ташкент, 1903. – 4.1. – С.110.

В тот период:

а) происходило разложение патриархально-родовых отношений;
б) складывался феодальный способ производства (с определяющей ролью натурального хозяйства) при все более усиливающихся центробежных тенденциях, обусловленных периодом феодальной раздробленности;

в) активизировались экспансионистские действия крупных феодальных государств региона в отношении враждующих между собой ханств Западного Памира и их мощного соседа – Бадахшана;

г) давали знать о себе колониальные устремления крупных капиталистических держав, пытавшихся обосновать свое непосредственное присутствие на Памире и Бадахшане, а также в близлежащих к ним странах (Индия, Афганистан, Китай, ханства Средней Азии). К непосредственной реализации своих намерений они (прежде всего, Англия и Россия) приступили несколько позже.

Свободолюбивое население горных владений никогда не могло примириться с тем, чтобы находиться в условиях зависимости и нещадной эксплуатации. Даже будучи завоеванными, горцы не прекращали своего сопротивления.

Одним из первых англичан, распространивших авантюристический слух о том, что в случае завоевания среднеазиатских ханств Россией над Индией нависнет прямая опасность стать ее следующей жертвой, был сотрудник Восточно-индийской кампании Уильям Муркрофт. Он же предложил исследовать пути в Балх и Бухару с целью возможности транспортировки по ним артиллерии в случае наступления российской армии. Получив одобрение, он в 1823 г. вместе с Джорджем Требеком под предлогом покупки племенных лошадей побывал в Бухаре. На обратном пути оба погибли, но собранные ими путевые материалы все же были доставлены в Индию. В 1841 г. они были опубликованы Уилсоном.¹ Эти материалы содержат ценные географические сведения о Гиндукуше, Бамиане, Кундузе и Бухаре.

В 1832 г. в Бухару инкогнито проник Александр Борнс. В его отчете имеются ценнейшие факты о важнейших путях через Памир. Книга А. Борнса «Путешествие в Бухару», изданная в трех томах в Лондоне (1834 г.) с картой Средней Азии и обозначенным путем автора в Бухару, получила широкую известность и была переведена на русский,² французский и немецкий языки.

Эти сведения существенно были пополнены другим английским исследователем-путешественником лейтенантом Джоном Вудом. В 1838 г. он первым из европейцев (после Марко Поло и Бенедикта

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С.56. – Ссылка №84.

² Борне А. Путешествие в Бухару в 3-х т. М., 1848.

Госса) из Кабула через Кундуз достиг пределов Памира. Побывав на озере Зоркуль и у истоков Аму-Дарьи (Пяндж), Вуд провел съемку этой реки до Ишкашима.

По левобережью Пянджа Джон Вуд дошел до Канжута (резиденция правителя Вахана), далее до Калаи-Пянджа. Затем через Лянгар-Кишт он отправился в долину Сарыколя, открыл озеро Зоркуль (которому дал имя императрицы Виктории).¹

Вуд впервые высказал верное суждение об географии Памира. Он считал его возвышенным плато, соединяющим Индию, Китай и Туркестан, главным узлом, от которого отходят мощные хребты и берут начало величайшие реки Центральной Азии. Это нашло подтверждение у последующих исследователей. Им же и его спутником врачом Лорди было собрано, наряду с географическими материалами, много ценного материала о памирских кочевых киргизах. Для английских официальных кругов самыми важными являлись сведения о неопределенности государственной принадлежности Кундуза, Балха и других более мелких владений, на которые якобы Афганистан имел исторические права. На самом же деле все они платили дань Бухаре, Бадахшану, а некоторые – даже Китаю. Исходя из этих сведений, английские путешественники рекомендовали, в противовес расширению русских владений в Средней Азии, обеспечить своё господство над Кундузом, Бадахшаном и даже расширить его до Кульмы, чтобы иметь контроль над Бухарой.²

В 30-е годы XIX в. дарвазцы мужественно отражали захватнические попытки правителя Балха Мурад-бека, войск кокандского хана Мадали во главе с Мухаммадом Шарифом. И хотя в конце 30-х годов кокандцы одержали временную победу, но не смогли удержать шахство в повиновении. Не выдержав упорного сопротивления населения, они вскоре вынуждены были уйти из Дарваза.

Такие же безуспешные попытки были предприняты против независимого еще в XVIII – первой половине XIX вв. Ванчского владения. «В XVIII в., – пишет Б. И. Искандаров, – один из наиболее влиятельных представителей жителей долины Ванча, выходец из кишлака Сумгад, Шо-Ниез, объединил жителей края для отпора от внешних врагов. Кроме того, он решил организовать защиту населенных пунктов. По его приказанию каждый житель, помимо основного дома, обязан был построить запасной, где в случае нападения могла укрыться его семья. Рассказывают, что сам Шо-Ниез построил для себя такое же помещение. Остатки этих строений сохранялись вплоть до новейшего времени».³ К большому сожалению

¹ См.: Мушкетов И.В. Туркестан. Т.1. – 2-е изд. – Пг., 1915. – С.119.

² Цит. по кн.: Постников С.А. Схватка на «Крыше мира». – С.58.

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические аспекты... – С.63-64.

нию, письменных источников, свидетельствующих о героизме местных жителей не сохранилось, но в народной памяти их немало.

Известно в народе и мужество шугнанцев, защитивших в годы правления Шо-Ванджи-хана (начало XIX в.) свое шахство от совместного нападения на него правителей Бадахшана и Ханабата, что привело к полному поражению этих агрессоров. Жители Вахана также смогли оказать сопротивление правителю Кундуза Мурадбеку.

Следует отметить, что мужество и умения горцев были отчасти гой притягательной силой, которая побуждала правителей крупных соседних государственных образований пополнять ряды своих войск именно за счет таких воинов. Они не только принимали активное участие в создании централизованного Кокандского государства, но и участвовали в походах кокандских ханов в Кашгарию. В 1825-1826 гг. например, «с особым мужеством дрались горные таджики в черной и узкой одежде»¹ в составе войска Джахангир-ходжи, предпринявшего поход из Коканда и захватившего Кашгар. Известно немало фактов вербовки жителей из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных владений на военную службу не только кокандским, но и кашгарским, бухарским и прочими ханами в качестве наемных наваров.²

В целом же, непосильная эксплуатация как со стороны местных феодалов, так и внешних временщиков часто приводила к восстаниям местного населения. Так, 30-40-е годы XIX в. рабочие, добывавшие благородную шпинель, неоднократно поднимали восстание в ответ на жестокое обращение с ними. Нередко их поддерживали жители Горона и Ишкашима.³

Частые народные волнения против местных эксплуататоров и пришлых завоевателей, которым временно удавалось утвердить свою власть в том или ином памирском владении, также могут служить ярким доказательством политической нестабильности, которая в первой половине XIX в. была характерна почти для всех шахств Западного Памира и Бадахшанского владения.

*Мероси ниёгон (Наследие предков).
– 2005. – №8. – С.91-109.*

¹ Питтер К. Восточный или Китайский Туркестан. – СПб., 1873. – С.437.

² Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад, 1960. – С.47.

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические аспекты... – С.96-97.

ГОРНЫЙ БАДАХШАН И РУССКИЙ ПАМИРСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ОТРЯД В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

О социально-экономическом положении Памира и Бадахшана второй половины XIX – начала XX в. написано немало работ как дореволюционными¹ так и советскими учеными. Достаточно упомянуть наиболее обобщающие исследования Б.И. Искандарова, Н. А. Халфина, Н.М. Акрамова, М. Н. Назаршоева, О.Б. Бокиева² и ряда других.

¹ См.: Путьга Д.В. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкуль, Вахан и Шугнан, 1883 г. // Сборник географических материалов по Азии. – СПб, 1884. – Вып. 10. – С. 1-88.; Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб, 1885. – Т.3. – №6. – С. 612-658; Т.4. – №7. – Т.48-97; Он же. Путешествие на Памир // Известия Императорского русского географического общества. СПб, 1886. – Т.21. – Вып. 6. – С. 679-682; Он же. Памир (пут земли) // Новь – СПб, 1885. – Т.6. – №23. – С.315 – 342; Громбчевский Б.Л. Наши интересны на Памире. Военно-политический очерк. – СПб, 1891; Он же. Современное положение памирских ханств в пограничной линии с Кашмиром. – Новый Маргелан, 1891; Уланец С. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник – СПб, 1891. – Т.47. // №1. – С.196-208; Петерсен В. И. Воспоминание о походе на Алай в 1892 г. // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1894. – 11 и 15 декабря; Острогов В. Пампы и Памирский вопрос // Наблюдатель – СПб, 1894, №6. – С.65-91 и др.

² Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.) – М. Издательство Восточной литературы. 1959. – 176 с.; Он же: Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 214 с.; Он же: Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Душанбе. Изд. АН ТаджССР, 1963. Ч.1 и II; Он же: Гиндукуш во второй половине XIX в. – М.: «Наука», 1908. – 93 с.; Он же в соавторстве с Ш.Юсуповым. Присоединение Памира к России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфан, 1981. – С.35-52. Они же. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Очерки по истории Советского Бадахшана. – С.53-78, Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М., Издательство Восточной литературы, 1975; Акрамов Н.М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья. Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Душанбе. М., 1975; Он же: Русские исследователи о Памире и Припамирье // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе: Дониш, 1990. – С.184-232; Он же: Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе, 1974; Назаршоев М.Н. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира (для

Примечателен факт, что в их работах особое внимание уделено вопросам, касающимся усиления политической и военной активности России на Памире и Горном Бадахшане, что осуществлялось в противовес британско-афганским действиям в данном крае. Авторы в контексте изложенных событий в той или иной степени раскрывали не только теоретические перспективы политики двух держав — России и Англии в решении так называемого «Памирского вопроса», но и их практические действия, в начале которых был бесспорен перевес на стороне Англии, что способствовало активности афганского правительства. Об этом убедительно свидетельствуют предпринятые действия по насильственному захвату не только левобережной части, но и чрезмерная активность в военной оккупации правобережья Пянджа, т.е., тех владений, которые перешли согласно соглашению 1873 г. (между Россией и Англией) к России.

Как известно, по данному соглашению «граница афганской провинции Бадахшана с относящимся к ней округом Вахан, — как писал дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе А. А. Семенов, — была установлена от озера Зоркуль (Виктория) по реке Пяндж до слияния Кокчи с Амударьей. Все земли, расположенные к югу от этой черты, т.е. часть Вахана и Шугнана и весь Рушан с Памиром, оставлены были за Кокандским ханством или за Бухарой...».¹ После ликвидации Кокандского ханства в 1876 г. подвластные им Памирские земли в границах от оседлых селений Вахана и Рушана до оседлых селений Кашгара были присоединены к владениям России. Но из-за пассивности действий Туркестанской администрации по укреплению границы на Памире это привело к тому, что в 1883 г. при прямом содействии Англии эмир Афганистана Абдурахман-хан захватил шахства Шугнан, Рушан и Вахан.

Введение афганцами новой системы управления, алчность их административных представителей предельно ухудшили и без того бедственное положение местного населения. «Сунниты — афганцы, — писал капитан А. Г. Серебренников, — увеличив еще больше налоги, вдобавок еще третировали шиитов-таджиков, как еретиков».² Несмотря на всевозрастающее сопротивление населения

служебного пользования). — Душанбе: Ирфон, 1975. — 296 с. Он же: Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Памире // Очерки по истории Советского Бадахшана. — Душанбе: Ирфон, 1981. — С. 80-100; О. Бокиев. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. — Душанбе: Дониш, 1994. — 270 с. и др.

¹ ЦГА Республики Узбекистан. — Ф.2. Оп. 3. — Д. 535. — Л. 17-18.

² Серебренников А. Г. Очерки Памира // Военный сборник. — СПб, 1899. — №10. — С.465.

против афганских насильников, господство Абдурахман-хана над Западным Памиром продолжалось до 1895 г. Только участвовавшие народные волнения, неоднократное обращение местного населения к российским властям о принятии их под свою защиту, наконец, после долгих колебаний привели российскую администрацию к решению принять соответствующие меры по укреплению своей позиции на границах, определенных русско-английским соглашением 1873 г. В этом плане решающую роль играли действия России по обеспечению своего постоянного присутствия на Памире и, наконец, создание Памирского поста.

Следует отметить, что среди довольно обширного круга проблем, касающихся политической, социально-экономической и культурной жизни Памира (Горного Бадахшана) за полстолетие до Октябрьской революции, в трудах как дореволюционных, так и советских исследователей не могла остаться незамеченной и деятельность Памирского отряда. Тем не менее, судя по той громадной экономической и культурно-просветительной роли, которую играли руководство и личный состав Памирского отряда, вопрос этот получил далеко недостаточное освещение в отечественной исторической литературе. Между тем, комплексное изучение деятельности отряда, его руководства в обеспечении мирной жизни, в сравнительном подъеме экономической и культурно-просветительной сфере местного населения, их взаимоотношений является не простой констатацией фактов из сложившихся добрых отношений с русским военным отрядом, но и исследовательским долгом ученых.

На это подталкивает осознанная необходимость изучения вопроса, ибо если не по всем, то по многим аспектам история Бадахшана второй половины XIX – начала XX вв. связана с деятельностью указанного отряда. обстоятельное изучение его истории может раскрыть целый пласт взаимосвязанных проблем не только в истории нашего народа, но и всей Центральной Азии, хотя бы потому, что соприкосновения интересов двух великих держав – России и Англии, входивших в то время в число определителей мировой дипломатии и международной политики в целом, не могли не повлиять существенно на судьбы народов региона. Актуальность изучения вопроса диктуется и тем, что как и более ста лет назад, так и в сложившейся обстановке после распада Советского Союза военное присутствие России в крае по-прежнему является главным и определяющим гарантом безопасности, стабильности не только на таджикско-афганской границе, но и намного шире. Это еще раз подтверждает ту исторически верную миссию, которую взяла в то время на себя и ныне продолжает Россия.

В объеме одной статьи трудно описать обширную деятельность

Памирского отряда, его роль и участие в том или ином направлении военно-политической, хозяйственной и культурной жизни края. На это требуется солидный труд с тщательным анализом имеющихся документальных источников, а это прежде всего рапорты, донесения, отчеты, путевые записки руководителей и членов экспедиций, работы, составленные ими по результатам своих наблюдений, исследования русских путешественников и ученых. Мы же ставим более чем скромную цель — ограничиться лишь кратким освещением содержания обнаруженных нами архивных источников, надеясь этим хоть немного содействовать расширению информации, приведенной исследователями, так или иначе причастной к изучению значения Памирского отряда в истории края конца XIX — начала XX вв.

Но прежде чем приступить к изложению избранной проблемы, хотелось бы определиться в оценке мнения тех исследователей, которые берут под сомнение исторически сложившееся географическое понятие «Памир». Упомянув о Памире или том названии, которое вобрало в себя сложившееся, вернее утвердившееся в современной науке территориальное понятие Памир, трудно воздержаться от краткого изложения своего мнения по поводу слишком участившихся нападков на собственно понятие «Памир», главным образом в его историко-географическом определении. Дело в том, что в последнее десятилетие на страницах периодической печати, да и в ряде научных публикаций, появилась некоторая категоричность в суждениях о том, что Памир не имеет ничего общего с исторически сложившимся понятием Бадахшан. Этим пытаются сузить понятие «Памир», отделяя его от собственно Горного Бадахшана. Разумеется, эти суждения небеспочвенны, скорее в некотором роде обоснованы. Но, как нам представляется, нельзя сузить географию Памира только в пределах памирско-алайской границы. Сознательно отказываясь от констатации древних и средневековых аргументов по поводу географического определения Памира, считаем более приемлемым то понятие, которое вкладывали русские дореволюционные исследователи в отношении этого края, хотя бы потому, что его всестороннему изучению научный мир обязан именно им. Это бесспорный факт. Локализация и введенное ими в научный обиход историко-географическое, топонимико-лингвистическое понятие «Памир» и поныне не претерпело изменений. В этом плане следует не только поддержать, но и глубже обосновать их концепцию.

Под Памиром они понимали пространство, пределы которого определялись: на севере — Заалийским хребтом, на востоке — Кошгарскими горами, на юге — подножьем Гиндукуша, на западе — долиной реки Пяндж. Припамирьем они считали Каратегин и Дарваз

(Захье входило в состав Дарвазских владений). Памир в современном территориально-административном (условном) понятии— это Горно-Бадахшанская автономная область, входящая в состав Республики Таджикистан. На наш взгляд, это очень удачно сложившееся определение и не требует новой ревизии. Тем более, что понятие Памир несколько не притесняет административно-территориальный статус Горного Бадахшана. Оно лишь дополняет. К тому же по воле обстоятельств слово или название «Памир» ассоциируется в сознании как символ загадочной красоты первозданной природы, уже ставший традиционной гордостью и своего рода визитной карточкой горного Таджикистана на международной арене. Так спрашивается, зачем, ради чего отталкиваться от того, что другие (по крайней мере, наши соседи) даже его одно название приняли бы как божий дар? Исходя из этого, нужно склонить голову перед теми тружениками науки, открытия которых не перестают восхищать ученый мир и по настоящее время. Одно из таких открытий — Памир.

Несмотря на то, что некоторые исследователи склонны обвинять российские власти в чрезмерной пассивности при утверждении своего господства на Памире, занявшего более 20 лет (с 1873 до 1895 гг.), что способствовало активизации экспансионистских действий афганцев, за спиной которых стояла Англия, тем не менее, если реально смотреть на положение дел, то в сложившейся обстановке России нелегко было без промедления решать этот вопрос. Во всяком случае, если даже отбросить все закулисные и открытые дипломатические интриги, разногласия, полученные в наследство от Крымской войны (1853-1856 гг.) и приведшие к войне с Турцией (1877-1878 гг.), участие в перегруппировке сил и партнерства ведущих европейских держав, то при решении данного вопроса Россия должна была, по крайней мере, иметь перед собой две довольно трудные и опасные задачи:

а) перехватить инициативу и выиграть дипломатическое единоборство с Англией; б) пойти на большие финансовые расходы ради удержания этого важного стратегического форпоста, каким являлся Памир. В обоих случаях риск был немалый. Недаром в середине 80-х годов, согласно обоснованному утверждению В.И. Ленина, «Россия была на волосок от войны с Англией из-за деления добычи в Средней Азии».¹ Так или иначе, период между указанными российско-английскими соглашениями (1873-1895 гг.) является самым трагичным в судьбе населения Западного Памира.

Имеющиеся источники убедительно свидетельствуют о чрезмерном произволе афганских административных лиц на Западном

¹ Ленин В.И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. Т.30.— С. 186.

Памире до установления разграничительной черты. Только по одному списку, составленному начальником Гунтского разезда штабс – капитаном В. Баньковским, кроме учиненных афганцами убийств в Калаи Вамаре в 1889 г., из Гунтского, Шугнского, Хорогского, Поршневого, Дарморахтского, Горонского амлякдарств были уведены в Кабул 91 человек, в основном молодые родители с детьми.¹ Причем в списке не приведены данные о лицах, которые сопротивлялись и, не выдержав пыток и насилия, умерли на месте задержания.

Любая попытка сбросить ненавистный афганский режим управления и получить независимость, жестоко пресекались афганцами властями. Но, несмотря на жестокие расправы, местное население не могло смириться с ненавистным режимом. Используя осложнения внутривосточной обстановки в Афганистане в связи с усилением единоборства Абдурахман-хака с двоюродным братом Исхак-ханом из-за престола, на Западном Памире происходит оживление свободолюбивых сил. Шугнанские и рушанские старшины обратились к племяннику бывшего шугнанского правителя Юсуф – Алишаха Акбар-шаху, спасшемуся от преследования и нашедшему убежище в Дарвазе, занять шугнанский престол. Последний неоднократно обращался к российским властям за помощью. Но после разгрома войска мятежного Исхак-хана в Чорвилюте, разумеется не без помощи Англии, Абдурахман-хан в начале мая 1889 г. направил против Акбар-шаха войска из 6 тысяч кавалерии и пехоты, при 12 орудиях под руководством Шо-Сеид джернейля (генерала).² Несмотря на достойное сопротивление, Акбар-шах потерпел поражение у озера Шивы и отступил с боями по направлению к крепости Бар-Пянджа. Неравенство в силах вынудило Акбар-шаха под покровом ночи отступить из осажденной крепости и на гупсарах перебраться на правый берег Пянджа. Затем Акбар – шах со своими единомышленниками отступил к Калаи-Вамар. Долго не задерживаясь, он с остатками войска отправился в Дарваз.³ Одержав победу над мятежниками, Абдурахман-хан с невиданной жестокостью расправился не только с подготавливаемыми в участии в мятеже, но и с мирными жителями. Являясь очевидцем тех событий, подполковник Б. Л. Громбчевский писал: «Казни производились ежедневно. Деревни, заподозренные в сочувствии к Саид-Акбар-ша, выжигались, поля вытаптывались лошадьми. Все де-

¹ ЦГВИА РФ. – Ф. 1396. – Оп. 1, Ед. хр. 139 – л. 340-341 об.

² Искандаров Б. И. Из истории присоединения Памира к России // Крыша мира. – Душанбе, 1965. – С. 7.

³ См.: Назаршоев М.Н. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. – Душанбе, 1975. – С. 99-100.

нушки и более красивые женщины в стране были отобраны и частью отправлены к эмиру Абдурахману, частью же розданы войскам в жены и наложницы. Из Шугнана набрано 600 человек мальчиков в возрасте от 7 до 14 лет. Население изнемогало под афганским гнетом, а в перспективе ожидался голод и связанные с ним бедствия».¹

Предсказания Б.Л. Громбчевского не заставили себя долго ждать. Вскоре началось массовое бегство населения Западного Памира в пределы России, Бухары (Дарваза) и Кашмира. В дальнейшем нависла угроза раздела Памира между Афганистаном и Китаем, что отвечало интересам Англии. В создавшейся обстановке России была вынуждена принимать адекватные меры.

Таким образом, после долгих колебаний, российские официальные власти решили, наконец, в начале 90-х годов принять соответствующие меры по окончательному укреплению своей позиции на границах, определенных соглашением 1873 г. В частности, по предложению генерал-губернатора Туркестана А.Б. Вревского летом 1891 г. в Алайскую долину и на Памир был послан отряд под начальством полковника М.Е. Ионова с заданием восстановить нарушенные пограничные права России. Это и послужило началом военного присутствия России в крае. Побывав на месте, М.Е. Ионов поближе ознакомился с положением дел. Летом 1892 г. полковник М. Е. Ионов с отрядом снова был отправлен на Памир. Ему удалось очистить почти весь Восточный Памир от афганцев. В августе 1892 под руководством военного инженера капитана Л.Г. Серебренникова было построено Шаджанское укрепление (при слиянии рек Акбайтал и Аксу). При возвращении в Фергану М.Е. Ионов оставил в этом укреплении один отряд под начальством капитана П. А. Кузнецова, Отряд состоял из 172 пехотинцев, 44 казаков и 26 джигитов с 7 офицерами и 1 врачом. Из этого состава был выставлен Ранкульский пост, состоявший из 1 офицера, 30 казаков и 10 пехотинцев.² Весной следующего года (1893 г.) на смену Шаджанскому отряду был прислан новый отряд под начальством капитана В. Н. Зайцева. Вскоре, летом, его состав был пополнен резервным отрядом.

Согласно отчету капитана Зайцева «О действиях Памирского отряда в период с 26 апреля 1893 года по 18-е октября 1894 года», Шаджанский отряд, состоявший из 292 человек (9 офицеров, 160 нижних чинов пехоты, 49 артиллеристов, 51 казака, 10 джигитов, 12 нестроевых и 1 врача), должен был «оберегать спокойствие и

¹ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром (военно-политический очерк).— Новый Маргелан. 1891.— С. 27.

² ЦГВИА РФ — ф. 1396. — Оп. 2 — Д. 2166— Л.402.

безопасность на Памирах и ограждать местное население от грабежей и насилий».¹

Летом 1893 г. комиссия с участием полковника М.Е. Ионина выбрала место для постоянного поста на правом берегу Мургаба, вблизи впадения в нее р. Акбайтал.² Весной 1894 г. на смену отряду капитана Зайцева был выслан отряд капитана А. Г. Скерского. В июне того же года М. Е. Ионов, теперь уже в чине генерал-майора, был назначен начальником всех русских отрядов на Памире (отряды капитана Зайцева, капитана Скерского и резервный отряд штабс-капитана Червинского). В течение лета проводились рекогносцировочные съемки важных стратегических пунктов и дорог Памира. Организованный поход памирских отрядов, с одной стороны, стал главным фактором, сдерживающим активность англо-афганских реакционных сил в крае, а с другой, – вселял у местных людей симпатию и уважение к русским, (как к своим освободителям от ненавистного гнета афганцев, действовавших здесь жестоко и безнаказанно с 1883 г.

Приказом от 1 мая 1895 г. за № 204 был сформирован сменный Памирский отряд под начальством капитана Туркестанской конно-горной батареи Сулоцкого.³ Таким образом, имевшиеся отряды были расформированы и создан постоянно действующий российский отряд со штабом в Хороге,

В дальнейшем после соглашения 1895 г. между Россией и Англией о разграничении и окончательном установлении границы территории, входившая в сферу русского влияния, была разделена на две части: Западный Памир, он юридически принадлежал Бухаре, и Восточный Памир, состоявший из 2 волостей – Памирской, населенной киргизами, и Оршорской, населенной таджиками, которые полностью перешли под юрисдикцию России, 8 первое время у Туркестанского генерал-губернатора даже возникла мысль снять тосты на Западном Памире. Но дальнейшие события, связанные с внутренней и внешней обстановкой, показали целесообразность сохранения этих постов.⁴

Для пресечения попытки афганцев нарушать границы с целью совершения грабежа на правобережье реки Пяндж вскоре после формирования Памирского поста его руководством были приняты соответствующие меры. В частности, как отмечено в отчете В.Н. Зайцева, независимо от поста, выставляемого от каждого разъезда

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396. – Оп. 2 – Ед. хр. 12. 12-Д.72.– Л. 39

² См.: Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Присоединение Памира к России и его прогрессивное значение. – С.45-47.

³ ЦГВИА РФ – Ед. хр. 13.– Л.4.

⁴ ЦГА Республики Узбекистан. И-2. Оп. 3. – Д. 535.– Л. 18-19.

для охраны лагерного или гарнизонного расположения, еженедельно посылались два казачьих встречных разъезда из трех казаков и одного джигита от Хорога и Калаи-Вамара, в обязанность которых входило наблюдение за побережной полосой между постами. Кроме того, было приказано из состава Хорогского поста раз в две недели держать казачий разъезд по берегу реки Пяндж, от Хорога до Дарморахта. В тех местах, где верхом невозможно было проехать (от Дарморахта до Ишкашима и от Калаи-Вамара до пограничного с бухарскими владениями селения Вознауд), охрана границы была возложена на местных аксакалов. В зависимости от полученных сведений принимались соответствующие меры.¹

Эти меры давали свои плоды, хотя и наблюдались отдельные нарушения. Судя по отчету начальника поста, в течение 4-х месяцев после его формирования, «склонные к грабегам и насилиям афганцы» в ноябре, когда из-за спада уровня воды возможен легкий переход, начали нарушать границу. К примеру, в ночь 25 ноября вооруженные саблями афганцы в селении Вознауд похитили жену местного таджика. Подобный случай повторился на следующую ночь в селении Шаджан. После чего по инициативе местных аксакалов были учреждены караульные посты из числа проживающих у границ на удобопроходимых местах. На одном из таких постов в ночь с 29 по 30 ноября в селении Барушан были задержаны вооруженные афганцы. При опросе было выяснено, что они действуют с благословения официальных властей, вплоть до Абдурахман-хана.²

Обстановка потребовала от начальника отряда выступить с ходатайством перед генерал-губернатором, на что последовало предписание от 30 декабря за №853, согласно которому разрешалось « в случае вооруженных нападений афганцев... всем чинам разъездов употреблять в дело оружие».³ После этого случаи нарушения границ происходили намного реже.

В деле стабилизации положения в приграничных селениях Западного Памира не последнюю роль сыграла активность местного населения, испытавшего на себе все ужасы насилия афганцев. Это недвусмысленно подчеркнуто в отчете начальника отряда капитана Сулоцкого за первый год после его учреждения (т.е. за 1895-1896 гг.).

Избавление населения Западного Памира от афганских оккупантов, хотя и в целом несколько облегчило положение местного населения, тем не менее, передача края в ведение бухарского эмира не была тем решением, которое ждало местное население. Вскоре опа-

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396. – Оп. 1. – Ед. Хр. 13. – Л. 10-10 об.

² Там же. – Л. 14 об. – 15.

³ Там же. – Л. 15.

сение народа оправдалось. Несмотря на освобождение населения Западного Памира русскими властями от взимания налогов в течение трех лет из-за лишений, которые оно претерпело в годы правления афганцев, бухарские административные представители, не получавшие плату за службу из казны, а привыкшие жить только за счет сбора средств с населения, помимо взимания официальных налогов и податей, занялись и сбором средств для себя. В этом отношении, не брезгуя ничем, они прилагали все свои силы и способности к скорейшему обогащению. Поэтому командованию Памирского отряда приходилось прилагать постоянные усилия для ограждения местного населения от произвола бухарских чиновников.

Занимая должность начальника отряда с июня 1897 по сентябрь 1899 гг., капитан Э.К. Кивекэс в своем отчете писал: «Пребывание бухарской администрации в Вахане, Ишкашима, Шуггане и Рушане за три года нахождения этих стран в руках бухарцев оказалось крайне вредным, как для экономического положения туземцев, так и для престижа русской власти». Он отмечает, что, несмотря на отсутствие у них права на сборы каких-либо податей, «бухарские беки и чиновники только и были заняты разыскиванием разных средств к выжиманию из населения себе незаконных доходов». Кроме того, отмечает он, бухарцы всячески старались унизить религиозное чувство таджиков шиитского толка под угрозой расправы и взимания больших штрафов, заставляли строго соблюдать все обряды мусульманства, обязательные для суннитов. Следует заметить, что сохранилось немало фактов о злоупотреблениях ставленников эмира в Шуггане и Рушане Акбар-ша бия и Ишан – кула Ишик ага-баши в 1896-1897 гг.¹

Кивекэс, опасаясь осложнений, неоднократно ходатайствовал перед генерал-губернатором об упразднении бухарских должностей и представительства в крае. «Во избежание разорения бухарцами страны и бегства из нее более предприимчивых жителей, – писал он, – крайне желательно было бы убрать из страны бухарцев».²

То же самое Э.К. Кивекэс наблюдал во время своего повторного пребывания на Памире в качестве начальника отряда с 27 октября 1901 по 31 августа 1902 гг. В частности, на почве непосильных поборов возникли серьезные разногласия между бухарским беком Ишанкулом и населением Рушана. Положение стало крайне опасным после того, как его сыновья и джигиты изнасиловали местных женщин и детей. Причем бек не только не призвал к ответу винов-

¹ Об этом же, в частности, говорится в военно-статистических и политических сведениях, представленных начальниками отряда и постов на Памире. ЦГВИА РФ. – ф. 1396, Оп. 2, ед. хр. 1490.

² ЦГВИА РФ. – ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 1455, л. 4.

ных, но и пригрозил жестоко наказать жителей рушанских кишлаков. После чего около 200 человек бежали в Афганистан.¹ Эти и множество других фактов свидетельствуют о том, что власть эмира на Памире не могла быть прочной. Поэтому она постепенно сводилась к минимальному участию в структуре официального управления, а то и вовсе к номинальной причастности его представительства к местной власти. В силу обстоятельств административная власть над всем Памиром (Западным и Восточным) была сосредоточена в руках начальника Памирского отряда, место постоянного проживания которого находилось в Хороге, где и был размещен штаб отряда.

Согласно Инструкции, утвержденной командующим войском Туркестанского военного округа от 27 сентября 1902 г., начальник Памирского отряда пользовался правами уездного начальника в Памирской и Оршорской волостях и непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области. Он был наделен правами сменять или утверждать в должности местных административных лиц, отменять или видоизменять налагавшиеся судьями (казнями), согласно местным обычаям, взыскания, если «возникали сомнения в их справедливости и соответствии интересам высшей (российской — Х. П.) власти».²

Полномочия начальника Памирского отряда были намного расширены согласно утвержденной туркестанским генерал-губернатором Тевяшевым от 12 января 1905 г. «Временной инструкции». По ее предписаниям начальник отряда по отношению к местному населению пользовался правами уездного начальника, подчинялся военному губернатору Ферганской области. В пределах Восточного Памира имел право сменять и утверждать в должности лиц, представляющих местную администрацию, в пределах Шугнанского бекства — «давать в этом смысле указания бухарскому чиновнику». Следует отметить, что при подчинении управления Западным Памиром начальнику отряда, идя навстречу пожеланиям местного населения, испытывающего непосильные притеснения со стороны бухарских чиновников, должность шугнанского бека была упразднена. Местное население было освобождено (по бедности) всяких денежных и иных сборов в пользу бухарской (и русской) казны (сначала на два года, а затем по истечении срока данное решение было продлено и на последующие годы). При начальнике отряда была учреждена должность махрама, которую занимал бухарский чиновник с жалованием за счет русской казны. Отдавая свои распоряжения, касавшиеся местного административного управления, только через началь-

¹ ЦГВИА РФ. — ф. 1396. — Оп. 2. — Ед. хр. 1455, л. 7-8.

² ЦГА Республики Узбекистан. — И. 2. — Оп. 3. — Д. 535, Л. 18-19.

ника отряда и с его согласия, этот чиновник не имел никаких самостоятельных функций и ежегодно сменялся. Он лишь должен был «прикладывать свою печать» в случае необходимости, чтобы продемонстрировать главным образом перед Англией видимость сохранения бухарской власти и не более.¹

11 января 1906 года по распоряжению российского монарха приведено в действие Положение военного совета об утверждении временного штаба управления Памирского отряда, согласно которому начальник отряда «по заведованию населением на Памира и по руководству управлением в Бухарском бекстве (Шугнан, Вахан и Рошан) должен руководствоваться особыми на это инструкциями Туркестанского генерал-губернатора и командующим войсками»...² Таким образом, в силу вышеперечисленных документов или же инструкций российскими властями на Памире была создана особая структура управления, которая отвечала как по внутренним, так и по внешним факторам той имеющейся обстановке или обстоятельствам. Другими словами, она вполне соответствовали реалиям того времени.

Для успешного выполнения своей обязанности по надежной охране границы и спокойствия местного населения отрядом были выбраны самые удачные пункты для месторасположения своих постов, а именно:

- 1) пост Хорогский со штабом отряда был расположен в кишлака Хорог;
- 2) пост Памирский — в урочище Шаджан;
- 3) пост Ишкашимский — у кишлака Нют;
- 4) пост Лангарский при впадении реки Памир в Вехан-Дарью;
- 5) пост Ранг-кульский — у восточной окраины Ранг-кульской котловины;
- 6) пост Кизыл-рабатский — в урочище Кизыл-рабат.³

К первому апреля 1912 г. личный состав отряда состоял из 7 офицеров, 1 врача и 170 нижних чинов (98 стрелков, 64 казака и 8 нестроевых).⁴

Как уже отмечено, административное управление населением сосредоточивалось в руках Памирского отряда, начальник которого

¹ См.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире.— С.69.

² Отношение И.О. Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенова об административно-политическом и юридическом положении Западного Памира. ЦГА Республики Узбекистан.— И.2. Оп. 3.— Д. 535.— Л. 19-20.

³ ЦГВИА РФ — ф. 1396 — Оп. 2.— Ед. хр. 31.— Л.66.

⁴ Там же.

пользовался правами начальника уезда, и находилось в непосредственном подчинении военного Губернатора Ферганской области, Помощниками начальника отряда по управлению населением являлись: на Восточном Памире – начальник восточных постов, а на Западном Памире – начальник Ишкашимского и Лянгарского постов. В отношении управления населением эти чины пользовались правами участкового пристава и непосредственно подчинялись начальнику отряда.

В административно-территориальном отношении Памир был разделен на следующие административно-управленческие районы:

1. Начальник Памирского отряда ведал через своих помощников (начальников постов,) всей территорией Восточного и Западного Памира и, кроме того, непосредственно управлял Шугнанской и Рушанской волостями (бывшими Шугнанским и Рушанским бекствами Бухарского ханства),

2. Начальник Ишкашимского поста управлял Ишкашимским районом;

3. Начальник Лянгарского поста управлял Ваханом;

4. Начальник восточных постов управлял населением Восточного Памира.¹

Управление указанными участками производилось единолично при помощи местной администрации. При этом в распоряжении начальника отряда и начальников постов не было никаких других административных органов, которые ведали бы сугубо гражданскими делами. В основе административного управления Памира лежала «Временная инструкция Памирского отряда», утвержденная командующим войсками Туркестанского военного округа в 1905 г. Согласно данной инструкции при начальнике отряда в Хороге находился бухарский чиновник от гиссарского бека, который по сложившемуся обстоятельствам во всех отношениях находился в его распоряжении. В отчете начальника отряда недвусмысленно подчеркивается ненужность этого административного поста,² тем более, что этот представитель эмира оплачивался из российской казны.

Судопроизводство проводилось в соответствии с местными обычаями, причем низшими представителями юстиции являлись казни (народные, вернее шариатские судьи), маловажные дела разбирались иногда на местах сходами домохозяев, но если сход принимал решение, которое не удовлетворяло стороны, то дело поступало на рассмотрение казия. Суд производился словесно. Ни показания, ни приговор не записывались. Лишь в разделе имущества и утверждении права наследства составлялись письменные при-

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396 – Оп. 2.– Ед. хр. 31. – Л. 78-78 об.

² Там же. – Л. 79.

говоры – васики, которые представлялись на утверждение начальнику отряда. Начальники постов в пределах своих участков утверждали словесные приговоры казиев, а васики представляли на утверждение начальнику отряда. Разбор дела, произведенный начальником отряда, признавался окончательным и решение его на высшие инстанции на утверждение не посылалось.¹

Сохранившиеся документы убедительно свидетельствуют о том, пи помимо своей непосредственной задачи, состоявшей из: а) надежной «охраны границы Памиров как от вторжения неприятеля в «военное время, также от вооруженных масс в мирное время»; б) обеспечения спокойствия и безопасности памирского населения и грабежа и насилий,² командный состав отряда и его посты приложили немало усилий для преобразования административной структуры, способствующей улучшению экономической и культурной жизни края.

В целом деятельность Памирского отряда следует условно разделить на: а) военно-административное и б) культурно-просветительное направления. Если первое исходило из официальной обязанности командного состава, представлявшего колониальные интересы русского царизма в крае, то второе осуществлялось в большей степени по личной инициативе, почти на добровольной основе, что справедливо вызвало чувство симпатии и доверительного отношения местного населения к личному составу отряда.

Установление тесного дружественного контакта с жителями края было выгодно не только командному составу отряда, но и всем официальным представителям российской дипломатии. Эта политика не только обеспечивала спокойствие на границе, но и поднимала престиж русских властей в глазах правителей соседних государств и тем самым способствовала упрочению позиции России в регионе. Независимо от официальной политики царизма проведенные мероприятия на Памире, бесспорно, принесли местному населению не только стабильность границы и уверенность в завтрашнем дне, но также экономическую и культурно-просветительную выгоду.

Даже поверхностное знакомство с имеющимися источниками свидетельствует об активном участии Памирского отряда во всех сторонах политической, хозяйственной и культурной жизни края. Причем при проведении всех мероприятий непременно учитывались сложившиеся в народе традиции. Как правило, они проводились лишь после совместного предварительного обсуждения с местными жителями. Решения принимались на проводимых совместно сходах.

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396 – Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Л. 80-80 об.

² Там же. – Л. 66.

По инициативе комадного состава вскоре после формирования Памирского отряда на одном из таких сходов с участием всех влиятельных лиц, волостных управителей и аксакалов было принято решение о необходимости «приведения путей сообщения от села Сарыма вниз по Гунту до поста Хорогского в надлежащий вид», а также выючной удобопроходимой дороги с горными мостами через бурные потоки, чтобы достичь возможности везти на лошади, «не обессиливая ее выюк, не в 6, а в 8 пудов».¹ Мероприятия по строительству дорог с участием наемных рабочих из Каратегина и Дарваза с успехом проводились в 1897 г.²

21 октября 1894 г. в торжественной обстановке, в честь дня рождения императора российского, в присутствии почти всего населения Памирской волости была проведена церемония открытия базара. К этому дню прибыли небольшие караваны с хлебом из Каратегина и хлопчатобумажными товарами из Кашгара и города Оша. На продажу было представлено немало мануфактурных изделий. Базар имел до 20 постоянно действующих лавок. Цены на продукцию определялись с учетом возможностей и согласия местного населения. По обоюдному решению производилась покупка продовольственной продукции и фуража для нужд отряда. «Все это, – говорится в годовом отчете начальника отряда, – не могло не отразиться благотворно на улучшении благосостояния памирского населения».³ О подобных действиях руководства отряда приведено немало фактов во всех последующих отчетах.

Особое место среди проведенных мероприятий занимала деятельность культурно-просветительного характера. Указывая на это, начальник отряда капитан Генерального штаба Г. А. Шпилько в своем отчете за 1913 г. писал: «Наряду с военными и административными задачами отряда на Памирах, нельзя не отметить еще одного благотворного на население влияния, которое оказывается очень рельефно в насаждении здесь (на Памире – Х. П.) русской культуры». В этом отношении отмечена особая восприимчивость таджиков. Согласно мнению капитана Шпилько, таджики «представляют благоприятную почву для постепенного влияния, в особенности если это влияние приносит им какую-либо политическую пользу». В качестве аргумента приводится то усердие, которое проявляли местные юноши к учебе в русско-туземной школе, открытой по инициативе руководства отряда в 1911 г. в Хороге. Считая создание школы «важнейшим из культурных мероприятий отряда», капитан Шпилько в своем отчете от 31 мая 1913 г. пишет,

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396 – Оп. 2.– Ед. хр. 13. – Л. 10.

² Там же. – Ед. хр. 199. – Л. 48.

³ Там же. – Л. 12.

что «основанная два года назад по инициативе и на средства отряда школа оказала, успехи и была принята в ведение Министерства народного просвещения (России – Х. П.) и с отпуска денежных средств на содержание школы». Уже 25 учеников свободно владели русским языком и возбужден вопрос о постройке «приличного здания для школы». В этом плане особый интерес представляют следующие слова начальника отряда: «Начальник не скрывает своих симпатий к школе, и недостатка в родителях, желающих отдать в школу своих детей, не ощущается. Курс школы 3-летний. При школе есть интернат, где ученики получают бесплатно пищу (обед, ужин, чай, сахар) и постельную принадлежность. Беднейшим ученикам отряд помогает одеждой».¹ Из содержания отчета по этому вопросу явствует, что доступ в школу для всех категорий людей был равный и основным критерием считались способность и желание учеников, а не их социальное происхождение.

Руководство отряда приложило немало усилий для сравнительного роста благосостояния местного населения. Об этом, в частности, свидетельствуют действия руководства отряда по повышению урожайности сельскохозяйственных культур, развитию шелководства, строительству дорог, жилищ, ирригационных сооружений, проведению работ по упорядочению земельного вопроса и т.п. «В интересах поднятия сельскохозяйственной культуры, – пишет капитан Шпилько, – отряд знакомит таджиков с некоторыми видами культивируемых в России растений и злаков и раздает бесплатно населению семена хлебных злаков, а также огородных растений... Для поощрения шелководства отряд выписывает от Сельскохозяйственного общества шелковичную грену, а в прошлом (1912 г. – Х.П.) году были привезены в Хорог 2 улья с домашними пчелами».² Таких примеров было немало. К числу положительных явлений, также происходящих благодаря влиянию отряда, следует отнести и перемены, которые начали происходить в строительстве жилья, в ношении одежды и других сферах бытового характера. У наиболее зажиточных таджиков появилась склонность к строительству домов европейского типа с окнами. Многие жители предпочитали «носить платье более удобного русского покроя», а состоящие на службе при Хорогском посту джигиты «оставили свои длинные халаты».³

Немало было сделано руководством отряда по части упорядочения земельного вопроса, сильно нарушенного в годы афганской оккупации. Многие вынужденные переселенцы, вернувшись до-

¹ ЦГВИА РФ – ф. 1396 – Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Л. 81-81 об.

² Там же. – Л. 81 об.

³ Там же. – Л. 82.

мой, просили восстановить их на прежние места и вернуть им земли, документы (васики), которые были утеряны. Теперь все это приходилось восстанавливать и заново, и справедливо. Нормализация обстановки, чувство уверенности, вселившееся в людей благодаря проведенной сравнительно справедливой административно-хозяйственной политики руководства отряда привело «к массовому обращению местного населения к земле, как источнику для существования». ¹ Все это вскоре дало свои плоды. Постепенно население стало не только обеспечивать свою минимальную потребность на сельскохозяйственную продукцию, но и продавать свои излишки на базаре или же отряду. «Для нужд отряда, — пишется в документе, — ежегодно требуется до 5,5 тыс. пудов пшеницы и ячменя, каковое количество охотно предлагается населением». ²

Следует отметить, что все эти и множество других действий руководства отряда способствовали усилению взаимной симпатии, взаимовыгодного отношения между личным составом отряда и края, русские военные с уважением относились к обычаям местного населения. Охотно проявлялись гостеприимство, доброжелательность, чувство примитивного коллективизма и взаимной выручки, выработанные аборигенами края в условиях суровой природы.

Все это способствовало усилению дружественных отношений не только между личным составом Памирского отряда и населением более чем вековая история этой дружбы, несмотря ни на какие события, происходившие и происходящие в жизни общества в целом и наших народов, в частности, убедительно показала, что выпавшее благодаря судьбе и воле обстоятельств счастье находиться рядом и ощущать чувство братской помощи, прошедшее испытание временем, является тем бесценным достоянием, которое нужно беречь, приумножать и завещать потомкам. Наш долг сохранять и развивать эту дружбу, ставшую не только привычным атрибутом, но и жизненно важной, судьбоносной реальией для таджикского народа, обязанного ей своим возрождением и перспективой развития.

*Россия в исторических судьбах таджикского народа.
— Душанбе: Шарқи Озод, 1998. — С.110-126.*

¹ ЦГВИА РФ — ф. 1396 — Оп. 2. — Ед. хр. 31. — Л. 84.

² Там же. — Л. 85.

ПАМИРСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ 1895 ГОДА: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К середине XIX в. в политической жизни Памира и Бадахшана заметных изменений не происходило. Но события, разворачивающиеся за пределами региона и непосредственно затрагивающие его, предвещали начало серьезных перемен в крае. Среди этих событий наиболее значительными были: а) рост английского и российского дипломатического противостояния; б) стремление властей Цинской империи определить границы на Памире, исходя из их интересов; в) активные вооруженные действия афганцев в западнопамирских владениях. Всему этому способствовали внутренние неурядицы, постоянное стремление каждого из мелких феодальных владений расширить свою территорию путем насильственного захвата территории своих соседей. В результате этих постоянных феодальных междоусобиц отдельные правители теряли свою независимость, подпадая под власть более сильного соседнего владения. Это явно прослеживается на примере Вахана, который временами находился в подчинении либо Шугнана, либо Бадахшана. Шугнан же иногда попадал в зависимость от Бадахшана, либо Коканда. Подобная участь не миновала ни Рушан, ни Дарваз.

Именно эта политическая нестабильность, наряду с другими факторами все больше побуждала желания официальных представителей заинтересованных держав укрепиться в этом стратегически важном горном регионе. Политическое положение Памира ухудшилось в связи с расширением границ Афганистана за счет сопредельных независимых и полузависимых владений. Еще в первой половине 50-х г. XIX в. афганские войска при прямой поддержке английских колонизаторов заняли районы, принадлежащие Бухарскому эмирату (Хульм, Меймене, Андхой и Шибирган). В 1859 г. они захватили Кундуз, что открыла им возможность для распространения своей власти в пределах Бадахшана.

Новая военная активизация английской торгово-дипломатической службы в Средней Азии наблюдается в середине XIX в. К тому времени Англия «завершила подчинение Индии, превратив ее в базу своей широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке». Британская агентура вела активную подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Туркмении, на Памире. Правящие круги Великобритании и английская печать прикрывали все это шумихой о «русской угрозе» Индии.

С конца второй четверти XIX в. царское правительство вплотную занялось осуществлением давно надуманного предприятия – планомерного продвижения вглубь Средней Азии. В этом отноше-

нии захват устья Сырдарьи и постройка Раймского (Аральского) укрепления в 1847 г. были достаточно важным шагом.

Теперь региональный масштаб противоборства России и Англии сузился в пределах Памира. Особую активность в южных районах Центральной Азии Великобритания начала проявлять в середине XIX в. На это англичан вдохновляли события, происходившие в Кашгаре. Антикитайское восстание Якуб-бека в Кашгаре и образование в части Синьцзяна мусульманского государства Иттишар, с одной стороны, а также нестабильная политическая обстановка в Бадахшане и шахствах Западного Памира, с другой, открыли для Англии в регионе широкую перспективу (во всяком случае так думали те, кто определял внешнеполитический курс английской империи).¹

Силами английских офицеров, работавших обычно инкогнито, практически как агентурные разведки, так и с использованием местных (мусульманских) топографов и шпионов (пундитов – что в переводе с хинди означает «учителя»), которые получили специальную подготовку в Управлении Большой Тригонометрической Съёмки Индии – английской военной топографогеодезической службе Индии. При работе в этих районах у пундитов, по сравнению с европейцами, было много преимуществ: они знали местные языки, обычаи, географические представления и пути выражения в описаниях мест и коммуникации». ²

В 50-60-х гг. пундиты проникли далеко на север от индийских владений и во многом расширили географические представления англичан о территориях Центральной Азии, находившейся далеко от индийских владений Великобритании, к северу от Гималаев и Гиндукуша.³

События, связанные с присоединением Средней Азии к России и ее не-сомненный успех, все больше пугали английские дипломатические и военные круги. Поэтому, пытаясь поставить предел продвижению русских в Центральную Азию, что, в свою очередь, приближало их и к северным границам Индии, в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Центральной Азии и создании буферной зоны между владениями России и Великобританией. Еще 1 августа 1869 г. при встрече российского канцлера князя А.М. Горчакова с предста-

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. Монография в документах. – М., 2001. – С.71.

² Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С.54. Более подробно о подготовке пундитов и других сведений о них там же С. 54-55.

³ Там же. – С.71, 79.

вителем Англии Дугласом Форсайтом в Баден-Бадене, оба пришли к мнению о необходимости мирного разрешения пограничных вопросов между Россией и Англией. При этом Горчаков, как бы предугадывая намерение Англии в качестве буферной зоны избрать Афганистан, высказал мнение о том, что к границам Афганистана, сложившимся к данному моменту, у России нет никаких претензий. Свое мнение Горчаков повторил и при повторной беседе с представителем Англии 3 января 1869 г. и выразил надежду, что британское правительство будет удерживать Шир-Али-хана от стремления расширить свою границу за счет соседних владений.

При очередном совещании по этому вопросу в Петербурге (20 октября 1869 г.), обе стороны пришли к решению о том, что пределами Афганистана считаются те местности, которыми в то время владел Шир-Али-хан и «Англия со своей стороны не допустит афганского владетеля тревожить своих северных соседей».¹

Этот документ свидетельствует о том, что русские, опасаясь возможности продвижения Афганистана в соседние владения Балх, Кундуз и Бадахшан, требовали от Великобритании сохранения уже закрепленных границ Афганистана, в таком виде, как в момент переговоров (1869).²

Английские правящие круги, с одной стороны, стремились не дать России приблизиться к границам Индии, а с другой стороны, хотели, используя Афганистан, активизировать свои экспансионистские действия в Средней Азии и в частности на Памире. У России к тому времени не было четких представлений о владениях, расположенных в верховьях Пянджа. К тому же военные действия в Средней Азии еще не закончились, поэтому обе стороны не скрывали своей заинтересованности в мирном определении границ на Памире. В итоге переговоры по этой проблеме были продолжены.

Пока шли переговоры (а шли они с большими перерывами), дипломатические круги Англии и ее правительство, используя плохую осведомленность русских о расположении афганской границы в горных районах Памира и близлежащих районах, поручили своему послу в Петербурге передать русскому правительству свои соображения относительно пределов Афганистана. Согласно представленному им 17 октября 1872 г. документу (депеше) власть эмира Афганистана распространялась в пределах «Бадахшана, с зависимым от него районом Вахана от Сари Коля (озеро Вуда) на востоке до слияния реки Кокча с Оксом (или Пяи-

¹ РГВИА. – ФВУА, 1969 г. – Д. 6810.-Л. 37-38.

² Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»... – С. 116.

джем)».¹ В ответ на это российский министр иностранных дел, граф А.М.Горчаком твёрдо заявил о том, что «Основатель афганского государства Дост Мухаммед хан ославил после себя состоявшие неразберихи, которое не позволяет принять за основу те территории, которые были присоединены Афганистаном в отдельные моменты его правления».²

Уточнить положение дел и реальное очертание границы Афганистана А.М.Горчаков поручил Туркестанскому генерал-губернатору К.П.Кауфману, который в своей предварительной записке А.М.Горчакову по этому вопросу высказал опасение, что, если афганский эмир займет Бадахшан, Вахан, то тем самым он увеличит линию соприкосновения с Бухарой, сделается соседом Каратегина, откуда уже рукой подать до Кокандских владений, это и есть прямой путь к столкновению с ними.³

После исследования линии границы Афганистана К.П. Кауфманом, власти России определили реальную границу владений Афганистана в пределах которой не входили Бадахшан и Вахан.⁴

Несмотря на множество неточностей, и разногласий по поводу определения границы между сферами влияния России и Великобритании, стороны вынуждены были придти к соглашению, о воздержании от чрезмерной конфронтации.

Таким образом, в начале 1873 г. между двумя державами была достигнута договоренность, согласно которой Россия согласилась на предлагаемые английской стороной условия, вернее, не отказалась признать английскую линию демаркации условной границей, которая отдавала Бадахшан и Вахан афганскому эмиру. Соглашение по сути дела не касалось территорий Памира, расположенных к востоку от озера Виктория (Зоркуль).

Переговоры, длившиеся с 1869 по 1873 гг., а также принятое на заключительном их этапе соглашение явно демонстрируют колониальные намерения обеих держав, считавших себя поборниками права Афганистана и Бухары в определении границы. Что же касается интересов народов, проживающих в районах, которые стали объектами дележа, то они совершенно не брались во внимание.

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией в 1872-1885 гг. – СПб., 1886. – С.5. OIPLR. MSS. Eur. F. 111/144. Correspondence with Russia respecting Sentral Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873: Постников А В. Схватка на «Крыше мира»... – С. 117-118.

² Там же. – С. 118.

³ ЦГА РУзб. Дипломатическая часть при Туркестанском генерал-губернаторстве. – Д.830/263. – Л.16.

⁴ Там же.

Таким образом, заведомо беспочвенное, лишенное объективного основания соглашение 1872-1873 гг. не могло решить возникших проблем. Оно давало возможность русским и британским властям продолжать противоборство не только в отношении дальнейшего словесного уточнения географических «недоразумений», допущенных в ходе переговоров и заключения договора, но и бороться за малоисследованные и «ничейные» земли под обобщающим названием «Памир». В этом англичане умело использовали афганские власти, которые к тому времени превратились в их послушных вассалов.

Соглашение 1872-1873 гг. дало возможность России продолжить свои наступательные действия в Средней Азии, в 1873 г. завоевать Хиву и установить свой протекторат над ней. В 1875-1876 гг. было покорено Кокандское ханство. Завоевание Ферганы фактически открыло русским властям доступ к Памиру.

Вышеизложенные факты, касающиеся процедуры подготовки и заключения в 1872-1873 гг. между Англией и Россией соглашения по определению границы, пролегающей между Бухарским и Афганским эмиратами, а также урегулирования их позиции на Памире, были ни чем иным, как большой политической игрой. Обе страны боялись одного – как бы их противостояние не переросло в вооруженный конфликт, а того и хуже – в войну. Главы внешнеполитических ведомств, поставившие свои подписи под соглашением 1872-1873 гг., вообще-то не были уверены в его реализации. Главной их целью было не допустить ущемления своих интересов.

Первым серьезным обвинением, предъявленным Англией России по нарушению соглашения, было насильственное присоединение к Бухарскому эмирату в 1878-1879 гг. Дарваза. Вопреки условиям соглашения между Бухарой и Афганистаном от 26 января 1847 г., согласно которому северная граница Афганистана была определена р.Аму-Дарьей, бухарский эмир присоединил к эмирату и левобережную часть Дарваза, которая исторически входила в его состав. Действия эмира бухарского послужили поводом для того, что англо-индийские власти мобилизовали афганские войска к захватническим действиям на территории Вахана, Шугнана и Рушана.

Стремясь опередить царскую Россию в изучении Памира и для упрочения своих позиций, английские власти в Индии стали чаще засылать своих агентов в те районы Памира, которые России были неизвестны или малоизвестны. В то время, когда Коканд был включен в сферу влияния России, англичане лихорадочно пытались упрочить свое влияние в Кашгарии, прежде всего исходя из тех соображений, что его население исторически имело тесные связи с Туркестаном и припамирскими странами. Следует заметить, что

Коканд намного раньше гоже был мишенью в экспансионистской деятельности Великобритании.

Антирусская кампания английских дипломатических (вернее разведывательных) кругов не была прекращена и с восстановлением в Кашгаре китайского правления. Англичане под разными предлогами хотели остаться в этом районе и использовать его в качестве плацдарма для укрепления своих позиций на Памире.¹ Пользуясь слабостью Китая, английские экспедиционные войска захватили Канжутское ханство, объявив его ничейной территорией. Позже на возражения китайских властей² английский представитель Робил – Санг отвечал, что Канжут исторически принадлежит кашмирскому радже и отказался вести разговор на эту тему с Кашгарскими властями. В Гильгите англичане сформировали значительный военный отряд.³ С большим трудом⁴ англичанам все же удалось завоевать Читрал, который считался важным стратегическим пунктом на подступах к Памиру. После этого английские агенты еще чаще стали проникать на территории Памира,⁵ особенно в период активизации действий России на Памире с целью окончательного определения своей границы.

10 июля 1880 г. Абдурахман-хан с помощью английских властей занял трон и обязался своим хозяевам – англичанам быть послушным во всем и в особенности в вопросах внешней политики. Англичане постарались ориентировать его на расширение в противобес России свою территорию за счет владений, расположенных на Западном Памире. Для осуществления этой цели у эмира был надежный плацдарм Чор-вилаят и окончательно покоренный Бадахшан в 1873.

Особую активность в этом направлении проявлял его ставленник – бадахшанский мир Абдулла-хан, который хотел воспользоваться действиям противников шугнанского владельца Юсуф Али-ша (1871-1883). Прямым поводом для наступательных действий войск Абдурахман-хана стало письмо, направленное ему в октябре 1883 г. группой противников Юсуф Али-ша, во главе которой стояли высшие духовные лица.⁶

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. 1. – Душанбе, 1962. – С.184-220.

² РГВИА. – ФВУА. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 155.

³ РГВИА. – ФВУА. – Оп. 1. – Д. 116. – Л.56.

⁴ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С.14.

⁵ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – С. 205-220.

⁶ РГВИА. – ФВУА. – Д.588. – Л. 52.

Воспользовавшись благоприятной для прямого вмешательства ситуацией, мир Бадахшана потребовал, что Юсуф Али ша срочно выехал в Бадахшан для встречи с ним. Хотя Юсуф Али не доверял бадахшанским ставленникам Афганистана, но все же после долгих уговоров и всяческих обещаний, осознавая безвыходность своего положения, вынужден был согласиться. По прибытии со свитой из 76 человек ему было предъявлено обвинение в таких «грехах», как недостойное почитание Абдурахман-хана, уклонение от уплаты податей, прием и оказание почести русскому доктору Регелю и разрешение ему посетить бадахшанские рубиновые копи и др.¹ Юсуфа Али и его приверженцев отправили в Кабул, где все они были казнены.

Насильственно захватив Шугнан и Рушан, Абдурахман-хан под видом поиска и наказания приверженцев Юсуфа Али, отдал на растерзание войск население этих владений. Правителем Шугнана Абдурахман-хан назначил бывшего наместника Шахдары – Мирхасана, но фактически вся полнота власти была передана Мухаммад – Феруз-хану.

Единственную надежду на спасение люди видели в прибытии в регион русских. Эта надежда подкреплялась пребыванием в Шугнани русского горного инженера Д. Иванова летом 1883 г.

Положение в Шугнани еще более усугубилось с приездом сюда осенью 1883 г. нового афганского военного начальника Гульзор-хана (он был родом из Кундуза). Бесчинства Гульзор-хана вызвали еще большее недовольство народа, перераставшее в открытые восстания.²

В 1885 г. вспыхнуло крупное народное восстание против афганских завоевателей в Шугнани и Рушани. Подавив восстание, афганские войска с помощью местных продажных чиновников разыскивали всех, кто был причастен к восстанию. Карательные действия афганцев стали причиной массового бегства людей на Восточный Памир, в Ферганскую область и Дарваз.

Свободолюбивый горный народ не мог пассивно терпеть издевательское отношение завоевателей. В 1887 г. в Рушани и Шугнани вспыхнуло новое восстание.³ После его подавления афганцы перешли на жестокий террор. По имеющимся данным казни в Шугнани производились ежедневно, деревни, заподозренные в сочувствии к Сеид-Акбар-ша, выжигались, а поля вытраивались лошадьми. Все девушки и более красивые женщины в стране были отобраны и

¹ Иванов Д. Шугнан Афганские очерки // Вестник Европы. – Т.IV. – №7. – С.70.

² Окраина. – 1894. – №96. – 14 дек.

³ Станкевич В.В. По Памиру (Путевые заметки). – СПб., 1904. – С.6.

частью отправлены к эмиру Абдурахману, частью же розданы войским в жены и наложницы. Из Шугнана набрано 600 человек мальчиков в возрасте от 7 до 14 лет, детей более влиятельных родителей, мальчики эти отправлены были в Кабул.

У эмира Абдурахмана не было другого выхода, кроме, как только силой удержать власть на Памире. С этой целью и с намерением распространить свою власть в пределах Восточного Памира, он содержал большой воинский контингент и на важных стратегических пунктах западного Памира.¹

Постоянные карательные рейды афганских военных отрядов не могли держать людей в повиновении. Согласно данным, в Шугнана и Рушана в 1890-1891 гг. и в последующие годы население проявляло недовольство и неповиновение, часто перерастающие в открытые восстания.

Пределы Восточного Памира, так же были лакомыми кусками для афганского эмира. В этом районе особую активность проявляли и маньчжурские вооруженные отряды. Разумеется, и Россия не могла оказаться в роли пассивного наблюдателя.

Б.Л.Громбчевский недвусмысленно указывал на законную принадлежность этого пространства Российской империи, как правопреемницы Кокандского ханства. По его словам, «заняв кокандское ханство, Россия естественно имела полное право занять и Памиры, т.е. встать твердой ногой на Гиндукуше», но она не решилась сразу на этот шаг, исходя из следующих соображений:

1) занятие Памира и появление русских на Гиндукуше сильно встревожили бы английское правительство. К тому же в то время Россия вела войну с Турцией (1877-1878 гг.);

2) заняв большое пространство с редким кочевым населением, часто подвергавшемся нападениям со стороны независимых владений Канджута, Чатрара, Вахана и Шугнана, Россия вынуждена была бы их серьезно охранять, что привело бы к столкновению с правителями этих владений;

3) Памир с востока граничил с Кашгаром, который в то время управлялся Якуб-беком, и тот не стал бы безучастно смотреть на действия России.² Ссылаясь на наличие этих причин, препятствующих присоединению края к России, Б.Л.Громбчевский, вместе с тем дает знать российским властям, что теперь настало время выполнить эту задачу.

¹ ЦГА РУзб. – Ф.: Политангентство в Бухаре. – Ф. 2с/3. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 52.

² Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – г. Новый Маргелан, 1891. – С.50-51.

После заключения российско-английского соглашения 1872-1873 гг. о разделе сфер влияния этих держав в Центральной Азии, несмотря на все издержки дипломатических промахов в этом документе, Россия все же получила возможность всестороннего изучения Памира как в географическом, так и в военно-практическом аспектах, Важность изучения Памира для России была продиктовано так же необходимость завершения территориального размежевания с Китаем,

Начало комплексного и систематического изучения Памира в России было положено замечательным исследователем А.П.Федченко. В 1869-1872 гг. Составленная им карта Кокандского ханства и Памира считалась самой совершенной для своего времени.¹

После присоединения Коканда к России (1876 г.) Памир и его скрестности стали гораздо доступнее для проникновения сюда русских. Весной 1876 г. удалось организовать экспедицию для исследования побережья озер Каракуль и Ранкуль под начальством Витзенштейна.²

В 1877-1878 гг. на Памире проводила исследования комплексная научная Фергано-Памирская экспедиция, организованная Русским географическим обществом под руководством известного русского ученого (зоолог и географ) Н.А.Северцова.³

Сведения о Памире были пополнены результатами исследования В.Ф. Ошанина, возглавившего научно-исследовательскую экспедицию на Памире в 1879 г. Одним из главных результатов экспедиции стало открытие крупнейшей ледниковой зоны на континенте, ледник Федченко.

Немало открытий на Памире связано с именами ботаника А.Э. Регеля и топографа П.Е.Косякова. Много труда они вложили в изучение труднодоступных горных районов, примыкавших к Западному Памиру.⁴

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»... – С. 133-136.

² Костенко Л.Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник (в дальнейшем ВС). – 1877. – №4. отд. 1: Он же: Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. – СПб., 1880; Он же: Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // ВС. – 1887. – Т. 176. – №8. – С.146-178; т. 177. – №9. – С. 5-37; №10. – С. 139-140; Т. 178. – №11. – С. 5-35; Он же: Средняя Азия и возведение в ней русской гражданственности. – СПб., 1871.

³ Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю. – М., 1947. – С. 50.

⁴ Мушкетон И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. – СПб., 1886. – С.439.

Вклад в изучение географии Памира и его картографирование был сделан Памирской экспедицией 1883 г., возглавляемой капитаном Д.В.Путятой. В 1884 г. после проведения исследовательских работ в Тянь-Шане Памир посетил Сорокин. В этом же году по поручению Русского географического общества из Алайской долины через перевал Тереагар в долину Лиркеу совершил свое первое путешествие известный ученый Г.Е.Грум-Грижимайло. Он же возглавил экспедицию на Памир в 1886-1887 гг.¹

В 1886 г. районы Южного Памира исследовал капитан И.Н.Покотило. Особая заслуга в изучении Памира и Припамирских районов принадлежит Б.Л.Громбчевскому. Он совершил ряд экспедиций (с 1881 по 1891 гг.), по результатам которых можно было уточнить многие географические и топографические данные, касающиеся края, что, без сомнения, ставит его в один ряд с самыми выдающимися исследователями Памира.² В 1894 г. с рекогносцировочной целью на Памире побывал А.Г.Серебрянников.³

Таким образом, к моменту присоединения края к России ее военно – дипломатические круги имели достаточно четкое представление о Памире, что во многом облегчило процесс его вхождения в состав России. С другой стороны надежда на помощь русских придавала еще большую решимость горцам бороться до конца.

В рапорте капитана Путяты начальнику штаба Туркестанского военного округа от 13 декабря 1883 г. пишется, что «ваханцы готовы принести всевозможные жертвы, чтобы отдаться под покровительство нашей державы».⁴ С надеждой на помощь России отчаянно боролся с афганцами правитель Шугнана и Рушана Сеид Акбарша. Письма с просьбами принять памирские владения в подданство русским сохранилось множество.⁵

Одно появление русских так вдохновляло горцев, что они сразу же поднимались на борьбу против своих ненавистников. Для этого достаточно было даже слуха о прибытии русских. Например, в 1889

¹ Агаханянц О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – Душанбе, 1962. – С. 48; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 164.

² Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе, 1974; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»... – С. 176-177, 346-351.

³ Серебрянников А.Г. Очерк Шугнана // ВС. – 1895. – №11. – С.167-194; он же: Очерк Памира // ВС. – 1899. – №6. – С. 232-444; №7. – С. 219-236; №8. – С.442-464; №9. – С. 216-226; №10. – С. 447-466; №11. – С. 227-236; он же: Очерк Памира. – СПб., 1900.

⁴ РГВИА. – Ф.1396. – Оп. 2, Ед. хр. 129. – Л. 29 об. (Из копии донесения русского военного агента в Лондоне о Шугнана).

⁵ Абаева Т.Г. Исследования А.В. Станишевского (Азиза-Ниалло) о Памире // Страны и народы Востока. – М., 1875. – Вып. XVI – С. 268-269.

г., услышав о прибытии русского отряда полковника Ионова на границу Вахана, жители обратили в бегство военные отряды афганцев с отдельных постов и объявили себя русскими подданными. То же самое было и со вторым прибытием Ионова на Памир в 1892 г.¹

Для местного населения быстрее присоединение к России было не только «наименьшим злом», оно отвечало его кровным интересам. Оно, кроме спасения от тирании афганцев и прочих выгод, давало возможность им избавиться от религиозных преследований афганского духовенства.² К сказанному следует добавить, что вопрос присоединения Памира к России стал злободневным не только для населения этого края, дошедшего до отчаяния, но и для самой России. Промедление в решении вопроса могло привести ее к военно-стратегическому проигрышу в Центральной Азии.

Англия, пристально следившая за действиями России, активизировала свои действия на Памире. Английские агенты стали проводить широкую антирусскую пропаганду среди населения, они также изучали местность для возможного создания укреплений и баз на случай военного столкновения с Россией. Особую активность в этом плане проявляли военные разведчики капитан Янгхазбэнд³ и лейтенант Дэвисон.

В создавшейся ситуации у России не было иного выбора, кроме как активизировать свои действия в этом районе, о чем свидетельствует сообщение министра иностранных дел России от 2 февраля военному министру, где, в частности, отмечалось, что «до сих пор мы (т.е. русские. — Х.П.) не имели никаких положительных данных относительно переговоров, ведущихся между Янгхазбэндом и китайскими властями в Кашгаре, но ввиду прав на Памир, обеспеченных за нами русско-английским соглашением 1872-1873 гг., мне, казалось бы, желательным осуществить предполагаемую Вами меру, а именно: послать будущим летом сотню или две казаков для объезда Памира».⁴

Для этой цели по рекомендации Туркестанского генерал-губернатора на Памир летом 1891 г. был командирован небольшой разъезд во главе командиром 2-го Туркестанского линейного батальона полковником Ионовым. Главной задачей этого разведыва-

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. — С.274-275.

² Там же. — С. 261.

³ Во многих текстах русских документов капитан Янгхазбэнд приводится как Юнгхезбэнд. Опираясь на оригинальные источники (на англ. яз.) А.В. Постников приводит более точное произношение его фамилии, как Янгхазбэнд.

⁴ РГВИА.— ФВУА.— Оп. 1.— Д. 106.— Л.7-8.

тельного отряда, состоявшего из 120 человек, являлось определение русской границы на Памире.

С целью установить наблюдение за действиями Ионова, из Кашгара в начале июля 1891 г. на Памир выехал английский агент Янгхазбэнд. Затем он отправился на озеро Малый Каракуль, позже – на Сарикуль, к перевалу Вахджир, где остановился и вел наблюдения за действиями Ионова. Неотступно следил за Ионовым и лейтенант Дэвисон.¹

Ионов действовал решительно. При встрече с Янгхазбэндом он открыто заявил, что «послан на Памиры, с целью прекратить бесцеремонное хозяйничанье китайцев и афганцев и восстановить наши (т.е. русские.) права на эту территорию».² Он объявил местным бекам о принадлежности их территории России. Он всячески стремился продемонстрировать англичанам, китайцам и афганцам права России на владение Памиром и не показать, что намерен в этом деле идти на уступки кому-либо. Узнав о цели поездки Ионова, местное население встречало его радушно и открыто выражало свое негодование против афганцев и китайцев.

Действия, предпринятые английскими, китайскими и афганскими властями после ухода отряда полковника Ионова, вынудили Туркестанского генерал-губернатора барона А.Б.Вревского запросить разрешение у военного министра, чтобы выставить в Базаигумбазе и Акташе одну сотню под начальством полковника Б.Л.Громбчевского; послать на Памир охотничьи команды по 80 человек от каждого батальона 3-ей Туркестанской линейной бригады и всего 560 человек при конно-горных орудиях.³ Вопрос был рассмотрен на особом совещании. Было решено продолжать дипломатические переговоры и воздержаться зимой от посылки большого отряда в Базаигумбаз. Ограничиться отправкой разведчиков. Согласно решению особого совещания с участием министра иностранных дел, военного министра, начальника генштаба, директора Азиатского департамента, заведующего азиатской частью генштаба и полковника М.Е.Ионова, в феврале 1892 г. на Памир был послан разъезд из 12 казаков и 2 джигитов под начальством поручика Бржезицкого.⁴

¹ Зайченко. Памиры и Сарыколь (очерк возникновения последовательного развития и современного положения памирского вопроса). – Ташкент, 1903. – С. 38.

² РГВИА. – ФВУА. – Оп. 1. – Д.110. – Л. 16.

³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906. – Т.3. – С.405-406.

⁴ Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы 1892-1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – С.52.

Прибыв на место, Бржезицкий вскоре убедился, что большая часть Памира занята китайцами и афганцами. Местные приходили к нему с жалобами на афганцев, которые забирают у них девушек, женщин и мальчиков и насильно высылают в Афганистан. С небольшим отрядом Бржезицкого китайцы и афганцы обращались с пренебрежением.¹ 2 июня 1892 г. довольно солидный отряд, состоящий из батальона пехоты, трех сотен казаков и двух взводов конно-горной батареи под начальством того же полковника Ионова из г.Нового Маргелана выступил в поход двумя колоннами, первая – через Исфайранский перевал, вторая – через г.Уш, Гульчу и перевал Тальдык.

Ионова местное население встретило с большим воодушевлением. 12 толя, после инцидента с афганским отрядом (произошла схватка, в которой из 17 человек, составляющих афганский пост, в живых остались 5 человек. 10 человек, в том числе и начальник поста, были убиты, 2 тяжело ранены), был очищен от афганцев Яшилькуль и освобожден Булункуль. Ионову предстояло идти в Шугнан и очистить его от афганцев до р.Пяндж. Но по решению властей его наступление было остановлено, и он возвратился на р.Мургаб. Возле перевала Шаджана с середины августа началось строительство укрепления для зимовки отряда.

В результате своего 4-х месячного пребывания в крае полковник Ионов проделал огромную работу. В Рангуле, вынудив уйти отсюда дунганский отряд, объявил жителям, что они проживают на территории России и по русским законам должны избрать своего волостного управителя. Он определил границу. Для охраны Памира в 1892 г. вблизи Шаджана был оставлен первый отряд под начальством капитана П.А. Кузнецова. Ионовым в том же году было создано административное учреждение во главе с БЛ.Громбчевским (бывшим тогда начальником Ушского уезда) для управления местным населением.³

Несмотря на все старания, полковнику Ионову не удалось полностью закрепить права России на Памир. Вскоре после его ухода здесь снова начали появляться маньчжурские войска. Афганцы, оставаясь в Шугнane, Вахане и Рушане, по-прежнему учиняли грабежи и насилие над местными жителями. Но сам факт создания Шаджанского отряда и наделение П.А.Кузнецова правами уездного начальника с определением границ его действия – «На востоке Са-

¹ Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памир и Горного Бадахшана к России. – Душанбе, 1994. – С. 211-212

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906. – Т.3. – С.407.

³ Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение... – С. 214.

рыкольским хребтом, на юге озером Зоркуль и хребтом Кухибанд (Гиндукуш), на западе владениями Рушана и Шугнана», весьма важен.

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что в результате двух военных походов 1891-1892 гг. России удалось сравнительно мирно присоединить к своим владениям основную территорию Памира. Но это не могло не привести к осложнению ее отношений с Англией, Китаем и Афганистаном. Ликвидация афганского поста у Само-Таша и китайского на Акташе вызвали протест этих государств. Уже в декабре Туркестанскому генерал-губернатору поступили донесения от начальника Шаджанского отряда о нарушении границы афганскими войсками, выставившими пост около перевала Куйтезак.

В августе 1893 г. в долину Бартанга (Рушан) был послан рекогносцировочный отряд под начальством капитана С.Ванновского.¹ Ему было поручено «пройти из крепости Ташкурган, расположенной на р. Бартанг, до впадения этой реки в р.Пяндж и произнести рекогносцировку путей из Рушана в Язгулем, связав таким образом Рушан с Ванчем. По 28 и 30 августа произошла перестрелка между отрядом Ванновского с афганцами. В ночь на 5 сентября, после того, как стало известно о прибытии афганцам подкрепления из Калаибарпандж, Ванновский был вынужден отступить к селению Бачув. Получив тревожное донесение Ванновского, полковник Ионов, организовав летучий отряд (из 20 казаков и 20 пехотинцев), поспешил на помощь. Тем временем Ванновский, избегая вооруженного столкновения с афганцами, через перевал Баджур (Биджаф) отправился в долину Язгулем.²

Хотя Ионов, действуя согласно приказу командующего Ферганского военного округа, не предпринимал наступательных действий и старался очистить Бартанг от афганцев мирным путем, тем не менее, само появление его наводило страх на афганцев. Они вели себя более сдержанно. Ионов создал наблюдательный пост для охраны населения Рушана³ и поручил начальнику Рушанского разъезда оградить рушанцев от притеснений афганских солдат.

После ухода летучего отряда полковника Ионова на Алай положение вновь ухудшилось. Афганцы, вернувшись в Бартанг, прово-

¹ РГВИА. – ФВУА. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 148.

² Ванновский С. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе // Сборник геогр., топогр. и стат. материалов по Азии. – СПб., 1893. – Вып. 56. – С. 78-94.

³ Герцулин М. Движение летучего отряда полковника Ионова в Рушан с 1853 г. // ВС. – 1990. – Т. 252, кн. 4. – С. 280.

⁴ РГВИА. – ФВУА. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 10.

дили карательные действия по отношению к населению за то, что они искали поддержки у русских. От насилия афганцев в сторону русского сменного отряда бежали сотни жителей. С начала 1894 г. афганские войска были переведены на левый берег р. Пяндж, и, казалось бы, должен был быть положен конец их произволу. Но с началом весны часть их переправилась на правый берег, и афганцы по-прежнему заставляли местное население платить непосильные налоги и поборы. Появились даже слухи о намерении афганского эмира переселить весной жителей Рушана, Шугнана и Шахдарьи на левый берег р. Пяндж. Но, благодаря разъяснительной работе начальника сменного отряда капитана Зайцева, местное население было осведомлено о готовящемся проекте разграничения, по которому все жители правого берега должны были перейти под власть России. Тем не менее, афганцы по-прежнему продолжали бесчинствовать в этих местах.

После ухода отряда Ионова афганцы мало считались с Шаджанским гарнизоном. Вдобавок к этому маньчжурские войска начали восстанавливать свои прежние разрушенные крепости и беспощадно эксплуатировать киргизов-кочевников. В итоге, вняв настоячивым требованиям Туркестанского генерал-губернатора, правительство России дало разрешение направить летом 1894 г. в западные районы Памира специальный отряд. К долинам Шахдары и Гунта также были направлены два рекогносцировочных отряда. Для регулярного обеспечения отрядов продовольствием и связью с Мургабом были созданы промежуточные посты в районах Карасу, Раватгаш, Башгумбаз, Сасыккуль-Куйтезак и др.¹

Узнав о приближении русских отрядов, афганцы пытались угнать часть населения Шугнана и Рушана с имуществом на левый берег Пянджа, что еще больше взволновало народ. Жители края всячески пытались помочь русским. Преодолев немало препятствий, отряд Ионова (уже генерала) 13 августа 1894 г. прибыл в Шугнан. Узнав об этом, афганские войска поспешно отступили к Рошкале, а затем, спустившись к Хорогу, у селения Тема переправились на левый берег Пянджа. Хотя о перевесе России на Памире у её противников не осталось уже никаких сомнений, тем не менее, английское правительство под разными дипломатическими предлогами затягивало решение вопроса. Не дождавшись окончания переговоров, генерал Ионов 15 сентября возвратился на Восточный Памир. Это привело к очередному набегу афганцев, началось массовое бегство населения в пределы Восточного Памира. Те же, кто

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в...— С.279-298.

предпочел остаться на месте, подвергались жестоким наказаниям.¹ Есть факты отчаянного сопротивления местного населения.

Действия афганских войск, подстрекаемых английскими агентами, не могли не вызывать опасения Туркестанского генерал-губернатора. Последний периодически сообщал в центр о положении дел на Памире. Основываясь на этих сообщениях, правительство России в начале мая 1895 г. дало разрешение выслать в Шугнан и Рушан для ограждения спокойствия местного населения разъезды.² С прибытием разъездов афганские войска спешно со всем награбленным переправились на левый берег. Население, бежавшее в районы Орошора и Восточного Памира и те, кто был угнан в Афганистан ранее, таким образом, длительная трагическая борьба памирцев, испытавших на себе дипломатические интриги России и Англии, все же увенчалась успехом, правда неполным. Освобождены были горные таджики правобережья Пянджа. Что же касается таджиков левобережной части и такого сложившегося государственного образования, как Бадахшан, то, согласно прихоти империалистских держав, они были присоединены к Афганистану. Избегая военного столкновения с Англией и дипломатических осложнений, русское правительство вынуждено было пойти на разграничение территории Памира между Англией и Россией. В результате этого народ Памира был разделен.

Не вдаваясь в анализ перипетий, возникавших в ходе многочисленных переговоров, между Англией и Россией,³ отметим, что им все же удалось приблизиться к взаимоприемлемому решению. Время диктовало необходимость создания специальной англо-русской комиссии. Переговоры Британии с Россией продолжались около двух лет, причем российский сторона проявила наибольшую неуступчивость в отношении самой южной части границы, настаивая на неукоснительном соблюдении соглашения 1873г.

В марте 1895 г. было достигнуто соглашение между Россией и Англией относительно деятельности комиссии по разграничению на Памире. Британия приняла принципиальную позицию России в этом отношении, а в остальном стороны смогли достичь компромисса. Члены Британской пограничной комиссии выступили из Индии 20 июня 1895 г. Комиссию возглавил генерал-майор

¹ Подробно о разбойничьих действиях афганцев на правобережье Пянджа: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.... — С. 301-305.

² РГВИА. — ФВУА. — Оп.1. — Д.78. — Л.145.

³ Подробно об этих интригах и разногласиях между Россией и Англией по разграничению на Памире: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в... — С. 309-320.

М.Дж.Герард, в его команду входили офицеры – топографы – полковник Т.Х.Холдич, майор Р.А.Вахаб, офицер разведки капитан Е.Ф.Х.Мак Суиней (секретарь комиссии и комендант), хирург и натуралист капитан А.У.Аллок. Помимо них, Для проведения топографических съемок к Комиссии были прикреплены пундиты Хан Сахиб Абдул Джафар, Асматулла Хан и Дан Синг с 29 носильщиками. Военный конвой Комиссии состоял из 10 офицеров-туземцев и сипаев, а вместе с солдатами топографами они составляли отряд из 19 человек.¹

В русской Комиссии, помимо руководителя (комиссара), которым был назначен генерал-майор Павло-Швейковский (Повало-Швейковский), входили: полковник П.К. Залесский – новый комендант Памирского поста, топограф Н.А.Бендерский, ближайшие помощники русского главного комиссара Панафидин и полковник Галкин, доктор Вильма и четверо офицеров. В качестве сопроводителей при русской части Комиссии состояли сорок казаков, военный оркестр из 18 человек и масса туземных джигитов и караванных проводников. У англичан было с собой до двухсот солдат индийской армии, индусов, афридиев и канджутцев.² От Индии в составе Комиссии участвовали Ресольдор Зарулло-хан и Сахиб Абдулгфар, от Афганистана – Гулям-Мухаммед-хан и Ашур-Мухаммед-хан.

Комиссии приступили к своим обязанностям в марте, а 22 июля 1895 г. комиссары России и Великобритании встретились у озера Зоркуль.

Первая официальная сессия объединенной пограничной Комиссии состоялась 23 июля еще до прибытия афганского представителя. Было решено все технические трудности и препятствия сводить к минимуму, даже не учитывая мнения афганцев в пользу быстрой демаркации границы в соответствии с соглашением правительств двух держав.³ Сущность же соглашения заключалась в том, чтобы границей Афганистана к западу от озера Зоркуль служила р.Пяндж. В соответствии с этим, афганский эмир должен был очистить все земли, лежащие на правом берегу Пянджа, т.е. в восточной части Шугнана, и северную часть Вахана, а бухарский эмир – земли, лежащие к югу от Амударьи, т.е. южную часть Дарваза.

Иначе говоря, между британским и русским правительствами был осуществлен обмен нотами (в марте 1895 г.), завершающими

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 303.

² Гедин С. В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан. – СПб., 1899. – Т.1, Вып. 1. – С.15-16.

³ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 308.

⁴ ЦГА РУзб. Ф. Русское политагентство в Бухаре. – Д.45. – Л.1-26.

Памирское разграничение. Была достигнута договоренность о том, что эмиру Афганистана следует освободить все районы, удерживаемые им к северу от Пянджа, получая в обмен все районы Дарваза, расположенные к югу от этой реки.

Весной 1896 г. результаты работы пограничной Комиссии по делимитации – записи и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской империи.

Юридически не решенным оставался вопрос определения русско – китайской границы по Сарыкольскому хребту. Китай отказался признать результаты русско-британско-афганского разграничения. Проведения неоднократных переговоров не дали желаемого результата. Согласно содержанию ноты, врученной послом Китая 17 апреля 1894 г. министру иностранных дел России, Китай давал согласие на сохранение статус-кво на Памире, надеясь на продолжение в дальнейшем переговоров по окончательному определению линии, границы. Разумеется, с учетом интересов китайской стороны. Но этот участок границы так и остался неделимитизированным, хотя линия государственной границы была установлена по обоюдному согласию по естественному рубежу – Сарыкольскому хребту.

Царское правительство, несмотря на протесты китайских властей, в 1898 г. утвердило временный пост в Ташкургане Сарыкольском. Позже с 1901 г. китайская сторона дала согласие на постоянное действие этого поста. При переговорах Российская сторона всегда опиралась на факт принадлежности ион масти Восточного Памира кокандским ханам, что давало право русским считать ее своим территориальным владением.

Успешное проведение англо-русско-афганского разграничения в 1894 – 1896 гг. и стремление России решить пограничные проблемы обусловили необходимость решения вопроса административного управления краем. Резкий климатический, социально-экономический и хозяйственно-этнический контраст требовали иного нетрадиционного подхода к созданию административной структуры управления.

После соглашения 1895 г. между Россией и Англией о разграничении и окончательном установлении границы территории, входившая в сферу русского влияния, была разделена на две части: Западный Памир (юридически принадлежал Бухаре), и Восточный Памир, состоящий из 2 волостей: Памирской, населенной кыргызами, и Орошорской, населенной таджиками, которые полностью перешли под юрисдикцию России. В первое время у Туркестанского генерал-губернатора даже возникла мысль снять посты на Западном Памире. Но дальнейшие события, связанные с внутренней

и внешней обстановкой, показали целесообразность сохранения этих постов.¹

В стабилизации положения в приграничных селениях Западного Памира не последнюю роль сыграла активность местного населения, испытавшего на себе все ужасы насилия афганцев.

Избавление населения Западного Памира от афганцев, хотя в целом несколько и сблгчило положение коренного населения, тем не менее, передача края в ведение бухарского эмира не была тем решением, которого ждало местное население. Вскоре опасения народа оправдались. Несмотря на это, освобождение жителей Западного Памира русскими властями от взимания налогов в течение трех лет из-за лишений, которые оно претерпело в годы правления афганцев, бухарские административные представители, не получавшие плату за службу из казны, а привыкшие жить только за счет сбора средств с населения, помимо взимания официальных налогов и податей, занялись и сбором средств для себя.

Имеются множество фактов свидетельствующих о том, что власть эмира на Памире не могла быть прочной. Она постепенно сводилась к минимальному участию в структуре официального управления, а то и вовсе к номинальной причастности его представительства к местной власти. В силу обстоятельств административная власть над всем Памиром (Западным и Восточным) была сосредоточена в руках главы Памирского отряда, место постоянного проживания которого находилось в Хороге, где был размещен и штаб отряда.

Главным последствием добровольного присоединения Памира к России явилось, прежде всего, то, что оно дало толчок политическому, экономическому и культурному развитию этого региона.

В целом присоединение Памира к России имело прогрессивное судьбоносное значение. Оно проявлялось в следующем:

а) население края окончательно было спасено от далеко идущих колонизаторских намерений Великобритании,

б) народы, населявшие Западный Памир и по воле судьбы, вернее, по причине столкновения интересов двух колониальных держав, оказавшиеся под игом афганских властей, за более чем десятилетий испытавшие все ужасы невольничьей жизни, были освобождены;

в) присоединение фактически избавило жителей от беспрерывно продолжавшейся феодальной междоусобицы, частых захватнических нападений более крупных соседних владений;

г) разграничение и создание новой административной структу-

¹ ЦГА РУзб. – Ф.2.– Оп.3. – Д. 535. – л.18-19.

ры управления позволило восстановить тесную традиционную экономическую и культурную связь со своими собратьями – таджиками Бухарского эмирата и Туркестанского генерал-губернаторства;

д) Памир был втянут в орбиту социально-экономической и культурной жизни многонациональной Российской империи;

е) созданием Памирского пограничного отряда сложились новые, более прогрессивные взаимоотношения между местным населением и русскими пограничными службами;

ж) присоединения Памира к России предоставило русским ученым широкую возможность более основательно приступить к изучению истории, этнографии, лингвистики, фольклора, горных богатств, географии, а также природно-климатических условий Памира;

з) происходящие общественно-политические перемены, перераставшие в будущем в мощное освободительное и революционное движение и приведшие в итоге к победе Октябрьской революции, способствовали возрождению таджикской государственности, составной частью которой стала и Горно-Бадахшанская автономная область.

Памирское разграничение 1895 года: история и современность // Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященный 115-летию подписания договора между Россией и Англией. (26 ноября 2010 г., Душанбе). – Душанбе, 2011. – С12-30.

ДАРВАЗСКОЕ ШАХСТВО ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К БУХАРСКОМУ ЭМИРАТУ (В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Дарваз являлся самым отдаленным местом Бухарского эмирата. Труднодоступность его способствовала тому, что и русским путешественникам долго не удавалось ознакомиться с этим краем. В первой половине прошлого столетия о Дарвазе мало знали даже в самой Бухаре, не говоря о России. Об этом свидетельствует тот факт, что члену дипломатической миссии А. Ф. Негри в Бухаре (1820-1821 гг.) капитану генерального штаба Российской армии Е. К. Мейендорфу говорили о «страшных кафирах (неверных – Х.П.), которые живут в Калай-Хумбе, городе, также называемом Дарваз и лежащем на реке того же наименования».¹ Здесь нетрудно заметить недостоверность сведения информаторов. Такое представление о Дарвазе почти не претерпело изменения до конца 70-х годов XIX века. Г.А. Арендаренко 28 марта 1880 г. в донесении Туркестанскому генерал-губернатору замечает, что «горная страна Дарваз, занимая возвышенное левобережья среднего течения р.Пяндж и ее притоков, не видела до настоящего времени ни одного европейца и остается, поэтому совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки. Не больше знают о Дарвазе и бухарцы, и само правительство эмира».²

Первые сведения о Дарвазе, которые появились в русской печати, были расспросными, и, разумеется, не были лишены недостатков (неточности в описании и искажение в названии местности). Примером могут служить приведенные сведения известного востоковеда-индолога И. Минаева: «Кила-Кхумб (т.е. Калай-Хумб – Х.П.), пишет он, – лежит к северу от Вамура. Можно добраться до Кила-Кхумба в три дня; дорога эта идет по течению небольшой реки, впадающей у Вамура в Пяндж, справа за Дарвазом находится страна Кхотлан (Хатлон или Хутталь – Х.П.), главный город которой называется Куляб».³

Г.А. Арендаренко столицей Дарваза ошибочно называет Калаи Вамар и относит Дарваз к Тянь-Шаню.⁴ Скудными являются и све-

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.; Наука, 1975. – С.79.

² Арендаренко Г.А. Журналы командировок. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. – Наука, 1974. – С.94. Следует заметить, что, кроме указанных «журналов», фамилия автора во всех работах, опубликованных им при жизни, дается как Арендаренко.

³ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи. СПб, 1879. – С.34.

⁴ Арендаренко П.А. Журналы командировок. – С.94.

дения Л.Ф. Костенко¹ и В.Ф. Ошанина.² Первым из русских путешественников посетил Дарваз в 1879 году ботаник С.М. Смирнов. Судя по заметкам, появившимся в «Туркестанских ведомостях» 1979, № 24 («О путешествии в Дарваз Германа и Смирнова») и в 1881, №46 («О поездке ботаника Смирнова в Вахию»), он несколько раз посетил Дарваз, но, к сожалению, не оставил никаких сведений исторического характера. Результаты его поездок, видимо, не были известны современникам, интересующимся этой горной страной, о чем свидетельствует то, что Г.А. Арендаренко не отметил в своих журналах его посещения Дарваза. После Смирнова в 80-х годах XIX века в Дарвазе побывал ряд других путешественников – А.Э. Регель (1881 г.), П.Е. Косяков (1882 г.), Г.А. Арендаренко (1882 г.), которые дали более подробные и достоверные сведения о Дарвазе.

В конце XIX – начале XX вв. выдвинулся ряд отважных путешественников и историков, которые внесли весомый вклад в изучение Дарваза. Прежде всего надо отметить заслуги капитана П.А. Кузнецова, посетившего Дарваз в 1892 году и оставившего довольно важные обобщенные им в работе под названием «Дарвоз»³ историко-географические и социально-экономические сведения, мимо которых не может пройти ни один исследователь, занимающийся историей Дарваза. В эти годы ценные историко-географические сведения о Дарвазе сообщаются в работе В.И. Липского,⁴ А.А. Семенова,⁵ Б.Н. Литвинова,⁶ В.В. Бартольда.⁷ Материалы,

¹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. – Т. II. – СПб. 1880. – С. 203.

² Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз. Известия Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. ИРГО). – Т. XVII. – Вып. I. – 1881. – С. 52-56.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз (рекогносцировка ген. штаба капитана Кузнецова в 1893 г.). Новый Маргелан. 1893. (В книге не указаны инициалы автора. Они уточнены нами по рукописи «Материалов по указанию историко-этнографической литературы о Таджикистане», подготовленной под руководством известного библиографа Е.К. Бетгера. – Ташкент, 1940. – С. 206. №1075.

⁴ Липский В.И. Горная Бухара. – Ч. II. – СПб., 1902. – С. 407-428.

⁵ Семенов А.А. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина, Дарваза. – М., 1903.

⁶ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – Т. 98. – СПб. 1904. – С. 698-729.

⁷ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Соч. Т. II. – Ч. I. – М.: Наука. 1963. – С. 449-459. Он же. Таджики. Из цикла «Энциклопедия ислама» // Указ. Соч. – Том II. – Ч. I. – С. 469-473; Он же. Амударья – Указ. соч. – С. 320.

по интересующему нас вопросу имеются также в работах Д.Н. Логофета,¹ А. Шишова,² В.И. Масальского.³

Русские дореволюционные авторы в своих сообщениях о Дарвазе, вследствие отсутствия письменных источников, опирались в основном на местные предания и устные сообщения знатоков истории края. Скучность материала затруднила последовательное изложение истории Дарваза. «Крайне обидно, — пишет Д.Н. Логофет — что сведения об этих государствах (имеются в виду горные — Х. П.), настолько отрывочны, что нет никакой возможности выяснить их исторические судьбы».⁴ Объем данной статьи не позволяет выполнить сложную задачу всестороннего анализа наследия русских дореволюционных исследователей по всем проблемам истории, социально-экономической жизни и культуры Дарваза в целом. В намерения автора входит лишь краткое обобщение и анализ материала, который имеется в их работах относительно истории Дарваза до его окончательного присоединения к Бухарскому эмирату (1878 г.), что в известной степени можно рассматривать как подготовительный этап к более широкому освещению дореволюционной истории указанного района в историческом и историографическом плане. Почти все дореволюционные русские авторы в своих работах выражают мнение о том, что Дарвазское шахство как отдельное, независимое государство, существовало с незапамятных времен. Капитан Кузнецов, например, считал, что существование особо Дарвазского ханства относится к первым векам христианства.⁵ Он приводит народное предание о двух братьях — Какаго и Шаша, выходцах из Бадахшана. Какаго примерно 1300 лет тому назад занял Дарваз с принадлежащими ему землями: Вахш, Куляб (Хатлон), Хагон, Рог, Гиссар, Каратегин и Рушан, а Шаша — Бадахшан с Ваханом, Шугнаном, Сарыколом, Кундузом и Четралом. В настоящее время потомки Шаша являются якобы ханами Чытрала, а потомки Какаго — бывшие дарвазские ша.⁶ Далее П.А. Кузнецов приводит другие предания, утверждавшие, что родоначальником дарвазских шахов был Искандер Руми — потомок Александра Ве-

¹ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. (Очерки Средней Азии). — СПб. 1913. — С.344-411.

² Шишов А. Таджики (этнографическое и антропологическое исследование) // Средняя Азия. Кн. XI. — Ташкент. 1910. — С.49-50.

³ Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества под ред. В.П. Семенова — Тянь-Шанского, т. XIX. — СПб. 1913. — С.742.

⁴ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. — СПб., 1913. — С. 364.

⁵ Кузнецов П.А. — Дарвоз. — С.1.

⁶ Там же. — С.1.

ликого.¹ О том, что все предания о Дарвазе связываются с именем Александра Македонского сообщает большинство русских авторов, хотя некоторые из них выражают сомнение в их достоверности. Например, В.Н. Литвинов, описывая маршрут Александра Македонского, утверждает, что он не был в Дарвазе, только его отдельный отряд под командой Кратера двинулся в Индию. «Несомненно, — указывает он, — что Дарваз в этом случае сыграл роль ворот для колонн Великого завоевателя». Относительно потомственного отношения местных владетелей к Александру Македонскому автор писал: «Является неясным, каким путем ханы эти считали себя его потомками. Или здесь вымысел, желание, проглядывающее буквально в Средней Азии, осветить все именем легендарного героя, или, быть может, впоследствии остатки рухнувшего Греко-Бактрийского царства попали в трущобы Дарваза и таким образом, передали его правителям имя Двурогого».² Несколько иначе по этому поводу пишет Д.Н. Логофет. По его мнению, Калаи-Хумб войсками Александра Македонского был взят с боем. Они долгое время находились в нем и после себя оставили сильный гарнизон.³ В качестве доказательства он приводит тот факт, что во время своего пребывания в Калаи-Хумбе заметил у местных людей множество старинных монет и других вещей которые относились ко времени походов Александра Македонского и его преемников. Обилие находимых в Дарвазе монет времен Александра Македонского, а также его преемников, служило для Д.Н. Логофета наглядным доказательством продолжительности пребывания македонцев в Калаи-Хумбе.⁴ Далее он сообщает, что на монетах, которые он висел были написаны имена бактрийских царей,⁵ а на старом кирпиче, вынудом из колодца, он читал надпись с именем Базилеуса Деметрия, первого царя, основателя Индо-Парфянского государства.⁶

Если эти монеты и надписи, о которых сообщает Д.Н. Логофет,

¹ Кузнецов П.А. — Дарвоз. — С.1.

² Литвинов В.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник.— Т. 98. — СПб. 1994.— С.716.

³ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. — С.386.

⁴ Там же. Впрочем, имеется и иной вариант-предание, согласно которому главный населенный пункт Дарваза — Калаи-Хумб являлся местом, куда Александр Македонский загнал своих противников. См.: Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Перевод с англ. О.А. Федченко. С дополнениями и примечаниями А.П. Федченко, Н.В. Ханыкова и Г. Юля.— СПб. 1873.— С.78.

⁵ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. — С.397.

⁶ Там же. О деяниях Деметрия более подробно см.: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.— С.108-412.

существовали в Калаи-Хумбе (во всяком случае другие авторы не упоминают об этом), то не являлись ли они фальшивыми, изготовленными подражателями греко-бактрийских царей? Сделать определенные выводы о древности Дарваза из сообщений русских авторов крайне затруднительно. Но, тем не менее, их заключения усиливают предположение о существовании Дарвазского государства в эпоху Александра Македонского. Отсутствие источников и достоверных сведений не позволило русским исследователям высказать свои соображения относительно истории Дарваза в раннее средневековье. Этот период поныне остается крайне малоизученным. Позднее арабскими путешественниками упоминается Карран. По мнению В.В. Бартольда, под этим названием скрывается нынешний Рушан и Дарваз.¹ (О Карране упомянул и академик Б.Г. Гафуров, но как о столице Дарваза).² Он же указывает, что название Дарваза упоминается при Тимуре и его преемниках.

Известно, что Дарваз, как и Каратегин, остался в стороне от завоевательских походов Чингиз-хана и Тимура. Но это не означает, что он и другие горные государства были абсолютно изолированы от внешних событий. Разумеется, опустошительные походы не могли не оказать отрицательного влияния и на их экономику и политику.

В отличие от других авторов относительно походов Чингиз-хана Д.Н. Логофет утверждает обратное. По его словам, «историки среднеазиатских государств вскользь сообщали, что в XIV веке⁴ все припанджские и припамирские страны были разорены Чингиз-ханом, и долгое время жизнь в них замерла».⁵ Причем, он не указывает этих «вскользь сообщающих» авторов. По-видимому, это его личная догадка.

Дарваз до присоединения его к Бухарскому эмирату (1878 г.) если не считать отдельные моменты, почти всегда сохранял свою независимость. Это подтверждается и русскими дореволюционными авторами. «Если обратиться к несложной истории Дарваза, – пишет Б.Н. Литвинов, – то к удивлению мы увидим, что это крошечное по количеству населения шахство весьма лишь недавно потеряло свою самостоятельность».⁶ Капитан Кузнецов утверждал, что во время

¹ Бартольд В.В. Амударья. Статьи из энциклопедии ислама // Соч. т. III, М., 1965. – С. 320.

² Гафуров Б. Г. Таджики. – С.307.

³ Бартольд В. В. Амударья. – С. 320.

⁴ Здесь автор допускает неточность. Походы Чингиз-хана относятся к началу XIII в.

⁵ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.388-389.

⁶ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир. – С.716.

Тимура Дарваз, точно так же, как и Бадахшан, входил в состав него обширных владений, но управлялся своим ша». ¹ По-видимому, если Дарваз входил в состав империи Тимура, то лишь номинально. Его правители не чувствовали притеснения со стороны Тимура и тимуридов.

Согласно мнению большинства русских авторов, Дарваз пребывал недолгое время под властью бухарского хана Абдуллы, ² который в поисках пути в Индию и минеральных богатств, якобы находящихся в недрах Дарваза, подчинил его своей власти. «Дарваз, — пишет Г.А. Арндаренко, — обманувший ожидания Абдулла-хана найти в нем минеральные богатства, прожить кратчайший путь в Индию, как стремился этот завоеватель, успев построить кирпичные караван-сарай и на пути в Бадахшан, ³ скоро освободился от владычества бухарцев и до позднейшего времени оставался под управлением своих родовых ша». ⁴ Ничуть не сомневаясь в достоверности этого предания, Б. Н. Литвинов указывает, что шахи управляли ханством почти непрерывно весьма долгое время и народная память насчитывает их около 100 человек, пребывавших последовательно на престоле. Так шло до вступления на престол Бухары Абдулла-хана. ⁵ Далее он утверждает, что название дарвазского кишлака «Рабат» происходит от находившегося невдалеке рабата, построенного Абдулла-ханом. Он же, по его словам, упорядочил движение по этому пути, «понастроил караван-сарай и завел шат их-смотрителей». ⁶

Некоторые авторы в своих работах утверждают, что Шо-Киргиз, самый выдающийся государственный деятель в истории Дарваза, является преемником Абдулла-хана. «Из отдаленного прошлого известно, — пишет по этому поводу Г.А. Арндаренко, — что несколько лет Дарваз состоял под управлением наместника предприимчивого завоевателя и искусного администратора бухарского хана Абдуллы — среднего сына его Киргиз-хана». ⁷ Кузнецов указывает даже на степень их родства, «Во время Абдуллахана, владетеля Бухары, т.е. 360 лет тому назад, — пишет он, — Дарвазским ханством владел Ша-Киргиз, на матери которого был женат

¹ Кузнецов П.А. Дарвоз.— С.1.

² Бартольд В.В. Его время правления относится к 1559-1598 гг. См.: Соч. Т. II.— Ч.1.— С.163.

³ Абдулла-хан завоевал Бадахшан в 1584 г.

⁴ Арндаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк) // Военный сборник — Т.154. №11.— 1883. — С.145.

⁵ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. — С.716-717.

⁶ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. — С.716-717.

⁷ Арндаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. — С.145.

Абдулла-хан».¹ О том, что Шо-Киргиз являлся наместником Абдулла-хана, сообщает и С.Д. Масловский.² Но все эти сообщения, связанные с именем Абдулла-хана, кажутся, бесспорно, достоверными только до момента ознакомления с очерком В. В. Бартольда «Таджики», написанного в 1925 году. Указывая на завоевание бухарским ханом Абдуллой Бадахшана, находившегося до его завоевания (т. е. до 1584 г.) во власти тимуридов, он предполагает, что независимыми от узбеков оставались труднодоступные области Дарваз и Каратегин.³ Ссылаясь на сообщения историка XVII в. Махмуда ибн Вели, В. В. Бартольд пишет: «Только в 1047 (1637-38 гг.) узбекам впервые подчинилась крепость в области Хутгалайн Калаи-Хум (главный город Дарваза); во главе узбеков был Бақы-Аталык из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков его брат Шах-Кыргыз, с малых лет, живший при узбекском дворе (в Балхе)».⁴ Данное утверждение является более убедительным, чем мнения других авторов потому, что оно основано на первоисточнике. К тому же сам В. В. Бартольд верно заметил, что в Туркестане предание преднамеренно и традиционно все выдающиеся события склонно относить ко времени Тимура или Абдулла-хана».⁵ Не исключено, что такой подход к событиям повторился и на этот раз. Тем более, что предыдущие авторы в основном опирались на устные сведения местных знатоков истории. Поэтому хронологическая неточность является вполне естественной.

Говоря о деятельности дарвазских правителей, следует заметить, что из дореволюционных авторов смелые предположения в этом направлении делают Г.А. Арендаренко и П.А. Кузнецовым.

Разумеется, их сведения не лишены недостатков и противоречий, прежде всего потому, что они основаны на устных сообщениях местных знатоков истории. Поэтому приведенные ими данные в той или иной степени могут быть недостоверными.⁶ Но это ни в коем случае не умаляет ценности сообщения данных авторов и их заслуги в этом направлении. Арендаренко ограничивается тем, что, перечисляя правителей Дарваза, датирует годы их правления и

¹ Кузнецов П.А. Дарвоз. — С.2.

² Масловский С.Д. Гальча — первобытное население Туркестана (отд. отл. из РАЖ. 1901. №2. — М., 1901. — С.12.

³ Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк. — С.464.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Кисляков Н.А. Ишан — феодал Восточной Бухары // Труды тадж. базы АН СССР — т. IX. — М., 1940. — С.4-6.

насчитывает за период с 1812 по 1876 гг. 7 правителей: Музраб-шо (1812-1822), Шо-Турк (1822-1830), Ибрагим-шо (1830-1837), Султаншо (1837-1845), Исмаил-шо (1845-1863), Шо-Дарваз (1863-1870) и Сироджиддин-шо (1870-1876).¹ П. А. Кузнецов в отличие от Арендаренко не указывает годы правления, а приводит только количество лет правления каждого Ша, тем не менее его сведения являются более подробными. Начиная от Шо-Киргиза, П.А. Кузнецов дает краткую характеристику отдельных Ша (шахов).

По его подсчетам в Дарвазе последовательно правили: Махмуд-шо, Танаи-Фудзя-шо, Махаммедхан-шо, Музраб-шо (вернее Мизроб-шо), Шо-Дарваз, Мансур-хан, Шо-Турк, Мирзоб-шо II, Шо-Сулайман-хан, Ибрагим-хан, Султан-Махмуд-шо, Ахмад-шо, Исмаил-шо, Ибрагим-шо, и последним Сироджиддин-шо, который, потерпев поражение от бухарской армии во главе с Худойназара аталыком, бежал в 1878 году через Ванч в Коканд.²

Согласно мнению большинства авторов, усиление Дарваза относится ко времени правления Шо-Киргиза. П.А. Кузнецов отмечает, что в первое время Шо-Киргизу принадлежали Каратегин, Вахш, Рушан, Шугнан и Вахан. После смерти бадахшанского владетеля Миряр бек-хана Бадахшан присоединился к Шо-Киргизу.³ Здесь нетрудно заметить, что П.А. Кузнецов противоречит сам себе. Вначале он Шо-Киргиза называл наместником Абдулла-хана, а здесь говорит о том, что после смерти Мир-яр бека присоединил Бадахшан к Дарвазу. Если обратиться к фактам, Яр-бек был выдвинут бадахшанским эмиром в 1068 (1657-58 гг.),⁴ т.е. после распада узбекского владычества в Бадахшане, и умер в конце XVII века. Дарваз не мог достигнуть такого могущества, как это как не мог быть наместником Абдулла-хана. Говоря о личных качествах Шо-Киргиза, П.А. Кузнецов сообщает следующее: «Этот шах был человеком воинственным, делал много добрых дел для своих подданных».⁵

О состоянии Дарваза в годы правления преемников Шо-Киргиза мало что известно. По П.А. Кузнецову, после Шо-Киргиза страной в течение 60 лет правил его племянник Махмуд-шо. «В это управление, — пишет он, — Бадахшан, Вахан и Шугнан отделились от Дарваза и управлялись своими ша. С этого времени Вахан и Шугнан платили дань Бадахшану или Дарвазу, смотря по тому, ка-

¹ Арендаренко Г.А. Дарлаз и Каратегин. — С.146.

² См.: Кузнецов П.А. Дарвоз. — С.2-6.

³ Там же. — С.2.

⁴ Об Яр-беке. См.: Таърихи Бадахшан. Фотогр. репродукция. Изд-во Ленинградского университета, 1959, 2а-56; Бартольд В.В. Таджики. — С.464 — Прим. 27.

⁵ Кузнецов П.А. Указ. соч. — С.2.

кое ханство в данное время было сильнее и, кроме того, ежегодно посылали подарки Кокандскому хану». ¹ О годах правления других преемников почти ничего неизвестно. По-видимому, в XVIII веке Дарваз не мог достигнуть такого могущества, как это было при Шо-Киргизе.

Известно то, что в начале XIX века Дарваз считался сравнительно сильным государством. В 20-30-х годах владения Каратегина и Дарваза были объединены под властью дарвазского правителя. ² По словам Б.Н. Литвинова, в 30-е годы попытки правителя Балха Мурад-бека покорить Дарваз не увенчались успехом и, кроме того, привели к ряду завоевательных войн уже со стороны Дарваза. ³ О могуществе Дарваза в эти годы говорит факт содержания правителем значительной армии, по крайней мере по сравнению с войсками его более слабых соседей. ⁴ Но частые феодальные войны, внезапные нападения не всегда давали возможность защищаться. Были и поражения. Например, после завоевания Каратегина кокандским ханом Мадали (1822-1842) его войска во главе с Мухаммед-Шарифом-аталыком двинулись в Дарваз (1839). Владелец Дарваза Султан Махмуд признал себя побежденным. ⁵ Но вскоре Дарваз не только вернул себе свою независимость, но и стал сильным государством.

В годы правления Исмаил-шо (с середины 40-х годов до начала 60-х годов XIX в) значительно расширились владения Дарваза. Власть Исмаил-шо распространилась на Шугнан и Каратегин. Своей резиденцией он выбрал крепость в Тавильдаре. В Калай-Хумбе и Гарме наместниками были его сыновья. Согласно приведенным данным, в годы правления Исмаил-шо дарвазцам посчастливилось не только обратить в наместничество Каратегин с Шугнаном, но и сделать своими данниками (хотя ненадолго) Куляб и Гиссар. ⁶ О том же самом пишет и Б.Н. Литвинов. Он, в частности, указывает: «В период с 1845 года по 1863, в правление шаха Исмаила, Дарваз дошел до апогея величия... В этот период к своим владениям шах Исмаил присоединил сначала Гиссар, Каратегин, затем Шугнан и наконец Куляб». ⁷ Но Дарвазу не удалось долго сохранить свое мо-

¹ Квзнецов П.А. Указ. соч. – С.2.

² История таджикского народа. – Т.II. – Кн. 2 – М.: Наука, 1964. – С.62.

³ Литвинов Б.Н. Указ. соч. – С.716.

⁴ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. – С.465.

⁵ См. там же. Бартольд ссылается на сообщения путешественников Вуда (1837-1838).

⁶ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. – С.146.

⁷ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. – С.717. См. там же: Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина // Об. геогр. топор., и стат. мат. по Азии. СПб, 1888. – Вып. 33. – С.25-26.

гущество и славу. Уже при Исмаиле Дарваз снова сошел до уровня третьестепенного ханства.¹ В результате совместного действия правителя Куляба Сара-бека и правителя Гиссара Абдуль-Каримбека, а также внезапного нападения на Тавильдаринскую крепость им удалось взять в плен Исмаил-шо.² Впоследствии во власти дарвазских ша остался лишь Дарваз. «Последнему дарвазскому (владельцу—Х.П.) ша-Сироджиддину, — пишет Кузнецов, — принадлежали только Калай-Хумб, Ванч, Язгулем, все амлякдарства левого берега Пянджа с Хаганом включительно».³

В годы правления последних ша Дарваз настолько ослаб, что с трудом удерживал свою самостоятельность. В это время он постепенно оказался под влиянием Бухары. По сведениям некоторых авторов, Дарваз в годы правления Сироджиддин-шо находился в вассальной зависимости от Бухары. Г.А. Арендаренко по этому поводу сообщает, что после сильного отпора со стороны Сары-хана, преемники Исмаил-шо, стараясь удержать за собой хотя бы Центральный Дарваз, начинают искать покровительство у эмира Бухарского. Слабовольная политика Сироджиддин-шо привела к тому, что он превратился сначала в вассала эмира, а впоследствии утратил всякую самостоятельность.⁴ «После счастливого похода в Гиссарский край, похода, завершившегося занятием Куляба и Курган-Тюбе, — писал Н. Маев, — Каратегин и Дарваз также признали себя вассалами Бухары, и их владельцы (ша) ежегодно являются «на салям» (т. е. на поклон — Х.П.) к Эмиру».⁵ Ту же самую оценку находим в работах П. А. Кузнецова и Б. Н. Литвинова. «Два последние дарвазские ша,⁶ — пишет П.А. Кузнецов, — были люди слабые, неспособные и чтобы поддержать свою власть, искали помощи у эмира бухарского и хана кокандского, а в благодарность за поддержку посылали им дорогие подарки».⁷ По Б.Н. Литвинову, преемники Исмаил-шо, почувствовав, что Дарваз не может устоять против усилившихся за их счет соседей, наконец, стали искать но-

¹ Литвинов Б.Н. Указ. соч. — С.71: подробнее об Исмаил-ша и о последующих ша см.: Кисляков Н.А. Ишан — феодал Восточной Бухары // Труды Тадж. базы АН СССР. — М.—Л., 1940. — С.5-6.

² См.: Мухторов А. Хисор. Очерки таърихи (охири асри XV — аввали асри XX) — Душанбе: Адиб. 1995. — С.122-123.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз. — С.5.

⁴ Арендаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. — С.146.

⁵ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств // Материалы для статистики Туркестанского края — В.У — СПб, 1879 — С.219.

⁶ По Арендаренко последний дарвазский ша Сироджиддин занял престол после Шо-Дарваза, а по П.А. Кузнецову — после Ибрагим шо.

⁷ Кузнецов П.А. Дарвоз. — С.5.

минальной зависимости от Бухары.¹ В дальнейшем (до 1877 г.) при поддержке царизма одно за другим все независимые владения Восточной Бухары от Ширзбада до Каратегина были силой присоединены к Бухарскому эмирату. Войска эмира под начальством Худой-Назара зимой 1877 г. вступили в поход против Дарваза и на рубеже 1877-1878 гг. после упорного сопротивления горцев, ценой больших потерь, заняли Калай-Хумб.² Дарваз, таким образом, окончательно потерял свою независимость и был превращен в одно из бекств Бухары.

Но жители Дарваза не могли примириться с этим и, как пишет П.А. Кузнецов, «вскоре взбунтовались с целью свергнуть владычество Бухары», Возмущение началось в Мой-Майском амлякдарстве. Худой-Назар-аталыку удалось подавить это восстание близ кишлака Кеврона.³ Но дарвазцы продолжали еще долго сопротивляться, Сам факт, что, опасаясь волнения народа, эмир держал в Калай-Хумбе батальон войск вплоть до падения эмирата, свидетельствует о непримиримости отношения местного населения к бухарскому режиму.⁴ В работах русских дореволюционных исследователей и путешественников имеется немало сведений и по истории столицы Дарваза Калай-Хумба. Согласно их мнению, являясь политико-административным и экономическим центром всего Дарваза на протяжении нескольких столетий, город Калай-Хумб был центром политических интриг, которые непрерывно были между представителями рода ша.⁵ Здесь происходили основные события, оставившие большой след в истории этого края. Как культурный и экономический центр, он сыграл немаловажную роль не только в истории Дарваза, но и в истории всего таджикского народа.

Говоря об истории возникновения города, следует отметить, что некоторые авторы считают его основателем Шо-Киргиза,⁶ другие

¹ Литвинов Б. Н. Через Бухару па Памир. – С.718.

² Там же.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз. – С.5.

⁴ О сопротивлении горцев см.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Таджикгосиздат. 1960. – С.180-184; См. там же: История таджикского народа. – М., 1964. – Т. II. Кн. II, – С.172-173; Кисляков Н.А. Ишан – феодал Восточной Бухары. – С.7.

⁵ О борьбе за власть между представителями из рода Ша. См.: Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. – С. 145-146; Кузнецов П.А. Дарвоз. – С.3-5.

⁶ Отдельные авторы не считают Шо-Киргиза основателем города, а ограничиваются тем, что он назвал столицу Калай-Хумбом. См.: Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (этногр. очерк). – С.145.

называют создателем города Абдулла-хана (например, Б. Н. Литвинов).

П. А. Кузнецов попытался дать более обстоятельное описание истории возникновения города. Он указывает, что до Шо-Киргиза столица находилась в 6 верстах от Калай-Хумба.¹ Шо-Киргиз перенес столицу ханства в устье реки Хумбоу, т.е. в нынешний город Калай-Хумб, где в то время был небольшой садик, впоследствии разросшийся в роскошный тенистый сад. П. А. Кузнецов показали необыкновенной величины чинары, которые, по мнению местных жителей, будто бы посажены самим Шо-Киргизом.²

Взглядов о существовании старой столицы Дарваза придерживаются и в современной науке. Так, академик Б. Г. Гафуров, указывая на политическую раздробленность Мавераннахра в VII веке, говорит о столице Дарваза Каррана, располагающейся, по его мнению, «выше нынешнего Калай-Хумба».³ Учитывая это, можно предположить, что развалины старой крепости, о которых писали дореволюционные авторы, являются ничем иным, как остатками древнего Каррана. К тому же развалины старой крепости находятся недалеко от селения Кеврон. Не напоминает ли название «Кеврон» древний «Карран» (Горан или Хорон)?

Таким образом, опираясь на сообщения русских исследователей и путешественников, можно с полным основанием говорить о Калай-Хумбе, как о городе сравнительно позднего происхождения. Это подтверждается и содержанием следующего четверостишия неизвестного автора:

*Шах, сохт бинои қалъаро дар боге,
Офат нарасад ба мевашт аз зоге.
Таърихи бинои қалъаи Хум кардам,
Дар синаи душманон ниходам «доге»⁴*

¹ Кузнецов П. А. Дарвоз. — С.2; См. там же: Ретель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз // Изв. ИРГО — т. 18. — 1882. Вып. 2. — С. 140-141; См. там же: Кисляков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (Путевые заметки) // Изв. ИРГО — Т. 20. — 1884. — Вып. 6. — С.607. По развалинам. П. Е. Кисляков определил размер крепости — 25 сажень в длину и 20 сажень в ширину.

² Кузнецов П. А. Дарвоз. — С.2.

³ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. С.307; Он же. Истории таджикского народа в кратком изложении. — Изд. 3. — М.: Госполитиздат, 1955. — С.146.

⁴ Маджлисов О. Материалҳои Кишваршиноӣ оид ба таърихи Тоҷикистон. Кисми I — Сталинобод, 1957; См. так же: Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. — Душанбе: «Донш», 1983. — С. 62-63.

т.е.

*Шах крепость построил в саду,
Ворона пусть не принесет плодам его беду.
Когда передаю историю Калай-Хумба,
Тем опаляю (ставлю «доге») я сердце врагу.¹*

В последней строчке стиха буквы слова «доге» (в переводе «палить», «опалять», «спалить»), по абджаду определяют 1015 хиджри (1606-1607), т. е. дату истории возникновения Калай-Хумба.

В работах русских исследователей имеется множество сведений о развитии Калай-Хумба, его строениях и достопримечательностях, его месте в политической, экономической и культурной жизни Дарваза и всей Восточной Бухары.² Анализ совокупности материала, вытекающего из тех событий, приводит к выводу о том, что Калай-Хумб как административный центр Дарваза сыграл исключительно важную роль в его истории. В зависимости от степени могущества Дарваза Калай-Хумб временами считался не только центром Дарваза, но и целого ряда соседних государств, которые попали под власть дарвазских шахов. Калай-Хумб сыграл немаловажную роль в экономической и культурной жизни не только одного Дарваза, но и близлежащих соседей. После присоединения Дарваза к Бухаре Калай-Хумб из столицы шахства превратился в столицу бекства, а его крепость в резиденцию беков, назначаемых бухарским эмиром.

*Россия в исторических судьбах таджикского народа.
— Душанбе: Шарқи Озод, 1998. — С.43-55.*

¹ Подстрочный перевод автора настоящей работы.

² См.: Кирхгоф М.А. Из поездки на Памир // Изв. Туркестан. отд. РГО— Т. III. — Ташкент. 1900. — Вып. II. — С.6; Семенов А.А. Этнографический очерк Зарафшанских гор. Каратегина и Дарваза. М., 1903. — С.15-18; Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир. — С.17-19; Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз. — С.55; Арандаренко Г. Дарваз и Каратегин. — С.145; Громбчевский Б.Л. Путевые заметки, записки, деловые бумаги и др. документы). Архив Географического общества. — Ф. 45. Оп. Й. Д. 6. — Л. 110-120 (более подр. см.: Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. — Душанбе: Ирфон, 1974. — С.52-60 и др.

**ВКЛАД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

**АКАДЕМИК В.В. БАРТОЛЬД – ИСТОРИОГРАФ
ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Наука всегда была и есть главный двигатель общественного прогресса и яркий показатель державной мощи любого государства. Это ярко прослеживается на примере России, давшей миру немало выдающихся ученых различных направлений науки, одним из которых является востоковедение, сложившееся в Российской империи в XVIII в., но свое развитие получившее лишь во второй половине XIX в. Имя В.В. Бартольда стоит особняком в ряду представителей научной мысли страны, посвятивших свою жизнь служению ориенталистике.

Благодаря усилиям В.В. Бартольда, его учеников и последователей лидерство России в этой отрасли науки получило мировое признание в качестве «бартольдовской» школы востоковедения.

В.В. Бартольд, без преувеличения, был и остается самой величественной фигурой в мировой ориенталистике. Хотя диапазон его интересов чрезвычайно широк (он охватывает почти весь Восток), по его же собственному признанию, ученый остается «преимущественно историком Средней Азии», являясь, тем не менее, и основоположником историографии Востока.

Историографический анализ проблем красной нитью проходит через содержание всех его работ. Это ярко прослеживается во введении его первого фундаментального классического труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», где подвергнуты тщательному историографическому анализу все сочинения средневековых авторов, попавших в орбиту научных интересов ученого. Автор их делит на следующие категории:

- а) до монгольского вторжения в Среднюю Азию;
- б) период монгольского нашествия;
- в) период монгольского владычества;
- г) исследования более поздних востоковедов, причастных к изучению данной проблематики.

Причем, В.В. Бартольд с большой скрупулёзностью выявляет их

источниковую ценность для изучения истории Средней Азии до монгольского завоевания. Хотя этот подход для несведущего читателя кажется неуместным, для специалистов ничего странного в нем нет. Ведь В.В. Бартольд отчетливо понимал, что его труд, по сути, является первым фундаментальным исследованием эпохи монгольского нашествия. Поэтому для него одинаково важным было и ознакомление читателей с уровнем исторических знаний; и наличие исторических сочинений, относящихся к предыдущим эпохам, которые остались в стороне от западноевропейской ориенталистики (если не считать германской, в которой ориенталистика как отрасль науки утверждала себя с XVII в.); и взаимосвязь эпохи монгольской нашествия с предыдущими этапами истории региона, факт которой необходимо было проследить хотя бы в историографическом аспекте,

Благодаря такому подходу, ему удалось дать возможность, как специалистам, так и неискушенным в ориенталистике читателям, глубже вникнуть не только в основополагающие события этого периода, но и оценить степень достоверности их отражения в исторических, географических и иных сочинениях. Это особенно важно при освещении истории таджикского народа. Здесь необходимо точно оценить научную достоверность ее изложения в произведениях таких авторов, как Белазури (ум. в 892 г.) «Китаб футух ул-булдон» («Книга завоевания стран»), Яькуби (ум. в 897 г.) «Таърих» («История») и «Китоб ул-булдон» («Книга стран»), Табари (839-923) «Таърих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»), Гардези (XI в.) «Зейн ул-ахбор» («Украшение известий»), Ибн ал Асир (1260-1234) «Ал-комил фит-таърих» («Полный свод по истории»), Абулфазл Байхаки (XI в.) «Таърихи Масъуди» («История Масъуда») и десятка других авторов, отражавших в своих сочинениях основные события, происходившие в регионе до нашествия монголов.

Тот же самый подход наблюдается в исторических сочинениях периода монгольского нашествия и их владычества в Средней Азии. В этой связи уместны слова автора предисловия к первому тому сочинений В.В. Бартольда, известного советского востоковеда И. Петрушевского: «Классический труд великого русского и советского историка - медиевиста В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» бесспорно, является ценнейшим вкладом в историографию восточного средневековья».

Издание этого труда в 1900 г., предвещало то, что на арену мирового востоковедения твёрдой поступью входит русский ученый, которому, к тому же, еще и удастся заложить фундамент историографического изучения данной проблематики.

Хотя историографические приёмы присутствуют почти во всех

работах В.В. Бартольда, наиболее выпукло они проявляются в содержании следующих его тематических исследований:

1) во введениях большинства его работ, либо в самом тексте отдельных исследований. Примером тому могут послужить его работы «Очерк истории Семиречья», «История Туркестана. (Конспект лекции)», «История культурной жизни Туркестана», «Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских», «Очерк истории туркменского народа» ;

2) в цикле статей «Персоналия», независимо от характера изложения (воспоминания, некрологи), посвященных выдающимся востоковедам Н.П. Мелиоранскому, В.Р. Розену, И.Т. Пославскому, К.Г. Залеману, Н.И. Веселовскому, В.В. Радлову, В.А. Жуковскому, Иосифу Маркварту, Томсену и др., ученый с большой теплотой отзывается об их вкладе в российскую и мировую ориенталистику ;

3) В статьях, относящихся к характеристикам отдельных, вновь обнаруженных источников и средневековых исторических сочинений (главным образом, на основе тщательного сопоставления их с другими источниками). К ним относятся: «Новый источник по истории Тимуридов», в котором речь идет о хранившейся в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке рукописи под названием «Таварих-и анбиё ва мулук» («Летопись пророков и царей») ; «Новый источник по истории Хорезма», в котором речь идет об обнаруженной им в 1920 г. в Прусской государственной библиотеке рукописи книги Муллы Бабаджана, сына Худай Бердыбека, проходящего здесь под псевдонимом Санам «Таварих-и Хоразмшахия», «О некоторых восточных рукописях и библиотеках Константинополя и Кипра (Отчет о командировке)» ;

4) в источниковедческих работах, которые занимают одно из главных мест в исследовательской деятельности ученого. Сам В.В. Бартольд по этому поводу пишет: «В области истории Востока, вследствие никем еще не использованного материала, при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов». При этом следует особо отметить, что анализируя тексты источников, он нередко выходит за рамки их роли в развитии исторических знаний периода их составления. Этот историографический приём присущ всем его работам по источниковедению. Это отчетливо прослеживается и его многочисленных статьях, и рецензиях.

В своих отчетах, написанных по результатам научных командировок, давая подробный анализ обнаруженным разновидностям документов, особое внимание он уделит историографическому анализу рукописей исторических сочинений. Среди многочисленных обнаруженных им рукописей, особый интерес представляют

«Фатх-наме» («Книга побед») Шади (XVI в.), «Зубдат ал-асар» (всеобщая история на тюркском языке) Абдуллаха Насруллохи (XVI в.), «Таварих-и гузида-и Нусратнаме» (XVI в.) и «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали (XVII в.).

Хотя в орбиту анализа исторических сочинений В.В. Бартольда вошло множество рукописей, относящихся ко всем средневековым периодам региона, особое место среди них занимают исторические сочинения периода Тимура и тимуридов. Ярким примером тому может служить его статья «Хафиз-и абру и его сочинения», в которой дается обстоятельный анализ таких работ, как: «Джами ат-таварих». «Зафар-наме», «Определение «Анонима Искандера», «Еще об «Анониме Искандера». «Новый источник по истории Тимуридов», хранящемуся в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке сочинению «Таварих-и анбийё ва мулук» («Летопись пророков и царей»), Как позже было установлено источниковедом И. Афшаром, подлинным названием книги является «Таърих-и кабир» (автор Хусейни Язди);

5) историографический приём прослеживается в многочисленных статьях и рецензиях В.В. Бартольда, посвященных как сочинениям средневековых авторов, так и рецензиям на современные ему исторические работы (монографии, сборники статей, научные журналы, деятельность научных обществ), а также опубликованным отчетам научных командировок. То же самое можно сказать и по поводу большей части его статей цикла «Энциклопедия ислама» (в нее входит 246 статей В.В.Бартольда). В этом плане трудно оспаривать историографический характер таких статей цикла, как «Абу ал-Керим Бухары», «Абу ар-Раззак», «Бейхаки Абул-Фазл», «Бейхаки Абул-Хасан», «Гардизи», «Джувайни», «Ала ад-дин», «Ибн Фадлан», «Хафиз-и Абру».

б) в собственных его трудах по историографии: отрадно отметить, что его фундаментальные историографические работы и статьи касательно данного направления составляют все содержание заключительного – IX тома его «Сочинения».

Среди трудов ученого, относящихся сугубо к историографическому направлению его научного наследия, следует особо выделить фундаментальные исследования В.В. Бартольда – «Обзор деятельности факультета восточных языков» и «Историю изучения Востока в Европе и России».

«Обзор деятельности факультета», по сути, является первым специальным, широкомасштабным трудом ученого по истории русского востоковедения. В нем начало повсеместного интереса к восточным языкам связывается с деятельностью Петра I. «В просветительных начинаниях Петра, – пишет В.В. Бартольд, – виден тот же всеобъемлющий гений, как во все его деятельности. Обес-

печивая сближение России с Европой и насаждая в преобразованном государстве европейскую науку. Петр не упускал из виду задач России на Востоке, определяемых ее географическим положением и составом ее населения».

Описывая же историю последовательного внедрения языков Востока в систему образования и науки России, он совершенно справедливо отмечает: «...по понятным причинам, его (Петра I - Х.П.) меры к насаждению в России научного востоковедения в то время еще меньше могли иметь успех, чем указы о преподавании восточных языков для политических и торговых целей».

Такое отношение наблюдается в первые годы деятельности вновь созданной академии. В ее составе «после 1740 г. не было ученых ориенталистов». Там продолжали работать «в качестве переводчиков и преподавателей практические знатоки восточных языков». Это свидетельствует о том, что главной задачей была подготовка переводчиков для торгово-дипломатических целей. Даже после основания Московского университета (1755 г.), «восточные языки в нем не нашли места».

Несколько более благоприятные условия для развития ориенталистики были созданы при царствовании Екатерины II. Касательно преподавания восточных языков, в этот период были приняты некоторые меры к учреждению классов по некоторым восточным языкам при средних учебных заведениях (гимназиях, семинариях и народных училищах) «в местностях с инородческим населением». Только согласно Университетскому Уставу 1804 г., в российских университетах - Москвы и вновь учрежденных Харьковском и Казанском университетах - восточные языки были официально включены в программу университетского преподавания. Но фактически их преподавание «упрочилось в Казанском».

Лишь в конце 20-х годов наблюдаются серьезные сдвиги в утверждении научного направления в русском востоковедении. В 30-е годы в Академии наук и в университетском образовании большое внимание начало уделяться арабскому и персидскому языкам. Однако на более твердую почву ориенталистика встала уже после создания факультета восточных языков при Петербургском университете. «Тем самым было положено начало новому этапу в истории высшего образования в России и в истории преподавания восточных языков в русских университетах».

В.В. Бартольд в данной работе, довольно обстоятельно описывая предысторию и историю существования факультета восточных языков (1854-1919 гг.), освещает его достижения на протяжении действий всех университетских уставов - 1835, 1863 и 1883 гг. Труд этот, по сути, даёт полную панораму истории востоковедения в России.

Его логическим продолжением, выполненным, правда, несколько в иной плоскости, является «История изучения Востока в Европе и России», изданная при жизни автора дважды (СПб., 1911; Л., 1925). История создания этого труда интересна тем, что ординарный профессор В.В. Бартольд с 1905/1906 учебного года начал читать два самостоятельных курса для студентов факультета восточных языков: «История ознакомления с Востоком в Европе» и «История ознакомления с Востоком в России» как вспомогательные курсы. Затем в последующие годы из них вырос общий обязательный курс «Истории изучения Передней Азии и Индии в Европе и России». Этот курс он продолжал вести и в годы Советской власти в Ленинградском университете, а также в Ленинградском институте живых восточных языков (основан в 1920г. и в 1927г. преобразован в Ленинградский восточный институт).

По мере накопления материала В.В. Бартольд счел необходимым переработать курс до уровня фундаментального академического исследования. Этот труд фактически является первым образцом классического исследования по истории Востока в европейской и российской историографии.

Данный труд состоит из двух частей и 20 глав. В них ученый скрупулезно и поэтапно прослеживает историю становления и развития востоковедения в Европе и России.

В.В. Бартольд с досадой и недоумением неоднократно указывает на тот факт, что в Европе долгое время под «всемирной» историей «понимали только не историю европейских народов». «Еще в XIX в.,- пишет он,- высказывалось мнение, что народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова; и что, поэтому, методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока неприменимы». Это утверждение исходило из того, что «до второй половины XVIII в. европейцы, кроме книг Ветхого завета, не знали никаких литературных памятников древневосточной культуры». Далее ученый приводит первые сведения о Древнем Востоке, встречающиеся в Европейской историографии, а также последующих дополнениях к ним, сделанных на основе древних и средневековых рукописей.

Примечательно, что ученый дает широкую панораму истории знакомства Запада с Востоком, взаимовлияния этих культур. При этом он пытается выделить процесс этих взаимоотношений на фоне каждого из народов или стран Востока, которые имели причастность к региональной и мировой цивилизации.

Вся вторая часть данного труда, начиная с XII главы, посвящена освещению истории сношения между Россией и азиатскими странами и широкому обзору трудов русских исследователей по изучению Востока. Центральное место в ней занимает длительный про-

цесс исследования Среднеазиатского региона, как до присоединения края, так и после. Ученый с присущим ему аналитическим подходом выявляет заслуги сотен ученых в научном освещении истории и культуры народов Средней Азии, среди которых таджики не могли быть исключением. Все, кто мало-мальски знаком с нашей историей, хорошо осознают заслуги этого выдающегося ученого, который, по сути, положил начало подлинно научному изучению славной истории нашего народа.

Оценивая научное наследие В.В. Бартольда, стоявшего у истоков сложения историографии истории народов Средней Азии, нельзя не отметить его и как выдающегося теоретика истории.

Хотя при оценке научных заслуг В.В. Бартольда в советской историографии утвердилось мнение об ограниченности его исторической концепции в рамках «буржуазного ученого», который якобы «не смог стать до конца своей жизни на позицию материалистического понимания истории», тем не менее, его видение общих закономерностей исторического развития отбрасывает эти сомнения. Это четко прослеживается в первой главе его главного историографического труда «История изучения Востока в Европе и России».

«В отношении Геродота к своим источникам, письменным и устным, — пишет В.В. Бартольд, — еще не видно никаких признаков научного исследования; Геродот еще не имел представления ни о закономерности исторического процесса, ни о естественной причинной связи между событиями человеческой жизни. Подобно своим предшественникам, он допускает возможность изменения хода событий вследствие непосредственного вмешательства стоящих вне мира сверхъестественных сил». Другими словами, он утверждает ограниченность мышления древних и средневековых историков в рамках провиденциализма.

Материалистическое мышление автора ясно прослеживается и в других его теоретических заключениях. «Вообще по мере успехов востоковедения, — пишет В.В. Бартольд, — все более выясняется, что история Востока может быть объяснена только путем применения тех же научных методов, как и истории Европы; что в истории Востока, как в истории Европы, развитие и упадок культуры объясняются главным образом сближением с другими культурными народами или отчуждением от них; что в этой цепи культурного взаимодействия нет промежутка между «Востоком» и «Западом». Этим определяется необходимость изучения истории Востока для понимания «всемирной» истории, под которую уже нельзя понимать только историю Европы...». Кстати, это и есть веский аргументированный ответ В.В. Бартольда, прямо адресованный последователям абсурдной теории европоцентризма.

Все это и многое другое свидетельствуют о материалистическом

подходе к изучению исторических событий, выявлению их закономерности. Такой подход ясно прослеживается в первой главе первой части его книги «История изучения Востока в Европе и России». Указывая на общность научного подхода ко всем отраслям знаний, он пишет:

«Требования, которым должна удовлетворять каждая отрасль знания, чтобы быть признана наукой, следующие: 1) признание закона причинности и установление причинной связи между отдельными фактами; 2) систематическое расположение фактов, в зависимости от выяснившейся причинной связи между ними; 3) установление объективных признаков достоверности фактов, вошедших в эту систему».

В указанной работе на основе неопровержимых фактов прослеживается процесс накопления исторических знаний на протяжении древнего и средневекового периодов. Причем, он, верно, указывает, что «в области математики, астрономии, географии, естествознания, медицины и философии мусульмане были прямыми учениками греков... Но вообще мусульманская историография развивалась не под влиянием античных образцов, а под влиянием традиции, унаследованных от домусульманской культуры арабов и персов...». Далее, углубляя анализ своего видения, ученый указывает: «Уже в эпоху ислама арабы и персы перешли к формам летописи и повествовательной истории; в конце XIV в. арабский историк Ибн Халдун сделал первую и единственную в мусульманском мире попытку перейти от повествовательной истории к прагматической и установить те принципы, которые давали бы возможность объяснить ход событий всемирной истории и их естественной причинной связи». В этом плане В.В. Бартольд, опираясь на содержание Всемирной истории Ибн Халдуна, указывает на независимость его взгляда от греческих историков. Отмечая «несомненные преимущества» его сочинений перед античными историками, вместе с тем В.В. Бартольд приходит к такому заключению:

«Ибн Халдун был убежден в том, что своей системой исторического построения он создаёт «новую науку». В действительности им только был указан путь, который мог бы привести к созданию такой науки, но этим путем не воспользовались ни последующие мусульманские историки, ни даже сам Ибн Халдун... Ни по стройности расположения материала, ни по степени критического отношения к источникам собственный труд «создателя новой науки» не отличается от обычного типа мусульманских исторических компиляций».

В.В. Бартольд неоднократно утверждал, что «успехи исторического построения тесно связаны с выяснением законов исторического процесса». Осмысление этих законов, по его мнению, сопря-

жено с длительными поисками. Указывая на это, ученый пишет: «Попытка Ибн Халдуна, не нашедшего продолжателей в мусульманском мире, была возобновлена на европейской почве итальянским мыслителем Вико (1876 г.)», который, подобно Ибн Халдуну, назвал свое сочинение «Основания новой науки», но также не был оценен своими современниками.

Далее, прослеживая данный процесс, он указывает на те перемены, которые происходили в исторической науке мирового масштаба. В частности, о попытке в XIX в. создать новую науку о законах развития человеческих обществ, связанную с именем Огюста Конта - «Социология», которая получила права гражданства, о том, что социология «старается определить характер исторического процесса, не касаясь вопроса его смысла и конечных целей. По его убеждению, «решение этого вопроса составляет задачу, так называемой «философии истории». В этом направлении он указывает на влияния Гердера и Гегеля.

Следует отметить, что в его размышлениях о теории истории нет стройного методологического направления, соответствующего рамкам марксистско-ленинской методологии, ставшей определяющей в советской историографии. Во всяком случае, он не указал на свою приверженность данной методологии. Это и стало основанием его причисления к категории «буржуазных» историков.

Гениальность В.В. Бартольда в этом плане заключается в его собственном, непредвзятом подходе к источникам, в его предельной объективности анализа событий, в его приверженности принципам подлинного историзма, что, само по себе, ставит его на высоту той методологии, которую выработало человечество.

Научное наследие В.В. Бартольда и современная историческая наука. (Материалы Республиканской научной конференции). Душанбе, 27 ноября 2009 г.). – Душанбе: РТСУ, 2010. – С.12-24.

А.А.СЕМЕНОВ – ИСТОРИОГРАФ

Александр Александрович Семенов принадлежит к той плеяде ученых-историков, которых в полном смысле слова называют незаурядными специалистами широкого профиля, причем не только в отношении истории и вспомогательных исторических научных направлений, но и наук далеко выходящих за их рамки. В этом отношении факт появления посвященных ему статей известных ученых: А.М. Беленицкого, писавшего о заслугах профессора А.А.Семенова в изучении средневековые минералогии,¹ библиографа Е.К. Бетгера – об участии А.А.Семенова в составлении «Туркестанского сборника» и библиографии к этому многотомнику,² языковеда Б.Н. Ниязмухамедова – о прямой причастности А.А.Семенова к таджикскому языкознанию³ историка Б.Искандарова – о Семенове как о историке,⁴ археолога Б.А. Литвинского и историографа Н.М. Акрамова – о А.А.Семенове как выдающемся востоковеде⁵ и т. д. – не требует излишних комментариев.

С таким же успехом можно и обязательно следует выявлять заслуги этого, поистине великого и неординарного ученого в развитии отечественной археологии, этнографии, источниковедения, литературоведения, нумизматики, каллиграфии, фольклористики, истории религии, культуры и ряда других научных направлений. Только совокупность изучения всех граней его научной деятельности позволяет объективно и достойно определить его место в развитии науки не только нашей республики, но и в региональном масштабе.

Мы же попытаемся, насколько можно лаконично, высказать свои соображения о А.А.Семенове как историографе.

Разумеется, определить, какое из перечисленных направлений имеет в научном наследии ученого приоритетное место, трудно,

¹ Беленицкий А.М. Бадахшанский лал //Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А.Семенова. Труды АН Тадж. ССР – Т. XVII – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953 – С. 25-31.

² Бетгер Е.К. «Туркестанский сборник» и участие в нем А.А.Семенова // Труды АН Тадж. ССР – Т. XVII – 1953. С. 43-47.

³ Ниязмухаммедов Б.Н. О трех работах профессора А.А.Семенова в области таджикского языкознания // Труды АН Тадж. ССР – Т. XVII, 1953 – С. 163-166.

⁴ Искандаров Б.И. А.А.Семенов как историк //Памяти А.А.семенова.– Душанбе: Дониш, 1980 – С. 34-46.

⁵ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. (научно-биографический очерк) – М.: Наука, 1971. –С. 180.

даже исходя из той реалии, что он являлся преимущественно специалистом по средневековой истории. Тем не менее, при более тщательном знакомстве с его условно считавшимися чисто историческими исследованиями нельзя не заметить обязательного присутствия историографического подхода к анализу проблемы. Судя по логике содержания его работ, он считал, что вопрос о степени изученности вопроса должен быть обязательным атрибутом любых серьезных исторических исследований. Этот подход выпукло прослеживается в таких его сугубо исторических исследованиях, как «Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885)»,¹ «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов»,² «Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства»,³ «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии»,⁴ разделы, написанные для «Истории народов Узбекистана»,⁵ «Очерк устройства бывшего Бухарского ханства позднейшего времени»⁶, статьи в «Материалах по истории таджиков и узбеков»,⁷ «Культурный уровень первых шейбанидов»,⁸ «К вопросу о происхождении Саманидов»⁹ и многое другое,

¹ Семенов А.А. Из истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885). По архивным данным. — Ташкент, 1909 — С. 122.

² Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама — Т. 1, « 3 — СПб, 1912 — С. 523-561.

³ Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. // Труды САГУ — Сер. 2. Ориентация — Вып. 1, Ташкент, 1929 — С. 54.

⁴ Семенов А.А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. — Сталинабад, 1944 — С. 46 (на обложке — 1945).

⁵ История народов Узбекистана — Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ташкент, 1947 — С. 426 (А.А. Семеновым написаны разделы по истории феодальных узбекских ханств с конца XV в. до середины XIX в. — С. 27-173).

⁶ Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии — Вып. 2. (Труды АН Тадж. ССР — Т. 25) — С. 25.

⁷ Семенов А.А. К вопросу о происхождении в составе узбеков Шейбанахана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. — Вып. 1. — Сталинабад (Труды АН Тадж. ССР, Т. 12) — С. 3-37.

⁸ Семенов А.А. Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. — № 3 — 1956. — С. 51-59.

⁹ Семенов А.А. К вопросу о происхождении Саманидов // Сб. статей посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности IX-X вв. н.э.). Труды АН Тадж. ССР — Т. 27 — Сталинабад, 1954 — С. 3-11.

нетрудно заметить, что ученый во всех случаях на передний план выводит историографию проблемы, т.е. он, стремясь подчеркнуть уровень изученности вопроса, на этой основе принимался за его углубленный анализ.

Такой подход автора прослеживается и в его работах, имеющих сугубо источниковедческий характер, чаще в предисловиях к переводам источников. К таковым относятся его «Среднеазиатский трактат по музыке Дарвиша Али (XVII век)»,¹ «Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях носителей их в средневековой Бухаре»,² «История Шугнана»,³ в предисловиях и примечаниях к переводам «Каттагана и Бадахшан» Бурхануддини Кушкеки,⁴ к книге Рашид-аддина «Сборник летописей»,⁵ сочинениями Мухаммад Юсуфа Мунши «Мукимханская история»,⁶ Мухаммед Амини Бухари «История Абдулла-хана»,⁷ в его работах по этнографии,⁸ истории религии,⁹ языкознанию, истории культуры и по другим

¹ Семенов А.А. Среднеазиатские трактат по музыке Дарвиша Али (XVIII в.). Сокращенное изложение персидского (таджикского) текста с введением, примечаниями и указаниями – Ташкент, 1946 – С. 87.

² Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях носителей их в среднеазиатской Бухаре // Советское востоковедение – Т. V – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 137-153.

³ История Шугнана (русский перевод с примечаниями А.А.Семенова // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии – г. XXI – Ташкент, 1917. – С. 11-23.

⁴ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского П.П.Введенского, Б.И.Долгополова и Е.В. Левкиевского. Под ред. с предисловием и примечанием А.А.Семенова. – Ташкент, 1926 – С. 248.

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописи – Т. I. – Кн. I. Перевод с персидского Л.А.Хетагурова. Ред. и примечания А.А.Семенова. – М.Л., Институт востоковедения АН СССР. – 1952 – С. 221.

⁶ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история (перевод с таджикского предисловия примечания и указатели А.А.Семенова – Ташкент: АН Узб ССР. Институт востоковедения, 1956 – С. 303.

⁷ Амини Бухари Мир Мухаммед. Убайдулла наме (перевод с таджикского с примечанием А.А.Семенова – Ташкент, АН Узб ССР. Институт востоковедения, 1957 – С. 326.

⁸ См.: Семенов А.А. Отношения к детям горных таджиков. Этнографическое обозрение. Т. 40, № 3 – М., 1899 – С. 99-107; Он же. Из области религиозных верований горных таджиков. Этнографическое образование. – Т. 47 – № 4, М., 1900 С. 81-88; Он же. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903 – С. 112.

⁹ См.: Семенова А.А. Из области воззрений мусульман Средней Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. – Т. I. – № 3. – 1912 – С. 293-321; Он же. Бухарский шейх Баха-

научным направлениям и жанрам, которые так или иначе привлекли интерес ученого.

Но настоящий талант, глубокий профессионализм А.А.Семенова в сугубо историографическом плане проявились при написании им серии статей для первых трех томов пятитомного фундаментального коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», вышедшего в 50-60-х годах прошлого столетия. Эту серию открывает статья «Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X)». Указанная статья и другие (всего 4), помещенные в первом томе «Очерков»¹, согласно общему контексту, последовательно охватывают период вплоть до середины XIX в. Они, по сути, положили начало научного изучения истории исторической науки нашей республики. По мнению ученого, до утверждения крупной феодальной собственности, как основы феодализма (до VII в. н. э.), таджикский народ достиг довольно высокого уровня исторических знаний. В качестве доказательства автор указывает на обнаруженные к тому времени археологические источники, такие как согдийские, хорезмийские и другие документы и высказывает уверенность, что археологи обязательно пополнят наши представления в этом направлении своими новыми находками. Действительно, с момента написания А.А.Семеновым этих строк заметно возросло количество находок, ученые далеко продвинулись в изучении текста «Авесты» и других письменных источников, свидетельствующих о высоком уровне исторических знаний таджиков в древности и раннем средневековье. Но все же для составления полного представления об уровне исторических знаний наших предков этих источников далеко не

уд-дин – 1318-1389 (к его биографии) – По персидской рукописи Восточный сборник в часть А.Н. Веселовского. – М., 1914 – С. 202-214; Он же. Происхождение термезских сеидов и их древняя усыпальница «Султан-Содат» //Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии год XVIII-и – Ташкент, 1914. – С. 3-20; Он же. Шейх Джелал-уд-Дин-Руми по представлению шугнанских исмаилитов //Записки Вост. отд. русск. археолог. общества – Т. XXII, СПб, 1915 – С. 247-256; Он же. Носир-Хусрав о мире духовном и материальном //Сб. Туркестанского восточного института в честь профессора А.Э.Шмидта. – Ташкент, 1923 – С. 124 – 133; Он же. К догматике Памирского исмаилизма. – Ташкент, 1926 – С. 52.

¹ Семенов А.А. Исторические знания у народов Средней Азии и период феодализма (VI-X вв.) //Очерки истории исторической науки в СССР – Т. 1. – М., – 1955. – Изв. АН СССР – С. 41-47. Он же. Историография Таджикистана. – Там же. – С. 153-160; 267-268; 643-645.

достаточно. Причиной тому является проявление безудержного вандализма арабских завоевателей в отношении материальной и духовной культуры нашего народа.

«Гибель памятников среднеазиатской письменности домусульманского периода, – пишет А.А.Семенов, – в значительной мере объясняется фанатизмом арабских завоевателей. Мусульманское духовенство сознательно преследовало и уничтожало письменность покоренных народов, стремясь тем самым глубже внедрить ислам. Поэтому сведения об истории Средней Азии до VI-VII вв. в основном черпаются из вторых рук».¹ Местная культурная традиция и историческая мысль подвергались гонению и в годы арабского владычества.² Именно в это время (VIII-IX вв.) наступил период культурного застоя. Кроме уничтожения и притеснения, этому способствовала и замена местной письменности арабским алфавитом.

Все это привело к тому, что представители персидско-таджикской научной мысли вынуждены были поставить свои знания на службу багдадским халифам, и этим была создана та арабоязычная культура, которая ошибочно носит в трудах зарубежных востоковедов название «арабской».

Основываясь на убедительных аргументах, А.А.Семенов указывает, что только после прихода к власти Саманидов и формирования таджикской народности центр феодальной культуры и науки перемещается из столицы халифата в Среднюю Азию. Этот факт способствовал и увеличению интереса к созданию исторических сочинений.³ Благодаря стараниям местных историков, сближались исторические предания и сведения других народов. На этой почве создавались труды, охватывающие всемирную историю. К таким историческим сочинениям относится труд Абу-Джафара Мухаммед-ибн Джарир ат-Табари (умер в 992-23 гг.) по всеобщей истории. В этом многотомном труде (арабский текст, изданный голландским арабистом, и другими востоковедами в 1879-1901 гг. составляет тринадцать томов) широко использованы старые арабские источники не дошедшие до нас. Сокращенный перевод на таджикский язык и переработка текста саманидским визирем Балъами в четырех томах является самым популярным и распространенным ва-

¹ Семенов А.А. Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X вв.) //Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955 – С. 41.

² Там же. – С. 43.

³ Семенов А.А. Исторические знания народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X вв.). – С. 43.

риантом этого сочинения. Оно служило и служит надежным источником для всех последующих поколений историков, интересовавшихся домусульманской и раннеемусульманской историей.

Следует отметить, что, в отличие от западноевропейских ученых, которые не считали «Шахнаме» Фирдоуси серьезным источником, А.А.Семенов указывает на источниковую ценность этого замечательного творения великого поэта. Он подчеркивает, что при тщательном сопоставлении описанных в художественной форме событий с другими источниками, они окажутся не легендарными, а имевшими место в действительности. В этом случае «Шахнаме» может служить надежным источником по истории Средней Азии до арабского завоевания.¹

Указывая в целом на высокий уровень накопления исторической информации и знаний в эпоху Саманидов, А.А.Семенов в то же время предупреждает исследователей о наличии того негативного отпечатка, присущего феодальной историографии, находившейся под сильным влиянием религиозного догматизма: «Исторические произведения этого времени, — пишет он, — враждебны народным массам, борющимся против арабских завоевателей и насильственного установления ислама. Исторические труды таких авторов, как Табари, Балъами, Наршахи и другие, были проникнуты идеологией ислама. Все события излагались ими с точки зрения интересов правящих династий, при дворах которых эти труды создавались».² Тем не менее, ученый уверен в одном: историография Средней Азии времен становления феодализма «была выдающимся явлением для своего времени. Она иногда во многом опережала современную ей историографию Западной Европы».³

Анализируя состояние исторических знаний народов Средней Азии, главным образом, таджикского народа XI-XVII вв.,⁴ А.А.Семенов указывает, что в этот длительный период они развивались в крайне сложных условиях. Тем не менее, в огромном количестве были созданы разнообразные труды, дававшие хроникальное описание событий, авторы которых, являясь выразителями

¹ Семенов А.А. Исторические знания народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X вв.). — С. 45.

² Там же. — С. 47.

³ Семенов А.А. Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X вв.). — С. 47

⁴ Семенов А.А. Исторические знания народов Средней Азии (XI-XVII вв.) Историография Таджикистана // Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. I. — М., 1955. — С. 153-160.

идеологии господствующего класса, в основном ограничивались восхвалением деятельности правителей, останавливаясь лишь на упоминании проблемы, ставшей объектом повествования, он вместе с тем указывает на источниковую ценность сочинения Мухаммеда бен Али ал-Катиба ас-Самарканди («Примеры строгости при случайностях управления», в котором дается биография разных государей в анекдотической форме), Бейхаки («История Бейхаки»), Гардизи («Зайнул ахбор»), Идриси, Несефи. «Кандин Малая», Муштагири («Летописи Самарканда»), Бируни («Хронология древних народов», «История Индии»), Абурхасана Бен Али («Сиеват-наме») и др.¹

Касательно периода монгольского нашествия и владычества монголов в Средней Азии, указывается на большую информационную ценность сочинений Ибн Ал Асира, Джузджани, Несеви, Джувайни, Рашид-ад-динч и др. Исторические сочинения эпохи Тимура свидетельствуют о развитии традиции составления исторических хроник. Это прослеживается в сочинениях Гиясуддина Али («Дневник похода Тимура в Индию»), Низами ад-дина Шами («Книга побед»).

В середине XV века, несмотря на феодальные усобицы, повлекшие за собой убийство Улугбека, согласно мнению А.А.Семенова, наблюдается расцвет научной мысли, литературы, искусства, создателями которых были в большинстве своем представители интеллигенции из Самарканда, Бухары и других городов Мавераннахра. К ним относятся Хафизы Абру («Сливки летописей»), Абдураззак Самарканди («Восхождение двух счастливых созвездий»), Мирхонд («Раузат-ус-сафо» – «Сад чистоты») и др.

Из сочинений периода управления шейбанидов А.А.Семенов указывает на ценность книги Рузбехана Исфагани («Книга бухарского гостя»), Бинои («Шейбани наме», «Футухоти хони»), Абу-л-хакка («Таърихи Абул Хайр-хони») и др.

Что касается историографии Средней Азии XVII в., то, согласно анализу А.А.Семенова, по мере обострения феодальной и племенной вражды, в связи с постоянными набегами и грабежами кочевников, не появилось ни одного серьезного сочинения. Во всяком случае до нас не дошло какое-нибудь ценное сочинение.²

Говоря о состоянии исторических знаний в XVIII в.,

¹ Семенов А.А. Исторические знания народов Средней Азии (XI-XVII вв.) Историография Таджикистана //Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. I. – М., 1955. – С. 158.

² Там же. – С. 160.

А.А.Семенов указывает, что в этот период Средняя Азия переживала глубокий кризис, и это находит свое отражение в исторической литературе той эпохи. В целом, характеризуя общее содержания работ, он очень лаконично, но точно оценивает их цель и значение. «Они, – пишет он, – вышли из-под пера раболепных и безмерно льстивых придворных историков и все же не могут скрыть политической и экономической разрухи в Средней Азии. К числу таких работ относятся «История Убайдуллы хана» («Убайдулла-наме») Мирмухаммада Амина Бухари, «История Абул Файз-хана» («Таърихи Абул-Файз-хон») Мирмухаммада Тали, посвященные деяниям последних ханов Аштарханидской династии.

Свержение Аштарханидов, приход к власти Мангытов находит свое отражение в придворной историографии. К ней относится труд Мухаммед Вефа-и Керминаги «Ханский подарок» («Гухватул-хони» или «Таърихи Рахим-хони»).

Согласно оценкам А.А.Семенова, историография Таджикистана в первой половине XIX в. в основном продолжала носить типичные черты придворной историографии.¹ В качестве примера он приводит сочинение Мухаммед Шарифа «Тадж-ут-таварих» («Венец истории»), Мулла Ибодулло и мулла Мухаммед Шарифа «Таърихи амир Хайдар» («История эмира Хайдара»), Мухаммед Якуба «Гульшан ул мулук» («Цветник царей»), Мир Алима Бухары «Фатхномаи Султони» («Султанская – книга побед»), Мухаммед Хаким хон «Мунтахаб-ут-таварих» («Извлечение из истории») и др.

Состояние исторических династий таджикского народа второй половины XIX в. А.А.Семеновым анализируется в соответствующем разделе второго тома «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1960 – С. 807-808). Автор увязывает его с присоединением Средней Азии к России, отмечает заслуги Ахмада Дониша, Абул Азима Соми в этом направлении.

Анализ таджикской историографии начала XX в. дается в статье «Историография Таджикистана», написанной А.А.Семеновым в соавторстве с А.Мухтаровым также для третьего тома «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1963 – С. 747-751). Особое внимание авторы уделяют заслугам русских исследователей, таких как Н.И.Веселовский, В.В.Вельяминов – Зернов, В.Р.Розен, М.С.Андреев. Особо подчеркивается роль В.В. Бартольда в изучении истории таджикского народа.

¹ См.: Семенов А.А. Историография Таджикистана (первая половина XIX в.) // Очерки истории исторической науки в СССР. – Т.1., М., 1955. – С. 534-645.

Будучи директором Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, помимо напряженной многоаспектной научно-исследовательской и организационной работы, А.А. Семенов не выпускал из виду и анализ состояния исторической науки республики, о чем свидетельствует содержание текста его доклада (совместно с В.А. Казачковским) «Историческая наука Таджикистана за 25 лет»¹ и ряд серьезных историографических исследований, к сожалению, не увидевших свет и по сей день. К ним относятся «Востоковедение в Таджикистане в аспекте истории, археологии, этнографии и искусства»,² «Историческое востоковедение в Таджикистане»³ и другие, в которых дается анализ как достижений, так и имеющихся упущений в этом направлении, определяются задачи, стоящие перед учеными республики.

Являясь, по сути, одним из основателей важного и определяющего направления в исторической науке – историографии, А.А.Семенов создал надежную школу, через которую прошли и в последствии получили широкую известность в республике и далеко за ее пределами такие ученые, как Б.И.Искандаров, З.Ш. Раджабов, Б.А.Литвинский, А.М.Мухтаров, В.А.Ранов и ряд других его последователей, которые с гордостью преумножали и преумножают славу таджикской историографии.

Роль академика А.А.Семенова в изучении истории таджикского народа // Материалы научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения академика А.А.Семенова (Душанбе. 28 ноября 2003 г.). – Душанбе, 2004. – С.38-48.

¹ Семенов А.А., Казачковский В.А. Историческая наука в Таджикистане за 25 лет // Доклады АН Тадж. ССР – Вып. XII Ташкент, 1945 – С. 9-14.

² Архив НА РТ – Фонд Семенова А.А. – Оп. 1. – Ед. хр. 146. – Л. 1-18.

³ Там же. – Оп. 1. Ед. хр. 150. – Ал – 11-20.

БОБОДЖАН ГАФУРОВ: ОТ ЖУРНАЛИСТИКИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

При определении заслуг известных исторических личностей, волей не волей приходится обратиться к истокам их формирования, к той атмосфере, в которой они родились и выросли, факторы, которые воздействовали на формирования их мировоззрения и становления их профессиональных качеств. Другими словами исследователи незаурядных личностей, независимо от их профессиональных подвигов в том или ином направлении человеческой деятельности, будто в области реформирования общества, политического лидерства, славных достижениях в экономике, социальных вопросов, науки, культуры и т.д., всегда должны исходить из той бесспорной аксиомы, что любая историческая личность является продуктом своей эпохи и в силу вложенного в ней природного аналитического ума, ощущает реалии времени и направляет свою деятельность на решении проблем исходящих из потребностей общества. В этом отношении жизнь и деятельности выдающегося сына гаджикского народа, академика Бободжана Гафурова не может быть исключением.

Появление его на свет совпало к такому времени, когда в Средней Азии всё больше назревала необходимость больших перемен в жизни всех народов региона. Самым влиятельным событием, которое имела судьбоносное значение, являлась победа Октябрьской революции и в связи с ней последующих преобразовательных перемен происходивших в жизни общества.

Разумеется, девятилетний Бободжан несмотря на то, что оказался не по годам серьёзный, не мог разобраться во всей сложности этих политических событий, которые в нем в начале вызвали чувство тревоги. Но, всё же видя радости в глазах односельчан, и всё чаще услышав о том, что утвердилось власть народа, равенства всех и всё передаётся в собственность народа, вдохновлял ему уверенность в завтрашней счастливой жизни. Хотя эта радость не наступила так быстро, как хотелось ему.

Первую радость которую испытал Бободжан связана с открытой в его родном селе Исписаре при железнодорожном вокзале одна из первых советских школ в Ходжентском уезде. Наряду с десятками своих односельчан в объятии новой школы оказался и он. В этом плане его может быть, повезло больше чем других, Хотя бы потому, что в ходе работы при железнодорожной станции, общаясь с русскими рабочими, он, благодаря цепкой памятью и способности научился сравнительно свободно разговаривать на русском языке.

Хотя он числился в ряду преуспевающих учеников, но, не имея материальной поддержки и необходимых средств к существова-

нию, вскоре был вынужден по совету матери и близких продолжать учебу во вновь открытой школе-интернате недалеко от родного селения в Кистакозе. Два года учебы в этом интернате (1922-1924), было для Бободжана Гафурова периодом сравнительно удобной для получения школьного знания.

В 1924 г. по воле необходимости поступил на работу в качестве рабочего-ученика в Ходжентской кондитерской мастерской. Вскоре после завершения строительства средней школы г. Ходжента, он продолжал учебу в ней. Два года учебы (1925-1926) в этой школе, для Бободжана Гафурова являлись определяющими в его судьбе. Окунувшись в настоящее море знаний, он впитывал в себе соответственно степени своей подготовленности, знаний. Но тяготения к гуманитарным предметам явно давали о себе знать. Заложенные в этом ученике аналитические способности, так и торопили его взяться за перо и выложить на бумагу свои соображения по тем или иным вопросам касательно истории и литературы таджикского народа. Но его сдерживало только чувство не подготовленности к такому серьёзному делу, требующему исследовательских навыков. Реальностью было то, что после окончания школы началась та длительная полоса жизни, которая привела его благодаря упорному труду к невиданным высотам научной и государственной карьере.

В 1926 г. школьного комсомольского активиста, 18-летнего юношу Бободжану Гафурова, теперь уже со средним образованием выдвинули на работу в Ходжентский райком ЛКСМ Таджикистана, в качестве заведующего детского бюро, а за тем и культурного пропагандиста. Через два года, в 1928 г. учитывая его прочные знания и организаторской способности, да и потребности Таджикской АССР в профессиональных юристов, Бободжан Гафуров был рекомендован на прохождению высших юридических курсов в г. Самарканде. Следует заметить, что в ходе учебы в Самарканде (1928-1929) он одновременно являясь специальным корреспондентом газет «Овози точик» («Голос таджика») и «Кызыл Узбекистон» («Красный Узбекистан») постоянно печатал статьи по различным злободневным проблемам. Например, только в 1928 году на страницах газеты «Овози точик» были опубликованы такие его статьи как: «Предатели из Исписара», «Злодеяния трёх преступников», «Проделки трёх мошенников», фельетон «Прибыл автомобиль из Ходжента» в которых автор подвергал критике тунеядцев и людей, склонявших к нетрудовым доходам.¹

По окончании курсов в 1929 г. молодой специалист был направлен в распоряжении ЦК КП (б) Таджикистана и был назначен в

¹ См.: Абдуллоев С.А., Хайдаров Г.Х. Великий сын Таджикистана. – Худжанд, 1998. – С.28-29.

начале помощником Наркома юстиции, а затем, заведующим отделом Наркомюста. Этот период его трудовой деятельности совпало с преобразованием Таджикской АССР (находившейся в составе Узбекской ССР), в Таджикской ССР. Другими словами его вступления в самостоятельную трудовую деятельность совпало с началом судьбоносного момента в истории таджикского народа, началом возрождения его государственности после почти тысячелетнего его потери и прозябания под чужеродными кочевыми, сравнительно часто менявшимися династическими представителями. Тогда ему не приходила в голову мысль о том, что спустя всего два десятилетия он станет первым лицом в этой вновь образованной Союзной республике.

В начале 1930 года в его служебной карьере наступил новый серьезный поворот. Учитывая способности точно сформулировать свою мысль по отношению тем или иным событиям, происходившим в новом непростом обществе, твердо взявшем курс на строительство социализма по опубликованным им статей в периодической печати на таджикском и узбекском языках, его назначили редактором республиканской газеты «Кызыл Тоджикистон» («Красный Таджикистан»).

В получение первых навыков журналистского искусства, будучи активным корреспондентом газеты «Овози тоҷик» («Голос таджика») в 1927-1929 гг. Бободжана Гафурова есть и заслуга основоположника новейшей (советской) литературы Садриддина Айни. Усердие молодого журналиста в этом направлении устомом был замечен именно тогда.

На этой казалось для того периода серьезной, да и несколько опасной, с учетом политического обстоятельства полностью подчинившийся ревниво охраняемой революционной идеологии строителей нового социалистического общества, он чувствовал себя более уверенным и полезным. Действительно, аналитическое чутье, природный дар отражать реалии этого сложного переходного периода, в своих статьях, постепенно все больше выделяли его среди других профессиональных журналистов. Это его вдохновляло, и казалось, что он окончательно определил свое направление в жизни.

Но редакторская работа, несмотря на ту уверенность в достижении казалось бы, высшего профессионализма за сравнительно небольшой срок (с апреля 1930 – по июнь 1931 гг.) нахождение в этой должности, окончательно убедила его в обязательном получении высшего образования, чтобы оказаться на уровне общесоюзных ведущих журналистов.

По счастливому совпадению его желания с решением республиканского партийно-правительственного руководства, в 1931 г. был направлен в Москву для учебы в самом престижном в то время ин-

ституте журналистики под названием Коммунистический институт журналистики (КИЖ).

Учеба в институте еще раз убедила молодого искателя высшего знания и мастерства владеть пером Бободжана Гафурова в правильности его выбора не только в отношении к собственно мужественной профессии журналиста – писателя, но ощущения необходимости раскрывать темные пласты богатой истории его родного народа, которую последователи пантюркизма, пытались иначе представлять научному миру и широкому кругу читателей истории цивилизации края.

Слушая лекции ведущих партийных идеологов и мастеров печати, приобщаясь к непосредственной практике центральных издательств «Правды», «Известий» и других газет общесоюзной периодики, этот отличник учебы, портрет которого висел в ряду студентов, ставших гордостью вуза, уже со второго курса, вступившего в ряды членов правящей партии ВКП(б), долгие часы после занятия, проводил в главном общесоюзном книгохранилище – Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, за чтением трудов русских дореволюционных и советских востоковедов. Заложение в их трудах пласты исторических сведений о древней и средневековой истории Центрально-азиатского региона в целом, таджикского народа в особенности по сути определили его главное направление жизни. Читая и перечитывая труды Н.В. Ханыкова, В.В. Григорьева, Н.И.Веселовского, И.Минаева, С.В.Жуковского, В.В. Бартольда и многих других, которые если с одной стороны убеждали его в определяющую роль таджиков в региональной цивилизации, то с другой к осознанию необходимости отстаивания правды истории перед все не ослабевающей пропаганды пантюркистов, да и проявления панисламизма. Он все больше убеждался в том, что именно слабое знание, да и вообще, незнания истории таджикского народа, стала главной причиной долгой спячки в сознаниях его родного народа чувство исторического самопознания.

По мере знакомства он все больше и больше убеждался в их нескрываемой симпатии к истории древних предков таджиков – первоначальных абригенов обитавших на просторах Центральной Азии. Пытливый ум молодого искателя азы журналистики, все больше впитывал в себя ту историческую истину, о том, что именно его народ – таджики, сыграли определяющую роль в древней и средневековой цивилизации региона. Все это больше и больше пробуждала в его сознании необходимость всерьез заняться изучением истории таджикского народа.

Пять лет учебы прошли незаметно. 1935 год, позади постоянные волнения держатся на уровне высшей планки учебных и общественных показателей. Теперь Бободжан Гафуров как дипломиро-

высший специалист, вернулся в родную республику Таджикистан и головой окунулся в будничную суетливую журналистскую и партийно-политическую работу. Хотя казалось каждодневная профессиональная работа, и бесконечная изнуряющая редакторская суета почти не давала возможность Гафурову думать о другом, тем не менее, всегда сознательно и подсознательно его терзало в буквальном смысле этого слова, любым путем находить возможность всерьез заняться исследованием истории таджикского народа. Разумеется, еще он не мог в то время четко допускать мысль о том, что именно эта мечта и станет в скором будущем его главной задачей жизни. Тем не менее, судя по тем данным запечатлевшим его профессиональной деятельности, в публикациях, выступлениях на официальных партийно-правительственных уровнях в то время, часто и недвусмысленно прозвучала мысль о необходимости всерьез заняться исследованием истории таджикского народа.

Бободжан Гафуров все больше и увереннее пришел к выводу о том, что только историческая осведомленность может дать необходимый импульс для развития национального самосознания. Только она даёт возможность понять непростительную ошибку тех национальных представителей, которые не могли сознательно дистанцироваться от заражительного влияния пантюркизма. В результате в ходе работы Комиссии по национально-территориальному размежеванию (1924 г.) в регионе, они, хотя и принимали в ней активное участие, не могли отстаивать свои законные права на те земли, где компактно проживали таджики до проведения этого судьбоносного акта.

Тяга к углублению знания истоков истории родного народа, его ведущее место в древности и средневековья, т.е. периода расцвета феодального общества, все горечи потери своей государственности и унижительного прозябания под властью чужеземных и чужеродных династических управлений, все больше убеждали Бободжана Гафурова в необходимости на сугубо научной основе проследить все перемены, происходившие в длительной истории таджиков до присоединения региона к России и после. Постепенно все больше убеждаясь в огромной заслуге русских востоковедов, не только в изучении истории этого древнего народа, но пробуждения интереса нового поколения ученых к данной тематике. В этом плане знакомство с материалами периодики, являвшиеся органами различных научных обществ, действовавших, в самой метрополии и в Туркестанском генерал-губернаторстве, в которых опубликовались различного рода материалы, от путевых заметок путешественников военных и гражданских ведомств, посетивших край в конце XIX — начале XX вв. до сугубо научных статей, а также с серьезными академическими трудами общепризнанных в научном мире уче-

ных-востоковедов, оказали решающую роль в окончательном формировании научного мировоззрения и выбора его жизненного кредо. Там не менее, по воле обстоятельства, он должен был сочетать ремесло историка с официальными должностями, возложенными на него руководством республики.

Как отмечено выше, не случайно вернувшись в Таджикистан (1935г.) как специалист высшего класса, Бободжан Гафуров был рекомендован в качестве редактора органа ЦК КП(б) республики «Кызил Тоҷикистон» («Красный Таджикистан»). Но вскоре, учитывая его более масштабности политического мышления, разумеется, с учетом требованиям реалии того периода, он был рекомендован к непосредственной работе в аппарате ЦК КП(б) республики. В 1936-1937 гг. работал инструктором Отдела печати и издательства ЦК. На этой должности раскрылся его незаурядный талант организатора. Неслучайно партийное руководство республики рекомендовало его на более высокую партийную должность. Решением Бюро ЦК КП(б) Таджикистана от 2 ноября 1937 г., Бободжан Гафуров утвержден заведующим отделом печати и издательства ЦК КП(б) Таджикистана. Затем, с 1939 по 1940 гг. работал заведующим культпросветсектором ЦК. Работа в этих должностях, по сути, стали его испытанием на профессионально организаторской и идеологической прочности. Сам факт, что после кратковременного прохождения аспирантуры в Институте истории АН СССР (1940-1941 гг.), в апреле 1941 г. был избран секретарем ЦК по пропаганде и агитации, свидетельствует о его незаурядной организаторской способности.

В этой связи следует заметить, что Бободжану Гафурову принадлежит заслуга в организации подготовки первых профессиональных журналистов из числа местных кадров. В июне 1936 г. по его личной инициативе были открыты шестимесячные курсы подготовки редакторов районных газет. 25 специалистов успешно закончившие курсы развернули успешную работу в местных газетах.

Учитывая настоятельное требование заведующего Отдела печати Бободжана Гафурова ЦК КП(б) Таджикистана в 1938 г. принял решение об учреждении двухлетней школы по подготовке журналистских кадров для центральных и районных газет. Принимая самое непосредственное участие в подготовке специалистов, он брал на себя чтение курса лекции по теории истории и практики печатного слова. Не ограничившись этим он продемонстрировал отличное умение воплощения теоретических знаний на практике. Учрежденные им в 1938-1939 гг. таких важных общественно-политических журналов как «В помощь партийным работникам» (несколько позднее выходил под названием «Коммунист Таджикистана») и «Партийный работник», редактирования, которых брал на

себя¹ в полном смысле слова, самый главный и самый общепризнанный журналист республики Бободжан Гафуров, само по себе говорит о непререкаемом его авторитете в республике. Эти журналы, по сути, стали не только флагманами идеологического фронта, но и яркими показателями достижения высококого профессионализма, навыками журналистского искусства в регионе.

Как известно, одним из центральных проблем всех среднеазиатских республик считалась организации мероприятия главным образом, идеологического направления по раскрепощению женщин. Хотя этот процесс набирал силы и с первых лет Советской власти, но контрреволюционное движение, получившее известность как басмачество, существенно тормозило стремления женщин скорее избавиться от этого нежелательного и унижительного для них средневекового атрибута. Оно ярко проявлялось на примере Таджикистана. Разумеется, необходимость направления этого движения в желаемом для общества русле, требовала от идеологического лидера республики непосредственного и самого принципиального участия. Об активности Бободжана Гафурова в этом направлении свидетельствует серия его статей, в частности таких как: «Десять лет и освобожденная женщина», «Усилить борьбу с носителями феодально-байских пережитков в отношении женщин»² и др., в которых подчеркивается способность женщин выполнять самые ответственные задачи стоящих перед обществом. В своей публицистике он всё выпуклее подчеркивал о необходимости всё шире давать возможность женщинам проявлять себя не только в общественно полезном труде, но и доверять им самые высокие руководящие посты.

В своем воображении ограничивать деятельность уже признанного идеолога и ведущего журналиста во второй половине 30-х годов Бободжана Гафурова только этими двумя важными направлениями его деятельности, означает явной недооценки все грани его профессиональной увлеченности. Следует особо заметить, что он в это же время он показал себя как высоко профессиональный педагог и ученый. Своим педагогическим мастерством он прочно вошел в историю высшей школы республики. Чрезмерная перегруженность партийной и журналистской деятельности не помешала ему в 1936 – 1938 гг. вести курс политической экономии в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе и лекции по отдельным периодам истории народов СССР в Сталинабадском госпедин-

¹ См.: Гафаров У. Равшангари таърих. – Душанбе: «Ирфон», 1990. – С.24-25; Абдуллоев С.А., Хайдаров Г.Х. Великий сын Таджикистана. – Худжанд, 1998. – С.31-32.

² См.: Коркуни партияви (Партийный работник). – 1939. – № 10. – С.55-58; Коркуни партияви. – 1940. – № 2. – С.77-85.

ституте им. Т.Г.Шевченко (ныне Таджикский госпедуниверситет им. Садриддина Айни). Именно в это время ознакомившись глубже с историей региона, ему больше овладела страсть к исследованию истории таджикского народа.

Знакомства с выдающимися русскими востоковедами А.А. Семеновым и М.С. Андреевым, работавшими тогда профессорами Среднеазиатского госуниверситета САГУ), определили его главную цель жизни, всерьез и бесповоротно посвятить себя исследованием истории народов региона, главным образом, таджикского народа.

По совету А.А.Семенова он приступил к сбору материала по истории исмаилитов в Таджикистане и для завершения диссертации поступил (в 1940 г.) в заочную аспирантуру Института истории АН СССР. По воле судьбы в качестве его консультанта были рекомендованы известный индолог И.М.Рейснер и большой знаток исламской истории Е.Беляев.

Несмотря на множества должностных проблем, приковавших его внимания в те сложные предвоенные годы, к которым прибавлялись переводы и подготовки к изданию на таджикском языке, теоретические наследия классиков марксизма-ленинизма, в частности первый двухтомник избранных сочинений В.И.Ленина, вышедший под его редакцией, Бободжан Гафуров все же подготовил в намеченный срок и 11 апреля 1941 года в Институте истории АН СССР блестяще защитил свою кандидатскую диссертацию на тему «История секты исмаилитов с начала XIX в. до первой империалистической войны». Хотя тема диссертационной работы ограничена лишь сравнительно поздней историей одного из главных религиозных течений в исламе – исмаилизма, тем не менее, она не могла не пробудить его интерес к истокам мусульманской религии вообще, и ее распространении в Средней Азии в частности. Именно это может быть, усилило его желания понять ход истории таджикского народа доисламского периода.

Хотя само желание организовать и непосредственно участвовать в написании обобщающей работы по истории таджикского народа не только зародилось в его мысли еще намного раньше, но и наблюдались его практические шаги в этом направлении.

В 1936 г. на имя Наркома просвещения Таджикской ССР Абдинова поступила докладная записка. Хотя в ней не значиться фамилия официального составителя, но, судя по материалам научной конференции состоявшаяся в июне того же года в Сталинабаде и доклада известного востоковеда Е.Э.Бертельса автором записки являлся он.

Учитывая важность постановки проблемы стоящей в основу записки, где настоятельно требуется приступать к написанию истории таджикского народа для учащихся средней общеобразователь-

ной школы, уместно привести ее некоторые фрагменты. В документе, отмечая злободневности решения данного вопроса, в частности указывается:

«Необходимость в самое ближайшее время приступить к написанию обширной истории Таджикистана совершенна, очевидна, и доказывать ее едва ли нужно. Однако, несомненно, и то, что на данном этапе почти полное отсутствие подготовительных работ не дает возможности сразу же приступить к составлению такой истории. Обязательным условием, поэтому является проведение большой предварительной работы по сбору материалов и выяснению источников, ибо история эта удовлетворит полным требованием лишь в том случае, если она будет (основываться. — Х.П.) на строго проверенных фактах, а не будет представлять собой беспочвенной схематизации.

Опыт работы по собиранию такого материала уже имеется. Так Институтом востоковедения АН СССР были проведены работы по собиранию материалов по истории Каракалпакии и Туркменистана. Однако, история Таджикистана представляет по сравнению с (этими. — Х.П.) материалами значительно больше затруднения как по обилию имеющихся и доступных нам материалов, так и по крайне тесному переплетению истории таджикского народа с историей, как других народов Средней Азии, так и зарубежных стран Востока.

Сузить круг этих материалов можно было бы только исходя в качестве базы для построения истории на современной территории Тадж.ССР, такое построение методологически было бы неправильно и привело бы к разрыву фактически существовавших связей и невозможно было бы дать полное и яркое изображение всего хода исторического процесса. Правильное построение возможно лишь при соблюдении принципа — дать историю таджикского народа, а не той территории, на котором он в данный момент (имеет. — Х.П.) своё государственное оформление...

Работа такого рода сможет быть выполнена только путем привлечения к ней всех исследовательских институтов нашего Союза, могущих в ней фактически участвовать. Создание такой ассоциации для соблюдения плановости и избежание параллелизма в первую очередь потребует создание организационного центра, который бы объединил всю работу и велось по намеченному плану. Центр этого рода может находиться только в Сталинабаде, ибо только тут он может быть в достаточно тесном контакте с партийными правительственными органами Тадж.ССР, без которого такая работа осуществлена быть не сможет.

Единственным подходящим учреждением для организации при нем такого рода центра могла бы явиться Таджикская база АН. Однако, в настоящем своем виде историко-лингвистический сектор

этой базы взять на себя такую работу безусловно не сможет. Не говоря о крайней малочисленности его состава, перегруженного еще, кроме того, рядом дополнительных нагрузок в его составе нет ни одного специалиста-историка, что конечно, поставить работу методологически правильно не позволит.

Поэтому в случае решения, поручить организацию этой работы базе нужно в первую очередь создать при ней исторический сектор, обеспечить его первое время хотя бы двумя постоянными работниками – заведующим и ученым секретарем, из которых, хотя бы один должен обязательно историком по специальности (хотя и не обязательно историком именно Средней Азии)». ¹ Далее речь идет о задачах сектора и его сотрудников. В частности, учитывая обязательного привлечения специалистов, в документе указывается: «При помощи привлечения специалистов всего Союза составление ориентировочного списка подлежащих использованию источников, в числе которых войдут исторические работы, как на европейском языке, так и источники латинские, греческие, армянские, сирийские, китайские, персидские, арабские, чагатайские памятники художественной литературы, материальной культуры и архивные документы. Только охват всех исторических памятников в самом широком смысле этого слова может гарантировать необходимую в данном случае полноту». ²

Как явствует содержание записки, автор на высоком профессиональном уровне определил контуры будущего учебника, коренным образом отличившегося от других подобных учебников и обобщающих трудов по истории соседних республик. Таким профессионализмом в то время могли обладать кто-либо из русских востоковедов, в данном случае, как отмечено выше, им вполне мог быть Е.Э.Бертельс. ³

В связи с этим, интересен факт, что заметки оставленные на полях страниц напечатанных на машинке стенограммы заседания конференции, которые хранятся в Архиве бывшего Института истории партии при ЦК КП Таджикистана (ныне Институт политических исследований ЦК КП Таджикистана – Ф.4511. – Оп.16. –

¹ Архив Института политических исследований ЦК КП Таджикистана. – Ф.4511.-Оп.16.-Ед.хр.9.-Л.1-2.

² Там же. – Л.2.

³ Этого подтверждает таджикский ученый Г.Ашуров, знакомый с материалами конференции хранившиеся в Партийном архиве Таджикского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Ф.3. – Оп.109. – Д.82. Л.6-12). См.: Ашуров Г. Идеиная борьба вокруг книги академика Б.Г.Гафурова «Таджики» // Наследие предков. – № 6. – Душанбе, 2003. – С.74-75.

(д.хр. – 2), принадлежать Б.Гафурову. Это наводит на мысль, что тогда будучи инструктором ЦК КП(б) Таджикистана (1936-1937 гг.), или может быть несколько позже, когда заведовал Отделом печати и издательства (1937-1939), он проявлял повышенный интерес к мнениям специалистов касательно вопросам разработки истории таджикского народа.

На состоявшейся июне 1936 года конференции кроме ученых Таджикской базы АН СССР, принимали участия ведущие востоковеды из города Москвы и группа историков из Узбекистана во главе с деканом исторического факультета Среднеазиатского государственного университета, профессором В.Я. Яроцким. На конференции, где центральным вопросом конференции являлся выработка сугубо научных принципов написания учебника по истории таджикского народа. Горячие дебаты разгорелись вокруг основного доклада известного востоковеда Е.В.Бертельса по данной проблеме.

В довольно обширных тезисах доклада Яроцкого «Об учебнике по истории Таджикистана для средней и неполной средней школы» и составленного им проекта учебной программы для данной дисциплины (в восьми страницах машинописного текста),¹ в частности недвусмысленно указывается, что при написании учебника следует строго ограничиться лишь историей Таджикистана в пределах нынешней территории республики. Достаточно привести первый пункт его тезиса, что бы понять его злобно предвзятого отношения к истории таджиков. «Любить свою историю, – пишет этот «историк» с пантюркистским взглядом, – значит, прежде всего, знать ее прошлое и настоящее, знать ее историю. Между тем, истории Таджикистана до настоящего времени еще вообще не разработана, а подрастающее поколение не может воспитываться марксистко-ленинского понимания истории в силу отсутствия учебников для средней и неполной средней школы в которых систематически, в хронологическом порядке, излагался бы исторический процесс от времени появления первых обитателей на территории нынешней Тадж.ССР и до победы социализма в республике. Таким образом, первоочередной политической задачей в настоящем этапе является составление учебника, который содержал бы, хотя бы в самых основных чертах и сжатом изложении, рассказ о событиях, происходивших на протяжении всей истории на территории нынешней Тадж.ССР (курсив наш.-Х.П.).»²

¹ Судя по дате вставленной в конце текста его тезиса и приложенной к ним проекта программы – 27 мая 1936 г., можно предположить, что текст выступления и программы Яроцкого было согласовано с официальными властями Узбекистана.

² ПА ИПИ ЦК КП Т. Ф.4511. – Оп.16. – Д.2. – Л.4.

Как видно, автор однозначно предлагает, что при написании учебника следует ограничиться лишь пределами территории Таджикской ССР. Представленная им учебная программа так же исходит из такого желания. Об этом недвусмысленно свидетельствуют формулировки тем включенные им в проекте своей программы. К примеру, такие темы как «Господство Ахеменидов в Таджикистане», «Александр Македонский и Таджикистан», «Господство Сасанидов в Таджикистане (II-VI вв.)», «Завоевание Таджикистана арабами (VIII – IX вв.)», «Общественные отношения в Таджикистане при арабском владычестве», «Тюркские государства (Саманиды, караханиды и карахитаи) и Таджикистан в IX – XIII вв.», «Чингизхан и Тимур и их роль в Таджикистане», «Завоевание Таджикистана Бухарой (70-е годы XIX в.)», «Культура и культурная жизнь в Таджикистане в IX – XVIII вв.»¹ и многие другие, четко указывают на пантюркистский взгляд автора тезисов и составленной им программы.

Следует заметить, что позиция Яроцкого была подвергнута резкой критики отдельных делегатов конференции, но их критика в большинстве случаев не выходила за рамки политических и идеологических, не ни чего общего с принципами подлинного историзма. Этого не мог не заметить, ознакомившись с документами, Бободжан Гафуров. Судя по оставленным им карандашом на полях листов материалов конференции многочисленные заметки, указывающие исправления «Таджикистан» на «Таджикский народ», или например, «...такая абсолютно неправильная и политически вредная концепция существует и сейчас в трудах у многих историков...», и др., он резко отрицательно определяет свое отношение к предвзятой позиции Яроцкого и его единомышленников. Очевидно, такова рода неверно и заведомо предвзятое толкование истории таджикского народа, еще больше усилило желание будущего историка Бободжана Гафурова вплотную заняться ее изучением.

Уже по содержанию первых его более серьезных и цельных книг «Уничтожим паранджу и религиозные предрассудки», «Падение Бухарского эмирата» (в соавторстве),² можно судить, что на авансцену исторической науки Таджикистана твердой поступью выходит сложившийся ученый со своим индивидуальным видением. Это более убедительно подтверждается успешной защитой кандидатской диссертации аспиранта Института истории АН СССР Б. Гафурова на тему «История секты исмаилитов с начала XIX в. до первой империалистической войны» в апреле 1941 г.

¹ ПА ИПИ ЦК КП Т. Ф.4511. – Оп.16. – Д.2. – С. 6-8.

² Гафуров Б.Г., Прохоров Н.И. Падение Бухарского эмирата. К 20-летию советской в Бухаре (1920-1940). – Сталинабад: Госиздат, 1940. – 96 с.

Как видно, хотя широк диапазон его охвата исторических проблем, но правильно заметили члены редколлегии, авторы предисловия к сборнику «Избранных трудов Б.Г. Гафурова», что на рубеже 30-40-х годов в научно-исследовательской деятельности молодого ученого «наметились два направления: изучение истории народов Средней Азии и истории идеологии».¹

В политическом плане сложности момента и во многом противоречивости переходного периода строительства нового, социалистического общества, требовало сосредоточить внимания исследователей к различным историческим проблемам новейшего периода, разумеется, с учетом их соответствии с коммунистической идеологии. Этого требовала и должность официального представителя «идеологического фронта», каким являлся Бободжан Гафуров. Хотя и чувствовалась его большая тяга к серьезному, углубленному исследованию древней и средневековой истории таджикского народа, но все же он вынужден был подчиниться реальной потребности общества в историческом анализе событий первых двух-трех десятилетий XX в., насыщенных столь драматическими и вместе с тем, судьбоносными событиями для народов региона, в том числе и таджикского. Примером может служить книга «Падение Бухарского эмирата».²

За отсутствие местных специалистов, занимающихся анализом происходящих событий в обществе, само обстоятельство вынудила Бободжана Гафурова заниматься этим. Налицо было воздействие историко-пропагандистское слово искреннего идеолога социалистического общества. Хотя некоторые так называемые историки стремятся по иному интерпретировать и своими злобными нападениями принизить саму суть социализма за построение которого не щадили свою жизнь наши деды и прадеды, социализма, которого рухнул из за неумелого руководства его «теоретиков» типа Горбачева. Но нельзя стереть с памяти истории достижения всех народов республик входивших в состав Союза. Бободжан Гафуров всем своим нутром верил в преимущество того общества, за построение которого, если не считать, разумеется, идейных его врагов, боролся вес советский народ. И Бободжан Гафуров, будучи его детищем, в силу своих убеждений и знаний, активно служил новому обществу. Даже, казалось бы, его диссертационная работа «История секты исмаилитов», является сугубо научное исследование не имеющей связи с социалистической идеологии, но знакомства с содержанием

¹ Б.Г.Гафуров. Избранные труды. — М: «Наука»,1985. — С.5.

² Гафуров Б.Г., Прохоров Н.Н. Падение Бухарского эмирата. К 20-летию советской революции в Бухаре (1920-1940). — Сталинабад: Госиздат ТаджССР. — 1940. — 96 с.

работы убеждает о ее мобилизующем значении для последователей секты в строительстве нового общества.

Несколько лет спустя, в подготовленной ученым статье, лежащая затем в основу его доклада на научной сессии Таджикского филиала АН СССР, состоявшаяся 24 апреля 1944 г., касательно исмаилитскому учению, как одно из главных ветвей (шиитской) ислама писал:

«Мы еще плохо знаем направление многих философских и сектантских движений в эпоху арабов. Если глубже изучить эти движения, то мы убедимся, что они были направлены против арабов. Возьмем, например, движение исмаилитов, оно было первоначально целиком направлено на свержение господства арабов. ... Исмаилиты создали мощную организацию, состоящую из 9 ступеней. Поэтому много передовые люди принадлежали к этой секте.

До X века исмаилитизм является знаменем борьбы народных масс за свое освобождение. Особенно интересным периодом в истории таджиков является эпоха Саманидов».¹

Начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. внесла свои коррективы в научно-исследовательские планы всего советского корпуса историков. Как и в других республик, боевая публицистика и военно-патриотическая тематика исследования стали доминирующими и в нашей республике. В соответствии с требованиями военного времени, Секретарь ЦК КП Таджикистана по пропаганде и агитации Бободжан Гафуров больше сосредоточивая внимания над проблемами злободневной публицистики, не мог упустить из виду и исследовательскую работу. О чем можно судить по его статье «Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков»,² и солидная работа «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана».³ Хотя эту книгу по современным меркам можно с натяжкой называть цельным исследованием, но в отечественной историографии по своей значимости оно является первым научным достижением, определившее дальнейшее главное направление исторической науки республики. В этом труде, во главу угла исследования, авторы ставили освещение истории героической борьбы таджикского народа против иностранных захватчиков. Но, основываясь на достовер-

¹ ПА ИПИ ЦК КП Т. – Ф.4511. – Оп.16. – Д.42 (Статьи и доклады). – Л.12.

² Гафуров Б.Г., Прохоров Н.Н. Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков и поработителей // Наше дело правое, враг будет разбит. – Сталинабад, 1942. – С.34-73.

³ Гафуров Б.Г., Прохоров Н.Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1944. – 212 с.

ных источников и мнения известных востоковедов, не менее ярко они осветили основные этапы славного исторического прошлого таджикского народа, его ведущее место в истории региональной цивилизации. Книга, по сути, стала пробным началом будущих фундаментальных исследований Бободжана Гафурова.

Казалось бы, у первого секретаря ЦК КП Таджикистана Бободжана Гафурова, практически время не остается на какую либо серьезную исследовательскую работу. Но выхода в свет первого фундаментального труда «История таджикского народа в кратком изложении»¹ совершенно опровергает данного мнения. Несмотря на все трудности послевоенного периода восстановления народного хозяйства, появление такого содержания и масштаба книги следует считать научным подвигом. Книга во всех отношениях в регионе была первой и образцовой в смысле объективном освещении национальной истории. Она привлекла пристальное внимание, как специалистов, так и широких кругов читателей в масштабе Союза. Об этом свидетельствует тот факт, что за короткий срок выдержала трехкратное издание в Москве (1949, 1952 и 1955 гг.) на русском языке с существенными дополнениями отдельных ее разделов.

Таким образом, издание и переиздания указанного труда, стала, по сути, визитной карточкой Бободжана Гафурова в научных кругах мирового масштаба. Ему принадлежит заслуга впервые выпукло и недвусмысленно определить происхождения таджикского народа смело, выступая против необоснованных, предвзятых мнений пантюркистского толка о якобы происхождения их от персов и арабов. Он более аргументировано обосновал мнения русских востоковедов о переселении в древности из Средней Азии на иранскую территорию иранских племен. «Обособление восточных иранцев Средней Азии (предков таджиков), – пишет ученый, – от западных иранцев (предков персов) произошло, таким образом, в глубокой древности, задолго до нашей эры. Конечно, наряду с обособлением западных и восточных иранцев имел место и процесс их культурного взаимодействия, тем более значительного, что таджики и западные иранцы этнически и по языку родственны друг другу. Однако это не дает никаких оснований среднеазиатских иранцев (таджиков) смешивать в историческом и культурном отношении с западными иранцами (персами)...

Таджикский народ имеет свою собственную и независимую от персов культуру, свои культурные традиции, свою историю».²

¹ Гафуров Б. Таърихи мухтасари халқи тоҷик. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1947. – 384 с.

² Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. третье, исправленное и дополненное. – М.: Изд.полит. литературы, 1955. – С.33-34.

Разумеется, за прошедшее время после «Краткой истории таджикского народа» Бободжана Гафурова, отечественная историческая наука далеко шагнула вперед, и к тому имел непосредственную причастность этот выдающийся историк. О чем ярко свидетельствует выход в свет монографии ученого «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история»,¹ выдержавшей нескольких изданий в республике и в переводе в ряде зарубежных государств, «Александр Македонский и Восток»² и множество других работ касательно различным проблемам истории зарубежного Востока. Выход каждой из его книг, также организованные по его личной инициативе Международных симпозиумов, конференций все больше убеждали современников о невообразимой широте его научного мышления и организаторского таланта. Благодаря его неустанному труду и незаурядной организаторской способности за более двух десятилетий (с 1956 по 1977 г.) своей работы в качестве директора Института Востоковедения АН СССР, это малозаметное научное учреждение было превращено в одном из крупнейших в мире центром востоковедения.

Вот уже более трех десятилетий нет среди нас выдающийся государственный деятель, ученый и организатор науки Бободжан Гафуров, но чем больше отделяет время его от современных и грядущих поколений, тем ярче ощущается его исполинская фигура в истории таджикского народа XX-го столетия.

В настоящее время, когда завершается процесс выхода в свет всего 6-томного фундаментального труда «История таджикского народа», в подготовке которого участвовали ведущие специалисты (увидели свет три тома, остальные будут изданы в ближайшее время), написаны также немало обобщающих и тематических работ, еще выпуклее ощущается значимость научного наследия академика Бободжана Гафурова. Они в своей совокупности все яснее и ярче продемонстрируют величие подвига академика Б.Гафурова стоявшего в истоках подлинно академического направления в нашей отечественной историографии.

Б.Гафуров – выдающийся исследователь истории Центральной Азии // Сб. матер. между. конфер. (24 декабря 2008 г. г. Душанбе). – Душанбе: Дониш, 2009. – С. 49-64.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 664 с.

² Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. – М.: Наука, 1980. – 456 с.

Б.Г.ГАФУРОВ – ИСТОРИОГРАФ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

При бесспорном сохранении за собой пальмы лидерства среди советских исследователей дореволюционной истории Центральной Азии академик Б.Г.Гафуров оставался также непревзойденным историографом данного региона.

Знакомство с бессмертным наследием этого выдающегося ученого легко приводит к убеждению в своеобразном его подходе к освещению исторических проблем. Эта своеобразность заключается в том, что помимо чувства предельной осторожности и ответственности при использовании источников, сопоставлении фактов, абсолютной непредвзятости в их интерпретации, неуклонное придерживание принципа историзма, просматривается обязательное присутствие историко-историографического анализа проблем, входивших в орбиту его исследования.

Такой подход позволял автору всегда предельно точно определить степень изученности вопроса, актуальности поднятых проблем и тем самым находить особо важные их грани, способствующие существенно продвинуть рамки исследуемых вопросов, углубить теоретические, да и практические выводы. Благодаря этим качествам, труды академика Б.Г.Гафурова не только сохраняют свою устойчивость, незыблемость заключения на века, но и служат своего рода твердым фундаментом и путеводительной основой в изучении истории центрально-азиатских стран и народов.

В этом плане блестящий талант и необыкновенная эрудиция Б.Г.Гафурова, проявившейся в первых академических работах: «Падение Бухарского эмирата» (Сталинабад, 1941 г.), «История секты исмаилитов» (ставшей основой его кандидатской диссертации в 1941 г.), «Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков и поработителей»,¹ «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины»² более ярко проявляются во всех изданиях его фундаментального труда «История таджикского народа в кратком изложении».³

¹ Гафуров Б., Прохоров Н. Борьба таджикского народа против чужеземных захватчиков и поработителей // Наше дело правое, враг будет разбит. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1942. – С. 34-73.

² Гафуров Б. и Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана. – Сталинабад: Госиздат, 1954. – С. 212.

³ Гафуров Б. Таърихи мухтасари халки тоҷик. – Чилди I. – Сталинобод. Госиздат, 1947. – С. 384.: Его же История таджикского народа. В крат-

Эта работа как бы завершает формирование Б.Г.Гафурова как крупного ученого со своим завидно заметным почерком. Характер его подхода к освещению многосложных проблем истории таджикского и других народов Центральной Азии. Историографический анализ поднятых вопросов позволяли автору определить приоритетные направления в изучении истории региона.

Вышеупомянутые труды не только познакомили автора с обширной международной аудиторией специалистов и читателей, но и стали своеобразным маяком, побудившим исследователей соседних республик взяться за фундаментальное освещение истории своих народов. Не случайно именно вторая половина 40-х и 50-х годов стала периодом интенсивного исследования дореволюционной истории народов и государств региона.¹ В этой связи нельзя не заметить, что при написании этих работ авторы в основном придерживались Гафуровской схемы изложения в «Краткой истории таджикского народа». Это явное подражание свидетельствует о его бесспорном авторитете и влиянии в научных кругах. Хотя об этом преднамеренно предпочитают умалчивать историки соседних стран.

Оставаясь верным принципу совмещения историографического подхода в освещении исторических проблем, Б.Г.Гафуров в своих дальнейших исследованиях поднимает его на качественно новый уровень. Это выпукло прослеживается в трехтомном коллективном труде «История таджикского народа» (в 5 книгах, вышедших в Москве в 60-х годах), который был подготовлен при непосредственном участии и руководстве ученого. Этот принцип наивысшее проявление получил в его классическом труде «Таджики».²

Излагая историю таджикского народа в тесной связи с историей народов всего региона, автор больше склонен дать анализ имеющейся литературы с оценкой роли того или иного автора в освещении проблемы, объективности их выводов на фоне вновь обнару-

ком изложении. – Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. М.: Госиздат, 1949. – С. 476.: 2-е издание Исправл. И дополн. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 503. Библиограф. – С. 458-495; 3-е изд., исправл. И дополн. М.: Госполитиздат, 1955. – Библиограф. – С. 492-538.

¹ См. Историю народов Узбекистана. – Т.1. С древнейших времен до начала XVI в. – Ташкент, 1950; Т.П. – От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции – Ташкент, 1947; История Казахской ССР. С древнейших времен до

² Октябрьской социалистической революции. – Т.2. – Алма-Ата, 1957, История Туркменской ССР. С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции – Т.1, – Ашхабат, 1957 и др.

женных источников, главным образом археологических открытий. Масштабность сопоставительного материала придает работе сугубо академический характер и открывает широкий простор для глубины анализа суждений и тем самым для выявлению тех граней исследования, которые проливают свет на наиболее темные и малоизученные отрезки отечественной истории.¹

Такой подход продиктован тем, что академик Б.Г.Гафуров, будучи руководителем всего корпуса Советского востоковедения, ставшего в годы его пребывания на должности директора Института востоковедения АН СССР (с 1956 до конца жизни) в одном из крупнейших международных центров комплексного исследования истории, социально-политической и культурной жизни стран и народов Азии и Африки, всегда оберегал лучшие традиции российской и советской востоковедческой школы, не допускал малейшей предвзятости в отношении к истории региона и востоковедения в целом.

В этой связи нельзя не заметить присущих Б.Г.Гафурову не только ярко выраженное чувства патриотизма, гордости и любви к своему народу, но и не менее повышенного чувства интернационализма, большой симпатии к соседним народам, к их истории. С одной стороны, он как бы выделяя роль таджикского народа в истории Центральной Азии, его место в развитии региональной и мировой цивилизации, в то же время с максимальной объективностью уделяет внимание определению места соседних народов в общем водовороте событий и с предельной осторожностью на сугубо научной основе прослеживает процесс формирования этих народностей, их этногенеза, переплетение их судеб на том или ином этапе исторического процесса.

Принципа историографического подхода в известной степени придерживается автор в своем последнем труде «Александр Македонский и Восток».² Этот своеобразный почерк академика Б.Г.Гафурова не трудно заметить и в других его работах, посвященных множеству различных проблем истории и культуры народов Центральной Азии.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. — С. 664. О необычайной широте источниковой и историографической базы настоящего исследования свидетельствует приведенный в работе список цитированных источников и литературы (С. 586-628), который далеко не исчерпывает всех работ, использованных автором. В книге, помимо этого, дается и развернутая характеристика источников (С. 581-585).

² Гафуров Б.Г. Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980. — С. 460

Причем, автор не ограничивается только исследованием дореволюционной истории региона, но и по долгу службы углубленно занимается проблемами, связанными с новейшей истории развивающихся стран Азии и Африки. Оставаясь приверженцем идеи независимости и самоопределения стран и народов этих континентов, Б.Г.Гафуров неустанно призывал содействовать приобретению им подлинной независимости во имя процветания этих стран в будущем. Это особо выделяется в его работах: «Дни колониализма сочтены»,¹ «Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения».² В этих работах автор не только освещает исторический процесс 50-70-х годов, определяющей особенностью которого является крах колониализма, но и на этой основе определяет реальный путь освободившихся стран в будущем. Вскоре сама жизнь показала, насколько пророческими были предположения автора о полном крахе колониальной системы и возможности проведения неоколониальной политики ведущих капиталистических держав в отношении стран и народов этих континентов.

Анализу исторической реалии 60-70-х годов и место Азии в ней посвящено немало книг, статей и докладов, в которыми академик Б.Г.Гафуров выступал с самых высоких трибун международных совещаний, форумов, симпозиумов, конференций, на которых автор, неизменно защищая интересы и чаяния народов, гордо избравших путь независимости и процветания, определяет актуальные проблемы, требующие углубленного изучения и перспективы дальнейшего их исследования.³

¹ Гафуров Б.Г. Дни колониализма сочтены. — М.: Соцэкгиз.

² Гафуров Б.Г. Актуальные проблемы современного национально освободительного движения развивающихся стран Азии и Африки. — М.: Главная редакция восточной литературы. 1976. — С. 279.

³ См.: Гафуров Б.Г. Октябрьская революция и национально-освободительное движение. — М.: Мысль, 1967. — С. 151.; Его же. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение. — М.: Прогресс, 1972. — С. 126. (на арабском яз.); Его же. Колониальная политика США в странах Азии под маской экономической «помощи» // Проблемы востоковедения. — М.: 1959. № 1. — С. 26-36; Его же. К истории национально-освободительного движения в Азии. // Великий Октябрь национально-освободительное движение народов Азии и Африки и Латинской Америки // Международная конференция. — Баку, 1967. — М., 1969. — С. 75-85; Его же в соавторстве с Гороховым А., Захаровым Ю. и др. Внешняя политика Советского Союза. — Актуальные проблемы. — М.: Международные отношения, 1973. — С. 199. Его же Великий катализатор национально-освободительной

Академик Б.Г.Гафуров не только ограничился попутным историографическим освещением событий в своих трудах, носящих в основном исторический характер, его перу принадлежит не мало работ, носящих историографический характер. Среди них особо выделяется «Изучение цивилизации Центральной Азии», написанная совместно с Л.И. Мирошниковым.¹ В работе дается обширный историографический анализ истории Центральной Азии, сыгравшей немаловажную роль в истории мировой цивилизации. Причем авторы с чувством благодарности приводят основные работы, посвященные изучению истории региона на том или ином этапе его развития, и стремятся в лаконичной форме определить заслуги более заметных авторов, причастных к изучению края. Указывая на необычайно важное значение изучения древней и средневековой истории Центральной Азии для науки, авторы задались целью проследить историю постепенного расширения сведений и накопления соответствующего материала для освещения ее истории.

Согласно мнению авторов, первые наиболее достоверные сведения о Центральной Азии, появившиеся в Европе относятся к периоду завоевания региона Александром Македонским. Географические познания Центральной Азии несколько расширились лишь к началу II века н.э., когда римские купцы по Великому шелковому пути через Мерв и Кашгар проникли в западные пределы Китая. Полученные ими сведения нашли отражение в «Географии» Птолемея, представлявшей собой вершину географических познаний древней Европы об Азии. О жизни народов Центральной Азии в древности и раннем средневековье знали лишь их соседи и пришедшие в качестве завоевателей арабы, хотя их сведения стали достоянием мировой науки лишь много веков спустя.²

Что касается восточных источников или же сведений, то наиболее ценными является отчет Чжан Цаня, посетившего Среднюю Азию в конце II в. до н.э. и буддийского монаха Сюань Цзяня, путешествовавшего в первой половине VII в. через Среднюю Азию и Афганистан в Индию. Авторы не без основания считают, что монголо-татарское нашествие способствовало установлению более тесных контактов между Западом и Востоком и новому открытию европейцами Азии. Далее в работе последовательно приводятся

борьбы. // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1977. – № 9. – С. 23-36 и др.

¹ Гафуров Б.Г. Мирошников Л.И. Изучение цивилизации Центральной Азии (Опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО). – М., Наука, 2976. – С. 126.

² См.: Гафуров Б.Г. Мирошников Л.И. Изучение Центральной Азии. – С. 6.

сведения наиболее известных путешественников, посетивших край и оставивших описания своего путешествия и впечатления об увиденном. К их числу относятся: посол короля Франции Людовика IX Фламандер Гийом де Рубрук (1252-1255), Марко Поло (1271-1295), Рюи Гонзалес де Клавихо, совершивший в 1403-1404 гг. путешествие в Самарканд ко двору Тимура.

С захватом турками-османами Константинополя (1453) и с закрытием Великого шелкового пути в Азию, а затем и открытием морских путей в Индию и на Дальний Восток Центральная Азия оказалась в стороне от мировых торговых коммуникаций. Экономические и торговые пути обходили ее с юга и с севера. Изоляция от остального мира и усилившаяся феодальная раздробленность способствовали экономическому и культурному упадку региона в XVI-XVII вв.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что политические и экономические контакты других стран и народов с Центральной Азией полностью прекратились. Они становились и развивались на новой основе, исходя из новых реалий международных и межгосударственных связей.

На арену международных отношений твердой поступью приходит Россия. Хотя торгово-посольские контакты между Русью и центрально-азиатскими государствами существовали и намного раньше, начиная с VIII в. но по-настоящему они были установлены после свержения монгольско-татарского господства и создания Русского централизованного государства. Этому содействовало занятие русскими Казани в 1552 г. и Астрахани 1554 г., а также последующее освоение казаками Западной Сибири.

В упомянутой работе Б.Гафурова и Л.И.Мирошникова дается довольно лаконичное описание основных моментов, сыгравших положительную роль в укреплении торгово-посольских контактов между Россией и государствами Центральной Азии. Проводятся сведения о взаимном обмене послами и торговыми караванами, начиная от официального визита в Среднюю Азию русского посла англичанина Дженкинсона в 1557-1558 гг., кончая исследованиями края русскими ориенталистами начала XX в.

В работе четко прослеживается последовательное расширение научной информации о Центральной Азии, в котором ученый мир всецело обязан русским исследователям. Высокий профессионализм, присущий авторам, проявленный в историографическом анализе процесса изучения региона, позволяет им выделить и соответственно оценить заслуги таких выдающихся русских исследователей, как: Ф. Беневени, Е.К.Мейендорфа, Н.В. Ханыкова, Н.Я. Бичу-

рина, В.Р.Розена, И.В.Мушкетова, П.П.Семенова-Тян-Шанского, В.В.Григорьева, А.Л.Куна, А.П.Федченко, И.П.Минаева, В.П.Наливкина, В.В.Радлова, Н.И.Веселовского, В.В.Вельминова-Зернова, К.Т.Залемана, В.А.Жуковского, В.В.Бартольда, С.Ф.Ольденбурга и многих других. В работе упомянуты все ассоциации, общества, кружки, организованные экспедиции, целью которых было разностороннее изучение Центральной Азии, отмечена их роль в изучении региона. Следует заметить, что авторы, не умаляя заслуги ученых европейских стран, недвусмысленно отдают предпочтение русской ориенталистике, и особо отмечают ее бесспорно, ведущую роль в изучении Центральной Азии.¹

В работе особое внимание уделяется истории появления и становления термина «Центральная Азия». Авторы с интересом прослеживают мнения отдельных исследователей, их роль в определении термина «Центральная Азия», получившем широкое распространение в географической литературе, начиная с середины XIX в. Согласно их мнению, начало распространению данного термина положила книга известного географа и путешественника Александра Гумбольдта «Центральная Азия», изданная в Париже в 1843 г.,² где автор впервые пытался определить границы Центральной Азии и дать им научное обоснование. Под Центральной Азией А.Гумбольдт подразумевал части Азиатского материка, отстоящие на пять градусов к северу и югу от 44,5 градусов северной широты. На запад этот район простирался до берегов Каспийского моря. Но ее восточные границы не были определены.³ Следует заметить, что через тридцать лет другой немецкий исследователь Рихтгофен предложил новое определение Центральной Азии, в основу которого положил геологический принцип.

В русской научной литературе термины «Центральная Азия» и «Средняя Азия» применялись также, начиная с середины XIX в. Причем авторы высказывают предположение о том, что термин «Средняя Азия» появившийся и утвердившийся в России в первой трети XIX в, может перешел в европейскую науку из восточных источников и переводился на западно-европейские языки как «Центральная», а на русский как «Средняя Азия».⁴

¹ См.: Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И. Изучение цивилизации Центральной Азии. — С. 10-28.

² Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и сравнительной климатологии (рус. перев. с фран.). М., 1915.

³ Там же. — С. 14-15.

⁴ Гафуров Б.Г. Мирошников Л.И. Изучение цивилизации Центральной Азии. — С. 12.

Приведя различные мнения русских исследователей по данному вопросу, авторы указывают, что в его определении наиболее весомым является мнение И.П.Мушкетова, высказанное им в своей работе «Туркестан»,¹ в которой он посвятил разбору значения терминов «Центральная Азия», «Внутренняя Азия», «Туркестан» и др., всю первую главу, названную «Средняя Азия и Туркестан». По мнению авторов, работа И.В.Мушкетова как бы подводит итог дискуссии о содержании терминов «Центральная Азия», «Внутренняя Азия» и «Средняя Азия», употреблявшихся в научной литературе XIX в. для наименования внутренних областей Азиатского материка. Термин «Средняя Азия» употреблялся «в широком понимании как синоним «Внутренней Азии» (или гумбольдтовской «Центральной Азии») и в более узком, когда заменял собою имевший преимущественно политическое значение термин «Туркестан».²

Авторы не без основания пишут, что вторая половина XIX столетия характеризуется невиданным ранее размахом и интенсивностью изучения Внутренней и Средней Азии. В этом особая роль принадлежит русским. Для этой цели были организованы экспедиции, созданы различные общества, ассоциации, кружки и т.п.³ Географические экспедиции обычно включали в программу своих наблюдений и исследований этнографического, статистического и историко-культурного характера. Отмечается особая роль Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении, созданная на Гамбургском международном конгрессе ориенталистов в 1903 г. По инициативе русских исследователей во главе с В.В.Радловым, возглавлявшим Русский комитет в Петербурге.

Отсутствие специалистов, да и официальных научных учреждений в регионе сделали Центральную Азию объектом изучения европейских специалистов. Полноправными участниками изучения собственной истории и культуры ученые региона стали лишь в годы Советской власти.

¹ Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг. – Т.1. СПб, 1886.

² Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И. Изучение цивилизации Центральной Азии. – С. 15. Следует отметить, что почему-то мнение участника посольства А.Ф.Негри в Бухару в 1820 г., Е.К.Мейендорфа о географическом определении Средней Азии остается незамеченным. См. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. – С. 58-60.

³ См.: Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И. Указ.соч. – С. 16-28.

К числу историографических работ академика Б.Г.Гафурова следует отнести такие его работы: «Глубже изучать богатое историческое прошлое таджикского народа»,¹ «Состояние и задачи советского востоковедения»,² «Актуальные задачи советского исследования»,³ «50 лет советского востоковедения»,⁴ «150 лет отечественного востоковедения»⁵ и др. Эти работы, как явствует из их названия, посвящены современному состоянию востоковедения, его основным задачами приоритетным направлениям в изучении проблем, касающихся новой истории региона.

Академик Б.Г.Гафуров как ученый и организатор науки масштабно смотрел на перспективы изучения Центральной Азии. В целях комплексного изучения истории и культуры региона, используя свой авторитет, он стремился втягивать в этот процесс международные научные учреждения и общества. В 1957-1966 гг. Б.Г.Гафуров принимал активное участие в работе по осуществлению основного проекта ЮНЕСКО «Взаимное признание ценности культуры Востока и Запада» (Проект «Восток-Запад»). Будучи председателем Советского комитета «Восток и Запад», он выдвинул предложение о включении в работу ЮНЕСКО темы «Изучение цивилизации Центральной Азии». В этом плане ученому удалось развернуть широкомасштабные исследования в рамках ЮНЕСКО. Для этой цели географические рамки «Центральная Азия» несколько были расширены. Кроме советских республик, в нее были включены Афганистан, Западный Пакистан, Северная Индия, а также восточная часть Ирана.

На международном совещании экспертов по Центральной Азии, проходившем с 24 по 28 апреля 1967 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже при участии представителей Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана и СССР. Являвшиеся основателями нового проекта ЮНЕСКО, а также востоковеды из Англии, Норвегии, Франции и Чехословакии, по инициативе Б.Г.Гафурова был принят проект программы и утверждена тематика приоритетных направлений в изучении цивилизации Центральной Азии. На совещании экспертов были уточнены формулировки и приняты для исследования следующие проблемы:

¹ Труды таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад, 1945. – Т. 21. Наука в Таджикистане. – С. 16-20.

² Гафуров Б.Г. Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС. (Доклад на Всесоюзной конференции востоковедов). Ташкент, 1957. – С. 50.

³ Вестник АН СССР. – 1957, – № 9. – С. 13-54.

⁴ Вопросы истории. – 1968, – № 1. – С. 56-63.

⁵ Азия и Африка сегодня. – 1970. – № 4. – С. 6-11.

1. Археология и история Центральной Азии в Кушанской период.
2. Искусство Центральной Азии в эпоху Тимуридов.
3. Вклад народов Центральной Азии в развитие науки (IX-XIII вв.).
4. Литература народов Центральной Азии.
5. История идеи и философии Центральной Азии.

Даже поверхностный перечень тем, принятых для исследования, свидетельствует о чрезмерной обширности плана изучения Центральной Азии.

Взявшись за скорое осуществление этой программы, Б.Г.Гафуров стал инициатором проведения ряда крупных мероприятий. В частности в 1968 г. в рамках проекта под председательством Б.Г.Гафурова состоялась международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. Он выступил о докладом «Кушанская эпоха и мировая цивилизация», и привел немало аргументов о взаимовлиянии культур народов региона и соседних государств. В 1970 г. в Самарканде состоялась Международный симпозиум по искусству эпохи Тимуридов. В 1972 г. в Ашхабаде была проведена международная конференция, посвященная социальному и культурному развитию Центральной Азии в XIX-XX вв., где Б.Г.Гафуров выступил с докладом «Основные этапы историко-культурного развития Центральной Азии». В своих выступлениях он всегда ставил концептуальные проблемы, определяющие главные направления, требующие безотлагательного исследования.

Среди десятков работ академика Б.Г.Гафурова, вышедших в 60-70-х годах, выделяются и те, которые посвящены выдающимся представителям науки и культуры, получившим мировую славу. К ним относятся такие, как Фирдоуси, Бируни, Фараби Хосрав Дехлави и др.¹ Данные работы по своему характеру изложения являются историографическими и могут служить образцами классического освещения заслуги этих выдающихся личностей в истории мировой науки и культуры.

¹ См.: Гафуров Б.Г. Фирдоуси – слава и гордость мировой культуры. – В кн.: Фирдоуси. Шах-наме. – М.: 1972; – (С. 5-18); Его же. Абу Дейхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни – гений, который жил в Средней Азии тысячу лет назад. // Курьер ЮНЕСКО. – Июль 1974, С. 4-9; Его же. Абу Наср аль-Фараби и его время. К 100-летию со дня рождения выдающегося мыслителя Востока // Вестник АН СССР. – № 8. – С. 87-96; Его же в соавторстве с А.Х.Касымджановым. Аль-Фараби и история культуры. – М.: Наука, 1975. – С. 182.; Его же. Амир Хосрав Дехлави. Восемь райских садов. – М., 1975. – С. 5-10; Его же. Джавахарлал Неру – великий гуманист. – В кн.: Мировоззрение Д.Неру. – М., 1973 – С. 3-18.

Объем одной статьи не позволяет подробно анализировать все работы академика Б.Г.Гафурова, так или иначе причастные к историографии истории отечества и Центральной Азии в целом. Тем не менее, даже крайне сжатый и обобщающий взгляд на причастность его к историографии достаточно, чтобы ощутить великие заслуги этого выдающегося ученого в становлении и развитии историографии истории отечества и всего среднеазиатского региона в целом. В этом плане, его труды являются классическими образцами историографического подхода в освещении исторических проблем.

Да, по воле судьбы и исторической необходимости ему было суждено стать настоящим творцом отечественной истории и историографии. Зажженный им факел должен всегда освещать путь тех потомков, которые изберут нелегкое, но благородное ремесло — ремесло историка и будут придерживаться единственно верного принципа — принципа подлинного историзма.

*Академик Бобочон Гафуров муҳаққиқи
таърих ва тамаддуни Осиёи Марказӣ.
— Душанбе: Ирфон, 1999. — С.261-276 (на русс. языке).*

АКАДЕМИК З.Ш. РАДЖАБОВ ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИОГРАФ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОССИЙСКО- ТАДЖИКСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Академик З.Ш. Раджабов принадлежит к числу той плеяды учёных, без которых невозможно представить становление и развитие отечественной исторической науки.

Прошедший замечательную академическую школу в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербург), где были сохранены и приумножены лучшие русские и мировые традиции подготовки научных специалистов, у истоков, которых стояли выдающиеся русские востоковеды второй половины XIX – начала XX вв., З.Ш. Раджабов до конца сохранил объективность и принципиальность не только в своей исследовательской деятельности, но и в подготовке грядущего поколения отечественных историков.

Прослеживая долгий путь З.Ш. Раджабов в науке, невольно удивляешься многогранности интересов и увлечений учёного. В его довольно разнообразных выступлениях в печати, будь то в литературных жанрах, поэзии и прозы, в литературной критике (в 30-е годы он печатал свои художественные и литературоведческие сочинения под псевдонимом Дунган), будь то в статьях идейно-политической направленности, отстаивающих, прежде всего гуманистические и социалистические идеалы. В его суждениях по проблемам всеобщей и отечественной истории, в его фундаментальных исследованиях по тем или иным проблемам истории Средней Азии, в том числе истории дореволюционного и советского Таджикистана, чётко наблюдается его личная гражданская позиция, которая всегда была подчинена интересам народа и общества.

Постоянное стремление З.Ш. Раджабова восполнить тот или иной пробел в изучении истории таджикского народа. Его содействия в разработке нужных проблем, в определении приоритетных направлений в том или ином периоде развития исторической науки и личный вклад в их решение свидетельствует о том, что академик З.Ш. Раджабов не только являлся крупным историком, но и не менее крупным историографом. Без совмещения этих качеств трудно вообразить появление таких важных и весьма оригинальных исследований, как «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX – начале XX вв.», «Просветитель Ахмад Дониш», «Очерки истории культурного строительства в Таджикистане», «Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905-1907 гг.) и множество других монографических исследований, книг и брошюр.

Не трудно заметить, что даже в исследованиях, не носивших историографический характер, З.Ш.Раджабов вместил довольно пространное введение с обязательным историографическим обзором и анализом имеющейся литературы.

О приверженности З.Ш.Раджабова к историографии свидетельствует его многочисленные статьи, посвященные анализу положения исторической науки и перспективам её роста в том или ином периоде развития Советского Таджикистана. Достаточно напомнить, что освещению состояния науки в республике, путям и перспективам её путей развития З.Ш.Раджабовым (иногда совместно с другими авторами) посвящены десятки статей, опубликованных на страницах периодической печати, в научных журналах и сборниках. Анализу исследования учёных по тем или иным проблемам истории Таджикистана и других республик региона посвящены немало опубликованные им отзывы и рецензии.

Склонность к анализу состояния исторической науки и определению перспектив её развития прослеживается у З.Ш.Раджабова с момента его формирования как учёного-историка. Ещё в опубликованной им в 1941 г. статье «Обзор некоторых архивных документов по истории народов Таджикистана»¹ заметен его призыв шире привлекать источники в изучении истории народов, проживающих в Таджикистане. Вопросы, касающиеся состояния и перспектив развития исторической науки, постепенно становились как бы важнейшей частью его исследовательской деятельности. Данная проблематика не только определила выбор актуальных вопросов, положенных в основу его дальнейшего процесса исследования, но и способствовал теоретическому осмыслению задач, которые стояли перед отечественной исторической наукой. В этом плане воздействие его статей определило приоритетные направления в отечественной и региональной историографии 50-70-х годов.

Прослеживая ход появления подобных статей, нельзя не заметить тот факт, что этот цикл восходящего процесса и его непрерывность сопутствовали учёному всю жизнь. Свидетельством тому могут служить, начиная с 40-х годов, публикации таких статей учёного, как «Историческая наука»,² «Торжество советской

¹ Дунган (Раджабов З.Ш.). Обзори баъзе материалҳои архиви оиди таърихи халқҳои Тоҷикистон (охири асри XIX – аввалҳои асри XX) // Шарки Сурх // . – 1941-№ 4/5. – С. 62-69.

² Шишкин В.А., Раджабов З.Ш., Ершов В.В. Историческая наука // 25 лет Советской науки в Узбекистане. – Ташкент: Изд-во Узфан, 1942. – С.241-254.

науки»,¹ «Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане»,² «Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане в свете решений XX съезда КПСС»,³ «О некоторых задачах по изучению истории таджикского народа»,⁴ «XXI съезд КПСС и историческая наука в Таджикистане»,⁵ «Состояние и некоторые основные задачи советской исторической науки в Таджикской ССР»,⁶ «К дальнейшему развитию исторической науки в Таджикистане»,⁷ «За дальнейшую разработку истории таджикского народа»,⁸ «XXII съезд КПСС и основные задачи советской исторической науки в Таджикистане»,⁹ «Общественные науки: итоги и перспективы»,¹⁰ «Задачи учёных общественников»,¹¹ «Исторической науке в Таджикистане – прочную источниковедческую базу»,¹² «Общественные науки на новом этапе»¹³ и многие другие.

Особый историографический интерес представляют статьи З.Ш.Раджабова, посвященные учёным в той или иной степени причастные сложению и развитию отечественной исторической науки. К ним относятся статьи учёного, как «Мирзо Азими Соми и его

¹ Раджабов З.Ш. Торжество советской науки (научно – исследовательских работ в республике) // Коммунист Таджикистана. – 1950 – 15 марта.

² Рачабов З.Ш. Баъзе вазифаҳои асосии илми таърихшиносӣ дар Тоҷикистон. 1956. – № 6. – С. 43-50.

³ Раджабов З.Ш. Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане в свете решений XX съезда КПСС // Учёные записки Таджикского госуниверситета. – 1956. – Т. 14. – С. 3-11.

⁴ Раджабов З.Ш., Бабаханов М. О некоторых задачах по изучению истории таджикского народа. – 1958. – 22 апреля.

⁵ Рачабов З.Ш., Бобохонов М. Анҷумани ХХІ КПСС ва масъалаҳои илми таърих дар Тоҷикистон // Коммуниста Тоҷикистон. – 1959. – №11. – С. 14-20.

⁶ Раджабов З.Ш. Состояние и некоторые основные задачи Советской исторической науки в Таджикской ССР // Вопросы истории. – 1960. – №7. – С. 193-199.

⁷ Раджабов З. Антоненко Б. К дальнейшему развитию исторической науки в Таджикистане // Коммунист Таджикистана – 1960. – 23 декабря.

⁸ Раджабов З.Ш. За дальнейшую разработку истории таджикского народа // Изв. АН Тадж ССР. Отд. Общ. Наук. – 1962. – № 4. – С. 3-7.

⁹ Рачабов З.Ш. Съезди ХХІІ КПСС ва вазифаҳои асосии илми таърихшиносии Тоҷикистон // Коммуниста Тоҷикистон. – 1962 – №9. – С.22-28.

¹⁰ Раджабов З.Ш. Общественные науки: итоги и перспективы // Коммунист Таджикистана. – 1965. – 30 мая

¹¹ Раджабов З.Ш. Задачи учёных-обществоведов // Коммунист Таджикистана. – 1967. – 20 октября

¹² Раджабов З.Ш. Исторической науке в Таджикистане прочную источниковедческую базу // Коммунист Таджикистана. – 1967 – 12 мая

¹³ Раджабов З.Ш., Шагалов Е. Общественные науки на новом этапе // Изв. АН Тадж ССР. Отд. Общ. Наук. – 1968. – № 1. – С. 3-9.

произведения»,¹ «Ахмад Дониш – выразитель реформистских идей в Бухарском эмирате»,² «Видный советский учёный: (к 80-летию со дня рождения проф. Семёнова)»,³ «Садриддин Айни – историк»⁴ и другие. В этих статьях учёный с позиции настоящего профессионализма оценивает заслуги выдающихся личностей, внесших вклад в становление таджикской исторической науки. Историографический характер имеют статьи учёного, посвящённые деятельности таких выдающихся просветителей, как: Ахмади Дониш, Хамза Хакимзода, Аджзи, Садриддин Айни, Фуркат, Асири и другие, – опубликованные в журнале «Шарки Сурх».⁵ В последствии в результате упорных поисков автора, эти статьи переросли в крупные монографические исследования.

Говоря об историографической значимости статей З.Ш.Раджабова, нельзя не отметить и его прямую причастность к анализу более заметных исторических исследований, увидевших свет при жизни этого видного учёного, наставника многих тех, кто избрал тернистый путь исторических изысканий. В этом плане достаточно напомнить о его рецензиях, опубликованных в периодической печати по случаю выхода в свет исследований Е.А. Давидович,⁶ Д.И.Фельдштейна,⁷ А.М.Мухтарова,⁸ М.Б. Ба-

¹ Рачабов З. Мирзо Азими Сомӣ ва осори у // Шарки Сурх. – 1947.-№5. – С.26-30.

² Рачабов З. Ахмади Дониш ифодакунандаи гоҷҳои ислоҳот дар аморати Бухоро // Шарки Сурх. – 1948. – №6. – С.35-41.

³ Рачабов З. Олими намоёни Совети // Шарки сурх. – 1953. – № 9. – С.107-112.

⁴ Рачабов З. Садриддин Айни – таърихшинос // Тоҷикистони сурх. – 1953. – 22 апреля.

⁵ См.: Рачабов З.Ш. Маорифпарвар Ҳамза Ҳакимзода // Шарки Сурх.-1949. – 31-35; №10 – С. 29-36; Шоир Аҷзи дар бораи маданияти халқи рус. – Шарки сурх. – 1950. – № 9. – С. 118-128; Шоир Фуркат дар бораи маданияти халқи рус // Шарки сурх. – 195. – №7. – С.114-127; Адиб ва олими забардасти халқи тоҷик – (об. Айни) // Шарки Сурх. – 1951. – №4. -9 С.12-21; №5 – С.89-103; №7. – С.109-125 и др.

⁶ Раджабов З.Ш. Новый груд по истории Средней Азии (Рец. На книгу: Давидович В.А. История монетного дела Средней Азии XVII – XVIII вв. (золотые и серебряные монеты Джанидов). – Душанбе, 1964. № 317 с.) // Коммунист Таджикистана. 1965. – 6 января.

⁷ Рачабов З.Ш. Асари муҳим дар бораи таърихи педагогика (Рец. на кн. Фельдштейн Д.И. тарбияи меҳнатӣ (Аз таърихи афкори педагоги дар хусуси тарбияи меҳнатӣ). – Душанбе: Ирфон, 1967-240 с.).

⁸ Раджабов З., Юсупов Ш. Книга о поэтессе Дильшод (Рец. на кн.: Мухтаров А. Дильшод и её место в истории общественной мысли таджикского народа). – 1969-372 с. // Коммунист Таджикистана. – 1970. – 18 октября

баханова,¹ Н.О.Турсунова,² С.Улуг-заде,³ Н.Н.Негматова,⁴ и другие.

Но всё же классическими образцами историографических исследований академика З.Ш.Раджабова следует считать его фундаментальные труды в этом нелёгком жанре исторической науки. Разумеется, в объёме одной вводной статьи, написанной в качестве предисловия к настоящему сборнику, крайне трудно дать конкретный анализ и оценить по достоинству заслуги ученого в этом направлении. Для этого требуется цельный труд, в котором автор должен иметь широкий простор для всестороннего анализа каждого исследования этого замечательного историка и историографа, имевшего ярко заметный почерк в истории становления и развития отечественной историографии. В этом плане нам остаётся только, перечислив главные историографические исследования учёного, довольствоваться лишь их лаконичным аннотированием.

Первыми более заметными работами, предвещавшими о серьёзном намерении учёного, по сути положившими начало напрямую содействовать развитию историографической науки в Таджикистане, являются серии брошюр и сравнительно небольших книг, выпущенных в свет учёным в 1951 году. Действительно этот год для исследователя был на редкость удачным. Именно за этот крайне короткий отрезок времени – всего один год – вышли из печати: «Аджзи и Асири»,⁵ «Передовые люди Среднем Азми о России и русской культуре»,⁶ «Поэт – просветитель таджикского наро-

¹ Раджабов З.Ш. Рец. на кн.: Бабаханов М. Предпосылки революционного союза грудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. – Душанбе: Ирфон, 1975 – 312 с. // Народы Азии и Африки. – 1977. – №6. – С. 224-226

² Рачабов З., Чалилов Р. Таджики проблемаи мухим (Рец. на кн.: Турсунов Н.О. Сложные пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв. (историко-этнографические очерки). – Душанбе: Ирфон, 1976-302 с.) // Коммунист Тоҷикистон. – 1977.-№6. – С.93-95.

³ Раджабов З.Ш. Осмысление прошлого: заметки историка о романе «Воссе» (Рец. на кн.: Улуг-заде С. Воссе: Роман. – М.: Советский писатель, 1976. – 423 с.) // Коммунист Таджикистана – 1978 – 27 мая.

⁴ Рачабов З., Мальцев Ю. С учетом новейших данных (Рец. на кн.: Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавереннахр и Хорасан в IX-X вв). – Душанбе, Дониш, – 1977 – 280 с. // Коммунист Таджикистана. – 1978 – 20.

⁵ Рачабов З.Ш. Ачзй ва Асири (Очерки мухтасар) – Сталинобод, Нашриёти давлатии тоҷик, 1951. №50 с.

⁶ Рачабов З.Ш. Одамони пешкадами Осиёи Миёна дар бораи Россия ва маданияти рус. – Сталинобод: Нашриёти давлатии тоҷик, 1951. – 94 с.

да»,¹ «Развитие общественной мысли таджикского народа по второй половине XIX и начале XX вв.»,² «Садриддин Айни историк таджикского народа».³

В этих работах ученый, по сути, впервые раскрывает историко – просветительское мировоззрение Аджжи, Асири и Садриддина Айни и на этом фоне прослеживает уровень общественно-политической мысли таджикского народа. Этим автор как бы положил прочную основу для своего будущего фундаментального труда «Из истории общественно – политической мысли таджикского народа».⁴ Его выход в свет был действительно знаменательным явлением в научной жизни республики 50-х годов. К моменту выхода этого труда по данной проблематике, как указывает исследователь, было опубликовано всего три статьи, авторами которых являлись такие видные учёные региона, как: А.М.Богоутдинов,⁵ И.Муминов⁶ и статью, А.М.Мирзоева и М.Н.Занда во втором томе «Очерков по истории философии и общественно – политической мысли народов СССР» (М., 1956), где даётся лишь краткий обзор развития общественно – политической мысли народов Средней Азии. Хотя к тому времени были замечательные докторские диссертации А.М.Богоутдинова и И.Муминова, очень близкие к этой тематике, но не увидавшие свет.⁷

Об этом хорошо знал и сам учёный, тем не менее, будучи знакомым с содержанием этих статей и текстов диссертации.

¹ Раджабов З.Ш. Поэт-просветитель таджикского народа Асири: Краткий исторический очерк. – Сталинабад, 1951. – 24 с.

² Раджабов З.Ш. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. – Сталинабад, 1951-41 с.

³ Раджабов З.Ш. Садриддин Айни – историк таджикского народа (Краткий очерк). – Сталинабад. – 1951. – 86 с.

⁴ Раджабов З. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. – Сталинабад, Таджикгосиздат. – 1957. – 460 с; Данная книга издана на таджикском языке в 1959 г.

⁵ Богоутдинов А.М. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа // Вопросы философии – 1951-№ 3 – С. 125-136.

⁶ Муминов И. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX и начале XX вв. – Ташкент – 1955.

⁷ Муминов И. Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX начала XX пн. (Рукопись докт. диссер.) – Институт философии АН СССР М., 1949; Богоутдинов Л.М. Из истории общественной и политической мысли таджикского народа второй половины XIX и в начале XX ни. (Рукопись докт. диссерт.) Институт философии АН СССР. – М., – 1950.

З.И.Раджабов указывая на актуальность своего труда, писал: «Отнюдь не умаляя ценности этих статей, мы должны отметить, что до сих пор нет работы систематически и всесторонне излагающей историю общественно-политической мысли таджикского народа в конце XIX – и в начале XX вв. Работа такого характера, очевидно, будет создано нескоро, так как мы еще не собрали, не систематизировали, не издали многие источники, касающиеся этой проблемы. Нет сомнения, что если будут изданы докторские диссертации А.М.Богоутдинова и И.Муминова, то знания в данной области значительно расширятся».¹

Хотя указанная работа, как явствует из названия, и не является историографической, но, ознакомившись с ее содержанием, не трудно убедиться в ее историографическом анализе работ выдающихся представителей творческой интеллигенции таджикского народа второй половины XIX – начале XX вв., главным образом таких ведущих в Центральноазиатском регионе просветителей, как: Ахмад Дониш, Шамсиддин Шохин, Тошходжа Асири, Садриддин Айни и многих других их последователей, а также посвященной им литературе. Книга получила широкий отклик среди специалистов. О ней написан ряд заслуженно лестных отзывов.

Несмотря на отдельные недостатки, диктуемыми идеологическими реалиями того периода в отношении к джадидизму, джадидскому движению, этот труд по сути, до настоящего времени остается самым заметным среди исследования, касающихся проблемных ситуаций общественно-политической мысли таджикского народа. Из историографического характера работ, написанных автором в второй половине годов следует выделить исследование, посвященное анализу первого таджикского журнала «Пламя революции» («Шуълаи инкилоб»)³.

¹ Раджабов З.Ш. Из истории общественной и политической мысли таджикского народа. – С. 11-12.

² См.: Кадыров Л. Для широкого читателя // Таджикистан – 1957 – №12. – С.16; Колпаков А. Хиссаи арзанда дар илми таърихшиносии тоҷик // Шарки Сурх. – 1958. – №2. – С.148-154; Садыков М. Ценный вклад в историческую науку // Коммунист Таджикистана. – 1958. – 31 января; Мухамедов Х. Асари муҳим оид ба таърих // Хакикати Ленинобод. – 1959. 13 декабр.

³ Раджабов З.Ш. К характеристике первого советского журнала на таджикском языке «Пламя революции». – Сталинабад, 1959. – 46 с., См.: рец.: Усманов Д. Интересная научная работа // Коммунист Таджикистана – 1959. – 11 декабря; Каримов Г. «Шуълаи инкилоб» Тоҷикистони Совети. – 1960. – 5 января.

В опубликованных исследованиях З.Ш. Раджабовым за 60-70-х годов по многим направлениям исторической науки, особняком выделяются его труды, носившие сугубо историографический характер. Осведомленным специалистам, да и широкому кругу читателей известно, что жизнь, научная и литературная деятельность выдающегося таджикского просветителя Ахмада Дониша еще с 40-х годов привлекла внимание ученого. Ему посвящено немало статей, им особое внимание и место уделено в «Истории общественной мысли». Тем не менее, пребывая в постоянном поиске, З.Ш. Раджабов все больше и больше находил новые грани его исторического, общественно-политического мировоззрения, далеко опережавшего уровень мышления своих современников. Это и привело ученого к однозначному убеждению, что без трудов Ахмада Дониша представления о реальном политическом, социально-экономическом положении Бухарского эмирата и степени эксплуатации трудового народа в этом феодально-теократическом государстве будет далеко не полным. Именно чувство такой необходимости и привело ученого к серьезному намерению посвятить этому таджикскому учёному-энциклопедисту ряд серьезных монографических исследований.

В этом плане книга ученого «Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш»¹ является своего рода показательной. В ней ученый, судя по отзывам специалистов,² на предельно научной основе раскрыл определяющую роль Ахмада Дониша в становлении и развитии просветительства в Средней Азии. Не останавливаясь на достигнутом, З.Ш. Раджабов подготовил и издал с существенными дополнениями таджикский вариант этой работы.³

Другим крайне ценным историческим исследованием, посвященном Ахмаду Донишу, является труд З.Ш.Раджабова «О поли-

¹ Раджабов З.Ш. Выдающийся просветитель таджикского народа. Ахмад Дониш. – Сталинабад, 1961. – 220 с.

² См.: Ходизода Р. Асари нав дар бораи Ахмади Дониш // Шарки Сурх. – 1961. – №10 – С. 154-158; Халилов А., Юсупов Ш. Значительное произведение о выдающемся просветителе Ахмаде Донише (на узбекском языке) // Совет Тоҷикистони – 1961 – 19 июля; Абулхаев Р. Асари нави таърихӣ // Маориф ва маданият – 1961 – 16 декабря; Исломов Ю. Китоб дар бораи маорифпарвари барчаста // Комсомоли Тоҷикистон. – 1962. – 21 марта.

³ Раджабов З.Ш. Маорифпарвар Ахмади Дониш. – Душанбе: Ирфон, 1964-308 с.

тическом трактате» Ахмада Дониша.¹ В книге автором сделана удачная попытка раскрыть и проанализировать содержание «Политического трактата» Ахмада Дониша, где ярко прослеживается стремление выдающегося мыслителя и просветителя внушить бухарскому эмиру Музаффару о необходимости коренного реформирования политическо-административной системы управления и в связи с этим осуществления преобразований в хозяйственной, социально-экономической и культурной жизни эмирата. Ахмад Дониш был уверен, что только путем проведения реформы страну можно вывести из состояния средневекового застоя и мракобесия. Но его обоснованные проекты были отвергнуты эмиром. У разочарованного просветителя ничего не осталось, кроме поднятия вопроса о незаконности власти мангитов. В книге автор ярко раскрывает уровень исторического и общественно-политического мироощущения просветителя Ахмада Дониша, далеко оставившего позади лучших представителей передовой интеллигенции Бухарского эмирата конца XIX-начала XX вв. В этом плане данное исследование занимает заметное место среди других историографического характера работ автора.

Такой же ярко выраженный историографический подход академика З.Ш. Раджабова прослеживается и в его крупных исследованиях, посвященных анализу трудов С.Айни, учёный убедительно аргументирует не только прямой, но и определяющей причастности выдающегося ученого и писателя Садриддина Айни к становлению отечественной исторической науки. По его мнению, творения и исследования Садриддина Айни как незаурядной личности на литературном и историческом небосклоне Таджикистана заслуживает серьёзного, глубокого и всесторонне обдуманного анализа. Из неимоверно широкого диапазона исследовательской деятельности он остановился главным образом на выявлении заслуги С.Айни как историка. Итогом его размышления стало книга «Садриддин Айни – историк таджикского народа».² В данной работе, впервые давая обстоятельный историографический анализ исторических исследований С. Айни: «Истории мангытских эмиров в Бухаре» (1923 г.), «Материалы по истории Бухарской революции» (1926 г.), «Красота мира» (1936 г.), «Герой таджикского народа Тимурмалик» (1944 г.), «Восстание Муканны» (1944 г.) и др. З.Ш.Раджабов

¹ Раджабов З.Ш. О «Политическом трактате» Ахмада Дониша (Краткий очерк). – Душанбе: Дониш, 1976. – 127 с.

² Раджабов З.Ш. Садриддин Айни – историк таджикского народа (краткий очерк). – Сталинабад, Таджикгосиздат, 1951. – 86 с.

по достоинству оценил заслуги С.Айни стоявшему у истоков становления и развития исторической науки советского Таджикистана. «Заслуги С.Айни, – пишет учёный, заключается в том, что он не только написал сразу – же после Бухарской революции первую историческую работу на таджикском языке о Бухаре, но и попытался дать историю ханства не в духе официальной придворной историографии, а как реальную историю страны». Углубленный анализ исторических работ С.Айни З.Ш.Раджабова привело к заключению о том, что считать его, по сути первым историком, положившим начало советской исторической науке в Таджикистане.

В работе «Туркестан на страницах большевистских газет в период первой русской революции (1905-1907)». З.Ш.Раджабов не только освещает роль газет в распространение революционных идей, воспитание политической активности масс все более втягивающийся в водоворот революционной борьбы, но и на основе опубликованных сведений в широко используемых большевиками газетами «Русский Туркестан», «Туркестан», «Самарканд», «Зеравшан», «Вперед», «Новый Самарканд», «Русский Самарканд», даёт анализ социально-экономического положения края и закономерности революционной борьбы местного населения.

Академик З.Ш.Раджабов, как уже заметил читатель, не только пристально следил за состоянием исторической науки, но и находился в постоянном поиске пути эффективного её развития. Эго ярко прослеживается в таких его монографических исследованиях учёного, как: «Развитие науки в Таджикской ССР»¹, «Наука советского Таджикистана»,² «Очерки истории культурного строительства».³ В указанных книгах автор исследует состояние науки в целом, и цикл исторических наук в особенности. Обобщая истории науки республики за годы Советской власти и её состоянии к концу 60-х годов в работе «Наука Советского Таджикистана» академиком З.Ш.Раджабовым предпринимается удачная попытка обстоятельно анализировать истории становления и развития главных отраслей науки в республике, в том числе и связи республики с научными учреждениями страны и за рубежом. Особое внимание уделено освещению истории развития исторической науки. Археологии и

¹ Раджабов З.Ш. Развитие науки в Таджикской ССР (Краткий очерк). – М.:Наука, 1964. – 111 с.

² Раджабов З.Ш. Наука Советского Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1968. – 146 с.

³ Раджабов З.Ш. Очерки истории культурного строительства в Таджикистане.– Душанбе: Дониш, 1976. – 135 с.

этнографии, определённые заслуги учёных в разработке тех или иных проблем. Рекомендованы направления, высказаны понимания в углублении исследовательской деятельности учёных. Сам факт, что вышеуказанные исследования учёного получили довольно объективные отзывы специалистов,¹ свидетельствует об их значимости в освещении истории науки Советского Таджикистана.

Разумеется, список исследований академика З.Ш. Раджабова в той или иной мере сопричастных к историографическому направлению его научных изысканий, можно продолжить. Но на наш взгляд, даже та часть работ, которые лежат в основе настоящего краткого очерка, вполне вселяет уверенность считать учёного первым среди значителей историографического направления и определяющей фигурой в её становлении. Учёный предельно ясно осознавал, что без историографического анализа немыслима перспектива развития исторической науки.

Социализм: теория и практика.
— 2006 — №3-4. — С.112-125

¹ См.: Новая работа о науке Таджикистана // Коммунист Таджикистана. — 1965. — 16 февраля; Мухторов С. Тараккиёти илм ва маданияти тоҷик // Маориф ва маданият — 1965 — 20 февраля; Бокиев Х., Тадкикоти муҳим оид ба тараккиёти илми Тоҷикистон // Комсомоли Тоҷикистон — 1965 — 7 апрел; Лугмонов Т., Бобоев К. Роҳнамои хазинаи илм // маориф ва маданият. — 1968 — 30 май; Гаффоров У. Аз таърихи илми Республика // Тоҷикистони Советӣ 1968. — 16 июл; Султанов Ш., Хамидов С. От ликбеза до академии // Ленинабадская правда. — 1968 — 2 ноября; Хайдаров Г.Х., Абдуллоев С.А. Важный вклад известного учёного // Изв. АН ТаджССР. Отд. Общ. Наук. — 1976. — № 3. — 125 — 127 и др.

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ И ПАМИРА

Довольно обширен был круг научных интересов таджикского историка, академика Баходура Искандарова, но все таки доминирующее место в его исследования занимали проблемы таких, прочно вошедших в дореволюционную, да и в советскую литературу условных географических пространств, как Восточная Бухара и Памир.¹ Такое пристрастие не случайно. Таджики, проживающие в этих регионах с глубокой древности, отчасти из-за географической изолированности и труднодоступности, а также в силу продолжавшейся феодальной раздробленности, особенно усилившейся в позднее средневековье, долгое время как бы оставались выброшенными на обочину истории. О независимых и полузависимых владениях края, вплоть до присоединения Средней Азии к России, не было ясного представления даже в Бухарском эмирате, не говоря уже об остальном мире.

После присоединения Средней Азии к России и в связи с усилением российско-английского дипломатического и военно-политического противостояния на Памире началось интенсивное изучение края, в том числе и в историческом плане. Однако разрозненные, порой противоречивые сведения в силу своей разбросанности и непрофессионализма в их сборе не могли дать цельного представления об истории этих мест. Они могли в лучшем случае служить лишь источниками в научном изучении Памира и Припамирья.

Встав на тернистый путь науки, уже будучи вполне зрелым человеком, прошедшим тяжелые жизненные испытания на полях сражений в годы Великой Отечественной войны, а также получивший серьезные навыки научных исследований в аспирантуре, Баходур Искандаров сознательно избрал в качестве объекта своего изучения Восточную Бухару и Памир, являвшихся до того, по выражению самого ученого, «сплошным белым пятном» в истории таджикского народа. На этот шаг его вдохновлял и дух древних обитателей гор — его предков, которые, в неимоверно трудных жизненных условиях, из поколения в поколение передавали такие лучшие народные традиции, как смелость, трудолюбие, доброту, честность, чувство коллективизма, взаимной помощи, что было так необходи-

¹ Центральные, юго-восточные районы и Горно-Бадахшанская область современного Таджикистана с прилегающими к ним территориями, ныне входящими в состав соседних государств: Узбекистана (районы: Термез, Бойсун, Денау), Афганистана (афганский Бадахшан), Индии (север Гиндукуша) и Китая (западная часть Кашгара — Синьцзян).

мо для совместного преодоления всех жизненных недугов и защиты края от чужеземных врагов. Именно эти качества помогали местному населению защищать и сохранять независимость своих владений, вплоть до административного переустройства, связанного с присоединением Средней Азии к России.

Таким образом, собирать по крупицам сведения из различных источников и создавать цельную панораму истории этого горного края мог только тот, кто был рожден здесь, испытал сыновнюю любовь к нему и имел достаточное образование, а также необходимые навыки исследовательской работы. Всеми этими качествами обладал Баходур Искандаров.

Неимоверно трудным был путь к знаниям для рожденного в горном памирском селении Сохчарв 12 апреля 1912 г., в бедной крестьянской семье, Баходура. Рано лишившись родительской ласки и воспитываясь у родственников (тёти по отцу) в соседнем селе Поршнёв, он с лихвой познал жизненные невзгоды.

Подростком он стал свидетелем установления Советской власти и тех перемен, которые произошли в жизни населения Памира. Но самым впечатляющим для жаждущего овладеть грамотой, стала открывшаяся в Поршнёве первая школа, где с 1923 по 1926 годы он и получил начальное образование. Затем учеба была продолжена в Хорогском интернате. В 1928 году 16-летний юноша Баходур отличившийся среди одноклассников старанием и знаниями, был направлен на учебу в Таджикинпрос, в Ташкент, где обучался до 1930 года. Однако острая нужда в кадрах вынудила руководство молодой республики пригласить своих студентов, в том числе и Б.Искандарова, на работу в Таджикистан. Он был направлен на должность инструктора районо в Бальджуан. В 1931 году Баходур Искандаров поступил в Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ), на филологический факультет. Здесь на историческом отделении он прошел замечательную школу с мировым именем ученых (Е.В.Тарле, Б.Д.Греков, В.В.Струве, С.И.Ковалев, Н.Н.Розенталь и др.), которые сыграли определяющую роль в его дальнейшем становлении как ученого. Вернувшись на Родину, он работал преподавателем истории СССР в Сталинабадском госпединституте. Но хотя работа в вузе (1938-1940 гг.) и дало многое молодому специалисту в практическом плане, в известной мере расширив его кругозор, тем не менее, из-за отсутствия соответствующей базы и чрезмерной загруженности общественными делами он не имел возможности вплотную заниматься научными исследованиями.

С поступлением в аспирантуру при Институте истории АН СССР в 1940 году, казалось, что теперь по-настоящему пришло время для осуществления давней мечты, но начавшаяся Великая

Отечественная война надолго перечеркнула все планы. Написав заявление о добровольном вступлении в ряды защитников Родины, Б.Искандаров стойко перенес все тяготы фронтовой жизни. Демобилизовавшись в 1947 году, он наконец получил возможность продолжить учебу в аспирантуре. После успешной защиты кандидатской диссертации по теме «Бухара в 1918-1920 гг. (Ликвидация Бухарского эмирата-очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии)», осенью 1950 года он возвратился в Таджикистан и поступил на работу в Институт истории, языка и литературы, Таджикского филиала АН СССР, на должность старшего научного сотрудника.

Вскоре после образования Академии наук республики (1951 г.) и создания в ее составе Института истории, археологии и этнографии, первым директором которого был назначен выдающийся востоковед А.А.Семенов, для Б.Искандарова открылся широкий простор для работы на стезе исторической науки в республике. Новый Институт привлек тогда ряд ведущих в Средней Азии специалистов.

Ознакомившись с еще тогда скудным материалом относительно Восточной Бухары и Памира (несмотря на отговоры некоторых коллег, ссылавшихся на отсутствие соответствующего материала), Б.Искандаров взялся за сложную и совершенно не разработанную в научном плане тему. Длительный, целенаправленный поиск в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, знакомство с источниками и рукописями, а также с работами русских исследователей и путешественников, посетившими край, позволили накопить большое количество ценных материалов. Теперь можно было всерьез браться за осуществление долго вынашиваемой мечты, — глубокому исследованию истории Восточной Бухары и Памира (более позднего периода).

К тому времени в его научном активе была лишь статья, посвященная восстанию Восе.¹ Хотя это событие и было ранее объектом изучения отдельных исследователей (А.Болдырев, А.Шаханшоев, Н.Прохоров, Д.Фаньян, Н.Масуми и др.),² но публикация Б.Искандарова по глубине анализа заметно превосходила прежние работы.³ Он намного расширил и углубил представление о восстании.

¹ Искандаров Б. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под предводительством Восе // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ.наук. — 1953 — Вып.4. — С.83-95.

² См.: Пирумшоев Х. История изучения восстания Восе. — Душанбе: Маориф, 1998. — С.49-57.

³ Более подробно — историографический анализ данной статьи См. там же. — С. 57-58.

Опубликованные Б.И.Искандаровым в 1955 и 1956 гг. статьи «Из истории Восточной Бухары и Памира»¹ и «Присоединение юго-восточных районов Таджикистана к территории Бухары»² свидетельствовали о твердом намерении ученого расширить сферу изучения данной тематики.

Обилие собранного материала все больше склоняло к мысли о докторской диссертации. «Вопреки пессимистическим прогнозам, — вспоминает Б.Искандаров, — источниковая база оказалась достаточно обширной.»³ Немало важных сведений он почерпнул из «Туркестанских ведомостей» и «Туркестанского сборника». Ценный материал содержали статьи, записки, книги, опубликованные русскими военными, учеными и путешественниками. Кроме того, ему удалось собрать большое количество местных источников (актовых документов, торговых сделок, васики и т.п.).

Но темп подготовки главной работы, которая должна была лечь в основу докторской диссертации, далеко не удовлетворяла ученого. Сказывались большая загруженность, нехватка времени, поэтому при первой же возможности он поступил в докторантуру. Время пребывания (1956-1958 гг.) в Институте востоковедения АН СССР максимально было использовано для продолжения сбора материала и завершения диссертации. Параллельно шла подготовка к печати монографических исследований. Первыми серьезными в этом направлении исследованиями, увидевшими свет, стали монографии «Из истории Бухарского эмирата: (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века)»⁴ и «О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв.,»⁵ получившие высокую оценку специалистов,⁶ ряд статей,⁷

¹ Искандаров Б.И. Из истории Восточной Бухары и Памира (1905-1907гг.) // Коммунист Таджикистана. 1955. — 20 декабря.

² Искандаров Б.И. Тобей гардонда шудани районҳои чанубӣ-шарқӣ Тоҷикистон ба хоки аморати Бухоро // Коммунисти Тоҷикистон. 1956. №12. — С.55-60.

³ Искандаров Б.И.. Трудный путь к знанию. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — С.99.

⁴ Искандаров Б.И.Из истории Бухарского эмирата: (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.) — Отв.редактор Л.М.Дьяков М.: Изд-во. Вост. литер.; — 1958 г. — С. 131.

⁵ Искандаров Б.И. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв. (Отв. ред. В.А.Казачковский). Сталинабад, Изд-во АН.ТаджССР, 1958. 141с.

⁶ См: рец.: Дриккер Х.Н. Две ценные работы по истории Восточной Бухары // Изв. АН Тадж ССР. Отд. общ. наук, 1962 — № 4 (31). — С.72-77; Стеценко И., Джамолов К., Таджикоти пуркимат оид ба таърихи Тоҷикистон // Маориф ва маданият. — 1959. — 1 сентября.

⁷ Искандаров Б.И. Элементҳои капиталистӣ дар иқтисодиёти Бухорои Шарқию Помир ва ба вучуд омадани заминаҳои революционӣ // Комму-

ознакомивших широкую аудиторию читателей с этой проблемой.

В монографиях автор дает обстоятельный анализ политико-административного устройства эмирата. В первой из них – освещалось общее социально-экономическое положение Бухары, главным образом ее восточной части, ученый подробно характеризовал налоговую систему, тот вопиющий произвол, имевший в ней место, нарастание социальных противоречий, приводящих к народным восстаниям. Немало страниц в работе посвящено восстанию Восе. Кроме того, в исследовании раскрывались основные вопросы бухарско-афганских отношений, положения западных районов Памира, оказавшихся под властью Бухарского эмирата. Во второй монографии главное внимание уделялось основным аспектам экономического состояния Восточной Бухары и Памира, приводились сведения об изменениях, происходивших в хозяйственной жизни края, втягивании его в сферу действия российского капитала, усилении социальных противоречий и т.д.

Докторская диссертация по теме «Восточная Бухара и Памир в последней трети XIX в.» в объеме 1028 страниц машинописного текста (более 40 листов библиографии) была успешно защищена в Институте востоковедения АН СССР, что само по себе явилось заметным событием в научной жизни республики. О признании Б.И.Искандарова как крупного ученого свидетельствует тот факт, что вскоре после получения докторской степени он был назначен (1962г.) директором Института истории АН республики. На этой трудной должности в течение около 30 лет (с 1988 года до конца свой жизни он был почетным директором института) Б.И. Искандаров раскрыл все свои незаурядные способности администратора, организатора науки, а также исследования, занимавшего лидирующее положение среди коллег по интенсивности ведения научной работы и по объему опубликованных материалов.

В конце 50-х первой половине 60-х годов прошедшего столетия, увидели свет ряд научных статей и крупных монографических исследований ученого, большинство из которых посвящено истории Восточной Бухары и Памира XIX начала XX вв. К их числу относились: «Восточная Бухара и районы Западного Памира в составе Бухарского эмирата», «Социально-экономический и политический

ности Тоҷикистон. – 1958 – № 5. – С. 24-32; Он же. Из истории присоединения Памира к России // Коммунист Таджикистана. – 1958. – 27 июля; Он же. История присоединения современных районов Восточного Таджикистана к России (на узб. яз.) // Совет Тоҷикистони. – 1958. – 3 июля.

¹ Искандаров Б.И. Дар хайати аморати Бухоро воқеъ будани Бухорои Шарқи ва районҳои ғарбии Помир // Маданияти Тоҷикистон. – 1959. № 2. С. 19-23.

строй Восточной Бухары и Памира накануне присоединения Средней Азии к России»,¹ «Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире»,² «Англо-русское разграничение 1872-1873 гг.», «Проникновение русского капитала в северные районы Таджикистана и Бухарского эмирата»,³ «Присоединение Памира к России»,⁴ «Из истории присоединения Памира к России»⁵ и т.д.

Среди работ, опубликованных ученым в этот период, особо выделяются такие фундаментальные исследования, как «Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России»⁶ и «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.»⁷

В первом из этих трудов Б.И.Искандаров уделил главное внимание анализу особенностей социально-экономического положения Восточной Бухары и Памира к периоду присоединения Средней Азии к России. Доминирующим для ученого в этом труде стал углубленный анализ причин сохранения патриархально-феодальных отношений, форм эксплуатации занятого населения и налогообложения, исполнения повинностей и соответственно с тем ответной реакции трудовых масс. Ученый рассматривал также положение в соседних районах – Кокандском ханстве и Афганистане. В работе прослеживались взаимоотношения правителей Бадахшана и Западного Памира, раскрывалось положение населения Восточного Памира.

Что касается фундаментального труда «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.», то он, по сути, является уникаль-

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономический строй Восточной Бухары и Памира накануне присоединения Средней Азии к России // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 126-137.

² Искандаров Б.И. Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире // Труды Тадж. госуниверситета. Т.27. Сер. Ист. наук. Вып. 1. Вопросы истории СССР. 1960. – С. 125-154.

³ Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872-1873 гг. // Вопросы истории Таджикистана – Сталинабад, 1961. С. 84-103. (уч. зап. Сталинабадского госпединститута им. Т.Г.Шевченко. – Т.26. Серия общ. наук. Вып. 4.

⁴ Искандаров Б.И. Проникновение русского капитала в северные районы Таджикистана и Бухарского эмирата // Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1983. – С. 166-175.

⁵ Искандаров Б.И. Ба Россия хамрох шудани Помир ва аҳамайти прогрессивии он// Коммунисти Тоҷикистон. – 1965. – №8. – С.52-59.

⁶ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Душанбе: «Таджикгосиздат», 1960. – 214 с.

⁷ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. (Отв. ред. С.А.Раджабов). Душанбе: Изд. АН ТаджССР, ч. I, 1962. – 356 с.; ч. II. – 1963. – 352 с.

ным исследованием, дающим широкую панораму более чем полувековой истории края со всеми необходимыми деталями, так или иначе причастными к политико-административной, социально-экономической и культурной жизни бекств Восточной Бухары и Памира. В этих двух довольно солидных по объему (свыше 350 страниц каждая) книгах впервые на сугубо академической основе освещается социально-экономическое положение края как до присоединения Средней Азии к России, так и после, раскрываются причины происходивших перемен в этом плане. В первой книге особое место уделено присоединению южных районов Таджикистана к бухарскому ханству, борьбу независимых и олузависимых владении Куляба, Гиссара, Дарваза и Карагегина против эмира бухарского, захвату Бадахшана и западных шахств Памира афганскими войсками и их бесчинства в крае, процессу добровольного вхождения Памира в состав России. Подробно и убедительно проанализированы русско-английские противоборства на Памире. Автор в контексте происходивших событий прослеживает их влияние на Северный Афганистан, княжеств Гиндукуша и даже на отдельные районы северной Индии.

В отличие от первой части, где в основном сосредоточено внимание на политические стороны жизни исследуемых районов, во второй части автор во главу угла ставил всестороннее освещение социально-экономического положения Восточной Бухары и Памира. По словам автора, в этой части «большое внимание уделяется тем экономическим сдвигам, которые произошли в стране в конце второй половины XIX в.» Сознательно, в отдельных случаях, автором нарушается периодизация и затрагиваются многочисленные факты, связанные с периодом начала XX в.»¹ Впрочем сама структура второй части труда, охватывающая главы «Восточная Бухара и западные районы Памира в состав Бухарского эмирата» и «Зарождение капиталистических элементов и нарастание революционных предпосылок» само по себе определяет главный ориентир автора.

В работе на прочной источниковой основе освещены вопросы, касающиеся политического и административного устройства Восточной Бухары после присоединения к эмирату, налоговой систем, усиления социальной борьбы, восстания Восе, бухарско-афганские отношений, процесса перехода западных районов Памира в управление царской администрации, экономического состояния Восточной Бухары и Памира к концу XIX – началу XX вв., проникновения русского капитала, развития товарно-денежных

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIXв. – Ч. II. – С. 3.

отношений и народного движения на рубеже XIX-XX вв. Даже этот перечень проблем, освещенных в монографии, свидетельствует о широком охвате тем.

Выход этого труда в свет явился заметным событием в научной и культурной жизни республики, о чем говорят отзывы специалистов, высоко оценивших его. В этой связи уместно привести скромное мнение автора труда. «О значении моих книг, особенно двух последних, – пишет он, много лет спустя, имея ввиду обе части «Восточной Бухары и Памира во второй половине XIX в.» – самому судить очень трудно. Помню, что они быстро расходились и привлекали внимание рецензентов. Не хочу преувеличивать свою роль, но отмечу, что я впервые ввел в научный оборот многие материалы о Восточной Бухаре (почему-то ученый упустил упомянуть Памир – Х.П.) и систематически изложил историю этого региона, ранее практически не изученную. Во всяком случае, до выхода моих работ найти обстоятельный и полный труд по этому вопросу едва ли было возможно. Конечно, я не мог полностью охватить все аспекты данной проблемы. Это сделали последующие исследователи».¹

Разумеется, Б.И.Искандаров с присущей ему скромностью говорит о своем труде как о простом, рядовом исследовании, на самом же деле ни до того, ни после не было подобных работ. Появится ли в обозримом будущем что-либо подобное как по охвату проблем, так и по обширности источниковой базы и по глубине их анализа? Уместно при этом отметить и то, что главные выводы автора вошли во второй том (вторая книга) трехтомной (в пяти книгах)² «Истории таджикского народа».

Но этот труд, несмотря на полноту охвата проблем, не мог для ученого стать итоговым исследованием. Продолжая работу, Б.И.Искандарову удалось выявить новые пласты неисследованного еще по более ранним периодам, открыть неизведанные страницы истории близлежащих к региону владений (в частности, Гиндукуша).

По мере углубления поиска, выявления новых источников из-под пера ученого одна за другой выходят статьи, публикуемые в периодической печати, научных журналах, сборниках и тематических книгах. В их числе такие как «Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран»,³ «Историческая судьба народов

¹ Искандаров Б.И. Трудный путь к знанию. – С. 119-120.

² См.: История таджикского народа. – Т. II (кн.2). Под ред. Б.И.Искандарова и А.М.Мухтарова. М., 1964. – С. 170-257.

³ Искандаров Б.И. Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в. // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. – 1966. – № 4 (46) – С. 28-39.

Памира»,¹ «История свидетельствует»,² «Из истории народов Памира»,³ «Русская школа на Памире»,⁴ «Русские врачи на Памире»,⁵ «Маоистские фальсификации новой и новейшей истории Восточного Памира»,⁶ «Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции»,⁷ «Присоединение Памира к России»⁸ и др.

Параллельно ученый проводил основательную работу над крупным монографическим исследованием, вскоре получившим известность далеко за пределами республики. Стремление изучить историю Памира и Бадахшана комплексно привело Б.И.Искандарова к убеждению в том, что без научного освещения истории сопредельных владений нельзя дать полную картину исследуемого объекта. Поэтому, несмотря на скудость источников, он взялся за исследование истории Гиндукуша. И результатом упорного научного поиска ученого стала книга «Гиндукуш во второй половине XIX в.»⁹

В этой работе основное внимание сосредоточено на освещении позднесредневековой и новой истории мелких владений, расположенных к северу от Индийского субконтинента это Хунз, Ногар (Кунджутское ханство), Кафиристан, Читрал и др. Описывая географическое расположение ханств, ученый впервые дает четкие

¹ Искандаров Б.И. Такдири таърихии халқҳои Помир // Бадахшони Совети. – 1968. – 17 ноябр.

² Искандаров Б.И. – Таърих гувоҳӣ мидиҳад // Бадахшони Советӣ. – 1969. – 21, 28 сентябр, 1, 10 октябр.

³ Искандаров Б.И. Из истории народов Памира // Проблемы Дальнего Востока. – 1973. – №1. – С.129-135.

⁴ Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Русская школа на Памире // Известия ТаджССР. Отд-е общ. наук. – 1976. – №2 (84). – С. 14-19.

⁵ Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Русские врачи на Памире // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. – 1976. – № 3 (85). – С.34-40.

⁶ Искандаров Б.И. Маоистские фальсификации новой и новейшей истории Восточного Памира // Актуальные проблемы борьбы с маоистскими фальсификациями в области истории (Материалы конференции). – М., 1979. – С. 248-263

⁷ Искандаров Б., Юсупов Ш. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Очерки по истории Советского Бадахшаиа. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С. 53-79.

⁸ Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Присоединение Памира к России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшаиа. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С.35-52.

⁹ Искандаров Б.И. Гиндукуш во второй половине XIX в. (отв. ред. Ю.В.Банковский). – М.: Наука, 1968. – 93 с.

сведения об их социально-экономическом положении и на этом фоне раскрывает процесс укрепления позиции Англии в регионе. В работе «История гиндукушских владений (княжеств) прослеживается ситуация до периода вхождения Памира в состав России и насильственного захвата Великобританией Кашмира и Гиндукуша — со всеми разногласиями, имеющими место в политике двух держав в регионе.

Хотя книга в целом и была первой серьезной работой в этом направлении, тем не менее она не соответствовала первоначальным замыслам ученого. Спустя много лет, академик Б.И.Искандаров, вспоминая, пишет: «Первоначально рукопись имела гораздо больший объем, но по некоторым причинам (может быть, по политическим и дипломатическим соображениям. — Х.П.) ее сильно сократили, о чем я очень сожалел, — в работу было вложено много труда...»¹ Автор утешал себя тем, что все же этот труд, даже в том виде, в котором он увидел свет, явился первой серьезной работой по данной проблематике. «Хотя, — отмечает он, — книга получилась небольшая, но затронутая в ней тема не стала от этого менее важной. Она была весьма положительно встречена читателями, сразу разошлась».²

Следующая работа ученого «Бухара (1918-1920 гг.)»³ хотя и была подготовлена к печати много лет назад (в основе ее лежала кандидатская диссертация автора), тем не менее со многими исправлениями и дополнениями была опубликована лишь в 1970 году. Этот труд на первый взгляд не имеет прямого отношения к событиям, происходившим в то время на Памире, но логическая связь всё же присутствует, в том смысле, что Восточная Бухара была частью эмирата, да и победа революции в Бухаре не могла быть для населения Памира далеким, ничего не значащим эхом.

Выпущенная Б.И.Искандаровым в 1974 году небольшая книга «Из истории дореволюционного Таджикистана»⁴ представляет немалое научно-познавательное значение. Сама постановка вопроса и поднятые автором такие проблемы, как выявление заслуг русских исследователей в изучении дореволюционного Таджикистана, тяготение припамирских народов к ней и борьба народных масс за присоединение к России свидетельствует о важности исследования. Исследование является ценным и в том отношении, что автор дает

¹ Искандаров Б.И. Трудный путь к знанию. — С. 120.

² Там же.

³ Искандаров Б.И. Бухара (1918-1920 гг.). — Душанбе: Дониш, 1970. — 169с.

⁴ Искандаров Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана (Отв. ред. С.А.Раджабов). — Душанбе: Дониш, 1974. — С.76.

обстоятельный анализ процесса изучения русскими исследователями дореволюционного Таджикистана. Часть работы, посвященная этому вопросу, является, по сути дела, одним из первых серьезных историографических исследований, определивших роль русских ученых в изучении дореволюционного Таджикистана, главным образом юго-восточной его части и Памира.

К вопросу присоединения Памира к России автор обращался и в некоторых других предыдущих работах. В данном же исследовании они пополнились новыми сведениями и аргументированными выводами о причинах, побудивших стремление местного населения добровольно войти во власть России.

Вышедшая в 1976 году монография «Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана»¹ также основана во многом на материалах Восточной Бухары и Памира. Существенный фундамент для этой работы был заложен в работе, выпущенной в свет еще в 1958 г. («О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX–XX вв.»). За последующий период ученым были собраны новые сведения, обнаружено немало источников, а главное – историки в той или иной степени уже затронули разные аспекты проблемы, особенно проникновения капиталистических отношений в северные районы Таджикистана. Все это побудило автора взяться за углубленное исследование ранее разрабатываемой им темы.

Наряду с общими проблемами, касающимися северных районов Таджикистана, в работе прослеживается отношение царизма к Бухарскому эмирату. И хотя вопросы, связанные с генезисом капитализма, рассматриваются в масштабе всей территории Таджикистана, но все же во главу угла ставится научное освещение проникновения капиталистических отношений в Восточную Бухару и Памир. На более широкой источниковой базе рассматриваются процесс присоединения юго-восточных районов Таджикистана к Бухаре, система налогообложения, восстание под предводительством Восе, включение западных районов Памира в Бухарский эмират. При освещении процесса зарождения капиталистических отношений на убедительных примерах приводятся торгово-экономические перемены, связанные с внедрением русского капитала. В целом обилие соответствующего материала позволило автору проследить процесс генезиса капитализма в Таджикистане конца XIX начала XX вв.

¹ Искандаров Б.И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана. – Душанбе: Дошиш, 1976. – С. 143.

Работа вызвала заслуженное одобрение специалистов.¹

Знакомство с трудами Б.И.Искандарова убеждает, что они посвящены в основном различным проблемам истории Бухарского эмирата (главным образом, его восточной части) и Памира второй половины XIX – начала XX вв. Также заметен осознанный выбор ученым этих хронологических рамок. Но углубление сведений по данному периоду не могло не вызвать у ученого интереса к более ранней истории края. Однако из-за скудости такого материала он долго не решался приступить к этой теме. Со временем, по мере накопления необходимых данных Б.И.Искандаров стал заниматься вопросами, касающимися ранней истории этого региона. В результате упорного труда ему удалось подготовить к печати ценную монографию «Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств (X в. – первая половина XIX в.)».²

«Этот длительный период, писал впоследствии Б.И.Искандаров, – не был достаточно полно и систематически изучен отечественными историками. Точных, особенно документальных, источников, сведений об истории этих княжеств (тем более раннего периода) очень мало, однако я опирался на данные новейших археологических, этнографических и лингвистических исследований. В работу я включил также обзор материалов об этом крае, которые приводились в трудах русских и западноевропейских ученых, особенно XIX в. и периода после присоединения Средней Азии к России».³

Работа интересна тем, что в ней впервые комплексно освещается история средневекового Западного и Восточного Памира. В ней содержится множество сведений, как о жизни киргизов, так и местных аборигенов края – таджиков, населявших горную землю Западного Памира – Вахан, Ишкашим, Шугнан, Рушан, Язгулям, Ванч, Дарваз.

Несмотря на некоторую изолированность, жители этих мест не могли быть полностью изолированными от крупных событий, которые выпали на долю таджиков Мавараннахра и Хорасана. И

¹ См.: Шаталов Е. Экономика дореволюционного Таджикистана // Вечерний Душанбе. – 1976. – 21 мая; Гаффоров А. Асари мухим // Тоҷикистонӣ Советӣ. – 1976. – 10 июн; Хайдаров Г. Ценное исследование // Ленинадская правда. – 1976. – 22 октября; Рахматов И. Асари нави олим // Бадахшони Советӣ. – 1977. – 14 октябр; Он же. Муносибатҳои капиталистӣ ва оқибатҳои он // Садои Шарқ. – 1979. – № I. – С. 153-156.

² Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в. первая половина XIX в.) Душанбе: Дониш, 1983. 160 с.

³ Искандаров Б.И. Трудный путь к знанию. – С. 126.

находясь в стороне от нашествий Александра Македонского, арабов, татаро-монгольских завоевателей, они тем не менее, также разделили трагическую участь народов равнинных областей Средней Азии.

Эти владения (княжества) в той или иной мере ощущали на себе далеко не мирные династические перемены (Тимуридов, Шейбанидов, Аштарханидов и Мангытов). Но в то же время они не могли неоспринять благотворного культурно-экономического влияния своих братьев, всегда имея тесный контакт с крупными очагами культуры и цивилизации таджикского народа. В работе Б.И.Искандарова прослеживаются те крупные события, которые оставили след в средневековом периоде истории этих княжеств. Приводится немало фактов из социально-экономической жизни княжеств, постоянных междоусобицах, присущих патриархально-феодальному обществу.

Труд академика Б.И.Искандарова «История Памира»,¹ считать как бы итоговым исследованием в историческом памироведении. В этой монографии еще более расширяется временное пространство исследуемого объекта. Оно охватывает почти всю историю Бадахшана и Памира с древности вплоть до новейшего периода. Этот труд последовательно и поэтапно раскрывает неизвестные и малоизвестные страницы во многом трагической, но в целом богатой и самобытной истории горных таджиков.

Проследив за ходом исторического процесса, за событиями, которые в той или иной степени коснулись Памира и отразились на судьбе местного населения, ученый пишет: «В целом историческая судьба Бадахшана тождественна судьбе всех горных стран Средней Азии. Труднодоступные для завоеваний, малопривлекательная бедностью природа до столкновения с европейской силой, с расчётливым европейским влиянием в целом они нужны были этнографическим переворотам, они сохраняли свою независимость удельного начала, они имели изредка счёты, потасовки. Хотя полностью нельзя согласиться с вышеизложенным положением, тем не менее судьба населения Бадахшана в целом была аналогична с судьбою населения Куляба, Бальджуана, Каратегина, Дарваза и других горных владений Центральной Азии».²

Согласно приведенным данным ученого, Бадахшан, начиная с древности, на протяжении всего средневековья в той или иной мере имел торговые и культурные связи со всеми государствами Центральной Азии и крупнейших сопредельных с нею держав. Уже в XV-XVI вв. европейцы начинают «все больше и больше узнавать

¹ Искандаров Б.И. История Памира. – Хорог: Мерос, 1996. – 185 с.

² Там же. – С. 48-49.

про эти места, по которым в далеком прошлом проходили караванные пути». Перечисляя путешественников, которые побывали в Бадахшане (географ и путешественник Марко Поло, иезуит Гоэсс, лекарь Барнье и др.), Б.И.Искандаров приводит их сведения о сказочной стране. Европейцы давно были информированы о природных богатствах края — по сведениям путешественников. В подтверждение этого ученый приводит оценку, данную крупным бухарским ученым энциклопедистом XVII века Махмудом ибн Вали. Бадахшан, по его словам, правильно называвшийся Тохаристаном, — «страна в длину и ширину обширная, четвертого климата. В ней множество месторождений золота, серебра, яхонта, меди, свинца, железа, граната, горного хрусталя, лазурита, свинца и железа».²

В работе дается описание драматических моментов, связанных со стремлением Шейбанидов завоевать горный край, что вызвало упорное сопротивление местных жителей (крупное восстание 1505 г.), которые в жестоких сражениях одерживали победу и изгоняли завоевателей из Бадахшана. После утверждения власти потомка Тимура Захируддина Бабура в Афганистане (1526–1550 гг.) на Бадахшанский престол был приглашен брат Бабура Нозир Мирзо, который правил там до своей смерти (1520 г.). За ним последовали сыновья Бабура — Хумаюн, Султан Сеид Кашгари и, наконец, Сулаймон, владевший также Таликаном, Кишмом, Ишкашимом и Андробом.³ В работе приведены все наиболее заметные факты и события. Постоянные интриги, междоусобицы, характерные для периода феодальной раздробленности, которые приносили неисчислимые беды трудовому народу, имели место вплоть до присоединения края к России. В книге в лаконичной форме находит свое объективное отражение длительная история Памира. На сегодня этот труд, несмотря на ряд погрешностей редакционного характера, допущенных по вине лиц, ответственных за издание работы, она является наиболее компактным по временному и территориальному охвату явлением и потому крайне ценным исследованием.

Разумеется, нельзя ограничивать рамки освещения истории центральной и южной части Таджикистана, Памира или Бадахшана лишь содержанием приведенных выше трудов академика Б.И.Искандарова. Оно намного шире и в той или иной степени отдельные аспекты истории края находили свое отражение и в других работах ученого. В этой связи научный багаж академика Б.И.Искандарова давно заслуживает стать объектом серьезного комплексного историографического исследования. Только тогда можно бу-

¹ Искандаров Б.И. История Памира. — С. 47.

² Там же.

³ Там же. — С. 77.

дет предельно полно определить его значение в развитии естественной исторической науки.

Говоря о роли Б.И.Искандарова в изучении истории Отечества в целом, юго-восточной его части и Памира в частности, нельзя не отметить последовательную и твердую позицию ученого в защите, утвердившегося и уже ставшего классическим понятием название «Памир». В этой связи хотелось бы определиться в оценке мнения тех исследователей, которые берут под сомнение исторически сложившееся географическое понятие «Памир».

Упоминая о Памире или о том названии, которое вобрало в себя сложившееся, вернее утвердившееся в современной науке территориальное понятие этого региона, мне, автору этих строк трудно удержаться от краткого изложения своего понимания¹ (думаю оно полностью совпадает с мнением академика Б.И.Искандарова), по поводу слишком участвовавших нападков на это понятие, главным образом, его историко-географическое определение. Дело в том, что в конце 80-х – первой половине 90-х годов прошедшего – XX столетия на страницах периодической печати, да и в ряде научных публикаций проявилась некоторая категоричность в суждениях о том, что Памир не имеет ничего общего с исторически сложившимся понятием «Бадахшан». Этим их авторы пытались и пытаются понятие «Памир» отделить от собственно Горного Бадахшана. Разумеется, эти суждения небеспочвенны и в некотором роде обоснованы. Но как нам представляется, нельзя сузить географию Памира только в пределах памирско-алайской границы. Сознательно отказываясь от констатации древних и средневековых аргументов по поводу географического определения Памира, считаем абсолютно приемлемым то понятие, которое вкладывали русские дореволюционные исследователи по отношению к краю, хотя бы потому, что его всестороннему изучению научный мир обязан именно им. Это бесспорный факт. Локализация и введенные ими в научный обиход историко-географического, топонимико-лингвистического понятия «Памир» и поныне не претерпело изменений. В этом смысле следует не только поддержать, но и глубже обосновать их концепцию.

Под Памиром они понимали пространство, пределы которого определились: на севере Заалайским хребтом, на востоке Кошгарскими горами, на юге – подножьем Гиндукуша, на западе – долиной реки Пяндж, на северо-западе – бассейнами рек Муксу и Оби-

¹ Наш взгляд по этому поводу опубликован и ранее. См.: Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и русский Памирский пограничный отряд в конце XIX-начале XX веков // Россия в исторических судьбах Таджикского народа (отв. ред. Р.М.Масов) – Душанбе: Шарки озод, 1998. – С.112-113.

хингоу, при этом, судя по некоторым расплывчатым суждениям ряда исследователей географии края, Припамирьем они считали Западный Памир, порою включая в это понятия Каратегин и Дарияз (Вахё входил в состав дарвазских владений). Памир в современном территориально-административном (условном) понятии – это Горно-Бадахшанская автономная область в составе Республики Таджикистан (хотя фактически он занимает более обширное географическое пространство). На наш взгляд, это очень удачно сложившееся определение и оно не требует новой ревизии. Тем более что понятие «Памир» несколько не влияет на административно-территориальный статус Горного Бадахшана. Оно лишь дополняет его. К тому же по воле обстоятельств слово или название «Памир» ассоциируется в нашем сознании как символ загадочной красоты первозданной природы, уже ставший традиционной гордостью народа и визитной карточкой горного Таджикистана в международном масштабе. Поэтому нужно воздать должное тем труженикам науки, открытием которых мы обязаны и понятию «Памир».

Выход труда под названием «История Памира» подтвердил, что мнение авторитетнейшего ученого в этой области академика Б.И.Искандарова являлось твердым и непоколебимым, что, по сути, является и ответом тем «специалистам», которые в силу незнания или слабого знания истории и исторических реалий «славятся» своими малоубедительными и более того авантюристическими суждениями, нанося этим ущерб тем ценностям, которые стали достоянием истории и вызывают законную гордость у народа.

В заключение хочется выразить слова признательности за многолетний, многоплановый грандиозный труд, который Б.И.Искандаров, патриарх отечественной исторической науки, внес в развитие национальной исторической науки.

*Академику Б.И. Искандарову 90-лет. Сб.
– Душанбе, 2002. – С. 5-21.*

ГОРДОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В истории науки Таджикистана среди тех имен, которые по праву получили мировое признание, прочно вписано имя выдающегося ученого-востоковеда Бориса Анатольевича Литвинского. Вот уже свыше полувека, с начала образования Академии наук республики ежегодно в ее научных материалах, а с 1971 года и Института востоковедения АН СССР (ныне АН Российской Федерации), а также Государственного Эрмитажа отмечаются научные достижения этого ученого.

Вхождение Б.А. Литвинского в когорту ученых, вставших у истоков формирования исторической науки республики и твердо определивших перспективы ее развития, явилось судьбоносным поворотом для молодого последователя, взвалившего на себя ношу многих неизведанных пластов многовековой истории древнейших аборигенов Центральной Азии – предков таджиков, а также других кочевых и полукочевых народов, для которых этот обширный край стал местом постоянного обитания. Историческая же наука Таджикистана приобрела в его лице настоящего труженика-первооткрывателя. И сегодня с высоты современного уровня отечественной исторической науки невольно убеждаешься, что во всех ее достижениях ярко прослеживается заслуга академика Академии наук Республики Таджикистан и почетного члена ряда зарубежных академий Б.А. Литвинского

По диапазону интересовавших ученого вопросов, охвату ими временного пространства, глубине анализа исторических проблем, ставших объектом пристального внимания исследователя сегодня в таджикской историографии древнего и средневекового периодов нет ученого, которого можно было бы поставить рядом с ним.

Археология - главное направление в его научной деятельности.

Даже искушенному специалисту трудно определить какое-либо одно, приоритетное направление в его научных изысканиях. По затрате времени, научным поискам и количеству изданной научной продукции, казалось, можно было бы выделить археологию как главное направление в его научной деятельности. В этом плане ему принадлежит ряд важнейших археологических открытий эпохи бронзы, раннего железа (Намазга-тепе, Кайра-Кумы, вахшская культура), жизни и быта кочевых племен (Западная Фергана, могильники Памира), античных городов с присущей им культурой (Кухна-кала, Калаи Кофарнигон), памятников, отражающих становление и развитие связей Средней Азии со странами зарубежно-

го Востока в древности и средневековье, и многое другое, что явились поистине научными открытиями, получившими широкое международное признание.

К тому же, в отличие от многих других археологов, ограничивавшихся лишь сухой фиксацией открытых ими памятников и их кратким описанием, визуальной характеристикой принадлежности находок к той или иной эпохе, Б.А. Литвинский, как истинный исследователь, с присущей ему эрудицией умело воссоздает объективную картину тех далеких эпох, к которым относятся его исследования.

Как настоящий историк, он глубоко занимается изысканиями не ради самой археологии как одного из направлений в общем цикле исторических наук, а для воссоздания неизвестных страниц истории народов Центрально-азиатского региона, главным образом таджиков. С его именем связаны почти все крупные археологические открытия на территории Таджикистана, получившие широкую известность на мировом уровне. Ученому на основе громадного объема собранного материала удалось сделать важнейшие открытия этнографического характера, истории религии.

Исследование по истории религии

Фундаментальные исследования Б. А. Литвинского по истории буддизма в Средней Азии, ставшие достоянием научного мира, получили высокую оценку ведущих специалистов. Ему принадлежат также ценные выводы и заключения относительно других домусульманских верований среднеазиатских народов. На основе археологических раскопок на высокогорном Памире ученым обстоятельно освещены вопросы, касающиеся космологии и верований древних памирцев. Причем эта проблема рассматривается в широком привлечении и сопоставлении материалов из Афганского Бадахшана и Индии.

Важнейшие открытия в изучении городской жизни

Заметны заслуги Б.Л. Литвинского в археологическом открытии и изучении жизни и культуры раннесредневекового и отчасти средневекового города, в частности, таких как Шехрислам, Хульбук, Халлаверд и др. В этом плане яркой и оригинальной является представленная им цельная архитектурная панорама древних и средневековых городов. Сопоставление обнаруженных им и его учениками материальных источников с сохранившимися письменными источниками привели ученого к важнейшим открытиям неизвестных и малоизученных аспектов городской жизни и культуры.

Труды составили основу фундаментальных исследований

Колоссальный труд, вложенный Б.А. Литвинским в сбор и изучение археологического материала по проблемам исторического цикла, а также и ряда других наук, подчинено главной цели - содействовать созданию фундаментального исследования по истории таджикского народа. Отраднo, что эта реальная цель получила реальное практическое воплощение в создании трехтомника «Истории таджикского народа» (в пяти книгах), изданного московским издательством «Наука» в 1963-1965 гг. Как один из авторов и редакторов он не только принимал самое активное участие в подготовке первого тома и первой книги второго тома, но и многие проблемы древнего и раннесредневекового периодов были раскрыты им на основе материала, полученного в археологических раскопках.

Более 30 лет после появления этого труда он руководит Южно-таджикской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Таджикистана, которой удалось проделать колоссальную работу по определению археологических объектов, провести многочисленные раскопки и выявить сотни памятников древней и средневековой истории, имевших мировое значение. Только простое перечисление сделанного им заняло бы несколько десятков страниц.

Часть открытий Б.А. Литвинского и его учеников составили основу вышедших первого (1998 г.) и второго (1999г.) томов из подготовленного к изданию фундаментального (в полном смысле слова эпохального) труда «История таджикского народа» в 6 томах. Как один из авторов и редакторов (совместно с одним из своих талантливых учеников, получивших также мировое признание, членом-корреспондентом АН РТ В.А.Рановым) первого тома, он написал отдельные главы на базе своих археологических изысканий, открытий, заключений. Его научные выводы взаимосвязаны с положениями других авторов, большинство из которых являются его учениками. Проблемы раннего средневековья и отдельные вопросы средневековья изложены во 2-ом томе и готовящемся к изданию 3-ем томе этого труда.

Плоды созданной им школы

Практически невозможно рассказать в одной статье обо всех археологических открытиях самого Б.А. Литвинским и его учеников, сделанных под его непосредственным руководством. Являясь, по сути, основателем археологической науки Таджикистана, в созданной им школе приобщались к большой науке десятки его учеников. Будучи с 1951 по 1971 гг. бессменным заведующим сектором ар-

хеологии и нумизматики и заместителем начальника Таджикской археологической экспедиции, а с 1973 года начальником Южно-таджикской археологической экспедиции Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук республики, он создал научный коллектив. Затем он работает в Институте востоковедения АН СССР (ныне Российской Федерации, где с 1972 года является заведующим сектором исторических и культурных взаимоотношений Советского (ныне Российского) и зарубежного Востока, а также Государственного Эрмитажа. Он и сегодня считается одним из ведущих в постсоветском пространстве и далеко за его пределами ученых. Отдельные представители этой школы после распада Союза оказались в развитых странах дальнего зарубежья, где снискали славу ведущих специалистов.

Получил профессиональное «крещение»

За плечами подающего надежды молодого ученого Б.А.Литвинского до его приобщения к большой науке в Таджикистане (1951 г.) был солидный, даже не по возрасту жизненный и научный опыт, еще, будучи студентом, он стал участником Великой Отечественной войны. В качестве командира взвода Первого Белорусского фронта прошел славный героический путь по дорогам двух последних лет войны. Вернувшись после Победы с боевыми наградами, он продолжил учебу в университете. Как в студенческую пору, так и в годы учебы в аспирантуре (1946-1949 гг.) Б.А. Литвинский прошел серьезную научную школу таких выдающихся ученых, как Б.Д.Греков, В.В.Струве, А.А.Семенов, К.В.Тревер и другие. Работал в должности старшего преподавателя кафедры археологии САГУ (1950-1951 гг.), активно участвовал в раскопках и анализе добытого материала, при непосредственном содействии М.Е.Массона получил самое серьезное профессиональное «крещение».

Выделялась фигура Б.А. Литвинского

Приезд Б.А. Литвинского, уже сформировавшегося ученого, в Таджикистан совпал с началом расцвета исторической науки в республике, которая к тому времени прочно заняла одну из ведущих позиций в Союзе. Благодаря усилиям С.Айни, являвшегося как бы соединяющим мостом между историческими знаниями (в лице одного из последних выдающихся представителей, заставших Ахмада Дониша) и подлинной исторической наукой (в лице Б.Г. Гафурова) и поколениями историков 40-х годов она выходила на самые передовые рубежи. Разумеется, в этом процессе нельзя не учесть и пря-

мую причастность русских, затем и советских исследователей (В.В. Бартольд, А.А. Семенов, М.С. Андреев и др.).

Среди той плеяды историков, которых следует считать, соратниками и последователями Б.Г. Гафурова и его школы сугубо академического направления вскоре особо стала выделяться фигура Б.А. Литвинского.

Известен как ученик и соратник Б.Г. Гафурова Он, как никто другой, пользовался особым отношением и доверием академика Б.Г. Гафурова. Б.А. Литвинский является одним из редких учеников и соратников Б.Г. Гафурова, который имел непосредственный доступ к научной лаборатории ученого. У Б.Г. Гафурова как руководителя Института востоковедения и как лица, в той или иной мере причастного к определению политики Правительства СССР в отношении к странам зарубежного Востока, находившемся в то время в периоде разгара антиколониальной борьбы, обретения свободы и независимости, было немало политических и научных проблем глобального масштаба.

Тем не менее, его главным приобретением в сугубо научном плане являлось комплексное исследование древнейшей, древней и средневековой истории таджикского народа, с которым тесно связаны сложные проблем этногенеза, формирования территориально-государственной общности, сложения таджикского народа и его государственности, его духовной и материальной культуры, определения его места в регионарной и мировой цивилизации. Вместить сложный и во многом драматичный путь протяженностью в несколько тысяч лет, в который вошли периоды сложного процесса первых государственных образований в регионе и героических эпопей борьбы народа против иноземных захватчиков, радостные моменты создания своей многонациональной державы с ее определяющей ролью в региональной цивилизации и горестные потери государственности, оказавшись надолго (около тысячи лет) под игом часто менявшихся правителей из чужеземных и чужеродных династий (хотя во всех этих случаях языковое и культурно-нравственное превосходство народа над властью имущими было очевидно), вплоть до возрождения государственности на окраине могущественной Саманидской державы под гордым названием Таджикистан, в одном труде, который под силу разве коллективу специалистов, одному исследователю чрезвычайно трудно.

Для этого нужен был круг единомышленников и в нем Б.А. Литвинскому принадлежало особое место. Оно определяется уровнем исторического мышления, определением сложности проблем, связанных с выделением истории таджиков из общего запутанного

узла или единого клубка, в котором были переплетены истории других народов в силу кочевых традиций, образа мышления, не признающих иных способов взаимоотношения и добрососедства, кроме грубой силы и жестокости в добывании пространства (разумеется, за счет коренного оседлого, земледельческого населения) для пастбищ, временных перекочевков.

Конечно, в этом непрерывном экономически разрушительном, нравственно унижительном, духовно оскорбительном и еще хуже насильственно ассимиляционном процессе сохранять свои языческие, культурные традиции до момента нового долгожданного государственного возрождения суждено было не каждому народу. История знает немало примеров навсегда исчезнувших народов и государств. Поэтому задача историка такого ранга, как Б.Г. Гафуров, заключалась в том, чтобы беспристрастно, непредвзято и объективно изучить весь тот исторический процесс, при этом определяя место и роль таджикского народа в истории региональной и мировой цивилизации. И в этом Б.Г. Гафуров рассчитывал на поддержку единомышленников и, главным образом, на Б.А. Литвинского, в ходе подготовки своего главного труда «Таджики» к изданию. Это очень ярко показано в своего рода послесловном приложении ко второму изданию книги «Таджики».¹

Магистральные направления в его научной деятельности

При всей многосторонности исследовательских интересов Б.А. Литвинского следует выделить особо три главных магистральных направления в его научной деятельности: 1) археология; 2) история; 3) историография. Каждое из этих направлений по охвату проблем можно подразделить и на десятки самостоятельных вопросов, разработка которых приводила исследователя ко многим открытиям и в общей своей совокупности составила тот огромный вклад, который внес ученый в развитие исторической науки в целом.

Свой длительный путь в большую науку Б.А. Литвинский начал как археолог. Первые его научные публикации: «Изучение Така-языра, Дуруна» по итогам работ отряда Южно-таджикской археологической экспедиции (ЮТАКЭ) за 1946 (в соавторстве с В.Г. Мошковой),² «К истории добычи полезных ископаемых на Челе-

¹ Литвинский Б.А. Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б.Г. «Таджики». Древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе, 1989. – Кн.2. – С.331-383.

² Труды Южно-Туркестанской археологической комплексной экспедиции. – 1949. – Т. 1. – С.276-325.

кене (до русского завоевания)»¹ и защита кандидатской диссертации² свидетельствовали о том, что на авансцену исторической науки региона уверенно вступает серьезный ученый. И не случайно, что Б.Г. Гафуров, будучи первым секретарем ЦК КП Таджикистана, пригласил наряду с выдающимся востоковедом А.А. Семеновым (ставшим первым директором Института истории АН Таджикской ССР) и Б.А. Литвинского на работу и постоянное жительство в республику.

Сразу окунувшись в разработку и осуществление плана созданного научно-исследовательского института археологических разведок и раскопок, теперь уже в качестве заведующего его сектором археологии и нумизматики, Б.А. Литвинский осознал, что ему уготовано стать, создателем не только важного научного направления, но и передовой археологической школы, которая вскоре получит общесоюзную и даже мировую известность. Но до этого всеобщего признания нужно было пройти неимоверно трудный путь, порою через неудачи, но чаще через удачные открытия памятников, их комплексное изучение, аналитические суждения с убедительными, научно обоснованными выводами и заключениями. Об этом можно судить по многочисленным отзывам специалистов, так высоко оценивавших выходящие из печати труды.

Фундаментальное исследование по археологии

В огромном, не поддающемся подсчету багаже вышедших в разных странах научных работ Б.А. Литвинского, около доброй половины являются сугубо археологическими. В этом плане особо следует отметить такие фундаментальные исследования, как «Археологическое изучение Таджикистана»,³ «Археологический очерк Исфаринского района»,⁴ «Аджинатепа: Архитектура. Живопись. Скульптура»,⁵ «Курганы и Курумы Западной Ферганы»,⁶ «Керамика из мо-

¹ Материалы Южно-Туркестанской археологической комплексной экспедиции. – 1949. Вып. 1. – С.78-125.

² Средневековые поселения области Нисы севернее Копет-Дага в IX-XV вв. Дисс. канд. ист.наук. – Ташкент, 1950. – 473 с. 70 л. табл. Библиогр.: С.432-471 (560 назв.).

³ Литвинский Б.А. «Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк). – Сталинабад: АН ТаджССР. – 1954. – 83 с.

⁴ Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. – Сталинабад: АН ТаджССР. – 1955. – 231 с. (с иллюстр.).

⁵ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.Н. Аджина-тепа: Архитектура. Живопись. Скульптура. (Под ред. Б.Г. Гафурова. Предисловие М.С. Асимова). – М.: Искусство. 1971. – 259 с. (с иллюстр.).

⁶ Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. (Раскопки. По-

гильников Западной Ферганы»,¹ «Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы»,² «Теппаи шах: культура и связи Кушанской Бактрии»,³ «Культура и ритуалы Кушанской Бактрии»,⁴ «Среднеазиатская культура Тохаристана»,⁵ и многое другое. К одному из важнейших фундаментальных исследований следует отнести и его докторскую диссертацию, текст которой не увидел света в том объеме, в каком был представлен к защите, прошедшей успешно.⁶

В числе серьезных археологических трудов ученого - также отчеты о деятельности Таджикской археологической экспедиции в 1955-1960 гг., его статьи и статьи под его редакцией в 23 выпусках «Археологических работ в Таджикистане», многочисленные публикации в журналах и газетах. Нужно учесть и то, что во всех работах ученого по другим направлениям, открытые им археологические материалы использованы в качестве основных и главных источников.

Немало у академика Б.А.Литвинского специальных проблемных и фундаментальных обобщающих работ по древней и средневековой истории центрально-азиатского региона и, в особенности, таджикского народа, среди которых следует особо выделить «Древности Кайракумов»,⁷ «Кангюйско-сарматский фарн»,⁸ «Очерки

гребальный обряд в свете этнографии). — М.: Наука, 1972. — 258 с. (61 л. иллюстр.).

¹ Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тыс. н.э.). — М.: Наука, 1973. — 202 с. (27 л. иллюстр.).

² Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). — М.: Наука, 1978. — 216 с. — (36 с. иллюстр.).

³ Литвинский Б.А., Седов А.В. Теппаи-Шах: культура и связи Кушанской Бактрии — М.: Наука, 1983. — 209 с. (с иллюстр. и 32 табл.).

⁴ Литвинский Б.А., Седов А.В. Культ и ритуалы Кушанской Бактрии: погребальный обряд. — М.: Наука, 1984. — 212 с. (37 рис., 26 табл.).

⁵ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Среднеазиатская культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. — М.: Наука, 1985. — 263 с. (с иллюстр.).

⁶ История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок Памиро-Ферганских могильников). Диссерт. на соиск. уч. степени д.и.н. — Душанбе, 1969. — 2206 с. (699 иллюстр.). — Библ.— С.1894-2206.

⁷ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). — Душанбе, 1962.— 405 с. (с иллюстр.).

⁸ Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен Южной России в Средней Азии). — Душанбе: Дониш, 1968. — 119 с. (6 л. иллюстр.).

истории буддизма в Центральной Азии»,¹ «Древние кочевники «Крыши мира»,² и др.

Работы, посвященные проблемам этногенеза

Другим заметным направлением в научной деятельности Б.А. Литвинского является историография. Как крупного специалиста его неизменно волновало и волнует состояние исторической науки в республике и в регионе в целом, ее проблемы и перспективы развития. Это довольно ярко прослеживается в таких работах, как «Археологическое изучение Таджикистана советской наукой»,³ «Историография Таджикистана (1917-1969 гг.)»,⁴ «Александр Александрович Семенов»,⁵ «Археологические работы в Таджикистане»,⁶ «Академик Семенов»,⁷ «Проблемы истории и истории культуры Средней Азии»,⁸ «Проблематика истории и истории культуры древней Средней Азии в советской науке (1960-1981 гг.)»,⁹ «Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1970-1980 гг.»¹⁰

¹ Литвинский Б.А. Бонгард-Левин Г.М. Очерки истории буддизма в Центральной Азии. – М.: Наука, 1968. – 110 м. (на англ. яз.).

² Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 269 с. (с иллюстр.). – Библ. – С.230-254 (1111 назв.).

³ Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). – Сталинабад: АН ТаджССР, 1954. – 83 с.

⁴ Литвинский Б.А., Марсаков К.П., Мухтаров А.М. Историография Таджикистана. – М.: Наука. – 70-80 с. (на англ. яз.).

⁵ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов; (Научно-биографический очерк). – Отв. ред. Б.Г.Гафуров. – М.: Наука, 1971. – 180 с.

⁶ Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // Археологические работы в Таджикистане (1970). – М., 1973. Вып. 10. – С.5-41.

⁷ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Академик Семенов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 46 с.

⁸ Литвинский Б.А. Проблемы истории и истории культуры Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977 гг.) // Вестник древней истории. – М.: 1977. – №4. – С.73-92.

⁹ Литвинский Б.А. Проблематика истории и истории культуры древней Средней Азии в советской науке (1960-1981) // Информ. бюлл. Междунар. ассоц. по изучению культур Центральной Азии. – М., 1981. – Вып.1. – С. 14-32; Вып.2 – М., 1982. – С.8-21.

¹⁰ Литвинский Б.А. Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1970-1980 гг. // Археологические работы в Южном Таджикистане. – Душанбе, 1987. – Вып.20 (1980 г.). – С. 15-50.

«История изучения Восточного Туркестана»,¹ «Бободжан Гафурович Гафуров и его труд»² и др.

Как известно, вопросы, связанные с проблемой этногенеза, являются самыми трудными и уязвимыми в древней и средневековой истории Центральной Азии. Как ведущий ученый, Б.А. Литвинский попросту не мог не заниматься этими вопросами. Вот почему они стали предметом пристального внимания исследователя. Этой проблематике и связанным с ней вопросам, касающимся этнологии, этнографии и этнокультуры, им посвящен ряд серьезных исследований. Даже простое упоминание таких его работ, как «Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана»,³ «Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы»,⁴ «Проблемы этнической истории Средней Азии»,⁵ «Этнические процессы в раннесредневековой Ферганы»,⁶ «Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э.»,⁷ «Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии»,⁸ «Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии»,⁹ «Этногенез и этническая история народов

¹ Литвинский Б.А., Терентьев-Калтанский А.П. История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. — М., 1988 — С. 17-82.

² Литвинский Б.А. Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б.Г. «Таджики». Древнейшая, древняя и средневековая история. — Душанбе, 1989. — Кн.2. — С.331-383.

³ Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: (Теоретический аспект): Тезисы. — М.: Наука, 1976. — 9 с.

⁴ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. — М., 1976. — С.45-65.

⁵ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во 2 тыс. до н.э. // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии: Тезисы докл. советских ученых. — М., 1977. — С.22-25

⁶ Литвинский Б.А. Этнические процессы и раннесредневековой Ферганы (Палеонтологический и лингвистические аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М., 1977. — С. 170-176.

⁷ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во 2 тыс. до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (2 тыс. до н.э.). — Душанбе, 17-22 окт. 1977. — М., 1981. — С.154-166.

⁸ Литвинский Б.А. Этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии // Народы Азии и Африки. — 1983. — №6. — С.61-69.

⁹ Литвинский Б.А. Страницы истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. — Душанбе, 1985. — С.132-142.

Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье»¹ и других, дает представление о широте диапазона.

В школах обучаются по его учебникам

По составленным ученым учебникам, пособиям, методическим рекомендациям для средней и высшей школы уже несколько десятилетий с середины 50-х годов прошлого столетия по настоящее время обучаются школьники и студенты.

В их числе статьи «Чем могут помочь учащиеся ученым в изучении истории своей республики»,² «Путешествие вглубь тысячелетий»,³ а учебник «История таджикского народа»⁴ (в соавторстве), выдержал семь изданий (с 1959 по 1965 гг.) и получил одобрение учителей и высокую оценку со стороны специалистов.

В 1953 г. увидело свет новое учебное пособие «История Таджикской ССР», подготовленное Б.А. Литвинским в соавторстве с другими специалистами.⁵ В 1965 году при активном участии Б.А. Литвинского группа ведущих ученых и специалистов выпустила учебник «История Таджикской ССР» для вузов республики.⁶ И в последующие годы по мере накопления нового материала и необходимости дополнения учебников и пособий, Б.А. Литвинский, несмотря на свою занятость, вновь и вновь возвращается к их составлению. Очередной исправленный и дополненный учебник «История Таджикской ССР» увидел свет в 1973 г. и выдержал несколько изданий.⁷ В соавторстве с А.М. Мухтаровым в

¹ Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1990. – Вып. I: Общие проблемы. – С.21-41.

² Литвинский Б.А. Талабахо дар омузиши тоҷики дар республикаашон чи таъв ба олимони ёри расонда метавонанд // Мактаби Совети, 1954. – №6. – С.19-88.

³ Литвинский Б.А. Путешествие вглубь тысячелетий. Памятка для юного археолога. – Сталинабад, 1957. – 54 с.

⁴ Литвинский Б.А., Мухторов А., Казачковский В.А., Обидов И. История таджикского народа: Учебник для 8-10 классов, 1-7 изд. Сталинабад-Душанбе, 1959-1965. – 217 с. (на тадж., русск., узб. яз.).

⁵ Литвинский Б.А., Мухторов А., Казачковский В.А., Обидов И. Учебное пособие для 7-8 классов. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1963-1965 (1-3 изд.). – 135 с. (на тадж., русск., узб. яз.).

⁶ История Таджикской ССР: Учебное пособие для ВУЗов. – Душанбе, 1965. (Литвинский Б.А. автор трех первых глав).

⁷ Литвинский Б.А., Мухторов А., Раджабов З.Ш., Яхъёев М.М., Беяков Г.Е. Истории Таджикской ССР: Учебник для 7-10 классов. – Душанбе: Ирфон, 1973-1975; Душанбе: Маориф, 1975-1981. – 266 с. (на тадж., русск., узб. яз.).

1987 г. было подготовлено новое издание этого учебника.¹

Параллельно с выпуском учебника Б.А. Литвинский публиковал немало статей учебно-методического характера.

Доброе отношение к ученикам

Помимо того, десятки крупных исследований выходили под редакцией ученого и авторы материалов, так или иначе, пользовались его советами. Под непосредственным руководством ученого были подготовлены и защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций по различным направлениям исторических наук. И каждый из диссертантов с искренней благодарностью и уважением отзывается о роли ученого, щедрости его души и таланта.

Те, кому посчастливилось непосредственно пройти его школу, познали цену истинной науки, труд и благородство настоящего ученого, определили свое место и призвание в обществе: до конца быть верным и честным служителем науки.

В отличие от многих научных руководителей, которые стремятся навязать ученикам свое видение, свою позицию в решении тех или иных научных проблем, академик Б.А. Литвинский всегда строит свои отношения с учениками на равных. Только в одном он требователен: в скрупулезном поиске абсолютно всей литературы по исследуемой тематике или близкой к ней по содержанию. При разновариантности решения, разных точках зрения он оставляет за учеником выбор.

Он уверен, что начитанный ученик при достаточной источниковой базе обязательно найдет верное решение. Даже самые серьезные замечания Б.А. Литвинский преподносит крайне деликатно, не задевая личного достоинства ученика. При этом никогда не торопит ученика с принятием решения. Поэтому иногда, казалось бы, случайно или же между прочим высказанное им мнение, приобретало определяющее значение при логическом завершении диссертационной работы или же монографии, но у ученика создается впечатление, будто он сам пришел к тому или иному заключению или выводу. Тонко чувствуя психологию молодого исследователя, ученый главный упор делает по двум направлениям: как можно более широкий охват литературы или источников по исследуемой теме; выработку самостоятельности в решении своей научной точки зрения.

¹ Литвинский Б.А. Мухторов А. История Таджикской ССР: Учебное пособие для 7-8 классов. — 5-ое переработанное издание. — Душанбе: Маориф, 1978. — 101 с.

К научному подвигу причастна спутница жизни

Независимо от темы беседы, устод своей осведомленностью располагает собеседника так, что тот сохраняет это впечатление на всю жизнь. Поистине энциклопедические знания, феноменальная прудированность ученого по тем или иным историческим проблемам буквально ошеломляли. Годы не смогли повлиять на его завидную работоспособность. С виду уравновешенный, спокойный, он внутренне всегда в состоянии лихорадочного поиска и обдумывания различных исторических проблем.

В завершение нужно сказать следующее: поистине научному подвигу Б.А. Литвинского напрямую причастна не менее выдающийся ученый, непревзойденный специалист по нумизматике Центральной Азии и прекрасная спутница его жизни Елена Абрамовна Давидович. Рука об руку, преодолевая все трудности, они служат единственной цели и науке. И сегодня, когда они оба в добром здравии, на радость нам, ученикам, многочисленному отряду таджикской интеллигенции, познававшей историю своего народа по их исследованиям, мы желаем им крепкого здоровья, такого же по хорошему завидного темпа работоспособности во славу исторической науки.

Х.Холджураев, О.Каримов. Выдающийся археолог и знаток Средней Азии – Худжанд: Нури маърифат, 2003. – С.242-260.

«ТАДЖИКСКИЙ ФЕНОМЕН» АКАДЕМИКА НУМОНА НЕГМАТОВА

Книги, книги. Это величайшее творение человечества. Сколько их издано и переиздано? Но их по-прежнему мало. Они будут изданы и издаваться, пока на земле существует человечество. Сколько в них мысли, сколько в них созидательной, а порой и разрушительной силы. Словом, человечество в них вселило все, что проходило через его сознание. В них и прошлое, и настоящее, и будущее.

Взяв книгу, привычно перелистывая, читаешь, но редко задумываешься, сколько мысленного простора вместилось в плотно сжатых страницах. Сколько идей и открытий в ровном ряде построенных букв, составляющих слова и мысли, замерших, в ожидании своего читателя, чтобы, словно незаметные лучи, проникнуть в глубину сознания – Никакие другие средства общения и передачи информации не могут заменить книгу – Созданная человеческим гением, она будет сопутствовать любому здравомыслящему всю жизнь – от рождения до смерти.

Разумеется, книги как и люди, разные, порой, диаметрально противоположные по характеру, по степени их восприятия, то есть они, если и несколько похожи внешне, но у каждой свое содержание, своя цель и задачи. В отличие от человеческого разума, они цепко держат вложенные в них идеи и мысли. Держат их в ожидании читателя. Они словно чувствуют степень восприятия, эрудицию, глубину знаний читателя по его первому любовно нежному соприкосновению. Видимо, будь у них живая душа или умение двигаться, они сами искали бы и находили своих читателей или избегали бы прикосновения рук тех невежд, которые могут различить только краски на обложке и не более.

Недаром именно, но качеству издаваемых книг в том или ином государстве определяется, вернее, измеряется степень образованности его народа и уровень его культурного развития. По книгам и определяется научный потенциал и вместе с тем экономическая мощь государства.

Таджикский народ еще с глубокой древности знал и ощущал цену книги. Самым дорогим и бесценным богатством в доме таджика была книга. Самыми почитаемыми и почетными были создатели книг. Недаром одна из высших клятв таджика есть клятва на книге. Само понятие «китоб занад», («пусть тебя книга проклянет») есть выражение равнозначное «проклятию богом».

Как бы ни говорили, какую бы оценку ни давали так называемые новые «теоретики общества» и «передовые мыслители» от демократических кругов, книгопечатание в Таджикистане особенно развивалось в годы Советской власти, когда великие творения

прошлых и настоящих мыслителей и ученых издавались на русском языке и стали достоянием читателей всей планеты, тем самым получив мировое признание.

Исходя из этого, в стране, где знают цену книге, где боготворят ее создателей, написать книгу сравнительно легко и неимоверно трудно. Легко потому, что воспитанность на богатой передовой традиции прошлых мыслителей, современные ученые и писатели, как бы сохранившие фундамент передовых идей, создают своё. Трудность заключается в том, что народу, достигшему определенной высоты знания, главным образом в гуманитарном направлении, не так просто создать труд. Достойный признания современников.

Таджикские ученые, главным образом историки, уже создали не один труд, достойный восхищения и гордости. Ряд их исследований имеет достойную высоту и признание в научном мире. К ним прежде всего относятся исследования С.Айни. Б. Гафурова, прямое воздействие которых наблюдается на последующие поколения историков. Об этом свидетельствует ряд серьезных исторических исследований, появившихся в свет в 70–80-е годы. К их числу также следует причислить две довольно крупные и фундаментальные работы академика Нумона Негматова «Государство Саманидов» (Мовароуннахр и Хорасан в IX-X вв.), изданную в 1977 и 1989 гг. соответственно на русском и таджикском языках, и «Таджикский феномен: теория и история» (Душанбе. 1997). Помимо этих двух, едва ли не самых читаемых книг, ученым создан огромный пласт научных размышлений и открытий, достигших высот науки, удостоивших его научных и ученых степеней и званий. Свыше 600 работ различного характера и направления создано им. И среди них немало сугубо академических исследований. Разумеется, для анализа его трудов по самим различным направлениям, у истоков становления и развития которых стоял Н. Негматов, требуется отдельные историографические исследования высокопрофессиональных специалистов соответствующих направлений!

Мы задались более скромной целью: изложить свое впечатление и поделиться своими приятными мыслями с широкой аудиторией читателей с различным уровнем знаний и научных восприятий о последней книге ученого «Таджикский феномен». Но даже эта задача не из легких. Тем не менее, мы надеемся на эрудицию и восприятие читателей, которые всегда могут разобраться и оценить по достоинству настоящую науку. Тем более, что речь идет об одном из популярнейших ученых, от которого всегда ждут и вправе ожидать новых научных открытий. Вот почему приятно избалованный отечественный читатель всегда ждет от ученого, неутомимого служителя науки, покорения новых и новых рубежей незаслуженно забытых феноменальных достижений наших Древних и средневе-

ковых предков, оставивших яркий след в истории мировой цивилизации. Интерес читателей, так воодушевленно воспринявших выход труда «Государство Саманидов» бесспорно вызвавшего оживленный резонанс и получившего немало положительных, вернее одобрительных, хвалебных отзывов, не ослаб и на сей раз, несмотря на появление множества серьезных исследований, посвященных эпохе Саманидов.

Как известно, ход подготовим и проведение юбилея 1100-летия Государства Саманидов, набравшие невиданный размах по изучению данного периода в последние два-три года, породили столько трудов, сколько не было написано в течение почти всего тысячелетнего периода после падения Саманидов. Тем не менее, все это не могло затмить то яркое впечатление, которое имеется в содержании труда академика Н. Негматова «Государство Саманидов».

Но все же чуткие почитатели, заметившие слишком лаконичное изложение и краткий анализ поднятых в книге вопросов, а также до этого читавшие и перечитывавшие труды кумира отечественных историков и рядовых читателей истории академика Б.Г. Гафурова, заметили, что у ученого Н. Негматова есть еще множество недосказанного, нескрытых проблем, недоведенных до конца открытий. И они, наши читатели, – как искушенные специалисты, так и рядовые, вправе были ожидать от ученого логического расширения и углубления, как поднятых проблем, так и еще ждущих своей очереди вопросов. Тем более, что сам процесс накопления материала, все больше и больше втягивающий внимание ученого в свою орбиту, все настойчивее диктовал ему взяться за осуществление того, что он вынашивал в своем сознании. И еще один серьезный ускоритель: развернувшиеся трагические события гражданской войны над выявлением причин, которых будут биться лучшие умы в течение предстоящих десятилетий.

Работы, непосредственно предшествовавшие «Таджикскому феномену», в том числе труд «Государство «Саманидов» на таджикском языке (1989 г. с некоторыми дополнениями), «Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан» (1992). «Проблемы изучения и периодизации истории культуры таджикского народа, в кн.: «Проблемы истории культуры таджикского народа», – Хисор, (1992), Хисорский заповедник: три года развития» (1994) и многие другие, не смогли отразить то главное, над которым годами думал ученый.

И вот таджикские, да и смело можно сказать, также зарубежные читатели получили долгожданную книгу «Таджикский феномен: история и теория» (Душанбе, 1997). Но книга фактически вышла чуть позже и в руки читателя попала в 1998 году. О данном труде есть первые отклики и отзывы несколько поверхностного характе-

ра, но они едины во мнении о том, что книга крайне своевременна и полезна обществу. На самом деле труд этот заслуживает более досконального анализа, тщательного изучения специалистами и широкой пропаганды. Он бесспорно, должен считаться чрезвычайно важным явлением в отечественной историографии.

Даже поверхностное знакомство с ним дает такое ощущение, что автор по сути дела в книге хочет поднять много проблем, которые очень трудно, скорее невозможно, вместить в одно исследование, каким бы объемным оно не было. Но заметно еще одно: судя по содержанию многих проблем, поднятых автором, он в буквальном смысле выстрадал их десятилетиями, прежде чем вынести на бумагу.

Еще следует подчеркнуть одну особенность книги: это «бунтарско-реформаторский подход» к событиям и истории вообще. В работе чувствуется принцип, утвердившийся и 80-х – первой половине 90-х годов в таджикской историографии – историзм, реализм и объективная истина, ставший предметом ряда аналитических суждений. Этот подход и делает книгу интригующей и крайне интересной. Читатель, независимо от степени своей эрудиции и причастности к изучению исторических событий, получает многое в познавательном отношении и не может занять позицию постороннего наблюдателя, так или иначе он втягивается в общий водоворот исторического мышления.

«Новое видение проблемы истории таджиков на современном этапе» – так озаглавлена первая глава монографии. В ней автор видит одну из неотложных задач современной отечественной историографии: – проведение «реформы самой исторической науки и исторического образования». При этом он выделяет следующие пять главных из них:

- проблемы «исторической прародины. «Родины» и «Исторического Таджикистана»;
- проблемы социальной, политической, государственной периодизации истории;
- проблемы этногенеза и этнической истории;
- проблемы культурогенеза и культурного наследия;
- проблемы реформы самой исторической науки и исторического образования.

Взявшись за это сложнейшее дело, автор, как большой ученый и тонкий знаток специфических особенностей проживающих в регионе народов, с большой осторожностью пытается изложить историческую правду, какой бы трудной и горькой она ни была. При этом он прилагает максимум усилий, чтобы не задеть или не ущемить интересы этих народов.

Указывая на все трудности и трагичность процесса образования

центральноазиатских государственных формирований, в котором больше всего пострадали древние аборигены края – таджики, ученый все же указывает, что «в итоге мы – центральноазиатцы имеем одно из величайших богатств – нашу традиционную дружбу и взаимопомощь, которые проявляются так часто в труднейшие годы строительства наших новых суверенных государств и обществ» (с. 29). Далее он призывает беречь это общее завоевание, чувство дружбы, взаимопомощи и «черезполосное сожительство в нашем центральноазиатском регионе, но вместе с тем высказывает историческую правду. Чтобы восстановить объективную истину исторической реалии, не нарушая сложившиеся геополитические границы, автор монографии предлагает использовать в истории таджикского народа научные термины – понятия «Историческая прародина», «Историческая Родина», «Исторический Таджикистан», «Современный Таджикистан». Согласно мнению ученого, «применение таких же понятии объективных подходов нашими коллегами-историками из соседних стран к истории своих народов восстановил бы историческую истину в науке всего нашего региона и снял бы возможные недоразумения» (с. 29).

Академик Н. Негматов, за плечами которого полувековой стаж изучения древней и средневековой истории и культуры среднеазиатского региона и сотни разрешенных проблем, так или иначе касающихся условных проблем этих эпох, сегодня исходя из своего опыта теоретического и практического их осмысления, преодолевая привычные традиционные рамки всяких барьеров, колебаний, выдвигает свой вариант периодизации истории. При этом он, прежде всего, исходит из региональных особенностей развития исторического процесса. На это ученый такого ранга, каким является Н. Негматов имеет полное право, тем более, что у автора на сей счет имеются довольно веские основания. Пока мы не знаем реакцию других маститых коллег-историков из соседних государств. Тем не менее, вызов брошен, причем, вполне обоснованный. В этом плане следовало бы организовать симпозиум с участием авторитетных деятелей науки, чтобы обсудить проблему на более широкой основе и прийти к общепризнанному и общепринятому номиналу. Но это так сказать, в перспективе, а на сегодня мы имеем только мнение авторитетного ученого. Н. Негматов призывает к пересмотру сложившейся в мировой науке основополагающей периодизации, соответствующей общепринятым общественно-политическим и экономическим формациям, именуемым как первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический строй.

Опираясь на соответствующий чрезвычайно богатый источниковедческий материал Н. Негматов приходит к довольно осмыс-

ленному логическому выводу о том, что историю таджикского народа, как и всего центральноазиатского региона, следует разделить на следующие формации:

1. Первобытный строй (800,000 – V тыс. до н.э.);
2. Общинно-сословный строй (IV – II тыс. до н.э.);
3. Государственно-общинный строй (I тыс. до н. э. – первые века н.э.);
4. Феодалный (средневековый) строй (IV – середина XIX вв.);
5. Переходный период поисков лучшего общественного строя (новое время, вторая половина XIX – XX вв.).

Как видно, здесь отсутствует привычно принятый «рабовладельческий строй», зато введены новые – общинно-сословный и «государственно-общинный». Раздвинуты границы феодального строя (средневековье). Вместо «капиталистического» и «социалистического» строя автор выдвигает пока «переходный период поисков лучшего общественного строя». Видимо, его, как и многих современников, разочаровали два понятия, ранее прочно утвердившиеся в рамках марксистско-ленинской периодизации. Он надеется, что будущее определит соответствующую терминологию. На наш взгляд, современные всеобщие неурядицы, хаос и нестабильность в экономике и в политической жизни общества не могут стать аргументом, чтобы наотрез отказаться от прежних формулировок. Во всяком случае, и «капитализм» не потерял присущие ему политические и экономические особенности, да и «социализм», как показывает опыт Китая с его своеобразной модернизацией, вселяет надежду на свое существование. Во всяком случае пока дать однозначный, ответ на этот крайне трудный вопрос невозможно. Будущее покажет истинный путь и поможет найти точную, реальную формулировку. Это чувствуется и в неуверенно расплывчатой формулировке последнего формационного строя. В таком подходе довольно легко ощущаются такие качества ученого, как осторожность политика, смелость теоретика истории, сомнения мудрого философа. Независимо от нашего сомнения, важным для науки является постоянный поиск сама смелость настоящего требования пересмотра старой и рекомендации новой периодизации общественно-формационного строя с учетом реалий сегодняшнего дня.

Другой, на наш взгляд, важной и крайне актуальной задачей, поднятой автором, несмотря на казалось бы уже нашедшей свое научное решение, является более обстоятельное изучение проблемы, касающейся этногенеза и этнической истории таджикского народа. Справедливо, давая должную оценку целой плеяде различного направления научных интересов известных исследователей, внесших лепту в решение этногенеза таджикского и других народов центральноазиатского региона, в то же время, опираясь в

большинстве своем на археологические источники, заняться более серьезным и ответственным исследованием вопроса.

В этом плане объективно заманчив факт, что академик Н. Негматов является автором концептуальной программы комплексного исследования этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии с древнейших времен до конца XX в. состоящей из 7 проблем и 60 тем. По идее предлагаемая программа исследовательских работ в этом направлении рассчитана на подготовку 12 томов книг, посвященных комплексному анализу всех проблем, касающихся этногенеза и этнической история представителей основных наций и народностей, проживающих в Центральной Азии, начиная от общей концепции истоков их современным состоянием. В создании этой серии книг должны участвовать все главные специалисты соответствующих направлений региона. По мнению ученого, тогда вполне могли бы быть сняты те спорные моменты, которые возникали бы при решении этих вопросов.

В книге «Таджикский феномен» изложена концепция автора касательно перспектив культуроведческой науки, в которой также изложены четкие формулировки, выдвигаемые автором, периодизации состоящей из 7 следующих культурно-антропологических этапов: 1) формирование нового человека, 2) протоарийцы-арийцы-индоарийцы, 3) сложение иранских народностей, 4) этническое сложение таджикского народа, 5) «таджикский исторический феномен», или «шесть веков славы», 6) «этап затмения», 7) неовозрождение. Отрадно заметить, что Н. Негматов довольно аргументированно обосновывает каждый этап и соответствующие названия.

Наряду с этими проблемами, автор работы излагает и мнение о необходимости реформирования исторической науки и исторического образования. Согласно его видению, таджикская историческая наука от возникновения до превращения в науку преодолела 4 этапа. «Если первый этап сбора эмпирических познаний окружающей среды и общества, — пишет он, — сменил второй этап создания фонда письменных историографических текстов, то третий был уже эпохой полного становления и развития таджикской исторической науки, расширения и углубления её тематики до глобальных и общемировых жанровых направлений и стилевых методов изложения». По верному заключению «славным стал XX век таджикской исторической науки — её четвертый этап развития и процветания. (с. 63 — 64)

Хотя общий ход изложения Н. Негматовым определения этапов, не вызывает сомнения, но как нам кажется, допущена некоторая техническая неточность в применяемом условно определении третьего этапа, т.е. «зрелого тысячелетия таджикской исторической науки» (От Наршахи и Балъами до Ахмади Дониша). На наш

взгляд, здесь больше подходили бы термин или слово «исторических знаний», которые в настоящую науку превратились в XX столетии (вернее за годы Советской власти).

В предлагаемой концепции реформирования исторической науки и исторического образования ученым выдвинута идея настоятельной необходимости выработки цельной, глубоко обдуманной концепции и путей её осуществления. Согласно его обоснованному мнению, от высокой степени централизованности зависит будущность исторической науки. Следует заметить, что ученый призывает к осуществлению реформы в этом направлении не только ради развития этой отрасли науки. Он считает, что придавая приоритетное значение исторической науке, мы не только преследуем главную цель – показать всему миру наши исторические ценности, но что еще важнее, на уроках истории мы должны воспитывать у подрастающего поколения национальное самосознание.

Историческая наука должна пробудить у народа тот интеллектуальный потенциал, который выведет народ Таджикистана на передовые рубежи науки и производства. Тем более, что Таджикистан имеет бесконечно богатый потенциал ресурсов, необходимых для востороннего прогресса.

В труде Н. Негматова одно из центральных мест занимает углубленное изучение этногенеза таджикского народа. Казалось бы вопрос этот освещен достаточно полно. Этим в разной степени занимались ведущие историки – исследователи древней и средневековой истории таджикского народа. Но нет, подводя обширный историографический анализ изучения данного процесса и в то же время опираясь на множество источников различного характера, Н. Негматов вносит новые коррективы и последовательно поднимает новые пласты компонентов, совокупность которых и создала почву для формирования таджикского этногенеза. Для этого автору удалось логично провести читателя через последовательное изложение им истории территориально-государственных ареалов, через удачно выделенные три этапа территориально-хронологического процесса и основной этнический компонент, через «этнонесущий блок культуры». Хотя ученый в этом вопросе придерживается ставшего классическим определения этносов (народов и, наций) признаков: общность языка, территории проживания, экономической структуры и культурогенеза, но все же и здесь заметно чувствуется его концептуальный подход в решении проблемы. Углубленная последовательность и предельная ясность в сложении основных параметров расовоэтнического сложения таджикского народа.

Составленная автором таблица, в которой приводятся основные этапы этнического формирования, хронология, этнической истории, этническая территория и межэтнические связи (последнее

очень важно и удачно вписывается в концептуальное содержание проблемы этногенеза таджикского народа), не может не вызывать интерес специалистов. Несколько своеобразным и почти непривычно новым явлением следует считать главу, названную «Таджикское Эхъё». Пожалуй, из всех крупных концептуальных проблем, которыми изобилует этот труд, вопрос о таджикском ренессансе, выраженном в понятном для таджиков термине «Эхъё – к жизни, воскрешение, возрождение» занимает выпукло заметное место. Как видно, смысловое выражение это – ёмко и не случайно избранно.

Разумеется, выдвинутая автором идея не может стать для разновосприимчивого читателя истиной в последней инстанции. Скорее всего, даже и вызывает некоторое сомнение. «Таджикское Эхъё», – пишет академик Н. Негматов, – охватывает длительный период истории таджиков между V – XI вв. Исламу фактически не удалось прервать последовательный процесс развития Таджикского Эхъё в VII – X вв. В эти столетия и много позже, как показывают исследования материальной и духовной культуры доисламского периода, продолжали свое развитие и составили сложный компонент также формирующейся раннеисламской культуры (с. 115). Не исключено, что в этом плане возникнут некоторые вопросы относительно слишком длительного отрезка исторического периода, выделяемого для таджикского ренессанса (V – XI вв.). Читатель знаком с западноевропейским ренессансом, в котором действительно наблюдалось возрождение античной и древнеримской культуры, то есть на сохранившемся их фундаменте, в более усовершенствованной форме возродилась великая цивилизация. Для таджиков сохранить достижения саманидской культуры и усовершенствовать их, намного было труднее, чем на Западе. Хотя бы потому, что ислам в отличие от христианства, относился к доисламской цивилизации более ревниво и разрушительно. На Западе сам факт сохранения культурных достижений и латинского языка как языка науки и культурных достижений многое значил. Хотя могут быть и иные толкования. Но сам факт разрушительных действий арабских завоевателей или их эмиссаров к великой доарабской культуре, достижения которой можно смело называть цивилизацией, не могли нарушить и даже прервать в некоторых случаях преемственность былой цивилизации. Если было такое, то явно не в таких масштабах, как при западноевропейском возрождении.

В таком, случае может естественно возникнуть вопрос о степени преемственности понятий «Эхъё» или «Возрождение» к «Феномену Саманидов». Но логичнее было бы применить, к достижениям эпохи Саманидов такие довольно емкие понятия или определяющие терминологии, как «наивысший расцвет», «величайшие достиже-

ния», «наивысший подъем», словом, какое-нибудь другое определение, которое бы могло ярко охарактеризовать те замечательные культурно-экономические результаты, какие таджики достигли при Саманидах.

Впрочем, это приводится как вариант возможного восприятия, вызывавшего у отдельных читателей сомнения или колебания. Но, читая и перечитывая строки, посвященные Н. Негматовым «Таджикскому Эхъё» трудно, да и почти невозможно возразить против приведенных им аргументов, которые определяют Согдийскую цивилизацию, или преемственность культурного процесса (в данном случае таджикского). Во всяком случае, в этом вопросе правы те ученые, которые выступают против абсолютизации арабского фактора в создании таджикской или среднеазиатской цивилизации (Б.А. Литвинский, А.Д. Джалилов, да и сам Н.Негматов и др.) Но факт особенности «медленной исламизации» Средней Азии и Ирана (в горных районах она продолжалась до XI в) давал возможность для преемствования до исламской цивилизации. Другими словами, продолжительное сопротивление аборигенов края, прежде всего таджиков, лишало арабов возможности быстрого и всеобщего разрушения былых культурных достижений, что и служило основой для возрождения или Таджикского Эхъё. В этом плане в арсенале ученого великое множество фактов, и трудно возразить против его аргументированных выводов.

Н.Негматова со свойственной ему скрупулезностью в разборе разнообразных источников и на этот раз не подвело логическо-аналитическое чутьё. Он намного глубже и шире подметил не только истоки Таджикского Эхъё, но и процесс его роста и влияния на восточную и западную цивилизацию. Приведя свое понимание о первостепенных итогах Таджикского Эхъё он перечисляет их в таком порядке: 1) завершение и сложение таджиков как единого народа, 2) единый литературный язык, 3) таджикское централизованное Государство Саманидов, 4) формирование таджикского культурного феномена, 5) система образования, 6) канонизация общеиранской социально-политической и миротворческой мысли о лучшем добродетельном государстве с девизами: Гуманизм, Благодарение, Трудолюбие, Миролюбие. Все эти процессы первостепенной исторической важности, — пишет ученый, — заложили основу таджикского феномена в мировом сообществе» (с. 128-129). Во всех достижениях таджикского народа ученый, прежде всего, видит результат его упорства в получении знания его стремление к интеллектуальному развитию. «Сердцевину Таджикского Эхъё, — отмечает ученый, — составляют интеллектуальный путь развития от арийских предков до таджиков от «Авесты» Зардушта до «Шахнаме» Фирдавси, грандиозное медицинское наследие во главе с «Ка-

ноном медицины» Абуали ибн Сино, алгебра и арифметика Мухаммада Ибн Муса ал Хорезми, поэзия Рудаки, Дакики, Унсури и Хайяма, «Книга о Политике» Низамальмулька и многое другое, составившее основу достижений Востока и Запада во многие столетия, ставшее одним из важных источников цивилизации других народов Востока и Европы». (с. 130).

Автор считает, что Таджикское Эхъё с одной стороны, выступает как составная часть общеиранского макроренессанса X-XV вв., а с другой, имеет свою хронологию (V-XI вв.), территорию (Исторический Таджикистан) и содержание (с. 136). Углубляя свой тезис в этом отношении, он пишет: «Согдийская, бактрийская, тохаристанская, маргианская, парфянская, хорезмийская, уструшанская, ферганская, сако-согдийская, чачско-семиреченская, восточно-туркестанская цивилизации и их итоговый феномен – Таджикское Эхъё V-XI вв. были действительно великим достижением предков-восточноиранских народностей древности и самого таджикского народа, были их достойным вкладом в мировую общечеловеческую культуру средневековья.

Таджикское Эхъё ныне представляет ряд феноменов и памятников культуры мирового значения созданных гением народа и его выдающимися деятелями в раннем и развитом средневековье» (с. 137-138). Далее, чтобы показать величие таджикского феномена, ученый приводит многоотраслевые достижения (феномены) и сохранившиеся величественные памятники материальной и духовной культуры, составлявшие основу Таджикского Эхъё.

Между тем, автор труда не мог не заметить и щедрости таджикской души, втягивающей в орбиту своего влияния другие народы, стоявшие на низшей ступени интеллектуального развития. Хотя, в конечном итоге, потомки ряда из тех, кто участвовал в захвате, разрушении и уничтожении таджикских культурных ценностей, себя объявили наследниками их создателей. «В мире, – пишет автор, – мало народов-создателей ренессанса такого масштаба и глубины, такого единения громадных потоков физического и интеллектуального труда, так щедро и благотворно вскормивших всех желающих. Но на таджиков и их Эхъё шли и с недобрыми намерениями, уничтожения, захвата и присвоения» (с. 141.).

Несмотря на то, что ученый дал довольно обширный комплексный анализ эпохи Саманидов в своем труде «Государство Саманидов», и тем самым не обязан был вновь возвращаться к этой теме, но он твердо верен принципу, что наука не должна останавливаться на уровне достигнутых высот, какие бы они ни были. Особенно это относится к исторической науке. По мере накопления материала, обнаружения новых источников меняется взгляд на решение тех

или иных проблем. В этом нас убеждает и отношение академика Н.Негматова к истории Саманидов.

Знакомство с четвертой главой «Таджикского феномена», названной «Шесть веков таджикского исторического Феномена (X-XV вв.)» нетрудно заметить, что к теме Саманидов автор подходит с проблемно-обширным взглядом. Он удачно пытается раскрыть логическую связь между Государством Саманидов завершением этногенеза и Эхъё таджиков. По сути, поддерживая предыдущих исследователей относительно сложения таджикского народа, вместе с тем несколько расширяя его исходные компоненты, он пишет: в IX-X вв. полностью завершился процесс образования таджикского народа и сложения таджикского литературного языка. По всем данным, исходными этническими компонентами, составившими основу единого таджикского народа, явились согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и сакские племена. Сюда в разные периоды включались еще и хиониты-эфталиты, тюркские и другие этнические группы. (с. 155).

Говоря об истории и предпосылке создания таджикского централизованного государства, автор исследования во главу угла ставит разгоревшуюся всеобщую борьбу всех слоев народа против арабского нашествия и арабского халифата, результатом этого процесса и стало выдвижение местных династий Тахиридов и Саманидов. «История их возвышения и есть история собирания и объединения областей, населенных складывающейся таджикской народностью. Центром этого объединения были Мавераннахр и Хорасан, ибо именно здесь созрели соответствующие силы, подготовленные ходом предшествующей истории. Династия Саманидов была таджикской, а Саманидское государство было преимущественно центральноазиатское. Государство располагалось на территории, издавна населенной восточноиранскими народностями: предками таджиков» (с. 156).

В книге Н. Негматова «Таджикский феномен», хотя и лаконично, но довольно емко и подчеркнута изложены культурные достижения таджикского народа эпохи Саманидов. Приведенная ученым цитата из высказывания современники той эпохи ал-Джахиза сама по себе может дать яркое представление о состоянии науки и культуры эпохи Саманидов: «Нет на земле выдающегося искусства из (области) литературы, философии, счета, геометрии, музыки, ремесла, законоведения, (знания) традиций, в котором бы не увидел хорасанцев, побывающих главных (знатоков) и побеждающих (известных) ученых..(с. 157).

Так же автор работы стремится предельно кратко, но ясно охарактеризовать состояние таджикского народа, его положение, а главное его определяющее место в политической, хозяйственной и

культурной жизни центральноазиатского региона при последующих после Саманидов династических правления караханидов, газнавидов, сельджукидов, каракитаев (киданей) и хорезмийцев до нашествия монголов, во время их нашествия и управления. Во всех случаях особое внимание уделено героической борьбе таджикского народа. Значительное внимание также уделено таджикскому Гератско-Гурскому государству куртидов, которое по воле обстоятельств не испытало разрушительное воздействие татаро-монгольского нашествия.

Одним из особенно удачных выводов автора книги является выдвинутая им концепция центральноазиатской цивилизации. Ее суть составляет определение, или вернее выявление истоков преемственности или степень влияния Таджикского Эхъё в эпоху от Саманидов до Саманидов, конкретнее в V-XI вв., от Борбада до Хайяма, охватившего «все ядро современной Центральной Азии и ставшего фундаментом цивилизационных процессов всей Центральной Азии средневековья и нового времени». По обоснованному мнению ученого «оно дало потенцию двум великим цивилизационным процессам: а) последующим шести векам персидско-таджикской поэзии, прозы, науки и искусства; б) общетюркскому культурогенезу. Общетюркская генезисная база Центральной Азии стала тем основным фундаментом, на который накладывались миграционные процессы при монголах, Тимуре и Тимуридах, Шайбанидах и последующих тюркских государствах» (с.120-231).

Несколько своеобразной является идея автора о том, что указанные два историко-культурных процесса стали «местными опорными потенциями центральноазиатской цивилизации XV столетия». При этом он указывает не только на созидательный труд собственно народов Хорасана и Мавераннахра, но и во многом на материальные и людские ресурсы захваченных Тимуром и Тимуридами. «Отсюда, – пишет автор, – центральноазиатская цивилизация XV в, часто называемая «тимуридской», возникла и процветала на потенциале материальных и духовных культур местных таджиков и тюрков Мавераннахра и Хорасана и не меньше персов, индусов и ряда других народов». (с. 231).

Исходя из этого, автор считает, что центральноазиатскую цивилизацию XV в. нельзя считать принадлежностью одного народа. «Вообще, сама династия Тимуридов, – пишет ученый – не является принадлежностью одного из современных народов Центральной Азии. Тимуриды по происхождению – чингизиды-монголы, в себя вобрали много иранского духа, культуры и традиции. У них языком государственного делопроизводства был фарси-таджикский, диалектом домашнего быта был монголо-чагатайский» (с. 232).

Таким образом, резюмируя все сказанное, автор исследования

излагает свою концепцию в отношении центральноазиатской цивилизации XV в., он твердо подчеркивает, что если Таджикское Эхъё V-XI вв. во всей своей совокупности стало итогом великого созидания эпохи от Сасанидов до Саманидов и его итоги вместе с достижениями арабоязычной культуры исламских стран Ближнего и Среднего Востока сыграли выдающуюся роль в формировании Европейского ренессанса XVI в. и постренессансных столетий Западной Европы, то центральноазиатская цивилизация XV в. базируясь на цивилизации таджиков и персов X-XV вв., общетюркского культурогенеза XI-XV вв., и огромных привозных материальных и людских ресурсов ряда стран Среднего и Ближнего Востока, Кавказа и Восточной Европы совершила краткосрочный, но грандиозный взлет в ряде областей культуры, но выдохлась сразу же с падением эфемерного Тимуридского государства уже в начале следующего столетия». После чего Средняя Азия, некогда процветавшая и служившая одним из главных, очагов мировой цивилизации, превратилась в «темный бесцветный край мирового позднесредневековья» (с. 234). Хотя приведенная цитата по своему объему и выходит несколько за рамки традиционной этики цитирования, но свободный пересказ, на наш взгляд, мог бы идти в ущерб общему восприятию концептуально-логических суждений автора по данной проблеме.

В монографии Н. Негматова, на наш взгляд, дается картина влияния Таджикского феномена на Западе и Востоке. Изучая вопрос через призму взаимовлияния культур Запада и Востока и места в нем Таджикского феномена, ученый прослеживает на этом фоне истоки Европейского ренессанса. При этом он обоснованно определяет влияние в нем Таджикского Эхъё. Ученый скрупулезно выделяет не только множество направлений в этом культурном обмене, но и четко определяет конкретные хронологии и степень воздействия или преемственности Таджикского феномена в тех или иных государствах или регионах Европейского континента.

Разумеется, автор далек от мысли, что под силу одному исследователю решать все проблемы взаимодействия культур. Призывая к тщательному изучению проблемы, он пишет: «Европейское возрождение необходимо подробно, скрупулезно и конкретно изучить через призму участия в нем восточных, в том числе таджикских, цивилизационных достижений средних веков. Думается, что такой исследовательский подход откроет до сих пор скрытые факты и выводы взаимодействия культур Востока и Запада. Но один общий вывод следует отметить – преемственность идей и сходные черты творчества великих ренессансных деятелей Европы, начиная с первых итальянских зачинателей идут в значительной степени от их восточных, в том числе персо-таджикских предшественников, и

они вместе составили прочную основу гуманистических идеалов средневековья и нового времени» (с. 311).

Слишком очевидно взаимовлияние культур Востока и Запада, оно приводит ученого к твердому убеждению, что настало время по-новому смотреть на общечеловеческие достижения. «Современному человеку – пишет он, – давно пора избавиться от пресловутого, введенного «евро-процентристами» и «азиатристами» разделения гуманизма на «восточный» и «западный». К этому призывали устремления и творчество деятелей Таджикского Эхъё V-XI вв. и европейского ренессанса XIV-XVI вв. (с. 312).

Хотя академик Н. Негматов ясно прослеживает Таджикский феномен в Западной Европе, но по его обоснованному убеждению, он «в более близком и более расширенном варианте наблюдается в Восточной Европе. По меткому выражению ученого, «присутствуют вместе исторический дух славянский и иранский, русский и таджикский (с. 321). Опираясь именно на наличие этого духа, автор четко выделяет судьбоносное участие России, как великой евразийской страны с ее геозническим родством, в процессе становления нового Таджикистана.

На наш взгляд, крайне удачно вписывается в общее содержание монографического исследования Н. Негматова и шестая глава, названная «Культурно-антропологическая хронограмма процессов, явлений и деятелей этапов этногенеза. Эхъё и исторического феномена таджиков. Приобретения и беды таджиков». В ней автор выделяет основные судьбоносные моменты и явления в нашей истории, яркие следы мыслителей, показывает достижения и те многочисленные беды, приносившие неисчислимые страдания нашему народу, из которых следует извлечь соответствующие уроки.

В заключительной, VII-ой главе труда ученый как гражданин, ученый и патриот своей Родины считает своим долгом изложить свои видения идеального демократического государства, каким бы он хотел видеть в будущем свой родной Таджикистан. Н. Негматов предлагает довольно заманчивую, и вместе с тем близкую к таджикскому духу и восприятию программу, основанную на горьком историческом опыте своего народа, и то полезное, что выработало человечество, чтобы создать идеальное общество – государство. Таджикистан, его народ, прошедший сквозь многовековые тяжелые испытания, оставивший яркий след в мировой цивилизации, не только достоин лучшей жизни, но и обязан во имя той славной истории создать примерное общество-государство, которое выбрало бы в себя самые передовые достижения человечества. В этом плане кажутся несколько фантастическими мечты потомка исторического Таджикистана и гражданина нынешней Республики Таджикистан, академика Н. Негматова, вполне обоснованны, имеют реальную

почву и возможность осуществиться. Призыв ученого, посвятившего себя служению и изучению многовековой, архисложной, драматической, но вместе с тем славной истории таджикского народа – народа, стоящего у колыбели центральноазиатской цивилизации, должен быть услышан и понят.

Таким образом, книга академика Н. Негматова «Таджикский феномен: теория и история» является итогом его многолетних раздумий, плодом постоянных, тяжелых научных изысканий, мучительных поисков правды истории своего народа от начала его этногенетического сложения через создание во всех отношениях в средневековье примерного государственного устройства, достижения великих вершин цивилизации, через все испытания мучительной трагедии потери государственности, исторической родины и тем самым былой гордости и славы до его нового возрождения через тысячелетие на окраине некогда могущественной империи таджиков – Государства Саманидов – нынешней независимой Республики Таджикистан.

Переживший последнее тяжелое и трагическое испытание судьбы, Таджикистан, избравший независимый, светский, демократический путь развития, под руководством Президента Э.Ш. Рахмонова уверенно шагает в светлое будущее. Отраднo заметить, что руководство республики, прежде всего ее Президент, в своей созидательной деятельности исходит из горьких и вместе с тем поучительных уроков истории. Это свидетельствует о том, что историческая наука все больше и активнее встает на службу народу. Она становится той консолидирующей, которая обеспечит будущий прогресс и процветание нашей Родины – Таджикистана. И в этом особенно важна заслуга наших ведущих историков, таких как С. Айни и Б.Г. Гафуров. Труд академика Н. Негматова «Таджикский феномен», бесспорно, сыграет важную роль в этом направлении.

Со своим смелым аналитико-реформаторским подходом к изучению истории выдающийся таджикский ученый Н. Негматов, таким образом, сумел создать уникальный труд, вполне соответствующий духу времени. Мы уверены, что он найдет свое достойное и почетное место среди самых крупных исследований, вызывающих широкий резонанс в научном мире.

Худжанд. – Гос. изд.-во им. Р. Джалил, 2001. – 24 с.

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ ИСТОРИИ

Начало пути

Представлять академика Рахима Масова и трудно, и легко. Он давно пользуется большой популярностью не только в Таджикистане, но и далеко за пределами республики. Попытаться всесторонне представить его личность действительно трудно. Вместе с тем всегда есть, что сказать о личностях такого ранга как академик Рахим Масов, хотя бы потому, что слишком многогранна его деятельность как ученого, организатора науки, общественно-политического деятеля.

Формирование Рахима Масова, как ученого-историка, связано с реалиями времени и среды, в которых он вырос и получил соответствующее образование и воспитание. Родился он 16 ноября 1939 года в семье крестьянина. Воспитывался сначала в Хорогском, а затем в Сталинабадском детских домах. По рекомендации педагогов, знавших о его способностях, поступил на исторический факультет Таджикского государственного университета.

Пять лет для отличника учебы и общественного активиста Рахима Масова пролетели незаметно вместе с приобретением прочных знаний, которые он получил от известных в то время ученых. Участвуя в традиционных в советский период для студенчества хлопкоуборочной кампании и стройотрядах параллельно ему удалось обрести и хорошую трудовую закалку, которая помогла в дальнейшем упорно заниматься научными изысканиями.

Еще до начала государственных экзаменов, учитывая способности выпускника, руководство университета определило ему будущее место работы. Позади выпускные экзамены, защита дипломной работы. После летних каникул молодой специалист, согласно направлению, явился на работу в Институт истории, археологии и этнографии Академии наук республики. Был принят на должность старшего лаборанта. С тех пор на протяжении свыше 50 лет он верой и правдой продолжает служить в этом крупном центре исторической науки республики, пройдя все ступени научной и служебной карьеры до директора института и академика.

Должность старшего лаборанта, на которой он работал с 1962 по 1964 годы, дала ему возможность познакомиться с атмосферой научной деятельности отдела советского общества Института, да и в целом этого академического учреждения. В 1964-1967 годах он досрочно готовит кандидатскую диссертацию на тему «Историко-география социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане». Ко времени защиты у молодого исследователя опубликовано было около 10 солидных статей. Успешно защищенная им тема была в то

время первой по историографической проблематике в республике. Осознавая это Рахим Масов в дальнейшем стал упорно заниматься в новом научном направлении – историографии новейшей истории Таджикистана.

Обретение профессионального направления

Проявленные Рахимом Масовым способности не могли остаться незамеченными руководством Института. В 1974 году он был выдвинут на должность заведующего отделом советского общества. За 14 лет работы в этой должности (до 1988 г.), ему удалось успешно направлять усилия сотрудников отдела на подготовку и публикации таких фундаментальных монографических исследований как «История рабочего класса Таджикистана» (в двух томах), «История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.)», «Очерк истории Советского Бадахшана» и целого ряда других научных работ, сборников статей, отдельных брошюр, посвященных актуальным проблемам современной истории республики. Во всех этих работах особое место занимали исследования самого руководителя отдела.

Плодом многолетних научных изысканий Рахима Масова стала монография «Историография Советского Таджикистана», увидевшая свет в 1987 году. Это был, по сути дела, труд, утвердивший его статус как основоположника важного направления в исторической науке республики – историографии. Работа предвещала новое явление в национальной историографии Таджикистана. Для специалистов была ценна значимость историографического анализа в выявлении проблем в отечественной исторической науке и определении на этой основе ее приоритетов.

О твердом и целенаправленном подходе Рахима Масова к этому направлению свидетельствует еще один важный шаг ученого. В 1982 году им была представлена к защите докторская диссертация «Историография социалистического строительства в Таджикистане». Защита прошла успешно в престижном научном учреждении – Институте истории СССР Академии наук СССР в Москве. Это еще больше стимулировало его деятельность в научном и организационном планах. Выход в свет фундаментального монографического исследования Рахима Масова «История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане» в 1988 году не только свидетельствовал о верности ученого столь важному направлению в исторической науке, но и о его стремлении упорно продолжать свои изыскания в дальнейшем. Этот труд стал классическим образцом историографии новейшей истории Отечества и, несмотря на перемены, произошедшие в обществе, до сих пор не потерял свою научную актуальность. Уже в

то время ученым с яркой присущей ему прозорливостью были подняты актуальные исторические проблемы, которые и сегодня находятся в центре внимания историков.

В этой связи следует особо подчеркнуть всю архисложность исследований современной истории. На этом пути встает множество трудностей и проблем. Для их решения надо иметь и твердое мнение, и самостоятельность в освещении проблем и событий, которые происходят на глазах у всех, чтобы не стать выразителем идей правящей элиты. Что касается далекой прошлой истории, то задача историка состоит в уточнении и дополнении отдельных деталей имевших тогда место событий.

Начиная со второй половины 80-х годов, когда так называемая горбачевская «перестройка» окончательно расшатала рамки ревниво охраняемых идеологических устоев (кстати, не имеющих ничего общего с принципами историзма и марксистско-ленинской методологии), появилась возможность по-иному взглянуть на свою отечественную историю (в этом, может быть, единственно полезный аспект «перестроечного» периода). Как результат безудержного стремления бывших союзных республик к самостоятельности и полной независимости, несмотря на все нежелательные, а порой и драматические последствия этого процесса, накопившееся стремление высказать, а точнее, выплеснуть, может быть порою несколько эмоционально и предвзято, правду о тех или иных событиях, происходивших в жизни народа на разных этапах его истории, стало играть доминирующую роль в появившихся на свет трудах отдельных ученых.

В таких условиях начало проявляться и стремление представить историческую правду объективно. Не случайно, именно в это время на авансцену исторической науки выходит тогда еще мало известная за пределами Таджикистана у ведущих историков страны фигура Рахима Массва. В скором времени ему было суждено стать не только лидером в таджикской историографии, но и примером объективного подхода к отражению исторических фактов, их беспристрастной, непредвзятой интерпретации. Этим он, преодолевая в тот период еще робкий, несмелый взгляд на изучение судьбоносных для народа исторических событий, реально положил начало принципу подлинного историзма в отечественной историографии. Его работы конца 80-х годов и последующих лет могут служить классическим образцом и методом исторического исследования.

Ко всеобщему признанию

Пройденный путь от середины 70-х до начала 90-х годов, стал переломным во взглядах Рахима Масова. Указанный период явился этапом утверждения принципа историзма в отечественной исто-

риографии. Причем процесс этот напрямую связан с именем ученого, соединившего в себе необходимые качества, требуемые для истинного историка, исследователя, новатора, в полном смысле слова реформатора отечественной историографии, влияние которого вскоре сказалось на общем процессе развития отечественной науки. Все это происходило вопреки суждения коллег из соседних республик, причем слишком разительно и ярко.

За этот период из печати выходит ряд серьезных исследований Рахима Масова. К их числу следует отнести такие как «Россия и Таджикистан»¹ (в соавторстве с академиком Б.И.Искандаровым), «Чароғи маърифат»² («Светоч культуры»), фундаментальный труд «История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане»³ и большое количество статей, интервью, других публикаций, которые в совокупности определяли новые принципы подхода к историческим исследованиям. Все это свидетельствовало о том, что в исторической науке Таджикистана происходит поворот к торжеству объективного освещения истории. Однако, как показало время, такой подход не только не устраивал коллег соседнего по региону государства, но и стал причиной их крайне необоснованного раздражения. Особенно, когда Р. Масов стал исследовать историю национально-территориального размежевания Средней Азии.

Не вдаваясь в подробный анализ основных исследований Рахима Масова, вышедших в свет до начала 90-х годов, т.е. до распада Советского Союза и вступления Таджикистана на путь полной независимости, что само по себе может стать объектом специального историографического изучения, мы кратко остановимся на роли и значении трёх его работ, считающихся триумфальным достижением отечественной историографии.

Чтобы в какой-то мере разобраться в причинах выбора тех важнейших проблем, которые стали объектом изучения ученого в 90-е годы прошлого столетия и первом десятилетии нынешнего века, нужно, прежде всего, проследить его подход к их исследованию, выявить степень объективности, а главное обосновать тезис о твердом и бесповоротном переходе исследователя на позиции, объективного освещения или принципа историзма в отечественной историографии. Речь идет о трилогии «Таджики: история национальной трагедии».

¹ Искандаров Б., Масов Р. Россия и Таджикистан. – Душанбе: «Ирфон», 1984. – 77 с.

² Масов Р., Абулхаев Р. Чароғи маърифат. – Душанбе: «Ирфон», 1985. – 123 с.

³ Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: «Дониш». – 320 ё.

Как известно, перемены, которые происходят в жизни общества или отдельных народов, неминуемо приводят к поиску реального пути выхода из сложной ситуации и выбора наиболее приемлемого оптимального варианта для обеспечения стабильности и прогресса. В таких случаях обращение к прошлому обязательно становится одним из важных сопутствующих критериев в поиске истины. «Память, – подчеркивает Рахим Масов, в одном из своих интервью, – делает человека человеком. Лишенный памяти человек превращается в бесформенную массу, из которой те, кто контролирует прошлое, могут лепить все, что им угодно»¹. Далее, обосновывая свое личное предназначение как историка, он говорит: «Цель проводимых мною исследований – радикально изменить общественно-политическое мировоззрение таджикского народа. Кратко сформулирую это так: возвратить память народа. А основным делом для коллектива наших ученых-историков сейчас является издание истории таджикского народа в шести томах»². И эта задача была осуществлена.

От историографии к истории национальной трагедии

Таджикскому народу выпало в последнее десятилетие XX века в связи с известными событиями пережить, может быть, один из самых сложных моментов в своей многовековой истории. Само это происходившее во многом до сих пор остаётся еще необъясненным, мало изученным. Хотя те события по своей сути являлись противоречивыми, драматическими, они в то же время не исключали уверенности в реальности экономического и духовного возрождения, самоутверждения, стремления быть достойным памяти предков, оставивших заметный след в истории мировой цивилизации. Этот оптимистический настрой создавался благодаря все возрастающему интересу к прошлому, к историческому опыту народа. Ибо, как свидетельствует история, день вчерашний во многом предопределяет день завтрашний.

В создавшейся в то время ситуации одной из важнейших задач каждого истинного ученого было не потеряться среди множества мнений, порой основанных на выдергивании отдельных фактов и их интерпретации в соответствии с требованиями сложившегося в прошлом методологического мышления, с одной стороны, так и с появившимися течениями и суждениями под видом «деидеологизации истории», с другой. В этом общем хаосе находить «историческую правду», причем сиюминутную, выгодную и удобную, с

¹ Масов Р. Интервью: «Возвратить память народа» // Академику Рахиму Масову – 60 лет. – Душанбе: «Шарки озод», 1999. – С.73.

² Там же. – С.79.

соблазняющим, даже авантюристическим прицелом, на личную политическую карьеру, было соблазнительнее, чем крепко держать линию, соответствующую канонам подлинного историзма.

Поэтому надо отдать должное Рахиму Масову. Он возложил на свои плечи, казалось бы, непосильную задачу дать ответ на «глобальные вопросы трагической истории таджикского народа, которые не нашли должного освещения в исторических и других исследованиях»¹. Он ставил перед собой исключительно важные и острые вопросы. И главные среди них следующие. Почему таджики – коренные аборигены Средней Азии – не сумели удержать и сохранить свою государственную власть и независимость? Что помешало им создать в дальнейшем единую территориальную монолитность?²

Чтобы ответить на такие вопросы, ученый стремится проследить длительный процесс территориального, физического и нравственного притеснения таджикского народа со стороны, главным образом, тюрко-монгольских племен, которые сами, становясь неотъемлемой частью его истории и деля с ними совместно материальные и духовные ценности, тем не менее оказывали столь разрушительное, пагубное воздействие, которое по своим последствиям было несравнимо даже с нашествием Александра Македонского и завоеванием края арабами.

Особую опасность для таджикского народа представляло зарождение и становление пантюркизма – крайне реакционно-националистической идеологии, ставившей практически цель стирания с лица земли таджикского народа, оставившего яркий след в истории мировой цивилизации. Это с особой наглядностью было продемонстрировано в первые годы Советской власти, когда принимались решения о создании национально-государственных образований.

Преднамеренные, грубейшие просчеты, допущенные Узбекской полномочной комиссией, членами которой являлись приспешники пантюркистов (хотя по национальному происхождению они не имели прямого отношения к местному тюркоязычному населению), находят подробное и аргументированное освещение в работе Рахима Масова «История «топорного» разделения». В ней на основе достоверных фактов из документальных источников, ученый раскрывает как в результате национально-территориального размежевания таджики оказались наиболее пострадавшими и ущемленными в этой акции. Ученый смело высказал давно назревавшую в об-

¹ Масов Р. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». – Душанбе, 1995. – С.12.

² Там же.

шественном сознании истину, которая по различным причинам (может, из-за слабого знания истории и соответственно национального самосознания или по конъюнктурным соображениям, влиянию пантюркизма, или просто из-за нерешительности официальных лиц, ученых и другим причинам) не могла раньше стать известной широким массам.

После падения Государства Саманидов (999 г.) – своего государственного образования, таджики, как народ, в течение более девяти веков оставались территориально разрозненными. Возможность создания нового государственного образования, представившаяся по воле истории, явилась для них, явно неожиданной. Очень долго терпевший покорность, народ оказался в состоянии растерянности, о чем свидетельствуют нерешительные действия, а по сути, предательская позиция представителей самих таджиков, занимавших ответственные посты в партийно-правительственных структурах Туркестанской АССР и Бухарской Народной Советской Республики и принимавших непосредственное участие в национально-территориальном размежевании. Речь идет о таких лицах как А.Рахимбаев, Д.Мавлянбеков, А. Мухидинов, Ф.Ходжаев и др.

Считая национально-территориальное размежевание Средней Азии, осуществленное в 1924 году, событием всемирно-исторического значения, а образование самостоятельной национальной государственности народов региона прогрессивным явлением, Рахим Масов в то же время справедливо осуждает то, что этот исключительно гуманный по своему характеру акт был проведен в жизнь с грубейшими отступлениями от провозглашенного новой властью принципа самоопределения народов и наций. «В результате бездумного, торопливого решения национально-территориального разграничения, – подчеркивает ученый, – таджики оказались загнанными в узкие ущелья горных массивов Средней Азии, лишившись жизненно важных территорий и исторических культурных центров»¹.

Открыто проводя шовинистическую политику, направленную на создание единой, так называемой, Тюркской республики, официальные государственные деятели соседней республики пытались предать забвению коренных жителей региона – таджиков, занимающих в нем по численности второе место. Они с большим упорством и решимостью выступали против использования таджикского языка как «языка прошлого и придворного», который якобы находился уже в стадии отмирания. Велась усиленная пропаганда о

¹ Масов Р. История «топорного» разделения. – Душанбе: «Ирфон», 1991. – С.103.

необходимости таджикам отказаться от своей национальности. Подобная деятельность не прекращалась и после образования Таджикской АССР в составе Узбекской ССР (при этом прибавилось и экономическое ущемление). Такая же дискриминация стала иметь место в отношении таджиков, оказавшихся на территории Узбекистана после преобразования в 1929 году Таджикской АССР в союзную республику. Причем процесс обузбечивания происходил не только по отношению к самим таджикам, проживавшим на территории Узбекистана, но и их выдающихся представителей культуры, науки, просвещения периода средневековья, с целью «удревнить» и «обогащать» культурное наследие своего народа.

Спрашивается, какую же цель преследовал Рахим Масов, обращаясь к проблеме освещения истории национально-территориального размежевания? Ответом на это могут стать слова самого ученого: «Если сейчас еще невозможно решить национально-территориальные вопросы, то необходимо на определенное время обеспечить все права и условия для сохранения национальных традиций, развития культуры и языка граждан, которые живут за пределами своих национально-территориальных образований, их представительство в органах власти»¹. Причем в этом отношении он призывает брать пример с Таджикской Республики, где никогда в угоду коренным жителям не проводилась политика ущемления прав представителей других национальностей. По точному определению ученого, радикальный путь к устранению любых межнациональных разногласий лежит в сфере проявления чуткости, максимального внимания и заботы о национальных интересах граждан, проживающих на территории государства.

Перевернув последнюю страницу работы «История «топорного» разделения», нельзя не понять, что у ученого много было что сказать, как для углубления самого анализа, так и расширения своего исследования.

Подтверждением тому стало издание в 1995 году нового труда Рахима Масова «Таджики: история с грифом «совершенно секретно», предисловие к которой написал известный поэт Лоик Шерали. Последний эмоционально, но довольно четко и лаконично отмечал: «Эта книга – необычный научный труд, а скорее всего трагическая поэма, написанная слезами и кровью, наполненная болью человеческих судеб, является историей об истреблении самих себя, иногда своими руками, а порой – руками врагов... Этот труд написан с терзаниями и муками. И важно, чтобы каждый мыслящий таджик, читая книгу, сердцем выстрадал и понял, кем мы были и чем мы

¹ Масов Р. История «топорного» разделения. – С. 110.

стали, откуда и куда мы пришли, кто нас вытеснил в эту губительную пропасть»¹.

Выход в свет этой работы, несмотря на злобность оценок некоторых из «своих» и чужих оппонентов, было с одобрением и благодарностью встречено подавляющим большинством людей, как неискосновенными, интересующимися вопросами трагической истории таджиков, так и маститыми историками.

В новой работе ученый дает ясную картину постепенного продвижения кочевых тюрко-монгольских племен вглубь Средней Азии, показывает чинимые с их стороны таджикам в течение веков притеснения, отражает процесс ассимиляции коренного населения с пришельцами.

Описывая трагические страницы жизни таджикского народа на разных этапах его истории, ученый в то же время четко прослеживает ту роль, которую играли представители таджикского народа в истории региона, независимо от тех династических перемен, которые совершались не только вопреки его желанию, но и в ущерб его интересам, оставаясь, тем не менее, ведущим как в политической, так и в культурной жизни.

Даже после распада Государства Саманидов (уместно отметить, что, согласно обоснованному мнению Рахима Масова, в этом во многом были повинны представители духовенства, которым был чужд светский характер государственного управления при Саманидах, а выгоднее, чтобы власть перешла в руки пришлых тюрко-монгольских правителей, подверженных религиозному влиянию и поэтому соответственно нужному подчинению), при различных тюрко-монгольских династиях, управление государственными образованиями, кроме силовых структур, фактически оставалось из-за неспособности самих правителей в руках таджиков. Тем не менее, постоянные притеснения и гонения не могли ни оказать отрицательного воздействия на генофонд и черты характера представителей таджикского народа.

Положение не изменилось и после завоевания Средней Азии Российской империей. «Напротив, – отмечает ученый, – образование на завоеванной территории Туркестанского генерал-губернаторства еще более ухудшило положение таджиков, особенно в сфере применения таджикского языка, национальной культуры, экономики, сельского хозяйства, торговли и других жизненно важных сферах. Образование Туркестанского края самим своим названием подчеркивало, что в Средней Азии живут турки, а та-

¹ Шерали Л. Слово об этой книге. Предисловие к кн.: Масов Р. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». – Душанбе: «Центр издания культурного наследия», 1994. – С.6.

джикам отводилась второстепенная роль, как народу, не оказывающему существенного влияния в экономической и культурной жизни русского Туркестана»¹. В дальнейшем была создана благоприятная почва для процветания пантюркизма. Несмотря на то, что русские ученые-востоковеды, пользуясь достаточно широкой возможностью для изучения истории региона и многие из них, заинтересованно проводя свои исследования, с большой симпатией относились к коренному народу – таджикам, российские чиновники, которые преимущественно знакомились с жизнью и нравами местных жителей через переводчиков-татар, не могли выделить среди здешнего населения коренных представителей края.

Случилось так, что таджикскому народу (вернее из-за предательства его бездарных, недальновидных лидеров) не «довелось добиться справедливого территориального деления и претворения на практике «ленинской национальной политики». По результатам процесса, метко названного «топорным разделением», традиционно исторические, важные административно-культурные центры и районы компактного проживания таджиков оказались вне территории Таджикской Республики. Несмотря на все негативные последствия этого искусственного, крайне несправедливого акта, Рахим Масов, как глубоко и реально мыслящий историк, абсолютно далек от мысли призывать к новому пересмотру границ ныне суверенных государств Центральной Азии.

В таком случае, естественно, возникает вопрос, ради чего во всеуслышание выплескивает из своей груди наболевшее и волнующее его этот правдолюбивый гражданин земли таджиков? Для чего создан уникальный труд, подобно которому не знала еще региональная историография?!

Ответ довольно четко и лаконично изложен самим ученым. Суть его можно выразить так: назрела пора знать всю правду истории, без малейшей утайки. Только историческая правда может помочь понять себя, разобраться в себе, определить своё место, но не в ущерб другим, и выбраться из того запутанного положения, в котором оказались и таджики, и их соседи. Существует лишь одно средство против националистического, политического высокомерия, приводящего к межнациональным трениям и интригам, – это правдивое, непредвзятое отношение не только к истории своего народа, но и тех народов, которые в той или иной мере сопричастны к ней.

Работа Рахима Масова «Таджики: история с грифом «совершенно секретно» рассчитана на трезво мыслящего человека, способно-

¹ Масов Р. Таджики: с грифом «Совершенно секретно». – С.127-128.

го видеть не только ошибки других, но и самокритично подмечать собственные упущения, объективно оценивать те или иные деяния из прошлого как бы то ни было, может быть, больно и обидно для потомков.

Нелегко признавать, таджики, слишком долго в силу обстоятельств и порой недалёковидности самих их правителей, добровольно деливших свою власть с представителями тюрко-монгольских племён, не гнушавшихся дворцовыми интригами, оказывались вне собственной власти, без своего государственного образования. В такой ситуации они довольствовались тем, что за свой труд, использование их интеллектуальных возможностей и ценностей получали возможность сохранять этнический облик, культуру, язык и место в истории мировой цивилизации.

Вынужденные слишком долго проявлять покорность и раболепие, готовность к оказанию услуг неравным себе по уровню интеллекта, довольствоваться лишь тем, что взамен им представлялась возможность выживания, но в то же время и постоянные гонения, унижения, а также потеря былой гордости, уверенности в своих силах и способности самостоятельного управления, таджики, естественно, проигрывали в понимании своего самосознания. Даже тогда, когда сама историческая необходимость, реальность времени привели их неизбежно к благоприятным условиям формирования национального самосознания, когда лидеры ближайших соседей, пользуясь чужими духовными и материальными ценностями, стремились представить таджиков как людей, не имеющих своей Родины, истории, языка, отдельные «деятели» встали под националистически-политическое знамя пантюркизма, не думая об ответственности перед историей, перед потомками.

Даже после того, как таджикам, благодаря победе Советской власти, впервые за почти тысячелетнее отчуждение от реальной власти была предоставлена возможность создания пусть полунезависимой, но своей государственности, его «руководители», надеясь на получение высоких руководящих постов, не смогли воспользоваться таким благоприятным обстоятельством и добровольно, без угрызения совести, направили все силы, умение и «политическую мудрость» на организацию чуждого для своего народа национально-государственного образования. Вскоре убедившись, что это был ошибочный путь, они, как говорится, стали проливать «крокодиловы слёзы» и выражать запоздалое раскаяние. Но теперь это было лишь напоминание об упущенных возможностях.

Конечно, при разумном, справедливом решении вопроса можно было бы ожидать объективного и благоприятного исхода данного судьбоносного акта. Но этого не случилось. И поэтому мнение о национальном размежевании, произошедшем якобы, на «широкой

демократической основе», является, как доказано убедительно Рахимом Масовым, «чистой ложью»¹.

Самым несправедливым итогом завершившегося 27 октября 1924 года процесса национально-территориального размежевания явилось то, что таджики были лишены не только исторически принадлежавших им древнейших городов – Бухары и Самарканды, но и значительных территорий Сурхандарьинской, Кашкардарьинской областей, нескольких районов и городов Ферганской долины, населенных преимущественно их представителями. С трудом добившись при образовании Узбекской Республики в ее составе «своей автономной республики», таджики стали испытывать еще большие притеснения, чем до Октябрьской революции.

Проводя целенаправленную политику в угоду пантюркизму, руководители Узбекской ССР, развязали беспрецедентную языковую дискриминацию, объявив, что все лица, живущие в этой республике, должны общаться только на узбекском языке. Причем пример «усердия» в реализации этих драконовских мер, как ни странно, показывали некоторые представители официальной власти из числа самих таджиков.

Вместе с тем, справедливости ради надо отдать должное, самоотверженности представителям таджикской интеллигенции, осознававших все сложности положения своих соотечественников. К примеру, в мае 1926 года Шириншо Шотемур, работавший в качестве сотрудника Рабоче-крестьянской инспекции Таджикистана уполномоченным представителем ЦК КП (б) Узбекской ССР в Таджикской АССР, отправил в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, а также в Средазбюро ЦК ВКП(б) А.И.Зеленскому, в подотдел нацменьшинств ЦК ВКП(б), докладную записку «О культурном и социально-экономическом положении таджиков на территории Узбекской республики»², получившую известность как «Письмо Шотемура Сталину». Указывая на крайне несправедливое отношение властей Туркестана и Бухарской Республики к таджикскому населению еще до национально-территориального деления, в записке говорилось о том, что таджикам запрещали учиться и издавать литературу на родном языке, ссылаясь на то, что якобы он являлся придворным в Бухарском эмирате. Охарактеризовав историческое место и значение таджикского языка в регионе, Шотемур, вместе с тем, отмечал, что положение таджиков особенно усугубилось после национально-территориального размежевания. В

¹ Масов Р. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». – Душанбе, 1995. – С.111.

² Партархив Института политических исследований ЦК КП Таджикистана (ПА ИПИ ЦК КПТ). – Ф.1. – Оп.1. – Д.216. – Лл. 1-16.

этом он обвинял партийное и государственное руководство Узбекистана.

Исходя из создавшейся ситуации, Шириншо Шотемур считал нужным следующее:

«1. Констатировать, что в отношении культурно-национального обслуживания таджиков Узбекистана Коммунистической партией Узбекистана ничего не сделано.

2. ЦК ВКП(б) предлагает Среднеазиатскому Бюро ЦК ВКП(б) обратить особое внимание на работу среди нацменьшинств Средней Азии, в частности, среди таджиков Узбекистана.

3. В целях более полного и всестороннего освещения таджикского вопроса в Узбекистане образовать комиссию из членов ЦК ВКП(б) и поручить ей написать основные мероприятия, которые необходимо было бы провести по линии партийного и советского строительства для обеспечения интересов трудящихся масс таджиков...»¹.

Этот документ послужил сигналом к серьезной реакции центральных партийных органов против злоупотреблений по отношению к таджикам в Узбекистане. Но для подготовки почвы решения вопроса об образовании самостоятельной Таджикской Республики, как полноправного члена общесоюзного государства, приходилось приложить неимоверные усилия представителей таджикской интеллигенции и партийно-государственных руководителей Таджикской АССР. В этом плане следует отдать должное Нусратулло Махсуму, Шириншо Шотемуру, Чинору Эмомову и ряду других. Впереди была изнурительная борьба для того, чтобы доказать на неопровержимых исторических фактах ту истину, что именно предки таджиков являлись коренными аборигенами края, что именно им принадлежала заслуга создания региональной цивилизации, что именно им, как народу сложившемуся еще в раннем средневековье, принадлежит право на создание, вернее, возрождение своей государственности. В этом направлении таджики имели надежных союзников в лице выдающихся русских востоковедов. Тому же способствовала все возрастающая активность таджикского городского и сельского населения. Проводились собрания, на которых принимались решения о выходе из состава Узбекской ССР и образовании Таджикской Республики. Десятки официальных докладных записок, писем направлялись в адрес ЦК ВКП(б), Средазбюро ЦК ВКП(б) с просьбой о решении этого важного вопроса. Несмотря на это, руководители высшего эшелона власти Узбекистана продолжали осуществлять дискриминационную политику по отношению к таджикам.

¹ ПА ИПИ ЦК КПТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.214. – Л.4.

Получивший возможность непосредственного ознакомления с официальными и неофициальными документами того периода, Рахим Масов приводит убедительные примеры стремления руководящих лиц соседней республики по «переходу населения из таджиков в узбеки». Его работы пестрят фактами, неопровержимо доказывающими целенаправленные действия руководства Узбекистана в насильственной документальной и языковой ассимиляции таджиков. Вот только один из примеров. По имеющимся статистическим данным, в 1917 году в Самарканде проживали 44 575 таджиков и 3 301 узбек, но уже по переписи 1926 года, когда этот город оказался в составе Узбекской Республики, число узбеков «увеличилось» до 43 304, а таджиков – «уменьшилось» до 10 716 человек¹. «Совершенно очевидно, – пишет ученый, – что такое резкое уменьшение числа коренного таджикского населения в Самарканде не может быть объяснено его массовой миграцией в другие места. Таджикское население Самарканда оставалось на месте, но «изменило» свою национальность»². Таким же образом официальные «переписчики» превратили районы, которые по переписи 1920 года были таджикскими, в «узбекские». Именно этот «опыт» использовало руководство Самаркандского округа накануне переписи 1929 года, выделив Самарканд и прилегающие к нему 9-11 сельсоветы в отдельный таджикский район.

В период образования Таджикской ССР, члены Таджикской территориальной комиссии во главе с Абдурахимом Хаджибаевым настаивали на том, чтобы город Самарканд и другие районы с таджикским населением были присоединены к Таджикистану и вошли в административное деление Пенджикентского вилоята. То же самое нужно было говорить и в отношении города Бухары. «Необходимо отметить, – пишет ученый, – что старая Бухара исторически была известна во всех странах Востока и Запада как исконно таджикский город, с таджикской литературой, искусством, культурой жителей, которые всегда говорили на таджикском языке. А между тем перепись 1926 г. зафиксировала Бухару как узбекский город с узбекским населением... Грубые извращения и фальсификации в ходе переписи 1926 г. были допущены и по другим районам и областям с таджикским населением»³.

Примечательно, что получив статус Советской Социалистической Республики, ее руководство, в отличие от узбекских официальных властей, обеспечило равные права не только для таджиков

¹ Масов Р. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». – С.119.

² Там же. Примеч.

³ Там же. – С.119-120.

и узбеков, но и представителей других наций и народностей, проживающих на этой территории.

Не в этом ли то исторически характерные для таджиков толерантность и уважение по отношению к другим народам?!. Не в этом ли генетически заложенные в них чувства справедливости и добра?!. Как бы не интерпретировались недоброжелателями все факты – это и есть высшее проявление гуманизма, интернационализма, уважения к другим народам, их истории и культуре. И оно не может ни вызывать чувства гордости за то, как щедро делился и делится таджикский народ своими талантом, интеллектуальным богатством, материальной и духовной культурой со всеми, и в первую очередь, с соседями, ничего, не требуя взамен.

И разве при этом не показательно, что сам Рахим Масов призывает свой народ считаться с несправедливой, горькой правдой истории и сложившимся положением. «Особенно в этот труднейший период совместной истории, – пишет он, – не следует омрачать наши отношения с тюркскими соседями. Мы должны неукоснительно соблюдать закон мира и согласия между нашими народами, нашими государствами»¹.

Вместе с тем, говоря об очевидном факте, что все бывшие советские республики региона, ныне независимые государства, являюся многонациональными, ученый полагает, что в своей политике они должны руководствоваться теми же принципами – добрососедства и уважения. Касаясь отношения официальных властей соседних республик к таджикам, проживающим на их территории, он пишет: «... Таджики – древние жители Средней Азии, которые в результате «топорного разделения» оказались вне состава своего национального государственного образования. Теперь ради дружбы и братства, о которых мы всегда говорили и в наши дни повторяем, не следует продолжать, как и в прошлые, и недавние времена, насильственную, вынужденную ассимиляцию таджиков ради превращения своих республик из многонациональных в мононациональные. Такая затея – опасная и, история нас учит, к добру не приведет»².

Призыв видного ученого о предоставлении равных прав представителям таджикского народа в соседнем государстве должен быть услышан и правильно понят, тем более, что события, происходившие на территории бывшего Союза и нынешних стран СНГ, уже давно раскрыли их суть. Именно в единстве, в тесном союзе, в уважении каждого народа, его истории и культуры можно до-

¹ Масов Р. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». – С.133.

² Там же. – С.133-134.

биться общего прогресса и процветания каждого государства Содружества.

Перевернув последнюю страницу труда Рахима Масова «Таджики: история с грифом «совершенно секретно», невольно задумываешься о силе правды, силе объективного изложения истории. О необходимости освещения истории не ради ее самой, а ради объективности и правды событий. Ибо это нужно не ученым, а тем, кто живет сегодня, кто будет жить завтра. Это нужно современникам и нашим потомкам.

Но, к большому сожалению, призыв ученого за предельно правдивое изложение исторических реалий, не был понят. Вместо трезвого, уравновешенного восприятия научных выводов, он вызвал у политиков и псевдоученых из соседней республики противоположную реакцию. На страницы печати и сайты Интернета была запущена лавина так называемых «работ» не только с нападкамии на предельно обоснованное освещение драматической истории и судеб таджикского народа, но и с абсурдными выводами, игнорирующими право аборигенов края – таджиков, оставивших свой огромный вклад в региональной и мировой цивилизации, на исконно исторические места своего проживания, а также считающими коренных жителей края, пришлыми в пределах обитания кочевых племён. Пустив в ход эту явную нелепицу, такие горе-исследователи стремились перечеркнуть то, что именно таджики стояли у истоков высокоразвитой культуры земледелия, градостроения, ремёсел, науки в регионе, создания языка, вошедшего в основу изящной поэзии и считавшегося государственным здесь при тюрко-монгольских династических правлениях.

Все это заставляло Рахима Масова еще больше углубляться в поиски неопровержимых фактов истории. Очередная работа ученого, «Таджики: вытеснение и ассимиляция», увидевшая свет в 2003г.¹, является логическим завершением правдивого изложения трагической истории народа, на долю которого выпали все несправедливости национально-территориального размежевания на заре его государственного возрождения. Причем вопреки явным нападкам своих оппонентов из соседнего государства, Рахим Масов с предельной ясностью констатирует многочисленные факты осуществления ассимиляционной политики по отношению к таджикам руководства Узбекской ССР. Вполне обоснованно и справедливо указывая на судьбоносную важность для таджиков обретения национального государства в составе СССР, ученый вместе с тем с горечью говорит о длительном насильственном притеснении та-

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе, 2003. – 176 с.

джиков, проживавших в культурных областях Средней Азии, оказавшихся загнанными в горы, в «каменном мешке».

Как твердо придерживающийся принципа историзма, ученый возлагает основную вину за то, что территория образованной Таджикской Республики состояла на 93 процента из горной и предгорной местности, на самих таджиков, которые в то время являлись наиболее передовой частью интеллигенции в регионе. Но их представители в составе комиссии по размежеванию не стремились оказать существенного влияния на ее итоги.

Этот труд написан на основе рассекреченных документов Архива внешней политики Российской Федерации. Их содержание откровенно свидетельствует о вопиющих фактах вытеснения таджиков и ассимиляционной политике руководства Узбекской ССР¹. Работа явилась фактически завершающим аккордом проблем, поднятых ученым в двух своих предыдущих трудах.

Автор с логической последовательностью анализирует следующие проблемы, составляющие главы этой работы:

- формирование идеологии пантюркизма и его отрицательное воздействие на национальном самопознание таджиков Средней Азии;

- освещение процесса превращения пантюркизма в панузбекизм с шовинистическими амбициями;

- выявление факторов, определявших территориальные пределы Таджикской ССР;

- анализ деятельности Национально-территориальной комиссии в создании Среднеазиатского Экономического Совета (СЭС);

- освещение принципов, положенных в основу определения территории и границ Таджикской ССР;

- определение причин стремления таджиков левого берега реки Пяндж (Афганистана) к добровольному присоединению к Советскому Бадахшану;

- прослеживание процесса «обузбечивания таджиков» в Узбекистане после национально-территориального размежевания;

- описание трудностей, возникших в процессе возрождения таджикской государственности на «голом месте».

Все это свидетельствует о широте круга задач монографического исследования. Не вдаваясь в подробное освещение проблем, поднятых Рахимом Масовым в работе, остановимся на отдельных моментах.

В пятой главе «Деятельность Национально-Территориальной Комиссии в создании Среднеазиатского Экономического Совета

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе, 2003. – 176 с.

(СЭС)», отмечается, что на первый план были выведены экономические интересы (причем необоснованные) общесоюзного государства, а не национальные интересы населения региона. При справедливом и объективном решении национального вопроса, разумеется, с учетом правильных его интересов, как точно подчеркнул ученый, «следовало бы включить Узбекистан на правах автономной республики в состав Таджикской ССР». Кстати, это не личное заключение Рахима Масова, а констатация мнения, высказанного рядом видных российских ученых – востоковедов, этнографов, историков, а также Наркома иностранных дел Союза ССР, известного политика и дипломата Г.В.Чичерина¹. Но причину нереализации этого положения, ученый видит, прежде всего, в «отсутствии в Центральной комиссии по территориальному размежеванию национально-патриотически настроенных и преданных своему народу лидеров из числа таджиков»².

Разумеется, нельзя не заметить и тех патриотов, которые не были согласны с решением о создании автономного образования таджиков в рамках Узбекской ССР. К их числу, прежде всего, относятся Нусратулло Махсум и Шириншо Шотемур, но они не были тогда достаточно популярны и не входили в состав Комиссии по территориальному размежеванию. Что касается известных и непосредственно причастных к данной акции лиц, таких как Абдулло Рахимбаев, Абдукадыр Мухиддинов, Файзулло Ходжаев, Чинор Имамов и другие, то они «в прошлом стояли на позициях пантюркизма и без колебаний перешли на сторону панузбекизма, защищая чуждые национально-государственные интересы»³. Хотя позже они открыто осознали свои ошибки, предприняли попытки в их запоздалом «исправлении», но, увы, изменить ничего уже было нельзя.

На первый взгляд включение главы «Стремление таджиков Афганистана к добровольному присоединению к Советскому Бадахшану», в данную работу не вяжется с общим контекстом основного содержания труда. Но при реальном восприятии логики суждения ученого⁴, очевидна ее прямая причастность к проблематике данного исследования.

При анализе процесса подготовки и хода национально-территориального размежевания Рахим Масов приходит к выводу о том, что при научно обоснованном решении этого вопроса могла бы положительно решиться судьба таджиков Афганского Бадахшана и левобережной части Западного Памира. «Как не может

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – С. 84-85.

² Там же. – С. 85.

³ Там же.

⁴ Там же С.99-104.

ни показаться странным, — пишет ученый, — именно в то время, когда в Средней Азии начала свою работу Комиссия по национально-территориальному размежеванию, в Афганистане, а точнее, в приграничных территориях левобережья реки Пяндж, таджикское население изъявило большое желание добровольно присоединиться к Советскому Бадахшану¹. Исследователь точно подметил, что «желание таджиков левобережья Пянджа исходило не только из житейски — потребительских требований, но и чувства единства, преданности этнической идентичности и родственным отношениям»².

Таджики левобережья Пянджа, неоднократно давали знать о своей готовности поднять людей против афганской власти. Помощь, которую они ждали от Советского правительства, заключалась в вооружении их и в профессиональном руководстве боевыми операциями. Получение ее позволяло бы им взять под свой контроль территории от реки Пяндж до центра Бадахшана, то есть все те районы, которые, согласно Договору 1895 года между Англией и Россией, с таджикским населением не по его воле были включены в состав Афганистана.

В качестве альтернативного варианта решения проблемы левобережные таджики просили разрешения на переселение к правобережью, то есть на советскую территорию. Но трудности экономического решения вопроса, нестабильность политического положения из-за вмешательства зарубежных недругов Советской власти и наконец не прекращающееся басмаческое движение не давали возможности для решения проблемы таджиков этих мест.

На основе тщательного анализа событий, сопоставления фактов и реалий того сложного и политически крайне нестабильного периода, исследователю удалось обоснованно показать картину широкомасштабной национальной трагедии таджиков. По достаточно точному и ёмкому выражению самого ученого, таджики оказались в безвыходном положении и «одни добровольно записывали себя узбеками, других насильно превращали в афганцев»³.

Как истинный патриот, не скрывающий своего горького сожаления, Рахим Масов пишет: «Теперь бывшие таджики левобережья реки Пянджа называют себя «афганцами». Все могло бы быть по-другому, если бы таджики в результате национального размежевания получили бы ни голые скалы и высокие горные хребты, а земли Сурхан-Дарьи, Кашка-Дарьи, города Самарканд, Бухару. Тогда бы

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. — С.99.

² Там же. — С.100.

³ Там же. — С.104.

нозвращение таджиков Афганистана на родные территории в Советской республике было бы легким и беспроблемным»¹.

Таковую же справедливую реакцию ученого на совершенно неадекватное отношение руководства Узбекской ССР к таджикскому населению в этой республике после национально-территориального размежевания в Средней Азии он подкрепляет на основе многочисленных фактов. Анализ этого вопроса посвящена седьмая глава работы — «Обузбечивание таджикского населения в Узбекистане после национально-территориального размежевания». В ней автор на основе неопровержимых фактов доказывает, что преобразование Таджикистана в союзную республику происходило «в обстановке жесточайшего сопротивления сторонников пантюркизма и узбекского великодержавного шовинизма». Общую картину вопиющего ассимиляционного произвола узбекских властей по отношению к таджикам можно было видеть и на примере Ходжентского округа, в котором, включая Аштский, Канибадамский и Исфаринский районы, таджики составляли подавляющее большинство населения. Но уже по результатам переписи 1926 года, их число снизилось до 24,8 %, а узбеков, наоборот, возросло — до 73,4%. Подлинная демографическая картина была восстановлена лишь после присоединения в октябре 1929 года Ходжентского округа, по настоятельному требованию местного населения, к Таджикской АССР. Уместно заметить, что благодаря этому справедливому акту были созданы необходимые предпосылки для преобразования Таджикской АССР в союзную республику².

Не вдаваясь в подробный анализ переходного периода от автономной административной единицы в составе Узбекской ССР в союзную республику, история которого предельно фундаментально освещено в указанных трудах Рахима Масова, полагаем необходимым упомянуть об одном из примеров того желания, которое извляло население тех мест и округов, состоящих в основном из таджикского населения. Учитывая упущения в ходе создания Таджикской АССР, Президиум ЦИК Союза ССР 3 февраля 1930 года, принял объективное и важное постановление о присоединении к ней Сурхандарьинского округа. Причем были рассмотрены все вопросы его передачи в течение двух месяцев³. Но это судьбоносное для таджикского народа решение так и не было реализовано в жизнь, хотя никаких политических и юридических препятствий реализации ему не существовало⁴.

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. — С.104.

² См. там же. — С.114-115.

³ Газета «Коммунист Таджикистана». — 1930. — 7 февраля.

⁴ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. — С.125.

Что касается продолжавшегося процесса насильственной ассимиляции таджиков в Узбекской ССР, после выделения уже созданной Таджикской ССР (1929 г.) из ее состава, то он получил, более изуверский характер. Это подтверждается множеством неопровержимых фактов, приводимых Рахимом Масовым как в работах «История «топорного» разделения», «Таджики: история с грифом «Совершенно секретно», так и в его заключительном труде по исследуемой проблематике – «Таджики: вытеснение и ассимиляция».

Из последнего труда Рахима Масова особый интерес вызывает заключительная глава « Будущее Таджикистана создавалось на голом месте». В ней с присущим ученому высоко профессиональным подходом к поиску источников и их сугубо научному анализу с позиции принципов подлинного историзма отражается панорама социально-экономических и культурных достижений Таджикистана в годы Советской власти¹. Причем все это было достигнуто практически на голом месте, с нуля, без какого либо притеснения в республике представителей других национальностей, в том числе и узбеков.

Реально осознавая общие духовные и культурные традиции и даже близкие родственные связи, сложившиеся веками, с узбекским народом, таджики с присущими им толерантностью и душевной добротой не считают своих соседей, которые по воле судьбы и истории проживали и проживают на территории современного Таджикистана, чуждыми. Таджики ясно осознают, что во всех достижениях республики причастны и представители других народов, которые делили с ними все трудности государственного возрождения и успехи социально-экономических и культурных достижений в республике. Эти принципы будут придерживаться неизменно и в будущем. Гарантом их является Конституция Республики Таджикистан.

Завершая далеко неполный историографический анализ трёх взаимосвязанных фундаментальных исследований, или трилогии, академика Рахима Масова, нельзя удержаться от вопроса: появление таких остроактуальных работ, объективно освещающих историческую действительность в постсоветской конфликтогенной ситуации с абсолютизацией «собственной» истории теперь независимых республик, причем с одобрения и практической поддержки высших представителей их власти, не сможет ли это глубоко омрачить давние сложившиеся с соседями отношения и привести к нежелательным, а то и трагическим последствиям? Ответ можно вывести из содержания работ Рахима Масова. Он должен быть только однозначен: «Нет! И нет!» Почему?

¹ См.: Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – С. 150-163.

Дело в том, что простые люди, далекие от политических страстей и интриг, спокойно воспринимают и даже одобряют очевидные и правдиво изложенные ученым драматические события совместной, как прошлой, так и нынешней, исторической судьбы. Они вполне солидарны с доводами видного ученого.

Что же касается недоброжелателей, находящихся под влиянием пантюркизма в более поздней его форме – узбекского великодержавного шовинизма, который исходил и исходит из амбициозных желаний создателей официальной политики и к которому непричастен братский узбекский народ, то они должны знать, что историческая правда рано или поздно проявит себя. Она терпеливо ожидает своего момента и при первой возможности дает знать о себе. А те, кто желает использовать историю в своих амбициозных интересах, должны помнить о своей ответственности и ожидающем их неминуемом позорном провале.

Тем же, кто предпочитает молчать и думать о несвоевременности и неуместности обнародования исторической истины, можно сказать следующее: одной из причин братоубийственной гражданской войны 1992-1997 гг. в Таджикистане, наряду с серьезными политическими, социально-экономическими предпосылками, выразившимися в религиозно-местнической форме вооруженного противостояния, явилось слабое знание, а точнее, незнание своей истории, своих корней, неоформившееся национальное самосознание, что подстрекалось внутренними и внешними недругами, которые стремились получить от смуты и хаоса выгодные для себя политические, экономические и стратегические дивиденды.

В подобной ситуации великой движущей силой должны быть усилия, направленные на пробуждение национального самосознания. Поэтому появление трудов Рахима Масова было исключительно актуально и полезно. Не случайно эти работы пользуются все большим спросом, и их аудитория чрезвычайно широка. Они вызвали и вызывают заметный интерес и за пределами республики, переводились и издаются на языках других народов.

Главным показателем актуальности и ценности любого научного исследования является повышенный спрос на него. В этом плане труды Рахима Масова во всех отношениях показательны. Прошло не так много времени после выхода в свет работ «История «топорного» разделения» (издана в 1991 г.), «Таджики: с грифом «Совершенно секретно»» (в 1995 г.) и «Таджики: вытеснение и ассимиляция» (в 2003 г.). Причем они были изданы достаточно солидными тиражами. Но уже вскоре попали в разряд «библиографически редких» изданий.

Следует отметить, что не только высокая потребность в новом выпуске этих исследований стала главным мотивом для ученого,

Большая экономическая, военная и дипломатическая помощь. Несмотря на явные геополитические и экономические интересы России в Средней Азии, она была и будет надежным защитником и гарантом безопасности таджикского народа и его независимости». В этой связи уместно сказать, что хотя нынешний мировой экономический кризис и внес свои коррективы в экономических отношениях двух государств, но с уверенностью можно прогнозировать их возрастающий прогресс в будущем.

Сам факт, что именно Россия даёт возможность трудоустроится многим сотням тысяч таджикских мигрантов, приносящих существенное пополнение в бюджет Таджикистана, свидетельствует о той важной и реальной экономической помощи республике.

О созидательной силе исторической науки

Говоря о роли и месте большого ученого и настоящего гражданина своей Родины Рахима Масова в развитии стечественной историографии, нельзя не сказать об одном, удачном на наш взгляд, для исследователя обстоятельстве, не часто имеющем аналог в мировой практике. Во всяком случае, не просто найти такой пример, когда выработанная ученым историческая концепция находит понимание и достойное одобрение как у официального руководства, своей стране, так и ее народа. Причем роль исторической науки в этой стране возрастает пропорционально темпам обретения полной независимости и ныне занимает в определении государственной политики ныне приоритетное место. И это не случайно. Что же способствует тому?

Во-первых, слишком долгая трагическая и поучительная историческая правда обязывала обратиться к горьким урокам прошлого. Во-вторых, у руля государства в переломный момент истории оказался признанный народом национальный лидер – Президент Эмомали Рахмон, который своим умом и сердцем не только осознает глубину народной трагедии и боли, но и, опираясь на уроки истории, благодаря своей аналитической способности, очень тонко ощущает биты эпохи и принимает своевременные адекватные решения. Его острые и печатные выступления дают во всей полноте анализ основных событий, оставивших неизгладимый след в отечественной истории. В тоже время глава государства находит неординарные, судьбоносные пути по скорейшему выходу страны на новый уровень развития, к ее процветанию, росту благосостояния народа.

Об особом отношении главы государства к исторической науке

Масов Р. Введение к изданию «Роль России в исторических судьбах таджикского народа» // Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе. – С.201.

говорит и тот факт, что высшей наградой страны – звания Героя Таджикистана первыми были удостоены такие великие сыны Отечества как Садриддин Айни и Бободжан Гафуров, которым обязано становление и развитие исторической науки в республике. Достаточно ярко это проявилось и в ходе подготовки и проведения ряда юбилеев, связанных с выдающимися историческими личностями, ряда древних городов, а также 80-летием города Душанбе, как столицы Республики Таджикистан, 80-летием образования Горно-Бадахшанской автономной области и т.д. Отношение Президента страны к славному прошлому таджикского народа проявилось в осуществлении ширококомаштабного юбилейного празднества, посвященного 1100-летию Государства Саманидов.

Таких примеров тождества и единства взглядов руководителя страны и видного историка можно привести немало. Все это, разумеется, не может не оказывать своего вдохновляющего воздействия на деятельность, научный поиск Рахима Масова, ученого, обладающего подлинным даром исследователя, широтой взглядов, глубокой эрудицией.

Тщательное знакомство с содержаниями его трилогии и других работ, увидевших свет в период независимости Таджикистана, свидетельствует, что ученый не только ставит перед собой задачу объективного освещения событий истории со всеми их драматическими последствиями, но и стремится дать оптимальные варианты выхода республики на пути прогресса и развития. Это он достаточно убедительно демонстрирует и в своих крупных монографических исследованиях, и в выступлениях и докладах на различных встречах, симпозиумах и конференциях, и в интервью в средствах массовой информации.

Очевидно, что труды Рахима Масова являются не только теоретическим обобщением прошлого, но и рассчитаны на объективное восприятие исторической реальности настоящего и будущего. Его работы оказывали и оказывают положительное, определяющее и стабилизирующее воздействие на оценку событий, происходивших в жизни таджикского народа в сложные годы политического и вооруженного противостояния в период 1992-1997 годов, и на нынешнем этапе его мирного развития. В том, что общество смогло придти к политической консолидации, к осуществлению созидательного плана построения подлинно демократического, экономически развитого государства, есть и причастность историка и гражданина своей земли Рахима Масова.

Заслуга его состоит в том, что он реально сумел поставить историческую науку на службу народа, направить его могучую силу и воздействие на процесс сплочения народа, созидания, процветания и прогресса своей страны.

Основные штрихи к портрету историка – патриота

Попытка определить и оценить личность академика Рахима Масова лишь по его научным достижениям и участию в общественно-политической жизни Таджикистана, даже при помощи специально-историографического труда, не может всесторонне дать характеристику, которую заслуживает эта незаурядная фигура современности. Так в чем же проявляются его профессиональные и личностные особенности?

На наш взгляд, при объективно-аналитическом подходе к оценке его заслуг в отечественной историографии, участию в общественно-политической жизни республики и возможности понять состояние личностного мировосприятия, отношению к окружающим коллегам, действию инициатив, которые он поддерживает, мотивов, приводящих в радость или негодование и других нюансов внутреннего душевного настроя, можно представить портрет ученого, характерные особенности которого определяют такие качества:

1. В отличие от многих ученых, которые добрую половину научной деятельности тратят на безуспешные поиски своего направления в науке, ряд из которых до конца жизни так и не находят его, хотя могут быть обласканы высокими степенями, званиями, должностями, Рахим Масов уже после окончания Таджикского государственного университета, будучи старшим лаборантом (1961-1964 гг.) Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Академии наук республики, смог определить для себя твердую ориентацию в науке. Тема его кандидатской диссертации «Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане», которая успешно была защищена во время прохождения аспирантуры (1964-1967 гг.), стала ярким выражением твердого подхода в то время еще неизведанному направлению, каким являлась историография.

Если не считать работы А.А.Семенова, Б.Г.Гафурова, З.Ш. Раджабова, Б.И.Искандарова, Б.А.Литвинского, посвященные отдельным этапам истории таджикского народа, в освещении проблем отечественной историографии до выхода в свет в 1974 году монографии Рахима Масова «Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917-1967 гг.)», в республике не было еще системного исследования такого характера. Естественно, что поиску предшествовала серия работ молодого ученого по отдельным проблемам историографии истории Таджикистана советского периода.

Монография положила начало ряду фундаментальных историографических трудов по историографии новейшей истории респуб-

лики. К ним относятся, прежде всего, «Историография Советского Таджикистана (1917-1975)»¹, «История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане»² и сборник статей «Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа»³. К ним еще можно добавить и десятки статей историографического характера, посвященных различным проблемам современной истории республики и критической оценке работ ряда современных исследователей⁴. Все это в своей совокупности не только свидетельствовало о том, что Рахим Масов, по сути дела, положил начало историографии новейшей истории таджикского народа, сохраняя и поныне лидерство в этом направлении.

2. До появления монографических исследований Рахима Масова «История «топорного» разделения», «Таджики: история с грифом «совершенно секретно»», «Таджики: вытеснение и ассимиляция», история национально-территориального размежевания 1924 года и связанные с ней проблемы в судьбах таджикского народа не были освещены должным образом в союзной и региональной историографии. Благодаря целенаправленным и кропотливым поискам в соответствующих архивохранилищах Рахиму Масову удалось открыть огромное количество официальных документов, на основе которых им были фундаментально освещены ход и итоги этого судьбоносного для народов Средней Азии исторического акта.

Известно, что история таджиков, как коренных жителей Средней Азии, всегда привлекала представителей науки. Среди них особая заслуга принадлежит В.В.Бартольд, С.Айни, М.С.Андрееву, А.А.Семенову, Б.Г.Гафурову, З.Ш.Раджабову, Б.И.Искандарову, Б.А.Литвинскому, А.М. Мухтарову, Н.Н.Негматову, многим другим ученым-специалистам по истории таджикского народа. Этим исследователям удалось в совокупности воссоздать целостную картину многовековой истории народа, отразить значение и роль его государственности, причастность к тем или иным событиям очень часто сменявшихся режимах тюрко-

¹ Масов Р.М. Историография Советского Таджикистана. – Душанбе: «Дониш», 1978. – 201 с.

² Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: «Дониш», 1988. – С.318 с.

³ Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе: «Пайванд». – 288 с.

⁴ Перечень работ см.: Опубликованные работы Р.М.Масова // Академику Рахиму Масову 60 лет. – Душанбе: «Шарки озо», 1999. – С.83-112; Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе: «Пайванд», 2005. – 288 с.

монгольских династических правителей. В чем же отличие работ Рахима Масова от исследований других ученых? При серьезном сопоставлении можно выявить ряд особенностей его подхода к освещению данной проблематики:

а) Поставив во главу угла историческую судьбу таджиков, Рахим Масов в отличие от других исследователей, основываясь на достоверные факты (в том числе, на наиболее убедительные выводы своих предшественников и данные этно-археологических источников), четко выделяет этнокультурный и расовый состав, особенности каждого из народов, составляющих основной национально-этнический контингент населения центральноазиатского региона.

б) Более ярко освещает активный процесс притеснения местных аборигенов, т.е. таджиков, со стороны тюрко-монгольских кочевых племен, приводя убедительные факты об осуществляемом процессе ползучей ассимиляции на протяжении почти всего средневекового и нового времени.

в) Убедительно и аргументировано раскрывает причины сохранения таджиками своих этнокультурных, расовых черт и особенностей.

г) Более четко впервые показывает сложение этнических групп гальча и сартов. их прямое отношение к таджикам.

д) Ясно и последовательно отражает историю формирования пантюркизма, его реакционную сущность, опасность течений пантюркизма и панисламизма для процесса формирования национального самосознания таджиков, их культурного, духовного и государственного возрождения.

е) Глубоко и всесторонне анализирует осуществление национально-территориального размежевания 1924 года, его историческое значение для восстановления государственности таджиков, и в тоже время показывает негативные результаты этой акции по отношению к аборигенам региона.

ж) Правдиво и убедительно раскрывает планомерную политику официальных властей Республики Узбекистан по дискриминации прав таджиков, проживающих на ее территории.

з) Отражает трудности создания экономической основы, градостроения в республике, которой по национально территориальному размежеванию достались лишь горные местности с 7 % территорий пригодной земли, или, по выражению ученого, «будущее Таджикистана создавалось на голом месте».

и) Как истинный гуманист и интернационалист, четко формулирует отношение к узбекам, с которыми таджиков связывает много общего в историко-культурном и дружественно-родственном плане, призывая ученых и политиков соседней республики глубже вникать в правду истории, реалии жизни и извлекать справедливые уроки.

3. Исследования Рахима Масова по своему содержанию отличаются ярко выраженным патриотизмом. Главную задачу исторической науки он видит именно в воспитании чувства патриотизма, исторического самопознания, в формировании национального самосознания. Он глубоко верит в консолидирующую силу исторической науки и стремится направить ее в созидательное русло. Будущий прогресс, по его убеждению, во многом зависит от уровня исторической осведомленности как нынешнего, так и грядущего поколений.

4. В отличие от многих своих коллег, которые примиренчески относятся к искажению исторических фактов или используют их в конъюнктурных целях, Рахим Масов непримирим к малейшей предвзятости в анализе событий, имеющих причастность к отечественной истории.

5. Как истинный сын своего народа, он болезненно воспринимает необоснованные нападки по отношению к таджикам, беспощадно подвергает критике великодержавный шовинизм, откуда бы он не исходил. Примером этому могут служить аргументированные ответы ученого апологетам истории от соседней республики. Они широко знакомы по его многочисленным статьям, как в прессе, так и в Интернете.

6. Рахим Масов с присущим ему темпераментом открыто реагирует на необоснованную критику коллег, выражающих непонимание его исследования. Проявление порой кажущейся прямолинейности и абсолютной неуступчивости исходит из его высокопрофессиональной ответственности. Он всегда уверенно и аргументировано (хотя порою несколько эмоционально) защищает свою правоту и точку зрения. При этом, с каким бы резким тоном он не выступал, аргументы его достаточно убедительны. Отпор веский и доказательный он готов дать и оппонентам, невзирая на их должности и чины.

7. Коллеги, единомышленники и ученики Рахима Масова неизменно ощущают сочетание его необычайно тонкой аналитической эрудиции с чрезмерной широтой исторической осведомленности.

Хотя объектами исследований ученого являются проблемы истории и историографии Отечества новейшего времени, он глубоко разбирается в вопросах более давней истории таджикского народа.

Обширные знания и логические выводы Рахима Масова постоянно проявляются в ходе обсуждения монографических работ для рекомендации их к печати и диссертационных исследований в ходе их защиты. Причем как председатель Диссертационного совета по защите докторских диссертаций по специальностям истории Отечества, историографии и источниковедения при Институте истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии

наук Республики Таджикистан, он сам тщательно знакомится с их содержанием предварительно. В ходе защиты, как правило, всегда точно определяет положительные стороны диссертационного исследования (независимо к какому периоду и проблеме оно относится) и обращает внимание на недостатки, которые остались вне поля зрения, как диссертанта, так и его научного руководителя.

8. Несмотря на чрезвычайную широту его интересов, охватывающих различные периоды отечественной истории, Рахим Масов преимущественно остаётся специалистом по новой и новейшей истории таджикского народа и ее историографии. Дело в том, что он глубоко понимает особую ответственность, которая лежит на ученом, исследующем проблемы современной истории. Перед исследователями событий древней и средневековой истории стоит задача преимущественно дополнить труды своих предшественников по тем или иным проблемам, основываясь на новых источниках, внося соответствующие коррективы в уже известное. Ученым же, занимающимся проблемами современной истории, приходится преодолевать пресс официальной политики. Поэтому ему еще необходимо иметь соответствующие смелость и мужество в отстаивании исторической правды, порой не соответствующей тем или иным конъюнктурным соображениям.

Рахим Масов, обладая именно таким мужеством, отстаивает правду истории, невзирая на лица. И хотя очевидна, политика искусственного отделения его от Президента страны, сам глава государства реально оценивает роль и значение видного ученого в науке и общественно политической жизни. Свидетельство тому награждение академика Рахима Масова, за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки, воспитании достойных кадров и формировании исторической культуры общества, в день его 70-летия, 16 ноября 2009 года, высшей наградой «Звездой Президента Таджикистана» первой степени. Особо следует отметить, что это происходило по личной инициативе Президента Эмомали Рахмона, без каких либо, как обычно, предварительных представлений через соответствующие инстанции.

9. Оценивать Рахима Масова необходимо и по его незаурядным организаторским способностям.

Талант Рахима Масова, как организатора науки, вызывает чувство гордости и восхищения. За более чем двадцатилетнюю деятельность (с 1988 г.) на посту директора одного из крупнейших научных учреждений страны – Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан – он сумел сплотить вокруг себя крепкий и стабильный коллектив талантливых ученых. При этом нельзя ни учесть все трудности, которые пришлось пережить научному учреждению и

его руководителю, да и в целом всему коллективу в трагические годы политического и вооруженного противостояния 1992 – 1997 годов.

Этот Институт, по сути, главный штаб исторической науки республики, является не только координатором, вдохновителем, но и основным исполнителем исследовательских планов, как, работ учебного, сводного так и фундаментального характера. Годичный объем публикаций сотрудников Института в совокупности намного превышает научную продукцию нескольких научно-исследовательских учреждений.

Поистине выдающимся событием в политической, научной и культурной жизни республики явилась подготовка и издание шеститомной «Истории таджикского народа» с древнейших времен до наших дней. Работа над этим эпохальным для таджиков и народов Таджикистана трудом началась по личной инициативе Рахима Масова. Не скрывая своего удовлетворения в связи с выходом первого тома «Истории» в 1998 году, прекрасный знаток древней и средневековой истории Средней Азии, один из ведущих ученых Института востоковедения Академии наук Российской Федерации действительный член Академии наук Республики Таджикистан, Б.А.Литвинский, обращаясь к Масову писал: « У истоков нового издания стояли Вы, дорогой Рахим Масович. И я должен сказать, что то, что Вы совершили, являлось настоящим подвигом! В тяжелую для таджикского народа годину Вы сумели собрать коллектив таджикостанских и российских ученых, воодушевляя их своей верой и энтузиазмом, смогли преодолеть невероятные организационные и финансовые трудности. При поддержке руководства Республики Таджикистан и Академии наук, которые оценили научное и общественно-политическое значение этой «Истории», Вы добились завершения работы и издания этого труда. Я уверен, что он сыграет свою роль в консолидации здоровых сил таджикского народа и в мировом признании его культуры. Честь и хвала Вам, дорогой Рахим Масович!».

Вместе с тем, руководителя Института нельзя обвинить в самодовольстве, он не почил на лаврах. Как и раньше, постоянно требователен к себе и другим, всегда находится в состоянии максимального творческого напряжения и поиске возможностей для осуществления обширных планов создания фундаментальных исследований по всем основным направлениям исторической науки республики.

Рахим Масов прилагает огромные усилия для организации археологических и этнографических экспедиций. Несмотря на сложнейшие экономические условия, опасную ситуацию в период вооруженного противостояния в республике (1992-1997 гг.), археоло-

гические исследования не прекращались. Более того, директору Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша удалось привлечь к работам в Таджикистане ученых ряда зарубежных стран, проявляющихся интерес к древней и средневековой истории таджикского народа.

10. Рахим Масов достойно представляет достижения исторической науки и культуры таджикского народа на международном уровне. Его поездки за рубеж и встречи с коллегами, участие в крупных симпозиумах, конференциях, организация им различных выставок свидетельствуют о неослабевающей активности ученого. Она ощутима и в самой республике. Достаточно назвать такие крупные мероприятия, потребовавшие его напряженных усилий в организационном плане, как Международные симпозиумы, посвященные юбилею Борбада, 1100-летию Государства Саманидов, 2500-летию городов Худжанда, Истаравшана, 80-летию Душанбе, как столицы республики и др., а также международные конференции посвященные 90 и 100-летию академика Бободжана Гафурова, 120-летию Нусратулло Махсума (Лутфуллоева), 90-летию Джаббора Расулова, 110-летию Шириншо Шотемура и многие другие.

11. Рахим Масов постоянно стремится полно представить тот заметный след, который оставили предки таджикского народа в истории мировой цивилизации.

По его личной инициативе начались строительно-реставрационные работы на здании бывшего Министерства просвещения, отведенного для Национального музея древностей Таджикистана. Открытие Музея было приурочено к юбилею 1100-летия Государства Саманидов (1999 г). Рахиму Масову приходилось прикладывать огромные усилия для обеспечения финансирования строительства, подготовки экспонатов для размещения в залах Музея.

За прошедшее время со дня открытия Национальный музей древностей Таджикистана посетили многие тысячи граждан республики и зарубежных гостей. В «Книге отзывов» Музея оставлены сотни лестных записей, свидетельствующих о восхищении крупных зарубежных государственных, политических, общественных, научных и культурных деятелей достижениями таджикского народа в его древней и средневековой истории. Выставки уникальных экспонатов из фондов Национального музея древностей Таджикистана экспонировались в России, Германии, Франции, Италии, Японии, США. Нельзя ни сказать также и о заслуге академика Рахима Масова в создании Музея этнографии с ее постоянно действующей выставкой.

12. Характеризуя личность Рахима Масова нельзя ни отметить его решимость и мужество, когда речь идет о защите национальных и государственных интересов. В отличие от многих коллег и пред-

ставителей интеллигенции, он не избрал позиции стороннего наблюдателя и не оставил свой ответственный пост во время драматических событий 90-х годов. Все эти годы он находился в передних рядах защитников законной власти, открыто выступал против оппозиционно настроенных сил, которые стремились использовать в своих целях как внутренние, так и внешние враги таджикского народа. В своем воззвании «Позорная страница в нашей истории» Рахим Масов в феврале 1991 года заявлял: «Как историк, я могу с уверенностью сказать, что бесчинства, поджоги, грабежи и другие противоправные действия со стороны хулиганствующих и уголовных элементов готовились загодя и тайно врагами таджикского народа... На какое же горе и позор обрекли авантюристы мой народ? Как нам очиститься от позора? Мне думается, что мы обязаны сделать все возможное, чтобы найти виновников, опозоривших нас, осудить их всенародно, перед всем миром»¹. К большому сожалению, грозное предупреждение ученого и других патриотически-настроенных лиц не было услышано бездарным в то время руководством республики, что привело к братоубийственной гражданской войне.

В этом плане активное участие Рахима Масова в общественно – политической жизни республики того периода само по себе может быть объектом специального анализа и научного освещения. Это являлось одной из важной и неотъемлемой граней его деятельности. Но мы же ограничимся лишь упоминанием об его плодотворной работе в составе Комиссии по национальному примирению, деятельность которой увенчалась подписанием в столице Российской Федерации, г. Москве «Общего Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане».

Рахим Масов был активным участником большинства мероприятий, проводимых с целью достижения политического урегулирования межтаджикского конфликта. Такая же его общественную активность наблюдалась и впоследствии, в годы стабилизации положения и перехода республики на мирный созидательный этап своего развития.

Непримиримость Рахима Масова против тех, кто печется лишь о собственном благе, а не интересах республики и созидательных планах ее руководства проявляется в его гневных публикациях в прессе.

13. За кажущейся внешней суровостью, тем кто многие годы работает с Рахимом Масовым, хорошо известны его добропорядоч-

¹ Масов Р. Позорная страница в нашей истории // Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе, 2005. – С.185-186.

ность, отзывчивость и уважение к коллегам. Он требователен и непримирим к тем сотрудникам, которые недобросовестно относятся к своим обязанностям, несвоевременно и некачественно выполняют задания и поручения. Это хорошо понимают в коллективе Института, который он возглавляет многие годы. Но он непреклонен по отношению к лжеученым и тем, кто пренебрегает интересами своей страны, своего народа. Избегает общения с высокомерными людьми, независимо от их положения и должностей. В то же время не выносит проявления подхалимажа, угодничества в любой форме. Его может радовать научный успех каждого из своих коллег и по достоинству оценить его труд.

14. Рахим Масов, никогда не стремится к личной выгоде, довольствуясь обычной скромной жизнью. Все, что ему удалось скопить, включая и вырученные средства за продажу собственной квартиры, он использовал на создание им общественного музея со своими личным имуществом, библиотечным и архивным фондами. «Дом-музей академика Рахима Масова» как и «Фонд академика Рахима Масова» служат интересам развития исторической науки, приобщения к ней перспективной молодежи. В этом плане такая неординарность также заслуживает специального исследования.

Вместо заключения

Академик Рахим Масов находится в полном расцвете сил профессиональной деятельности. Его ученики и последователи, а вместе с ними те, кому дорого историческая наука в Таджикистане и ее будущее, желают Устоду крепкого здоровья, несгибаемого исследовательского духа, новых открытий. Пусть и впредь он крепко и высоко держит знамя, на котором начертана верность подлинно научным принципам реального историзма.

2009 год

ИСТОРИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Быть ученым всегда и трудно, и ответственно. Но быть историком, наверное, вдвойне сложнее и ответственнее. Настоящий историк должен обладать не только спецификой своего дела, знаниями о прошлом человечества, охватывающими главные события в течение многих тысячелетий, с учетом их особенностей для каждого государства, региона, но он должен и уметь находить общие закономерности явлений, выявлять их характерные признаки. Что касается ответственности, то историк должен помнить главную истину: всегда предельно объективно подходить к анализу события, ставшего объектом его исследования. Ибо от этого зависит очень многое, в том числе и определение степени причастности того или иного народа к мировой или региональной цивилизации. Именно это может явиться ключом к точному анализу трагических моментов истории, из которых нужно извлечь полезные уроки, могущие послужить в качестве верных ориентиров для определения пути прогресса общества. То есть история должна быть не только наукой о прошлом, но и как бы путеводителем для будущих поколений.

Одним из тех, кто обладает всеми этими качествами, в том числе, поистине энциклопедическими знаниями о средневековой и новой истории центральноазиатского региона, является, по общему признанию специалистов, академик Ахрор Мухторов.

Это имя известно давно и далеко за пределами региона не только историкам, но и широкому кругу людей, интересующихся историей Востока. При знакомстве с ним привлекают его интеллигентность и любознательность, мудрость мышления, простота общения.

Отрадно заметить, что годы не только не ослабили его завидную работоспособность, но, словно, наоборот. Нарастание диапазона исследуемых проблем – яркое свидетельство тому. Сам по себе факт, что только за последнее десятилетие, им опубликовано свыше ста работ, среди которых учебники и учебные пособия по истории таджикского народа для общеобразовательной школы, более десяти монографических исследований и множество брошюр, говорит о многом.

Даже поверхностное знакомство с его исследованиями не может не удивлять разнообразностью проблем, за решение которых берется ученый. Причем нередко объектом его исследования и научного анализа становятся неизвестные или почти неизвестные и малонизученные источники, которые вызывают огромный интерес далеко за пределами Таджикистана. Не случайно, что некоторые его

работы прежде чем увидеть свет дома, раньше публикуются за рубежом.

Ахрор Мухторов постоянно в поиске новых источников. В этом отношении мало кто в центральноазиатском регионе может сравниться с ним. Умение находить, охарактеризовать и обнародовать новые факты и ввести их в научную орбиту — заслуга его как первооткрывателя и, по сути, ведущего специалиста-источниковеда.

Жизнь и деятельность академика Ахрора Мухторова неразрывно связаны с историей Таджикистана. Его рождение совпало с образованием Автономной Республики Таджикистан в составе Узбекской ССР. Он рос и мужал вместе с преобразованиями, происходившими в Таджикской ССР. По счастливому случаю судьбы ему угодно было не испытать горькую чашу сиротской жизни. Его отец Мирмухтор Мирахмадзода (1874-1928), получивший образование в русской-туземной школе, работавший в различных средних чиновничьих должностях в местной администрации Ура-Тюбе, как до революции, так и в годы утверждения Советской власти, и снискавший большое уважение у людей, ушел рано из жизни по болезни, когда его сыну Ахрору, любимцу отца, едва исполнилось четыре года.

Случилось так, что мать связала свою судьбу с прекрасным, интеллигентным человеком Юсуфом Насырджановым, который стал хорошим мужем и отцом для Ахрора и других детей в семье. Он смог дать им нужное образование и воспитание.

В 1930 году семья в связи с назначением Юсуфа Насырджанова на новую работу переезжает в Душанбе. С тех пор этот город — место постоянного проживания для Ахрора Мухторова.

Проходил подготовительные курсы рабфака, затем учеба в учительском институте. Начало трудовой деятельности совпало с началом Великой Отечественной войны. Проработав несколько месяцев учителем, восемнадцатилетний Ахрор был призван в ряды сражавшейся против фашистских оккупантов Красной Армии. После подготовки в зенитно-артиллерийском училище в г.Уфе он был направлен на фронт. В качестве командира взвода с 1943 по 1945 годы участвовал во всех крупных боевых операциях, пройдя дорогами войны от Украины до Берлина. Грудь ветерана украшают заслуженные награды.

Закончив службу в Советской Армии в 1947 году, Ахрор Мухторов поступает на исторический факультет Душанбинского госпединститута. Блестяще окончив институт в 1951 году, он трудится в качестве ассистента в том же институте. С 1953 года

работает заведующим отделом рукописей библиотеки им. Фирдоуси.

Большое упорство и склонность к науке Ахрора Мухтаров были замечены выдающимся востоковедом А.А.Семёновым после его поступления в аспирантуру. Став его научным руководителем в качестве темы диссертационной работы Ахрора Мухтарова рекомендовал «Очерки из истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX века». И А.Мухторов всегда с благодарностью вспоминает своего учителя и наставника А.А.Семёнова, пробудившего в нем настоящий интерес к исследовательской работе.

После окончания аспирантуры в Душанбинском госпединституте Ахрор Мухторов в 1956 году защищает кандидатскую диссертацию и некоторое время преподает в Сталинабадском женпединституте. В 1958-1959 годах он исполняет обязанности директора и ученого секретаря Института истории им. А.Дониша АН республики и одновременно продолжает педагогическую работу в качестве старшего преподавателя кафедры истории в Душанбинском пединституте. С 1959 года Ахрор Мухторов как заведующий сектором, а затем и отделом истории средних веков Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Таджикистана полностью переключается на научную работу и ведет поиск различных источников с целью изучения неизученных и малоизученных проблем истории в русле научных изысканий. Несмотря на неоднократные лестные предложения, он неизменно оставался на своем месте, руководя отделом Института вплоть до 1991 года. Он и ныне является идейным вдохновителем и наставником для всех сотрудников отдела, ведет значительную работу в этой структуре.

Нелегко определить какое-то одно приоритетное направление среди многообразия проблем и, если угодно, исторических изысканий ученого. Из громадного количества (их более 600) научных работ по истории и историографии, археологии и этнографии, источниковедению и архивоведению, эпиграфики и каллиграфии, нумизматики и прочим историческим дисциплинам, а также по литературной критике и литературоведению, и, наконец, учебников, учебных, методических пособий, трудно выделить что-то особо предпочтительное. В какой бы области ни ставило себе задачи Ахрор Мухторов, он всегда с присущим ему вдохновением и интересом отдается их решению.

Особое место в его деятельности занимает сбор уникальных эпиграфических источников (памятников) и их изучение. Положив начало этому исследовательскому направлению (не только в нашей

республике), он добился широкого признания в научном мире. Двухтомное исследование «Эпиграфические памятники Кухистана (XI-XIX вв.), изданное в 1978-1979 годах, составившие основу его докторской диссертации, по своей уникальности не имеет аналога. Не случайно, эта работа, как другой его труд «Позднесредневековый Балх», были изданы в Афганистане, Иране и США.

Сегодня любой из бесценных эпиграфических памятников (их сотни) из собрания ученого, находящиеся в Музее древностей Таджикистана, кабинете академика Ахрора Мухторова при Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан, мог бы стать заметным экспонатом даже в известных музеях мира. Тут же хранится и коллекция из семи тысяч собранных самим Ахрором Мухтаровым и его учениками актов документов, которые могут служить ценными источниками для изучения различных проблем средневековой и позднесредневековой истории таджикского народа и сопредельных государств.

Академик Ахрор Мухтаров известен научному миру и как блестящий знаток нарративных источников. Введенные им в научный оборот материалы таких источников, как «Фатхнома»-и Доии Бухори, труд анонимного автора «Зафарномаи Хусрави» («Царственная книга побед»), «Мунтахоби таърихи амирони Мангит» («Извлечение из истории мангитских эмиров»), «Таворихи Мадина» («История Медины»), Оджиза, «Таърихи муходжирон» («История переселенцев») поэтессы Дилшод и многих других, получили достойное признание.

Ахрор Мухтаров вложил немало труда для подготовки факсимильного издания работы историка первой половины XIX века Мухаммада Хакимхона «Мунтахаб-ат-таворих» («Избранная история»). Исследования о жизни и творчестве поэтессы Дилшод и ряда других позднесредневековых поэтесс поставили его имя в один ряд с известными литературоведами республики.

Немалый интерес ученый проявил к изучению родного ему Ура-Тюбе и Гиссара. Десятки книг и статей исследователя ярко отражают их историческую панораму. Пожалуй, этот вклад в историю таджикского народа – своеобразная энциклопедия, причем ученый глубоко раскрывает связь этих мест в соседними территориями, в частности с Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, которые усердно соперничали в том, чтобы овладеть ими.

Ахрор Мухтаров представлял и представляет таджикское востоковедение во многих странах мира. Только перечисление международных конференций с его участием заняло бы немало площади

данной статьи. И везде его доклады и выступления привлекают новизной проблем или новыми открытиями давно забытых историей событий.

Бывая в Иране, Индии, Афганистане, Ахрор Мухтаров собирает редкие материалы и источники, благодаря чему специалисты получают возможность знакомиться с ними. Ряд новых открытий сделано им к 1100-летию Государства Саманидов.

Исследовательские работы ученого, посвященные жизни, научной и общественной деятельности академика Бободжона Гафурова, следует признать высоким образцом историографического характера.

Справедливо сказать, что каждая из сторон его научных интересов, каждая проблема, ставшая объектом его изучения, каждая его книга могут вполне стать предметом специального историографического исследования. Лишь в этом случае мы можем по достоинству оценить тот гигантский масштаб его труда, который он вложил для развития отечественной исторической науки. Включение его имени в список 500 лучших ученых мира – достойное признание высокого авторитета таджикского ученого в мировой историографии.

Академик Ахрор Мухтаров с присущей ему, по-хорошему завидной бодростью, в самом расцвете сил, встречает своё 80-летие. Его коллеги, ученики и почитатели желают ему еще много лет жизни, здоровья, а также плодотворно трудиться на благо науки и всестороннего процветания родного Таджикистана.

*Олиме, ки ифтихори миллат аст.
– Душанбе: Деваитич, 2004. – С.70-76.*

ИЗ КОГОРТЫ ВЕДУЩИХ ИСТОРИКОВ ОТЧИЗНЫ

Профессор Мансур Бабаханов относится к той плеяде известных историков, которые своими научными достижениями представляют историю таджикского народа необычно широкому кругу специалистов и её почитателей в региональном и мировом масштабе. Помимо научных достижений, которые вызывают чувство гордости и восхищения современников в родном Таджикистане, учёный снискал всеобщее уважение также своим завидным трудолюбием, проявляемым в его многоплановой деятельности как исследователя, организатора и популяризатора науки, так и талантливого педагога, наставника и руководителя молодых учёных и специалистов различного направления. Не каждому суждено с таким энтузиазмом нести эту славную, но и тяжелую ношу на протяжении почти полувека, причем с большим темпом наращивания её продуктивности.

Даже поверхностное знакомство с личностью Мансура Бабаханова приводит к убеждению, что он прирожденный историк. Но по общей эрудиции, ясности мышления и логике суждения, он с таким же успехом мог стать психологом, писателем, дипломатом. Хотя и при нынешней его профессии историка эти качества выпукло дают о себе знать. Они во многом помогли раньше в его нелегкой работе на руководящих должностях факультета, кафедры, и ныне профессора кафедры Отечественной истории, как руководителя научно-исследовательского Центра таджиков и персоязычных народов мира таджикского национального университета.

Рождение будущего ученого и педагога совпало с началом тех судьбоносных для таджикского народа преобразований, которые в дальнейшем послужили прочным фундаментом в его политическом, социально-экономическом и культурном развитии.

Таджикистан готовился встречать вторую годовщину со дня преобразования из автономии в союзную республику; народ с большим воодушевлением работал над выполнением первого пятилетнего плана, заложившего основу для бурного роста экономики; было принято решение о создании первого вуза в республике, что предвещало открытие широкого простора для развития высшего образования, и как следствие осуществление многовековой мечты таджикского народа о создании условий для свободного созидательного труда на благо процветания республики, ставшей символом возрождения её государственности.

Вот в такой, хотя для нормальной жизни, пока тяжелой обстановке, но в общей атмосфере приподнятости духа и уверенности в будущем процветании края, 28 августа 1931 года в Канибадаме в семье рабочего-плотника Бабаханова родился сын. Беспредельно

счастливым отцом свою радость хотел выразить в определении имени новорожденного. Как бы в знак предсказания его судьбы назвал малыша Мансуром, что означает победитель, всепобеждающий. В эти радостные дни, когда родители Мансура с благодарностью принимали поздравления родственников и соседей, им не приходила в голову мысль о том, что этому новорожденному было суждено, наряду с другими видными учеными, не только поднимать судьбоносные пласты истории таджикского народа, но и подготовить десятки тысяч специалистов, принимающие деятельное участие во всех сферах государственной, научной и общественно-политической жизни страны и соседних государств.

Если не считать суровые испытания, выпавшие на долю всего советского народа в годы Великой Отечественной войны, нарушившие общий размеренный созидательный труд в стране и тяжелые годы послевоенного восстановительного периода, которые не смогли не испытать все сверстники Мансура подросткового возраста, то в целом для формирования его личности, как будущего ученого и педагога, сложилась сравнительно благоприятная почва.

Завершение учебы и получение среднего образования выпускника школы – интерната г. Ленинабада Мансура Бабаханова совпало с еще выдающимся событием в общественно-политической и культурной жизни республики – открытием в 1948 году, в будущем гордости нашего высшего образования – первого государственного университета (ныне Таджикского Национального Университета). По счастливой воле судьбы накануне завершения учебы в Ленинабадской школе-интернате, где учился Мансур Бабаханов, ее посетил вновь назначенный первый ректор первенца – университета, выдающийся ученый, академик З.Ш. Раджабов. Его душевный разговор с выпускниками и стал той притягательной силой, которая привела Мансура и всех 36 выпускников интерната к учебе в университет. Наряду со своими однокурсниками ему посчастливилось слушать лекции всех авторитетов исторической науки республики того периода и стать первым выпускником госуниверситета.

Время бежало незаметно. Тяга к знанию студента начальных курсов, а затем и выпускника историко-филологического факультета Мансура Бабаханова, который отличался своим научным осмыслением исторических событий, не остался не заметным потечески заботливым ректором З.Ш.Раджабовым. Согласно его рекомендации, по окончании учебы в 1953 году молодой специалист Мансур Бабаханов поступил в аспирантуру при кафедре истории СССР. Выбор темы диссертационной работы также был не случайным. Еще, будучи студентом Мансур хотел по – настоящему вникнуть в проблемы, связанные с историей колониального периода Средней Азии, главным образом Туркестана.

Следует отметить, что к тому времени вопросы колониального режима в регионе в той или иной мере стали предметом изучения ряда исследователей, как центральных общественных (П.Г.Галузо, Вл. Лаврентьев и др.), так и региональных (преимущественно в отдельных разделах, обобщающих и фундаментальных) трудах по истории среднеазиатских республик. Тем не менее, еще множество аспектов данной проблематики осталось нерешенными, и ждали своих исследователей. Для этого потребовалось поднять несколько пластов соответствующих источников, залежавшихся в центральных, региональных и республиканских архивохранилищах и ввести их в научный оборот. Другими словами, все настоятельнее ощущалась необходимость проведения комплексного исследования истории колониального периода края, в отечественной историографии. Эту необходимость в силу своего научного кругозора и профессиональной эрудиции лучше других осознавал З.Ш. Раджабов.

В этой связи, он преднамеренно пробудил интерес своего ученика Мансура Бабаханова к данной проблеме еще в его студенческие годы, поручив ему написать курсовую работу касательно вопросов генезиса капитализма и Таджикистане. При защите она признана лучшей и представлена на всесоюзный конкурс студенческих работ по гуманитарным наукам. Результат налицо: автор был награжден Дипломом Минвуза СССР и Почетной грамотой ЦК комсомола.

Учеба в аспирантуре стала для Мансура Бабаханова годами приобретения необходимых навыков ведения научно-исследовательской работы. Научные командировки, поиски разнообразных источников, их сопоставление и осмысление, знакомство с обширной литературой, общение с представителями различных направлений региональных и всесоюзных ученых, их школ и научных ориентиров не могли не повлиять на формирование собственных научных взглядов и общее мировоззрение молодого исследователя, избравшего тернистую трудоемкую профессию историка. Вхождение его в общую атмосферу научных интересов и поисков неизменно проходило под непосредственным руководством вышеупомянутого многоопытного и маститого ученого, проходившего прекрасную школу русского востоковедения, З.Ш. Раджабова.

Выход в свет первых научных статей, посвященных вопросам зарождения капиталистических отношений в северных районах Таджикистана, вселил в него не только уверенность в своей способности, но и оттачивали его профессионализм, а главное, стали его визитной карточкой, показывавшей первые смелые шаги автора в большую науку.

Первым итогом научных дерзаний молодого исследователя стала подготовленная в 1957 году и успешно защищенная в 1958 году

кандидатская диссертация: «К вопросу о зарождении и развитии капиталистических отношений в северных районах Таджикистана во второй половине XIX и в начале XX вв.». О качестве диссертации и высоком профессиональном уровне научной подготовки молодого исследователя свидетельствуют обстоятельный анализ и оценки официальных и неофициальных оппонентов, изложенных в их отзывах по случаю публичной защиты диссертации. Один из видных специалистов страны по данному направлению А. Кучкин в своем отзыве на автореферат диссертации, говоря в целом о достоинствах работы, писал; «Вопрос развития капиталистических отношений в Средней Азии (бывшем Туркестане) меня интересует. Мне кажется, что историки этому вопросу уделяли далеко не достаточное внимание. А кто разрабатывает этот вопрос, часто подходят к нему не совсем с правильной методологической позиции... Вы же проделали большую научно-исследовательскую работу».

Авторитетный знаток позднефеодального периода и нового периода истории Средней Азии, главным образом Таджикистана, ведущий специалист Института этнографии АН СССР Н.А. Кисляков в своем отзыве, давая развернутый анализ его кандидатской диссертации, отметил: «М. Бабаханову удалось собрать и обобщить весьма ценный, еще почти не затронутый в науке материал, дать яркую и убедительную картину развития капиталистических отношений в Северном Таджикистане, иллюстрирующую большим числом, хорошо подобранных примеров и статистических материалов. Основные выводы и положения автора не вызывают спора». Таких отзывов, отмечающих научную ценность диссертации, было немало. Но требовательный к себе молодой исследователь, еще ограничиваясь отдельными довольно серьезными статьями, изданными и после защиты по данной проблематике, не решался издать ее в качестве отдельной монографии, намереваясь еще раз тщательно взвесить и существенно углубить свои суждения и выводы по данному исследованию. К этому выводу его окончательно подтолкнуло участие в объединенной научной сессии АН СССР и академиями наук республик Средней Азии, состоявшейся в 1959 году в Ташкенте по этой же проблеме. Здесь научные доклады крупных специалистов, если с одной стороны, убеждали молодого ученого в верности своих выводов, то с другой – открывали новые рубежи и перспективы разработки проблемы.

Размышляя над углублением изучения вопроса, Мансур Бабаханов многие свои заключения и выводы представлял на суд читателей и специалистов, через периодическую печать, научные журналы, сборники и брошюры, вышедшие в 1958-1965 годах. Наиболее заметной из них являлась работа под названием «Политическое пробуждение масс накануне Октябрьской революции» (Душанбе:

Ирфон, 1966 г.). В ней довольно убедительно были изложены его изыскания по проблемам политического пробуждения масс, как одного из результатов зарождения и развития капиталистических отношений. Работа вызвала большой интерес широкого круга читателей. Затем последовали опубликованные автором серии газетных и журнальных статей, среди которых особое место занимали историографический анализ коллективного труда «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, Фан, 1967, – 772 с.) и ряд исследований З.Ш.Раджабова, касающихся истории общественно-политической мысли таджикского народа, получивших свое логическое завершение в его фундаментальном труде «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв.», увидевшего свет в 1957 году и выдвинутого на соискание Государственной премии имени Абуали ибн Сино.

Решение заняться историографическим анализом этих работ и в особенности трудов своего учителя З.Ш.Раджабова по указанной проблематике не было случайным увлечением молодого ученого Мансура Бабаханова, а сознательным выбором. Именно это направление научных изысканий маститого ученого и наставника больше других перекликалось с его научными интересами. Умелый историографический анализ во многом мог способствовать углублению и расширению его анализа природы и особенностей развития капиталистических отношений, генезиса капитализма в регионе и в связи с этим проследить общественно-политические, социально-экономические, да и культурные преобразования, которые произошли в районах северного Таджикистана.

В результате постоянных научных поисков, все больше вникая в суть кажущихся неисчислимыми проблем, так или иначе касающихся внедрения капиталистического способа производства в северном Таджикистане и связанных с ними переменами во всех сферах общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни края, молодой ученый неустанно совершенствовал свои профессиональные навыки научных изысканий. Эти качества убедительно проявлялись в его довольно оригинальном и серьезном труде «Социально-экономическое положение северного Таджикистана накануне Октября» (Вопросы генезиса капитализма), увидевшего свет в 1970 году. Данная монография, получившая высокую оценку специалистов, являлась итогом долгого поиска во многих архивохранилищах союзного, республиканского и регионального значения, анализа и сопоставления этих первоисточников с другими материалами и заключениями исследователей.

В книге последовательно и убедительно прослеживается проникновение банковского капитала и связанной с ним деятельности

торговых фирм, ссудно-кредитных операций, ростовщичества и тому подобных явлений, которые связаны с накоплением капитала, изошренным наращиванием его с местным производством. Анализ данного процесса позволил автору показать те перемены, которые происходили в связи с этим в социально-экономической жизни края. В частности, социальное расслоение крестьянства, районирование специализации производства, возникновение типичных для капитализма фабрично-заводских, горных промышленных предприятий и соответственно тому – армии наёмного труда и т.д.

Книга существенно расширила рамки исследования проблемы, подняла вопрос колониального режима в Туркестанском крае на более достойную высоту. Но по замыслу автора она была лишь предварительной подготовкой к более серьёзному труду, в 1974 г. Была успешно защищена докторская диссертация на тему: «Предпосылки формирования революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом накануне Октября». Указанное исследование, дополненное с учетом пожеланий крупных специалистов, стало основой вышедшей монографии ученого под тем же названием. (Душанбе: Ирфон, 1975. – 312 с.)

Выход этого фундаментального труда стал заметным событием в научной жизни среднеазиатских республик, о чем свидетельствуют аргументированные отзывы и отклики специалистов, как на диссертацию, так и после выхода монографии в свет. Причем география таких отзывов была чрезвычайно широка. Но все же среди десятков из их хочется выделить отдельные отрывки, довольно объективные высказывания ряда профессиональных известных ученых.

«Докторская диссертация Мансура Бабаханова, – пишут в своем отзыве профессора знаменитого Берлинского университета им. Гумбольдта Г. Розендельт и Манфред Лоренц, – представляется нам особенно ценной, так как в ней наряду с подробным анализом экономических, социальных и политических условий в бывшем Туркестане (с использованием редкого архивного материала), дано описание того, как возник союз между среднеазиатскими трудящимися и революционным пролетариатом России накануне Октябрьской резолюции.

Мы приветствуем появление такой работы и считаем, что ее значение выходит за пределы Советского Союза».

Анализируя значение данного исследования, ведущие специалисты отдела востоковедения Академии наук Киргизстана М.Сушанло и И. Юсупов писали: «Диссертация Мансура Бабаханова является крупным монографическим исследованием, выполненным на высоком научном и теоретическом уровне. Она внесет большой вклад в Советскую историографию дореволюционной Средней Азии и Казахстана».

Особый интерес представляет и отзыв кафедры истории СССР советского периода исторического факультета МГУ за подписью ее заведующего, профессора В.М. Селунской от 4 июня 1974 года. Давая обстоятельный анализ диссертационной работы Мансура Бабаханова, она, в частности, приходит к заключению о том, что «основные выводы и положения автора по важнейшим вопросам исследуемой им проблемы вытекают из глубокого изучения богатого фактического материала, значительная часть которого впервые вводится в научный обиход... Автору удалось убедительно показать формирование экономических, социальных и политических предпосылок боевого союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом... Докторская диссертация Мансура Бабаханова, бесспорно, восполняет пробел, имеющийся в исторической литературе, и является ценным исследованием».

Подобные лестные отзывы были опубликованы в периодической печати по случаю выхода монографии ученого «Предпосылки революционного союза трудящихся туркестанского края с российским пролетариатом» известными таджикскими учеными академиками З.Ш. Раджабовым, А. Мухтаровым, Х.Саидмуродовым и др. Все рецензенты сошлись во мнении о том, что выход в свет данной монографии является заметным явлением в исторической науке республики. По их мнению, автору удалось блестяще решить мало-разработанный, весьма актуальный и «интересный в научном отношении вопрос».

Помимо указанных монографий, Мансуром Бабахановым в 70-е годы опубликованы серии весьма ценных научных статей, таких как «Фирмы и их роль в экономике Восточной Бухары», «Трудящиеся массы Восточной Бухары накануне революции 1920 г.», «Агитпоезд «Красный Восток» в Бухаре», «Октябрь и Восток», рецензии на книгу Х.Ш. Иноятова «Победа Советской власти в Туркестане» (М.: Мысль, 1976. — 364 с.) и многие другие, в которых изложено немало теоретических и практических выводов автора. В эти же годы неоднократно с дополнением было опубликовано пособие «Рассказы по истории Таджикской ССР» (в соавторстве).

Словом, 70-е годы для Мансура Бабаханова являлись довольно удачными во всех отношениях. Именно в эти годы он вполне сложился как ученый со своим почерком, направлением и занимал достойное место среди уже именитых ученых. Кроме того, он мог продемонстрировать свою способность в качестве искусного педагога и вузовского руководителя, о которых речь будет идти несколько ниже.

О высокой оценке научной продукции и популярности, которую приобретал ученый в 70-е годы, свидетельствуют рекомендательные письма и официальные обращения, поступившие в адрес Пре-

зидиума Академии наук республики от отдельных ведущих ученых, научных учреждений, научно-педагогических коллективов, кафедр и факультетов вузов Союза о рекомендации или поддержке его кандидатуры в члены – корреспонденты Академии наук Таджикской ССР в начале 1978 года. В частности, рекомендуя его кандидатуру, известный ученый, член-корреспондент АН СССР П.В.Волобуев писал: «Бабаханов Мансур – один из наиболее творчески активных и перспективных историков Таджикистана и других республик Средней Азии, изучающих досоветский и советский периоды... Мне известны также плодотворная научно-организационная деятельность тов. Бабаханова и его роль в подготовке кадров историков Таджикистана.

Тов. Бабаханов находится в расцвете творческих сил и, безусловно, достоин избрания членом-корреспондентом АН Таджикской ССР». Таких отзывов много: от Отдела историко-культурных проблем Советского Востока, Института Востоковедения АН СССР за подписью его заведующего известного ученого Н.А. Халфина, от Совета исторического факультета ТашГУ за подписью декана факультета профессора Г.А. Хидоятова, от директора Института истории АН Киргизской ССР, профессора А.Каниметова и зав. Сектором истории Киргизии нового времени К.Усенбаева, от ученого Совета Института истории АН Узбекской ССР за подписью председателя совета М.А.Ахунова, от заведующего Отделом истории дооктябрьского периода Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР М. Аннанепесова, от заведующего кафедрой истории КПСС Латышского госуниверситета И.К.Апине, от Ученого совета исторического факультета Казанского университета им. В.И.Ульянова-Ленина за подписью его председателя И.Р. Тагирова и др.

Во всех документах оппоненты единодушно отзывались о том, что Мансур Бабаханов давно известен в кругах не только среднеазиатских, но и общественных историков, как общепризнанный крупный специалист по истории народов региона. Все с восхищением отметили особое значение его труда «Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом» и других работ. Но, к сожалению, эти объективные оценки были оставлены без внимания.

Казалось бы, монография ученого «Предпосылки революционного союза» должна была считаться логическим завершением того научного направления, начало которого было положено Мансуром Бабахановым еще в аспирантские годы. Действительно, проблемы связанные с историей внедрения капиталистических отношений, со всеми вытекающими из них политическими и культурными последствиями в регионе, изданных ранее, исследовались в рамках

данного направления. Но это не могло удовлетворить автора. Ему казалось, что без историографического анализа тех источников и материалов, которые были опубликованы в периодической печати того периода, нельзя окупиться в ту атмосферу исторической действительности. И вот в результате долгих поисков и сопоставлений огромного количества публикаций разного характера, скрупулезного размышления над выявлением степени достоверности фактов, причастности авторов статей к тем или иным политическим и методологическим течениям, увидела свет очередная монография ученого — «Из истории периодической печати Туркестана» (Душанбе: Дониш, 1987).

Следует отметить, что хотя данное направление и занимало приоритетное место в научных изысканиях ученого вплоть до конца 80-х годов и, кроме указанных монографий, опубликованы многие средние и крупные статьи по указанной проблематике, но они не могли затмить то множество других вопросов, над которыми размышлял ученый. Сам факт, что из-под его пера вышло немало статей общеисторического, теоретического характера, научно-популярных очерков, учебно-методических пособий и иного жанра работ, а также он занимался активной пропагандой достижения отечественной историографии, что свидетельствует о его чрезвычайно разнообразных интересах и широком поле научных познаний ученого.

События, связанные с горбачевской перестройкой, приведшие к распаду Союза, если, с одной стороны, способствовали созданию суверенных государств в постсоветском пространстве, то с другой — привели к нарушению структуры общественного управления, в ряде республик, в том числе в Таджикистане, к политическому противостоянию, а затем к кровавой драме гражданской войны. Время требовало от ученых совершенно иных задач и иного подхода к изучению истории. Историческая наука должна была служить в качестве консолидирующего фактора в обществе, способствовать формированию национального самосознания.

Одним из первых почувствовал эту необходимость Мансур Бабаханов. Еще накануне распада Союза и связанных с ним событий, он взялся за анализ тех проблем, которые в совокупности должны были не только определить место исторической науки в политической консолидации общества, но и указать на перспективы изучения истории в общеобразовательной и высшей школе. В этом плане легко прослеживаются его стремления в написанной им в соавторстве с О. Бакиевым, О. Ёрмухаммедовым и с С. Пулатовым книге «Некоторые актуальные вопросы истории СССР и историографии (методические указания), вышедшей в 1990 году серии статей: «Почему нас волнуют проблемы истории?», «По какой причине

ослаблен интерес к историческим знаниям?», «Знание истории – источник самосознания», «За улучшение качества преподавания истории в школе», «История должна быть полной» и другие.

Мансур Бабаханов резко осуждал тех новоявленных специалистов, которые пытались очернить достижения исторической науки за годы Советской власти, и тех, которые хотели отброски, историю России, а ведь с ней тесно переплетена и наша история из учебной программы общеобразовательной и высшей школы. В этой связи, написанный им учебник для исторических факультетов вузов «История России периода капитализма» (Душанбе: Маориф, 1996. – 296с.) на таджикском языке был как нельзя кстати.

Гражданская война и усиление опасности территориального дробления, в конечном итоге распад государства, возрождение которого таджики терпеливо ждали и порой боролись за осуществление этой мечты, около тысячи лет, требовали от передовых ученых – историков все активнее обращаться к поучительным урокам истории, к тем ее трагическим моментам, которые играли роковую роль в судьбе таджикского народа, его вынужденного расселения по странам мира.

Словом, само обстоятельство торопило Мансура Бабаханова взяться за комплексный исторический анализ ареала расселения таджиков, причин их миграции и расселения по всему свету. О серьезном намерении ученого в этом плане свидетельствовал вышедший во второй половине 90-х годов его цикл статей: «О проблемах таджиков мирз», «Россия в исторических судьбах народов Центральной Азии», «Сколько в мире таджиков?», «Таджики Европы», «Мыслители мира о таджиках», «Октябрьская революция в судьбах таджиков», «Таджикская миграция: причины и последствия» и многие другие.

Итогом его долгих и кропотливых поисков стал уникальный по содержанию труд «История таджиков мира» на 30 печатных листах, увидевший свет в 2000 году. Причем параллельно с разработкой, по инициативе автора данная проблема была включена в качестве обязательного предмета в учебный план Таджикского национального и Российско-таджикского (славянского) университетов. Выход книги стал заметным событием в отечественной историографии. Хотя в этом аспекте нельзя не отметить, что вышедшая работа журналиста Хасанбоя Шарипова «Таджики зарубежья» (Худжанд, 1996. 2-ое издание – Худжанд, 1999) в какой-то мере и знакомила читателей с общим положением таджиков, проживающих вне республики, тем не менее, она, не могла более полно и комплексно осветить эту проблему в историческом плане.

Взявшись за эту трудоемкую работу, автор задался целью параллельно решать две задачи: а) на основе серьезной литературно-

источниковой базы исследовать исторические корни формирования таджикской народности, определить этнический ареал ее расселения, а затем проследить миграционный процесс, на протяжении всего исторического периода начиная с глубокой древности по настоящее время; б) труд должен был служить в качестве учебника для студентов исторических факультетов вузов республики. И это в полной мере удалось автору.

Сегодня мы с полным основанием можем констатировать факт, что книга с большим успехом нашла обширнейшую аудиторию читателей всех возрастов и профессий в нашей республике. Теперь и зрелые специалисты различных профессий, студенты, и наиболее эрудированная часть школьников, да и все те, кто в той или иной степени интересуется историей, могут найти в этой книге ответы на все интересующие их вопросы касательно истории и судьбы таджикского народа. Этот труд правдиво освещает тот драматический, но вместе с тем героический путь длиной от «Авесты» до сегодняшнего дня, через который пришлось пройти таджикам, пронося свои расово-этнические, языковые особенности и культурно-нравственные традиции. Книга впервые в более полном объеме освещает историю жизни и судьбы таджиков, проживающих вне современную сложившуюся национально – государственного образования. Она привлекает внимание тех читателей, которые хотят получить соответствующую информацию о той роли, которую играли таджики в истории региональной и мировой цивилизации. Следует отметить, что выход данного труда совпал с нелегким для нас историческим периодом, когда внимание мирового сообщества было приковано к Таджикистану, только что вышедшему из пучины гражданской войны и который решал многие проблемы, связанные с утверждением прочного мира, гражданской согласия, экономического возрождения и процветания суверенного государства.

Говоря о важности и своевременности выхода работы профессора Мансура Бабаханова, следует особо подчеркнуть ту особую роль, которую может играть этот труд в национальной консолидации таджиков мира. Он, по сути, является одним из важнейших определяющих факторов в формировании национального самосознания таджиков. Это крайне необходимо в наше время, когда мирный и созидательный процесс для Таджикистанцев получил необратимый характер, когда общая родина всех таджиков, их опора и надежда Таджикистан, вооружившись программой, выработанной президентом страны Э. Рахмоном, встал на путь созидания, прогресса и процветания во всех направлениях политической, социально-экономической и культурной жизни.

Проводя экскурс через огромное количество исторических пла-

стов, автор смог беспристрастно и объективно оценить заслуги выдающихся дореволюционных русских, советских, современных отечественных и зарубежных исследователей, вложивших титанический труд в изучение истории и культуры таджикского народа. Ученый довольно убедительно, по-научному, и вместе с тем доступным языком для всех категорий читателей рассказывает о славных страницах истории наших предков, когда таджики играли определяющую роль в региональной и отчасти мировой цивилизации. Он также отмечает одну из главных заслуг таджикского народа в его стремлении сохранить свои национальные традиции не только при своих династических правителях – Саманидах, Гуридах, Куртах, Сарбадарах, но и при всех чужеземных правителях, вплоть до возрождения своей национальной государственности.

Описывая весь сложный исторический путь, через который было суждено пройти таджикскому народу, автор удачно сумел проследить в этой связи и миграционные процессы. Он раскрыл их истинные причины и последствия, определил этапы их миграции в разные страны мира. При этом он точно отметил, какое влияние таджики, как носители передовой культуры, оказывали и продолжают оказывать на развитие тех стран, куда они были вынуждены переселиться. Автор также выявляет степень добровольной и, чаще насильственной, ассимиляции таджиков на разных этапах их исторической судьбы.

О востребованности данного труда свидетельствует тот факт, что он выдержал три издания на таджикском и русском языках, разумеется, с существенными дополнениями и уточнениями автора. По обоснованным подсчетам автора из общего числа, свыше 30 миллионов таджиков, т.е. подавляющее большинство, проживает за пределами Таджикистана. Причиной тому были трагические моменты: постоянное притеснение кочевых соседей, послужившие причиной их вынужденной миграции по всему свету и насильственной ассимиляции, в пределах их исторической родины.

Среди множества других проблем, которые притягивали внимание Мансура Бабаханова, следует выделить и его интересы к той роли, которую играла Россия в исторических судьбах таджикского народа. Этот вопрос выпукло прослеживается почти во всех его крупных исследованиях. Данной проблеме он также посвятил немало статей.

В самые трагические дни, когда политическое противостояние было накалено до предела, когда некоторые, даже из числа так называемых ученых, представителей горе-интеллигентов под лозунгами «борьбы за демократию», злобно выплескивали свои амбициозно-националистические чувства, желая вбить клин в русско-таджикскую традиционную дружбу, выдержавшую все испытания

истории, даже требовали исключить из школьной программы изучение истории России и СССР, и этим предать забвению то судьбоносное значение, которое имела для таджиков эта дружба и взаимосвязь, он наряду с другими своими единомышленниками решительно встал на защиту этой дружбы и выступил за ее преумножение.

Благодаря его неимоверным усилиям, все же удалось, хотя и в сокращенном варианте сохранить в учебном плане исторического факультета Таджикского национального университета обязательный курс истории России и СССР. Выход вышеупомянутого учебника по истории России эпохи капитализма Мансура Бабаханова был как бы демонстрацией его принципов, неуклонно отстаивающих изучение полных курсов истории России и СССР на исторических факультетах вузов республики. Он и его сторонники хорошо осознавали, что без изучения этих важнейших частей истории профессиональные знания будущих специалистов – историков была бы неполноценными, не только в плане усвоения общих закономерностей исторического развития общества, но и в освещении нашей отечественной истории со всеми судьбоносными моментами, в которых большую роль играла Россия, в особенности в общественно-политической, социально-экономической, культурной жизни нашего народа, от истоков его возрождения государственности до приобретения полного суверенитета.

Мансур Бабаханов относится к числу тех ученых, которые получили широкую известность не только благодаря своим научным достижениям, но и созданием своего направления, вернее собственной научной школы. Его школу проходили десятки начинающих исследователей, которые достигли больших профессиональных высот, ставшими кандидатами и докторами наук. Сегодня эту школу с успехом представляют: Н.Б.Хотамов, А.К. Бабаджанов, С.К. Конкина, А.Ёрмухаматов, А.Хайдаров, Р.Р.Мингалеев, М. Джамалова, Ф.Т.Тухтаматов, Р.Г.Якубова и многие другие. В целом под его непосредственным руководством 14 аспирантов и соискателей защитили докторские и кандидатские диссертации. Около 10 аспирантов и соискателей завершают свои докторские и кандидатские диссертации. Под редакцией и по рекомендации ученого вышли десятки фундаментальных обобщающего характера исторических работ, учебников, учебных пособий и т.д.

Мансур Бабаханов многократно, уверенно и гордо представлял достижения нашей отечественной исторической науки с высоких трибун региональных, общесоюзных, международных конференций и симпозиумов выступал с содержательными научными докладами во многих городах мира: Берлине, Берне, Варшаве, Душанбе, Женеве, Кабуле, Лодзи, Москве, Новороссийске, Софии, Ташкенте, Тегеране, Томске и др.

В отличие от многих маститых академических ученых профессор Мансур Бабаханов не только достиг больших высот профессионализма в науке, но и в педагогической деятельности. Достаточно одного беглого знакомства, одной короткой беседы с ним, чтобы убедиться в этом врожденном его таланте педагога и наставника. Он одинаково увлечен научно-исследовательской и педагогической работой. В этом плане невозможно определить, какое из двух увлечений в его жизни занимает приоритетное место.

Мансур Бабаханов с 1956 года, то есть после учебы в аспирантуре и по сей день, непрерывно занимается преподавательской деятельностью в вузе и прошел все этапы этой сложной работы — от ассистента до профессора, из них до 1 сентября 1998 года на кафедре истории СССР (с начала 90-х годов кафедра истории отечества) исторического факультета Таджикского государственного университета (ныне Государственный Национальный университет). Будучи заведующим данной кафедрой (с перерывами с 1962 по 1965 и с 1980 по 1998 гг.) он сумел превратить ее в один из известных в республике научно-педагогических центров отечественной гражданской истории. Как ведущий педагог, он всегда являлся новатором и вдохновителем внедрения новейшей методики преподавания основных предметов и ряда спецкурсов по самым разработанным проблемам. Сам факт того, что, несмотря на свою чрезмерную занятость, по официальному решению кафедры все занятия профессора Мансура Бабаханова объявлены открытыми и доступными для посещения всех желающих в течение всего учебного года. Это говорит об образцовой подготовке его к проведению лекционных и практических занятий. Всем бывшим студентам, которым посчастливилось слушать лекции этого педагога, запомнились его своеобразное лекторское искусство, мягкая привлекательная манера, обширные знания, высокая эрудиция, аналитическое чутье. Многие его ученики, став педагогами, не скрывают, что они с гордостью подражают своему наставнику в этом плане.

Говоря о профессоре Мансуре Бабаханове, нельзя умалчивать об одной из важнейших сторон его многогранной научно-педагогической и общественно-политической деятельности — о его природном организаторско-административном таланте. Это качество, хотя и было обнаружено в студенческие годы и в первые годы его преподавательской работы по результатам активного участия в общественно-политических мероприятиях, но по-настоящему этот талант был продемонстрирован за долгие годы его работы в должности декана исторического факультета.

Кто знаком с Положением о высшей школе, хорошо может осознать сложность и ответственность работы руководителя факульте-

та. Она требует высокого профессионализма, организаторской мастерства, особого терпения и педагогического чутья. Более чем за полтора десятка лет (1965-1982) своего пребывания на этой должности наряду с ведением интенсивной научной работы он всегда находился в лихорадочном поиске способов укрепления учебно-технической базы факультета, улучшения качества учебно-воспитательной работы, роста научного потенциала кафедр. Мансур Бабаханов в должности декана постоянно был в поиске новых методов организации учебного процесса. В истории ТГУ по его инициативе впервые были введены латинский и арабский языки, организованы научные экспедиции студентов в различные регионы Таджикистана.

Впервые в истории высшей школы Таджикистана по инициативе М. Бабаханова были организована музейная практика с посещением таких исторических городов как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Новгород, Самарканд, Бухара и др. Если ко всему этому еще добавить и обеспечение активного участия студентов в сборах хлопка, их мобилизацию во время летних каникул на целинные работы и студенческие строительные отряды, которые, как правило, являлись неотъемлемой частью работы деканата в советском вузе (кстати, все это благотворно повлияло на формирование сознательных и высокоактивных во всех отношениях специалистов), тогда можно представить степень хронической нехватки времени для ведения научной работы. Энергичный молодой руководитель Мансур Бабаханов всегда не только успевал во всем, но и мог по всем показателям держать исторический факультет на уровне лидирующего в университете. Это отмечено многими высокими поощрительными государственными наградами. Но больше всего он ценил и ценит искреннее уважение многочисленных бывших и настоящих учеников к своему любимому учителю. Многие из них, став теперь солидными учеными, занимают высокие государственные посты и с особой гордостью, и восхищением отзываются о своем устоде.

Профессор М.Б. Бабаханов несмотря, на свою занятость, принимает активное участие в общественной жизни университета, города, республики. Он был председателем секции истории СССР, председателем научно-технического Совета при Министерстве образования Республики Таджикистан, Ученым секретарем, зам. председателя специализированного Совета по защите докторских диссертаций в ТГНУ, членом диссертационного Совета в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии Наук Республики Таджикистан, членом научного Совета по истории СССР и таджикского народа в Главной научной редакции Таджикских энциклопедий, членом секции истории НТС Минвуза СССР, членом Совета по высшему историческому образованию

при Минвузе СССР, членом экспертной комиссии по присуждению премии Минвуза СССР по историческим наукам. Является членом президиума общества «Пайванд» и др. Ныне в качестве руководителя Научно-исследовательского Центра таджиков и персоязычных народов мира при ТНУ с гордостью несёт эту многотрудную, но вместе с тем благородную миссию во имя сближения всех персоязычных народов и консолидации таджикской нации.

Давая описание жизни и деятельности Мансура Бабаханова, его успехов и достижений, следует всегда исходить из той жизненной реальности, что за всеми этими показателями кроется огромный повседневный труд и нервное напряжение. Не редко ему приходилось преодолевать искусственно созданные препятствия. Не смотря на свою доброжелательность и добропорядочность, благодаря которым снискал искреннее уважение среди широких слоев учеников и ценителей его таланта как ученого, педагога и организатора, нет, да появились недоброжелатели и завистники, которые в чем только его не пытались обвинить в его бытность в должности декана исторического факультета ТНУ. Но во всех случаях уравновешенность и крепкая воля, да и, прежде всего, уверенность в себе позволяла всегда уверенно отстаивать свою правоту.

Особенно трудно было ученому в годы политического противостояния – гражданской войны в республике, когда чувствуя свою бесконтрольность и безнаказанность, далекие от истории псевдоспециалисты выплескивали различного рода псевдонаучные идеи призывающие пересмотреть, вернее, сломать устоявшиеся основы и традиции исторического образования и мышления. В этих условиях Мансур Бабаханов занял достойное место среди тех ученых, которые твердо стояли на позиции защиты принципа историзма. Он всегда верил и верит в силу исторической правды в ее значения в формировании национального самосознания, как одного из главных факторов консолидации общества.

Благодаря этим качествам, даже в самых грудных условиях, огромный научно-педагогический опыт профессора Мансура Бабаханова не мог остаться незамеченным и невостребованным для тех руководителей, которые не понаслышке знали, и знают силу его организаторской способности. Неслучайно руководство вновь созданного Российско-Таджикского (Славянского) Университета наряду с другими общеизвестными специалистами Мансур Бабаханов был приглашен на постоянную работу. Ему поручено возглавить сначала историко-правовой, а затем и факультет истории и МО. Выбор оказался удачным. Перемены и успех по всем показателям были на лицо. Мансуром Бабахановым была выработана обстоятельная программа перспективного развития факультета. Однако вскоре он полностью переключил свою деятельность на науч-

ное направление. Это стало причиной того, что профессор Мансур Бабаханов просил освободить его от должности декана.

Работая в РТСУ и ТНУ, он периодически организует встречи, диспуты, семинары, конференции. Организованная им 2-3 сентября 2011 года Международная научно-практическая конференция «Суверенитет Таджикистана и таджикская диаспора: история формирования, достижения и проблемы» является важным политическим событием в современной консолидации таджиков и персоязычных народов.

Наблюдая за повседневной работой и увлеченностью делом профессора Мансура Бабаханова, невольно убеждаешься в силе его духа и характера. Кажется, что годы и возраст не в состоянии не только ослабить или убавить тот привычный высокий ритм или темп, который он придерживался не только десятилетия назад. Напротив, судя по всем показателям, этот темп наращивается с каждым годом. И сегодня, когда наш Учитель вступил на порог 80-летия, показатели его преподавательской и научной активности обрели особую результативность и человеческую мудрость.

Мы, ученики, коллеги и поклонники его большого таланта как ученого, педагога, общественного деятеля и мудрого наставника поздравляем устода с этой славной датой! Желаем здоровья, бодрости, духа, такой же завидной работоспособности на долгие десятилетия и новых научных дерзаний и открытий на благо отечественной исторической науки.

*Сб. статей – Душанбе: РТСУ, 2011. – С.5-25.
(в авторстве с М.Маликовым)*

БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ ИСТОРИИ

Среди незаурядных личностей составляющих гордость отечественной историографии по праву особое место принадлежит профессору Гафуру Хайдарову. По воле судьбы избрав многосложное и вместе с тем, благородное ремесло историка, вот уже 60 лет неустанно бережно и гордо сохраняет верность этой одной из важнейших для общества профессии.

Ознакомившись с жизнью и научными изысканиями ученого, невольно убеждаешься в его завидной целеустремленности, силе и воле, благодаря которым ему удалось в буквальном смысле слова выкарабкаться, преодолевая породившей той сложной эпохе неизмеримо трудный путь построения основ социалистического общества.

Отец будущего ученого Мирхайдар Сангинов, получивший хорошее образование в медресе Худжанда впоследствии верой и правдой служивший Советской власти и оставивший доброе имя в истории Худжанда, не мог остаться в стороне от клеветы завистников, став жертвой страшной кампании раскулачивания. В состав спецпереселенцев Мирхайдар Сангинов в 1931 году выслан в Ставропольский край, где из-за отсутствия необходимых жизненных условий с наступлением холодов получил воспаление легких. Скончался в конце того года в Зеленокумске, оставив на произвол судьбы на чужбине – в Николо-Александровском селе Арзгирского района Ставропольского края далеко не окрепших сыновей Хаджиусмана и его брата, пятилетнего Гафурджона (братья лишились матери еще раньше в Худжанде, когда младшему едва исполнилось 3 года). Спасло их от неминуемой смерти решение старшего пойти в детский дом, находившегося сравнительно недалеко от спецпереселенческого села.

Несмотря на все жизненные невзгоды и обиды встретившихся в детстве спустя много десятилетий профессор Гафур Хайдаров все же с особой теплотой и благодарностью вспоминает судьбоносные для осиротевших братьев время учебы и проживание в Ставропольском детском доме №26, где им было суждено жить с 1932 по 1939 год, откуда в буквальном смысле слова вышли в люди как полноценные члены общества со своим местом и заметным следом в нем.

После долгих раздумий Гафур Хайдарович за плечами которого огромный жизненный опыт, уже достигшим все её премудрости, неоднократно взвесив все положительные и отрицательные явления происходивших во всех ступенях его жизни приходил к единственно верному заключению. «Диктатура пролетариата, – пишет он, – одной рукой разрушила нашу семью, лишила нас родимого

края. репрессировала отца на Кавказ, где он погиб в неволе, а другой рукой, нас осиротевших братьев приютила, как добрая мать, не дала умереть с голоду, обула, обучила, воспитала и вывела в люди.

Мы с братом никогда не забудем той ласки и внимания, которой окружали нас в Детском доме №26 Ставропольского края и за это считаем себя должниками перед Советской властью, поэтому в течение долгой сознательной жизни старались оплатить этот долг...». Далее продолжая размышления он пишет, что «часто задаю себе вопрос: мог ли ты стать Гафуром Хайдаровичем, ученым, профессором, общественным деятелем, если бы не воспитывался в детском коллективе, не выдержал превратностей судьбы и трудностей жизни, не карабкался по каменистым тропам науки, и всегда даю положительный ответ на данный вопрос».¹

Это откровенное признание маститого ученого свидетельствует о его большом мужестве, высказать правду истории в отличие от его многих коллег, часто меняющих свои взгляды на реалии недавней прошлой истории.

По мере взросления у братьев, хотя их еще продолжала окружать атмосфера сравнительно беззаботной жизни, тем не менее все больше и больше усиливалась тоска (в особенности у Хаджиусмана) по отчему краю.

Возвращаясь в родной город, старший брат, прежде чем обустроит свою жизнь на юге республики счел необходимым содействовать Гафурджона уже имевшего образование поступить в Ленинадское мужское педучилище для продолжения учебы. По окончании которого в 1943 году, несколько не по своей воле (он хотел выучиться другой профессии) но как позже показало время, очень удачно поступил учиться на исторический факультет Ленинадского госпединститута им. С.М.Кирова (ныне Ходженский госуниверситет им. Б.Г.Гафурова).

Студенческие годы несмотря на драматизм военного лихолетия и послевоенных трудностей для Гафура Хайдарова были годами постоянного неустанного приобретения знаний. Отличник учебы, сталинский стипендиат, будучи всегда занятый учебой и чтением разного рода направления литературы, активно участвующий в общественной жизни факультета и института. Гафур Хайдаров не мог заметить как быстро летит время. 28 июля 1947 года сдан последний экзамен и он оказался в рядах высококвалифицированных дипломированных специалистов. Разумеется его активность, лихорадочная жажда впитывать в себя знания, не могли не заметить руководство факультета и института. Еще до окончания учебы он

¹ Хайдаров Г.Х. Было и думы. (Из воспоминаний). – Худжанд, 2004. – С.187-188.

был вовлечен в ассистентскую должность. А по окончании по праву был рекомендован на работу в его родной институт.

Следует заметить, что профессор Гафур Хайдаров является редким из специалистов, который с первых дней своей трудовой деятельности по сей день, т.е. свыше 60 лет (если не считать учебы в аспирантуре при Среднеазиатском Госуниверситете в г.Ташкенте (1950-1953 гг.), где под руководством известного ученого академика И.К.Додонова подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР») продолжает безустанно и плодотворно трудиться в этом одном из ведущих вузов республики – ныне Худжандском госуниверситете, носящего имя великого сына таджикского народа, академика Б.Г.Гафурова.

В стенах этого вуза он приобрел все вершины профессиональной деятельности, все ступени славы гражданина, ученого, воспитателя, мудреца, стал обладателем всех научных степеней, званий. Не случайно избран «Почетным гражданином Худжанда», т.е. профессор Гафур Хайдаров стоит в одном ряду с самыми знаменитыми историческими личностями древнего города Худжанда – одного из колыбелей древней таджикской цивилизации.

Как защита кандидатской диссертации (1953 г.), так и докторской на тему «Очерки истории социалистического строительства в Северном Таджикистане (1917-1937)» под руководством академика Б.Г.Гафурова в Институте востоковедения Академии наук СССР в 1968 году, стали важными и определяющими этапами в научной карьере ученого. Они не только являлись показателями достижения высоких ступеней науки, но и школой формирования настоящего крупного исследователя со своим почерком в исторической науке. Ибо эти важные процессы подготовки и защиты прошли под руководством выдающихся корифеев науки, академиков И.К.Додонова и Б.Г.Гафурова.

С выражением чувства беспредельной благодарности к своим учителям профессор Гафур Хайдаров пишет: «В моем обучении, воспитании, формировании как личности, привитии любви к науке огромную роль сыграли мои благородные учителя и устыды. Без отеческой заботы незабываемых устыдов Бабаджана Гафуровича Гафурова, Ивана Кузьмича Додонова и Зарифа Шариповича Раджабова вряд ли мог достичь вершин науки. Земной им поклон!».¹

Замечательная школа этих устыдов воспитала в нем чрезмерное чувство ответственности к избранной профессии. Не случайно ра-

¹ Хайдаров Г.Х. Было и думы. (Из воспоминаний). – Худжанд, 2004. – С.187-188.

боты Гафура Хайдарова одинаково привлекают интерес, как простого читателя, так и профессионального специалиста-историка. В его работах ярко прослеживается предельная ясность и правдивость освещения событий оказавшихся в орбите его исследования.

Завидная работоспособность, аналитический ум, терпеливость, проявления чрезмерной скрупулезности, точности ощущения пульса времени легко можно ощутить в содержании многочисленных (свыше 700) его работах как сугубо академического или научно-популярного, так и публицистического характера.

Разумеется, в объеме одной статьи дать хотя бы общий историографический анализ даже самых крупных монографических работ профессора Гафура Хайдарова совершенно немыслимо. Для этого необходимо цельное историографическое исследование. Поэтому довольствуемся лишь перечислением и аннотированием отдельных, наиболее крупных монографических исследований, мемуарных работ, учебников.

Одной из первых более крупных работ автора является его вышеупомянутое диссертационное исследование на степень кандидата наук. Работа для того времени (1953 г.) была весьма актуальной. Но автору по ряду причин не удалось ее опубликовать. Лишь спустя много лет часть материала диссертации вошла в совместной его работе с С.А.Абдулласыим «Из истории культурных преобразований в Таджикистане в новое время».

Первым серьезным монографическим исследованием ученого увидевшем свет являлась «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане (1917-1937 гг.)» выпущенном издательством «Ирфон» в 1966 г. До его выхода в свет Гафуром Хайдаровым в 1965 г. была издана книга «Краткий очерк истории Ленинабада». За ним последовала серия актуальных монографических исследований.

Гафур Хайдаров (да и не только он) особо дорожит своей монографией подготовленной на основе материалов докторской диссертации «Очерки истории социалистического строительства в Северном Таджикистане (1917-1937 гг.)» увидевшей свет в 1974 г. объемом более чем в 25 печатных листов. В работе на убедительных примерах автор рассказывает закономерности перехода к социализму, в конкретно-исторических условиях Востока, освещает национальные черты и особенности этого процесса. Среди других увидевших свет работ ученого во второй половине 60-х – первой половине 70-х годов прошлого века следует выделить: «Первые шаги Ходжентского Совета (1917-1919 гг.)» в соавторстве с Н.М.Морозовым вышедшей из печати в 1968 г.; «В.И.Ленин об особенностях переходов народов Востока к социализму» (Ленинабад, 1969); «Светом ленинских идей озаренный край» (Душанбе,

1971); «Некоторые особенности строительства социализма в Таджикистане» (Душанбе, 1974).

В 80-е годы профессор Гафур Хайдаров в качестве соавтора не мало труда вложил в создание таких фундаментальных исследований как: «Очерки истории коммунистической партии Таджикистана». — Т.1 (Душанбе, 1980); «Проблемы общего и особенного в опыте социалистических преобразований в республиках Средней Азии» (М., 1983); «История Ленинабада» (Душанбе, 1986); «Образование и деятельность Ленинабадской городской партийной организации (1917-1918 гг.)» (Душанбе, 1986); «Исторический прогресс социалистической нации» (М., 1987).

Как явствует из названий вышеперечисленных книг и многих других не включенных в этот список, главное, что их объединяет являются вопросы касающиеся той или иной проблемы построения социалистического общества в регионе и главным образом в Таджикистане.

Сегодня новоиспеченные историки и те, горе ученые, которые до недавнего времени считали себя преданными служителями марксистско-ленинской методологии, но в связи с теми переменами прошедшими на постсоветском пространстве, переметнулись в ряды новых «идеологов» и «теоретиков» от исторической науки все более и наглее навязывают свои бредовые видения исторической науки. Выдвигая пока, что непонятную методологическую концепцию, во весь голос они призывают за «деидеологизацию» исторической науки, за «новых методологических подходов», объявляют «несостоятельным» формационный подход в определении периодизации истории, а взамен предлагают исходить из «общечеловеческих ценностей» в рамках ничего незначащей периодизации: Древности, средневековья, нового и новейшего периодов. Они призывают «освободиться» от оков материалистического взгляда в изучении истории. Под этими демагогическими, вернее авантюристическими измышлениями пытаются очернить тот отрезок времени нашей истории имевшее судьбоносное значение для вывода таджикского народа от средневекового застоя и прозябания в самое цивилизованное демократическое общество, твердо занявшее место в мировой истории под гордым название социалистическое общество процветающего под властью Советов, руководимой самой передовой идеологии выработанное человечеством — марксистско-ленинской.

Но эти временные нападки горе историков, далеких от понятия закономерностей исторического процесса несостоятельны, ибо история точная наука, не приемлет поверхностных взглядов, необоснованных выводов с позиции сиюминутных выгод конъюнктуры. Если даже кто пытается её использовать в угоду своих амбици-

озным целях или ради политиканства рано или поздно будет позорно изобличен.

История как и любая другая наука, должна служить народу, использоваться непредвзято и во благо народа, для созидательных целей. Исходя из этого следует ясно заметить, что советские историки, в особенности те, которые занимались анализом проблем связанных с историей социалистического строительства и на этой основе выявляли главные причины грандиозных успехов во всех сферах народного хозяйства и культурного строительства, указавших на существующие явления мешающих всеобщему прогрессу достойны уважения и благодарностью потомков.

Другое дело, историческая наука не догма, она постоянно развивается, совершенствуется, в связи с этим меняются взгляды, исторические концепции. Это наблюдается в особенности в периоды политических, экономических и идеологических катаклизмов, приводивших к существенным переменам в обществе. Но это не дает права никому перечеркивать огромную заслугу своих предшественников в развитие исторической науки. Тем более что перерастания исторических знаний в подлинную науку в республике происходило именно параллельно со строительством основ социалистического общества. В этой связи уместно заметить, что началом перехода от исторических знаний в науку заложено Ахмад Донишем. Сам переход завершился благодаря историческим трудам С.Айни.

В этом переходе огромную роль сыграли русские востоковеды В.В.Бартольд, А.А.Семенов, М.С.Андреев и др. Основателем сугубо академического направления в отечественной историографии по праву является Б.Г.Гафуров.

Именно благодаря реалиям советского строя отечественная историческая наука не только формировалась, но и достигла невиданных высот. В этом, помимо упомянутых корифеев исторической науки не малая заслуга принадлежит таким ученым как: З.Ш.Раджабов, Б.И.Искандаров, М.Э.Эркаев, А.А.Кисляков, Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович, А.Макашов, М.Н.Назаршоев, Т.Р.Каримов, А.М.Мухторов, Н.Н.Негмагов, Р.М.Масов, О.Р.Маджлисов, Н.Нурджанов, Ю.Якубов, А.Д.Джалилов, Н.О.Турсунов, Н.Б.Хотамов, Р.А.Абулхаев, Ш.А.Ахмедов, М.Р.Шукуров, М.Б.Бабаханов, Р.А.Набиева, Ш.М.Султанов, Н.Турсунов, С.А.Абдуллоев и многие другие, которые не вошли в этот список.

Герой нашего очерка – профессор Гафур Хайдаров, который входит в кагорту ведущих историков, и другие специалисты по новой и новейшей истории таджикского народа внесли неоценимый вклад в изучение отечественной истории новейшего периода. А период этот, по количеству происходивших событий, по степени их

влияния на судьбы таджиков по значимости тех перемен, которые происходили в обществе, благодаря содействиям этих событий, является особым. Изучение периода приведшего к возрождению таджикской государственности, периода грандиозных успехов во всех отраслях жизни республики, которые не могли происходить без победы Октябрьской революции, без осуществления ленинской национальной политики, без построения основ социалистического общества, без удачного решения аграрной политики, и колхозного строительства, без социалистической индустриализации, без победы культурной революции, без обеспечения победы над фашистскими полчищами, и своевременного восстановления народного хозяйства, наконец, превращения республики из сугубо аграрной в индустриально-аграрную и ряд других достижений были бы немислимы. Это требовало создания особой школы историков, умеющих объективно исследовать все параметры происходящих в обществе перемен. В этом плане надо отдать должное заслугам ученых работающих над проблемами новейшей истории, а в данном случае истории советского периода.

Поэтому, брать под сомнение заслуги таких ученых как профессора Гафур Хайдарова и его коллег по изучению истории советского периода могут либо далекие от истории люди, горе специалисты, либо те, которые на этой гнусной фальсификации, на безудержном очернении своей недавней истории хотят получать ложный авторитет якобы разбирающихся в реалиях истории и показать свою услужливость властям, а также, показаться в глазах народа «радеющим» за решения социальных проблем в обществе, наконец, чтобы скрыть свои амбициозные далеко идущие политические цели.

В этой связи следует особо отметить, что занятия наукой вообще, исторической в особенности, является архисложной задачей и не каждому под силу. Чтобы посвятить себя этой профессии необходимо иметь не только аналитический ум, усидчивость, целеустремленность, упорство, но и главное качество: честность и порядочность. Поэтому, надо отдать должное тем историкам, которые верны главному принципу в историческом изысканиях – принципу историзма, не зависимо от политических перемен и идеологических давлений.

Касательно профессии историка еще следует добавить и такую на наш взгляд реальность, что самым тяжелым и самым ответственным является исследование новейшего периода, т.е. по общепринятой в науке периодизации, который включает в себя хронологические рамки XX – начала XXI вв. Пусть не в обиду, но историкам ведущих исследовательскую работу над проблемами древности и средневекового периода намного легче, тем кто занимается современной историей. Дело в том, что исследователи древностей и

средневековья за некоторым исключением (новые эпохальные открытия) в основном занимаются над выявлением отдельных деталей или штрихов, отдаленной эпохи, опираясь на новые археологические данные или обнаруженные письменные источники. Порою они довольствуются личными гипотезами, в чем-то дополняя предыдущие исследования. Другими словами, они дополняют свои предшественником сведениями, которые наслаиваются годами. И тут на наш взгляд они несут меньше ответственности, порою промахи прощаются за давностью и скупостью источников. Что касается исследователей новейшей истории, а она охватывает советский период, если исходить из современных реалий, то тут намного сложнее и ответственнее. Сложность состоит:

а) в великом множестве разнообразных, порою противоречивых, взаимоисключающих источников и сведений, которые требуют колоссального труда, чтобы «перелопатить» все пласты сохранившегося материала, находить в них рациональное зерно задача не из легких;

б) не разработанности твердой, однозначно неуязвимой концепции развития с позиции современного предвзятого взгляда;

в) трудности оградиться от политической ситуации, давления и конъюнктуры. Тут однозначно требуется большое мужество выстоять под напором политического, административного, да и психологического давления, чтобы отстоять принципы беспристрастности, без предвзятого отношения в анализе исторических источников, фактов и явлений.

Профессор Гафур Хайдарович обладает всеми этими качествами. Разумеется, он в зависимости от тех перемен, которые произошли в жизни общества, с высоты накопленного огромного научно-го опыта, мудрости может иначе смотреть на некоторые ранние свои заключения по тем или иным вопросам социалистического строительства, но в целом, он ни на йоту, не сомневается в предельно демократическую сущность, в огромную возможность решения социальных вопросов только при социалистическом строе.

Именно это убеждение ученого знавший глубоко марксистско-ленинскую теорию и практику социалистического общества, его несравненное преимущество над капиталистическим, деспотическим режимом именуемым теперь как «предпринимательским», «рыночным», «частновладельческим», «обществом равных возможностей», «опорой демократических принципов» и т.п. выдумками в названия (видимо стыдятся произнести давно утвердившихся в науке понятия «капитализм», «буржуазия», «империализм» неоднократно скомпрометировавших себя в XX да и в нынешнем веке), вдохновляет его быть предельно верным коммунистическим идеалам.

Коммунист Гафур Хайдаров больше многих своих соотечественников в масштабе Советского Союза при тех неудачах (разумеется временных), которые претерпело советское общество, после распада советского строя и реставрации капиталистического общества, имеет моральное право за тот драматический период своего детства, когда после попадания безвинного оклеветанного отца в жернову репрессивной машины грозных 30-х годов, за навешивание ему клейма «сына врага народа» покинуть ряды компартии. Но он как честный, добропорядочный ученый, хорошо знавший реалии того трудного исторического периода, все же поступил справедливо. Выше ставя принципы реального социалистического строя, ученый гордо носить звание коммуниста. Это говорит о его большом мужестве.

Спустя много лет, когда компартия стала объектом несправедливых нападок новоявленных демократов, и не редко тех неблагодарных политиканов, вернее политических интриганов, которых именно компартия вывела в люди, именно компартия доверяла им высокие партийные, правительственные должности, Гафур Хайдаров не скрывая свое чувство презрения к ним гордо, во всеуслышание говорит о своей приверженности к партии коммунистов. Он прошедший длинный жизненный путь, обретший колоссальный опыт разобраться в политических инсинуациях, идеологических спекуляциях, ни разу не колебался в своей твердой и на его взгляд единственно верном заключении о том, что среди всех партий и множества других политических объединений, которые вышли на авансцену истории и в будущем наверняка будут выходить, именно партия коммунистов является единственной политической организацией, которая без остатка может дать себя служению трудового народа, построению справедливого социального общества. Вместе с тем он открыто говорит о тех недостатках, которые допускались в этой партии, по вине бездарных руководителей, не осознавших до конца великих целей этой партии, этих изъянов к сожалению проявлявших в работе организации он знает не понаслышке, а испытал на собственном примере. Одним из этих штрихов является раздутой необоснованной проблемой связанной с вступлением его в ряды КПСС.

«В феврале, – пишет ученый, патриот, много лет спустя, – я стал коммунистом. Но это высокое звание мне досталось нелегко.

Из-за своего социального происхождения вновь пришлось испытать муки тантала. На заседании бюро городского комитета партии не все члены были согласны в приеме меня – сына спецпереселенца в ряды КПСС. Меня попросили выйти в коридор, пока члены бюро обсудят вопрос и примут окончательное решение...

За дверью шел острый спор. Глухо, но было слышно. Двое русских – сам первый секретарь горкома Иван Матвеевич Езопов (из

когорты славных двадцатипяти тысячников в Таджикистане) и Ольга Михайловна Антюкова (бывшая активная работница политотдела МТС Ходжентского уезда, добрая и славная женщина) настаивали на том, чтобы принять меня в партию... Справедливость восторжествовала и на сей раз – меня приняли в партию. Я стал коммунистом и по сей день состою в его рядах».

На этот мужественный поступок только может человек, который до конца осознает ничем несравнимое преимущество реального социалистического строя над капиталистическим, только такой всесторонне разбирающийся в истинном перевесе социализма человек, может «списать» те изъяны, которые проявились по вине отдельных, может быть желавших скомпрометировать социализм коммунистов. Тем более, что в связи с событиями 90-х годов прошлого столетия появилась возможность вовсе очернить тот период, который прочно вошел в историю как период великих преобразований. Имеющих судьбоносное значение для огромной страны советов в общем, а для таджикского народа в особенности.

В таких случаях задача историка (разумеется настоящего) состоит в предельно объективном освещении реалии того исторического периода, ставшего объектом его исследования. Отрадно, что профессор Гафур Хайдаров вполне осознанно и предельно честно осознает свою миссию – миссию настоящего историка, верного принципам историзма.

Этот подход предельно ясно прослеживается в работах ученого увидевших свет после распада Союза и периода независимости республики. Этим он снискал исключительно искреннее уважение не только своих коллег по Ходжентскому госуниверситету, но и по всей республике.

С целью более эффективного исследования громадного научно-педагогического опыта и с учетом почтенного возраста ученого, руководство его родного университета впервые в истории вуза пошло на смелый и мудрый, да и в целом справедливый шаг – Гафур Хайдарович с 4 сентября 1992 года переведен на должность профессора-консультанта кафедры истории Таджикского народа, нового и новейшего времени. Теперь освобожденный от такого привычного для педагога-практика, занятия, как ведения учебной нагрузки, (казавшегося для него в начале несколько неудобным) все же постепенно окунувшись в атмосферу предельной востребованности для вуза этой должности, целиком переключился на исследовательской работы и передачи своего громадного опыта для дальнейшего совершенствования форм и методов подготовки молодых специалистов.

¹ Хайдаров Г.Х. Былое и думы. – С.341-342.

За эти годы из под пера Гафура Хайдарова вышло множество книг и статей, еще раз подтвердивших его завидную работоспособность, профессиональную неутомленность, верность в безошибочном определении ритма времени. В его работах вышедших в последние полтора десятилетия предельно ясно чувствуется стойкость автора в защите той методологии, которая позволяет отстаивать историческую правду, невзирая на нападки тех горе специалистов, ставивших свои сиюминутные интересы выше подлинной исторической объективности.

Среди его работ вышедших в постсоветский период особую ценность представляет «История таджикского народа: XX век».¹ В книге рассчитанная «на специалистов, студентов высших учебных школ и тех, кому дорога история Отечества», с предельной ясностью отражены реалии XX века и их проявления в жизни таджикского народа. Не вдаваясь в подробный анализ содержания книги, в котором чувствуется стиль настоящего историка, заметим лишь то, что в данное время за исключением V-VI томов шеститомного фундаментального коллективного академического труда (V том увидел свет в 2005 г., VI том находится накануне выпуска) ни одной увидевших свет работ других авторов посвященных истории XX в. не может сравниться с указанной работой Гафура Хайдарова по степени цельного глубинного и объективного анализа истории таджикского народа и республики данного столетия.

Основываясь на неопровержимых фактах, автор приходит к единственно верному выводу, который не под силу иному псевдоученому. Да и не каждому дано мужество глаголить истину о том что:

«У таджикского народа не было иной альтернативы, и он присоединился к всероссийскому октябрьскому потоку. Октябрь для него явился именно тем «новым ковчегом» на котором он доплыл до заветного берега спасения.

В ответ клеветникам и фальсификаторам истории Великого Октября, пытающимися представить его то «заговором», то «переворотом», кучки большевистских «узурпаторов», следует напомнить, что Октябрьская революция была народной революцией, ведомой испытанной политической партией пролетариата – ленинской большевистской партией, ее главными действующими силами являлись рабочий класс, трудовое крестьянство, трудящиеся массы

¹ См.: Хайдаров Г.Х., Эркаев С.Э. Колыбель историков (к 60-летию исторического факультета Худжандского госуниверситета. – Худжанд, 1996. – С.102.

национальных окраин и другие демократические слои общества. Идеи Октября пришли в Среднюю Азию не на «штыках русских красноармейцев», как об этом твердят его недруги, а созревали они на месте...

Ныне у «новых демократов» пришедших к власти в постсоветское время, вошло в привычку чернить и шельмовать все возвышенное и дорогое, чем гордились честные советские люди все эти 75 лет Советской власти: плоды Октября, социализм и теоретическое наследие В.И.Ленина.

Однако, правда истории констатирует обратное: многие присоединяются к мнению академика Рахима Масова, изложенные им в интервью корреспонденту газеты «Вечерний Душанбе»: «Я твердо убежден в том, что советский период был самой светлой страницей в истории нашей страны».

Правильность этого положения мы можем подтвердить послеоктябрьской историей таджикского народа, совершившего за семь десятилетий (для истории – это миг!) гигантский рывок от средневековья до современного прогресса.

Октябрьская революция пробудила у народов дремлющие силы. Таджикский народ строил социализм в большой семье советских народов, при этом следует особо отметить бескорыстную, братскую поддержку русского народа...

Важным фактором дальнейших завоеваний таджикского народа на путях строительства новой жизни явилось восстановление таджикской государственности. Благодаря политическому акту – национально-территориального разделения Средней Азии, проведенному в 1924 году, правда топорно, с грубыми нарушениями исторических и национальных интересов таджиков, была учреждена Таджикская АССР в составе Узбекской ССР. Это второй раз, после падения Саманидов, таджики приобрели свою государственность, на сей раз, в форме Автономной Советской Социалистической Республики. На политической карте мира впервые официально был зафиксирован новый субъект Мирового сообщества. Таджикская АССР в 1929 г. получила статус Союзной республики...

От клочка земли обездоленного дехкана с его омачем до механизированных коллективных хозяйств от ветхой прялки, одиночек-кустарей до гигантских комбинатов, от лучины и керосиновой лампы до лампочки Ильича и мощных гидроэлектростанций, от азбучной неграмотности до национальной Академии наук и университета, от уличных скоморохов до академического театра оперы и балета – таким был взлет таджикского народа за годы Советской власти. Социализм изжил извечный социальный бич – безработицу,

высоко поднял материальное благосостояние народа, организовал бесплатное обучение молодежи и защиту здоровья людей, обеспечил спокойную старость и т.д.»¹

Просим извинения за столь длинную цитату, может быть в ущерб этики цитирования. Но лучше и лаконичнее автора сказать трудно, да и нет необходимости передать лишь смысл заключения автора. В этой цитате, читатель намного лучше ощущает силу правды изложенной автором в буквальном смысле сплёскивая с криком души. При этом рискнем добавить еще одно предложение автора: «Строительство социалистического общества,- пишет он, — было делом новым и поэтому не обошлось оно без изъянов, ошибок и других погрешностей и осложнений».²

При этом, ученый приводит эти «погрешности и изъяны» высокопрофессионально как подобает истинному ученому в контексте той исторической реалии, которой они проявлялись. Довольно удачно и правдиво даётся лаконичный анализ происходивших событий в республике после распада Советского Союза, которые привели к кровопролитной, братоубийственной гражданской войне 1992-1997 гг. и главные факторы, выведшие из этой военно-политической драмы на мирный созидательный путь позволивший объединить соотечественников во имя создания демократического и правового общества, обеспечивающее социально-экономический прогресс республики.

Он внимательно следует за ритмом жизни республики. Его книга «Первые шаги независимого Таджикистана»³ является свидетельством того, как уже отмечено параллельно с происходящими событиями, и быть в таких случаях совершенно независимым, и свободным от незаметно или заметно довлеющего дыхания политической реалии практически невозможно. Этот подход большой удел политиков. Тем не менее, настоящий историк, за плечами которого огромный опыт, острое чутье в наблюдении, обобщении происходивших событий, не может оставаться безучастным наблюдая все то, что происходит в реальной жизни общества. В этом плане книга удалась на славу.

Следует заметить заслуги Г.Х.Хайдарова в создании высокопрофессионального учебника «История Таджикской ССР»,⁴ который являлся классическим образцом составления учебника. Автор

¹ Хайдаров Г.Х. История таджикского народа: XX век. — Худжанд, 2001. — 508 с.

² Там же. — С.482-484.

³ Там же.— С.485.

⁴ Хайдаров Г.Х. Первые шаги независимого Таджикистана. — Худжанд, 2006. — 346 с.

этих строк был членом конкурсной комиссии функционировавший при Министерстве народного образования республики, когда были представлены в 1989 г. на рассмотрение комиссии рукописей учебников нескольких авторов. Подготовленный проект учебника профессора Г.Х.Хайдарова (хотя во время рассмотрения и рецензирования, фамилии авторов держались в тайне, и члены комиссии не могли знать авторов, теперь открыть одну тайну все же могу. Тогда по содержанию я безошибочно определил почерк Г.Х.Хайдарова) по единодушному мнению членов конкурсной комиссии признан лучшим и рекомендован к печати. Кстати учебник был удостоен поощрительной премией учебников по истории в 1989 г. Этот учебник, не в обиду авторам последующих учебников, до сих пор является самым образцовым.

Особую оценку требуют мемуарного характера работы Гафура Хайдарова. Начало этому жанру ученый положил в совместной работе с С.А.Эркаевым «Колыбель историков».¹ В ней приведены этапы роста исторического факультета ХГУ за 60 лет непосредственными участниками, а порою их инициаторами его роста являлись авторы.

В этом плане исключительный интерес представляет трилогия Гафура Хайдарова «Альма-матер»,² «Было и думы»,³ «Годы громовые (1941-1945)».⁴ В них автор с высоты достигнутого им высшего профессионального мастерства ученого, вершины жизненной мудрости пытается анализировать все основные вехи своего жизненного пути. А она сложилась у будущего ученого довольно сложно. В «Былое и думы», как кинолента проходит перед глазами читателя малолетний сын спецпереселенца, который потеряв отца (а еще раньше мать) оказавшийся полным сиротой на попечении далеко не достигнутого юношеского возраста, брата, оказавшись неоднократно на грани смерти. Нашедший приют в интернате, ему удалось получить хорошее воспитание. Затем учеба в педучилище, в вузе, аспирантуре, ученая карьера. За всеми этими перечисленными ступенями жизни, кроются невероятные трудности, преодоления различного рода препятствия, бюрократического, административного, да и немало завистнического характера. Все это с большим

¹ Хайдаров Г.Х. История Таджикской ССР. (Учебник для 10-11 классов).

² Хайдаров Г.Х., Эркаев С.А. Колыбель историков (К 60-летию исторического факультета Худжандского госуниверситета). – Худжанд, 1996. – 200 с. – С приложенными иллюстрациями.

³ Хайдаров Г.Х. Альма-матер. (Мои воспоминания). – Худжанд, 2002. – 380 с.

⁴ Хайдаров Г.Х. Былое и думы. (Из воспоминаний). – Худжанд: Нури маърифат, 2004. – 465 с.

красочным мастерством ученого-публициста-писателя отражены в томах трилогии.

В отличие от многих мемуаристов, которые ставя себя в позу героя (смотрите серию таких мемуаров появившихся в 90-е годы XX и начале нынешнего столетия, в которых активные участники политического противостояния, а затем и гражданской войны пытаются на перегонки задним числом доказать свое пророчество в неизбежности гражданской войны и в её разжигания обвиняют кого угодно, только не себя, свои «стремления», в упреждающих действиях в отношении к началу войны, а затем свои «неимоверные усилия», чтобы пламя гражданской войны не охватила новые районы, и наконец, показать свою «определяющую» причастность в достижении национального примирения и стабильности в обществе) с несколько обиженным тоном пишут о том, что их заслугу не замечают и не оценивают по достоинству, профессор Г.Х.Хайдаров больше уделяет внимание описанию тех событий свидетелем которых являлся. При этом в той или иной мере, способствовала его росту, сложения как ученого общественного деятеля. Красной нитью в его воспоминаниях проходят описания исторических этапов возрождения таджикской государственности, ее сложения и развитие. Заслуги тех, которые были причастны к этому развитию.

С глубокой благодарностью вспоминает своих наставников, коллег по работе, о трудных моментах жизни. Вместе с тем, он пишет взвешенно, без тени обиды и очернения кого-то из своих недругов. Стараются во всех случаях, как подобает историку «зреть в корень», находить предпосылки, причины тех или иных негативных моментов в обществе, неудачи или удачи в своей жизни. Словом он себя видит в роли наблюдателя, который может научно мыслить и анализировать события.

Но без оснований можно заключить, что по своему познавательному и воспитательному значению мемуары профессора Гафура Хайдарова являются после «Воспоминания» устода С.Айни самым ценным и классическим образцом отечественной мемуарной литературы.

Немало заслуг профессора Гафура Хайдарова в воспитании научно-исследовательских кадров для республики и региона в целом. Его ученики работают почти во всем постсоветском пространстве и с благодарностью вспоминают своего мудрого справедливо-го наставника. Он является не только руководителем, консультантом несколько десятков своих прямых официальных учеников, но и в полном смысле слова кумиром большинства молодого, среднего

¹ Годы громовые (1941-1945). О вкладе согдийцев в победу в Великой Отечественной Войне. – Худжанд: Нури маърифат, 2005. – 324 с.

и выше среднего поколения историков, которые в той или иной мере ощутили его доброжелательные советы и руку помощи.

Профессор Гафур Хайдарович обладает всеми научными титулами и званиями, его многолетний труд удостоен орденами и медалями союзного значения, почетными грамотами высших органов власти республики. Но для ученого наивысшей наградой является признание всего народа его как истинного ученого правдивого историка. По содержаниям его научных, научно-популярных книг, учебников миллионы читателей познавали своё недавнее прошлое и современную историю.

В самом начале (15 января) минувшего года профессору, замечательному устоду Гафуру Хайдарову исполнилось ровно 80 лет. К этой дате был приурочен настоящий очерк. Но с учетом графика выхода в свет журнала, он в этом номере доходит до читателя. Нам же коллегам, ученикам и почитателям его удивительного таланта, неутомимого борца за правду истории позволено присоединиться к несколько ранее звучавшим поздравлениям, пожелать устоду крепкого здоровья, долгих лет жизни, так же завидной, в хорошем смысле слова работоспособности, на благо Отечественной исторической науки.

Социализм: теория и практика.
– 2007. – №1-2 (31-32). – С.161-145.

НАПЕРЕКОР ПРЕВРАТНОСТЯМ СУДЬБЫ

Хотя имеется множество способов достижения больших высот в служебной карьере и почетного положения в обществе, но на практике чаще наблюдаются три пути продвижения к желаемой цели:

а) независимо от способностей с помощью авторитетных, либо обладающих состоянием (каким путем, как правило, не имеет значения) родителей, родственников или близких людей, проталкивающих любым способом своего протеже, создавая ему необходимые условия для получения образования и продвижения по ступеням к намеченной карьере;

б) наличие необходимых условий для получения соответствующего желаемого образования, преумноженное на чувство долга и ответственности при исполнении своих служебных обязанностей;

в) при отсутствии какой-либо надежды на чью-то помощь, невзирая на явные нехватки, или почти без наличия минимальных жизненных условий, лишь своим упорством, целеустремленностью, преодолевая множество неимоверно трудных препон, шаг за шагом идти к намеченной цели.

Но все же сама жизнь и практика людей давно доказала, вновь и вновь доказывает одну и ту же простую истину. Те, которые с посторонней помощью, на шатком фундаменте легко двигаются к вершинам не заслуженной славы, либо застревают на полпути, либо падают с ее вершины.

В этом плане тысячу раз прав поэт, который написал эти строки:

*Дар җаҳон болу пари хеш кушудан омуз,
Ки паридан натавон, бо пару боли дигарон.*

В переводе:

*В этом мире своими крыльями учишь летать,
Ибо чужие не могут в воздухе тебя держать.*

Но, нет сомнений в прочности позиции тех, которым, вопреки трудностям, лишениям, вероятности сорваться, казалось бы, с непроходимой скалы в объятия небытия, суждено выкарабкаться и достичь достойного их усилиям положения в обществе. Другое дело, никто не в состоянии посчитать процент вероятности выживания такой категории людей, прежде чем им суждено достичь прочной позиции на пути к необходимым ступеням дальнейшего определения своего жизненного пути.

Типичным представителем тех, которые, находясь на краю пропасти в небытие, наперекор уготовленной им судьбой почти верной гибели, не только выжили, но и достигали желаемого места в обществе, является профессор Махмуд Маликов.

Его трагическое детство, казалось беспросветное отрочество и юность, служат типичным примером для тех, которым суждено самим определить жизненный путь, невзирая на любые трудности.

Середина августа 1939 года. По календарю она считается концом лета и заметно ощущается в горных районах Таджикистана, но в долинах по-прежнему природа находится во власти знойного лета. Это намного затрудняет работу земледельца: ему предстоит собрать без потерь, тот урожай, которым щедрая земля награждает настоящего труженика.

В эти дни у бедного крестьянина колхозника, жителя кишлака Пистамазара, Кипчакского сельсовета (впоследствии – совхоз Муминабад – 3, ныне дехканское хозяйство имени Саид Али Хамадони Кулябского района), Муминабадского района Хакима прибавилась еще одна, правда, отрадная забота: ожидание первенца в семье. Но это приятное ожидание несколько омрачало тревожное чувство: некоторая отдаленность от кишлака, где молодая чета, как и многие семьи, жила в шалаше (каппа) в летний период сельхозработ. А в кишлак, как правило, при родах приходят на помощь опытные женщины, выступающие в роли повитух, успешно справляясь с этой нелегкой задачей, принимать роды.

В такой обстановке 26 августа в этой далеко не обустроенной семье, в смысле жизненных условий, родился мальчик. Счастливым молодым родителям казалось, что в месте с новорожденным они стали обладателями невообразимого богатства. Ведь сын же, а это значит в будущем надежная опора для семьи. Посоветовавшись между собой, новорожденного нарекли именем Махмуд. Они были рады и тем, что рождение ребенка в такое, на их взгляд, благоприятное время является для него хорошим знаком. Это освобождает их от забот приобретения теплых пеленок и других необходимых тканей для колыбели.

Малыш быстро привык к материнской любви, в его сознании весь мир замкнулся в материнском молоке и в бесконечно близкой к его душе ласке. По истечении времени он привык и к уставшим, но гордым взглядам своего отца. Молодой, порой с обросшей бородой, после тяжелой работы на колхозном поле, Хахим, вернувшись домой, первым долгом сразу начинал общаться с сыном. Разумеется, были и близкие родственники, узнавшие о рождении ребенка, вначале хотя и редко, но посещали их шалаш. Они молодым родителям давали понять о своей готовности поддержать семью во всех ее трудностях. Но, вскоре, с головой окунувшись в бесконечные проблемы жизни своих семей и домашнего хозяйства, все почти вовсе забыли о существовании молодой семьи до глубокой осени, до ее возвращения в кишлак, чтобы приютиться в полуразва-

лившейся кибитке, оставленной им в наследство от рано покинувших этот бранный мир родителей Хакима.

Тем временем малыш в этом семейном очаге все больше влиялся в повседневную их жизнь: сделал первые шаги, начал произносить первые слова. Правда, пока в его небогатом лексиконе самыми любимыми были: мама и папа, а затем появились и другие, нужные для удовлетворения детской прихоти или каприз слова. Порою, поддавшись забавам общения с любимым малышом, родители на время забывали о бессчетных домашних нуждах в продовольствии, одежде, тепле и т. д. В таком монотонно беспросветном ритме жизни они ожидали весенних теплых лучей солнца, чтобы вернуться для выполнения тех же изнурительных, выпавших на долю крестьянина – колхозника работ. Но они были несравнимыми с долгими холодными ночами, проведенными в не отапливаемой глинобитной развалухе, когда, держа малыша в своих объятиях поочередно, родители согревали его своим телом...

На смену зиме пришли теплые весенние дни, а затем и знойное лето, которое они провели в том же шалаше, с теми же повседневными работами и заботами, и опять зима... Если не считать, что Махмуд, как и другие полутора – двухгодовалые дети, уже свободно мог ходить, бегать и с присущим этому возрасту беспокойством всегда находиться в движении, что несколько прибавило беспокойств и забот матери. У них родился еще и второй ребенок, которому дали имя Абдухамид. В остальном жизнь для семьи Хакима проходила в том же ритме.

Разумеется, молодой отец в надежде на лучшее обустройство семейной жизни на колхозном поле работал, не покладая рук. Но по воле судьбы на долю всех народов обширной страны Советов выпало труднейшее испытание: началась Великая отечественная война.

Хотя Таджикистан за тысячи километров находился вдали от линии фронта, но сполна испытывал свою непосредственную причастность к той всеобщей борьбе против фашистского полчища, развернувшуюся на всей территории огромной страны. Этого не могли не испытать и трудящиеся Кулябской области. Лозунг «Все для победы, все для фронта!» обязал всех перенести на второй план все личные нужды. Хаким, испытывавший повседневную нужду во всех отношениях семейной жизни и быта, не мог стать безучастным наблюдателем в данной ситуации. Как и другие мужчины, бывшие в то время в расцвете сил, он изъявил желание пойти на фронт, но по состоянию здоровья отложил его призыв и отправку. Действительно, к тому времени он все больше и больше чувствовал тяжесть и недомогание в области живота. Разумеется, определить причину болезни заранее при отсутствии в то время квалифициро-

ванных врачей было трудно, но вероятность постоянного недоедания все же существовала. Вскоре болезнь усилилась. Молодой отец, мечтавший вывести своих малышей в люди, покинул мир, оставив их на произвол судьбы.

В данной ситуации не было предела горю молодой вдовы Киматгул, на нее одну выпала вся неизмеримая тяжесть содержания малышей. Не имея ни своего сносного домашнего очага, ни средств на содержание детей, она осталась в том же крестьянском летовке — шалаше. Безысходность положения, прежде всего ради спасения своих малышей, вынудила ее согласиться на предложение местного муллы выйти за него замуж и переселиться в его дом в кишлаке Джеркала, несмотря на то, что он был в солидном возрасте и имел жену и взрослых детей.

Жизнь в доме Мулло Изатулло вскоре обернулась в сущий ад. К новой жене и ее детям как сам мулло, так и все его домочадцы относились безжалостно. Впроголодь она не покладая рук, работала в его доме с зари до ночи, взамен только слышала лишь упреки, что она со своими детьми стала обузой и с их приходом якобы исчезло бывшее домашнее благополучие. К этому прибавилась и постигшая смерть младшего сына, Абдухамида, которому едва исполнился три года. Не выдержав горя потери любимого мужа, отца своих детей, сына и постоянного унижения в доме мулло, Киматгул скончалась. Вскоре Мулло Изатулло в жены привёл в дом молодую девушку. Она оказалась чересчур злобного характера, ревниво относилась к другим членам семьи, в особенности к Махмуду.

Несмотря на, казалось бы, детский возраст, всего 5 лет, все же невыносимые условия жизни в доме Мулло Изатулло заставляли Махмуда думать и принимать решения по-взрослому. Учитывая безвыходность своего положения, ему пришлось, стиснув зубы, терпеть все издевательские отношения к нему. С раннего утра до поздней ночи он выполнял бесконечные поручения по дому: пас скот, косил траву, собирал хворост и кизяк для варения похлебок, вместе с взрослыми мешал глину для разного рода построек и покрытия крыш. В жаркое летнее время собирать колосья после жатвы, осенью собирать хлопок и т.п. входило в прямых и постоянных его обязанности. Жил в проголодь. Поздно вечером его ужин как обычно состоял из оставшихся после других мучной похлебки (отола, атола) и куска тонко выпеченной лепешки (чапоти). После этого начинались мучительные думы, где проводить ночь. У него не было своего постоянного места и постели. В летнее время он, уставший от дневных непосильных работ, выбирал для себя место для сна, в поле на только что вспаханном участке земли; осенью — где-нибудь в полуразвалившихся помещениях для хранения сена, порою даже в коровнике, зимой в чулане и прочих подобных местах.

Достаточно вспомнить один лишь эпизод из сиротской жизни Махмуда. В одну из летних ночей после непосильных очередных побоев молодой жены Мулло Изатулло он убежал из дома и провёл её в хлопковом поле. Когда Махмуд вздремнул, то вдруг почувствовал сильную боль в левой ноге. Проснувшись увидел небольшого зверька, который пытался вырывать своим укусом три пальца его левой ноги. От невыносимой боли он потеряв всякое чувство боязни, ухватил зверя за голову, многократно ударил его о землю, и даже после того, как он уже был мертвым, долго не переставал его бить. Это был один из шакалов, которые часто бродили в пашнях около кишлака. Придя домой с окровавленной ногой, он притащил мертвого шакала. Но даже при этом Махмуд не испытывал никакой к себе жалости со стороны членов семейства муллы.

Прошло два года после смерти матери. Махмуду уже было семь лет. К тому времени закончилась война, начались годы послевоенного восстановления. Но эти перемены не меняли обычный ритм жизни мальчика. Они еще больше усугублялись тем обстоятельством, что его нужно было устроить в школу. Мулло Изатулло вынужден был подчиниться советскому Закону о всеобщем и разрешил Махмуда пойти в первый класс, без какой-либо предварительной подготовки к учебе, без сколько-нибудь сносной одежды на босу ногу, без карандаша и тетрадей. Ранее использованный карандашик и тетрадь дали ему в школе.

Учеба не облегчила трудовую обязанность первоклассника по дому, к тому же прибавилась и подготовка школьных заданий. Днем для этого не было времени. Когда наступал вечер, хозяин дома, чтобы сэкономить керосин, тушил единственную фитильную лампу и всех заставлял лечь спать. Добросовестный, жаждущий знания ученик Махмуд не знал, как выйти из данной ситуации. Помогли выходки самого Муллы Изатулло. Дело в том, что потушив фитильную лампу, после некоторого времени он, как правило, выходил из дома, не возвращаясь порою почти до самого утра. Махмуд, бодрствуя, ожидал его ухода, брал лампу и спички, пробравшись в котловину за домом, где месили глину для штукатурки стен, готовился к урокам. Разумеется, он тогда не знал причину «ночной прогулки» мулло. Став взрослым, он понял, что у этого любвеобильного служителя религии была еще одна жена в соседнем кишлаке.

Здесь уместно упомянуть одну, не то забавную, не то грустную историю, связанную с усердной ночной подготовкой к урокам Махмуда. В одну из темных ночей, когда при свете фитильной лампы в той же яме он готовил уроки, мимо проходил соседний мужчина в годах. Увидев свет, он сильно испугался. Пришёл домой, и рассказав о наличии сатаны за домом Мулло Изатулло, упал без со-

знания. После долгого лечения его поставили на ноги. Но он та и боялся по ночам выходить из дома. Только спустя почти два десятилетия, Махмуд уже с университетским образованием признался, что этот уже старый человек тогда его принял за сатану. Старик до самой смерти с присущей ему забавной манерой, рассказывал об этой истории. Так начался долгий и сложный путь бедняка Махмуда к азам знаний.

Прошел первый год учебы. Преуспевающий ученик Махмуд, услышал о наличии детского дома в соседнем кишлаке Тебалай. С помощью учителей, которые были в курсе о безвыходном положении мальчика, приняли его в это, в то время для сирот спасительное учреждение. Теперь он находился ни в чем несравнимом положении в отличие от прежней жизни. Но не суждено было ему долго продолжать учебу и проживать в детском доме. После окончания второго класса тот же Мулло Изатулло, чтобы снова привлечь уже более окрепшего ребенка для хозяйственной работы, используя свой авторитет, забрал мальчика с детского дома, привел к себе домой.

Под настоящей пыткой в доме, так называемого отчима (правда, бывшего), он жил еще два года. Правда, его терпение и силы были на исходе, когда в один из летних дней навестила этот ненавистный Махмуду дом его родная тётя по матери Менглихол. Видя ужасное положение мальчугана, в грязной рваной одежде, с босыми ногами, с кровоподтечными пальчиками, долго плакала. Но, учитывая трудности своего домашнего положения, она не знала, как поступить. Такая неопределенность диктовалась и тем обстоятельством, что она не могла пренебрегать мнением авторитетного хозяина, который в то время не был дома. Махмуд, видимо, чувствуя это, громко рыдая, просил тетю забрать его. Тем временем тетя в надежде, что мальчик может после ее ухода успокоится, прощаясь, собралась в обратный путь. Махмуд, не желая упустить последнюю надежду на спасение, с громким рёвом не отпускал подол платья тети почти до половины дороги к месту её проживания, Пистамазору.

Жизнь в доме тети Менглихол, которая сама испытывала большую нужду, хотя далеко не назовешь благополучной, но по сравнению с тем кошмаром, который испытывал Махмуд в доме Мулло Изатулло, была куда более сносной. Самое главное, у него было время готовиться к урокам, прочно держаться в числе преуспевающих учеников.

Бедность не была помехой снискать уважение среди учеников и учителей. Он впоследствии всегда тепло и с благодарностью вспоминал ту доброту, которую оказывали ему отдельные учителя. Давно находящийся на вершине авторитета, профессор Махмуд

Хакимович, часто, с особой теплотой и благодарностью отзывается о молодой учительнице русского языка и литературы Елене Беловой, приехавшей по направлению в этот отдаленный кишлак Таджикистана из России. Бедственное сиротское положение ученика Махмуда, видимо, вызывало у нее чувство жалости и ее отношения к нему были сродни материнским ласкам. Профессор Махмуд Маликов до сих пор в общении с друзьями и коллегами часто вспоминает об определяющем участии этой простой русской учительницы в его судьбе.

После успешного окончания семи классов Пистамазорской семилетней школы (по положению того времени эта школа давала неполное среднее образование) руководство наотрез отказалось дать ему соответствующее свидетельство об окончании школы, ссылаясь на то, что в соседнем кишлаке Кипчак уже открыли среднюю школу. Махмуд тогда, по-взрослому думающий подросток, давно пришёл к выводу, что дальше тете будет все тяжелее содержать его. Он решил учиться продолжать с таким расчетом, чтобы скорее приобрести специальность и устроить свою самостоятельную жизнь. Так как при выборе будущей профессии для него самой престижной считалась профессия учителя, он хотел продолжить учебу в Орджоникидзеабадском (ныне Вахдат) педучилище. О существовании такого училища он слышал от своих учителей. Но, натолкнувшись на чуждое отношение директора школы, а затем и районо, он понял, что без посторонней поддержки не обойтись. В отличие от многих учителей, которые безучастно смотрели на это, к счастью Махмуда, единственным человеком, который протянул ему руку помощи, была Елена Белова.

Она, несмотря на дальность дороги (примерно 20 км) до райцентра, пешком повела мальчика на прием к заведующему районо. После настоятельного требования учительницы, наконец, они получили разрешение зайти в его кабинет. Безучастно реагируя на их вхождение, этот костляво-худой и чрезмерно грубый чиновник, по имени Назар Далиев, кивком головы дал понять учительнице, чтобы та села на стул напротив него. Махмуд в рваной одежде, почти у двери стоял с виновато опущенными глазами, затаив дыхание, в ожидании решения столь важного для его судьбы вопроса. Но на все аргументы, приведенные учительницей о том, что мальчик является круглой сиротой, находится в безысходном положении, что ему нельзя препятствовать в получении какой-либо специальности, чтобы вступить в самостоятельную жизнь, она в безжалостно-грубом тоне получила отказ. Махмуд, наблюдая эту сцену и окончательно убедившись в безысходности разговора, не выдержав, начал громко рыдать. Но все это не подействовало на хозяина кабинета.

Выходя из кабинета, учительница не могла найти для него слов утешения. Едва удерживая слезы, она сказала: «Махмудчик, видимо, судьбе угодно испытать тебя на прочность. Ты не унывай, всему приходит конец. Ты только держись. Видимо, не суждено тебе продолжать учебу в педучилище. Мы сильно проголодались, может, пойдем перекусим что-ни будь в столовой». Впервые за свою жизнь так вкусно и сытно Махмуд пообедал. Они вернулись в обратный путь. Пройдя примерно два километра, вдруг учительница, остановив Махмуда, сказала: «Слушай, мы не испробовали еще один шанс, говорят первый секретарь райкома – очень хороший и душевный человек, может к нему пойдем?» И, они повернулись обратно в райцентр.

В отличие от заведующего районо на прием к секретарю райкома Джурабекову попасть куда было легче. Он оказался на редкость интеллигентным и заботливым. Выслушав просьбу учительницы о необходимости помочь мальчику сироте и узнав о недостойном поведении заведующего районо, секретарь, не скрывая своего возмущения, дал указание о немедленной его явке к нему. Не прошло и пяти минут, как впопыхах явился заврайоно. При них секретарь на повышенных тонах, отчитав чиновника, велел немедленно написать свидетельство и вручить мальчику в этом же кабинете в его присутствии. После того, как тот принес готовый документ, секретарь, увидев высокие оценки, сам радостно вручил его Махмуду. Затем, повернувшись к заведующему районо:

– А теперь скажи, сколько у тебя в кармане денег. Тот, торопясь, вынул из кармана все, что было. Оказалось две или три пятирублевые купюры.

– Не густо, дай мальчику! Это тебе за те слезы, которые ты проливал в его кабинете. Мы обязаны заботиться о сиротах, тем более что мальчик усердно учится и хочет самостоятельно определить свое будущее. Я тоже вырос сиротой, если бы не забота представителей власти, вряд ли я мог бы оказаться на этом месте.

Затем он поблагодарил учительницу за проявленную заботу о своем ученике, повернувшись к Махмуду, секретарь продолжил:

– Только учись, сынок, невзирая ни на какие трудности, уверен, что в обществе найдешь свое достойное место. Желаю тебе успеха.

Выходя из кабинета секретаря, несколько изумленный и вместе с тем окрыленный его напутствием, Махмуд не знал, как выразить ему свою искреннюю признательность. Он ясно видел и радость в глазах учительницы. От радости они не заметили, как добрались до своего селения.

Через несколько дней Махмуд в конце июня 1956 г. все же собрался в путь. В день прощания, с раннего утра почти до рассвета, он отправляется в путь. Все, чем тетя могла помочь, были напут-

ственные слова и три тонкие лепешки (чапоты), которые вместе со свидетельством об окончании семилетки она, завернув в марлевый платок, привязала к поясу мальчика. К тем деньгам, который по велению секретаря райкома дал ему заведующий районо, накануне несколько рублей добавила на его поездку и учительница.

Вместе с двумя более взрослыми попутчиками односельчанами, также желавшими учиться, добравшись пешком до областного центра, Куляба (свыше 20 км), Махмуд не заметил, как его товарищи зашли в автобус, он, подумав о том, что его денег может и не хватить на оплату проезда, не решался сесть в автобус.

После долгого ожидания, наконец, появился попутный грузовик ЗИС-5. Махмуд, не спрашивая разрешения водителя, тайком пробрался в кузов. Шофер, проехав почти 100 км до Дангары, не заметил, что в кузове находится мальчик. Лишь после того, как остановив машину, хотел пообедать, заметил его. Изумленный русский водитель спросил об этой самовольной его выходке. Махмуд со слезами объяснил, что у него мало денег и что шофер не согласился бы его везти. Водитель оказался добродушным человеком. Посмотрев на его пыльную грязную одежду, поверил, что он не из тех городских оборванцев-воришек, на чисто таджикском языке пригласил его обедать в месте с ним. Затем велел юному попутчику-»зайцу» зайти в кабину. Между ними завязался дружеский разговор. Так как было позднее время и мальчик в Орджоникидзебаде не знал никого, шофер привез его в Душанбе и повел к себе домой. После того, как Махмуд с большим удовольствием вымылся в бане, он сытно поужинал и лег спать. Утром, поблагодарив доброго водителя и его гостеприимную жену, захотел каким-то образом добраться до Орджоникидзебада. Но водитель, заметив в его лице некоторую растерянность, сам на своем же грузовике повез этого искателя знаний до нужного пункта.

В этом незнакомом городке Махмуд первым долгом подумал о том, как жить, где найти приют, хотя бы до начала вступительных экзаменов. После долгого брожения по пыльным улицам, на автомобильной станции ему удалось познакомиться с заведующим овощным ларьком, который определил его подсобником в своем хозяйстве. В его задачу входило, выполнение разных работ по дому и в сравнительно небольшом подсобном хозяйстве.

Таким образом, прошел месяц. За день до начала вступительных экзаменов в награждение за его усердный труд, хозяин, расщедрившись, купил Махмуду один комплект нижнего солдатского белья и резиновые тапочки. В таком одеянии он явился сдавать первый вступительный экзамен. Сдав все экзамены на «хорошо» Махмуд был зачислен в ряды учащихся педагогического училища физического воспитания. Стиснув зубы, он выдержал насмешливые

взгляды сокурсников. Но вскоре, в ходе учебы эти насмешки, заменились уважительным отношением к нему. Теперь от этого юноши, передовика учебы и общественника, многие ждали помощи. По результатам экзаменов первого полугодия отличник учебы и повышенный стипендиат Махмуд, окончательно утвердился в общей атмосфере училища.

Если не считать некоторых затруднений, испытываемых Махмудом в обеспечении своего нормального запроса в питании и одежде, которые порой восполнялись за счет доходов, получаемых от участия в сельхозработках (сбор овощей, фруктов, хлопка), в остальном годы учебы в училище в кругу друзей прошли незаметно.

В 1959 году выпускник училища с красным дипломом, уже солидно повзрослевший Махмуд, по совету друзей и направления училища, сдав вступительные экзамены, поступил на вечернее отделение юридического факультета Таджикского госуниверситета. Параллельно с учебой он начал работать сотрудником отдела внутренних дел Октябрьского (ныне Исмоила Сомони), района города Сталинабада (Душанбе). Но по воле судьбы ему не суждено было посвятить себя, по тогдашнему его воображению, мужественной профессии работника юриспруденции.

В 1960 г., едва начались занятия второго года обучения, как он был призван служить в ряды Советской Армии. Следует отметить, что годы службы для него не только стали годами прохождения школы мужества, но и способствовали получению высоких организаторских навыков руководства общественно-политической работой. Сам факт избрания его в должности секретаря комсомольской организации полка, а затем и дивизии, не требует лишних комментариев. О достижениях им высоких показателей свидетельствуют его награждения Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и Министерства обороны СССР.

Работа в руководящих органах комсомола в годы военной службы требовала от молодого организатора глубоких знаний общественных наук, и в этом направлении определяющее значение истории стало той притягательной силой, которая повернула интересы молодого искателя знаний к профессии историка. В этой связи уместно отметить, что в советское время профессия историка считалась одной из престижных. Как показало время, в этом выборе он не ошибся. При душевном разговоре, будучи в солидном возрасте, да и ныне друзья неоднократно из его уст слышали признание в том, что «если ему будет суждено заново выбирать для себя желаемую профессию, то он, не задумываясь, выбрал бы профессию историка».

Три года военной службы для комсомольского вожака, нахо-

дившегося в постоянной суете, Махмуда Маликова, прошли почти незаметно. Вот уже позади военная служба, а впереди думы об осуществлении мечты о выборе достойной профессии. Он еще на втором году службы выбрал окончательно и бесповоротно для себя профессию историка.

Учитывая желание Махмуда о поступлении в высшую школу, начальство дивизии, в качестве исключения, приняло решение демобилизовать его до начала вступительных экзаменов. Не успев сменить военную одежду на гражданку, с 1-го августа 1963 г. начались вступительные экзамены. Сдав их успешно, он поступил на первый курс исторического факультета Таджикского государственного университета (ныне Таджикский национальный университет).

Студент первого курса с солидным багажом историко-политических знаний, приобретенных будучи комсомольским работником, через несколько недель учебы уже стал выделяться среди своих сокурсников. Осенний и весенний семестры были подытожены на «отлично». На его способности обратили внимание педагоги – ведущие ученые республики академик М.И.Иркаев, доктора исторических наук, профессора Д.Е.Хайтун, А.Г.Слонимский, А.А.Бенедиктов, М.Б.Бабаханов, Х.Н.Назаров и др. По их рекомендации он не только с докладами выступал на различных студенческих кружках, конференциях, но неоднократно ему удалось стать призёром республиканских студенческих олимпиад. Выступал с научными докладами на Всесоюзных научных конференциях, состоявшихся в городах Киеве, Ташкенте, Свердловске.

Успехи студента Махмуда не могли не радовать его учителей – наставников. В этом плане ему повезло и тем, что его попечительство взял на себя выдающийся педагог и ученый, заведующий кафедрой истории КПСС, академик Академии педагогических наук СССР М.И.Иркаев. Поручая Махмуду Маликову написать доклады на злободневные вопросы современной истории Таджикистана, этот опытный ученый постепенно прививал ему навыки научно-исследовательской работы.

С одной стороны, отсутствие посторонней помощи, с другой, жизненные навыки, приобретенные в годы военной службы, выработали в Махмуде способность самому заботиться о себе. Разумеется, даже та сумма повышенной стипендии, которую он получал, не могла обеспечить его потребности как студента, по возрасту несколько старше своих однокурсников, которым еще не приходилось проходить военную службу. Нужно было прилично одеваться, нормально питаться, да и иметь возможность покупать необходимые для учебы предметы, самое главное – книги, которые он любил и всегда старался, чтобы их приобрести в книжных магазинах.

Благо, что для этого была возможность зарабатывать. Источниками таких доходов были участие в студенческих строительных отрядах, которые стали традиционными в период летних каникул, участие в сборе хлопка, ставшее одним из главных атрибутов студенческой поры, да и другие временные работы, как разгрузки вагонов на железнодорожном вокзале и т.п. В этом плане, проявляя активность, Махмуд Маликов мог накопить приличную по меркам того времени сумму для сравнительно нормального обеспечения своих потребностей.

Примерно в таком размеренном русле по студенческим подсчетам прошло восемь семестров учебы. Теперь у выпускника Махмуда Маликова несколько усложнилась задача. Он должен образцово завершить учебу для того, чтобы получить возможность посвятить себе науке. В отличие от многих своих однокурсников у него шансы были куда больше и надежнее. Ведь он находится под попечительством одного из самых авторитетных и титулованных педагогов университета Мулло Иркаева. В конце четвертого года обучения, вызвав своего подопечного, устод окончательно определил тему его дипломного проекта. Будущий специалист должен был с твердой научной позиции анализировать ранний процесс осуществления плана электрификации Таджикистана.

Весной 1967 г. при распределении будущих выпускников по рекомендациям Мулло Иркаева в официальном направлении Министерства образования была внесена запись «ТГУ, кафедра история КПСС». Окрыленный заботой устода в определении его будущего, блестяще защитив дипломный проект, если брать в расчет раннюю его работу в ОВД Октябрьского района г. Душанбе, уже можно сказать, заново и на более прочном фундаменте, он начал свою трудовую деятельность специалиста – историка с достаточно высокой квалификацией в качестве ассистента упомянутой кафедры. Сейчас по истечении 46 лет после того памятного дня все больше и больше убеждаешься в дальновидности устода, определившего главное исследовательское направление своего ученика.

Верность исследованию истории развития энергетики, определению ее приоритетного места среды других научных проблем профессором Махмуд Хакимовичем сохранена до сих пор. Судя по его твердым намерениям, которые он не скрывает от друзей, коллег, и в перспективе данная тематика остается определяющей в его исследовательской деятельности. И еще один пример сохранения его верности. Учитывая важность решения энергетических проблем в суверенном Таджикистане, ученый не только всецело является сторонником и ярким пропагандистом политики руководства республики, главным образом Президента страны в этом направлении, но и стремится реализовать свои намерения на практике со-

здания своей научной школы. По рекомендации его ученики последователи с большим энтузиазмом работают над различными историческими аспектами данной проблематики.

Разумеется, молодой специалист Махмуд Маликов в то время еще не мог до конца осознать дальновидности решения своего мудрого кумира Мулло Иркаева. После трех лет преподавательской работы, в 1970 г. поступив аспирантуру по рекомендации устода, он избрал тему своей диссертационной работы «Руководство Компартии Таджикистана электрификацией села (1956-1965 гг.)». Углубление научного поиска по данной проблеме, наконец, своевременная защита в марте 1973 г. – все прочнее убеждало его в верности и актуальности выбора темы.

Теперь официально утвердившийся ученый, кандидат исторических наук, а с 1975 г. доцент, Махмуд Маликов все чаще выступал с научными докладами на Всесоюзных научных симпозиумах и конференциях, все больше снискал признание и уважения среди ученых. А в самом родном университете, помимо признания его как ученого, высоко ценили и его организаторский талант. Вскоре, учитывая эти его качества, по рекомендации Правления высшей школы при Министерстве просвещения он был рекомендован на должность проректора по учебной работе Кулябского государственного педагогического института.

Руководство министерства не ошиблось в своем выборе. В этом вузе он раскрыл намного шире свой организаторский талант. По его участию в содействии и личной инициативе в институте были открыты 12 новых кафедр, выпущено около 40 солидных монографических исследований и научно-методических пособий, организован целый ряд республиканских конференций по различным научным – практическим проблемам.

Несмотря на свою успешную работу в должности проректора, все же большая тяга к научно-исследовательской работе приводила Махмуда Маликова к твердому решению завершить свою докторскую диссертацию. Для этой цели по его просьбе он был переведен на должность старшего научного сотрудника при Московском государственном педагогическом институте.

Благодаря своей усердной работе под руководством видного советского ученого, доктора исторических наук, профессора В.И.Ведерникова, Махмуд Маликов в намеченный срок (1988 г.) защитил докторскую диссертацию на тему «Руководство Компартии республик Средней Азии электрификацией сельского хозяйства (1966-1985 гг.)». Работа, написанная, опираясь на твердую документальную основу и раскрывавшая многие злободневные проблемы, связанные с общесоюзной программой региональной электрификации села и с учетом экологических послед-

ствий, получила высокую оценку официальных и неофициальных оппонентов.

Вернувшись в свой вуз, Кулябский госпединститут в 1987-1990 гг. доктор исторических наук, Махмуд Маликов работал доцентом кафедры истории, профессором, в 1990 г. – проректором по научной работы, а с начала 1990 по 1993 г. – ректором. На всех этих должностях он показал образцовый талант ученого, руководителя вуза. Сам факт выхода его фундаментального монографического исследования «На индустриальные рельсы» (Душанбе: Ирфон, 1992), свидетельствует о серьезности намерения автора, расширить и углубить свои научные изыскания в этом направлении.

Сложности политического обстоятельства в республике, начало гражданской войны породили множество трудностей в управлении в то время периферийными вузами, с одной стороны, отсутствие соответствующих условий для ведения научно-исследовательской работы, с другой, да и целый ряд других причин, в частности, семейной, вынудили его принять решение о добровольном уходе от должности ректора.

Переехав в Душанбе в начале сентября 1993 г., он был избран заведующим объединенной кафедрой политической истории Таджикского государственного национального университета (ныне Таджикский национальный университет), на которой работали около 40 опытных и остепененных ученых республики. За короткий срок до приостановления деятельности кафедры в связи с структурным реформированием работы вузов, и его перевод на должность профессора кафедры политологии ТГНУ, ему удалось сделать много для укрепления научного потенциала и усовершенствования учебно-методической роли кафедры.

Учитывая научный потенциал и высокие организаторские способности, профессор Махмуд Маликов в 1998 г. был приглашен на должность заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Российско-таджикского (славянского) университета (РТСУ). Вскоре по расширению потенциала этого вновь образованного престижного вуза, кафедра была переименована на кафедру Истории и международных отношений (ныне кафедра Отечественной истории). За сравнительно небольшой срок (1998-2001 гг.) ему удалось укомплектовать кафедру за счет ведущих ученых – педагогов и поднять ее на уровень образцовых кафедр университета.

После гражданской войны республика бесповоротно вступила на путь политической стабилизации, построения демократического общества. Заметные успехи всерьез наблюдались и в сфере высшего образования. Казалось, для профессора Махмуда Маликова, появились все условия для осуществления давно вынашиваемого плана создания фундаментальной работы по истории и перспективе

достижения энергетической независимости республики. Но по воле судьбы он столкнулся с новым в его жизни испытанием: перенес страшный недуг первой стадии инфаркта (микроинфаркт). На радость семье, детям и друзьям, благодаря внутренней воле, ему удалось выкарабкаться и вскоре, по истечении нескольких месяцев вернуться к полноценной профессиональной деятельности и продолжать работу над исследованием намеченной проблемы касательно развития энергетического потенциала республики, да и ряда других монографических исследований и учебно-методических пособий. Увидевшая на днях свет его книга (в соавторстве) «Россия – Таджикистан: история взаимоотношений» и подготовка к печати программы и пособия по «Истории таджикского народа» для исторических факультетов вузов республики являются ярким примером его профессионального упорства в этом направлении.

Разумеется, полноценный анализ и достойная оценка монографических исследований и других работ по различным направлениям современной истории профессора Махмуда Маликова может занимать изрядное количество страниц. Но, учитывая то, что они в известной мере стали объектом пристального внимания ряда авторов настоящего сборника, мы сознательно сузили рамки своего повествования, лишь ограничив их несколько поверхностным описательным очерком главных эпизодов его сложного жизненного пути.

В эти дни, когда устод Махмуд Хакимович Маликов встал на порог своего славного семидесятилетия, нам многочисленным его друзьям, коллегам, ученикам, да и широкому кругу читателей, интересующихся современной отечественной историей, остается искренне пожелать ему доброго здоровья, еще на десятки лет похорошему завидной трудоспособности во благо процветания нашей исторической науки.

*Сб.: Ученый и педагог по призванию.
(К 70-летию профессора Махмуда Маликова).
– Душанбе: РТСУ, 2009. – С.3-22.*

СОДЕРЖАНИЕ

С.Мухидинов. Вклад профессора Хайдаршо Пирумшоева в развитие отечественной историографии 5

Глава I. Актуальные проблемы исторической науки

Концептуальный взгляд Б.Г. Гафурова на древней истории таджиков	19
О необходимости сотрудничества ученых в изучении истории Центральной Азии	32
Основные проблемы исследования истории Центральной Азии эпохи средневековья, и нового времени	40
Время породившее гения	46
О проблеме датировки восстания Восе в таджикской историографии.....	84
Развитие исторической науки Таджикистана в годы независимости	100
Взаимосвязь политических процессов Таджикистана с мировыми и региональными процессами	107
Таджикистан – источник зла: кому это выгодно?	111

Глава II. К истории городов Восточной Бухары

Калаи-хумб – столица позднесредневекового Дарваза.....	122
Город Куляб в конце XIX – начале XX вв.	128
Историко-географические сведения о городе Бальджуане в работах дореволюционных русских авторов	148
Первые письменные свидетельства о Душанбе.....	157
Бухара в годы первой мировой войны.....	165
Истаравшан в отечественной историографии.....	172

Глава III. Из истории историографии Российско-среднеазиатские отношений

Российско-среднеазиатские отношения и англо-русское соперничество в регионе первой половины XIX в.....	188
Роль русских исследователей в формировании исторического самопознания таджикского народа	212
Вклад русского географического общества в историко-этнографическое изучение Таджикистана	219
К истории русско-среднеазиатских отношений в средние века ..	224
Российско-бухарские отношения накануне присоединения Средней Азии к России.....	240

Таджикистан – Россия: исторический опыт сотрудничества в 90-е годы и его перспективы	252
--	-----

Глава IV. Проблемы истории Памира и Бадахшана

Памир и Бадахшан в XVI – середине XIX в.....	258
Политическая обстановка на Памире в первой половине XIX в.	270
Горный Бадахшан и русский памирский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков	287
Памирское разграничение 1895 года: историко-политический аспект	304
Дарвазское шахство до присоединения к Бухарскому Эмирату (в русской историографии)	324

Глава V. Вклад исследователей в изучении истории и культуры таджикского народа

Академик В.В. Бартольд – историограф истории народов Средней Азии	337
А.А. Семенов – историограф.....	346
Бободжан Гафуров: от журналистики к исторической науке	355
Б.Г. Гафуров – историограф истории Центральной Азии	371
Академик З.Ш. Раджабов выдающийся историограф и исследователь российско-таджикских отношений	382
Непревзойденный исследователь истории Восточной Бухары и Памира	393
Гордость исторической науки	409
«Таджикский феномен» академика Нумона Негматова	422
Неутомимый борец за правду истории.....	438
Историк по призванию	473
Из когорты ведущих историков отчизны	478
Борец за правду истории.....	495
Наперекор превратностям судьбы	511

Хайдаршо Пирумшоев

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И
ИСТОРИОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

(Сборник статей)

Часть 1.

Художественный редактор *Ромиш Шерали*
Технический редактор *Бахтиёр Гаффоров*

Подписано в печать 15.12.2014.
Формат 60x84 1/16. 33.0 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии
Минобразования и науки Республики Таджикистан

